Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кыргызско-Российский Славянский университет»

На правах рукописи

Волков Иван Васильевич

Исторические аспекты цивилизационной политики царской России в Средней Азии

Специальность: 07.00.02 -
Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор
Александр Антонович Колесников

Бишкек – 2020

Оглавление

Введение 3
Глава 1. Теоретико-методологические, историографические и источниковедческие проблемы анализа роли России в исторических судьбах народов Средней Азии 17
1.1. Теоретико-методологические основы исследования 17
1.2. Историографический обзор проблемы 33
1.3. Источниковедческий анализ проблемы 65
Глава 2. Административно-судебные и охранительные функции царской власти в Русском Туркестане 78
2.1. Административно-судебная политика царизма в регионе 78
2.2. Охранительные функции царской власти в Средней Азии 113
Глава 3. Экономическая политика царского правительства в Средней Азии .. 155
3.1. Торгово-экономические связи царской России и Средней Азии 155
3.2. Индустриальное и аграрное развитие в Русском Туркестане 188
Глава 4. Социальная политика Российского государства в Средней Азии второй половины XIX – начала XX вв. 234
4.1. Мероприятия русской власти в сфере здравоохранения в регионе 234
4.2. Политика царского правительства в сфере образования в Русском Туркестане 272
Глава 5. Переселенческая политика царизма в Средней Азии 315
5.1. Нормативно-правовое регулирование переселения в регион 316
5.2. Переселение как канал межцивилизационного взаимодействия в Русском Туркестане 346
Заключение 384
Список источников и литературы 395
Приложения 505

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена ростом процесса глобализации в современном мире, неоднозначным по своей природе. С одной стороны, появляются признаки формирования планетарной цивилизации, основанной на обширном экономическом и ином сотрудничестве, с другой – каждая страна старается сохранить ценности своего традиционного уклада жизни. Это явление объективно и диалектично, в нем активно взаимодействуют все категории, в частности, *общего, единичного* и *особенного*. Оно имеет глубокие исторические корни, уходящие во времена Великого Шелкового пути как канала межцивилизационного взаимодействия стран Востока и Запада. Позже его значение ослабло, но на смену ему пришли Великие географические открытия, связавшие цивилизационными узами передовую Европу с отдаленными и отсталыми в развитии регионами мира. Таким образом, формы межцивилизационного взаимодействия стран и народов функционируют в мире издавна.

Представляется очевидным, что это взаимодействие было недолго спонтанным и хаотичным – в эпоху колониальных захватов оно приобретает политический характер, то есть становится важным компонентом зарубежных мероприятий европейских держав. Формируется *цивилизационная политика*, как арсенал средств и методов приобщения и приучения народов завоеванных стран к тем жизненным порядкам, которые были полезны и выгодны колонизаторам. Ее важной составной частью стало христианское миссионерство. В разных местах мира такая политика была насильственной и грубой, но она имела и свои результаты, порождая фактически повсеместно и практические позитивы, изменявшие в той или иной мере жизнь покоренных людских сообществ в отсталых странах Азии, Африки и Латинской Америки. Процесс был своеобразным. Индийская цивилизация по времени существования кратно превышала британскую и сумела сохранить себя в

колониальный период, однако при этом она очень многое усвоила из цивилизационного опыта англичан. Даже независимые страны Азии подверглись заметному цивилизационному воздействию европейских держав. Несмотря на замкнутость Японии, преданность ее аборигенов своим многовековым традиция, следов полезного западного влияния в стране уже в конце XX – начале XX в. было немало. То же имело место и в конфуцианском Китае. Из вышеприведенного следует, что стремление западных стран к изменению порядков в своих «лимитрофах» в выгодном для себя отношении было именно *цивилизационной политикой*. И этот термин достаточно широко применялся во все времена в науке – истории, обществознании, этнологии, социологии и др., а равно в публицистике, журналистике, прозе и т.п.

Вышеприведенное дает основания говорить о цивилизационной политике Российского государства, которое было своеобразным «тиглем», переплавлявшим элементы многих этноконфессиональных культур, порождая ту многонациональную цивилизацию, которая позже стала базовой основой царистской империи, советской и нынешней Федерации. Россия не была «классической» колониальной державой, завоевывавшей отдаленные части Света. В большинстве случаев она присоединяла к себе соседние территории, выступая как «собирательница» земель. Известно, что вся Сибирь вошла в состав Российского государства мирно и без кровопролития. Многие этносы Поволжья и Севера добровольно к нему присоединились. Казанское и Астраханское ханства не оказали Москве сильного сопротивления. Добровольно присоединились к России Украина, а затем и Казахстан. Часть территорий были абсорбированы ею на договорной основе. Поэтому Российское государство в середине XIX в., начале присоединения к нему Средней Азии представляло собой единое «материковое тело», территориальный монолит. Вследствие единой цивилизационной политики властей на национальных окраинах империи появились новые экономические и иные формы государственного, общественного и бытового порядка, которые мирно сосуществовали с региональными и этническими особенностями,

сложившимися издревле. Россия сохранила большинство из них в неприкосновенности. Терпимость к старому при внедрении новых форм жизни стала основным алгоритмом цивилизационной политики царизма и привела к относительной сбалансированности сосуществования разных этносов и религий в различных отдаленных частях царской империи.

Присоединение Средней Азии, соседствующей с «монолитом» Российской империи, поставило перед ее правительством новые задачи цивилизационной политики, поскольку регион, в отличие от всех прочих в стране, был почти исключительно исламским и отрешенным от всемирной и российской модернизации периода «великих реформ» 1860-1870-х гг. Накопленный до этого соответствующий опыт отношений с «русским» мусульманством, безусловно, мог пригодиться, но лишь отчасти, так как оно уже давно было включено в орбиту экономического и иного развития страны. Требовались новые подходы, сочетавшие в себе элементы прошлых достижений власти на поприще цивилизационной работы с мусульманами России и принципиально новые решения в Средней Азии. Изучению этого обстоятельства и посвящено данное историческое исследование.

Объектом исследования является цивилизационная политика царского правительства на российских территориях Средней Азии.

Предметом исследования выступают исторические аспекты деятельности Российского государства по цивилизационному преобразованию жизни коренных народов региона.

Хронологические рамки исследования включают в себя период от первых торгово-экономических контактов России со Средней Азией до падения царской власти в регионе, однако, главным образом, изучается время его пребывания в составе Российской империи в 1865-1917 гг.

Территориальные рамки исследованиязаслуживают особого внимания, так как в административном отношении российские владения в Средней Азии до конца XIX в. не представляли собой единого целого. Образованная в 1865 г. Туркестанская область входила в состав Оренбургского генерал-

губернаторства. В 1867 г. было учреждено Туркестанское генерал-губернаторство (край) с центром в Ташкенте, в составе двух областей – Семиреченской и Сырдарьинской. После распада Кокандского ханства в 1876 г. на его территории была образована Ферганская область, включенная в состав Туркестанского края. В 1881 г. на территории Средней Азии была создана Закаспийская область, подчиненная властям Русского Кавказа, а с февраля 1890 г. – военному министерству. В 1882 г. Семиреченская область – часть Средней Азии была передана в состав Степного генерал-губернаторства. Игнорируя указанные административные перегородки в регионе, в науке, публицистике и даже в официальных документах применялся объединительный термин: «Русский Туркестан». Он приобрел действительно полноценный смысл после того, как 26 декабря 1897 г. «именным» царским указом Закаспийская и Семиреченская область были переданы в состав Туркестанского края и одноименного военного округа. Таким образом, понятия «Средняя Азия» и «Русский Туркестан» можно считать, в известной мере, синонимичными.

Степень разработанности темы. Обзор имеющейся по теме диссертации историографии, позволяет утверждать, что вплоть до сегодняшнего дня цивилизационная политика Российского государства в дореволюционной Средней Азии не становилась предметом специального изучения. Ее анализ показывает, что в дореволюционный период российские историки и публицисты писали о цивилизующей роли России в Туркестане, характеризуя ее не только похвально, но и критически. Некоторые зарубежные исследователи того времени считали такую роль позитивной, однако было немало политически ангажированных авторов, расценивавших цивилизационные мероприятия царской России в Средней Азии отрицательно. Советская историография вначале придерживалась таких же позиций, считая, что российский царизм выступал в регионе как «колонизатор», угнетающий коренные народы Туркестана, но признавала классовую солидарность с ними всех трудящихся страны. В конце 1930-х гг. вектор оценки царского режима в Средней Азии изменился, но тезис о его угнетательской сущности остался.

В послевоенный период роль России в дореволюционном Туркестане получила позитивные оценки в историографии, но только через цивилизационную деятельность русского народа, так как указанный тезис продолжал довлеть над исследователями. В постсоветский период российские историки стали объективно оценивать цивилизационную роль России в Средней Азии, то есть и с критических позиций. Но в целом она представляется ими как позитивная. В государствах «Центральной Азии» националистически ориентированные авторы расценивают цивилизационную роль царской России исключительно как «колонизаторскую», не усматривая в ней ничего положительного. Вместе с тем, многие исследователи в указанных странах считают, что в дооктябрьский период Россия привнесла немало полезных инноваций в жизнь народов Средней Азии. Концепция диссертанта по этому поводу заключается в том, что цивилизационная политика царского правительства в регионе была направлена, прежде всего, на модернизацию основных сфер жизнедеятельности коренного населения, постепенное приобщение его к общегосударственным условиям социально-экономического, политического, культурного и иного развития.

Цель исследования заключается в выделении и анализе ключевых компонентов политики царской России и ее влияния на исторические судьбы народов Средней Азии.

Задачами исследования являются:

– охарактеризовать методологическую основу диссертационной работы;

– осуществить обзор историографии по избранной теме исследования;

– оценить значимость источниковой базы в разработке проблемы;

– исследовать государственно-правовые основы административного устройства в Русском Туркестане, обратив особое внимание на функционирование «военно-народного управления» в крае;

– вскрыть сущность военно-политических мероприятий царизма по охране российских интересов в регионе;

– проанализировать развитие торговых связей между Россией и Средней Азией до и после ее присоединения к царистской империи;

– показать содержание экономического прогресса в регионе как части капиталистической модернизации России, его соответствие традиционным условиям хозяйственной жизни коренных народов Туркестана;

– обосновать, что только с присоединением к России в Средней Азии появилась государственная система здравоохранения;

– подтвердить тезис о том, что царские власти сохранили в Туркестане традиционную мусульманскую систему образования, не вмешивались в ее функционирование, но старались привлечь «туземную» молодежь к обучению в русских учебных заведениях;

– рассмотреть нормативно-правовые основы переселения российских казаков, крестьян, мещан и представителей иных сословий в Туркестан;

– выяснить значение переселения россиян в Среднюю Азию как канала привнесения новых форм жизни, важного условия межцивилизационного взаимодействия пришлого и коренного населения региона.

Источниковая база исследования подробно анализируется в третьем параграфе первой главы диссертации. Необходимо указать на то, что материалы разнообразных источников, особенно законодательные акты в совокупности с делопроизводственной документацией, выявленной в архивах, позволили более полно и объективно раскрыть основные направления цивилизационной политики царского правительства в Русском Туркестане и эффективность мероприятий местной власти по проведению ее в жизнь.

Методологическая основа исследования. Автор отмечает, что диссертация построена не на сугубо теоретических конструкциях, а на мировоззренческих онтологических позициях, тесно связанных с избранной темой исследования. На их основе была сформулирована научно-историческая

гипотеза, призванная описать и объяснить исторические факты, события и процессы цивилизационного влияния царской России на базисные устои в Средней Азии и жизнедеятельность ее коренного населения. Она сыграла организующую роль в работе, позволила более четко, ясно и логично определить ее цели и задачи. Автор выдвигает основной методологический концепт диссертации, заключающийся в том, что цивилизационная политика царской России в Средней Азии положила начало широкомасштабной модернизации основных сфер жизни региона. Важным структурным элементом методологии диссертации явилась парадигма исторического исследования, которая позволила более предметно рассмотреть основные направления исследования и определить методологические средства для решения его научных задач. К исследованию был привлечен междисциплинарный подход. Для раскрытия сущности цивилизационных мероприятий царской власти в Туркестане использовался метод ситуационного анализа. С тем, чтобы установить их последовательность применялся проблемно-хронологический метод. Важную роль в исследовании сыграл историко-географический подход, позволивший четко определить пространство российско-среднеазиатского межцивилизационного взаимодействия. Для анализа социально-экономических преобразований царизма в Средней Азии применялся формационный метод, а – социокультурных – цивилизационный. В плане изучения переселенческой политики царской России в Туркестане автор использовал методы структурно-демографической теории. Он отдает должное методам истории повседневности, альтернативным подходам к изучению темы, применяет некоторые элементы синергетического метода. В качестве всеобщего в работе выступает диалектический метод. Для всестороннего выяснения сути исследуемых проблем использовались различные общенаучные (основные) и частные методы, отраженные в тексте диссертации. Автор считает, что в результате рационального применения методологических установок диссертационная работа получила прочный научно-теоретический фундамент.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем:

– впервые осуществлено комплексное изучение цивилизационной политики царской России в Средней Азии как основы модернизации данного региона;

– на основании нормативно-правовых государственных установлений царского периода, критически переосмыслены, псевдонаучные исторические работы, отрицающие позитивное значение российского присутствия в дореволюционном Туркестане и искажающие его роль в прогрессивных изменениях в жизни коренного населения региона;

– установлена связь административно-судебной политики царизма с военно-политическими мероприятиями по охране российских интересов в Туркестане, особенно в части военной разведки и контрразведки;

– дана развернутая характеристика всесторонней модернизации традиционных условий жизни коренного населения и мер по ее культурно-хозяйственным преобразованиям;

– выявлены новые правовые данные по созданию в Туркестане государственной системы здравоохранения, которая ранее здесь фактически отсутствовала;

– раскрыта специфика народного образования в Туркестанском крае, сочетавшая, в интересах культурного обновления коренного социума, традиционные мусульманские учебные заведения с российскими образовательными учреждениями;

– исследована роль переселенческой политики царской России в цивилизационном преобразовании Туркестана, обеспечившей, несмотря на ее ошибки, экономическое и социокультурное взаимодействие «пришлого» и коренного населения региона и заложившей фундамент интернационального сотрудничества;

– введены в научный оборот многочисленные правовые документы.

Таким образом, общая новизна диссертационного исследования сводится к объективному доказательству тех обстоятельств цивилизационной политики России в Средней Азии, которые ранее либо вообще не изучались, либо

преувеличивались, либо искажались в угоду различным политическим интересам.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Фактически все европейские державы, имевшие колониальные владения, прибегали к цивилизационной политике с тем, чтобы установить в них порядки, господствующие в метрополиях. Часто это сопровождалось насильственной ломкой традиционных форм жизни коренного населения и навязывания ему новых, чуждых условий существования. Российское правительство тоже использовало указанную политику, однако на вновь присоединенных территориях оно старалось внедрять среди аборигенного населения новые формы жизни, сохраняя его традиционные порядки, не противоречившие гуманности и общечеловеческому прогрессу. Этому в значительной мере способствовало то, что Российская империя представляла собой огромное, но единое и слитное пространство. Можно считать, что ко времени присоединения Средней Азии к России в стране в целом сложилось сбалансированное сосуществование русских людей с так называемыми «инородцами».

2. Включение Средней Азии в состав Российской империи потребовало от царского правительства применения административных установлений, соответствующих специфике региона, резко отличавшегося по этноконфессиональному составу населения от всех других национальных окраин страны. В Русском Туркестане утвердилась модель «военно-народного управления», зиждившаяся на сотрудничестве государственной администрации с органами «туземного» самоуправления и суда. Военная и гражданская власть была нераздельно сосредоточена в руках генерал-губернатора и военных губернаторов областей края, что облегчало диалог русской администрации с коренным населением. Царизм сохранил традиционные суды кочевых и оседлых народов региона, обеспечил их выборность, исполнение судебных решений и невмешательство русской власти в деятельность биев и казиев. В целом такая административно-судебная модель оправдала себя и

соответствовала военно-стратегическим планам России и интересам коренного населения.

3. Охранительные функции царской администрации в Средней Азии были направлены на упрочение российского присутствия в регионе, обеспечивали в нем мир и безопасность, необходимые для спокойной жизни и созидательного труда всего населения Русского Туркестана. Они имели достаточно надежное обеспечение в виде совокупной деятельности армии, «военной» полиции, политического сыска («охранки»), разведывательного и контрразведывательного подразделений Штаба Туркестанского военного округа, а также соответствующих служб Отдельного корпуса пограничной стражи и Министерства иностранных дел. На протяжении полувека они обеспечивали устои царской власти, однако не уберегли от падения.

4. Торгово-экономические отношения между Россией и Средней Азией сложились за несколько веков до ее присоединения к царистской империи. Они развивались на одном пространстве Евразии, где обе стороны процесса близко соседствовали друг с другом. Среднеазиатские купцы свободно пребывали в городах Сибири, Астрахани и Оренбургского края. Царское правительство было заинтересовано в развитии торговли с Туркестаном и обеспечивало ее многими льготами. С присоединением Средней Азии к России торгово-экономические связи получили дополнительные импульсы развития и составили канву цивилизационного взаимодействия между ними.

5. Присоединение к России, вступившей на путь форсированного капиталистического развития, придало экономическому и иному развитию региона модернизационный характер. Появились первые промышленные предприятия, акционерные общества, финансовые учреждения, новые импульсы получило развитие внутренней и внешней торговли. Несмотря на отсталые технологии, при русской власти развитие сельского хозяйства в Средней Азии ускорилось. Государство поддерживало развитие ирригационной системы в крае. Оно контролировало использование сырьевых источников – горнорудных, нефтяных, лесных и др. Представляется очевидным, что

ускорение экономического развития региона при русской власти явилось главным условием цивилизационной модернизации жизни коренного населения дореволюционной Средней Азии.

6. В дороссийский период в Средней Азии полностью отсутствовала система государственного здравоохранения. Россия впервые привнесла в регион организованную властью медицинскую помощь местному населению. Проводилась широкая кампания по оспопрививанию, борьбе с эпидемическими заболеваниями. Полностью их губительная угроза не была ликвидирована, но она была в значительной мере ослаблена. Было открыто множество лечебных заведений разного типа, обслуживавших и коренное население, в том числе женщин и детей. Успехи русских медиков сыграли большую роль в росте доверия «туземных» жителей к новой власти.

7. В сфере образования в дороссийский период в Средней Азии господствовала мусульманская религиозная школа. Русская власть сохранила все ее учреждения и не вмешивалась в их образовательную деятельность, не исключая и «новометодных» школ, осуждаемых исламским духовенством. Государственный контроль над ними ограничивался лишь инспекторским надзором за состоянием мусульманских учебных заведений. Насильственной русификации в них не проводилось, хотя имели место опыты мирного внедрения преподавания русского языка, не получившие большого успеха. Вместе с тем, царская власть старалась приобщить «туземную» молодежь к новым формам образования в русско-туземных школах, что имело ограниченные, но позитивные результаты. В чисто российских учебных заведениях обучалось мало детей из коренного населения. Есть основания утверждать, что социальная политика царской власти в Русском Туркестане отличалась искренним гуманистическим содержанием и имела большие цивилизационные последствия, но проявившиеся только в будущем.

8. Переселенческая политика царского правительства в Русском Туркестане диктовалась малоземельем во внутренних регионах страны. Главная напряженность в отношениях между пришлым и коренным населением

заключалась в земельной проблеме. Нормативно-правовые акты по переселению регулировали предоставление мигрантам земель и льгот, однако они затрагивали интересы коренного населения, чем осложняли процесс межцивилизационного взаимодействия между переселенцами и аборигенами Средней Азии. Но еще больше он осложнялся неконтролируемыми самовольными миграциями.

9. Посредством переселения царизм стремился создать прочную опору своей власти в Средней Азии в лице христианского населения, но при этом он не допускал в регионе православного и иного христианского миссионерства. Взаимодействие пришлого и коренного населения было обоюдным и взаимовыгодным. Процесс был противоречивым – с одной стороны, он приводил к изъятию земель у коренного населения, что вызывало его недовольство и сопротивление, а, с другой, привносил в регион новые формы передовой цивилизации в сфере жизнедеятельности коренного социума. Вместе с тем, не следует преувеличивать влияние переселенцев на местных жителей, считая его исключительно позитивным и односторонним. Во-первых, мигранты привнесли в жизнь «туземцев» и немало негативных черт, а, во-вторых, они сами немало усвоили полезных элементов из традиционной цивилизации среднеазиатских народов. Поэтому, несмотря на разного рода объективные и субъективные издержки, непростой по своему содержанию процесс межцивилизационного сотрудничества в дореволюционной Средней Азии в целом носил позитивный характер.

Теоретическая значимость исследования представляется достаточно обширной. Диссертант придал работе значительный теоретико-правовой аспект – исследование граничит с такой наукой, как теория и история государства и права. В теоретическом плане представляют интерес попытки автора ассоциировать цивилизационную политику царской России в Средней Азии с модернизацией традиционного жизненного уклада в регионе.

Практическая значимость исследования состоит в том, что она может использоваться профессиональными историками региона, в том числе

зарубежными, при изучении его прошлого, преподавателями отечественной и всеобщей истории, этнологии, географии в учебных заведениях разного типа, журналистами и политологами, пишущими о «Центральной Азии». Исследование может заинтересовать политиков и дипломатов, работающих на среднеазиатском направлении. Кроме того, оно может оказаться полезным для духовенства разных конфессий, работающего со своими адептами в Средней Азии.

Терминологические особенности исследования заключаются в том, что диссертант относится с сомнением к термину «Центральная Азия», применительно к среднеазиатской территории. В дореволюционный и советский периоды им обозначалась другая часть Азиатского континента - пространство от Сарыкола на Памире до восточной оконечности Внутренней Монголии. Современная «Центральная Азия» находится на окраине азиатского материка, граничит с Европой и потому вряд ли может считаться действительной центральной его частью. Поэтому в работе употребляется термин «Средняя Азия». В некоторых случаях применительно к ней используется термин «Центральная Азия», который закавычивается с тем, чтобы отличить ее от действительно научно-географического определения региона. Что касается термина «Русский Туркестан», то он применялся для того, чтобы отделять российские территории Средней Азии от земель региональных ханств – Бухарского, Кокандского (до 1876 г.) и Хивинского.

Достоверность результатов диссертационного исследованияи обоснованность его выводов обеспечиваются всем комплексом привлеченных автором к исследованию материалов – методологических, историографических, источниковых, статистических и др., имеющих как прямое, так и косвенное отношение к избранной теме, использованием результативных методов, подходов и приемов, публикацией основных положений диссертации в научных изданиях, рецензируемых ВАК РФ. Достоверность результатов диссертационной работы не противоречит соответствующим итогам научных исследований, проведенных другими авторами по истории Средней Азии.

Апробация исследования состоялась на международных и всероссийских конференциях. По теме диссертации автор опубликовал 2 монографии объемом в 39,5 п. л., а также 45 статей объемом в 23,3 п. л., в том числе 19 статей объемом в 9,6 п. л. в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы исходит из поставленных целей и задач научного исследования и включает введение, пять глав, объединяющих 11 параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложения.

Глава 1. Теоретико-методологические, историографические и источниковедческие проблемы анализа роли России в исторических судьбах народов Средней Азии

Представляется очевидным, что качество любого исторического исследования зависит не только от объема использованной литературы и источников, но и широты научно-теоретического кругозора автора, его умения максимально рационально ввести их в научный оборот. Поэтому в первом параграфе данной главы диссертационной работы мы предпочли, прежде всего, охарактеризовать теоретико-методологические основы исследования, составляющие его идейно-концептуальную сущность. Важно сразу определить тот теоретический угол зрения, под которым во втором параграфе диссертации дается историографический обзор избранной темы изучения, а в третьем – проводится источниковедческий анализ проблемы. В итоге содержание главы приобретает органически целостный характер.

1.1. Теоретико-методологические основы исследования

Очень многие исследователи полагают, что методология современного исторического познания находится в кризисе и утрачивает свое значение. Академик А.О. Чубарьян указывает, что у современной историографии ярко выражена «аллергия к методологии истории». А.Т. Тертышный и А.В. Трофимов писали в 2003 г. о том, что «в последнее десятилетие в отечественной исторической науке наблюдался быстрый процесс смены методологических пристрастий и ориентиров. От острой дискуссии сторонников формационного и цивилизационного подходов ученые приходят к признанию методологического плюрализма, пониманию относительной

ценности любой теории»[5]. Авторитетные авторы считают, что «на характер протекания кризиса идентичности профессии в российском научном пространстве повлиял процесс утраты теоретико-эпистемологических ориентиров в виде марксистской методологии. При всех оговорках, которые делаются авторитетными экспертами в отношении квалификации кризиса российской исторической науки, признается, что в перестроечные годы значительная часть историков оказалась в состоянии философской и методологической растерянности»[6]. Они отмечают, что в отечественной историографии идет «процесс теоретико-методологического переоснащения научного знания, наиболее приметной чертой которого является выраженное стремление к преодолению дисциплинарных границ и барьеров, иными словами – к полидисциплинарному синтезу… вместе с тем, механистичность заимствования из других дисциплин и даже использование порой взаимоисключающих подходов оборачивается нередко теоретическим хаосом и методологической беспринципностью»[7]. С этим трудно не согласиться. Но автор не усматривает в этом ничего трагического. Для него представляется очевидным, что ни одно серьезное научное исследование не может состояться без наличия грамотных и профессионально выверенных теоретико-методологических основ. Они становятся, образно выражаясь, «скелетом» работы. Кроме того, они должны быть тесно связаны с темой исторического изыска. Вместе с тем, на наш взгляд, в научно-исследовательской работе важно разумное сочетание *общей* методологии и *частной* (тематической). Общая методология выступает как философия исследования, придающая ему концептуально-теоретические ориентиры и высоту рассмотрения изучаемых проблем. Тематическая методология определяет дискурс научно-исследовательского изыска. Вместе с тем, мы считаем, что ни один из указанных видов методологии не должен выступать

[5] Тертышный А.Т., Трофимов А.В. Уральский исторический вестник // Отечественная история. 2003, № 5, С.73

[6] Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 6.

[7] Там же. С. 5.

в качестве единственной научно-теоретической основы исследования, а нужно их слитное взаимодействие в историческом познании, составляющее единое «дыхание» работы. В этой связи диссертант выстраивал методологические императивы не только на сугубо общих методологических конструкциях, но и на мировоззренческих онтологических позициях, тесно связанных с избранной темой исследования. На их основе была сформулирована научно-историческая гипотеза, призванная описать и объяснить исторические факты, события и процессы цивилизационного влияния царской России на базисные устои в Средней Азии и жизнедеятельность ее коренного населения с точки зрения принципов историзма, объективности, целостности, детерминизма и системного подхода. Научная гипотеза исследования сыграла организующую роль в работе, позволила более четко, ясно и логично определить ее цели и задачи. Важным структурным элементом методологии диссертации явилась парадигма исторического исследования, которая позволила более предметно рассмотреть основные направления цивилизационной политики царской России в Средней Азии и определить методологические средства для решения научных задач работы.

Как известно, приход России в Среднюю Азию был сопряжен с большими трудностями, но не военными, а адаптационными. Вопреки С. Хантингтону в регионе произошло не «столкновение цивилизаций», а их соприкосновение, без кровопролития и острых социальных катаклизмов. Оно проходило с большим трудом. У К. Маркса есть хорошее выражение: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют как кошмар над умами живых[8]. Оно является методологическим по своему смыслу. Действительно, цивилизационное влияние России на туркестанский социум было весьма ощутимым, однако оно наталкивалось на его сопротивление, приверженность к многовековому образу жизни. Сторонники «цивилизационного» подхода

[8] Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 8. М., 1957. С. 119

усматривают в этом специфику образа жизни мусульманского населения Средней Азии. Методолог Т. Панфилова пишет о том, что «использование «цивилизационного» подхода применительно к странам Востока настраивает историка на то, чтобы рассматривать интересующий его регион как совершенно самостоятельный на протяжении всей истории. В результате легко упустить из виду, что внешнее воздействие может превратиться во внутренний и существенный фактор развития общества»[9]. Однако, на наш взгляд, указанный подход представляется односторонним, поскольку в формировании цивилизации народов этого региона сыграли решающую роль признаки «формационного» порядка – способ производства, производительные силы и производственные отношения. Авторы 4-хтомной «Истории Востока» пишут по этому поводу: «Цивилизационный и стадиальный (формационный – И.В.) подходы можно понимать как синхронный и диахронный методы описания действительности…Эти два подхода отличаются тем, что один из них (стадиальный) фиксирует свое внимание на изменчивости, а другой (цивилизационный) – на «наследственности», на стабильном, сохраняющемся в данной популяции через все ее стадиальные изменения».[10] По их мнению, «нельзя противопоставлять цивилизационный и формационный подходы, как нельзя противопоставлять длину ширине. Это разные измерения относительно целостного исторического процесса»[11]. Такой подход мы разделяли всецело, и он нашел отражение в диссертационном исследовании.

Одним из его важных компонентов стал компаративный (историко-сравнительный) метод. Большинство историков считают его весьма результативным[12]. Однако дореволюционный специалист А.В. Романович-Славатинский находил в нем недостатки, указывая, что «проводя параллели между учреждениями народа с менее развитой гражданственностью и

---

[9] Панфилова Т. Формационный и «цивилизационный» подходы: возможности и ограниченность // Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 92

[10] История Востока в 4-х тт. Т.1. Восток в древности. М., 1997. С. 8

[11] Там же.

[12] См. напр.: Исаев И.А. История государства и права. М., 2002. С. 6

учреждениями нации более развитой, легко увлечься превосходством форм иноземных»[13]. Вместе с тем, он отмечал, что сравнительный метод надо применять, поскольку это «может иногда привести к весьма плодотворным выводам»[14]. Межцивилизационное взаимодействие царской России с народами Средней Азии осуществлялось по многим направлениям и, можно сказать, носило фронтальный характер. Для постижения своей сути оно требовало именно компаративных методологических операций. Сравнивались административно-судебные учреждения России и среднеазиатских ханств, положение в здравоохранении, образовании, промышленности, сельском хозяйстве, в кочевом и оседлом мире, и др. Однако нигде автор не «увлекался» мыслью о превосходстве российского образа жизни над среднеазиатским, так как он имел недостатки, которые отсутствовали даже в Туркестане.

Значение методологии в данном исследовании возрастает в связи с тем, что в постсоветских странах, так называемой «Центральной Азии» националистически ориентированные историки пытаются доказать, что Россия (как царская, так и советская) повлияла на туркестанский социум только в негативном плане. Любые ее позитивные цивилизационные воздействия исключаются. Поэтому им надо давать принципиальный, методологически выверенный отпор. Современный казахстанский исследователь С. Акимбеков пишет: «В наше время написание любой исторической работы на территории бывшего Советского Союза представляет собой заведомо очень трудную задачу, тем более, если эта работа ориентирована на интерпретации истории и носит к тому же обобщающий характер. Это во многом связано с тем, что практически любые такие интерпретации носят здесь ярко выраженный идеологический

---

[13] Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы // Антология мировой правовой мысли. В 5 томах. Т. 4. Россия в XI – XIX вв. М., 1999. С. 729

[14] Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы // Антология мировой правовой мысли. В 5 томах. Т. 4. Россия в XI – XIX вв. М., 1999. С. 730

характер. Так как в образовавшихся на месте СССР новых независимых государствах по-прежнему идут активные процессы государственного строительства, предъявляющие повышенный спрос на идеологию, составной частью которой является история. Причем важно отметить, что такой спрос формируется одновременно и со стороны государства, и со стороны общества, последнее в новых условиях испытывает острую потребность в самоидентификации. Соответственно, формируется необходимость в историческом знании, которая связана не столько с получением какой-либо новой, ранее скрытой информации, сколько с интерпретациями истории в интересах национально-государственного строительства и самоидентификации общества. Сам факт образования новых независимых государств на территории бывшего СССР сформировал в них насущную потребность в новой государственной идеологии. Самый логичный и простой путь ее создания заключался в том, чтобы найти для нее основания в истории того народа, который является базовым для данного государства»[15]. В методологическом плане такой подход заведомо ставит крест на истории как науке и превращает её в служанку новых национальных элит в государствах, образовавшихся на территории бывших советских республик Средней Азии и обрекает ее на профессиональный провал. По словам С. Акимбекова, на постсоветском пространстве формирование идеологии государства и общества происходит неодинаково. Он выделяет Узбекистан и Туркменистан, где «вопросы формирования государственной идеологии и самоидентификации общества находятся под строгим контролем государства»[16]. Акимбеков отмечает, что в первом идеология строится на основе «единственной концепции преемственности современного узбекского государства от империи Тимура», а во втором – «на базе книги «Рухнама», написанной первым туркменским президентом Сапармуратом Ниязовым»[17].

[15] Акимбеков С. История степей: феномен государства Чингисхана в истории Евразии. Алматы, 2011. С. 5-6.
[16] Там же. С. 6.
[17] Там же.

Он противопоставляет им Казахстан, Кыргызстан и Россию, где процессы формирования государственной идеологии и самоидентификации общества проходят без сильного государственного прессинга. Но могут быть личностные произвольные интерпретации исторического прошлого Средней Азии. Поэтому он совершенно прав в том, что «споры об «исторической правде» имеют огромный разрушительный политический потенциал»[18]. Действительно, любые методологические конструкции относительно прошлого указанного региона могут под влиянием государственной идеологии и личностного ментального восприятия одинаково использоваться как для его положительной характеристики, так и отрицательной. Собственно, сегодня такой подход охотно применяется в «методологии» исследований националистически ориентированных историков стран «Центральной Азии», критикующих российский «колониализм», о чем свидетельствуется в следующем параграфе этой главы.

Постановка проблемы достаточно широка в пространственно-временном отношении. Как известно, «использование фактора пространства в исторических работах позволяет сосредоточиться на аспектах постоянного, неизменного в истории культур и наций»[19]. Поэтому автор использовал историко-географический подход, позволивший четко определить пространство российско-среднеазиатского межцивилизационного взаимодействия. Были ясно установлены основные временные рамки исследования, так как большую роль в реконструкции прошлого и его интерпретации сыграла методологическая категория времени. В исследовании диссертант исходил из того, что присоединение Средней Азии к России было объективным процессом в политике царизма в пореформенный период. Безусловно, он имел исторические альтернативы. Методолог Б.Г. Могильницкий справедливо указывает, что «исторический процесс является одновременно инвариантным и альтернативным.

[18] Там же. С. 8.
[19] Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М.: «Языки русской культуры», 1997. С. 134.

Инвариантность заключается в неотвратимости экономического и социального процесса развития человечества, оставляющего, однако широкие рамки для существования альтернатив исторического развития»[20]. Разумеется, цивилизация дороссийской Средней Азии могла развиваться инвариантно в экономическом и социальном отношении и без такой альтернативы как внешнее вмешательство. Однако нетрудно представить, какие результаты могло иметь такое развитие для замкнутого в себе региона, лишенного связей с мировым прогрессом. Естественно, были альтернативные возможности преодоления замкнутости. Сегодня в среде историков «Центральной Азии» существуют различные интерпретации прошлого, строящиеся на возможных альтернативах развития региона в дороссийский период. Кое-кто связывает их с цивилизационно родственной мусульманской Османской империей, некоторые с таким же, мусульманским Китайским Туркестаном. Среди дореволюционных и современных российских историков также высказывались мнения об ошибочности присоединения «затратной» Средней Азии. Конечно, такого рода соображения, несмотря на свою «сослагательность», не лишены любопытства, но академик В.В. Бартольд писал: «Задачей историка является исследование не того, что могло быть или не могло быть, а установление того, что было». Известный российский туркестановед П.П. Литвинов указывает: «Любопытно, что все охотно признают как аксиому тот факт, что история не знает сослагательного наклонения, однако, вместе с тем, каждый тут же стремится нарисовать, каким должен был бы быть, по его мнению, исторический путь России… не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы не понять, что эти люди искренне считают, что столь желаемая для них «сослагательность» в истории России была вполне возможна»[21]. Кстати, сам он во всех трудах признает присоединение Средней Азии к России закономерным, а ее

[20] Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 14.

[21] Литвинов П.П. Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам): монография. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. С. 17.

цивилизационную политику в дореволюционном Туркестане положительной.

С точки зрения методологии данного исторического исследования, вольные и безответственные интерпретации прошлого Средней Азии, цивилизационной политики царской России в регионе являются следствием небрежения диалектикой как генеральным принципом и методом познания. Именно диалектический метод стал всеобщим в диссертационной работе. В постсоветский период многие исследователи почему-то отождествляли его с марксизмом и прибегали к «инновационным» методам, забывая о том, что диалектический метод сложился еще в древности, был усовершенствован Гегелем, а Марксом лишь воспринят от последнего. Великий русский критик В.Г. Белинский, который не имел никакого отношения к марксизму, был диалектиком. Он писал: «В движении исторических событий, кроме внешней причинности, есть еще и внутренняя необходимость, дающая им глубокий внутренний смысл: само движение событий есть ни что иное, как движение из себя самой и в себе самой диалектически развивающейся идеи. И потому в общем ходе истории, в итоге исторических событий, нет случайностей и произвола, но все носит на себе отпечаток необходимости и разумности. Такой взгляд на историю далек от всякого фатализма: он допускает и произвол, и случайность, без которых жизнь была бы механически несвободна»[22]. Поэтому сегодня происходит процесс диалектизации науки. В.П. Кохановский пишет: «*Диалектизация науки* как ее важнейшая закономерность означает все более широкое внедрение во все сферы научного познания идеи развития (а значит, и времени) Причем именно во все науки, а не только в так называемые «исторические науки»[23]. (Курс. авт. – И.В.) Он отмечает, что «процесса диалектизации современной науки нельзя не заметить или обойти его стороной. Дело в том, что, как не без основания замечает академик А.Б. Мигдал, «ученые всего мира, как правило, мыслят

[22] Белинский В.Г. История Малороссии Николая Маркевича. Москва, 1842. Четыре тома // Собрание сочинений в 9 томах. Т. 5. М., 1979. С. 231.

[23] Кохановский В. П. Философия и методология науки: Учебник для высших учебных заведений. Ростов н/Д.: «Феникс», 1999. С. 105.

диалектически, не называя и не формулируя «законов диалектики», а руководствуясь здравым смыслом и научной интуицией»[24]. Именно на основе диалектического метода сложился основной методологический концепт данной диссертации, заключающийся в том, что цивилизационная политика царской России в Средней Азии положила начало широкомасштабной модернизации основных сфер жизни региона. Диалектический подход позволяет утверждать, что в середине XIX столетия у Средней Азии осталась единственная альтернатива многовековому экономическому и иному застою – это присоединение к России. Недаром большую роль в этом процессе сыграла деловая элита среднеазиатских ханств, прочно связанная к тому времени с российскими рынками. Однако большинство населения Туркестана было против прихода в регион русских, чуждых им по всем жизненным показателям. Это понятно с точки зрения методов истории повседневности. Академик Ю.А. Поляков пишет о том, что «история по существу – это повседневная жизнь человека в ее историческом развитии, проявление стабильных, постоянных, неизменный свойств и качеств в соответствии с географическими и временными условиями, рождением и закреплением форм жилья, питания, перемещения, досуга. Старые традиционные формы человеческих отношений устойчивы и живучи»[25]. Именно повседневная, устойчиво консервативная жизнь коренного населения Средней Азии была главной препоной цивилизационным устремлениям царской России - новым условиям, порядкам и требованиям. Совершенно очевидно, что в регионе произошло «столкновение цивилизаций», о котором писал С. Хантингтон, однако оно носило более характер мирного межцивилизационного сотрудничества между коренным и пришлым населением. Между тем не все его стороны могут быть изъяснены с позиций диалектического метода. Поэтому понимание диалектики и ее метода сегодня претерпело изменения.

[24] Там же. С. 106.
[25] Поляков Ю.А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 125.

Современные философы полагают, что «диалектика есть прежде всего внутренняя закономерность экономического развития и – поскольку от последнего зависит все остальное – закономерность всего происходящего вообще»[26]. Как нам представляется, они пишут здесь о так называемом «экономическом детерминизме», который в свое время отвергал сам Ф. Энгельс[27]. В своем исследовании мы, безусловно, признаем примат экономического фактора в развитии, но не абсолютизируем его. Поэтому мы не экстраполируем его на все исследуемые нами явления и события в цивилизационной политике царской России в Средней Азии – не все из них зависели от него и им определялись. Кохановский признает, что «диалектика не является единственной методологической парадигмой, исключительным в своем роде «указующим жезлом». По его мнению, «методология в определенном смысле «шире» диалектики, так как она изучает не только всеобщий (как последняя), но и другие уровни методологического знания, а так же их взаимосвязь, модификации и т.п.»[28]. Таким образом, он выражает сомнения в универсальности диалектического метода. С ним солидарен А.И. Вдовин, считающий, что ограниченность диалектического метода «преодолевается синергетическим подходом к истории»[29]. Несмотря на то, что диссертант относится с сомнением к этому утверждению, тем не менее, у него вызвал интерес тезис «синергетики» о так называемой бифуркации как «точке ветвления процесса, являющейся отправной для новой линии эволюции»[30]. Применительно к теме данного исследования мы насчитываем в истории народов Средней Азии XIX – XX вв. три точки «бифуркации» – присоединение региона к России и установление в нем царской власти, утверждение советского режима в регионе, а также приобретение

[26] Философский энциклопедический словарь. М., 2005. С. 135.
[27] См.: Энгельс – Николаю Францевичу Даниельсону в Петербург из Лондона. 18 июня 1892 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 38. М., 1965. С. 314.
[28] Кохановский В.П. Философия и методология науки: Учебник для высших учебных заведений. Ростов н/Д.: «Феникс», 1999. С. 171.
[29] Вдовин А.И. История СССР от Ленина до Горбачева. М., 2011. С. 5-6.
[30] Там же. С. 6.

независимости и суверенитета его постсоветскими государствами. Точка «бифуркации» – присоединение и пребывание народов Средней Азии в составе Российской империи имела для них действительно большое значение, поскольку именно в этот период осуществлялись российские цивилизационные преобразования, воспринимаемые ими либо вынужденно, либо добровольно.

Националистически ориентированная историография постсоветских государств быстро отреклась от «формационного» подхода, считая его марксистско-ленинским. Исследователь А.А. Клинцов пишет о том, что ее представители «предпочитают использовать «цивилизационную» методологию, что весьма характерно для политологов, социологов, этнологов и др. в постсоветских государствах Центральной Азии»[31]. Политолог А.А. Казанцев подтверждает, что «элементы цивилизационного или культурно-антропологического подхода часто встречаются в трудах центральноазиатских авторов, занятых поиском и конструированием национальной идентичности»[32]. Казахстанский историк Б.Б. Ирмуханов справедливо полагает, что «модное сегодня противопоставление «формационного» и «цивилизационного» подходов к историческому процессу представляется в научном плане не совсем корректным, оно скорее отражает реалии идеологической и политической борьбы»[33]. Пристрастие историков-националистов из стран Средней Азии к «цивилизационному» подходу объясняется их желанием найти в глубинах своего прошлого такие этнокультурные ценности, по сравнению с которыми все цивилизационные привнесения России казались бы наносными и вредными. Пока это у них не получается и вряд ли когда получится, так как в методологическом

---

[31] Клинцов А.А. Дискурс политических архетипов в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии. М., Бишкек, 2009. С. 59-60.

[32] Казанцев А.А. Центральная Азия: институциональная структура международных взаимодействий в становящемся регионе // Полис. 2005. № 2. С. 81.

[33] Ирмуханов Б.Б. История Казахстана: подходы, проблемы (вступительная статья) // Ирму ханов Беймбет. Прошлое Казахстана в письменных источниках. V в. до н.э. – XV в. н.э. Алматы, 2006. С. 20, 21.

отношении вопрос о цивилизационной политике царской России в Средней Азии знаменует собой проблему «Восток – Запад», актуальность которой неоспорима.

Выдающийся русский ученый В.И. Вернадский писал: «Разительное несходство двух типов культур пронизывает всю жизнь современной цивилизации, оказывает огромное влияние на происходящие процессы во всех сферах общественной жизни и на пути осмысления возможных перспектив развития человека»[34]. Таким образом, цивилизационная деятельность царской России в Средней Азии не была только «узконациональным» проектом, а отражала собой общемировое и широкомасштабное явление.

В данном диссертационном исследовании мы последовательно придерживались основных методологических принципов исторической науки. Ф. Энгельс писал о том, что «принципы не исходный пункт исследования, а его заключительный результат… Не природа и человечество сообразуются с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории»[35]. Особое внимание уделялось принципу историзма. Как известно, марксизм рассматривал историзм как общеметодологический принцип познания, который изучает все явления в тесной связи с реальностью, их породившей, выясняет этапы развития и общие и специфические закономерности социального процесса. А.И. Вдовин указывает, что «принцип историзма… обязывает рассматривать явления и события в их возникновении и развитии, неразрывной связи с конкретными историческими условиями. Такой подход предполагает всестороннее исследование объекта изучения: его внутренней структуры как органически целого, системы; процесса (совокупности следующих друг за другом во времени исторических связей и зависимостей, характеризующих развитие объекта); выявления и фиксирования качественных изменений в

[34] Кохановский В. П. Указ. соч. С. 352.
[35] Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд.2-е. Т. 20. М., 1961. С. 34.

структуре объекта; закономерностей его развития, законов перехода от одного исторического состояния к другому. Понимаемый таким образом историзм совпадает с научной объективностью, исключая архаизацию настоящего и модернизацию прошлого. Принципу историзма целиком соответствуют высокие стандарты русской школы историков с такой его чертой, как научный реализм»[36]. Представляется очевидным, что без применения принципов историзма профессиональное исследование цивилизационной политики царской России в Средней Азии могло бы не состояться. Если внимательно вникнуть в содержание данной диссертации, то можно без труда убедиться в том, что автор не только учел, но и применял все указанные методологические установки. В работе мы строго придерживались принципа научной объективности, который явился одним из важнейших в научном изыске. Следуя ему, автор рассматривал проблемы исследования с позиций объективных закономерностей, добиваясь истинно научных результатов исторического знания о роли царской России в Средней Азии. Такие закономерности выяснялись не только с позиций всеобщего – диалектического метода, но и всей совокупности методологического знания, накопленного автором. Большое внимание уделялось принципу целостности. Еще крупнейший российский историк С.М. Соловьев призывал не делить, не дробить прошлое «на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию – вот обязанность историка»[37]. Совершенно очевидно, что цивилизационную политику царской России в Средней Азии необходимо изучать только в целостном ее выражении, на основе качественного структурного анализа, так как иначе нельзя получить полноценное представление о ее роли в исторических

[36] Вдовин А.И. Указ. соч. С. 10.
[37] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. М., 1960. С. 55.

судьбах коренного населения региона. Поскольку все трансформационные мероприятия царской России в Туркестане были обусловлены определенными причинами и обстоятельствами, то исследователь активно использовал методологический принцип детерминизма. Еще В.И. Ленин указывал, что «самое надежное в вопросе общественной науки…это – не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»[38]. Среди иных методологических начал автор использовал принцип социального познания, который позволил рассмотреть процесс цивилизационного влияния царской России в Средней Азии многосторонне и с различных теоретических позиций.

Безусловно, в нашем исследовании, кроме всеобщего – диалектического, применялись и многие другие методы. В качестве основных применялись общенаучные методы. Среди них хотелось бы выделить методы хронологического характера. Хронологический метод применялся для изложения событий, явлений, фактов и т.п. во временном (хронологическом) порядке. Хронологическо-проблемный метод использовался для исследования истории связей России со Средней Азией в конкретные периоды истории. Проблемно-хронологический подход способствовал изучению и исследованию цивилизационного влияния России в Туркестане в его последовательном развитии. К указанным методам мы привлекали близкий им по смыслу и содержанию синхронистический метод для установления взаимосвязи между межцивилизационными процессами и явлениями, протекавшими в одно и то же время. Для раскрытия сущности цивилизационных мероприятий царской власти в Туркестане использовался метод ситуационного анализа. В плане изучения переселенческой политики царской России в Туркестане автор применял методы структурно-демографической теории. В диссертации использовался метод исторической

[38] Ленин В.И. Полн. Собр. сочинений. Изд. 5-е. т. 39. С. 67.

типологии, позволяющий «упорядочить и охарактеризовать качественную структуру изучаемого массового явления»[39]. Сыграли свою роль и методы социальной истории, изучающей «особенности образа жизни, элементы материальной и духовной культуры»[40]. Применялись также такие методы, как: ретроспективный, системно-структурный, историко-генетический, статистический и др. В работе использовался междисциплинарный подход. По мнению многих исследователей, сегодня уже нет «чистых» наук, в том числе и исторической. Расширяется круг изучаемой проблематики, углубляется научная специализация, происходит междисциплинарная кооперация и интеграция наук. Большого внимания заслуживают именно пограничные области междисциплинарных связей. Сегодня развиваются такие синтетические, общенаучные области научного знания, а равно их методы: историко-географический, антропологический, политико-антропологический, хронополитический, культурно-антропологический, этнопсихологический и др. В нашем исследовании они использовались как частнонаучные. Представляется очевидным, что методологический плюрализм становится характерной особенностью современной исторической науки, в связи с чем роль частнонаучных подходов к историческим исследованиям возрастает, так как они помогают более полно и глубоко изучать сущность тех или иных явлений. Некоторые ученые полагают, что это – магистральный путь формирования «единой науки будущего» (В.П. Кохановский). Таким образом, теоретико-методологические основы данного исследования имеют достаточно широкий диапазон. Безусловно, методология отечественной исторической науки включает в себя значительное больше методов и подходов. Однако, по нашему убеждению, диалектический метод, с учетом его временной трансформации, по-прежнему остается наиболее надежным инструментом исторического познания.

В заключение параграфа можно утверждать о том, что теоретико-

[39] Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. Ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 488.
[40] Там же. С. 461.

методологические основы исследования явились идейным, концептуальным «скелетом» диссертационной работы, «становым хребтом» которой стал диалектический метод, а также разнообразные методологические установки и подходы отечественной и зарубежной исторической науки. Методология диссертационного исследования позволила прийти к выводу о том, что цивилизационная политика царской России в мусульманской Средней Азии не привела к столкновения цивилизаций, а стала непременным условием всестороннего, разнообразного и взаимовыгодного сотрудничества между переселенческим и коренным населением Русского Туркестана.

1.2. Историографический обзор проблемы

Безусловно, историографическое обеспечение каждого исследования зависит от его темы. Что касается данной диссертационной работы, то её историографическая база приобретает характер круга, так как она охватывает фактически все стороны цивилизационной политики царской России в среде коренных народов Средней Азии. Анализ историографии избранной темы подразделяется нами на три категории: дореволюционную, советскую и постсоветскую. Это определяется исторически обусловленными периодами, существенно отличающимися друг от друга.

Дореволюционная российская историография Средней Азии отличается множественностью и разнообразием. Она стала складываться еще до присоединения региона к империи, но была немногочисленной. Например, в 1776 г. были опубликованы записки самарского купца Данилы Рукавина о Хивинском ханстве, которое он посетил по торговым делам в 1753 г.[41]. Д.

[41] Описание пути из Оренбурга к Хиве и Бухарам с принадлежащими обстоятельств, бывшего при отправленном в 1753 г. из Оренбурга в те места купеческом караване самарского купца Данилы Рукавина // Московский любопытный месяцеслов на 1776 год.

Рукавин считается зачинателем русской торговли с Хивой. В своих дневниках он описывал крепости и города ханства, приводил сведения об Ургенче, чеканке монет, о пленниках, о хозяйственных занятиях населения. Во второй части своего описания Д. Рукавин описывал три маршрута от Оренбурга к Хиве и Бухаре. Однако, первым, кто привнес в Россию наиболее полные сведения о Средней Азии, местных ханствах, их устройстве, жизни мусульманского населения и т.п. был Ф.С. Ефремов – русский унтер-офицер, участник подавления Пугачевского бунта. Его пленили казахи, поддерживавшие мятежников, и в 1774 г. продали в рабство в Бухару, где он, благодаря знанию военного дела, сумел выдвинуться и участвовал в разных военных операциях. Ефремов сумел сбежать в Индию, оттуда добраться до Англии, а в 1782 г. вернуться в Россию. В 1786 г. он издал книгу о своих злоключениях[42]. Современный казахский исследователь Ж.Ж. Шалгынбай пишет о том, что «книга настолько заинтересовала современников, что была переиздана неоднократно»[43]. Последнее ее издание вышло уже при советской власти в 1950 г.[44]. Сведения, доставленные Филиппом Ефремовым, были высоко оценены царским правительством.

Начало XIX в. ознаменовалось появлением ряда новых работ о Средней Азии, из которых можно выделить книгу Ф. Назарова, в которой он сообщал важные сведения о государствах и народах региона[45]. Член российской дипломатической миссии А.Ф. Негри в Бухару (1820-1821) Е.К. Мейендорф приводил любопытные данные о Средней Азии – жизни ее населения,

---

М., 1776. С. 209-214; см.: то же: Новости литературы. Кн. 5. СПб., 1829; см. то же: Бетгер Е.К. Самарский купец Данила Рукавин и его караван в Хиву в 1753 г. // Известия Академии Наук Туркменской ССР. 1952. № 6. С. 8-11.

[42] Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора десятилетнее странствие и приключение в Бухаре и Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим. СПб., 1786.

[43] Шалгынбай Ж.Ж. Казахстан в зарубежных источниках и материалах. Библиография до начала XX века. Алматы, 2009. С. 211.

[44] Ефремов Филипп. Девятилетнее странствование. М., 1950.

[45] Назаров Филипп. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. СПб., 1821.

устройстве Бухарского ханства, об исламе и его духовенстве в регионе.[46]. О кочевниках региона писал А.И. Левшин[47]. В 1829-1830 гг. в Кокандском ханстве побывал хорунжий Н.И. Потанин, сопровождавший домой присланную из ханства в Россию дипломатическую миссию. Записки хорунжего вызвали повышенный интерес как среди любознательной публики, так и в правительстве Николая I[48]. В 1841-1842 гг. в Бухарском ханстве пребывала русская миссия К.Ф. Бутенева, сотрудник которой Н.В. Ханыков описал свои впечатления о Туркестане в книге, изданной в 1843 г.[49]. В конце 1850-х гг. в среднеазиатских ханствах побывала дипломатическая миссия во главе с полковником Н.П. Игнатьевым. «Помимо блестящих дипломатических результатов миссия Игнатьева дала русской и мировой науке массу новых сведений по географии, истории, этнографии Хивинского и Бухарского ханств»[50].

С присоединением Средней Азии к России количество работ, ей посвященных, с каждым годом нарастало. К началу 1917 г. российская историография Туркестана приобрела значительные объемы и различные векторы тематики. Учитывая рост англо-русских противоречий в регионе, часть работ была посвящена международно-политическому аспекту присоединения Средней Азии[51]. Безусловно, наибольший интерес для

---

[46] См. советское издание: Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975.

[47] Левшин А.И. Об имени киргиз-кайсацкого народа и отличии его от подлинных или диких киргизов. // Московский вестник. 1827, ч. IV, № 16; его же: Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. В 3-х частях. СПб., 1832.

[48] Записки о Кокандской ханстве хорунжего Н.И. Потанина (1829-1830) // Военный журнал. 1831. № 4.

[49] Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.

[50] Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь. М., 2005. С. 94.

[51] Венюков М. Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868; его же: Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873; Россия и Восток. Сборник географических и политических статей. СПб., 1896; Григорьев В.В. Русская политика в отношении Средней Азии. Исторический очерк. СПб., 1874; его же: Россия и Восток. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии. СПб., 1876; Долинский В. Об отношении России к среднеазиатским владениям и об устройстве Киргизской степи. СПб., 1865; Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских СПб., 1890; Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1880; Романовский Д.И. Заметки по среднеазиатскому вопросу.

исследования представили работы людей, непосредственно участвовавших в присоединении региона, или служивших в нем на различных должностях[52]. Как правило, такие работы насыщены многими фактами, почерпнутыми авторами из их практической деятельности. Участник присоединения Средней Азии (в чине ротмистра) М.А. Терентьев, в 1906 г., будучи уже в чине генерал-лейтенанта, издал трехтомную «Историю завоевания Средней Азии»[53]. Исследователь М.К. Басханов пишет о том, что эта работа «стала классической еще при жизни автора и сохранила свою научную ценность до наших дней»[54]. Мы считаем такую оценку труда Терентьева несколько завышенной, но не отказываем ему в любопытстве содержания. Заслуживают внимания работы о Туркестане более именитого русского генерала – А.Н.

СПб., 1868; Россель Ю. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке // Вестник Европы. 1878. Т. XIII. Кн. 6, 7; Середонин С.М. Исторический очерк завоевания Азиатской России // Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914; Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875; Торнау Н. К истории приобретений России в Азии // Журнал министерства народного просвещения. 1914, № 4 (апрель); Череванский В. Две волны. Историческая хроника. В 2-х частях. СПб., 1901 и др.

[52] См.: Абаза К.К. К завоеванию Туркестана. Рассказы из военной жизни, истории, очерки природы, быта и нравов туземцев в общепринятом изложении. СПб., 1902; Арендаренко Г.А. Досуги в Туркестане. 1874-1889. СПб., 1889; его же: Дарваз и Катагегин. Этнографический очерк // Военный сборник. 1883. № 11-12; Белявский. Материалы по Туркестану. СПб., 1884; Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889; Логофет Д.Н. Завоевание Средней Азии // История русской армии и флота. М., 1913; Лыкошин Н.С. «Хороший тон» на Востоке. К полувековому юбилею завоевания русскими Туркестанского края. СПб., 1915; его же: Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Пг., 1917; Миропиев М.А. О положении русских инородцев. СПб., 1901; Павлов Н. История Туркестана. Ташкент, 1910; Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876; Михайлов Ф. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Этнографический очерк. Асхабад, 1900; Терентьев М.А. Туркестан и туркестанцы. // Вестник Европы. Т. 55. Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае (1870-1906) // Исторический вестник. Сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь; Федоров К.М. Закаспийская область. Асхабад, 1901; Циммерман Э.Р. Вглубь Азии. Поездка в Самарканд. М., 1893; Шеманский А.Д. Завоевание Средней Азии. // История русской армии и флота. М., 1913 Южаков Ю.Д. Итоги 27-летнего управления Туркестанским краем. // Русский вестник. 1891. Июль. Т. 215. Август. 216; Яворский Н.Л. Средняя Азия. Культурные успехи и задачи в ней России. Одесса, 1893; Янчевский С. «Русский мир» по отношению к Туркестанскому краю. Ташкент, 1875 и др.

[53] Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами. В 3-х томах. СПб., 1906.

[54] Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М., 2005. С. 234.

Куропаткина, отличающиеся профессионализмом и ответственностью[55].

Значительный вклад в дореволюционную историографию Средней Азии (Туркестана) внесли труды известного российского исламоведа и общественного деятеля, действительного статского советника Н.П. Остроумова (1846-1930)[56]. Академик В.В. Бартольд оправданно называл его «патриархом туркестановедения». Труды Н.П. Остроумова отличаются профессионализмом, прекрасным знанием рассматриваемых проблем, ясностью мысли, доступностью изложения, использованием «местных» материалов и т.д. Другим большим знатоком жизни народов Средней Азии был В.П. Наливкин, который вместе с супругой и детьми прожил несколько лет в «сартовском» кишлаке, досконально познал быт его жителей и их

---

[55] См.: Куропаткин А.Н. Исторический очерк Кашгарии // Военный сборник, 1877. № 11-12; 1878. № 1-4; его же: Туркмения и туркмены. СПб., 1879; его же: Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее вооруженные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879; его же: Поступательное движение русских в Среднюю Азию. СПб., 1887; его же: Всеподданнейший отчет генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения Высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения. Б.м., 1895; его же: Завоевание Туркмении (поход в Ахал-Теке в 1880-1881 годах) с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 год. СПб., 1899; его же: Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Т. 1-4. СПб., 1906-1907; его же: Россия для русских. Задачи русской армии. В 3-х томах. СПб., 1910; его же: Русско-китайский вопрос. СПб., 1913 и др.

[56] Остроумов Н.П. Китайские эмигранты и распространение среди них православного христианства. Казань, 1879; его же: Исторический очерк народного образования в городах и укреплениях бывшей Сыр-дарьинской линии и Туркестанской области с 1800 по 1867 год. Ташкент, 1881; его же: Характеристика религиозно-нравственной жизни мусульман, преимущественно в Средней Азии // Православное обозрение. 1881. С. 259-324; его же: Исторический опыт взаимных отношений между христианством и мусульманством. СПб., 1888; его же: Сарты. Этнографические материалы. Т.1. Ташкент, 1890; его же: Уложение Тимура (Тамерлана). Казань, 1894; его же: Способны ли кочевые народы к восприятию христианской веры // Православный благовестник. 1895. № 22, 23; его же: Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Ташкент, 1899; его же: Рассказы о покойном К.П. Кауфмане // Туркестанский литературный сборник в пользу прокаженных. СПб., 1900; его же: Коран и прогресс. Ташкент, 1901; его же: Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Февраль; его же: Учебный курс мадрасы // Православный благовестник. 1907. № 4,6,9; его же: Мусульманское законоведение. Ташкент, 1909; Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае. Ташкент, 1910; его же: Современное правовое положение мусульманской женщины. Казань, 1911; его же: Мир ислама. Его прошлое и современное положение // Мир ислама. 1912. № 2. Т.1; его же: Из истории мусульманского образовательного движения в XIX – XX столетиях. // Мир ислама. 1913. Т.2. Вып. 5; его же: Исламоведение. Введение в исламоведение. Ташкент, 1914 и др.

наречия, которыми он владел в совершенстве. По сравнению с работами Н.П. Остроумова, в трудах В.П. Наливкина меньше теоретических суждений, но больше знания практической жизни мусульманства Русского Туркестана[57]. Он решительно и последовательно критиковал политику туркестанской правительственной администрации за ее поддержку «туземной» бюрократии, угнетавшей свой же народ[58]. Великий русский писатель М.Е. Салтыков-Щедрин в романе «Господа ташкентцы», в главе «Ташкентцы-цивилизаторы» писал: «Цивилизующее значение России в истории развития человечества всеми учебниками статистики поставлено на таком незыблемом основании, что самое щекотливое самолюбие должно успокоиться и сказать себе, что далее этого идти невозможно»[59]. Безусловно, он имел в виду не русский народ, а загнивающий царский режим.

Все вышеприведенные нами работы дореволюционных авторов о Туркестане были, в основном, неплохими сочинениями, однако они не являлись подлинно научными исследованиями. К их числу, безусловно, можно отнести труды академика В.В. Бартольда, который всегда позиционировал себя как туркестановед. Значимость его работ для данного исследования заключалась, прежде всего, в получении широкого и глубокого знания об истории Средней Азии, научно обоснованного и убедительного, позволяющего максимально масштабно рассмотреть изучаемую проблему[60].

---

[57] См.: Наливкин В.П., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы. Казань, 1886; его же: Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886; его же: Очерк благотворительности у оседлых туземцев Туркестанского края // Сборник материалов по мусульманству. Т. 2. Ташкент, 1900; его же: Что дает мусульманам школа в образовательном и воспитательном отношениях? // Туркестанский литературный сборник в пользу прокаженных. СПб., 1900; его же: Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания // Ежегодник Ферганской области. Т. 3. Новый Маргилан, 1904; Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913 и др.

[58] См.: приложения.

[59] Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 3. М.: «Правда», 1988. С. 105.

[60] См. напр.: Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. в 9 томах. Т. 1. М., 1963; его же: Очерк истории Семиречья // Соч. в 9 томах. Т. 2, ч.1. М., 1963; его же: История Туркестана (конспект лекций) // Соч.в 9 томах. Т. 2, ч.1. М., 1963; его же: Кавказ, Туркестан, Волга. // Соч.в 9 томах. Т. 2, ч. 1. М., 1963; его же: История культурной жизни Туркестана. // Соч. в 9 томах. Т. 2, ч.1. М., 1963; его же: Туземец о русском завоевании. //

Поскольку мы рассматриваем в диссертации широкий спектр проблем жизни дореволюционной Средней Азии, то считаем необходимым отметить исследовательскую рефлексию на основные из них. Вопросы экономического (хозяйственного, торгового, финансового и т.п.) характера в этом регионе нашли отражение в относительно небольшом числе исследований[61]. В этом отношении особенно показательным было появление в Туркестане российских железных дорог, что тоже нашло свое проявление в дореволюционной историографии[62]. К сожалению, о сельском хозяйстве в Средней Азии того времени писали относительно немного, хотя оно представляло основной сектор региональной экономики[63].

Соч. в 9 томах. Т. 2. Ч. 2. М., 1964; его же: Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894 // Соч. в 9 томах. Т. 4. М., 1964; его же: Двенадцать лекций по истории тюркских народов Средней Азии // Соч. в 9 томах. Т. 5. М., 1968; его же: Турция, ислам, христианство // Соч. в 9 томах. Т. 6. М., 1966; История изучения Востока в Европе и России // Соч. в 9 томах. Т. 9. М., 1977 и др.

[61] См.: Бродовский М.И. Технические производства в Туркестанском крае. СПб., 1875; Вебер В.Н. Полезные ископаемые Туркестана. Пг., 1917; Гейер И.И. Туркестан. Ташкент, 1909; Глуховский А.И. Торговые отношения России со Средней Азией // Биржевые ведомости. 1869. № 106, 107, 115, 163, 196 // Туркестанский сборник. Т. 26. С. 1-4; Заорская В.В., Александер К.А. Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915; Иванов Д.Л. Нефтяные источники Ферганской области. Ташкент, 1882; Малаховский Н.И. Производительные силы Туркестанского края. Вып.1.СПб., 1909; Наливкин В. Заметки по вопросу о лесном хозяйстве в Фергане // Туркестанские ведомости. 1883, № 16; Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии. СПб, 1856; О фабриках и заводах в Семиреченской области // Русский Туркестанский сборник. Вып.1. 1872; Оглоблин В.Н. Промышленность и торговля Туркестана. Из путевых заметок. М., 1914; Туркестанский коммерческий адрес-календарь на 1898 год. Самарканд, 1898; Туркестанский коммерческий адрес-календарь на 1898 год. Самарканд, 1898; Федоров М.П. Хлопководство в Средней Азии. СПб., 1898; Шавров Н.Н. О среднеазиатских породах шелковичного червя // Туркестанское сельское хозяйство. 1907. № 6-8; Шелководство в Ферганской области // Ежегодник Ферганской области. Т. I. Новый Маргилан, 1902 и др.

[62]См.: Гурдэ П.В. Семиреченская железная дорога // Туркестанские ведомости. 1903. № 1; Зенков П. Туркестанская железная дорога в связи с другими экономическими вопросами края. М., 1881; к вопросу о соединении наших Среднеазиатских владений с Европейской Россией рельсовым путем. // Сибирский вестник. 1898. № 72; Обзор деятельности второго департамента Государственного совета по рассмотрению дел о частных железных дорогах за время с 1906 по 1913 гг., СПб. 1914; Северо-Туркестанская (Семиреченская) железная дорога // Туркестанский сборник. Т. 492. С. 143-167; Тимаев К.А. К дорожному вопросу в Туркестане // Труды III съезда деятелей по сельскому хозяйству Туркестанского края. Ташкент, 1914 и др.

[63] См.: Агрономические работы 1909 года в Туркестане (Семиреченский район) // Средняя Азия. Ташкент, 1911. № 3; Александров Н.Н. Агрономическая помощь населению Туркестанского края. // Сельское хозяйство. 1911. № 5; Донцов М. О нуждах сельского

Важнейшим каналом приобщения коренного населения к передовым формам цивилизации стало переселение в Туркестан лиц разных российских сословий, через деятельность которых цивилизационная роль России в исторических судьбах коренных народов Средней Азии получила наиболее очевидное выражение. Дореволюционная российская историография уделила серьезное внимание этому процессу[64]. О переселении русских в Среднюю Азию писал академик В.В. Бартольд[65]. Большинство дореволюционных авторов расценивали переселение как позитивное явление в жизни Туркестана, несущее местному «туземному» населению много нового и полезного. Вместе с тем, некоторые исследователи обращали внимание на то,

---

хозяйства Туркестанского края // Туркестанское сельское хозяйство. 1911, № 10; Сельское хозяйство в Туркестане в 1895 году // Известия министерства земледелия и государственных имуществ. 1896, № 6-7; Съезды деятелей по сельскому хозяйству Туркестанского края. (1909-1911) Ташкент, 1912 и др.

[64] См.: Андриевский А. Значение вопроса о киргизских зимовках в деле образования переселенческих участков в Лепсинском уезде, Семиреченской области // Вопросы колонизации. 1909, № 5; Велецкий С.Н. Записка о нуждах переселенческого дела в Семиреченском районе. Верный, 1913; его же: О колонизационном значении Семиречья // Вопросы колонизации. 1909, № 4; Влияние русских на жителей Средней Азии // Туркестанский сборник. Т. 248. С. 55-56; Вощинин В. Очерк нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации. СПб., 1914; его же: Колонизационное дело при А.В. Кривошеине // Вопросы колонизации. 1915, № 18; Гаврилов Н. Переселенческое дело в Туркестанском крае в 1907 году. // Вопросы колонизации. 1908, № 2: его же: Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-дарьинская, Самаркандская и Ферганская). Отчет о служебной поездке в Туркестан осенью 1910 года чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Н. Гаврилова. СПб., 1911; Гейер И.И. Крестьянская колонизация Сыр-дарьинской области. Ташкент, 1916; Дингельштедт Н. Наша колонизация в Средней Азии. Русские поселки в Туркестане // Вестник Европы. 1892, № 11; Дьячков П.А. Озеро Иссык-куль и его северный берег. (Из поездки в 1897 году) // Известия Туркестанского отдела Русского Географического Общества. Т. 1. Вып. I. Ташкент, 1898; Кауфман А.А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903; его же: Переселение и колонизация. СПб., 1905; Лыкошин Н.С. Переселение и переселенцы. Самарканд, 1892; Половцов А.А. Отчет чиновника особых поручений при министре внутренних дел, командированного в 1896-1897 годах для собрания сведений о положении переселенческого дела в Туркестанском Крае. СПб., 1898; Румянцев П. Условия колонизации Семиречья // Вопросы колонизации. 1911; Русские переселенцы в Туркестане. Ош. // Туркестанский сборник. Т. 518. Ташкент, 1909. С. 200-202; Справочная книжка для ходоков и переселенцев. СПб., 1909-1914; Трегубов А.Л. Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской областях. СПб., 1910; Шкапский О.А. Переселенцы-самовольцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. СПб., 1906; Яшнов Е. Колонизация Туркестана в последние годы // Вопросы колонизации. 1915. № 18 и др.

[65] См.: Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Соч. в 9 томах. Т. 2, ч.1. М., 1963. Раздел VIII. Русское переселенческое движение. С. 319-335.

что изъятие земель у местного населения для переселенцев порождает недовольство последнего и чревато непредсказуемыми последствиям[66]. Как известно, в 1916 г. они вылились в восстание коренного населения Средней Азии против административной и земельной политики царизма.

Одной из важнейших сфер в дореволюционной Средней Азии была система мусульманского образования, сложившаяся в течение многих столетий. Естественно, что она стала объектом исследования со стороны дореволюционных российских специалистов, преимущественно деятелей учебных ведомств и учреждений. О мусульманском образовании писал Н.П. Остроумов (см. выше). Кстати, именно он прогнозировал распад Российской империи и СССР, отмечая, что «покоренные оружием инородцы и иноверцы никогда не примиряются с подчинением иноверной власти и рано или поздно открыто восстают против своих завоевателей и угнетателей»[67]. Упоминавшийся выше В.П. Наливкин тоже не обошел вниманием проблему образования в Туркестане[68]. О характере мусульманского обучения в Средней Азии писал академик В.В. Бартольд[69]. Его проблемы нашли отражение и в трудах других авторов[70]. Признавая отсталость «туземного» образования, его консерватизм, религиозный характер и т.п., российские авторы не охаивали его, находили в нем известные позитивы, рассматривали возможности цивилизационного воздействия на него со стороны российской

---

[66] См.напр.: Федоров Е. Аграрные недоразумения в Туркестанском крае (инцидент между киргизами и земельно-податной комиссией). (1909) // Туркестанский сборник. Т. 510. С. 33-35.

[67] Остроумов Н.П. К воспоминаниям о В.П. Наливкине и А.Ф. Керенском // Востоковедческие чтения памяти Н.П.Остроумова. Сб. материалов. Ташкент, 2008, с.389 в сноске.

[68] Наливкин В.П. Что дает мусульманам школа в образовательном и воспитательном отношениях? // Туркестанский литературный сборник в пользу прокаженных. СПб., 1900.

[69] См.: Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. // Соч. в 9 томах. Т. 2, ч.1. М., 1963. Раздел VII. Школы. С. 297-318.

[70] См.: Бобровников Н.А. Русско-туземные училища, мектебы и медресе в Средней Азии // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. Июнь, июль; Граменицкий С. Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. Ташкент, 1896; его же: Положение инородческого образования в Сыр-дарьинской области. Ташкент, 1916; Керенский Ф.М. Медресе Туркестанского края // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Ноябрь; Череванский В.В. Мир ислама в его пробуждении. В 2-х частях. СПб., 1901.

государственной и национальной школы и т.д.

Вопросы здравоохранения в Средней Азии нашли весьма ограниченную рефлексию в дореволюционной отечественной историографии. Заслуживают внимания труды военного врача И.Л. Яворского[71]. Проблеме региональной медицины была посвящены работы Андреева, В. Вышпольского, В.И. Кушелевского[72]. О прокаженных в Туркестане писал Н.С. Лыкошин[73].

Формирование советской историографии Русского Туркестана не было одномерным процессом – оно знало свои этапы. В первое время она вдохновлялась рекомендациями большевистского руководства, заинтересованного в привлечении на свою сторону широких масс мусульманства. Идеологическим ориентиром в изучении истории дореволюционной Средней Азии стало циркулярное письмо ЦК РКП (б) от 12 августа 1920 г. всем парторганизациям Туркестанской АССР. В нем отмечалось: «В течение многих десятилетий Туркестан жестоко эксплуатировался царской бюрократией и великодержавным капиталом. Сюда направлялись все отбросы царско-чиновничьего самодержавия. Здесь систематически создавалась основа для колониального угнетения в лице русского эксплуататорского населения. Русским кулакам была предоставлена полная свобода захвата земель туземного населения. Царская бюрократия

---

[71] См.: Яворский И.Л. Долина Аму-Дарьи в ее верхнем течении. Медико-географический очерк. Ташкент, 1879; его же: Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878-1879 гг. Т. 1-2. СПб., 1882-1883; его же: Опыт медицинской географии и статистики Туркестана. Ч. 1. Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1889; его же: Краткий отчет о научной командировке в Среднюю Азию, исполненной летом 1894 года. Т. 1-3. Одесса, 1895 и др.

[72] Андреев. Санитарные заметки по поводу полевой поездки на Алай 1886 года // Сборник материалов по Азии. Вып. 35. СПб., 1888; Вышпольский В. Медико-топографические очерки Иссык-Кульского уезда (Пржевальского), Семиреченской области с описанием преобладающих болезней в зависимости от почвы, климата и бытовых условий, среди населения уезда (за время с 1870-1890 в гражданском населении и с 1884-1894 в военном) // Военно-медицинский журнал. 1895. Кн. X; Кушелевский В.И. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. Т.1. Новый Маргилан, 1890; его же: Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. Т. II-III. Нов. Маргилан, 1891.

[73] Лыкошин Н. Прокаженные в Туркестане. Ташкент, 1896.

своим произволом, насилием, грабежом и взятками сделала здесь ненавистным само имя русского… Все русское население годами и десятками лет воспитывалось в духе национального превосходства и национального неравенства»[74]. Развивая это мнение партийного руководства, большевик Г. Сафаров написал в 1921 г. книгу о царском Туркестане[75]. Его труд, безусловно, носил околонаучный, лозунговый характер, порочивший всю деятельность царской России в регионе. В таком «жанре» сложилась концепция М.Н. Покровского, которая с «классовых» позиций расценивала все царистское прошлое исключительно негативно, рассматривая присоединение народов Средней Азии к России как «наибольшее зло» в их исторических судьбах[76]. Все, кто выступал против концепции Покровского, подвергались суровой критике. Зато сочинения явных критиков цивилизационной политики царизма в Средней Азии получали всемерную поддержку господствующей идеологии[77]. Они отличались слабостью научной профессиональной мысли, однако были исполнены ожесточенной критики «позорного» царистского режима в регионе. Таким образом, «в 1920-х гг. тезис о «русификаторской» политике царизма, насильственно

---

[74] Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Документы и материалы. Т. 2. Алма-Ата, 1964. С. 646.

[75] Сафаров Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана). М., 1921.

[76] См. напр.: Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923; его же: Марксизм и особенности исторического развития России // Собр. соч. 1922-1925. М., 1925; его же: Историческая наука и борьба классов. // Избр. Произв. в 4-х книгах. Книга 2. М., 1965 и др.

[77] См. напр.: Бройдо Г.И. Материалы к истории восстания киргиз в 1916 г. // Новый Восток. 1924. № 6; Восстание 1916 г. в Средней Азии // Красный архив. 1929. № 3 (34); Восстание 1916 г. в Средней Азии // Ташкент, 1932; Демидов А.П. Экономические очерки хлопководства, хлопковой промышленности и торговли в Туркестане. М., 1926; Зелькина Е. Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии. М., 1930; Карпыч К. К истории завоевания Туркменистана российским капитализмом // Туркменоведение. Ашхабад, 1929. № 10-11; Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане (Буржуазная колонизация Средней Азии). М., 1930; Маклашевский А. Социальное движение 1916 г. в Туркестане // Былое. 1924; № 27-28; Рыскулов Т. Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 году. Кзыл-Орда, 1927; его же: Киргизстан. М., 1929; его же: из истории борьбы за освобождение Востока // Новый Восток. 1924. Кн.6; Сенг-Заде. К 30-летию Андижанского восстания 1898 г. // Революция в Средней Азии. Сб. статей. Т. 1. Ташкент, 1928; Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925; Ямзин И.Л., Вощинин В.П. Учение о колонизациях и переселении. М.-Л., 1926 и др.

приобщавшей мусульман Средней Азии к российской цивилизации, в том числе и через их «православизацию», был достаточно весомым в советской историографии»[78].

В процессе «великого перелома» происходили изменения в отношении большевистской власти к исторической науке. В 1931 г. начались первые нападки на концепцию М.Н. Покровского. Позже они продолжились. В 1939-1940 гг. последовательно вышло два сборника статей, разоблачающих идеи «падшего ангела» марксистской историографии 1920-х гг.[79]. Однако было бы ошибочным преувеличивать вину «школы» Покровского перед советской историографией. Она руководствовалась главной установкой партии о том, что «царское правительство стремилось задушить всякое проявление национальной культуры, проводило политику насильственного «обрусения» нерусских национальностей. Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов»[80]. Кроме того, в начале 1930-х гг. в Советском Туркестане обнаружилась «троцкистско-колонизаторская» концепция истории Средней Азии, которой был дан сокрушительный отпор[81]. Поэтому в целом историки Туркестана как в центре, так и на местах в своих работах отстаивали указанную выше партийную точку зрения, которая нашла рефлексию во многих работах того времени[82]. Особенной активностью в

---

[78] Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917. (По архивным материалам): монография. Елец: ЕГПИ, 1998. С. 25.

[79] Против исторической концепции М.Н. Покровского. Вып.1. М.-Л., 1939; против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. Вып.2. М.-Л., 1940.

[80] Краткий курс истории ВКП (б). М., 1938. С. 6.

[81] См.: Троцкистско-колонизаторская концепция истории Средней Азии, Сб. статей. М., 1933.

[82] См.: Ванаг Н.Н. Краткий очерк истории народов СССР. Ч.1. М., 1932; Кастельская З.Д. К истории англо-русского соперничества в Средней Азии (с первой половины XIX века по 1907 год. // На зарубежном Востоке. 1934. № 2; Кушева Е.Н. Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX века // Исторический сборник. Вып.3. Л., 1934; Павлов С., Рабинович М. Кокандское восстание (1873-1876 гг.) // Борьба классов. 1934. № 4; Штейнберг Е.Л. Очерки истории Туркмении. М.-Л., 1934; Рабинович М. Завоевание Туркмении царскими войсками (1883-1885 гг.) // Борьба классов. 1936. № 8; Асфендиаров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). Алма-Ата, 1935: его же: Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1936; Штейнберг Е.Л. Из истории порабощения русским царизмом народов Средней Азии // Из истории колониальной политики русского царизма. М., 1937; Житов К., Непомнин В. От

критике царистского прошлого Туркестана отличался П.Г. Галузо. Однако она не была оголтелой. Он разоблачал всю царистскую систему в регионе в целом, не исключая органы «туземной администрации», усматривая в ее деятельности основную причину тяжелого положения населения Средней Азии. Галузо отмечал, частности: «Мы имеем полное право квалифицировать аппарат туземной власти как аппарат паразитический, разрушавший своей эксплуатацией хозяйство дехканина и скотовода»[83]. Вообще, труды Галузо весьма своеобразны – в них много интересного фактического материала, однако оценка общего развития края грешит субъективизмом и небрежением к диалектической объективности. Так, сокрушая «троцкистско-колонизаторскую» концепцию истории Туркестана, он постоянно подвергал сомнению тезис о том, что присоединение Средней Азии к России имело прогрессивное значение[84].

Как известно, во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. все силы страны и народа были сосредоточены на борьбе с фашистским агрессором. Вместе с тем, в военное время решались и многие сугубо невоенные проблемы. Не оставалась без внимания и историческая наука. В 1944 г. в ЦК ВКП (б) было проведено Совещание по вопросам истории СССР. На нем рассматривались и проблемы истории Средней Азии. Материалы Совещания сыграли свою роль в изменении взглядов на

колониального рабства к социализму. Ташкент, 1939; Федоров Е.Г. К истории Казахстана конца XIX – начала XX в. // Большевик Казахстана. 1939. № 1; Яковлев Н.Н. Внешняя и национально-колонизаторская политика царизма в 60-70 гг. XIX в. Народы Средней Азии в середине XIX в. Завоевание Средней Азии. М., 1940; Попов А.Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм // Исторические записки. Т.7. М., 1940; его же: Из истории завоевания Средней Азии // Исторические записки. Т.9. М., 1940; его же: Внешняя политика самодержавия в XIX веке в «кривом зеркале» М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. Вып. 2.ж М.-Л., 1940; Вяткин М.П. Казахстан – колония царизма // Ученые записки Казахского педагогического института. Алма-Ата, 1941; его же: Очерк по истории Казахской ССР. Л., 1941; Бунаков Е.В. К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в. // Советское востоковедение. Вып.2. М.-Л., 1941 и др.

[83] Галузо П.Г. Туркестан – колония. (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года). М., 1929. С. 55.

[84] См.: Галузо П.Г. Троцкистско-колонизаторская концепция истории Туркестана - колонии. Сб. статей. М.-Ташкент, 1933.

включение региона в состав России. Если в довоенный период советская историография писала о его «завоевании», то теперь речь все чаще шла о его присоединении к России[85]. Вместе с тем, былой тезис «Краткого курса истории ВКП (б)» об угнетательской сущности царской власти в Туркестане сохранил свое распространение[86]. В 1953 г. против привычных интерпретаций проблемы выступил таджикский ученый Б. Гафуров[87]. В 1955 г. была проведена специальная научная сессия, посвященная истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период[88]. Выступавшие (Х.Т. Турсунов, Т.Е. Елеулов, А.Г. Зима, О.К. Кулиев, К.Е. Житов и др.) отмечали прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России. Таким образом, в 1950-х гг. началась переоценка дореволюционной истории Средней Азии. Что касается цивилизационной политики царизма, то она по-прежнему изображалась в духе «Краткого курса истории ВКП(б)»[89]. Но и в последующем такой подход постоянно муссировался советскими исследователями, особенно в среднеазиатских союзных республиках[90].

---

[85] См.: Брагинский И.С., Раджабов С., Ромодин В.А. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России // Вопросы истории. 1953. № 8; Гафуров Б. История таджикского народа в кратком изложении. Сталинабад, 1949; Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.). М., 1958; История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1949; История народов Узбекистана. В 2-х томах. Ташкент, 1947; Непомнин В.Я. Прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России // Известия АН Узбекской ССР. 1954. № 1; Морозов М. Об истории Казахской ССР // Большевик. 1945. № 6; Турсунбаев А. Роль русского народа в социалистическом преобразовании Казахстана // Вестник АН Казахской ССР. 1947. № 1-2; Шоинбаев Т. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России // Коммунист Казахстана. 1954. № 8 и др.

[86] См. напр.: Омелин Н.Е. История колонизации Средней Азии царской Россией // Ташкентский финансово-экономический институт. Научные записки. № 3. Ташкент, 1948. С. 46.

[87] Гафуров Б. Об Андижанском «восстании» 1898 года // Вопросы истории. 1953. № 2. С. 50-61.

[88] См.: Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

[89] См. напр.: Вахабов М. Ташкент в годы трех революций. Ташкент, 1957; Азадаев Ф. Ташкент во второй половине XIX века. (Очерки социально-экономической и политической истории). Ташкент, 1959; О прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России // История СССР. 1959, № 5.

[90] См.: Аминов А., Бабаходжаев А. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966; Касымов Н. Прогрессивное значение образования русских поселков в Хадыженском уезде. Душанбе, 1968;

При всем вышеизложенном было бы ошибочным отрицать значительные достижения советского туркестановедения в послевоенный период. Большой вклад в изучение истории Средней Азии до и после ее присоединения к России внес видный советский востоковед Н.А. Халфин[91]. Безусловно, в его работах присутствовал так называемый «классовый подход» к характеристике и оценкам тех или иных исторических обстоятельств, однако он не заслонял их действительное объективное содержание. Исследователь Н.В. Терентьева пишет: «Большая заслуга Н.А. Халфина в том, что в его трудах был очерчен круг вопросов, которые являются наиболее перспективными для современных исследователей центральноазиатского вопроса»[92]. Среди работ российских авторов 1960-1980 гг. о Туркестане следует выделить труды С.М. Абрамзона, Н.Е. Бекмахановой, З.Д. Кастельской, Н.С. Киняпиной, А.П. Погребинского, С.П. Полякова, А.В. Пясковского, Т.С. Саидбаева, К.П. Тена и др.[93] В 1963 г.

Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. Сб. статей. Ташкент, 1969; Савицкий А.П. Из истории присоединения Средней Азии к России // Научные труды ТашГУ. Вып.238. Ташкент, 1964; Соколов А.Я. Присоединение Средней Азии к России и развитие русско-афганских отношений // Научные труды ТашГУ. Вып.229. Серия: востоковедение. Ташкент, 1964.

[91] См.: Халфин Н.А. Три русские миссии. Ташкент, 1957; его же: О присоединении Средней Азии к России и его значении // История СССР. 1959, № 2. С. 196-199; Его же: Политика России в Средней Азии (1857-1868). М., 1960; его же: Присоединение Средней Азии к России (60-90-е годы XIX в.). М., 1965: его же: О движущих мотивах политики царизма в Средней Азии (60-70-е гг. XIX в.) // История СССР. 1972. № 4; его же: Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974. и др.

[92] Терентьева Н.В. Н.А. Халфин и изучение политики России в Центральной Азии в первой половине XIX в. // Историк и его эпоха. Вторые Даниловские чтения (20-22 апреля 2009 г.). Тюмень, 2009. С. 22.

[93] Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971; Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в. – 1917). М., 1986; История и этнография народов Средней Азии. Сб. статей. Душанбе, 1981; Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края (1885-1917). М., 1980; Киняпина Н.С. Средняя Азия во внешнеполитических планах царизма (50-80-е гг. XIX в.) // Вопросы истории. 1974. № 2; Погребинский А.П. Налоговая политика царизма в Средней Азии // Исторические записки. 1960, № 66; Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М., 1980; его же: Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М., 1989; Пясковский А.В. Революция 1905-1907 гг. в Туркестане. М., 1958; Саидбаев Т.С. Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. М., 1978; Тен К.П. Русское население Средней Азии во второй половине XIX – начале XX вв. // История СССР. 1970. № 4; Страны и народы Востока. М., 1980 и др.

вышел фундаментальный труд советских этнографов о народах Средней Азии и Казахстана, в котором цивилизационная роль России в их исторических судьбах тоже не была обойдена[94].

В советский период тему цивилизационной роли России в дореволюционной Средней Азии активно развивали историки союзных республик региона, считавшие ее судьбоносной[95]. Одновременно шло накопление библиографических материалов по региону[96]. Значительный

---

[94] См.: Народы Средней Азии и Казахстана (этнографические очерки). Т. 1-2. М., 1963.

[95] Абдуллаев Ш.Ш., Зевелев А.И. В.И. Ленин и исторические судьбы народов Средней Азии. М., 1968; Аминов А.М., Бабаходжаев А.Х. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966; Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Туркестана. Ташкент, 1985; Давлетов Д., Ильясов А. Присоединение Туркменистана к России. Ашхабад, 1972; Ефимов В.И. К вопросу о роли России в исторических судьбах народов Бухарского ханства // Труды Самаркандского университета. Новая серия. Вып. 101. Самарканд, 1960; Джамгерчинов Б.Д. Важный этап из истории киргизского народа. К столетию присоединения Киргизии к России. Фрунзе, 1957; его же: Присоединение Киргизии к России. М., 1959; его же: Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963; его же: О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963; его же: Очерки политической истории Киргизии XIX в. Фрунзе, 1966; Из истории Средней Азии (дореволюционный период). Ташкент, 1965; История и этнография народов Средней Азии. Сб. статей. Душанбе, 1981; Косбергенов Р. Прогрессивное значение присоединения Каракалпакии к России. Нукус, 1973; Ленин В.И. О Средней Азии и Узбекистане. Ташкент, 1957; Левтеева Л.Г. Присоединение Средней Азии в мемуарных источниках. Ташкент, 1986; Навеки вместе: к 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1982; Прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России. Сб. статей. Ч. 1-2. Ташкент, 1970; Сухарева О.А. Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960; Усенбаев К. Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960; Хасанов А. Экономические и политические связи Киргизии с Россией. Фрунзе, 1960; Хидоятов Г.А. Россия и Средняя Азия во второй половине XIX в. // Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. Ч. 1-2. Труды исторического факультета ТашГУ. Ташкент, 1969; Шоинбаев Т. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1973 и др.

[96] Авшарова М.П., Алашникова А.И., Кайзер С.И. История Узбекистана. Указатель советской литературы. 1917-1952. Ташкент, 1968; Буров Н., Гаррицкий А. Краткий указатель литературы по Туркестану. Ташкент, 1924; Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. М., 1963; Историография общественных наук в Узбекистане. Ташкент, 1974; История Казахстана. Библиографический указатель. Кн. 1-2. Алма-Ата, 1988; История Узбекистана. Ч.1. Указатель советской литературы 1917-1952 гг. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент, 1968; Книжные сокровища Государственной библиотеки СССР им. Ленина. Вып. 1-5. М., 1979; Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965; Лунин Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Ташкент, 1979; Маслова О.В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ташкент, 1971; Милибанд С.Д. Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1975;

вклад в изучение прошлого Русского Туркестана внесло издание академических историй отдельных республик Средней Азии и Казахстана[97]. Естественно, что в такого рода сочинениях «классовый» подход к рассматриваемой нами проблеме был ярко выражен, что, однако мало умаляло их научное значение. Вместе с тем, нельзя не признать, что оно заключалось более в систематизации материала, чем в его оригинальной, действительно объективной и беспристрастной научной интерпретации.

Кроме того, в советский период, были изданы истории наиболее известных и крупных городов региона[98]. Они были во многом похожи на свои «академические» аналоги, однако в них было больше фактов местного значения и меньше идеологической «шелухи». Таким образом, в послевоенный период, вплоть до распада СССР, в союзных республиках Средней Азии (включая Южный Казахстан) сформировался значительный объем разнообразного научного материала о дореволюционном Туркестане, однако в нем был значительный перевес в сторону историко-политической проблематики. Многие важные вопросы истории региона, вообще, не были разрешены. Например, ни в одном историческом издании советских республик Средней Азии не был ясно и четко разработан вопрос о специфике царского административного управления российскими территориями в этом регионе, о его сущности и наиболее важных деталях.

Поскольку в нашем исследовании цивилизационная роль России в исторических судьбах народов дореволюционной Средней Азии

---

[97] Бекмаханова Н.Е. История Казахской ССР. Алма-Ата, 1991; История Казахской СССР. С древнейших времен до наших дней. Т.3. Алма-Ата, 1979; История Киргизии. В 2-х томах. Фрунзе, 1973; История Киргизской ССР. В 5 томах. Т.2. Фрунзе, 1986; История таджикского народа. Т. 2. М., 1964; История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1947; История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент, 1968; История Туркменской ССР. Т.1. Кн.2. Ашхабад, 1957; История Каракалпакской АССР. Ташкент, 1986.

[98] См.: Галицкий В., Плоских В. Старинный Ош. Фрунзе, 1987; История Коканда (с момента присоединения Средней Азии к России до настоящего времени). Ташкент, 1984; История Самарканда. Т. 1. Ташкент, 1969; История Ташкента. С древнейших времен до победы Февральской буржуазно-демократической революции. Ташкент, 1988; Соколов Ю.А. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1865; Хроника истории Ашхабада. (1881-1917). Ашхабад, 1981; Чеботарева В. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1968 и др.

рассматривается в достаточно широком диапазоне, то можно только сожалеть, что «центральные» и региональные авторы уделили недостаточно внимания экономическим проблемам, поземельно-податным, ирригационным, медицинским и др. Мы обнаружили немного работ такого рода. Об экономических связях России со Средней Азией писала М.К. Рожкова, но о периоде до присоединения региона к России[99]. Однако из содержания ее книги представлялись очевидными причины этого процесса. Отчасти о том же писал Е.В. Бунаков[100]. Мы упоминали работу А.М. Аминова и А.Х. Бабаходжаева, в которой, однако проблема экономических последствий присоединения Средней Азии к России отличалась формальным подходом и политизацией[101]. Более конкретно она была рассмотрена в работе А.М. Аминова, но, к сожалению, тоже в самом общем выражении[102]. О развитии мелкой и средней промышленности в дореволюционном Кыргызстане писал С. Аттокуров[103]. Он отмечал, что это обстоятельство способствовало развитию рыночных отношений среди местного населения и привыканию кочевников к товарно-денежным отношениям. Не были в должной мере широко и глубоко изучены проблемы народного образования и культуры в дореволюционной Средней Азии, хотя некоторые исследователи старались затронуть такую тематику[104]. Учитывая то обстоятельство, что

---

[99] Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией: 40-60-е года XIX века. М., 1963.

[100] Бунаков Е.В. К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в. // Советское востоковедение. Вып. 2. М-Л., 1941.

[101] Аминов А.М., Бабаходжаев А.Х. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966.

[102] Аминов А.М. Экономическое развитие Средней Азии (Со второй половины XIX столетия до первой мировой войны). Ташкент, 1959.

[103] Аттокуров С. Развитие мелкой промышленности Киргизии в конце XIX – начале XX в. // Ученые записки историко-юридического факультета КГУ. Фрунзе, 1964. Вып. 3; его же: История индустриального развития Киргизии / С. А. Аттокуров. Фрунзе,1967.

[104] См.: Айтмамбетов Д. Дореволюционная школ в Киргизии. Фрунзе, 1961; его же: Культура киргизского народа во второй половине XIX – начале XX в. Фрунзе, 1967; Бабаханов М. Из истории периодической печати Туркестана. Душанбе, 1987; Байрамсахатов Н. Духовная культура народа и атеизм. Ашхабад, 1985; Бендриков К.Е. Очерки истории народного образования в Туркестане (1865-1924 гг.). М., 1960; Джаббаров И. Общественный прогресс, быт и религия. Ташкент, 1973; Муминов И.М. Избранные произведения. в 4 тт. Т.2. Из истории общественно-философской мысли в

цивилизационная роль России в исторических судьбах народов Средней Азии зависела, прежде всего, от русских людей в регионе как проводников новых цивилизационных форм жизни, мы ознакомились с советской литературой по переселенческому вопросу, которая тоже оказалась немногочисленной[105].

Таким образом, советская историография дореволюционной Средней Азии в тематическом отношении представляется фрагментарной. Некоторые вопросы, особенно идеологического содержания, были изучены ею в должной мере. Например, в вопросе о включении Средней Азии в состав царской империи советские исследователи (преимущественно из республик этого региона) со временем отказались от термина «завоевание» и предпочли ему иной – «присоединение», а некоторые даже стали писать о «добровольном вхождении» народов Туркестана в состав Российского государства. Примечательно, что признание прогрессивности присоединения Средней Азии к России мирно уживалось с тезисом о царском «колониализме» в регионе, который раздувался фактически до самого распада СССР, вдохновляя поднимавших уже тогда голову националистов из будущих стран так называемой «Центральной Азии»[106].

Распад СССР, безусловно, оказался для большинства людей неожиданным. Для представителей общественных наук, в том числе,

---

Узбекистане конца XIX – начала XX в. Ташкент, 1976 и др.

[105] См.: Брусина О.И. Миграции в Центральную Азию // Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 210-233; Гинзбург А.И. Переселенческий вопрос в Туркестане (конец XIX – начало XX в.). Ташкент, 1966; его же: Переселенцы и местное население Туркестана в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 1976. № 2; Каганович А. Некоторые проблемы царской колонизации Туркестана // Центральная Азия. 1997. № 5 (11); Озмитель Е.Е. Религиозно-нравственное состояние переселенцев в Туркестане // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. 27 ноября 2008 г., Ташкент. Сборник материалов. Ташкент, 2010; Тихонов Б.В. Переселенческая политика царского правительства // История СССР. 1977. № 1; Турсунбаев А.Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950; Фомченко А.П. Русские поселки в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. (Социально-экономический аспект). Ташкент, 1983.

[106] См. напр.: Акрамов С.А., Касымбеков К.Ф. К вопросу о политике царизма в области административного управления в Туркестане (2-я половина XIX – начало XX в.) // Труды Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои. Вып. 328. Материалы по истории Узбекистана. Самарканд, 1976.

разумеется, исторических, он оказался к тому же и удручающим. Перед ними встал выбор – или придерживаться старых идеологических схем, или встать на рельсы новых. Однако это обстоятельство коснулось преимущественно российских специалистов, поскольку историки из образовавшихся на обломках СССР молодых независимых и суверенных государств Средней Азии быстро освоились с политической ситуацией и перестроили деятельность в соответствии с требованиями своих правящих элит.

В 1990-х гг., в связи с образованием и функционированием СНГ и необходимостью определения отношений Российской Федерации с бывшими субъектами Российской империи и СССР, возникла необходимость в изучении опыта их взаимоотношений в рамках дореволюционного имперского пространства. По инициативе министерства по делам национальностей и федеративных отношений РФ было осуществлено соответствующее издание[107]. К нему были привлечены видные специалисты-профессионалы, которые, однако, привнесли мало нового в существо поставленной проблемы. Через десятилетие такой опыт был повторен, но применительно к рассматриваемому в диссертации региону – в 2008 г. вышла в свет коллективная монография «Центральная Азия в составе Российской империи»[108]. Она стала, пожалуй, первым комплексным исследованием имперского прошлого России в Средней Азии, охватившем все стороны жизнедеятельности народов региона в указанный период. Авторам удалось кратко, но выразительно охарактеризовать все основные проблемы и направления цивилизационной деятельности царской власти не только в Русском Туркестане, но и в среднеазиатских ханствах. Однако в строго научном отношении этот труд не был лишен просчетов и недостатков.

Исследователь Н.А. Борисов пишет: «Нельзя не обратить внимание на то, что у нас практически нет специализированных и авторитетных научных центров по изучению не только отдельных стран СНГ, но даже и стран СНГ в

---

[107] См.: Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М.1997.

[108] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008.

целом»[109]. Он прав, но лишь отчасти. Проблемами постсоветских стран занимаются соответствующие научно-исследовательские институты Российской Академии Наук, в том числе Институт востоковедения РАН, курирующий изучение истории стран «Центральной Азии». Существует Институт стран СНГ, возглавляемый К. Затулиным. Есть еще много разного рода «центров», в той или иной мере отслеживающих ситуацию в постсоветских государствах. Безусловно, на наш взгляд, в этом вопросе не хватает должной научной консолидации и координации. Однако подлинная наука, как нам представляется, продвигается не институтами, университетами и «центрами», а энтузиазмом ученых, профессионально и ответственно занимающихся своим делом. В постсоветской российской исторической науке, занимающейся туркестановедением, есть такие специалисты. Например, большой вклад в изучение истории Средней Азии внесли многочисленные труды профессора Елецкого госуниверситета имени И.А. Бунина П.П. Литвинова[110]. Их ценность заключается в том, что

---

[109] Борисов Н.А. Между современностью и традицией. Политические альтернативы постсоветской Центральной Азии. М., 2010. С. 8.

[110] См.: Литвинов П.П. Внешнеполитические аспекты истории киргизов Памиро-Алая в конце XIX – начале XX вв.: монография. Бишкек: Наука, 1989; его же: Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в): монография. Елец: ЕГПИ, 1996; его же: Литвинов П.П. (Росія, Єлец). Переселення українців-сектантів до Середньої Азії наприкінці XIX – на початку XX ст. // Український історичний журнал, 1996, № 2; его же: Российское государство и судопроизводство мусульманских народов Русского Туркестана (1865-1917) // Материалы I-х научно-методических чтений исторического факультета. ЕГПИ. Елец, 1998; его же: Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917. (По архивным материалам): монография Елец: ЕГПИ, 1998. 320 С. (гл.4 – Государство и исламская кочевая цивилизация); его же: Государство и суды кочевого населения Средней Азии. 1865-1917 (По архивным материалам) // Материалы научно-практической конференции юридического факультета ЕГУ им. И.А. Бунина. Елец. 2000; его же: Прокурорский надзор в «кочевых» судах Русского Туркестана // Вестник ЕГУ им. И.А. Бунина. Вып. 1. Серия: история, право. Елец, 2002; его же: Эпоха «анабиоза» в истории Кыргызской государственности (опыт сравнительно-теоретического анализа) // Диалог цивилизаций № 3. Материалы Международного конгресса востоковедов, посвященного 2200-летию Кыргызского государства. Бишкек, 2003; его же: К вопросу о специфике государственного управления национальными окраинами в царской России (на примере Русского Туркестана) // Вестник Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина. Вып. 19. Серия: право. Елец, ЕГУ, 2008; его же: «Военно-бюрократическое» управление в России XIX – начала XX вв. (по материалам Русского Туркестана) // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное. Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции. М., РУДН, 2008; его же: Органы

большинство из них основано на безупречно точных архивных и правовых материалах. В постсоветский период среди российских туркестановедов выдвинулся талантливый исследователь С.Н. Абашин – автор разнообразных работ по дореволюционной Средней Азии[111]. Все они отличаются высоким уровнем профессионализма и оригинальной тематикой. Среди исторических трудов об истории дореволюционного Туркестана выделяются работы Т.В. Котюковой, отличающиеся тематическим разнообразием и солидным источниковым основанием[112].

Департамента полиции в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном: монография. Елец: ЕГУ, 2007; его же: О модели «военно-административного» управления в царской России (на примере Туркестана) // Диалог цивилизаций. культурно-цивилизационные мосты истории и современности. 2009, № 9. Бишкек, «Наука», 2009; его же: Благовест над землями ислама: Русский Туркестан: монография. Елец: ЕГУ, 2014; его же: О целостности истории России во времени и пространстве // Преподавание отечественной истории. Исторические факты и их интерпретация. Материалы XVIII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 15-16 мая 2014 г. М., 2014; его же: Религиозный мир средневековой Центральной Азии: триумф и трагедия христианства // «Личность и время: Николай Остроумов». Международная научная конференция (2016, Ташкент). Ташкент, 2017 и др.

[111] См.: Абашин С.Н. Община в Туркестане в оценках и порах русских администраторов начала 80-х гг. XIX в. (по материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан) // Сборник Русского исторического общества. Т. 5 (153); см. также: Россия и Средняя Азия. М., 2002. С. 71-88; его же: Население Ферганской долины. (К становлению этнографической номенклатуры в конце XIX – начале XX века // Ферганская долина: Этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М., 2004; его же: Ислам в бюрократической практике царской администрации Туркестана (Вакуфное дело Дагбитского медресе. 1892-1900) // Сб. Русского исторического общества. Т. 7 (155); см. также: Россия и мусульманский мир. М., 2003. С. 163-191; его же: Национализмы в Средней Азии (в поисках идентичности). СПб., 2007; Абашин С.Н. и др. Россия и Средняя Азия. Т.1. Политика и ислам в конце XVIII – начале XX в. М., 2011 и др.

[112] См.: Котюкова Т.В. Из истории борьбы за представительство Туркестана в Государственной Думе Российской империи // O'zbekiston tarixi. 2002, № 3; ее же: Отношение Государственной думы к переселенческой политике царизма в Туркестанском крае // Общественные науки в Узбекистане. 1999, № 3-4; ее же: Туркестан и Государственная Дума Российской империи. Документы ЦГА Республики Узбекистан 1915-1916 гг. (публикация Т.В. Котюковой) // Исторический архив. Научно-публикаторский журнал. 2003, № 3; ее же: Толстовцы в Туркестане. Документы ЦГА Республики Узбекистан. 1908-1910 гг. Публикация В.Л.Гентшке и Т.В.Котюковой. // Исторический архив. Научно-публикаторский журнал. 2003, № 6; ее же: Подготовка и выборы в I Государственную думу в Туркестане (к вопросу об избирательной системе в Российской империи) // «Россия и современный мир: проблемы политического развития». Материалы межвузовской научной конференции. М., 2005; ее же: Реформы государственного устройства в России и национальные окраины: Туркестан и Государственная дума 1905-1907 гг. // Судьбы реформ и реформаторства в России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Коломна, 2006; ее же:

В постсоветский период в туркестановедении заявил о себе церковный историк – митрополит Среднеазиатский и Ташкентский (Ашгабатский, Бишкекский и Душанбинский) Владимир (Иким)[113].

В последнее время вышли в свет работы молодых и многообещающих туркестановедов. Так, например, в 2017 г. исследователь О.В. Некрасов издал монографию, содержание которой подтверждает большую цивилизационную роль царской России в жизни народов Средней Азии[114].

Подводя итог состоянию постсоветской российской историографии Средней Азии, можно утверждать о том, что она переживает процесс становления и развития в новых общественно-исторических обстоятельствах. Вопросы присоединения региона к России по-прежнему находятся в сфере внимания отечественных историков. То, что они по-разному оценивают его, вполне понятно. Сказывается идейная ориентация, степень широты взгляда на прошлое, уровень научной зрелости и т.п. Многие современные российские туркестановеды продолжают традиции дореволюционного и советского востоковедения – научности, фактической обоснованности, критического анализа и синтеза, методологически выверенных подходов, ответственности и т.п. На основе достижений прошлого в туркестановедении

Прошение коренного населения Туркестана о прекращении изъятия земли у кочевников // Восточный архив. 2007, № 16; ее же: Туркестанское направление Думской политики России (1905-1917 гг.): монография. М., 2008; ее же: В.П.Наливкин – русский администратор в Туркестане (две стороны восприятия действительности) // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное. Материалы XII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 29-30 мая 2008 г. М., РУДН, 2008; ее же: «Путь редактора провинциальной газеты в Ташкенте не усеян розами». Письмо академика В.В. Бартольда Н.Г. Маллицкому. 1901 г. (Т.В. Котюкова). // Исторический архив. 2014, № 6; Окраина на особом положении...Туркестан в преддверии драмы: монография. М., 2016 и др.

[113] См.: Владимир (Иким), архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский. … А друзей искать на Востоке (Православие и ислам: противостояние или содружество?). Ташкент, 2000; его же: Большой полет крылатого коня. Духовное наследие Туркменистана и его христианские традиции. М., 2000; его же: Земля потомков патриарха Тюрка: Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. М., 2002; его же: Через прошлое в будущее // Диалог цивилизаций. Вып.3. Бишкек, 2003; его же: Диалог цивилизаций как альтернатива глобальной диктатуре // Диалог цивилизаций. Вып. 3. Бишкек, 2003 и др.

[114] Некрасов О.В. Русские пограничники на «Крыше мира»: конец XIX – начало XX в. (по архивным, правовым и иным материалам): монография. М., 2017. 248 с.

они дают науке новые знания об истории Средней Азии, помогающие правильно понять процессы, происходящие в странах этого региона. Вместе с тем, в постсоветской российской историографии дореволюционного Туркестана существует немало работ, отличающихся дилетантизмом, слабой фактологией, безответственностью выводов и подходов к изучению разного рода проблем. Думается, что со временем отечественная историческая наука сама поставит их на то место, которого они заслуживают.

Если для российских историков распад СССР стал, как отмечалось, удручающим, то для их коллег из молодых, ставших неожиданно независимыми и суверенными государствами так называемой «Центральной Азии» он оказался вдохновляющим. Теперь они могли свободно критиковать идеологию, которой ранее поклонялись. Более того, этого требовали от них правящие элиты, утвердившиеся у власти и провозгласившие необходимость укрепления «национальной идентичности». Исследователь А.А. Празаускас пишет: «После распада Союза, в независимых государствах формируются новые варианты истории с неизбежным для них смещением акцентов, переоценкой ценностей и мифотворчеством»[115]. Историк Е.А. Глущенко указывает, что «в постсоветских государствах к настоящему времени созданы новые национальные истории, основанные на «новом историческом мышлении», составным элементом которого является откровенная русофобия. Национальные историки вновь вооружились ветхими идеями первого советского историка-марксиста М.Н. Покровского, утверждавшего, что присоединение их земель к Российской империи было абсолютным злом, тем более что Ленин давно объявил Россию «тюрьмой народов». Покровский и его ученики, развивая ленинскую мысль, не скупились на крепчайшие выражения. Они много и настойчиво писали о «зверствах царизма», о «дикой эксплуатации местных народов», о «кровавых псах царской охранки» и т.п. Их идеи теперь развивают в Ашхабаде, Киеве, Тбилиси, Ташкенте и других

[115] Празаускас А.А. От Российской империи к союзу СССР // Вестник Евразии. 1996. № 1 (2). С. 112.

столицах СНГ»[116]. Он отмечает, что историки постсоветских стран «Центральной Азии» «обвиняют русских в том, что они «заблокировали естественную эволюцию среднеазиатской государственности». Негативным фактором русского управления называют «разрушение царским самодержавием национальной государственности, пренебрежение кровными интересами коренного населения, лишение его политических прав и свобод»[117]. Современные национальные историографии «тех народов, которые когда-то входили в империю, в свою очередь, концентрируются на собственной нации и государстве, проецируя их в прошлое. Для них империя - лишь тягостный контекст, в котором «просыпалась», зрела, боролась за независимость та или иная нация. В национальных историографиях вопрос о мотивации политики центральных властей почти никогда не ставится просто потому, что на веру принимается стремление власти сделать жизнь своих нерусских подданных как можно более несносной. Проблемы взаимодействия с другими этническими группами в таких нарративах неизбежно отодвигаются на второй план»[118].

Действительно, современная «национализация» истории бывших союзных республик СССР имеет лапидарную схему: писать обо всем «от противного», пережевывая стереотипы сталинских времен об «угнетательском», «жестоком», «бесчеловечном» и т.п. отношении царизма к покоренным народам, о «русском колониализме», о «русском самодержавии», «русском империализме» и проч. Причем, в каждом случае акцент сознательно делается на термине: «*русский*». Нелишне заметить, что, например, понятие «русский колониализм» распространяется также на советский период. В итоге получается нечто поверхностное, натянутое, наивное и т.п., поскольку у всех националистически ориентированных историков в молодых и независимых государствах, возникших на обломках СССР, не хватает ряда качеств, которые должны отличать действительно

[116] Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010. С. 4.
[117] Там же. С. 6.
[118] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 5.

профессионального историка от всех прочих, а именно: беспристрастного хладнокровия исследования, высокой требовательности к себе, объективизма, честности, бескорыстия, принципиальности, благородства и великодушия. Их постоянно захлестывает желание за что-то кому-то отомстить, что порождает субъективизм в оценке фактов и событий[119]. Это «зеркальное» отражение того «классового» подхода, который так много напортил в исторической науке во времена сталинщины. Вместе с тем, характеризуя постсоветскую историографию стран «Центральной Азии» нельзя, образно говоря, стричь ее под одну гребенку. Цивилизационную роль России в исторических судьбах народов Средней Азии достаточно позитивно расценивают многие историки Таджикистана[120]. В таком же духе выступает большинство профессиональных специалистов Кыргызстана[121].

---

[119] См. напр.: Абдакимов А. История Казахстана. Алматы, 1994; Амрекулов Н., Масанов Н. Казахстан между прошлым и будущим. Алматы, 1994; Аннапесов А.М. Юго-западные туркмены в первой половине XIX в. Ашгабат, 1995; Артыкбаев Ж.О. История Казахстана в XIX веке. Караганда,1992; Ахмеджанов Г.А. Российская империя в Центральной Азии (история и историография колониальной политики царизма в Туркестане). Ташкент, 1995; Белан П.С. Границы Казахстана: краткая история формирования. Алматы, 2008; Данияров Калибек. Взгляд в прошлое. История. Алматы, 2009; История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1993; Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Ташкент, 1997; Козыбаев М.К. Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (избранные труды). Алматы, 2006; Кузембайулы Аманжол, Эбил Эркин. История Республики Казахстан. Учебник для вузов. Астана, 1999; Масанов Н.Э. Национально-государственное строительство в Казахстане: анализ и прогноз // Вестник Евразии, 1995. № 1; Сапармурат Туркменбаши. Рухнама. Книги 1-2. Ашгабат, 2002-2003; Султанов Турсун. Поднятые на белой кошме. Ханы казахских степей. Астана, 2006; Толипов Ф. Большая стратегия Узбекистана в условиях геополитической и идеологической трансформации Центральной Азии. Ташкент, 2005; Умурзаков М. Идеология ненависти и кадровая политика // Узбекистан: этнополитическая панорама. Очерки, документы, материалы. Т.1. М., 1994 и др.

[120] См.: Имонов А. Государственное устройство и национальная идея // Проблемы формирования национальной идеи в Республике Таджикистан. Материалы научно-практической конференции, г. Душанбе, 18-19 апреля 2006 года. Душанбе, 2007; Масов Рахим. Таджики: вытеснение и ассимиляция. Душанбе, 2003; его же: Роль России в исторических судьбах таджикского народа и его национально-государственном строительстве // Мероси Ниёгон. 2001. № 5; Мухторов Ахрор. История Ура-Тюбе (конец XV – начало XX вв.). М., 1998; Россия в исторических судьбах таджикского народа. Душанбе,1998; Шозимов Пулат. Различные восприятия национального государства элитами Таджикистана. // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет? Материалы международного «круглого стола» (г. Алматы, 30 ноября 2007 г.). Алматы, 2008 и др.

[121] См.: Акаев А. Кыргызская государственность и народный эпос «Манас». Бишкек, 2002;

Таким образом, есть основания утверждать, что в постсоветский период историография стран «Центральной Азии» приобрела качественно иное содержание. Многие ее представители сменили научные и идеологические ориентиры, встали на путь сознательного искажения прошлого в целях национализма и поддержки официальной идеологии властей в своих государствах. Это обстоятельство проявилось по-разному в постсоветских государствах указанного региона – от строгих подходов (например, в Узбекистане) до либеральных (в Кыргызстане). Однако, в любом случае, сознательные искажения (и даже извращения) прошлого носят околонаучный характер, они противоречат здравому смыслу и элементарной логике, отличаются наивностью и безответственностью. Вместе с тем, это

его же: Думая о будущем с оптимизмом. Размышления о внешней политике и мироустройстве. М., 2004; Ажыбекова К.А. Курбанджан датка и цивилизационные последствия вхождения Кыргызстана в Россию // Курбанджан датка – выдающийся политический и общественный деятель кыргызского народа. Материалы Международной научной конференции 25 октября 2011 г. Бишкек, 2011; Бакиев К.С. Впереди у нас ясный путь. Бишкек, Наука, 2007; Курманов З.К. Об исторической самоидентификации кыргызстанцев // История и идентичность: Кыргызская Республика. Изд. фонда им. Фр.Эберта. Бишкек, 2007; Болджурова И.С. Не заблудиться в лабиринтах истории. Бишкек, 2001; Воропаева, В. А. Российские подвижники в истории культуры Кыргызстана. Бишкек: КРСУ, 2005; Жумабаев Б.М. Южный Кыргызстан глазами российских путешественников (вторая половина XIX – начало XX в.). Бишкек, 1999; Осмонов О.Дж. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней). Учебник для высших учебных заведений. Бишкек, 2008; Плоских В.М., Джунушалиев Д.Д. История кыргызов и Кыргызстана: Учебник для вузов. Бишкек, 2009; Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство. В 2-х томах. Бишкек, 1914; Плоских В.В. Историография миграции населения из России на территорию Кыргызстана (последняя четверть XIX – первая четверть XX вв.) // Вестник КРСУ. Бишкек, 2009. Т. 9. № 5; Салиев А.Л. Очерки истории судебной политики царизма в кочевых регионах Туркестана. (По архивным, правовым и иным материалам): монография. Отв. ред. П.П. Литвинов. Бишкек: КРСУ, 2014; Сарыгулов Дастан. Беспамятство потомков разрушает будущее и уничтожает прошлое. Бишкек, 2001; Табышалиева А. Вера в Туркестане (Очерк истории религий в Средней Азии и Казахстане). Бишкек, 1993; Текенова С.Ж. Межэтнические отношения в Кыргызстане: история и реальность. Бишкек, 1999; Усенбаев К. 1916: героические и трагические страницы. Бишкек, 1999; Хелимский Е.И. Социально-экономическая структура хозяйства крестьян-переселенцев в Средней Азии в начале XX в. (Опыт применения количественных методов) // Россия и США на рубеже XIX – XX столетий. (Математические методы в исторических исследованиях). М.: Наука, 1992.; его же: Факторный анализ данных переписей 1917 года о крестьянском хозяйстве (по материалам Средней Азии) // Круг идей: Развитие исторической информатики. М., 1995; его же: Массовые источники по истории крестьян-переселенцев в Средней Азии в конце XIX – начале XX вв. Бишкек: Илим, 1996; Яншин В.П. Продвижение России в Центральную Азию и присоединение Тянь-Шаня и Алая в XIX веке. Бишкек, 2006; Ярков А. Казаки в Кыргызстане. Бишкек, 2002 и др.

объективно подрывает былой престиж России и русского народа в мусульманском мире «Центральной Азии», ограничивает их возможности. Современный узбекский историк Е.А. Абдуллаев пишет: «В ситуации, когда в государствах Средней Азии и в Казахстане идет активное переписывание истории в националистическом ключе, когда русским не просто отказывают в какой-либо позитивной роли, но и вообще вычеркивают их из исторического процесса в регионе в последние полтора столетия – в такой ситуации русские, живущие в Центральной Азии, оказываются народом без истории»[122]. Однако, «переписывание» истории националистами тщетны и несостоятельны - ладонью солнца не прикроешь.

Историографический раздел представится, разумеется, неполным без обзора зарубежной исторической литературы о Средней Азии. По сути, сегодня к таковой можно относить и всю историческую литературу, появившуюся в странах «Центральной Азии» в постсоветский период. Однако мы анализируем зарубежную историографию в ее традиционном (советском) понимании как «буржуазную». А она достаточно богата, что свидетельствует о давнем интересе иностранных специалистов к истории Туркестана. Первым зарубежным изданием, в котором он нашел обширную рефлексию, стала книга А. Вамбери, вышедшая в русском переводе в год взятия Ташкента – фактического присоединения Средней Азии к России[123]. Кроме того, он издал в 1870-х гг. новые книги о Средней Азии[124]. На наш взгляд, как историк-профессионал Вамбери был никчемен – его книги более интересны с этнографической точки зрения, но требуют критического анализа. Первые издатели книги австрийца писали о том, что он не очень симпатизирует России, однако «в конце концов, сила вещей – хаотическое

[122] Абдуллаев Е.А. Миф об утерянном колене в исследованиях по истории Центральной Азии // Вестник Евразии. Независимый научный журнал. 2006. № 1 (31), С. 163.
[123] См.: Вамбери Арминий. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году. СПб., 1865.
[124] См.: Вамбери А. История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. В 2-х томах. СПб., 1873; его же: Очерки и картины восточных нравов. СПб., 1877.

состояние Туркестана и необходимость внести туда прочные семена гражданственности так велики, что Вамбери находит совершенно естественным, чтобы роль сеятеля выпала на долю России, которая имеет к тому большую возможность и поводы»[125].

После утверждения России в Средней Азии интерес к ней со стороны зарубежных специалистов заметно возрос, особенно британских – Англия была главным соперником России в регионе. В итоге возникла значительная английская литература о Средней Азии[126]. Безусловно, британские авторы считали Россию противником и даже угрозой для Англии в Индии, однако не все из них были русофобами. Некоторые расценивали политику России в Туркестане как цивилизаторскую по отношению к коренному населению. Так, достаточно позитивно отзывались о ней У. Гладстон, Дж. Керзон, Г. Лэнсделл, А. Микин и др. Проявили интерес к Русскому Туркестану и французы. Французский исследователь Г. Бонвало (отчасти в пику англичанам) указывал, что Россия привнесла в Среднюю Азию новые формы

---

[125] Предисловие от издателей // Вамбери Арминий. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году. СПб., 1865. С.11.

[126] Boulger D.C. Central Asian portraits. The celebrities of the Khanates and the neigbouring states. London, 1880; Cobbold Ralph P. Innermost Asia. Travel and Sport in the Pamirs. London, 1900; Colquhoun A. Russia against India. The struggle for Asia. London, 1900; Curtis William Eleroy. Turkestan «The Heart of Asia». New York, 1911; Curzon George N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question. London, 1889; Dobson George. Russia's railway advance into Central Asia. Notes of a journey from St. Peterburg to Samarkand. London, 1890; Dunmore. The Pamirs: Being a narrative of a year's expedition on horseback and on foot throught Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia. In 2 Vols. London, 1893; Gladstone W.E. Bulgarian Horrors and Russia in Turkistan with her tracts. Leipzig, 1876; Gordon T.E. The roof of the world. Being the narrative of a journey over the high plateau of Tibet to the Russian frontiers and the Oxus sources on Pamir. London, 1876; Krausse A. Russia in Asia. A record and study. 1558-1899. London, 1900; Lansdell Henry D.D. Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. In 2 Vols. London, 1885; Meakin A. In Russian Turkestan. A garden of Asia and its people. London, 1903; Rawlinson H. England and Russia in the East. A series of papers on the political and geographical condition of Central Asia. London, 1875; Ronaldshaw E. On the outskirts of Empire in Asia. London, 1904; Skrine F.G and Ross E.D. The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest times. London, 1899; The Russians in Central Asia. Their occupation of the Kirghis Steppe and the line of the Syr-Daria. Their political relations with Khiva, Bokhara and Kokan. Ed. by John and Robert Michell. London, 1865; Younghusband F. The Heart of continent. London, 1897 идр.

жизни, а мусульмане и индусы в Британской Индии мечтают о приходе к ним русских[127]. Дания направила две экспедиции в регион. Их руководитель О. Олуфсен тоже положительно отзывался о российской политике в Туркестане[128]. Однако, пожалуй, наиболее ценным источником сведений о регионе стало двухтомное сочинение американского дипломата Ю. Скайлера, совершившего путешествие в Среднюю Азию в 1870-х гг.[129]. Труд наблюдательного и любознательного американца содержит много ценных фактов и выводов о положении в регионе. Российские востоковеды сразу высоко оценили работу американского дипломата и даже англичанин Дж. Добсон писал: «По моему убеждению, эта книга никогда не будет превзойдена любыми другими трудами и, возможно, она более полезна для англичан, чем для русских с тем, чтобы проанализировать свою политику в колониях»[130]. Известная объективность дореволюционной зарубежной историографии Средней Азии в оценке роли России в жизни ее «туземного» населения объяснялась, на наш взгляд, «классовой» солидарностью буржуазных государств с антинародным режимом царизма.

После революции, гражданской войны и иностранной военной интервенции в России оценочные векторы зарубежной историографии Средней Азии существенным образом изменились. Появились работы, в которых политика царизма в Туркестане одобрялась, тогда как советская власть в регионе подвергалась критике[131]. Некоторые зарубежные

---

[127]См.: Bonvalot Gabriel. Throught the Heart of Asia over the Pamirs to India. In 2 Vols. London, 1889.

[128]См.: Olufsen O. Thgrough the unknown Pamir. The Second Danish expedition. 1898-1899. London, 1904.

[129]См.: Schuyler Eugene. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. In 2 Vols. London, 1876.

[130] Dobson George. Russia's railway advance into Central Asia. Notes of a journey from St. Petersburg to Samarkand. London, 1890. P. VI.

[131] Bacon E.E. Central Asia under Russian Rule. A study of Cultural Change. N-Y, 1966; Becker S. Russian protectorates in Central Asia. Bukhara and Khiva. 1865-1924. Harward Univ. Press, 1968; Central Asia. A Century of Russian Rule. Ed. by E. Allworth. Columbia Univ. Press. New-York – London, 1967; D'Encausse H.K. Islam and the Russian Empire. Reform and Revolution in Central Asia. London, 1988; Esserton P.T. In the heart of Asia. London, 1925; Habberton William. Anglo-Russian relations concerning Afghanistan. 1837-1907. Univ. of Illinois at Urbana, 1937; Hedin Sven. My life as an explorer. New York, 1925; Haldsworth M.

исследователи считали, что как царский, так и большевистский режимы в Средней Азии были одинаково чужды ее коренному населению. Так, Т. Ирвинг писал о том, что «независимо от режима – царистского или коммунистического – народы Туркестана всегда находились в угнетенном положении, а сама их жизнь зависела от поучающих окриков из России»[132]. Сходного мнения придерживался американец Р. Пирс, утверждавший, что и без царского и советского режимов, оставшись в независимости, «народы Средней Азии достигли бы в своем развитии не меньших успехов»[133].

Распад СССР и образование из бывших союзных республик независимых и суверенных государств так называемой «Центральной Азии» было встречено зарубежной историографией весьма спокойно, поскольку она принимала деятельное участие в расшатывании национальных отношений в Советском Союзе. Не нужно было идеологически перестраиваться, менять традиционные подходы к оценке явлений, событий, фактов и т.п. Естественно, что зарубежную историографию привлекает преимущественно советский период в истории государств Средней Азии и Казахстана, но нас более интересовало ее обращение ко времени, рассматриваемому в диссертации[134]. Работы современных зарубежных туркестановедов ничего

Turkestan in the Nineteenth Centure. A brief of history of the Khanates of Bukhara, Kokand and Khiva. London, 1959; Gillard D. The struggle for Asia. A study in British and Russian imperialism. London, 1977; Krauder L. Peoples of Central Asia. Indiana Univ. Press, 1963; Lattimore Owen. Pivot of Asia. Sinkiang and the Inner Asia frontiers of China and Russia. Boston, 1950; Mackenzie David. The Lion of Tashkent. The Career of general M.G. Cheniaev. Univ. of Georgia Press. Athens, 1974; Pierse Richard A. Russian Central Asia. A Study of colonial Rule. Los-Angeles, 1960; Shahrani Nazif Mohib M. The Kirgiz and Wakhi of Afghanistan. Adaptation to closed frontiers. – University of Washington press, Seattle and London, 1979; Sokol D. The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore, The Johns Hopkins Press, 1954; The Cambridge History of Islam. Vol.1. The Central Islamic lands. Cambridge Univ. Press, 1970; The modern Encyclopaedia of Religion in Russia and the Soviet Union. In 2 Vols. – Academic International Press, 1988.

[132] Irving T. The world of Islam. Brattleboro, Vermont. 1984. P. 94.

[133] Pierse Richard A. Russian Central Asia. A Study of colonial Rule. Los-Angeles, 1960. P. 303.

[134] См.: Brower D. Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London, 2003; Central Asia. 130 years of Russian Dominance. A historical overview. Ed. by E.A. Allworth. London, 1994; Crews R. For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA; London: Harvard University Press. 2006; Geiss P.G. Pre-Tsarist and Tsarist Central Asia: Communal Commitment and Political Order in Change. London; NY: Routledge Curzon. 2003;

принципиально нового в науку не вносят, являясь компиляциями, основанными на трудах авторов дореволюционного и советского периодов. Вместе с тем, в них присутствуют и мнения историков постсоветских стран «Центральной Азии» о цивилизационной политике царской России в регионе, в большинстве своем, однако, как правило, негативные.

Безусловно, зарубежная историография Средней Азии оказалась весьма полезной для данного исследования, особенно дореволюционная, когда многие авторы свидетельствовали о том, что они сами видели воочию, и пытались все это анализировать с точки зрения своих национальных интересов. Естественно, что это носило идеологический характер. В советское время в трудах зарубежных авторов он усилился за счет идей антикоммунизма. Любые позитивы искажались ему в угоду. Сегодня в зарубежной историографии «Центральной Азии» происходят идентичные процессы, подогреваемые растущей в политических кругах Запада русофобией. На наш взгляд, это является продолжением той «Великой игры», которая некогда определяла характер англо-русских и иных противоречий в рассматриваемой части азиатского континента.

Таким образом, историография избранной темы диссертационного исследования в своем совокупном выражении представляет достаточно широкий горизонт для научного изучения его основных проблем. Безусловно, наибольшую ценность для работы составили труды отечественных ученых - дореволюционных, советских и современных. Вместе с тем, полезным дополнением к ним послужили работы зарубежных специалистов по истории дореволюционной Средней Азии, изданные в царистский, советский и современный периоды. Несмотря на позицию националистически ориентированной постсоветской историографии стран «Центральной Азии», она тоже представила интерес для исследования,

---

Morrison A. Russian Rule in Turkestan and the Example of British India. 1860-1917. // Slavonic and East European Review. 2006. Vol. 84. № 4; Weinerman E. The Polemics between Moscow and Central Asians on the Decline of Central Asia and Tsarist Russian’s Role in the History of the Region // Slavonic and East European Review. 1993. Vol. 71. № 3 и др.

поскольку, во-первых, ангажированное отрицание ею очевидных достижений цивилизационной политики России в дореволюционном Туркестане только подчеркивает ее безусловные успехи и значимость, а, во-вторых, в такой политике, безусловно, имелись и обстоятельства негативного характера, о чем еще будет сказано в содержании диссертационной работы. Проблема заключается в том, насколько эффективным было общее цивилизационное влияние России на общественно-историческое развитие коренных народов Средней Азии в дореволюционный период.

1.3. Источниковедческий анализ проблемы

Источниковедческий анализ является непременным условием для любого серьезного научного исследования. Авторитетные методологи пишут о том, что «исторический источник (продукт культуры, объективизированный результат деятельности человека) выступает как единый объект различных гуманитарных наук при разнообразии их предметов изучения. Тем самым он создает единую основу для междисциплинарных исследований и интеграции наук, а также для сравнительно-исторического анализа»[135]. Сходное определение исторического источника дает солидное издание по методологии[136]. Исследователь О.М. Медушевская пишет: «Источниковедение изучает не просто исторический источник. Оно изучает систему отношений: человек – произведение – человек. Эта триада выражает общечеловеческий феномен: один человек общается с другим не непосредственно, с помощью личного

[135] Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: РГГУ, 1998. С. 7.

[136] Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. Ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 199-200.

контакта, а опосредовано, с помощью произведения, созданного другим человеком и отражающим его личность»[137].

В нашем исследовании были использованы источники разного рода – нормативно-правовые акты, архивные документы, опубликованные источники, мемуарная литература, материалы периодических изданий и др. Безусловно, они одинаково ценны для научного изыска, однако их значение в изучении той или иной проблемы бывает разным. Если, например, исследователь хочет показать сущность жизни в какой-либо стране или регионе, то ему следует обратиться к изучению архивных материалов, мемуаров, газет и т.д. Но в нашем исследовании архивные материалы не играют главной роли, хотя их значимость для него мы никоим образом не умаляем, несмотря на то, что, как отмечает историк А.И. Вдовин, «нередко документы «врут, как люди» (Ю.Н. Тынянов), поэтому не надо полагаться на документ в пересказе других историков, надо самым внимательным образом, дотошно и критически изучать исторические источники»[138].

Мы полагаем, что доминирование каких-либо источников в исследовании зависит от его темы. Безусловно, цивилизационная политика царской России в Средней Азии просматривается в архивных документах весьма отчетливо. Однако, как рекомендует Вдовин, надо самым внимательным образом, дотошно и критически изучать архивные материалы. В них не все следует воспринимать как истину в первой инстанции. Например, в своих отчетах, отложившихся в архивных фондах, туркестанские генерал-губернаторы, военные губернаторы, начальники уездов и др. нередко приукрашивали действительность, скрывали негативные события, просчеты, недостатки и т.п., а критику своей деятельности представляли в крайне умеренном виде. Никто не хотел выглядеть плохо в глазах вышестоящей власти. То же характерно и для многих иных архивных документов. И не только для них. Совершенно очевидно, что материалы двух

---

[137] Медушевская О.М. Теория исторического познания: избранные произведения. М., 2010. С.73.
[138] Вдовин А.И. Указ. соч. С. 10-11.

правительственных ревизий Туркестанского края (1882-1883 и 1908-1909 гг.) являются источниками. Однако, на наш взгляд, в плане изучаемой нами темы, они не заслуживают полного доверия. Отчеты сенаторов-ревизоров Ф.К. Гирса и К.К. Палена содержали много ценных фактов, но их выводы оставляли желать лучшего в смысле действительно объективной оценки ситуации в Русском Туркестане, на что справедливо обращала внимание советский историк Н.В. Переудина[139]. Что касается объективности материалов периодической печати – газет и журналов, то она тоже вызывает сомнения, так как они находились под контролем правительственной цензуры и местной государственной власти, подавая ту информацию, которая была им выгодна. Поэтому, если судить о цивилизационной роли России в жизни коренных народов Средней Азии по публикациям газет и журналов, то можно впасть в известное заблуждение относительно её сущности. На основании вышеизложенного можно прийти к заключению о том, что нет исторических источников, которые предельно объективно свидетельствовали бы о такой роли. И оно будет неверным, поскольку такие источники существуют. Это – нормативно-правовые акты. Известный российский туркестановед П.П. Литвинов пишет: «Правовой документ – это воля государства, облеченная в нормативную форму. Ей обязаны подчиняться все. Законы, конечно, могут в корыстных и прочих интересах лукавить, искажать реальность, даже лгать, по определенным причинам (например, «классовым»), но они не могут отменять ту действительность, юридической рефлексией которой они являются. Законы всегда отталкиваются от реальности, правовой сублимацией которой они выступают. В любом случае, реальность – это основа эманации законодательства. Даже беглый просмотр его истории - с древнейших времен до наших дней – в том убеждает. Законы устанавливают те «правила поведения», которым все должны следовать, *и в этом отношении они как*

[139] См.: Переудина Н.В. Материалы сенаторской ревизии Туркестанского края 1908-1910 годов // История СССР. 1981. № 3.

источник бесспорны. В них можно сомневаться, но их нельзя не учитывать в действительно исторических исследованиях, тем более, ими нельзя пренебрегать»[140] (курс. наш – И.В.) Мы восприняли это мнение как руководящую установку при проведении данного исследования. Действительно, если ставится цель выявить цивилизационную роль России в исторических судьбах народов Средней Азии, то мы должны рассматривать ее, прежде всего, как *государство*, а не как географическое понятие. Поэтому нормативно-правовые акты как отражение интересов именно *Российского государства* стали главным источником данного исследования. Безусловно, его законы часто произвольно применялись на местах – по принципу: «закон, что дышло – куда повернешь, туда и вышло». В содержании диссертации мы приводим примеры, когда местные администраторы произвольно нарушали государственные установления в угоду своим корыстным интересам. Но в том была их вина, а не Российского государства. Поэтому, на наш взгляд, задача историков заключается в том, чтобы отличать «зерна от плевел», то есть волю государства, выраженную в законах, от ее недобросовестных исполнителей. К сожалению, этого не умеют делать историки из постсоветских государств «Центральной Азии», которые любые промахи, просчеты, недостатки местных царских властей тут же списывают на Россию как государство, не выяснив, в какой мере они соотносились с его законами. Так проще и выгодно, но вряд ли научно. Роль России, выраженная в законах, в Туркестане зависела не только от поведения царской администрации края, но и от отношения к ним со стороны местных элит и всего «туземного» социума, а оно складывалось на основе сочетания объективных и субъективных факторов. Например, гуманистическое по своему содержанию, спасительное для жизни людей, оспопрививание проходило с большим трудом, встречая сопротивление невежественного населения, вдохновляемого реакционным исламским духовенством. Так же

[140] Литвинов П.П. Благовест над землями ислама: Русский Туркестан. (По архивным, правовым и иным материалам): монография. Елец: ЕГУ, 2014. С. 36.

было и во время эпидемий в Средней Азии, когда в тех же целях применялись жесткие, но спасительные санитарно-гигиенические меры. Возникало противоречие: Россия хотела людям добра, но сталкивалась с неприятием ими необходимых мер спасения, доходившем до открытых антиправительственных восстаний. Постсоветские историки стран «Центральной Азии» пишут о них как о «национально-освободительной» борьбе против угнетательской и «колонизаторской» политики России. Истинные причины ими не упоминаются, так как они, видимо, предпочли бы массовую гибель своих предков проведению вакцинации и иных спасительных, но суровых медицинских мероприятий русской власти.

В данном исследовании использовались нормативно-правовые документы, почерпнутые из Полного собрания законов Российской империи (1649-1913 гг.) и Свода законов Российской империи изданий разных лет.

Естественно, что следующими по своему значению для данного исследования выступили архивные материалы, на вспомогательный характер которых указывалось выше. Но это никак не умаляет их научной полезности, так как проработка любых нормативно-правовых актов, относящихся к Русскому Туркестану, осуществлялась в соответствующих министерствах и ведомствах, что находило обязательное отражение в их архивных документах. Они помогают узнать о том, какой позиции придерживалось то или иное министерство и ведомство по проблемам региона, поскольку, например, очень часто против мероприятий военного ведомства в Русском Туркестане выступало Министерство внутренних дел, желавшее поставить его под свой контроль. Мы привлекли к исследованию документы из фондов российских и среднеазиатских архивов, почерпнутые из них еще в советское время. То, что власти некоторых постсоветских стран «Центральной Азии» затрудняют сегодня доступ российских специалистов к материалам своих архивохранилищ, не является непреодолимым препятствием. Все органы царской власти в Русском Туркестане направляли свои документы в центральные министерства и ведомства, в связи с чем их можно обнаружить

в ведущих российских архивах. Пожалуй, только документы начальников уездов оставались на местах, однако о них упоминается в отчетах военных губернаторов областей региона, поступавших не только в военное министерство, но и в высшие структуры Министерства внутренних дел.

Безусловно, наиболее ценными материалами располагает Центральный государственный архив Узбекистана (ЦГА Узб.), поскольку именно в Ташкенте находился краевой центр Русского Туркестана. В этом архивохранилище наибольший интерес вызывают документы канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства, правлений областей, входивших в его состав, уездных управлений, учреждений, имевших «вертикаль» подчинения центральным правительственным ведомствам и др. Материалы по Семиреченской области во множестве отложились в фондах Центрального государственного архива Казахстана (ЦГА Каз.). Здесь оказались полезными для исследования материалы областного правления, уездных управлений, полицейских учреждений, но особенно документы по переселенческому процессу. Материалы по Закаспийской области хранятся в Центральном государственном архиве Туркменистана (ЦГА Тур.), но в ограниченном количестве, поскольку его фонды были на 75-80% разграблены в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции. Вместе с тем, остались любопытные документы из фондов канцелярии начальника Закаспийской области, некоторых уездных и приставских управлений, учреждений Среднеазиатской железной дороги и др. Но, как отмечалось, такого рода документы можно найти в фондах различных ведомств в российских архивах, куда они поступали в обязательном порядке. Таким образом можно компенсировать отсутствие необходимых материалов в ЦГА Туркменистана. В Центральном государственном архиве Кыргызстана (ЦГА Кыр.) отложились преимущественно документы о Пишпекском и Пржевальском уездах, Семиреченской области. Однако здесь можно обнаружить документы, касавшиеся территорий Кыргызской Республики, входивших в царские времена в состав Сырдарьинской и Ферганской

областей. Среди российских архивохранилищ документы о Русском Туркестане сосредоточены в основном в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), поскольку регион находился в ведении военного министерства. Однако их можно обнаружить и в Государственной архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) и в др. На фоне вышесказанного об архивных документах, на наш взгляд, нет необходимости в подробном и детальном описании материалов каждого из фондов вышеперечисленных архивохранилищ, так как, во-первых, это заняло бы много диссертационного пространства, а, во-вторых, все они приведены в перечне использованной литературы и источников под соответствующими номерами и названиями.

В качестве опубликованных источников в исследовании выступили разного рода путеводители, справочные и статистические издания[141]. Особую значимость представило знакомство с обзорами областей Туркестанского края[142]. Вначале областные «обзоры» издавались периодически: например, «Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 год». (Асхабад, 1892), «Обзор Закаспийской области с 1890 по 1896 год». (Асхабад, 1897). То же было и в других областях Русского Туркестана, но в «головной» – Сырдарьинской области «обзоры» издавались чаще. Областные обзоры составлялись на

[141] См.напр.: Гейер И.И. Путеводитель по Туркестану. Ташкент,1901; Любимов П.П. Религии и вероисповедный состав населения Азиатской России. Пг.,1914; Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области (изд. разных лет - И.В.); Туркестанский календарь. Справочная книжка. Ташкент (изд. разных лет - И.В.); Статистический ежегодник России. Изд. Статистического комитета МВД. СПб., (изд. разных лет - И.В.); Материалы для статистики Туркестанского края. Вып.1-V. СПб., 1872-1879; Материалы для статистического описания Ферганской области. Нов. Маргилан (изд. разных лет - И.В.); Сборник материалов для статистики Сыр-дарьинской области. Ташкент (изд. разных лет - И.В.); Справочная книжка Самаркандской области. Самарканд. (изд. разных лет - И.В.); Статистический обзор Ферганской области. Скобелев, 1911, 1914; Труды Сыр-дарьинского областного статистического комитета. Ташкент. (вып. разных лет - И.В.); Эварницкий Д.И. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношениях. Ташкент,1893 и др.

[142] См.: Обзоры Сыр-дарьинской области. Ташкент. 1886-1913; Обзоры Семиреченской области. Верный, 1883-1915; Обзоры Закаспийской области. Асхабад. 1882-1914; Обзоры Самаркандской области. Самарканд. 1887-1910; Обзоры Ферганской области. Новый Маргилан, Скобелев, 1884-1913.

основе «всеподданнейших» отчетов военных губернаторов, которые тоже не были ежегодными. Сравнение содержания губернаторских отчетов (хранятся в РГИА – И.В.) с текстом опубликованных отчетов показывает, что первые были более краткими, «обтекаемыми» и «приглаженными». Но и в областных «обзорах» публиковалась не всегда полная информация, что автор установил путем сличения их данных со сведениями архивных документов из фондов областных правлений в ЦГА Узбекистана, ЦГА Казахстана и ЦГА Туркменистана (фонд канцелярии начальника области – И.В.). То же можно сказать и о материалах правительственных ревизий Туркестанского края. Отчет сенатора-ревизора Ф.К. Гирса был издан одной книгой, но он был посвящен в основном деятельности царских административных органов в регионе. Он не был полностью объективным, хотя в солидном фактическом содержании ему трудно отказать[143]. Любопытно, что авторитетные специалисты весьма солидного издания не дают общей оценки отчету Гирса[144]. Отчет сенатора-ревизора К.К. Палена был издан в 18 книгах, каждая из которых была посвящена определенному участку деятельности туркестанской администрации[145]. Мы просмотрели многие из них, особенно те, которые были связаны с рассматриваемой нами тематикой[146]. Безусловно, правительственная ревизия Туркестанского края в 1908-1909 гг. собрала богатый фактический материал о всесторонней жизни края, однако сам отчет сенатора не отражал действительное положение вещей в регионе, так как во многих местах был «прилизан» в соответствии с настроениями имперских «верхов». Некоторые направления деятельности туркестанской

[143] См.: Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. Спб.,1884

[144] См.: Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 103-105.

[145] Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению сенатором, гофмейстером графом К.К. Паленом.

[146] См.: Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Горное дело. СПб., 1910; его же: Земское хозяйство. СПб., 1910; его же: Государственные имущества (Управление, Оброчные статьи. Лесное дело. Сельскохозяйственные учреждения. СПб., 1910; его же: Краевое управление. СПб., 1910; его же: Налоги и пошлины. Органы финансового управления. СПб., 1910; его же: Областное управление. СПб., 1910; его же: Орошение в Туркестане. СПб., 1910; его же: Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1910; его же: Учебное дело. СПб., 1910 и др.

администрации вообще не получили в отчете должного отражения – например, состояние здравоохранения в Средней Азии, вообще, и медицинское дело в регионе, в частности.

Для любого исследователя истории региона весьма полезно ознакомиться с материалами многотомного «Туркестанского сборника», составленного В.И. Межовым[147]. Здесь были собраны материалы (вырезки) из российских и зарубежных газет и журналов, книг и проч. печатных изданий по разной тематике, посвященных Средней Азии. В данном диссертационном исследовании они были использованы.

Представили интерес для работы публикации официальных документов – разного рода отчетов, проектов, записок и т.д.[148]. Кроме того, сборники различных документов, изданных как в дореволюционный, так и в советский период[149]. В качестве ценных источников выступили газеты,

---

[147] См.: Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности. Сост. В.И. Межов. Ташкент. Тома 1-591.

[148] Всеподданнейший отчет туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 году. Ташкент, 1910; Записка Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 году. (Приложение к «Всеподданнейшему докладу»). СПб.,1912; Записка об устройстве управления Семиреченской области в составе Степного генерал-губернаторства. Б.м., 1883; Записка о состоянии Семиреченской области в 1908 году. Верный, 1909; Кауфман. Проект Всеподданнейшего отчета. СПб.,1885; Отчет о служебной поездке военного министра в Туркестанский военный округ. СПб.,1902; Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинскои областях. СПб., 1867; Слова, сказанные г. Туркестанским генерал-губернатором 22 января именитым людям. Ташкент, 1868; Отчет о заседаниях первого съезда народных учителей и учительниц Сыр-дарьинской области. Ташкент,1911 и др.

[149] Белявский. Материалы по Туркестану. СПб., 1884; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М. 1960; Восстание 1916 г. в Казахстане. Сборник воспоминаний и материалов. Алма-Ата, 1937; Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы. М., 1937; Восстание 1916 г. в Туркмении. Документы и материалы. Ашхабад, 1938; Восстание 1916 г. в Узбекистане. Документы. Ташкент, 1946; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Документы и материалы. В 3-х тт. Алма-Ата,1964; Национальные отношения в СССР. Опыт и проблемы. Сб. материалов. №1. М.1990; Проникновение революционных идей и развитие революционного движения в Туркменистане в 1881-1907 гг. Документы и материалы. Ашхабад, 1962; Революция 1905-1907 гг. в Узбекистане. Документы и материалы. Ташкент,1984; Россия и Туркмения в XIX в. К вхождению Туркмении в состав России. Сборник материалов. Ашхабад, 1946; Сборник документов и статей по вопросу образования инородцев. СПб., 1869; Серебрянников А.Г. Туркестанский край. Сборник материалов для его завоевания. Тома 17-22. СПб., 1914-1915; Туркестан в имперской политике России. Монография в документах. М., 2016 и др.

преимущественно туркестанские[150]. Из них можно выделить такие издания, как «Туркестанские ведомости», «Туркестанская туземная газета», журнал «Средняя Азия». Однако мы не оставили без внимания и публикации о Русском Туркестане в центральной российской прессе[151].

Таким образом, в основу данного диссертационного исследования положена, на наш взгляд, солидная источниковая база. Она разнообразна в структурном отношении, что позволило в максимальной мере широко охватить тот круг проблем, которые представили интерес для плодотворного исследования по избранной теме работы.

Выводы по главе. Методология современной отечественной исторической науки пребывает в непростом положении из-за смены идеологических ориентиров и разнообразия субъективных подходов к анализу обстоятельств общественно-исторического развития. Вместе с тем, ни одно серьезное научное исследование не может обойтись без нее, так как она является «красной нитью», философией научно-исследовательского изыска. В данной диссертационной работе основной (всеобщей) явилась диалектическая методология, ее универсальные законы и категории. Это позволило представить цивилизационное влияние дореволюционной России на коренные народы Средней Азии в состоянии постоянного развития и изменения. Кроме того, применялись общенаучные и частнонаучные методы, а также подходы междисциплинарного характера. Изучались возможности синергетического метода. При анализе материалов исследования использовались формационный и цивилизационный подходы с учетом их единства и различия при анализе общественно-исторического процесса, но

---

[150] Туркестанские ведомости. (1870-1917; Семиреченские областные ведомости. Верный (1884-1917); Ферганские областные ведомости. Нов. Маргилан, Скобелев. (1907-1915); Закаспийское обозрение. Асхабад.1895-1913; Закаспийская туземная газета. (1914-1917). Асхабад. 1899-1918; Русская окраина. Самарканд.1905-1908: Туркестанский курьер. Ташкент. 1908-1917; Русский Туркестан. Ташкент.1898-1907; 1911; Среднеазиатская жизнь. Ташкент. 1905-1908; Туркестанская военная газета. Ташкент. 1906-1915; Туркестанская туземная газета (Туркистон вилоятининг газети). Ташкент. (1870-1916); Туркестанские епархиальные ведомости. Верный. (1907-1917) и др.

[151] См.: Новое время, Биржевые ведомости, Московские ведомости, Русские ведомости, Свет, Петербургский листок, Русское дело, Русский инвалид, Русское чтение и др.

при обязательной опоре на законы и категории диалектики. Основным фактором в присоединении Средней Азии к России, ее цивилизационной деятельности в регионе признан экономический. Важное значение диссертант придавал принципам научной объективности, историзма, целостности, детерминизма и др. В целом методология данного диссертационного исследования составила его идейно-теоретическую, концептуальную и практическую основу.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что проблемы цивилизационной политики царизма в Средней Азии всегда интересовали дореволюционную российскую, а позже советскую многонациональную историографию. Не была безразлична к ней и зарубежная историческая наука. Нет сомнения в том, что фундамент отечественного туркестановедения был заложен в дореволюционный период, когда многие исследования осуществлялись людьми, практически участвовавшими в присоединении Средней Азии к России и в последовавших затем цивилизационных преобразованиях в этом регионе. Шло значительное накопление разнообразного фактического материала. Далеко не все работы дореволюционных российских авторов были профессиональными с точки зрения исторической науки, однако они содержали в себе огромный потенциал для ее исследований. Дореволюционная российская историография Средней Азии была, естественно, «классовой» по своему характеру, однако во многом она сохраняла самостоятельность мысли, критериев, подходов и критического отношения к описываемой действительности. Именно поэтому многие из дореволюционных работ о регионе до сих пор представляют интерес и востребованность для современной исторической науки. Советский период изменил идеологические подходы к прошлому Средней Азии. Он подчинил их жестко установленной методологии, которая, на наш взгляд, в своей диалектической сущности была достаточно плодотворной. Она не душила творческую научную мысль, в связи с чем в советское время вышло немало

действительно профессиональных трудов по истории Туркестана, которые не утратили своей ценности и в настоящий период. Во всяком случае, в советском туркестановедении было намного меньше научного брака, чем в постсоветском, когда появилось немало работ дилетантского, поверхностного и даже антинаучного содержания. Казалось бы, современные историки Средней Азии, избавившиеся от оков официальной методологии, цензуры, конформизма, формализма и т.п., должны были бы поднять уровень исследований на новые высоты качественного научного анализа, однако многие из них оказались вне ответственности перед эпохой. Это особенно касается работ историков из стран так называемой «Центральной Азии», многие из которых, во-первых, имеют слабые познания о прошлом этого региона, а, во-вторых, выполняют социальный заказ власть предержащих в своих государствах, хотя, конечно, и в разной степени. Главной своей задачей они считают поставить под сомнение позитивную роль присоединения своих стран к России, решают которую они, как правило, неуклюже и часто безответственно в научном отношении. Все это заранее обречено на провал, поскольку Наука не прощает лжи и двоедушия. Рано или поздно, но подлинно историческая правда все равно восторжествует. Что касается зарубежной историографии, то она во все времена толковала цивилизационную роль России в исторических судьбах народов Средней Азии, исходя из конкретики политических интересов своих стран в этом регионе. Наиболее полезными в научном отношении являются работы дореволюционных зарубежных авторов, которые сами бывали в Русском Туркестане и как сторонние люди иногда замечали в его действительности то, что ускользало из привыкшей к обыденности региональной власти и общественности. Труды зарубежных туркестановедов, вышедшие в послереволюционный период, как правило, были компиляциями данных, почерпнутых из дореволюционных и советских изданий. Они были проникнуты духом антисоветизма и, естественно, искажали цивилизационную роль России в истории народов Средней Азии. То же

можно сказать и о зарубежных сочинениях, изданных в постсоветский период, с тем лишь добавлением, что они часто в своих выводах солидаризируются с мнением националистически и антирусски мотивированных историков из нынешних государств «Центральной Азии». Однако и это со временем будет преодолено силой исторической правды.

Источниковая база диссертационного исследования представлена различными оригинальными материалами: юридическими (правовыми), архивными, газетными и проч. Среди источников наиболее значимыми для данной работы представились правовые (законодательные) материалы. По мнению диссертанта, подлинная, бесспорная, действительно истинная цивилизационная роль России в дореволюционном Туркестане может быть установлена только на основе изучения нормативно-правовых актов, которые отражали собой не субъективные мнения и намерения, а объективную волю государства, приобретшую законодательную рефлексию. Законы отражали только объективную реальность и в этом отношении они являются источниками непреодолимой силы и бесспорной исторической истины. Все, что на них основано, приобретает действительное научное значение. В работе применялись и иные вышеперечисленные источники, однако они во многом имели вспомогательное значение для осуществления диссертационного исследования. Есть основания полагать, что по своему характеру оно близко к истории Российского государства и права, то есть является историко-юридическим сочинением. В целом содержание данной главы имеет важное значение для изучения избранной темы диссертационной работы, поскольку оно устанавливает, как ее многообразную базисную основу, так и различные векторы научно-исторического исследования.

Глава 2. Административно-судебные и охранительные функции царской власти в Русском Туркестане

Не вызывает никакого сомнения тот факт, что до присоединения Средней Азии к России в региональных ханствах – Бухарском, Кокандском и Хивинском существовали сложившиеся веками системы государственного управления и суда. Они основывались на традициях и нормах мусульманского права (шариата). Их функционирование отражало интересы правящих сословий, особенно исламского духовенства. Несмотря на «классовый» характер, административно-судебные системы в мусульманских ханствах были, на наш взгляд, самодостаточными. С присоединением Средней Азии к Российской империи на территориях региона, подвластных её юрисдикции, неизбежно установились новые учреждения административного управления и суда, содержавшие в себе значительный потенциал цивилизационного влияния на коренное население Туркестана. О том, в какой мере они отражали соответствующие общероссийские институты и традиционные «туземные» учреждения, являясь их региональным синтезом, указывается в первом параграфе данной главы диссертационной работы. Совершенно естественно, что царская власть должна была осуществлять в Средней Азии меры охранительного характера, которые характеризуются во втором параграфе этого раздела диссертации.

2.1. Административно-судебная политика царизма в регионе

Для рассмотрения данного раздела диссертационного исследования, исследователь позиционирует направленность изучения в виде ряда целенаправленных вопросов: В отечественной и зарубежной историографии

Средней Азии издавна сложилось мнение о том, что, после присоединения региона к царской империи, коренное население российских территорий региона (Русский Туркестана) изначально находилось в подчинении военного министерства. Однако факты свидетельствуют о том, что первым российским правительственным администратором в Средней Азии было не военное, а гражданское ведомство - Министерство иностранных дел.

Принято считать, что функции царского министерства иностранных дел сводились исключительно к осуществлению внешней политики, международных отношений России. При этом редко упоминается о том, что в прошлом оно выступало также в качестве администратора, управлявшего населением ее окраинных территорий. Документы свидетельствуют о том, что в его ведении находились земли яицких (уральских) казаков, калмыков, Украины (Малороссии), Казахстана и др.[152]. Делами населения окраин заведовал Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Его значение и влияние было огромным. Так, например, император Александр III считал Азиатский департамент «особой частью» в правительстве России.

Важным актом царской власти в Средней Азии стало учреждение Сырдарьинской линии[153]. Она подчинялась военному ведомству, но населением на еетерритории, по закону, ведало Министерство иностранных дел, для чего среди сотрудников «линии» числился специальный чиновник этого ведомства. Он имел свой штат: помощника, письмоводителя,

---

[152] Сенатский – О ведении яицких казаков в Иностранной коллегии. 21 декабря 1719 года // ПСЗРИ-1. Т. 5. СПб., 1830. № 3472; Именной – О присутствующих в Коллегии иностранных дел, о порядке рассуждения по делам особенной важности и по бумагам текущим и о назначении числа чиновников с распределением должностей между ними. 13 февраля 1720 года // ПСЗРИ-1. Т. 6. СПб., 1830. № 3518; Именной, данный Коллегии иностранных дел – Об отправлении графа Гендрикова в Малороссию для выбора Гетмана и о бытии Малороссии по всем делам в ведении Коллегии иностранных дел. 16 октября 1749 года // ПСЗРИ-1. Т. 13. СПб., 1830. № 9676; Высочайше утвержденные Правила для управления Калмыцким народом. 10 марта 1825 года // ПСЗРИ-1. Т.40. СПб., 1830. № 30290; Именной, данный Сенату – Высочайше утвержденное Положение об управлении Оренбургскими киргизами. 14 июня 1844 года // ПСЗРИ-2. Т. 19. Отд.1. СПб., 1844. № 17998. С. 392-401 и др.

[153] Именной, объявленный в приказе военного министра – О Командующем Сырдарьинской линией. 5 июля 1854 года // ПСЗРИ-2. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1855. № 28392. С. 679.

переводчика, а также писарей «из военных кантонистов»[154].

В конце 1862 г. часть Семипалатинской области была преобразована в так называемый Алатавский округ[155]. Он был тоже подчинен военному ведомству, однако управление местным кочевым населением по-прежнему осталось в руках Министерства иностранных дел. Однако оно уже тяготилось этим обстоятельством, так как в ноябре 1863 г. министр иностранных дел А.М. Горчаков добился освобождения своего ведомства от административных функций в отношении населения округа[156]. В 1864 г., по его же просьбе, из подчинения Министерству иностранных дел было выведено население Сырдарьинской линии[157]. Поскольку в феврале 1865 г. император Александр II учредил Туркестанскую область, то в марте того же года «линия» была упразднена[158]. Соответственно, Министерство иностранных дел утратило власть над среднеазиатскими территориями. Таким образом, нельзя не знать о том, что на протяжении более десятилетия их населением управляли не военные, а гражданские чиновники. Этого не следовало бы забывать и тем, кто пытается утверждать, что царское административное управление в дореволюционной Средней Азии изначально носило «милитаристский» характер, окрашивая цивилизационное влияние России на коренное население региона в цвет «хаки».

Как известно, в России издавна сложилась административная модель

---

[154] Высочайше утвержденный штат управления Командующего Сыр-дарьинской линией. 5 июля 1854 года // ПСЗРИ-2. Т. 29. Отд. 2. СПб., 1855. № 28392. С. 104.

[155] См.: Высочайше утвержденное Положение об управлении Алатавским округом. 25 декабря 1862 года // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд. 2. СПб., 1865. № 39088. С. 593-597.

[156] См.: Высочайше утвержденное Положение Сибирского комитета – Об изъятии киргизов Большой Орды, составляющих Алатавский округ, Семипалатинской области, из заведования Министерства иностранных дел и передаче их в ведомство Главного местного военного начальства Западной Сибири. 4 ноября 1863 года // ПСЗРИ-2. Т. 38. Отд. 1. СПб., 1866. № 40189. С. 155.

[157] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О передаче управления киргизами Сыр-дарьинской Линии и Алатавского округа из ведения Министерства иностранных дел в ведение Военного министерства. 27 июля 1864 года // ПСЗРИ-2. Т. 39. Отд. 1. СПб., 1867. С. 656-657.

[158] Именной, объявленный в приказе Военного Министра – Об упразднении Управления Сыр-дарьинской Линией и образовании вместо оного Управления Туркестанской области. 5 марта 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 41870. С. 261-262.

управления в регионах, которые возглавлялись воинскими чинами, обладавшими «нераздельной» властью, то есть одновременно военной и гражданской. Административная реформа 1775 г. императрицы Екатерины II частично потеснила власть военных. Однако они сохранили сильные позиции в деле гражданского управления территориями[159]. «Великие реформы» Александра II нанесли существенный удар по военно-административной системе. Закон от 6 августа 1864 г. отделил военную власть на местах от гражданской. Он образовал в России военные округа, командующие которыми ведали исключительно управлением войсками, тогда как генерал-губернаторы занимались гражданскими делами[160]. В «Общее губернское учреждение» были внесены «Правила для взаимных отношений гражданских и военных властей», которые определяли принципы взаимодействия генерал-губернаторов и командующих военными округами, пребывавших в одних и тех же центрах[161]. Закон уравнивал их в правах. Но царизм, как обычно, оказался и тут непоследовательным. Статья 2-я правового акта гласила: «Если обязанности Главного начальника военного округа возлагаются на местного Генерал-губернатора, то ему присваивается и звание Командующего войсками округа»[162]. В случае указанного «совместительства» руководители как генерал-губернаторы подчинялись МВД, а как командующие округами – военному министерству. Таким образом, кажущаяся «нераздельность» власти в одном лице погашалась разницей в его подчинении. Подобное разъяснение представляется нам необходимым, поскольку в Средней Азии царизм прибег к старой модели административного управления, которая к тому времени фактически изжила себя в подавляющем большинстве краев, губерний и областей Российской

---

[159] См.: Свод законов Российской империи. Т.2. Общее губернское учреждение. СПб., 1833. С. 54, 59.

[160] См.: Высочайше утвержденное Положение о военно-окружных управлениях. 6 августа 1864 года // ПСЗРИ-2. Т. 39. Отд. 1. СПб., 1867. № 41162. С. 698-746.

[161] См.: Приложения.

[162] Высочайше утвержденное Положение о военно-окружных управлениях. 6 августа 1864 года // ПСЗРИ-2. Т. 39. Отд. 1. СПб., 1867. № 41162. С. 700.

империи. Однако она исторически оправдала себя на ее окраинах, выступая в виде так называемого «военно-народного управления». Видный российский туркестановед, проф. П.П. Литвинов пишет о том, что «окраины Российской империи поднимали именно военные. Законодательство времен Екатерины II пестрит актами: «Именной, данный генерал-…». Еще до Туркестана именно военные устраивали жизнь в Сибири. В этом регионе изначально в руках местных руководителей сочеталась военная и гражданская власть»[163]. Понятно, что в недавно присоединенной Средней Азии военно-стратегические интересы России требовали выверенных подходов, прежде всего, в административной сфере. Поэтому в Русском Туркестане, то есть на российских территориях региона, было учреждено «военно-народное управление», которое, кстати, в то время применялось также и в некоторых областях российского Кавказа – Кубанской и Терской[164].

Раздел III «Временного положения об управлении Туркестанской областью» от 6 августа 1865 г. так и назывался: «Военно-народное управление». Статья 30-я документа указывала: «Военно-народное управление составляют: а) военный губернатор области; б) начальники отделов области; в) управляющие туземным населением и городничие»[165]. Принципы такого управления позже утвердились в Туркестанском генерал-губернаторстве (крае), образованном вместе с одноименным военным округом в июле 1867 г.[166]. Специальная правительственная (так называемая «Степная») комиссия подготовила к 1867 г. проект «Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях», который не

---

[163] Литвинов П.П. Благовест над землями ислама: Русский Туркестан (по архивным, правовым и иным источникам): монография. Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2014. С. 180-181.

[164] См.: Учреждение управления Кавказского края // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. Свод губернских учреждений. СПб., 1900. Ст. 151. С.226.

[165] Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской области. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 42372. С. 880.

[166] Именной, данный Сенату - Об учреждении Туркестанского Генерал-Губернаторства в составе двух областей Семиреченской и Сыр-Дарьинской. 11 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44831; Именной, объявленный в приказе Военного Министра – Об учреждении Туркестанского Военного Округа. 13 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44844.

получил законодательного утверждения из-за сопротивления ряда министерств и ведомств, но был запущен в административный оборот лично императором Александром II. Документ утверждал в регионе принципы «военно-народного управления»: нераздельность военной и гражданской власти в руках генерал-губернатора и командующего военным округом, его представителей на местах, выборность «туземной» администрации и суда. Первый туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман признавал, что «это несложное устройство управления вполне соответствовало тогдашним потребностям и власти, и населения»[167]. Вместе с тем, он отмечал: «Слабые стороны устройства нынешнего военно-народного управления очевидны. Они обуславливаются: 1) неправильным административным разделением генерал-губернаторства на области и уезды; 2) неравномерным развитием учреждений в различных областях, из коих присоединенные в отчетном периоде времени получали более сложную и развитую администрацию; 3) отсутствием систематического единства и однообразия в управлении отдельными частями генерал-губернаторства, являющимся естественным следствием отсутствия для края общего единого Положения, регулирующего деятельность Главного, Областных и Уездных учреждений в Генерал-Губернаторстве»[168]. Такое правительственное «положение» об управлении Туркестанским краем было утверждено в июне 1886 г.[169].

Поскольку «Туркестанское положение» 1886 г. было рассчитано на три российских области в Средней Азии – Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую, то они, понятно, не представляли собой в целом Русский Туркестан как регион Российской империи, так как вне его действия оставались Семиреченская и Закаспийская области, имевшие собственные

---

[167] См.: Кауфман. Проект Всеподданнейшего отчета по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867- 25 марта 1881 г. СПб., 1885. С. 75.

[168] Там же. С. 75.

[169] См.: Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. С. 318-344.

правительственные акты об управлении ими[170]. Царский указ от 26 декабря 1897 г. присоединил их к Туркестанскому генерал-губернаторству (краю)[171]. Таким образом, после объединения в составе края и военного округа всех 5 российских областей в Средней Азии Русский Туркестан стал целостным регионом не только в административной политике царизма, но и в восприятии его чиновниками, учеными, публицистами и др. В ракурсе данного исследования можно утверждать, что цивилизационное влияние России на коренное население Средней Азии приобрело единый центр.

Передача Семиреченской и Закаспийской области в ведение Туркестанского края определялась не только военно-стратегическими планами царизма, но и логикой их территориальных связей как частей одного региона – Средней Азии. Окончательное оформление включения этих областей в состав Туркестанского края устанавливалось законом от 11 июня 1899 г., хотя фактически они стали его субъектами с 1898 г.[172] В идеале правительство стремилось к унификации административного управления в регионе путем выработки единого «положения» об управлении всеми 5 областями края, в котором были бы окончательно преодолены методы «военно-народного управления» и заменены общероссийскими способами руководства государственной жизнью. В начале XX в. было предпринято несколько попыток разработки такого закона, однако они не имели успеха. Во многом на это влияла позиция МВД – давнего противника военного министерства в борьбе за право управлять Русским Туркестаном. Понятно, что оно хотело распространить в этом регионе общеимперскую -

[170] Высочайше утвержденное Положение об управлении Закаспийской области. 6 февраля 1890 года // ПСЗРИ-3. Т.10, отд.1. СПб., 1893. № 6576; Высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7574.

[171] См.: Именной, Высочайший указ, данный Сенату – О разделении Сибири и Среднеазиатских областей на военные округа с соответствующими изменениями в устройстве их высшего гражданского управления. 26 декабря 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14818. С.711.

[172] Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О гражданском переустройстве Среднеазиатских Областей. 11 июня 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 17177.

административно-полицейскую систему управления. В годы первой русской революции к этому стал склоняться сам царь Николай II. П.А. Столыпин, бывший одновременно главой правительства и министром внутренних дел, пользуясь ослаблением позиций военных после поражения в русско-японской войне 1904-1905 гг., убедил царя отдать Туркестанский край под власть МВД. «17 апреля 1906 г. было высочайше утверждено положение Совета министров о передаче управления Туркестанским краем из ведения Военного министерства в Министерство внутренних дел и об устройстве генерал-губернаторства на общеимперских основаниях»[173]. Казалось бы, судьба Туркестанского края была решена. Однако Столыпин переоценил свое могущество и недооценил силу русских военных. И проиграл им. 30 июля 1907 г. «Совет Министров положил: 1. Предоставить Военному министру образовать Особое вневедомственное Совещание для составления Проекта нового Положения об управлении Туркестанского края и внести означенный Проект на рассмотрение Совета Министров не позднее двух лет со времени утверждения настоящего заключения. 2. ...а равно отсрочить передачу заведывания управления Туркестанского края из Военного министерства в Министерство внутренних дел, впредь до введения нового Положения об управлении названного края»[174]. Это была победа военных над «полицейским» ведомством, тем более что разработка такого документа была поручена самому военному министерству, которое, понятно, не спешило с его сочинением. К тому же, в правительстве становилось все меньше сторонников внедрения в Туркестанском крае общеимперских принципов управления. Даже бывший «столыпинец», главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин, посетив Русский Туркестан в 1912 г., писал о том, что «в крае нужна сильная и энергичная власть, а все планируемые реформы управления в регионе дело будущего…

[173] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С.122.

[174] Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – О составлении нового Положения об управлении Туркестанского края и об отсрочке передачи сего края в ведение Министерства Внутренних Дел». 30 июля 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. Отд. 1. СПб., 1910. № 29439.

Видя воочию подавляющее пока в Туркестане преобладание туземной стихии, невольно чувствуешь, что здесь еще место русскому военному лагерю… российская военная власть понятнее и внушительнее для притихшей туземной толпы, чем гражданская… Военное управление не мешало до сих пор хозяйственному развитию Туркестана, не помешает ему и в будущем…администрация края в общем успешно справляется со своими прямыми задачами»[175]. С началом первой мировой войны вопрос о разработке проекта единого «Туркестанского положения» отпал. Таким образом, в течение длительного времени царское правительство так и не смогло окончательно сблизить формы управления Туркестанским краем с общеимперскими условиями и методами. В контексте цивилизационного влияния России на коренные народы Средней Азии это обстоятельство представляется нам позитивным, так как «военно-народное» управление в большей мере соответствовало менталитету «туземного» населения, сформировавшемуся еще в ханские времена.

К сожалению, при характеристике «военно-народного управления» многие исследователи упускают из вида правовые установления относительно «туземного» самоуправления как его важнейшего компонента. Между тем, генерал А.Н. Куропаткин указывал, что определяющей чертой российского административного руководства в Туркестане было «предоставление внутреннего управления туземным населением во всех делах, не имеющих политического характера, выборным из среды самого народа, применяясь к его нравам и обычаям»[176]. Это обстоятельство в наибольшей мере свидетельствовало о цивилизационной роли царской России в жизни коренных народов Средней Азии. Оно не был феноменом в политике царизма на окраинах империи. Особые правительственные «положения» об управлении отдаленными регионами России обязательно

[175] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С.127-128.
[176] Куропаткин А.Н. Россия для русских. Задачи армии, не связанные с русской национальной политикой. Т. 2. СПб., 1910. С. 126.

предусматривали учреждение институтов народной администрации[177].

Главным достоинством «туземного» самоуправления в Русском Туркестане считалась его выборность. Американский дипломат Ю. Скайлер, посетивший регион при Кауфмане (в 1870-х гг.), писал о том, что среди коренного населения края «выборная система дала отрицательные последствия в виде взяточничества и коррупции, процветавших во время выборов под откровенным давлением властей в пользу их фаворитов. Многие исключались из выборных списков по причине признания их фанатиками и поэтому выборы носили почти командный характер»[178]. Преемник Кауфмана в должности туркестанского генерал-губернатора М.Г. Черняев в пространном рапорте военному министру от 20 декабря 1882 г. резко осуждал состояние «туземного» самоуправления при своем предшественнике, подчеркивая его порочное «выборное начало, сделавшееся открытой ареной купли и продажи мест»[179]. Между тем, глава правительственной ревизии Туркестанского края в 1882-1883 гг., сенатор Ф.К. Гирс утверждал, что «население Туркестанского края дорожит выборным началом»[180]. Он указывал, что оно помогает простому народу

---

[177] См. напр.: Высочайше утвержденный Устав об управлении инородцев (Сибири – И.В.). 22 июля 1822 года // ПСЗРИ-1. Т. 38. СПб., 1830. № 29126; Высочайше утвержденный Устав о Сибирских Киргизах. 22 июля 1822 года // там же: № 29127; Именной, данный Сенату – Высочайше утвержденное положение об управлении Оренбургскими киргизами. 14 июня 1844 года // там же: Т. 19. Отд. 1. СПб., 1844. № 17998; Высочайше утвержденное Положение об управлении калмыцким народом. СПб., 1847; Высочайше утвержденное Положение об управлении Кавказской Армией. 1 апреля 1858 года // ПСЗРИ-2. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1860. № 32938; Высочайше утвержденное Положение о башкирах. 14 мая 1863 года // там же: Т. 38. Отд. 1. СПб., 1866. № 39622; Высочайше утвержденные Правила об особом управлении башкирами. 14 мая 1863 года // там же: Т. 38. Отд.1. СПб., 1866, № 39623; Высочайше утвержденное Учреждение управления Кавказского края. 26 апреля 1883 года // ПСЗРИ-3. Т. 3. СПб., 1886. № 1522; Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Квантунской областью. 16 августа 1899 года // там же: Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 17513 и др.

[178] SchuylerEugene. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. Vol. 1. London, 1876. P. 169.

[179] Цит. по: Литвинов П.П. Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам): монография. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. С. 70.

[180] Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПБ., 1884. С. 98.

избавляться от былого гнета местной знати. Он был прав, но отчасти. Как знаток Туркестана он должен был знать, что еще с первых лет действия Проекта 1867 г. «туземная» знать, не желая брать на себя ответственность перед русской властью, выдвигала на должности волостных и аульных старшин подставных лиц – своих марионеток, которые, повинуясь родоплеменным традициям, беспрекословно исполняли их волю. Это понял другой сенатор-ревизор Туркестанского края – К.К. Пален, который указывал, что «именитые туземцы не идут сами в волостные и проч. Они выдвигают своих марионеток из «букары» – простолюдинов, чтоб служили по их указке»[181]. Таким образом, система «туземного» самоуправления в Туркестанском крае в середине 1880-х гг. в цивилизационном отношении отстояла от соответствующих внутрироссийских образцов.

Это обстоятельство отчасти преодолевало «Положение об управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 г. Статья 82-я документа указывала: «Волостные управители, сельские старшины и их помощники назначаются по выбору населения, на три года». Но в примечании к ней отмечалось, что «генерал-губернатору предоставляется в исключительных случаях назначать волостных управителей собственной властью»[182]. В последующем это установление использовалось областным и уездным начальством, хотя не приветствовалось высшей властью региона. В апреле 1901 г. туркестанский генерал-губернатор Н.А. Иванов направил предписание руководителям областей о том, «чтобы замена выборного начала допускалась в самых исключительных случаях»[183].

На все должности «туземного» самоуправления в крае могли выдвигаться только люди, ничем не запятнавшие себя перед властью и

---

[181] Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Сельское управление. Русское и туземное. СПб., 1910. С. 129.
[182] Там же. С. 326.
[183] Положение об управлении Туркестанского края. С разъяснениями Правительствующего Сената, приказами и циркулярами Туркестанского генерал-губернатора, и инструкциями и правилами по отдельным частям управления. Сост. И.Ф. Абрамов. Ташкент, 1916. С. 58.

народом. «Положение» 1886 г. устанавливало те же принципы выборов на должности «туземной администрации», что и Проект 1867 г. Волостные управители избирались на волостных съездах выборщиками, каждый из которых представлял 50 домохозяйств. Время и место проведения таких выборов назначал уездный начальник. Статья 88-я гласила: «Выборы волостного управителя производятся в присутствии уездного начальника или лица его заменяющего, которые наблюдают только за порядком, *не вмешиваясь в самое направление выборов*»[184]. (Курс. наш – И.В.) Волостные съезды избирали двух человек – одного на должность волостного управителя, «а другого в кандидаты к нему. Лица сии представляются уездным начальником, с его заключением, на утверждение военного губернатора»»[185]. Он мог и не утвердить такое представление, в результате чего назначались новые выборы. Но это случалось редко. Сельские старшины, кандидаты к ним и помощники избирались сельскими сходами, на которых присутствовал волостной управитель, обязанный следить только за порядком и не вмешиваться в электоральный процесс. Они утверждались в должностях уездным начальником. Содержание волостных и сельских старшин осуществлялось за счет местного населения. По закону, избранным волостным управителям и сельским старшинам вручались должностные знаки и печати, которые изготавливались за счет земских сумм края. Установления «Туркестанского положения» 1886 г. относительно выборов лиц «туземной администрации» не были юридической новацией – они соответствовали общеимперским нормам. Статья 98-я документа указывала, что «права, обязанности и круг действий волостного управителя, сельского старшины, волостного съезда и сельского схода определяются соответствующими постановлениями учреждения общественного управления сельских обывателей в Империи (Общ. учр. губ., изд. 1876 г., ст. 2157 и

[184] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. С. 326.
[185] Там же.

след.)»[186]. Однако далее в ней указывалось, что эти положения «Общего учреждения губернского» в крае должны применяться «с дополнениями, изложенными в нижеследующих статьях (ст. 99-107) настоящего Положения»[187]. Таким образом, нет оснований утверждать о том, что оно полностью уравнивало туркестанских волостных управителей и сельских старшин в правах и обязанностях с соответствующими должностными лицами в сельских обществах империи. Указанные статьи (99-107) как раз и содержали те особенности, которые отличали «туземное» самоуправление населения в Туркестане от его общероссийских аналогов[188]. Вышеизложенные установления распространялись в одинаковой мере на оседлое и кочевое население региона. Таким образом, «Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 г. отчасти трансформировало систему «туземного» самоуправления, однако существенным образом ее не изменило. В плане рассматриваемой проблемы цивилизационного влияния царской России на «туземное» население Средней Азии можно свидетельствовать о том, что в сфере самоуправления коренного населения региона имел место компромисс русской власти с соответствующими традициями ханских времен. Подтверждая это обстоятельство, видный туркестанский администратор, генерал-майор С.А. Геппенер указывал, что «Положение» 1886 г. реально ничего не изменило в жизни «туземцев», так как «при ханах полновластным владыкой был ханский ставленник… при русских ту же самую роль стал играть волостной управитель»[189]. Большой знаток Средней Азии В.П. Наливкин писал о том, что в глазах «туземцев» «самое большое начальство – волостной управитель»[190].

В начале 1893 г. был издан закон, который уточнил права и обязанности лиц «туземной администрации», принципы проведения

---

[186] Там же. С. 327.
[187] Там же.
[188] См.: приложения.
[189] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4995 – Вырезки из газет к вопросу о пересмотре Туркестанского Положения. Л. 5.
[190] См.: Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. С. 119.

выборных сходов и съездов в городах для избрания городских старшин (аксакалов), которым придавались права волостных управителей, определены границы их ответственности перед властью и законом за должностные нарушения[191]. Однако все нововведения в принципе не меняли схему сотрудничества «туземного» самоуправления с царской администрацией. Естественно, что смычка российской уездной власти с должностными лицами «туземной» администрации в советской историографии изображалась как некое обязательное условие царского «колониализма» в Средней Азии. Например, узбекский советский историк Н.А. Абдурахимова писала: «Высшая *колониальная* администрация вынуждена была организовывать расследование злостных злоупотреблений русской администрации и *особенно волостной и сельской администрации*. С расследованиями о злоупотреблениях была связана и своеобразная чистка «туземных» властей»[192] (курс. наш – И.В.). Таким образом, она признавала, что основная масса должностных злоупотреблений по отношению к коренному населению Русского Туркестана творилась самими же «туземными» властями. Представляется очевидным, что последние, лишенные регулярного контроля над своей деятельностью со стороны русских властей, правили фактически так же, как и при среднеазиатских ханах, с той лишь разницей, что тогда они были, как правило, назначаемы властью. В новых условиях, будучи избранными, «туземные» администраторы отдавали предпочтение той «партии», которая обеспечила им победу на выборах. Не надо полагать, что туркестанская администрация мирилась с подкупами на выборах лиц «туземного» самоуправления. Туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский издал 12 марта 1893 г. циркуляр, в котором отмечал, что получает

[191]Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об изменении некоторых постановлений Положения об управлении Туркестанского края, касающихся административного его устройства. 19 января 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9262. С. 26-28.

[192]Абдурахимова Н.А. Политика царизма в административном управлении Туркестаном // Ташкентский государственный университет. Материалы по истории, историографии и археологии. Вып. 582. Ташкент, 1981. С. 60.

много жалоб и донесений о процветании подкупа при выборах волостных управителей, в результате чего на такие должности избираются недостойные люди. Он требовал положить конец такой практике и объявить всем о том, что, при установлении фактов подкупа, он станет отменять итоги выборов и назначать волостных управителей своей властью на основании примечания к статье 82-й «Положения» 1886 г.[193].

Туркестанский революционер Г.И. Бройдо писал о том, что выборы «туземной администрации» в Русском Туркестане всегда сопровождались острейшей борьбой «партий», подкупами, подлогами, махинациями со списками избирателей и т.п. и приводил тому примеры[194]. Кыргызстанский историк А.Л. Салиев пишет о том, что «выборы лиц так называемой «туземной администрации» (волостных старшин) и суда приводили в движение значительные массы кочевого социума Туркестана, порождали многие события негативного свойства, отвлекали народ от позитивной деятельности, ввергали его в склоки, раздоры и т.д.»[195]. «Сталинский» историк Средней Азии П.Т. Галузо указывал: «Значительная доля расходов падала на «подмазывание» русского начальства, от которого зависело и само ведение выборов, и возможность махинаций в деле искусственного подбора большинства голосов и, наконец, утверждение выборов»[196]. Он писал: «Мы имеем полное право квалифицировать аппарат туземной власти как аппарат паразитический, разрушавший своей эксплуатацией хозяйство дехканина и скотовода»[197]. На наш взгляд, Галузо преувеличивал степень участия русских властей в выборных махинациях, так как проигравшая сторона почти всегда

[193]См.: Положение об управлении Туркестанского края. С разъяснениями Правительствующего Сената, приказами и циркулярами Туркестанского генерал-губернатора, и инструкциями и правилами по отдельным частям управления. Сост. И.Ф. Абрамов. Ташкент, 1916. С. 59.
[194]См.: Бройдо Г.И. Восстание киргиз в 1916 году // Восстание казахов и киргизов в 1916 году. Лондон, 1989. С. 135-138.
[195]Салиев А.Л. Очерки истории судебной политики царизма в кочевых регионах Туркестана (по архивным, правовым и иным материалам): монография. Бишкек, 2014. С. 296.
[196] Галузо П.Т. Туркестан – колония (очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года). М., 1929.С. 35.
[197] Там же. С. 55.

начинала писать во все инстанции, не исключая и «высочайшую», жалуясь на их вмешательство в электоральный процесс.

Желая усилить российское влияние на «туземное» самоуправление, туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской предписывал в циркуляре от 6 ноября 1898 г.: «Необходимо теперь же: 1) принять меры к немедленному введению государственного языка в служебные сношения местных туземных общинных управлений, путем замещения должности волостных писарей, исключительно русскими, знающими туземный язык; 2) заменить некоторые должности немедленно, некоторые постепенно русскими людьми, знающими туземный язык, а именно: всех волостных писарей, большую часть переводчиков, часть арик-аксакалов и мирабов, часть джигитов, все полицейские должности, всех сторожей и служителей уездных и областных учреждений, всех волостных управителей; 3) ввести обязательный ценз окончания русско-туземной школы или соответствующего экзамена по особой программе для занятия должностей: волостного управителя, городского старшины, сельского старшины, их помощников и кандидатов к ним, народных судей…»[198]. Однако его указания не имели существенных результатов.

Через десятилетие сенатор-ревизор Туркестанского края К.К. Пален писал о том, что «применение выборного начала в деле организации туземного административного управления *характеризуется исключительно отрицательными сторонами*»[199] (курс. наш – И.В.). В своем отчете он приходил к выводу о том, что «попытка привить туземцам начала нашего общественного самоуправления оказалась неудачной и не привела к изменению на русский лад местного общественного строя»[200]. Пален констатировал реально слабую связь между русской и «туземной» властями в Туркестане, указывая, что правительственный надзор за последней носит

[198] История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т.1. Алма-Ата, 1949.С. 348-349.
[199] Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Сельское управление. Русское и туземное. СПб., 1910. С. 102.
[200] Там же. С. 141.

случайный характер. Он предлагал, либо вообще отменить выборное начало для «туземной» администрации, либо серьезно изменить его в будущем[201]. Однако в последующем ни то, ни другое не было осуществлено.

Казахский «большевик» Т. Рыскулов указывал, что во время восстания 1916 г. «естественен был разгром во многих местах повстанцами прежде всего чинов туземной администрации… Резче всего нападения на туземную администрацию наблюдались среди оседлого туземного населения»[202]. Зарубежный туркестановед Х.К. д'Анкосс писала о том, что «повстанцы 1916 г. убивали и своих предателей, то есть прорусски настроенных туземных администраторов», указывая, что «они убили 55 своих «туземных» начальников, тогда, как русских – только 24. В Ферганской области такое соотношение было удивительным - мятежники убили 34 лиц «туземной администрации» и лишь одного русского начальника»[203].

Как отмечалось, Проект 1867 г. и «Туркестанское положение» 1886 г. запрещали вмешиваться в выборы лиц «туземной» администрации. Х. К. д' Анкосс признает: «Действительно, вмешательство русских властей в местные институты было весьма ограниченным и потому в течение длительного времени местные и русские власти сосуществовали вместе, имея не совсем определенные связи между собой»[204]. Такая политика нравилась не всем. Видный туркестанский администратор Ю.Д. Южаков критиковал невмешательство русских властей в дела «туземного» самоуправления: «Нельзя не пожелать, чтобы наша туркестанская администрация была поскорее освобождена от этого вредного режима. Способный, энергичный и добросовестный администратор никогда не усвоит себе принципа такого невмешательства – это удел людей апатичных, трусливых, ленивых и мало

[201] Там же. С. 142-143.
[202] Рыскулов Т. Восстание туземцев Туркестана в 1916 году // Восстание казахов и киргизов в 1916 году (Т. Рыскулов. Г. Бройдо). Лондон, 1989. С. 116.
[203] Central Asia. A century of Russian Rule. Ed. by Allworth. Columbia Univ. Press. New York-London, 1967. P. 212, 213.
[204] Ibid. P. 154.

знакомых со своими правами и обязанностями»[205].

Безусловно, общественное самоуправление «туземного» населения охватывало не только сельские поселения Туркестанского края, но и городские. Согласно «Туркестанскому положению» от 6 августа 1865 г. «первичную администрацию коренного населения в «туземных» частях (городов – И.В.) составляли выборные из местных жителей: *старший аксакал* (соответствовал городскому голове), *аксакалы* (гласные городской думы) – заведующие кварталами в полицейском отношении, *раис* – помощник городничего по полицейскому управлению из местного населения, казий – исполняющий обязанности судьи. Должностные лица местного городского управления получали предписания и исполняли требования, исходящие от городничего, и подчинялись лично ему»[206] (курс. авт. – И.В.). Статья 71-я «Туркестанского положения» 1886 г. указывала: «Города, населенные туземцами, делятся на части, число которых определяется, по постановлению областного правления, военным губернатором. Заведование сими частями возлагается на старшин (аксакалов), по выбору домовладельцев»[207]. Таким образом, «туземное» самоуправление в городах Туркестанского края было таким же выборным, как и сельское. Авторитетные специалисты отмечают, что «в 1877 г. в Ташкенте было введено Городовое положение»[208]. Сенатор-ревизор Ф.К. Гирс писал о том, что правила его применения в городе были разработаны специальной комиссией во главе с председателем Сырдарьинского областного правления, полковником Майлевским. Позже Кауфман просил военного министра Д.А. Милютина войти с ходатайством в Государственный совет с тем, чтобы законодательно утвердить применение «Городового положения» 1870 г. в Ташкенте, однако Комитет министров в 1880 г. указал, что не стоит

---

[205] Южаков Ю.Д. Итог двадцатисемилетнего управления нашего Туркестанским краем. СПб., 1891. С. 84.
[206] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 97-98.
[207] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т.6. СПб., 1888. № 3814. С. 325.
[208] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 98.

беспокоить императора вопросом, по которому Кауфман, располагая широчайшими полномочиями, может принять самостоятельное решение. «Первостроитель» Туркестанского края так и сделал, в связи с чем в «столице» региона появилась городская Дума.

Как известно, в Ташкенте в 1882 г. проживало до 75 тыс. «туземцев» и 12 тыс. русских, но в городской Думе от последних заседало 48 депутатов, тогда как от «туземцев» – только 24. Это обстоятельство вызывало недовольство «туземного» населения Ташкента. Гирс писал о том, что «более или менее справедливое соотношение представительства двух частей города в Думе не только может принести пользу в смысле соединения двух народностей, но, вместе с тем, и гарантировать правильное и равноуправное самоуправление»[209]. Поскольку «Туркестанское положение» 1886 г. не упоминало о применении в Ташкенте «Городового положения» 1870 г., то военный министр П.С. Ванновский во «всеподданнейшем» докладе 19 декабря 1886 г. просил царя подтвердить его действие в городе. Император Александр III распорядился «сохранить в городе Ташкенте существующее городское общественное управление впредь до утверждения для этого города Положения в законодательном порядке»[210]. Военное министерство стало готовить соответствующее представление, которое было направлено на рассмотрение в Государственный совет. Процедура длилась два года, но закончилась принятием искомого акта[211]. Однако «Городовое положение» 1870 г. было применено к Туркестанскому краю не в полной мере, а с изменениями и дополнениями. Закон от 5 декабря 1888 г. учреждал Сырдарьинское областное по городским делам присутствие под председательством военного губернатора, определял, что 1/3 «гласных»

---

[209] Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПБ., 1884. С. 114.

[210] Высочайшее повеление, объявленное Военным Министром – О сохранении в городе Ташкенте существующего городского общественного управления. 19 декабря 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 4111. С. 538-539.

[211] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О применении Городового Положения 16 июня 1870 года к городу Ташкенту. 5 декабря 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 5616. С. 576-577.

Ташкентской городской думы будет избираться жителями «азиатской части» города, а 2/3 – «русской». Таким образом, степень цивилизационного влияния России на городское самоуправление значительно усилилась. Все представления в правительство Ташкентская Дума должна была направлять только через туркестанского генерал-губернатора. Документ отмечал, что все права министра внутренних дел по «Городовому положению» 1870 г. относительно Ташкента «переносятся на военного министра»[212]. Права голоса на выборах в Ташкентскую Думу лишались «старшины (аксакалы) Азиатской части города, пока находятся в сих должностях»[213]. Закон относил к числу избирателей представителей мечетей, медресе и др. мусульманских учреждений, имевших в Ташкенте недвижимые имущества. Городской голова не избирался депутатами Ташкентской думы, а назначался военным министром, по представлению туркестанского генерал-губернатора. В 1912 г. на праздновании 45-летия Туркестанского края отмечалось, что «Ташкент ныне является единственным городом в Империи, где действует Городовое Положение 1870 года»[214]. Туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский, управлявший краем в 1889-1898 гг., предлагал ввести в Ташкенте «Городовое положение» 1892 г., но не имел успеха. Сенатор-ревизор К.К. Пален советовал распространить на все города Туркестанского края действие этого «положения», но «преимущественно упрощенного типа»[215]. Но правительство не приняло этого предложения. П.П. Литвинов отмечает, что в законе от 11 июня 1892 г. «было четко обозначено, что «Городовое положение» 1892 г. будет вводиться в стране «постепенно», но, *«за исключением Царства Польского, Туркестанского края и Закаспийской области и тех городских поселений Кавказского Края, к коим не было*

[212] Там же. С. 577.
[213] Там же.
[214] Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения в 9 томах. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 340.
[215] См.: Правила об упрощенном городском общественном управлении // ПСЗРИ-3. Т. 12. Отд. 2. 1892. СПб., 1895. Дополнения к тому. С.170-171.

применено Городовое Положение 16 июня 1870 года»[216] (курс. авт. – И.В.)

Безусловно, туркестанские власти – краевая, областные и уездные имели большие полномочия по отношению к органам «туземного» самоуправления, однако ограниченные. Так, например, упразднение должностей «туземной» администрации в Туркестанском крае не было прерогативой местной власти. Для этого нужно было решение на «высочайшем» уровне[217]. Только в 1904 г. туркестанский генерал-губернатор получил право устанавливать границы волостей и образовывать в них общественное самоуправление[218]. Лишь в 1913 г. туркестанские власти получили право переселять кочевников-избирателей из волости одного уезда в другой[219]. Право перечисления волостей и участков Туркестанского генерал-губернаторства (края) из одного уезда в другой так и осталось до конца за «высочайшей» властью[220].

Совершенно очевидно, что русский царизм сохранением «туземных» институтов местного самоуправление, по сути, дал им «карт-бланш» на угнетение собственных народов, с чем они успешно справлялись. Это существенным образом снижало уровень цивилизационного влияния России на периферии Туркестанского края. На наш взгляд, царские власти во многом узаконили то, что существовало в дороссийской Средней Азии, полагая, что

---

[216] Литвинов П.П. Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам): монография. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. С. 93.

[217] См. напр.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об упразднении должности Старшего Аксакала в городе Старом Маргилане. 8 июня 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 23116. С. 717.

[218] См.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О предоставлении Туркестанскому генерал-губернатору права определять пределы волостей в трех коренных областях края и разрешать устройство сельских обществ применительно к началам, установленным для крестьян Закавказья. 19 апреля 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24393. С. 374.

[219] Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – О предоставлении Туркестанскому генерал-губернатору преподать к руководству подведомственным ему военным губернаторам Сыр-дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей правило о порядке перечисления кибитко-владельцев из уезда в уезд в пределах одной или разных областей. 23 января 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 38662. С. 114.

[220] См. напр.: Высочайшее повеление, объявленное Военным министром – О перечислении Матчинской волости из Самаркандского в Ходжентский уезд Самаркандской области. 18 октября 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 40448. С. 1269.

тем самым они сохраняют традиции многовекового быта народа. До прихода России в регион народ нередко восставал против своих угнетателей – таких примеров в истории народов Туркестана немало. Но тогда народ ясно понимал, кто его враг. Теперь же влиятельные должностные и богатые «туземцы», бессовестно и бесстрашно угнетавшие свой народ, при недовольстве последнего своим положением, списывали все на русскую власть, обвиняя ее в том, что она-де организовала такие несправедливые порядки, которые без нее были бы совсем другими. И неграмотный, простодушный, но невежественный народ, как правило, им верил, полагая, что они - свои, а русские - чужие, а «свой своему - поневоле брат».

Важнейшим каналом цивилизационной связи туркестанской администрации с «туземными» институтами было ее взаимодействие с традиционными судами коренного населения Средней Азии. Исследователь Д.В. Васильев пишет о том, что российское правительство сохранило для коренного населения Туркестана суды по шариату и по адату. Он отмечает, что «суд биев (на основе адата) для кочевников объявлялся гласным и публичным. Бии избирались населением волости и утверждались военным губернатором. Для решения дел, выходящих за пределы их компетенции, назначались периодические съезды всех биев волости»[221]. Он указывает, что «подобным же образом был организован и суд казиев (на основе шариата) у оседлого населения, на который туркестанская администрация смотрела как на пережиток прошлого, рассчитывая, что он сам постепенно придет к упадку»[222]. Это заявление представляется нам поверхностным, повторяющим идеологические штампы советского времени. На самом деле, шариатские суды в Русском Туркестане отличались от кочевых, хотя они были тоже выборными. Так, например, бии не имели границ судопроизводства, тогда как § 221 Проекта 1867 г. указывал: «Каждый казий имеет свой определенный участок и не может производить суд в участке другого

[221] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 100.
[222] Там же.

казия»[223]. Сенатор-ревизор Ф.К. Гирс признавал, что «необходимость сохранения народного суда для туземцев Туркестанского края есть истина, не подлежащая никакому сомнению. Тем не менее, в среде местной администрации и даже некоторых судей имеются противники этого института, предлагающие его упразднение законодательным актом»[224]. Отвергая такие предложения, он указывал: «Тот суд наиболее отвечает своему назначению, который стоит ближе к населению, приноровлен к его понятиям и верованиям и согласован с условиями народного быта»[225].

«Туркестанское положение» 1886 г. внесло известные изменения в судебную систему края. В этом акте не было разделения на суды по обычному праву (адату) и по мусульманскому праву (шариату). Раздел 2-й документа объединял их в одной главе (3-й) «Народный суд», определявшей общие принципы «туземного» судопроизводства в Туркестанском крае. Былые различия сохранялись только в выражениях: «у кочевников» (слово «киргизы» уже не упоминалось) и «у оседлых туземцев». Для биев и казиев устанавливались единые условия выборности, сроки действия должностных полномочий, принципы судебного делопроизводства и др. Вводился прокурорский надзор за деятельностью народных судов. Казалось бы, все было для них одинаковым. Однако внимательное прочтение «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 г. показывает, что это не так. Например, статья 211-я указывала, что «правила о подсудности оседлых туземцев распространяются и на жителей соседних ханств, пребывающих в пределах Туркестанского края»[226]. Понятно, что они не касались кочевых судов. Это – первое. Второе. Статья 232-я гласила: «Народные судьи кочевого населения приступают к разбирательству дел по жалобам частных

---

[223] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. С. 34.

[224] Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПБ., 1884. С. 328.

[225] Там же.

[226] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т.6. СПб., 1888. № 3814. С. 335.

лиц или по сообщению волостного управителя или уездного начальника»[227]. Разумеется, что эта норма не относилась к шариатским судам. Третье. Статья 237-я указывала: «У оседлых туземцев время, место, число съездов народных судей и район их действия определяется губернатором»[228]. А сроки проведения съездов биев устанавливались уездным начальником. Четвертое. По закону 1886 г., жалобы на решения кочевых судов подавались волостному управителю, тогда как претензии к шариатским судам – уездному начальнику. Пятое. Примечание к статье 247-й устанавливало, что «назначение судей в чрезвычайный съезд кочевого населения, исключая выбранных сторонами, производится уездным начальником»[229]. У оседлых «туземцев» оно делалось военным губернатором. Наконец, шестое. К шариатским судам относились три статьи (252-254) «Туркестанского положения» 1886 г., определявшие порядок заведования опекунскими делами, отчетности опекунов, контроля над их деятельностью со стороны казиев, ответственности за упущения и злоупотребления и др.[230]. Ничего подобного для судов кочевого населения края не предусматривалось. Таким образом, отношение царского законодательства к народным судам биев и казиев не было одинаковым. Соответственно, и степень российского цивилизационного влияния на них тоже была разной.

Естественно, что установление царской власти в Средней Азии ограничило традиционную юрисдикцию судов «туземного» населения. Из их ведения были изъяты некоторые производства, отнесенные законодателем к компетенции судов по российским гражданским и военным законам. В § 129 проекта «Туркестанского положения» 1867 г. указывалось: «В Семиреченской и Сыр-дарьинской областях существует три рода суда: военный суд, суд на основании общих законов Империи и народный суд»[231].

---

[227] Там же. С. 336.
[228] Там же. С. 337.
[229] Там же.
[230] См.: там же. С. 338.
[231] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. С. 20.

В § 131 отмечалось, что «по общим законам Империи туземцы судятся: за разбой и грабеж, за исключением баранты, нападение на купеческие караваны побег в чужие владения, поджоги, явное сопротивление властям, делание и перевод фальшивой монеты, похищение казенного имущества. Тому же суду подлежат сарты (оседлые жители – И.В.) за убийство»[232]. Следовательно, по делам об убийстве кочевники судились в своих судах, а не в российских. Примечание 2-е к § 133 Проекта 1867 г. гласило: «По народным обычаям, у киргизов полагается за убийство уплата убийцей куна, то есть вознаграждения семейству или родственникам убитого в определенном биями размере. *Для предотвращения возможности богатым, пользуясь материальным благосостоянием, совершать убийства из личной ненависти,* предоставляется народному суду право приговаривать виновных сверх куна – если будет признано нужным – *к высылке в Сибирь*. Приговоры эти приводятся в исполнение не иначе, как с утверждения Генерал-губернатора»[233] (курс. наш – И.В.). Иным было отношение русской власти к постановлениям шариатских судов оседлого населения. Примечание 1-е к § 232 указывало: «Телесные наказания, истязания, отсечение членов и смертная казнь, постановлявшиеся прежде решением казиев, отменяются. Взамен означенных наказаний полагается арест, штрафы, отдача в заработки и ссылка в Сибирь»[234]. Примечание 2-е запрещало традиционные ямы для содержания виновных и заменяло их тюрьмами, содержавшимися за общественный счет. В плане цивилизационной политики России в Средней Азии такие установления, безусловно, были действительно гуманными.

Практика изъятия некоторых дел из-под юрисдикции народных судов продолжилась в «Положении об управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 г. Согласно статьям 141-143 документа, из ведения судов биев и казиев были удалены дела, решение которых не соответствовало ни

[232] Там же. С. 21.
[233] Там же.
[234] Там же. С. 35.

обычному праву кочевников края, ни шариату[235]. Это был существенный акт цивилизационной политики царизма в Средней Азии. Он усиливался учреждением прокурорского надзора, нового института для судов «туземного» населения. Статья 216-я (позже: 218-я) гласила: «Приговоры и решения народного суда, постановленные с превышением власти или по делам ему неподсудным, не приводятся в исполнение, и о них уездный начальник представляет прокурору. Последний вносит протест в областной суд, который в случае отмены приговора, возвращает дело с надлежащими указаниями, в народный суд, для постановления нового решения, а при неподсудности дела народному суду – дает ему законное направление»[236]. Под этим понималось направление дел в российские судебные установления, которые решали их на основе цивилизационных принципов общегосударственного законодательства.

Поскольку устройство кочевых судов биев и судопроизводство казиев по «Туркестанскому положению» 1886 г. осталось прежним, то заслуживают внимания правовые акты, которые принимались в целях уточнения и совершенствования ряда его положений. Поскольку в народных судах победившая на выборах «партия» часто сводила счеты с проигравшей стороной посредством ссылки, то государство в 1888 г. отменило такую практику[237]. Об административной ссылке по приговору народных судов Туркестанского края подробно писал российский исследователь В.П. Литвинов[238]. В 1888 г. был принят ряд других законов, подчинивших дела «туземцев» региона юрисдикции российских судов[239]. В марте 1893 г.

---

[235] См.: Приложения.

[236] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т.6. СПб., 1888. № 3814. С. 335.

[237] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об отмене постановлений о высылке туземцев Туркестанского края по приговорам народных судов. 7 ноября 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 5538. С. 533.

[238] Литвинов В..П. Административная ссылка в царской России: туркестанский вариант (по архивным, правовым и иным материалам): монография. Елец: Изд-во ЕГУ имени И.А. Бунина, 2010. С. 144-159.

[239] См. напр.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О подчинении уголовных дел, возникающих между туземцами Туркестанского края, имеющими

туркестанскому генерал-губернатору было предоставлено право высылать из Бухарского и Хивинского ханства «порочных» российских подданных «туземцев»[240]. В мае 1897 г. был издан закон, запрещавший махинации с исками, которые должны были рассматриваться в народных судах «туземного» населения[241]. Через год он был распространен и на Семиреченскую область, переданную в состав Туркестанского генерал-губернаторства[242]. Вряд ли можно усомниться в положительной цивилизационной значимости указанных нормативно-правовых актов, спасших имущество простых «туземцев» от произвола мошенников из числа ростовщиков – «сартов», индусов и среднеазиатских евреев.

В 1898 г. в деятельности судебных органов региона произошли изменения – в крае были внедрены Судебные уставы 1864 г.[243]. Вместо областных появились окружные суды, в Ташкенте была учреждена судебная палата. При них действовал прокурорский надзор. Закон касался, прежде всего, устройства российских судебных учреждений в Средней Азии, однако

отдельные народные суды, ведению местных судебных установлений по общим законам Империи. 15 февраля 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 5011.С. 56; Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – О подчинении гражданских дел, возникающих между проживающими в Бухарском ханстве русскими подданными ведению местного Российского Политического Агента и Самаркандского областного суда». 11 мая 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 5194. С. 215; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О подчинении судебных дел, подданных Хивы и Бухары, проживающим в тех местностях Туркестанского края, где нет оседлого туземного населения, ведению судебных установлений на общем основании. 17 мая 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 5203. С. 220-221 и др.

[240] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О предоставлении Туркестанскому Генерал-Губернатору права высылать на родину из пределов Бухарского и Хивинского Ханств неблагонадежных и порочных русских подданных. 15 марта 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9425. С. 127.

[241] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О воспрещении переуступать иски, подведомственные народным судам в Туркестанском крае. 19 мая 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14118. С.295.

[242] Высочайше утвержденное Мнение Государственного Совета – О распространении на области: Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую действия Высочайше утвержденного 19 мая 1897 года Мнения Государственного совета относительно воспрещения переуступать иски, подведомственные народным судам. 25 мая 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15444. С. 353.

[243] Высочайше утвержденные Временные Правила о применении Судебных Уставов к областям Сыр-дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской. 2 июня 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15493. С.389-399.

в нем нашли рефлексию и проблемы народных судов. Так, статья 54-я указывала: «Из ведомства мировых и общих судебных установлений изъемлются дела о тех преступлениях и проступках туземцев и инородцев, по коим они подлежат ответственности перед их собственными судами»[244]. Таким образом, российские власти сохраняли цивилизационные принципы «туземного» народного судопроизводства. Вместе с тем, они и ограничивали его. Статья 66-я отмечала: «Дела, поступившие на рассмотрение общих или мировых судебных установлений, не могут быть обращены к производству в народных судах, *хотя бы при судебном разбирательстве и оказалось, что дело не превышает подсудности народного суда*»[245] (курс. наш – И.В.).

Как отмечалось, народные судьи в Туркестанском крае, оправдывая надежды продвинувших их на должности «партий», часто принимали несправедливые решения по делам представителей проигравшей предвыборной группировки. А.Л. Салиев отмечает, что туркестанские власти имели возможность отстранять негодных народных судей от должности, однако эта процедура «была громоздкой и долговременной»[246]. Поэтому туркестанские генерал-губернаторы, недовольные «туземным» кривосудием, предпочитали не ввязываться в длительное разбирательство по поводу коррумпированных судей – биев и казиев. Они хотели получить от государства закон, который позволял бы им решительно и быстро отстранять от должностей народных судей, запятнавших себя неправедными решениями. Но правительство долго не шло им навстречу, не желая повредить процессу цивилизационной «демократизации» жизни коренного населения. Однако ему все-таки пришлось в 1898 г. принять такой закон[247]. К этому его подвигло майское того же года восстание мусульманских фанатиков в

[244] Там же. С.396.
[245] Там же. С.397.
[246] Салиев А.Л. Очерки истории судебной политики в кочевых регионах Туркестана (по архивным, правовым и иным материалам): монография. КРСУ; Отв. Ред. П.П. Литвинов. Бишкек, 2014. С. 317.
[247] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О предоставлении Туркестанскому Генерал-Губернатору права сменять народных судей // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 16085. С. 991.

Андижане. Правительственная комиссия, расследовавшая обстоятельства бунта, признала одной из его причин несовершенство и продажность народных судей[248]. Поэтому законодатель указывал, что бии и казии Туркестанского края, «если обнаружатся несовместные с достоинством судейского звания нравственные их свойства, лишающие их необходимых для сего звания доверия и уважения, удаляются от должностей, на основании представлений военных губернаторов, генерал-губернатором»[249].

Уже упоминалось о том, что в Средней Азии рассматриваемого периода имели распространение военные суды. Они объявлялись частью судебного устройства Туркестанского края. Как ни странно, но эту проблему никто еще отдельным серьезным образом не рассматривал. Первым актом царской власти об использовании военного судопроизводства по отношению к «туземному» населению Русского Туркестана стало «Положение об управлении Алатавским округом» от 25 декабря 1862 г.[250]. В документе отмечалось, что «киргизы Большой орды, совершившие баранту, убийство и грабеж в устроенных округах Средней орды и уличенные на месте преступления предаются военному суду на основании Высочайшего повеления… от 16 декабря 1852 года»[251]. Генерал-губернатор Западной Сибири мог предавать военному суду «киргизов Большой орды, захваченных на баранте, грабеже или разбое в пределах Алатавского округа, также виновных в измене и явном неповиновении властям»[252]. Военному суду также предавались виновные в убийстве «Старших султанов или лиц,

---

[248] См.: РГИА, Ф. 560. Оп. 22. Д. 221- Отчеты и рапорты Командующего войсками Туркестанского военного округа и Военного прокурора о расследовании причин восстания местного населения Ферганы (Отчет генерал-лейтенанта Королькова) (1899).

[249] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О предоставлении Туркестанскому Генерал-Губернатору права сменять народных судей // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 16085. С. 991.

[250] Высочайше утвержденное Положение об управлении Алатавским округом // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд.2. СПб., 1865. № 39088. С. 593-597.

[251] Там же. С. 597; имеется в виду закон – Именной, объявленный Сенату Министром юстиции – О суждении военным судом киргиз Большой Орды. 3 декабря 1852 года // ПСЗРИ-2. Т. 27. Отд. 1. СПб., 1853. № 26831. С. 747-748.

[252] Там же.

имеющих Высочайше пожалованные чины и медали»[253].

«Временное положение об управлении Туркестанской области» от 6 августа 1865 г. в § 36 указывало, что дела по убийствам и грабежам среди «туземного» кочевого населения «представляются особым военно-судным комиссиям, составляемым всякий раз по назначению начальников отделов, причем виновные судятся по Полевому Уголовному уставу»[254]. Отмечалось, что по этому же «уставу судятся, в качестве разбоя, и все дела о барантах (барымте – И.В.), имеющих возникать по издании сего Положения»[255].

Проект «Туркестанского положения» 1867 г., определяя судебное устройство в регионе, в § 130 указывал: «Военным судом киргизы и сарты судятся: за измену, возбуждение своих соплеменников к сопротивлению против правительства, нападение на почту и военные транспорты, убийство христиан и других лиц, изъявивших желание принять христианство, за убийство должностных лиц»[256]. В § 146-м документа отмечалось: «Военно-судные комиссии рассматривают и решают дела, которые подлежат, на основании настоящего Положения суду военному и суду на основании общих уголовных законов Империи»[257]. § 161 гласил: «По делам, подлежащим суду на основании общих законов Империи, военно-судными комиссиями определяется степень вины и наказания подсудимых на основании Уложения о наказаниях»[258]. Таким образом, царские военные суды в крае руководствовались нормами «Уголовного уложения» 1845 г.[259]

Следует отметить, что первый туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман, управлявший краем в 1867-1881 гг. был не только жестким, но и гибким администратором, в связи с чем он достаточно осторожно прибегал к

---

[253] Там же.
[254] Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской области. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 42372. С. 880.
[255] Там же.
[256] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. С. 20.
[257] Там же. С. 23.
[258] Там же. С. 26.
[259] См.: Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 15 августа 1845 года // ПСЗРИ-2. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1846. № 19283. С. 598-1010.

услугам военной юрисдикции. Так, например, он предал военному суду лишь незначительную часть участников (точнее, главарей) так называемого «самаркандского дела», когда в 1868 г. мусульмане восстали против российского гарнизона в городе. Остальные были подвергнуты административной ссылке, а большинство распущено по домам[260]. Точно так же он поступил по отношению к участникам мусульманского восстания в Ходженте в 1872 г.[261]. В 1873 г. военный губернатор Сырдарьинской области Н.Н. Головачев обратился к Кауфману с рапортом о привлечении к военному суду эмиссаров, прибывающих из среднеазиатских ханств и ведущих «пропаганду между туземцами, в особенности между кочевниками»[262]. Но, по распоряжению «первоустроителя», они были лишь высланы за пределы Туркестанского края, без права появляться на его территории впредь.

В начале 1880-х гг. выяснилось, что цивилизационное предназначение российского военного судопроизводства в Средней Азии исчерпало себя. В Туркестанском крае начался процесс ликвидации военно-судных комиссий. В августе 1883 г. Военный совет военного министерства принял решение о преобразовании военного суда в Туркестанском военном округе[263]. В начале июля 1885 г. он принял идентичное постановление[264]. В документе отмечалось, что полное преобразование военно-судной части произойдет после издания особого «положения» об управлении Туркестанским краем.

Как отмечалось, оно было принято в июне 1886 г. Этот документ внес серьезные изменения в существовавшую доселе судебную систему. Согласно статье 117-й, судебное устройство по общеимперскому законодательству в

---

[260] См.: Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В 3-х томах. Т. 1. СПб., 1906. С. 451-455.

[261] Look: Schuyler Eugene. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. In 2 Vols. Vol.1. London, 1876. P. 239.

[262] ЦГАУзб. Ф. 17. Оп. 1. Д. 12293 – Отуземныхпропагандистах. Л. 1-2.

[263] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О преобразовании военно-судной части в Туркестанском военном округе. 24 августа 1883 года // ПСЗРИ-3. Т. 3. СПб., 1886. № 1715. С. 382.

[264] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О преобразовании военно-судной части в войсках Туркестанского военного округа. 1 июля 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 3100.С. 351.

Туркестане состояло из мировых, областных судов и Правительствующего Сената[265]. Таким образом, из бывшей судебной системы в Туркестанском крае исчезли военные суды. О них «Туркестанское положение» 1886 года упоминало лишь статья 16-я: «В исключительных случаях, когда совершающиеся в крае тяжкие преступления (убийства, разбои, грабежи, сопротивление власти и т.п.) будут угрожать нарушением общественного порядка и спокойствия среди населения, генерал-губернатору предоставляется испрашивать Высочайшее разрешение на предание виновных в сих преступлениях военному суду, для суждения по законам военного времени»[266]. Таким образом, временное применение военной юрисдикции в регионе допускалось.

Фактически вместе с новым «Туркестанским положением» в крае был учрежден военно-окружной суд[267]. Соответственно, ускорился процесс ликвидации военно-судных комиссий. В июле 1888 г. была упразднена такая комиссия в Самаркандской области[268]. В августе 1889 г. – в Сырдарьинской[269]. В это же время были ликвидированы и все прочие военно-судные комиссии Туркестанского края. Последней, в 1893 г., упразднили военно-судную комиссию в самой «кочевой» области Средней Азии – Семиреченской[270]. Следовательно, цивилизационная значимость военного судопроизводства для «туземного» социума Русского Туркестана резко снизилась, но не исчезла окончательно.

---

[265] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814.С. 318-344.

[266] Там же. С. 321.

[267] Высочайшее повеление, объявленное Военным Министром – О преобразовании военно-судной части в войсках Туркестанского Военного Округа. 7 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3781.С. 273.

[268] Высочайшее повеление, объявленное Военным министром – Об упразднении Военно-Судной Комиссии при управлении Самаркандского Коменданта. 16 июля 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. С. 445.

[269] Высочайшее повеление, объявленное военным министром – Об упразднении военно-судной комиссии, состоявшей при управлении бывшего Сырдарьинского губернского воинского начальника. 2 августа 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6217. С. 545.

[270] Высочайшее повеление, объявленное военным министром – Об упразднении военно-судной комиссии, учрежденной при управлении Верненского уездного воинского начальника. 5 января 1893 года // ПСЗРИ- 3. Т. 13. СПб., 1897. № 9237. С.9.

Первым случаем широкого применения военной юрисдикции по отношению к коренному населению Туркестанского края, последовавшем за принятием «Положения» 1886 г., стало Ташкентское восстание 1892 г. Несмотря на то, что в советской историографии его связывали с социально-экономической подоплекой, мы, не отрицая последней, тем не менее, полагаем, что его спонтанный и непредсказуемый характер был в основном вызван санитарно-гигиеническими мерами русских властей, направленными на подавление начавшейся холерной эпидемии в городе и его округе. Эти меры имели, безусловно, гуманный цивилизационный смысл – необходимо было преодолеть губительное распространение холеры. Власти закрыли 12 мусульманских кладбищ, приказали хоронить умерших от холеры на особом кладбище, могилы обильно поливали хлорной известью, проводили дезинфекцию и т.д. Было запрещено сопровождать покойников толпами родственников, близких и др. до места погребения. Мусульманское духовенство усмотрело в мерах властей посягательство на устои шариата и призвало население к сопротивлению. Понятно, что его зачинщики были преданы военному суду. Но власти и здесь проявили «либерализм» – ими было осуждено всего 17 чел. Лишь трое были приговорены к смертной казни, поскольку было доказано, что они убивали русских солдат и медицинских работников. Пятеро их «приспешников» получили бессрочную каторгу, двое – 20 лет каторги, трое – 15. Еще трое получили всего по два года тюремного заключения, а один – 12 месяцев содержания в «крепости»[271].

Наиболее серьезные испытания выпали на долю Туркестанского военно-окружного суда летом 1898 г., когда в Ферганской области 20 мая того же года вспыхнуло печально известное Андижанское восстание. Мусульманские фанатики вырезали 26 спящих в казарме русских солдат 20-го Туркестанского линейного батальона. Исследователь В.П. Литвинов отмечает: «В советское время писали о том, что военная администрация Туркестанского края предала военному суду всех активистов Андижанского

[271] Туркестанская туземная газета. 1892. № 29, 25 июля.

бунта и особенно ближайших сподвижников Дукчи-ишана (главаря восстания Мухаммеда Али – И.В.). Такое же мнение вынашивает и нынешняя историография ряда государств, так называемой «Центральной Азии». Все они были якобы преданы смертной казни через повешение. Однако, на самом деле, к смертной казни были приговорены только те, кто запятнал свои руки кровью ни в чем не повинных русских людей. Остальные подверглись ссылке, причем, многие – административной»[272].

В 1908-1909 гг. в крае проходила правительственная ревизия, возглавляемая сенатором К.К. Паленом. Работе народных судов в Русском Туркестане он посвятил отдельный том[273]. Сенатор подразделял их на три типа: 1) суд кочевого населения; 2) суд оседлого населения и 3) суд «туземцев» Закаспийской области. Он весьма подробно изложил имевшиеся у него сведения о них. Но в итоге он признавал всех из них консервативными, отжившими свой век. Пален считал, что в новых исторических условиях взаимодействия «туземного» населения с российской цивилизацией они исчерпали свое традиционное предназначение. Он отмечал, что «народный суд, если даже откинуть все отмеченные недостатки в его устройстве и деятельности, уже не в состоянии удовлетворить насущным запросам современной жизни туземного населения и сознание его неудовлетворительности начинает даже проникать в народные массы»[274]. Особенно Пален критиковал «туземные» суды в Закаспийской области, отмечая, что в ней присутствует такое их многообразие, какого «не существует нигде на всем обширном пространстве Российской империи»[275]. По его мнению, начальники Закаспийской области «присвоили никакими законами не установленное право утверждать, изменять и отменять решения народного суда, а затем узурпировали принадлежавшее исключительно

[272] Литвинов В.П. Административная ссылка в царской России: туркестанский вариант (по архивным, правовым и иным материалам). Елец: изд. ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. С. 121.
[273] Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1910.
[274] Там же. С. 203.
[275] Там же. С. 137.

верховной власти законодательные функции изменения организации народного суда и создания новых инстанций»[276]. Пален считал, что «упразднение народных судов с полной заменой их общеимперскими установлениями явилось бы наиболее правильным разрешением назревшего вопроса об упорядочении отправления правосудия у туземного населения обширного и богатого края»[277]. Такая мера могла бы привести к непредсказуемым последствиям, в связи с чем российское правительство не пошло на кардинальную реформу народных судов в Туркестанском крае. Причины этого председатель Совета министров и министр внутренних дел П.А. Столыпин изложил 17 февраля 1910 г. в письме к военному губернатору Тургайской области[278].

Осенью 1912 г. с проектом переустройства судов биев и казиев, цивилизационного сближения их с российскими мировыми судами выступил туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов. Но в правительстве отвергли его детище, хотя признали возможным его реализацию в перспективе. В 1913 г. с предложением упразднить народные суды в Русском Туркестане и заменить их мировыми судами выступил прокурор Ташкентской судебной палаты, действительный статский советник И.И. Ненарокомов, которого активно поддерживал Самсонов. Это могло стать кардинальным цивилизационным решением царской власти в Средней Азии. Однако начавшаяся вскоре мировая война положила конец экспериментам с народными судами Туркестанского края. А последовавшая в 1917 г. революция в России, вообще, похоронила их. Но то, что «туземное» судопроизводство не исчерпало своего цивилизационного ресурса, подтвердилось после 1917 г. Советская власть, учитывая его реальные возможности и влияние среди мусульманского населения Средней Азии, сохраняла юрисдикцию народных судов в регионе до 1928 г., т. е. до начала «великого перелома» в жизни населения всего Союза ССР.

---

[276] Там же. С. 129.
[277] Там же. С. 204.
[278] См.: Приложения.

Таким образом, сложившаяся в Русском Туркестане административно-судебная модель «военно-народного управления», несмотря на все ее недостатки, в целом соответствовала цивилизационным интересам сотрудничества российской власти с коренным населением региона и военно-стратегическим планам царизма в Средней Азии. Есть основания утверждать, что цивилизационная политика царского правительства в сфере административного управления и судопроизводства в регионе постепенно, но неуклонно изменяла отношение «туземного» социума к новым формам власти и правосудия.

2.2. Охранительные функции царской власти в Средней Азии

Присоединение Средней Азии к России потребовало от царского правительства принятия мер по охране достигнутых рубежей. Естественно, что, прежде всего, это касалось войск, дислоцированных в регионе. Согласно законам 1865 г., они входили в состав Оренбургского военного округа[279]. Как отмечалось, в июле 1867 г. был образован Туркестанский военный округ[280]. Одновременно было учреждено Семиреченское казачье войско в составе двух конных полков[281]. Летом 1899 г. Туркестанский военный округ был

[279] См.: Именной, объявленный Сенату военным министром – Об образовании Туркестанской области. 12 февраля 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 41792. С. 184; Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской области. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд.1. СПб., 1867. № 42372. С.877.

[280] См.: Именной, объявленный в приказе Военного Министра – Об учреждении Туркестанского Военного Округа. 13 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 48844. С.1156-1164; Высочайше утвержденное 13 июля 1867 года Положение о военном управлении в областях Туркестанского военного округа. // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44844. С. 1161-1164; Высочайше утвержденное 13 июля 1867 года Дополнение к Положению о военно-окружных управлениях по применению оного к Туркестанскому военному округу // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44844. С. 1159-1161.

[281] Высочайше утвержденное Положение Военного совета, объявленное в приказе Военного Министра – Об учреждении Семиреченского Казачьего Войска. 13 июля 1867

разделен на два армейских корпуса с центрами в Ташкенте и Асхабаде[282]. Они состояли из бригад и специализированных батальонов[283]. Командир 2-го Туркестанского армейского корпуса являлся одновременно начальником Закаспийской области. Таким образом, в начале XX в. в войсках Туркестанского военного округа числилось 38 батальонов[284]. Это составляло около 18-20 тыс. солдат и офицеров, представлявших собой все вооруженные силы России в Средней Азии[285]. Кроме войск Туркестанского военного округа, порядок и спокойствие в регионе поддерживала полиция, которая подчинялась не МВД, а военному министерству, в связи с чем ее называли «военной». В ракурсе рассматриваемой нами проблемы значительную роль сыграли специальные службы Русского Туркестана, которые обеспечивали поддержку цивилизационным достижениям России в регионе. Осенью 1907 г. в крае была учреждена политическая полиция – «охранка», подчиненная МВД. Она боролась преимущественно против внутренних врагов царизма, однако не оставляла без внимания и деятельность внешних, враждебных России центров. Любопытно, что всемогущий российский «премьер» П.А. Столыпин явно недооценивал их деятельность. Летом 1907 г., по его распоряжению, Департамент духовных дел МВД подготовил «Записку о мусульманах в Туркестанском крае», в которой, в частности, отмечалось: «Фактически *участие в Андижане эмиссаров мусульманских государств доказано не было*, а основывалось только на предположениях и слухах. Причины андижанской резни были гораздо ближе нам, русским, и едва ли правильно искать их извне»[286]. (Курс. наш – И.В.) Столыпин, видимо,

---

года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44845. С.1164-1165.

[282] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О военно-административной реформе в Сибири и Средней Азии. 12 июня 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд.1. СПб., 1902. № 17214.

[283] См.: Приложения.

[284] См.: РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 527 – Переписка военного министра Куропаткина А.Н. с командующим войсками Туркестанского военного округа. Л. 11.

[285] См.: Куропаткин А.Н. Россия для русских. Задачи русской армии. Т. 2. Задачи русской армии, не связанные с русской национальной политикой. СПб., 1910. С. 142-144.

[286] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612 – Об устройстве духовных дел магометан Туркестанского края. Л. 356 об.

пребывал в заблуждении, поскольку в подготовке «андижанского дела» принимали участие английские и турецкие разведчики, подогревавшие панисламистские настроения среди мусульманского населения. Позже он осознал свои ошибки и даже выступил с документами по этому поводу[287]. Политический сыск Министерства внутренних дел в Русском Туркестане усилил борьбу с панисламизмом и нелегальными мусульманскими «центрами» в регионе, о чем свидетельствуют материалы фонда 461 («Туркестанское районное охранное отделение») Центрального государственного архива Узбекистана[288]. Архивных дел по панисламизму и мусульманским движениям в Средней Азии здесь насчитывается множество – из около 2,5 единиц хранения, охватывающих период 1907-1917 гг., пожалуй, более половины связаны с ними. Исследователи Д.Ю. Арапов и Т.В. Котюкова пишут: «Чиновники политической полиции тесно сотрудничали с работавшей по «заграничному мусульманству» военной разведкой штаба Туркестанского военного округа»[289]. Значительную роль в охране военно-стратегических интересов России в Средней Азии сыграли разведывательные и контрразведывательные органы Туркестанского

---

[287] См.: «Опасные для единства нашего государства проповедники теории о единстве всего мусульманского мира». Два отношения П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу». 1910 г. // Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.). Сб. материалов. Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2006. С. 305-312; Записки П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу». 1911 г. // Там же. С. 313-346.

[288] См. напр.: ЦГА Узб. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1311 – Сводки агентурных сведений о панисламистском движении; там же: Д. 1313 – Месячные отчеты о панисламистском движении в Туркестанском крае; там же: Д. 1315 – Сводки агентурных сведений о панисламистском движении в Туркестанском крае; там же: Д. 1316 – Сводки агентурных сведений о панисламистском движении в Асхабаде и Закаспийской области; там же: Д. 1318 – Сведения о лицах, причастных к панисламистскому движению и связях с Турцией и Персией; там же: Д. 1319 – Сводки агентурных сведений по панисламистскому движению по Верному и Семиреченской области; там же: 1322 – О панисламистском движении и связях местного населения с Персией и Турцией; там же: Д. 1323 – Сводки агентурных сведений (панисламизм); там же: Д. 1324 – Донесения начальников отделений Жандармского управления Средне-Азиатской железной дороги о панисламистском движении; там же: Д. 1468 – Циркуляры Департамента полиции, газетные вырезки и др. материалы, освещающие панисламистское движение в крае; там же: Д. 1470 – Агентурные сведения по панисламистскому движению в Туркестанском крае и др.

[289] Арапов Дмитрий, Котюкова Татьяна. Архивные материалы Министерства внутренних дел Российской империи о мусульманском движении начала XX века // Вестник Института Кеннана в России, 2004, № 6.С. 65.

военного округа. Они повседневно, последовательно и целенаправленно вели борьбу против внешних противников России в Средней Азии. Это обстоятельство пока еще не получило должной научной рефлексии, в связи с чем мы можем утверждать о научной новизне нашего подхода к анализу их деятельности по защите цивилизационных завоеваний правительства в крае.

Русский Туркестан привлекал большое внимание со стороны зарубежных разведывательных служб. Безусловно, главную роль в иностранном шпионаже в регионе играла британская разведка. Видный российский военный разведчик, генерал В.А. Косаговский, возглавлявший в годы первой русской революции Закаспийскую область, писал о том, что как шпионы англичане уступают немцам и японцам, но они берут свое деньгами, подкупая «туземцев» разных наций и слоев – индийцев, персов, армян (в т.ч. российских), имперских мусульман, настроенных против царизма русских и др.[290]. Руководил английской разведкой генерал-квартирмейстер из штаба британских войск в Индии. Существовали центры подготовки так называемых «пандитов» – представителей коренных народов Британской Индии и сопредельных с ней мелких владений, находившихся под контролем Англии. Их обучали навыкам топографии, геодезии, картографии и т.п. Естественно, что с ними работали опытные английские офицеры-разведчики.

Стремление англичан проникнуть в Среднюю Азию усилилось после завоевания Индии. Выдающийся российский путешественник и ученый, разведчик-офицер, знатный казах Чокан Валиханов писал о том, что, по донесению одного из русских военных, в 1825 г., «англичане несколько лет, как стали посылать агентов в разные места Средней Азии для проведения, как можно полагать, как бы лучше похитить у России азиатскую коммерцию»[291]. Валиханов указывал, что английские агенты уже были в

[290] РГВИА. Ф. И-76. Оп. 1. Д. 313 – Черновик проекта В.А. Косаговского «Назначение на должности пограничных и приморских консулов в Персии офицеров Генерального штаба» с приложением черновой записки «Разведочное бюро. Организация» его же. (1905 г.). Л. 2, пагин. 3.

[291] Записка о киргизах // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т. 2. Алма-Ата, 1985. С. 322.

Кабуле «и даже в самой Бухарии»[292]. Действительно, в 1825 г. англичане Муркрофт и Требек посетили Бухару. В 1830-1833 гг. британский шпион А.Бернс посетил Афганистан и Бухару. В 1836-1838 гг. он вместе с Вудом и Личем дошел до истоков Аму-дарьи. В 1840 г. англичане Аббот и Шекспир побывали в Мерве. В 1843 г. Мерв посетил их земляк Томсон. В 1842 г. Стоддарт и Конноли проникли в Бухару, где их шпионская деятельность была настолько очевидна, что бухарский эмир Сейид Насрулла Бохадыр-хан приказал их казнить. Безусловно, это было жестоким актом, но нельзя забывать о том, что в это время британцы вели первую англо-афганскую войну, вызвавшую большое возмущение среди мусульман Средней Азии и сопредельных с ней регионов.Российский исследователь О.В. Боронин подтверждает, что перед присоединением Средней Азии к России «британские агенты успешно действовали в Бухаре, Хиве и Коканде… в качестве примеров можно привести миссию британского агента Мир Иззет-Уллы и капитана Хирсея в Бухару и Коканд, а также поездку в Бухару английского эмиссара В. Муркрофта»[293]. Кыргызстанский историк О.Дж. Осмонов пишет о том, что неуклонное продвижение России к Туркестану «всерьез беспокоило Англию. Поэтому она активизировала свою колониальную экспансию в Афганистан и Центральную Азию, наводнила их агентами»[294]. Исследователь С.В. Тимченко пишет о росте английской агентуры в Афганистане в Бухаре[295]. В 1862 г. в Бухару прибыли англичане с предложением открыть пароходное сообщение по Аму-дарье, что вызвало одобрение и в Хиве. В 1873 г. туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман вынужден был выступить против Хивы, чтобы положить конец происками англичан в ханстве. Видный советский историк В.М. Хвостов

---

[292] Там же.

[293] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 64.

[294] Осмонов О.Дж. История Кыргызстана. (С древнейших времен до наших дней). Учебник для высших учебных заведений. Бишкек, 2008. С. 273.

[295] Тимченко С.В. Среднеазиатский вопрос в англо-русских отношениях в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность. Материалы научной конференции. Барнаул: АлтайГУ, 2008. С. 125.

писал о том, что в Русском Туркестане «обычно в качестве английских агентов выступали офицеры разведки»[296]. Российский туркестановед П.П. Литвинов указывает, что «в 60-70-е годы прошлого (XIX – И.В.) столетия Русский Туркестан нередко навещали английские разведчики… даже солидно организованные английские экспедиции в Среднюю Азию в 70-80-е годы XIX в. были, прежде всего, военно-политическими (читай: шпионскими – И.В.) мероприятиями»[297]. Действительно, английские разведчики, посещавшие регион: Т. Гордон, Х. Дизи, Р. Коббольд, Ф. Янгхазбенд и др. были офицерами англо-индийских спецслужб. Позже они публиковали свои книги о путешествиях в Русский Туркестан[298]. Следует отметить, что это были весьма любопытные сочинения, насыщенные множеством любопытных фактов. Естественно, что они не писали о своих разведывательных целях и задачах, однако их сведения о Туркестане представляют и сегодня немалый интерес для исследователя. Кроме офицеров, британское правительство привлекало к разведке в Средней Азии и сугубо гражданских лиц из числа действительных профессионалов, знатоков региона. Так, в начале 1880-х гг. по Русскому Туркестану путешествовал англичанин Г. Лэнсделл. Он получил разрешение на то лично от императора Александра III. По возвращении, он опубликовал двухтомное сочинение о своем путешествии[299]. Его труд представляет большой интерес для исследователей истории Средней Азии. Англичанин писал том, как Россия завоевывала Среднюю Азию, о военной администрации в Туркестане, ее отношениях с «туземным» населением как кочевым, так и оседлым, религиозной политике русских властей и др. Естественно, что Лэнсделл представил британской разведке и секретный

---

[296] История дипломатии. Т. 2. М., 1963. С. 61.

[297] Литвинов П.П. Внешнеполитические аспекты истории киргизов Памиро-Алая конца XIX – начала XX вв. Фрунзе, Наука, 1989. С. 12-13.

[298] См.: Gordon T.E. The roof of the world. Being the narrative of a journey over the high plateau of Tibet to the Russian frontiers and the Oxus sources on Pamir. London, 1876; Deasy H.H.P. In Tibet and Chinese Turkestan. Being the record of three years of exploration. London, 1901; Cobbold Ralph P. Innermost Asia. Travel and sport in the Pamirs. London, 1900; Younghusband F.E. The Heart of continent. London, 1897.

[299] См.: Lansdell Henry D.D. Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. Vol. 1-2. London, 1885.

отчет о положении в регионе, который не был опубликован.

В 1885 г. Русский Туркестан посетил один из наиболее выдающихся английских разведчиков Ней Эллиас. Зарубежный исследователь М. Эдвардс писал о том, что «Эллиас стоял в стороне от большинства агентов правительства Британской Индии. Многие из них были находчивы и смелы, некоторые были даже учеными, но Эллиас отличался тем, что в нем одном сочетались все эти качества, усиленные его исключительным знанием как всех мест в Туркестане, так и его народов»[300]. Нелишне отметить, что разведывательный доклад Эллиаса тоже никогда не был опубликован и засекречен настолько, что с ним можно было ознакомиться только с разрешения британского государственного секретаря по делам Индии.

В 1889 г. в регионе побывал видный деятель англо-индийской администрации Дж. Керзон – будущий вице-король Индии и министр иностранных дел Великобритании. Он опубликовал книгу по итогам своего визита в российские пределы[301]. Керзон не опускался до безответственной лжи и часто свидетельствовал объективно о положении вещей в Средней Азии. Так, например, он признавал, что «после установления русского режима в Туркестане местное население получило такую свободу, какую оно никогда раньше не знало»[302]. Он писал о том, что «русский режим в Средней Азии не допускает никакой антиисламской пропаганды и запрещает обращение мусульман в христианство. Такая религиозная политика русских властей выгодно отличается от действий англиканской церкви в наших колониях, чья миссионерская активность является просто поразительной, так как жаждет создавать христианских неофитов даже там, где они пока еще не стали британскими подданными»[303]. Керзон допускал возможность российской военной угрозы для Британской Индии, но сомневался в ее осуществлении. Он похвально отзывался о русских военных, указывая, что

[300] Edwardes Michael. Playing the Great Game. A Victorian cold war. London, 1975. P. 112.
[301] См.: Curzon George N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question. London, 1889.
[302] Ibid. P. 391.
[303] Ibid. P. 393.

«русский солдат является, возможно, единственным примером преданности в истинно спартанском духе. Дитя северного и арктического климата он безо всякого возмущения и недовольства служит в знойных пустынях и под беспощадным солнцем Туркестана»[304].

В начале 1890-х гг. разразился долго втуне развивавшийся памирский кризис. Британские политики решили разделить Восточный Памир между Афганистаном и Китаем. Осенью 1890 г. в Кашгар прибыла английская миссия во главе с опытным разведчиком, капитаном Ф.Е. Янгхазбендом. Она должна была весной 1891 г. выехать на Восточный Памир и на местности совершить раздел по составленным в Форин-офиссе картам. Об этих планах стало известно российскому консулу в Кашгаре Н.Ф. Петровскому, который был и резидентом российской разведки в Восточном (Китайском) Туркестане. Понятно, что он незамедлительно сообщил обо всем в Петербург. Россия выдвинула летом 1891 г. на Памир отряд во главе с полковником М.Е. Ионовым, который арестовал английского разведчика, прибывшего делить «Крышу мира» между Китаем и Афганистаном. В итоге Памирский кризис был все-таки разрешен дипломатическим путем. В 1895 г. на Памире работала комиссия, в задачу которой входили делимитация и демаркация границ России, Афганистана и Китая в этом регионе. Однако Китай проигнорировал этот процесс и не прислал своих представителей.

Разграничение 1895 г. на Памире, безусловно, примирило Россию и Великобританию, однако оно не снизило активности английской разведки в Туркестане. Естественно, что тон ее деятельности задавали английские офицеры – профессионалы своего дела. Осенью 1897 г. по Русскому Туркестану путешествовал капитан англо-индийских спецслужб, шпион Р.П. Коббольд, позже изложивший свои впечатления в специальной книге[305]. В отличие от великосветского Дж. Керзона, Коббольд не гнушался лжи. Его сочинение исполнено разными фальсификациями. Поскольку оно было

[304] Ibid. P. 395.
[305] См.: Cobbold Ralph P. Innermost Asia. Travel and sport in the Pamirs. London, 1900.

рассчитано на широкого читателя, то создавало в британском общественном мнении нелицеприятный образ России как противника Англии на Востоке.

Английский офицер-разведчик Х. Дизи выступил со своим сочинением фактически следом за Коббольдом[306]. Он занимался провокациями в Восточном (Китайском) Туркестане и изучал подходы к Русскому Памиру. Он выступал за усиление британских разведслужб на границах с Русским Туркестаном. Арестованный отрядом И.Е. Ионова на Памире капитан Ф. Янгхазбенд в конце 1890-х гг. издал книгу о своем путешествии по Средней и Центральной Азии[307]. Он описывал свои злоключения на «Крыше мира», положение в Кашгарии, поведение китайских властей, контакты с российским консулом Н.Ф. Петровским, жизнь памирских кыргызов и др.

Повышенный интерес к Русскому Туркестану проявляли и разведывательные службы других стран. В рассматриваемый период здесь побывали экспедиции из Франции, Дании, Германии и др. Но размах их деятельности был, конечно, несопоставим с активностью английской разведки в Средней Азии. Считаем важным подчеркнуть, что с точки зрения военно-стратегических интересов зарубежных разведслужб, их работа в регионе представляла угрозу для царской России, однако в цивилизационном отношении как представители христианских государств они были близки к православной России. Мы полагаем, что если бы Средняя Азия стала бы добычей той же Англии, то она бы привнесла в регион те же цивилизационные ценности, которые были внедрены в нем царизмом.

Совершенно очевидно, что разведывательная деятельность англичан и др. в этом регионе должна была отслеживаться и в необходимых случаях пресекаться усилиями российской военной контрразведки. Нам уже приходилось писать о ее деятельности в Русском Туркестане[308]. Мы

---

[306] См.: Deasy H.H.P. In Tibet and Chinese Turkestan. Being the record of three years of exploration. London, 1901.

[307] Younghusband F.E. The Heart of continent. London, 1897.

[308] См.: Волков И.В. Туркестан в борьбе с «военнымшпионством» // Вестник Казахского Национального университета им. Аль-Фараби. Алма-Ата, 2009. № 2 (53); его же: Специфика деятельности военной контрразведки в Туркестане // Диалог цивилизаций.

отмечали, что военная контрразведка в Российской империи была учреждена в 1911 г.[309]. Тогда же военный министр В.А. Сухомлинов утвердил «Положение о контрразведывательных отделениях» при штабах военных округов, а также «Инструкцию начальникам контрразведывательных отделений». С этого момента началось формирование центральных и местных структур контрразведки. Общее руководство всеми контрразведывательными отделениями округов осуществляло Особое делопроизводство генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). Там сосредоточивалась вся переписка с отделениями по вопросам борьбы со шпионажем[310]. «Положение» предусматривало полное их подчинение штабам военных округов. Возглавляли контрразведывательные отделения офицеры Отдельного корпуса жандармов, которые как военнослужащие подчинялись военному министерству, а как сотрудники политического сыска находились в ведении министра внутренних дел. Они обязаны были представлять свои доклады, рапорты и «соображения» генерал-квартирмейстеру Главного управления Генерального штаба и военно-окружным генерал-квартирмейстерам через Особое делопроизводство или старших адъютантов окружных штабов. Начальники отделений подчинялись генерал-квартирмейстерам тех штабов, при которых были созданы данные структуры[311].

Можно сказать, что ко времени установления царской власти в

Бишкек, 2009. № 9; его же: Военная контрразведка Русского Туркестана и мировые процессы // Власть. Москва, 2009. № 8; его же: Российская военная контрразведка на рубежах Центральной Азии: личности и события (последняя треть XIX – начало XX вв.) //Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории. Материалы XVII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 16-17 мая 2013 г. М., 2013. С. 132-137 и др.

[309] В 1908 г. было принято решение сформировать к 1 июня 1909 г. в военных округах контрразведывательные отделения, однако этот процесс затянулся на два года из-за отсутствия финансирования. Ранее, с 1903 по 1905 гг. в Генеральном штабе борьбу с иностранным шпионажем вело небольшое разведочное отделение, которое было упразднено с созданием Главного управления ГШ. В число главных задач ГУ ГШ входила организация стратегической разведки и контрразведки.

[310] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15/с. Д. 153. Л. 98.

[311] Там же. Л. 96.

Средней Азии (исключая Бухарское и Хивинское ханства) российские военные имели уже достаточный опыт борьбы с вражескими агентами и шпионами. Крупный туркестановед П.П. Литвинов пишет о том, что, несмотря на позднее образование официальных органов военной контрразведки, «русские военные (и органы политического сыска) издавна боролись со шпионажем, причем в Русском Туркестане это дело было поставлено на должной высоте»[312]. Есть немало доказательств тому, что российская военная контрразведка активно работала в Туркестане ещё до присоединения Средней Азии к России. Например, к ней уже тогда были привлечены такие известные пророссийски настроенные кыргызские манапы, как: Джантай, Абдылда, Байтык и др. Координировал их работу герой присоединения Семиречья к России, начальник Алатавского округа, генерал-майор Г.А. Колпаковский, которому они направляли свои донесения. Так, в 1863 г. манап Байтык (Канаев) писал Колпаковскому: «Вы просили сообщать обо всем происходящем у нас. Извещаю, что кокандским ханом стал 12-летний мальчик Сейдалы-хан (Султан-сейид: 1863-1865 – И.В.). Предводитель войск Алымкул правит киргизами и кыпчаками, находясь в Ташкенте. Войска Нармухаммеда вернулись в Коканд, а сам он больше, чем с одной тысячей остался в Аулие-ате. Слышали мы, что в Ходженте находится парваначи Мирза Ахмед, а в Туркестане – таджик Мирза Давлат. В Аулие-ате находится Садык Назир, родом из Чимкента. Еще мы слышали, что в Мерке во главе 30 человек стоит один кыпчак, они, видимо, охраняют крепость. От нижнего юрта (своего рода – И.В.) Джангарач (кыргызский манап – И.В.) отправил к хану своих представителей Тыналу и Махсуна. Слышали мы также, что от казахов тоже отправились к хану Ботхай, Тулаберды, Кашкар и Карабай»[313].

---

[312] Литвинов П.П. Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам): монография. Елец, ЕГУ, 2007. С. 414.

[313] Цит.по: Плоских В.М., Назаралиев Т. Оригинальные источники по истории Киргизстана // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, Наука, 1975. С. 66-67.

Еще до своего официального образования российская военная контрразведка активно работала против британской и иной агентуры. Так, в 1890-х гг. она выявляла английских шпионов из среды индусов-подданных Великобритании, но постоянно проживавших в Русском Туркестане[314]. Не меньшее внимание она уделяла противоборству с афганской, турецкой, китайской и др. агентурой в регионе[315]. Так, например, в 1885 г. военная контрразведка арестовала в Мерве персидского еврея-шпиона Юсуфа Ифирагим-оглы. В последующем «Высочайшим соизволением» от 16 июля 1885 г. его в административном порядке сослали на 5 лет в Вологодскую губернию. В 1888 году персидский еврей подал прошение на «Высочайшее» имя о помиловании и 7 января 1889 г. царь Александр III «милостиво повелеть соизволил» выслать (выдворить) его на родину, в Персию»[316].

Естественно, что приход цивилизационно чуждой христианской России в Среднюю Азию не понравился властям сопредельных мусульманских государств. Например, Афганистана. Конечно, можно считать, что после второй англо-афганской войны, завершившейся Гандамакским договором 1879 г., его правители оказались под сильным влиянием британцев, действуя по их указке. Но это влияние было политическим, а не цивилизационным. Если сравнить сегодняшний общекультурный уровень мусульман современных государств «Центральной Азии» с условиями жизни их единоверцев в Афганистане, то можно утверждать о том, что английская цивилизация не оставила в нем никаких позитивных следов.

Совершенно очевидно, что в действиях афганских эмиров было немало своих, антироссийских соображений, поскольку у них, во-первых, были свои политические и иные виды относительно среднеазиатских ханств,

---

[314] См.: Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина Х1Х – начало ХХ вв.). Елец, 1996. С. 195-197.

[315] См.: Литвинов П.П. Внешнеполитические аспекты истории киргизов Памиро-Алая конца XIX – начала XX в.: монография. Фрунзе, Наука, 1989; Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917. (по архивным материалам): монография. Елец: ЕГПИ, 1998.

[316] Литвинов В.П. Административная ссылка в царской России: туркестанский вариант (по архивным, правовым и иным материалам). Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. С.175.

разрушившиеся, разумеется, после появления России в Туркестане, а, во-вторых, их пугали те цивилизационные изменения, которые она привнесла в жизнь местных мусульман. Есть множество примеров тому, что афганские агенты перманентно проникали в Русский Туркестан, где проводили значительную подрывную работу, требовавшую адекватной реакции со стороны военной контрразведки. Приведем один из них. 26 февраля 1884 г. начальник Закаспийской области, генерал-лейтенант В.А. Комаров сообщал в рапорте в Главный штаб о том, что между туркменами-сарыками местности Иолотани появился «умный, ловкий и грамотный человек», вскоре приобретший известность под именем «Сиях-пуш», т.е. «носящий черную одежду», который проповедовал идеи «чистоты» мусульманской веры и необходимости «газавата» («священной войны») против «неверных» – русских. При этом он обещал награды всем, отличившимся в этой войне. Закаспийская военная контрразведка установила, что Сиях-пуш имел при себе группу агентов, которые, пребывая в разных местах области, «старались убедить народ, что для спасения религии и свободы надо отстраниться от русских, не останавливающихся ни перед какой ложью, чтобы, в конце концов, сделать мусульман своими рабами и обратить их в христианство»[317]. Кроме устной пропаганды, агенты «носящего черную одежду», распространяли повсеместно листовки, в которых содержались идентичные призывы. В итоге терпеливой работы закаспийским военным контрразведчикам удалось «накрыть» всю агентурную «бригаду» в целом. Выяснилось, что они оказались специально подготовленными афганскими шпионами, причем один из них даже имел чин капитана.

В значительном количестве шпионы проникали в Среднюю Азию из Китайского Туркестана, где английский резидент Дж. Маккартней организовал широкую агентурную сеть из мусульман. Они направлялись в Русский Туркестан со стороны Сарыкола, откуда их действиями

[317] Цит.по: Россия и Туркмения в Х1Х в. К вхождению Туркмении в состав России. Сб. материалов. Ашхабад, 1946. С. 245-246.

«дирижировал», так называемый «мунши», являвшийся также специально подготовленным англо-индийскими спецслужбами «пандитом»-мусульманином. Контрразведка Туркестанского военного округа отлавливала многих из них, но, конечно же, не всех, поскольку ей приходилось одновременно бороться с наплывом турецких шпионов, усиливавшимся с каждым годом после неудачной для Османской империи войны с Россией в 1877-1878 гг. Зарубежный исследователь и разведчик, лорд Данмор писал о том, что в Маргилане русский капитан показал ему тюрьму, в которой сидел турецкий шпион – араб из Сирии[318]. Есть все основания полагать, что в конце XIX в. действия британской и турецкой разведок в регионе были скоординированы, что нашло отражение в их совместной работе по подготовке мусульманского восстания в Андижане в 1898 г. После того, как в начале XX в. Англия стала сближаться с Россией, Турция уже начала свой политический «роман» с Германией, который позже привел к совместным с ней антироссийским разведывательным акциям. Но в начале XX в. турецкие спецслужбы проводили в Русском Туркестане и самостоятельные подрывные мероприятия. При этом важно отметить нюанс, на который обращает внимание П.П. Литвинов, указывающий, что Турция, утратив после андижанских событий 1898 г. надежду поднять против России оседлое мусульманское население Средней Азии, в начале XX в. сместила центр тяжести в подрывной деятельности на кочевые сообщества региона, теснимые русским переселенческим движением, особенно, в Семиречье. Естественно, что военной контрразведке Туркестанского военного округа приходилось активизировать свою работу и на этом фланге борьбы с враждебными происками турецких спецслужб. Это подтверждается архивными документами. Так, зимой 1903 г. русская военная контрразведка арестовала в Атбашинском участке, Пржевальского уезда, Семиреченской области двух турецких шпионов: Сейида Мухаммеда Хамида-эфенди и

[318] Dunmore. The Pamirs: being a narrative of a year’s expedition on horseback and on foot through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia. Vol.2. London, 1893. P. 278.

Насреддина Кичикова, уроженца Кашгарии (Китайского Туркестана). Весной 1903 г. ею были также задержаны кыргызы Атбашинского участка, завербованные указанными турецкими агентами и занимавшиеся устной антироссийской пропагандой среди местного населения, а также распространением книг, брошюр и листовок, отпечатанных в Турции. Контрразведка передала это дело в Верненский окружной суд. 3 июня 1903 г. прокурор Верненского окружного суда писал, что в ходе расследования выяснилось намерение турецких шпионов и их агентов из местного населения Атбашинского участка поднять антирусское восстание в Нарынской зоне с последующим распространением его на кыргызское население Прииссыккулья[319]. Следует подчеркнуть, что турецкая агентура проповедовала идеи панисламизма и пантюркизма, а именно: превосходства Османской мусульманской цивилизации над еврохристианской. У этих идей были приверженцы в среднеазиатских ханствах, в Русском Туркестане, однако они не получили всеобъемлющего влияния среди регионального мусульманства, которое в целом было удовлетворено теми условиями, в которые их поставила Россия. Вместе с тем, царское правительство понимало, что в интересах сохранения своих политических и цивилизационных достижений в Средней Азии с распространением указанных идей необходимо вести решительную борьбу централизованным и консолидированным образом. А ситуация со временем обострялась. Так, в августе 1910 г. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора информировала местную «охранку» о том, что «в Россию под видом купцов и паломников были посланы опытные турецкие эмиссары. В министерстве (иностранных дел – И.В.) не без оснований полагали, что определенная их часть устремится в Туркестан. Главная задача была выяснить, кто из местного населения, и в первую очередь из числа интеллигенции и учителей новометодных школ, поддерживает связи или может пойти на контакт с

[319] ЦГА Кырг. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

турецкими шпионами»[320]. В таких условиях медлить было нельзя.

Как отмечалось, официальные органы военной контрразведки в Русском Туркестане были учреждены осенью 1911 г. в виде VI (контрразведывательного) отделения Штаба Туркестанского военного округа. Естественно, представляет интерес проблема финансирования российской военной контрразведки в Средней Азии. Исследователь М. Алексеев пишет о том, что на ведение контрразведки в Туркестанском военном округе на 1914 г. было выделено 44 022 руб., что было на 1800 руб. больше, чем Кавказскому военному округу, но на 31 тыс. руб. меньше, чем Варшавскому[321]. Безусловно, этой суммы для максимально эффективной работы военной контрразведки в Русском Туркестане явно не хватало.

Авторитетный знаток свидетельствует о том, что «во главе каждого контрразведывательного отделения назначался офицер Отдельного Корпуса Жандармов»[322]. Естественно, что и в Туркестанском военном округе VI отделение его штаба возглавил Отдельного корпуса жандармов, ротмистр Зозулевский. Он «прославился» тем, что в бытность сотрудником Туркестанского Районного охранного отделения, совершил налет на Бухару с целью ликвидации оружейных «схронов» местных панисламистов, пантюркистов, пантуранистов и др. Вел он себя бесцеремонно, но успеха добился. С точки зрения современного отношения к мусульманскому экстремизму, Зозулевский, видимо, действовал правильно. Однако его действия не понравились Министерству иностранных дел – Бухарское ханство считалось независимым, и МИД имел там свою структуру – Императорское Политическое агентство, с которым ротмистр не счел нужным предварительно посоветоваться. Министерство иностранных дел потребовало уволить Зозулевского и в итоге добилось своего. 27 февраля

---

[320] Иванов В.А. «Россия – Средняя Азия» и роль фактора случайности в истории их взаимоотношений // Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сб. материалов. Ташкент, 2008, С.71.

[321] Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2-я. М., 1998. С. 513.

[322] Там же. С. 50.

1914 г. начальник штаба Отдельного корпуса жандармов, генерал-майор Джунковский уведомлял министра иностранных дел С.Д. Сазонова о том, что он уволил ротмистра Зозулевского с должности в Штабе Туркестанского военного округа и перевел его «на штатную должность по Корпусу»[323]. Позже генерал Джунковский явно «подыграл» туркестанскому генерал-губернатору А.В. Самсонову, назначив на должность начальника военной контрразведки Туркестанского военного округа «своего», то есть знакомого туркестанским военным по работе в местной «охранке», Отдельного корпуса жандармов, подполковника Пригару, имевшего не только опыт работы в Средней Азии, но и прекрасно знавшего все «больные места» военной администрации Русского Туркестана.

Конечно, о деятельности VI (контрразведывательного) отделения Штаба Туркестанского военного округа можно было бы повествовать на конкретных примерах, имеющихся у нас в достаточном количестве. Однако, мы считаем такого рода сугубо «информативный» подход недостаточным для научного исследования, в котором представляется более значимым выяснение того, с кем сотрудничали органы военной контрразведки в Русском Туркестане, поскольку именно в этом во многом сказывалась специфика их деятельности, отличающая ее от соответствующих усилий контрразведывательных отделений в других военных округах царской России. Так, в отличие от других территорий России, которые управлялись МВД и где начальники уездов не имели прямого отношения к деятельности военной контрразведки, в Туркестанском крае они были важным звеном в ее работе, поскольку как офицеры были фактическими исполнителями указаний руководства контрразведывательного отделения штаба округа. Например, начальник Ошского уезда, Ферганской области только в течение января 1915 г. получил от VI отделения Штаба Туркестанского военного округа три соответствующих предписания об установлении наблюдения или аресте определенных лиц в том случае, если они появятся в его пределах. 5 января

[323] АВПРИ. Ф. 147. Оп.486. Д. 82 «б». Л. 163-163об.

начальник VI отделения Пригара требовал установить наблюдения за гражданином г. Риги Робертом Портом и его женой, подозреваемыми в связях с германо-австрийской разведкой. 27 января он направил сразу 2 предписания об аресте (если таковые появятся) германского шпиона Адольфа Симановича и жителя г. Гельсингфорса Тамминена[324]. Такие предписания Пригара направлял всем начальникам уездов Туркестанского края, так как было известно лишь то, что шпионы отправились в направлении Средней Азии, но неизвестно в какую именно местность.

Другим важным структурным элементом в работе VI отделения Штаба Туркестанского военного округа были военные губернаторы областей края и начальник Закаспийской области. Как известно, руководители областей Туркестанского края (генерал-губернаторства), в силу «нераздельности» военной и гражданской власти в нем, одновременно выступали и как командующие войсками в подведомственных им пределах. Соответственно, существовали и штабы областных войск. Однако в обращениях начальника контрразведывательного отделения к местным военным администраторам была своя особенность. Если он направлял свои распоряжения начальникам уездов Туркестанского края напрямую, то его предписания областному начальству заверялись подписью начальника штаба округа. Такие предписания могли носить общий характер. Например, в 1914 г. начальник штаба Туркестанского военного округа подписал подготовленное VI отделением распоряжение всем военным губернаторам и начальнику Закаспийской области о том, чтобы повсеместно была организована работа по выявлению лиц, получивших паспорта в персидском консульстве в Стамбуле[325]. Нередко предписания имели адресный характер. Так, 29 апреля 1915 г. начальник штаба округа подписал представленное контрразведывательным отделением предписание военному губернатору Ферганской области, генерал-лейтенанту А.И. Гиппиусу об установлении

[324] ЦГА КР. Ф. 154. Оп. 1. Д. 5. Л. 4-6
[325] ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 16680. 8 л.

негласного наблюдения за приехавшим в Русский Туркестан американцем Робертом К. Набурсом и его женой, подозреваемыми в «шпионстве»[326]. Нередко такого рода предписания направлялись непосредственно в штабы войск областей. Например, весной 1914 г. начальник VI отделения Штаба Туркестанского военного округа писал в штаб войск Семиреченской области о необходимости установить «строгое негласное наблюдение» за шведской миссионеркой Эльзой Андерсон, намеревавшейся проехать в свою миссию в Кашгаре через территорию Русского Туркестана[327].

Существенную роль в деятельности военной контрразведки в Средней Азии играл начальник Памирского отряда, который, в отличие от других пограничных подразделений в Российской империи, подчинялся не руководству Отдельного корпуса пограничной стражи, находившемуся в ведении министерства финансов, а военному министерству в лице командующего Туркестанским военным округом. У него были свои агенты в Кашгарии и Афганистане. Ежеквартально он представлял в Штаб Туркестанского военного округа, так называемые «Обзоры событий в Афганистане, Западном Китае и на границах Туркестанского генерал-губернаторства», в каждом из которых непременно содержались сведения контрразведывательного характера[328].

Естественно, что контрразведка Туркестанского военного округа имела весьма тесные контакты с органами политического сыска – региональным «Районном охранном отделением», образованном осенью 1907 г., которое сформировало свою агентурную сеть. В его функции входил и сбор контрразведывательной информации. После образования VI отделения Штаба Туркестанского военного округа «охранка» была обязана докладывать ему такую информацию. Это фиксировалось в специальной графе «сводок», регулярно составлявшихся Туркестанским Районным охранным отделением для направления их в Особый отдел Департамента полиции МВД и

[326] ЦГА КР. Ф. 154. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.
[327] ЦГА РК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 13 «б». Л. 33.
[328] См.напр.: АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 896. Л. 70-90.

туркестанскому генерал-губернатору. Так, например, в сводке за октябрь 1915 г. по Асхабадскому розыскному пункту МВД указывалось, что 20 октября 1915 г. «секретный сотрудник» («сексот») по кличке «Михайлов» сообщил о том, что в Пендинском приставстве, Закаспийской области действует афганский шпион Максуд-бай-оглы, который (под видом перегона скота) регулярно поставляет в Афганистан разведывательную информацию. Начальник Асхабадского розыскного пункта, ротмистр Фиркс в специальной графе «сводки» записал, что эта информация «сразу же» была доложена руководителю контрразведывательного отделения Штаба Туркестанского военного округа, Отдельного корпуса жандармов, подполковнику Пригаре. 3 ноября 1915 г. последний отреагировал на эту информацию сообщением в Туркестанское Районное охранное отделение о том, что Максуд-бай-оглы «известен ему с апреля 1912 г. как лицо, подозреваемое в шпионстве и с того времени он состоит под наблюдением»[329]. Замечания о том, что те или иные сведения незамедлительно докладывались в VI отделение Штаба Туркестанского военного округа содержались в очень многих сводках Туркестанского Районного охранного отделения и его розыскных пунктов в гг. Асхабаде и Верном. На этот факт обращали внимание даже зарубежные авторы. Например, американский исследователь Е. Сокол приводил примеры контрразведывательных донесений агентов Туркестанского Районного охранного отделения, свидетельствовавших о том, что в годы первой мировой войны «Русский Туркестан был наводнен турецкими и иными шпионами»[330]. Поскольку в Русском Туркестане политическим сыском занималась также и общая полиция, которая, как отмечалось, считалась военной, то VI отделение Штаба округа получало немало нужной ему информации и от этого института царской власти в регионе. Следует заметить, что «общая» полиция Туркестанского края сотрудничала с военной контрразведкой округа еще до ее официального институционального

[329] ГАРФ. Ф. 102. ДП.ОО. 1915. Д. 20. Ч. 84 «б». Л. 124.
[330] Sokol E.D. The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore, the Johns Hopkins Press, 1954. P. 75.

оформления в регионе.

Говоря о структурах, с которыми сотрудничало контрразведывательное отделение Штаба округа, нельзя не упомянуть об Императорском Политическом Агентстве в Бухарском ханстве, которое являлось учреждением российского министерства иностранных дел, но на месте во многом зависело от военных властей Русского Туркестана. Агентство имело свою агентурную сеть, представители которой доставляли ему немало полезной информации. Безусловно, сведения контрразведывательного характера сообщались в VI отделение Штаба Туркестанского военного округа. Однако, сотрудничество военной контрразведки с Политическим Агентством было далеко не беспроблемным. Политический Агент в Бухаре часто возмущался действиями военной контрразведки против афганских, китайских, персидских и проч. шпионов на том основании, что они-де могут привести к осложнению отношений России с их странами. Царский флигель-адъютант Мордвинов, посетивший Русский Туркестан по личному указанию императора Николая II в 1916 г., писал в своем отчете о том, что осенью 1914 г. военная контрразведка Туркестанского округа арестовала 5 мусульман из Пешавара (Британская Индия), проповедовавших «газават» («священную войну» с «неверными» – русскими) и собиравших деньги в фонд вооружения Турции. Политический Агент настоял на том, чтобы их передали ему во избежание осложнения отношений с Англией, подданными которой они являлись. Начальник военной контрразведки Туркестанского военного округа вынужден был подчиниться требованию дипломата, который тут же отпустил арестованных на все четыре стороны. Мордвинов возмущался в отчете таким поведением Политического Агента в Бухаре, подчеркивая, что таких «пропагандистов» необходимо обязательно арестовывать, так как «вряд ли Англия будет против таких мер в отношении прогерманских агентов»[331]. Он был прав, поскольку пешаварцы, несмотря на свое британское подданство, проповедуя идеи панисламизма и пантюркизма,

[331] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4431. Л. 10.

собирали деньги в фонд поддержки Турции, союзницы Германии в войне с Антантой, членом которой являлась Англия. Но Политический агент в Бухаре как формалист пренебрег этим обстоятельством.

С начала XX в. постоянно росло присутствие турецкой агентуры и в Хивинском ханстве. В одном из отчетов Туркестанского Районного охранного отделения отмечалось: «В Хивинском ханстве проживает довольно много лезгин, представляющих из себя лудильщиков, серебряников и оружейников, среди которых, по имеющимся агентурным сведениям, имеются турецкие подданные, подкупленные турками и немцами для ведения среди хивинцев панисламистской пропаганды»[332].

Канун первой мировой войны был отмечен ростом сотрудничества турецкой и германской агентуры в Средней Азии, что было вполне естественным на фоне складывавшейся в то время расстановке политических сил в мире. Особенно активизировалась германская агентура в Туркестане на рубеже XIX – XX вв., после известной поездки кайзера Вильгельма II в 1898 г. в Турцию и на Ближний Восток, которая обозначила стратегическое сближение Турции и Германии накануне первой мировой войны. Обе страны были противниками России, что явилось основой для совместной деятельности их агентуры в Средней Азии. В начале XX в. немцам удалось сформировать собственные разведывательные центры в Китайском Туркестане, в Афганистане и Персии, широким фронтом опоясавшие южные границы Русского Туркестана. Это было следствием по-немецки педантичной и основательной работы Восточного отдела, созданного военной разведкой германского Генштаба и возглавляемого полковником фон Хафтеном. В 1914 г. Германия направила в Афганистан группу агентов во главе со обер-лейтенантом О. Нидермайером. Задача «экспедиции» состояла в том, чтобы втянуть афганского эмира Хабибуллу в будущую войну с Антантой, на стороне Германии и Турции. В канун первой мировой

[332] ГАРФ. Ф.102. ДП.ОО. 1915. Д. 167. Ч. 84 – Туркестанское Генерал-Губернаторство. Области. Донесения Начальника Туркестанского Районного Охранного Отделения и Заведующих Розыскными Пунктами в гг. Асхабаде и Верном. Л. 179.

войны полковник фон Хафтен направил в Восточный (Китайский) Туркестан опытного и энергичного шпиона фон Хентига, которому было вменено в обязанность создать в Синьцзяне германскую агентурную сеть. Хентиг справился с этой задачей, организовав из сбежавших из Туркестанского края от преследования его властей мусульман – узбеков, уйгуров, казахов, кыргызов и др. диверсионную группу. Ее членов, прошедших необходимую подготовку и инструктаж, он засылал в российские пределы. Многие из них отлавливались контрразведкой Туркестанского военного округа, работавшей в тесном контакте с туркестанской «охранкой». Так, в 1915 г. в Андижане, Ферганской области военные контрразведчики задержали посланца фон Хентига – Абдуррахмана-Кары, который приступил к созданию группы немецких агентов из числа местных мусульман, слывших самыми сильными фанатиками веры Пророка в Туркестанском крае, многие из которых к тому же весьма неприязненно относились к России. Однако, другие «туземные» агенты фон Хентига, имевшие менее ответственные задания, сумели закрепиться в разных местах Русского Туркестана и исподволь проводить антирусскую пропаганду. Советский историк А.П. Савицкий отмечал, что в Кашгарии (Восточный Туркестан) немецкая агентура работала в тесном сотрудничестве с китайскими властями и «именно из Синьцзяна ею распространялись в Русском Туркестане прокламации, гласившие о слабости России и непобедимости Германии»[333]. Однако работа фон Хентига в Синьцзяне не имела того размаха, на который надеялись в Берлине. Во-первых, его деятельность в регионе отслеживалась агентурной сетью, которой руководили российские консульства в Кашгаре, Кульдже, Урумчи и Чугучаке. Во-вторых, в Синьцзяне работала сильная агентурная сеть англичан, направляемая спецслужбами Британской Индии. Они тоже не упускали из вида деятельность группы фон Хентига в Кашгарии. Бывший английский консул в Кашгаре П. Эссертон, подчеркивал, что «во время мировой войны германские агенты буквально кишели и в Кашгарии, и в

[333] ЦГА РУ. Ф. Р-2287. Оп.1. Д. 15. Л. 7.

Русском Туркестане»[334]. И не только в них. В это время германские агенты продолжали усиленно проникать в российские протектораты – Бухарское и Хивинское ханства. В Бухаре их деятельность отслеживалась контрразведчиками Штаба Туркестанского военного округа, а также разведчиками Российского Императорского Политического агентства в ханстве. С началом войны активность германской агентуры в ханствах стала значительно интенсивнее, что тоже отражалось в соответствующих донесениях указанных спецслужб. 15 июля 1916 г. временно исполняющий должность начальника Главного управления Генерального штаба, генерал-лейтенант П.И. Аверьянов вынужден был направить «товарищу» (заместителю) министра иностранных дел А.А. Нератову документ – «Сведения о благожелательном отношении Бухарского правительства к посещающим Бухару германским офицерам» с тем, чтобы МИД как главный куратор российско-бухарских отношений принял соответствующие меры по отношению к правительству эмирата. В документе указывалось, что 4 немецких агента, переодетых «по-туземному», имели тайные контакты с «высшими чинами» ханства, а когда бухарской полиции было предложено задержать их, то до ее появления на месте пребывания немцев, они исчезли, поскольку были о том предупреждены. В «Сведениях» сообщалось также о том, что немецкие агенты посетили и Хивинское ханство, где тоже тайно встречались с его «высшими чинами»[335]. И таких примеров можно было бы привести больше. Важно другое - сотрудничество разных по религиозному типу государств – мусульманской Турции и христианской Германии в Средней и Центральной Азии зиждилось на единстве экономических и политических интересов, на фоне которых цивилизационная принадлежность указанных акторов просто пренебрегалась.

Понятно, что военная контрразведка Русского Туркестана, отражая враждебные происки зарубежной и внутренней (шпионской) агентуры, тесно

[334] Etherton P.T. In the Heart of Asia. London, 1925. P.225.
[335] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 343 «б». Л. 180-180об.

сотрудничала с органами военной разведки своего военного округа, то есть с IV отделением его штаба. Исследователь Е.В. Добычина утверждает, что в 1895 г. «в России еще не существовало единого координирующего центра разведслужбы. Ею занимался Военно-Ученый комитет Главного штаба. Вся секретная информация о военном потенциале иностранных государств сосредоточивалась в статистическом отделении генерал-квартирмейстерской части Главного штаба»[336]. Это сомнительно, так как центром российской военной разведки было Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), образованное еще в сентябре 1863 г.[337]. В части 2-го Обер-Квартирмейстера ГУГШ существовали 4 делопроизводства, одно из которых называлось: «Делопроизводство Туркестанское». В круг его обязанностей входили: военная статистика по Средней Азии, в том числе Бухарского и Хивинского ханств, Афганистана, Индии; обработка донесений Штаба Туркестанского военного округа, Императорского Политического агента в Бухаре, «офицера на правах военного атташе» в Хорасане, разведывательного пункта в г. Хафе; перевод и издание трудов по Афганистану, Индии и другим сопредельным с Русским Туркестаном странам. К его ведению также относилась «разработка вопросов по управлению окраинами (Памиры и Сарыкол)»; «вопросы, связанные с волнениями в Туркестане»; экспедиционным отрядом в Хорасанской и Астрабадской провинциях в Персии; переписка по текущим вопросам Туркестанского военного округа, по допуску иностранцев в Туркестанский край и т. д.[338]. Другими делопроизводствами в части 2-го Обер-Квартирмейстера Главного управления Генерального штаба были: «Турецко-персидское», «По Дальнему Востоку» (Япония, Китай, Монголия) и «Статистическое». Исследователь И. Симбирцев указывает, что военная

[336] Добычина Е.В. Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895-1897 годах // Отечественная история. 2000, № 4. С. 161.

[337] Высочайше утвержденное Положение о Главном управлении Генерального штаба. 27 сентября 1863 года // ПСЗРИ-2. Т. 38. Отд. 2. СПб., 1866. С. 66-75.

[338] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3538 – Доклады по Главному управлению Генерального штаба о разном, в том числе по учреждению в Таш-кургане военного поста, строительстве стратегических дорог в Туркестане, о дисциплине в войсках Туркестанского военного округа. Л. 190-190 об.

разведка принадлежала к службе Главного генерал-квартирмейстера. Он отмечает, что эта служба имела много функций. Симбирцев пишет о военных агентах, в частности, о полковнике-разведчике Н.П. Игнатьеве, ездившем в Бухару и Хиву[339]. Любопытно, что он нигде не упоминает о Главном управлении Генерального штаба как центре российской военной разведки.

Исследователь В.П. Литвинов пишет о том, что «практически все пограничные подразделения в царской России подчинялись так называемому Отдельному корпусу пограничной стражи, находившемуся в ведении Министерства финансов. Сменные памирские пограничные отряды находились в ведении Военного министерства»[340]. Соответственно, разведка этих отрядов подчинялась IV отделению Штаба Туркестанского военного округа. О.В. Некрасов отмечает, что «Памирский отряд, расположенный на самом острие близкого соприкосновения границ Российской и Британской империй в Азии, понятно, был одним из эффективных подразделений русской военной разведки в регионе, позволявшим получать наиболее конкретную информацию о ситуации в этой части Центральной Азии. Руководил разведкой сам начальник отряда, но к ней были причастны и начальники пограничных постов. Разведывательная деятельность осуществлялась на основании специальной секретной инструкции, разработанной в штабе Туркестанского военного округа и утвержденной окружным, генерал-квартирмейстером. Так, например, в такого рода «Инструкции» начальнику Памирского отряда генерал-квартирмейстер Туркестанского военного округа, генерал-майор Федяй указывал, что для разведки надо подбирать умных, знающих и преданных «туземцев». С ними надо работать осторожно и так, чтобы они не знали друг друга. Федяй отмечал, что помесячно надо платить по 15-20 руб. только тем «туземным»

---

[339] Симбирцев И. Третье отделение. первый опыт создания профессиональной спецслужбы в российской империи. 1826-1880. М., 2006. С. 345.

[340] Литвинов Вяч.П. Политическое значение Памира в международных отношениях конца XIX – начала XX в. // Россия: цивилизация, патриотизм, культура. Материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 25 апреля 2003 г. М.: РУДН, 2003. С. 337.

разведчикам, которые работают на постоянных местах, а остальным платить «сдельно» (поурочно), исходя из ценности добытой ими информации»[341]. В Памирском отряде каждый начальник поста имел при себе группу «туземных» разведчиков. Они именовались буквами: С, Х, Н, Т, У и т.д. Подлинные их имена знал только начальник самого поста и командир Памирского отряда. Именно он рассылал по постам отряда программы разведки: что, как и где надо изучить, на что обращать особое внимание, какие из имеющихся сведений надо проверить или перепроверить и т.д. Начальник Памирского отряда А.Е. Снесарев отмечал, что он имел и своих «туземных» разведчиков, которые проверяли сведения, добытые разведчиками отрядных постов, а также для «более далекого ведения самой разведки»[342]. «В части разведки он, естественно, имел постоянные контакты с IV отделением Штаба Туркестанского военного округа (разведка)»[343]. Некрасов указывает, что «на основании донесений «туземных» разведчиков, начальники Памирских отрядов составляли донесения, которые направляли в штаб Туркестанского военного округа. Часть разведывательной информации содержалась в отчетах командиров Памирских отрядов, которые ежегодно предоставлялись по тому же адресу»[344].

Кроме военной разведки, в Русском Туркестане действовали представители разведывательных органов других государственных ведомств. В регионе, как отмечалось, функционировали бригады Отдельного корпуса пограничной стражи, подчиненного министерству финансов, которые имели собственные разведывательные подразделения, относившиеся к 7-му округу этого Корпуса, центр которого тоже находился в Ташкенте. Они действовали на основании «Инструкции чинам Отдельного корпуса пограничной стражи для работ их по разведке и по борьбе с иностранным шпионством в

---

[341] Некрасов О.В. Русские пограничники на «Крыше мира»: конец XIX – начало XX в. (По архивным, правовым и иным материалам): монография. М., 2017. С. 100-101.
[342] Архив СПб филиала ИВ РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 134. Л. 12.
[343] Некрасов О.В. Русские пограничники на «Крыше мира»: конец XIX – начало XX в. (По архивным, правовым и иным материалам): монография. М., 2017. С. 101.
[344] Там же. С. 102.

пограничных иностранных государствах»[345]. Этот документ утверждался «Шефом пограничной стражи» - министром финансов и начальником Отдельного корпуса пограничной стражи. О.В. Некрасов пишет о том, что «в Средней Азии Отдельный корпус пограничной стражи поддерживал постоянные и активные связи с разведкой Туркестанского военного округа, обменивался с его штабом разведывательной информацией»[346]. Следует отметить, что агентура разведывательных органов туркестанских бригад Отдельного корпуса пограничной стражи тоже вербовалась преимущественно из среды «туземного» населения.

Важную роль в системе разведывательных служб в России играли учреждения министерства иностранных дел – посольства, консульства, агентства и т.п. В Средней и Центральной Азии разведкой занимались российский консульства в Кашгаре, Урумчи, Кульдже, Чугучаке, Хорасане и др. Однако важнейшими для разведки в Русском Туркестане представлялись два дипломатических учреждения – генеральное консульство в Кашгаре и Политическое Агентство в Бухарском ханстве. Особенно значимым было первое. Оно было учреждено в начале 1882 г.[347]. Консулом был назначен Николай Федорович Петровский (1837-1908). В 1895 г. он стал генеральным консулом. Петровский вошел в историю отечественного востоковедения, но его имя занесено и в анналы российской дипломатии и разведки. Петровский проработал в Кашгарии более двух десятилетий и приобрел там такое сильное влияние на китайские власти, что его нередко даже называли «кашгарским падишахом». Дореволюционный исследователь Б.В. Станкевич писал: «Петровский пользовался незыблемым авторитетом в Кашгарии и смежных с нею китайских областях… Этот авторитет русского консула обеспечивал спокойствие во всем Западном Китае»[348]. Иностранцы,

[345] Там же. С. 113.
[346] Там же. С. 51.
[347] См.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О штате некоторых консульств в Китае и Кашгаре и об учреждении должности Второго секретаря Миссии в Пекине. 26 января 1882 года // ПСЗРИ-3. Т. 2. Отд.1. СПб.,1886. № 631. С. 25-26.
[348] Станкевич Б. В. По Памиру (путевые заметки). СПб., 1904. С. 60.

посещавшие Восточный (Китайский) Туркестан стремились непременно с ним встретиться. Среди них были и английские разведчики – Ф. Янгхазбенд, Р. Коббольд, Х. Дизи и др. Петровский руководил агентурной сетью разведчиков в Кашгарии, в большинстве своем «туземцев». Его разведывательные донесения всегда отличались ясностью, точностью и полнотой информации. С некоторыми из них знакомился сам император Александр III, а позже и царь Николай II. Фактически все донесения Петровского, кроме министерства иностранных дел, поступали в Главное управление Генерального штаба и разведывательные службы Штаба Туркестанского военного округа. Их доставляли специально подготовленные курьеры-«туземцы», обеспечивавшие связь консульства в Кашгаре с Ташкентом. С появлением Памирского отряда со своей разведкой появилась необходимость установления его связи с кашгарским консульством. Поначалу ее обеспечивали те же «туземцы»-курьеры из разведывательной команды начальника Памирского отряда. Однако это была непрочная связь, так как донесения нередко перехватывали английские, афганские и китайские агенты. Петровский в 1898 г. добился разрешения китайских властей устроить казачий пост в Ташкургане для охраны его почтовых сообщений с Памирским отрядом и Ташкентом. Англичане пытались воспрепятствовать открытию поста, но не имели успеха[349]. Для укрепления разведывательной деятельности консульства в Кашгаре Военный совет 16 сентября 1899 г. постановил: ««Разрешить в начале в виде временной меры по 1-е января 1901 года: а) содержать в Кашгаре одного офицера Генерального штаба и одного строевого офицера *для производства разведок*; б) установить почтовое сообщение Кашгара с Ферганой и Памиром»[350]. (Курс. авт. – И.В.) На должность офицера Генерального штаба при генеральном консульстве в Кашгаре был назначен капитан Л.Г. Корнилов – будущий незадачливый российский «диктатор». Он проработал при консульстве с конца 1899 г. по

[349] См.: РГВИА. Ф.400. Оп. 1. Д. 2738 – О сопредельных странах. Л. 69.
[350] Цит. по: Некрасов О.В. Русские пограничники на «Крыше мира»: конец XIX – начало XX в. (По архивным, правовым и иным материалам): монография. М., 2017. С. 116-117.

июль 1901 г. и собрал значительный разведывательный материал о Китайском Туркестане, который позже обобщил в своем сочинении об этом регионе[351]. За труды в Кашгарии в 1901 г. он получил звание подполковника.

Как известно, Закаспийская область Русского Туркестана граничила с Персией и Афганистаном. Соответственно, сбором разведывательных сведений в этих странах занимались российские посольства и консульства. Они представляли их в министерство иностранных дел, откуда они переправлялись в военное министерство. Так, например, 9 сентября 1898 г. министр иностранных дел В.Н. Ламздорф писал военному министру А.Н. Куропаткину о том, что, по сообщению российского генерального консула в Мешхеде от 8 сентября 1898 г., афганский эмир Абдуррахман-хан «в большом количестве» рассылает прокламации, призывающие к священной войне (газавату) с «неверными». Консул писал о том, что в Бухару отправлено 2 тыс. листовок, в Чарджуй - 1 тыс. и также много в Мерв и туркменские аулы[352]. Однако военный министр А.Н. Куропаткин, еще недавно возглавлявший Закаспийскую область, граничащую с Афганистаном и неплохо знавший ситуацию в нем, поручил Главному штабу проверить разведывательную информацию сотрудников министерства иностранных дел. В сентябре 1898 г. Главный штаб направил телеграмму туркестанскому генерал-губернатору С.М. Духовскому, в которой просил его ответить на один вопрос: «сколько раз, по местным сведениям, за последние десять лет приписывалось Эмиру Афганскому провозглашение газавата»[353]. На основании ответа Духовского Азиатская часть составила докладную записку по Главному штабу от 11 сентября 1898 г., в которой указывала, что имеются десятки разных донесений относительно намерения афганского эмира начать газават против «неверных». Например, в 1889 г. их было 15, в 1890 – 2. В 1891-1893 гг. слухов такого рода не было, но уже в 1894 г. было получено 9

[351] Корнилов. [Л.Г.] Кашгария, или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. Ташкент, 1903.
[352] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2330 – По поводу полученных сведений о рассылке афганским эмиром прокламаций, призывающий к священной войне (газават). Л. 2.
[353] Там же. Л. 11.

подобных донесений. В 1895 г. их не было, но в 1896 г. слухи о намерениях афганского эмира устроить газават распространялись. В 1897 г. они участились, так как афганский эмир «присвоил себе новый титул: «Свет мира», который с тех пор чеканился на золотой монете, а под влиянием успехов турок в борьбе с Грецией издал воззвание, призывающее всех мусульман к борьбе с неверными, каковое, по видимому, оказало весьма значительное влияние на восстание племен, пограничных с Индией»[354]. Из этого явно вытекало то, что сообщения разведки министерства иностранных дел оставляли желать лучшего, вводя в заблуждение высшие инстанции империи относительно реальной политики афганского эмира. Со сведениями о положении в Афганистане возникали проблемы и впредь. Так, начальник Закаспийской области, генерал-лейтенант Евреинов писал во «всеподданнейшем» отчете за 1908 г., что Афганистан остается для русских «закрытым». Сведения о нем «доставляются только разведчиками-туземцами и, отличаясь неполнотой и отрывочностью, не позволяют составить точную картину всех событий, происходящих в этой стране»[355].

Что касается российского Императорского Политического агентства в Бухарском ханстве (эмирате), то оно было учреждено ноябре 1885 г.[356]. Авторитетные специалисты указывают, что, «будучи формально подчиненным царскому МИДу, он (Политический агент – И.В.) обязан был согласовывать все свои действия с администрацией Туркестанского генерал-губернаторства. Российский политический агент контролировал положение на бухарско-афганской границе, регулировал взаимоплатежи российских и бухарских торговцев, участвовал в работе арбитражной комиссии, решавшей по взаимному соглашению сторон уголовные и гражданские дела,

---

[354] Там же. Л. 13 об.

[355] РГВИА. Ф. 400. Оп.1. Д. 3799 – Всеподданнейший отчет начальника Закаспийской области за 1908 год. Л. 5.

[356] См.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении Политического Агентства в Бухаре. 12 ноября 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. Отд. 1. СПб., 1887. С. 453.

возникавшие между российскими и бухарскими подданными и др.»[357]. К сожалению, они ни словом не упоминают о разведывательных функциях Политического агента в Бухаре, которые были весьма значимыми. П.П. Литвинов пишет: «В Бухаре «окопались» резиденты турецкой, афганской, персидской и прочих (английской, германской и др.) разведок… с территории Бухарского ханства в Русский Туркестан тайно ввозились не только разного рода «листовки», отпечатанные англичанами или турками, якобы в Мекке, но и более опасные предметы – оружие и боеприпасы для подпольных сообществ панисламистов, пантюркистов и иных неприятелей России»[358]. Естественно, что в задачу Политического агента в Бухаре входила борьба с такого рода явлениями, причем, при непременном контакте с военной разведкой Русского Туркестана. Первым российским дипломатом в Бухарском ханстве стал Н.В. Чарыков – человек знающий и даровитый, позже ставший русским послом в Турции. Он сумел заложить основы разведывательной агентурной сети, состоявшей из «туземцев» разных народностей Средней Азии. Для этого ему и его преемникам выделялись специальные средства. Разведка Политагентства работала достаточно эффективно, доставляя полезную информацию 3-му Политическому отделу Министерства иностранных дел, а также Штабу Туркестанского военного округа. Здесь возникали свои проблемы. П.П. Литвинов пишет: «Нельзя сказать, чтобы у туркестанской военной администрации сложились вполне «теплые» отношения с чиновниками МИДа в Средней Азии (особенно с Политагентом в Бухаре), но мы бы не стали отрицать их позитивный характер, являвшийся взаимовыгодным для обеих сторон. Тем не менее, следует отметить, что представители МИДа (особенно, все тот же Политагент) сообщали в свое ведомство *более подробную в фактическом и аналитическом отношениях информацию, нежели туркестанским военным*

[357] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 294.

[358] Литвинов П.П. Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам): монография. Елец, ЕГУ, 2007. С. 290.

властям. Последние, в отместку, часто вступали в контакты с бухарской администрацией, минуя Политическое Агентство, чем оно, разумеется, было недовольно, незамедлительно сообщая об этом своим руководителям в С-Петербург»[359] (курс. наш – И.В.). Однако, несмотря на межведомственные трения, в целом сотрудничество разведки Политагентства в Бухаре с военной разведкой Штаба Туркестанского округа носило позитивный характер.

Согласно российско-бухарским договорам 1868 и 1873 гг., на территории ханства были дислоцированы воинские подразделения в городах Чарджоу, Термезе и Керки. При них функционировали разведывательные пункты, которыми заведовали офицеры-востоковеды – как правило, младшие офицеры – выпускники Ташкентской офицерской школы восточных языков. Так, например, после выпуска из школы в 1909 г. в гарнизон Керки направили некоего поручика Канатова, который собирал военно-статистические сведения о соседнем Афганистане, а также преподавал местные языки в Керкинском гарнизоне[360]. Указанные разведывательные пункты не имели отношения к Политическому агентству в Бухаре и подчинялись IV отделению Штаба Туркестанского военного округа, но их информация была не менее ценным источником, чем данные разведки российского дипломатического представительства в эмирате. В Хивинском ханстве «туземцами»-разведчиками руководил непосредственно начальник Амударьинского отдела, Сырдарьинской области в чине полковника.

К военной разведке были причастны многие высшие офицеры и должностные лица Русского Туркестана. Так, например, в 1879 г. начальник штаба войск Сырдарьинской области, полковник П.П. Матвеев совершил разведывательную поездку по Бухарским и Афганским владениям[361]. Генерал от инфантерии Н.И. Гродеков, бывший в 1883-1893 гг. военным губернатором Сырдарьинской области, а в 1906-1908 – туркестанским

[359] Там же. С. 290.
[360] Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М., 2005. С.102.
[361] См.: РГВИА. Ф. ВУА (445). Оп.1. Д. 16 – Отчет о поездке начальника штаба войск Сырдарьинской области по Бухарским и Афганским владениям (1879 г.) 85 л.

генерал-губернатором, в 1873 г. участвовал в Хивинской экспедиции, где собирал разведывательные сведения. В 1878 г. он совершил поездку через Чахарский вилайет к Герату для сбора разведывательных данных о северных провинциях Афганистана. Он был настоящим ученым и некоторые его труды по сей день представляют интерес для исследователей[362]. Генерального штаба, генерал-лейтенант А.С. Галкин, бывший военным губернатором Самаркандской и Сырдарьинской областей (в 1908-1917 гг.), летом 1885 г. командировался в Восточный Туркестан для сбора сведений о вооруженных силах Китая и его военном потенциале в приграничных районах с Русским Туркестаном и Степным краем. В июле-декабре 1887 г. он совершил вторую поездку в Восточный Туркестан для таких же сведений. В 1889 г. подполковник Галкин участвовал в полевой поездке офицеров в Бухарское ханство. Как опытный разведчик он был правительственным комиссаром по разграничению русских и афганских территорий на Памире в 1895 г. Перу Галкина принадлежит ряд ценных работ о Туркестане[363]. Генерал-лейтенант М.Д. Евреинов, в 1908-1910 гг. начальник Закаспийской области и командир 2-го Туркестанского армейского корпуса, в 1887 г. принимал участие в полевой поездке офицеров Генерального штаба по бухарским владениям. В 1888 он совершил рекогносцировку Алайской долины, что помогло потом русским войскам более уверенно пробиваться на Памир. М.К. Басханов пишет о том, что в штабе Туркестанского военного округа как генерал-квартирмейстер, а потом (в 1905) – начальник окружного штаба Евреинов «отвечал за планирование и ведение разведки в сопредельных странах и территориях – Западном Китае, Афганистане, Индии и Восточной Персии. Под его руководством начинали свою деятельность многие выдающиеся

[362] См.: Гродеков Н.И. Стратегический обзор Хивинского ханства. СПб., 1882; Хивинский поход 1873 года. СПб., 1883; Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880-1881 годах. Т. 1-4. СПб., 1883-1884; Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889 и др.

[363] См.напр.: Галкин А.С. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Т. 1-2. Ташкент, 1902-1903; Современное состояние вооруженных сил Китая в Восточном Туркестане. 1885 // Сборник материалов по Азии. Вып. 24. СПб., 1886; Краткий очерк Бухарского ханства // Военный сборник. 1890. № 11-12 и др.

русские востоковеды: Л.Г. Корнилов, А.Е. Снесарев, И.Д. Ягелло и др.»[364]

Разумеется, в деятельности российской военной разведки в Средней и Центральной Азии были свои недостатки, ошибки, досадные промахи и т.д. Она нуждалась в реформировании, однако этот процесс протекал медленно. Были разные проекты преобразования разведывательной деятельности в Русском Туркестане. Например, в 1905 г. начальник Закаспийской области, генерал-лейтенант В.А. Косаговский предложил проект учреждения «Разведочного бюро» в регионе[365]. Он писал: «Разведка эта может быть успешна только в том случае, если она не только организована заблаговременно в тылу противника, но и налажена еще в мирное время из числа местных жителей, постоянно там живущих, то есть, так сказать, разведчиков неподвижных и только такие агенты в военное время станут давать всесторонние систематические сведения»[366]. Однако вполне перспективный проект Косаговского так и не был реализован.

Нелишне отметить, что Штаб Туркестанского военного округа регулярно (помесячно и поквартально) публиковал секретные сводки разведывательных сведений для служебного пользования[367]. Это были небольшие книжки, в которых информация распределялась по странам, регионам и определенной тематике. Так, в январской 1910 г. «Сводке сведений о сопредельных странах, добытых разведкой за время с 1 января по

---

[364] Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь. М., 2005. С. 83-84.

[365] См.: РГВИА. Ф. И-76. Оп.1. Д. 313 – Черновик проекта В.А. Косаговского «Назначение на должности пограничных и приморских консулов в Персии офицеров Генерального штаба» с приложением черновой записки «Разведочное бюро. Организация» его же».

[366] Там же. Л. 19.

[367] См. напр.: Туркестанский военный округ. Штаб. Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой за время с 1 января по 1 февраля 1910 года. Ташкент, 1910; Туркестанский военный округ. Штаб. Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой с 1 марта по 1 апреля 1910 года. Ташкент, 1910; Туркестанский военный округ. Штаб. Сводка сведений о сопредельных странах. добытых разведкой за время с 1 апреля по 1 июля 1910 года. Ташкент, 1910; Туркестанский военный округ. Штаб. Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой за время с 1-го июля по 1-е октября 1910 года. – Ташкент, 1910; Разведка штаба Туркестанского военного округа. Сводка сведений, добытых к 1-му августа 1913 года. Ташкент, 1913; Разведка штаба Туркестанского военного округа. (Западный Китай и Англо-Индия). Сводка сведений, добытых к 1-му января 1914 года. Ташкент, 1914 и др.

1 февраля 1910 года» приводились данные об афганской армии, о поставках оружия в страну, о судопроизводстве в Афганистане, о джемшидах, о разведке Памирского отряда, об английских укреплениях в Читрале и др.[368]. Каждая сводка подписывалась окружным генерал-квартирмейстером и старшим адъютантом Штаба Туркестанского военного округа.

Таким образом, охранительные функции царской власти в Средней Азии имели широкий диапазон применения. В целом учреждения, их исполняющие, не были жестко связаны иерархией подчинения и иногда действовали независимо друг от друга, однако их деятельность наверху скреплялась самодержавным монархом и полностью подвластным ему правительством. Связь «верхов» и «низов» в туркестанской действительности не всегда имела единую логику и всеобщее понимание, но в консолидированном выражении она приносила позитивные результаты.

Выводы по главе. Вышеизложенное свидетельствует о том, что в системе российской цивилизационной политики в Средней Азии важную роль сыграли административно-судебные и охранительные мероприятия царской власти. Они были призваны защитить, сохранить и утвердить цивилизационные достижения России в регионе. В Русском Туркестане царское правительство прибегло к испытанной временем, но уже исторически отживающей «военно-народной» модели управления. Это диктовалось военно-стратегическими интересами государства в регионе, который отличался от всех других территорий Российской империи большой спецификой форм жизни и этноконфессиональных отношений. В крае, где мусульмане составляли абсолютное большинство населения, не испытавшего, в отличие от его единоверцев в России, никакого позитивного влияния европейской цивилизации, нельзя было управлять при помощи, утвердившейся в стране административно-полицейской системы. «Военно-народное» управление как слитность военной и гражданской власти

[368] Туркестанский военный округ. Штаб. Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой за время с 1 января по 1 февраля 1910 года. Ташкент, 1910. С. 3-45.

позволяло оперативно решать все насущные проблемы Русского Туркестана. При этом оно не было милитаристским. В регионе не было засилья «военщины», функционировали учреждения гражданского управления как филиалы центральных министерств и ведомств, органы «туземной администрации», объекты религиозного культа и др. Российские войска, дислоцированные в Средней Азии, были численно незначительными по сравнению с многомиллионным населением региона. Они исполняли сугубо оборонительные задачи и не могли силой «штыка» удерживать власть в Русском Туркестане. Поэтому значительные охранительные функции исполняли специальные службы в регионе. Политический сыск активно боролся не только с революционными организациями, но и с внутренними недругами российской власти в Туркестане – мусульманскими экстремистами, панисламистами, пантюркистами и проч.

Появление России в Средней Азии фактически немедленно вызвало соответствующую реакцию зарубежных спецслужб, особенно английских. Единственной враждебной силой, представлявшей действительную опасность для российских военно-стратегических интересов в регионе, была британская разведка, располагавшая мощными материальными и людскими ресурсами. Она стремилась обложить позиции России в Средней Азии со всех сторон. Англичане активно привлекали к разведке представителей «туземного» населения, собиравших разнообразную информацию о положении в регионе. Однако заглавную роль играли британские профессиональные разведчики - офицеры из спецслужб Британской Индии. Немаловажный вклад в разведывательную работу англичан в Средней и Центральной Азии внесли и гражданские профессионалы – ученые, путешественники, журналисты и проч., публикации которых представляли интерес не только для разведывательных служб, но и для науки. Особенно активно английская разведка проявила себя во время «памирского кризиса» и именно ее данные позволили Лондону найти правильный выход из него.

Естественно, что, кроме англичан, известную разведывательную

деятельность в Русском Туркестане проявляли афганцы, китайцы и персы (в Закаспийской области). Значительную активность проявляла в регионе турецкая разведка. Однако шпионаж Афганистана, Китая, Персии и Турции в Средней Азии не имел британского фронтального размаха и профессионализма. В начале XX в. усилилось проникновение в Среднюю и Центральную Азию агентуры германской разведки. Ее работа одинаково беспокоила и Россию, и Англию, поскольку в этот период уже складывались союзнические блоки перед первой мировой войной.

Важнейшую роль в борьбе с английской и иной агентурой в Русском Туркестане сыграла российская военная контрразведка. Еще до официального учреждения в Штабе Туркестанского военного округа специального контрразведывательного органа она успешно отлавливала враждебную агентуру. С его появлением деятельность военной контрразведки приобрела более консолидированный характер. В борьбе с зарубежным шпионажем она сотрудничала с учреждениями политического сыска в Средней Азии, в обязанности которого тоже входили контрразведывательные функции. Поэтому контрразведывательное отделение Штаба Туркестанского военного округа обязательно возглавляли офицеры Отдельного Корпуса жандармов. Естественно, что основное внимание военной контрразведки уделялось пресечению деятельности британской агентуры. На этом направлении она действовала весьма успешно, но достаточно умеренно и осторожно. Британские агенты, особенно офицеры-разведчики, будучи изобличенными, не подвергались заключению, а выдворялись за пределы России. Что касается агентуры прочих стран, то отношение к ее представителям было различным, но в целом тоже терпимым. Осуждению и тюремному заключению подвергались только те, кто осуществлял преступную деятельность, а все другие, чаще всего, просто высылались из Русского Туркестана. В ряде случае отловленных зарубежных шпионов подвергали ссылке в отдаленные северные районы империи. На наш взгляд, организация и деятельность военной контрразведки в Русском

Туркестане, действительно, носила весьма специфический характер, отличающийся от других регионов и военных округов в государстве. Прежде всего, это определялось тем, что в Туркестанском крае, подчиненном военному министерству, вокруг военной контрразведки округа были все «свои» – военные, всегда готовые понять ее задачи и споспешествовать их выполнению. Она сумела достичь многого, но могла бы сделать и больше. И дело тут не только в недостатке финансирования, но и в том, что, по мнению исследователя Н. Грекова, военная контрразведка в течение своего короткого шестилетнего существования так и не успела стать полноценной частью аппарата самодержавия, хотя ее формирование и позволило вести борьбу со шпионажем более результативно, чем прежде. Вместе с тем, ее влияние на государственное руководство росло, и она постепенно превращалась в динамично развивающуюся систему[369].

В системе охранительных функций царских спецслужб в Русском Туркестане существенное значение имела деятельность российской разведки, которая была не только военной, так как в регионе функционировали разведывательные органы гражданских ведомств - министерства иностранных дел и таможенных служб министерства финансов. Военная разведка главным образом сосредоточивалась в Штабе Туркестанского военного округа, где функционировала специальное – IV (разведывательное) отделение. Она имела глубокую историю, выработала многие традиции, методы, опыт и т.п. работы, которые нашли в Русском Туркестане как в единственном «чисто» мусульманском регионе специфическое проявление. Например, в привлечении к разведывательной деятельности значительного числа «туземцев» Средней Азии, доставлявших много полезной и ценной информации. Однако центр тяжести в работе российской военной разведки в Туркестане, безусловно, смещался в сторону профессиональных военных разведчиков, как правило, офицеров, причисленных к Генеральному штабу.

[369] См.: Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905 – 1907 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000.

Сферу их деятельности составляли сопредельные страны – Китай (Восточный Туркестан), Афганистан, Персия, а также северо-западные провинции Британской Индии, включая и английские протектораты в регионе. Значительное место в системе военной разведки в Туркестане занимала разведка Памирского отряда – форпоста российской цивилизации в регионе. Ее агентами были преимущественно «туземцы». Большой вклад в получение разведывательной информации вносили соответствующие органы 7-го округа Отдельного корпуса пограничной стражи, подчиненного министерству финансов. Иных подразделений российской военной разведки в Средней Азии не существовало.

Что касается разведывательной деятельности учреждений министерства иностранных дел в Туркестане, то она была тоже достаточно обширной и профессиональной. Основная нагрузка в этом отношении ложилась на российское консульство (с 1895 г. – генеральное) в Кашгаре. Российский дипломат Н.Ф. Петровский сумел высоко поднять престиж своего учреждения в Восточном (Китайском) Туркестане и уровень личного влияния на цинские власти в этом регионе. Это обеспечило и высокий уровень разведывательной работы консульства, получения важной политической информации. Петровский не зависел напрямую от туркестанской администрации, однако, на основании должностной инструкции, обязан был сотрудничать с военной разведкой Штаба Туркестанского военного округа, что осуществлял весьма активно и плодотворно.

Для упрочения связей между российским консульством в Кашгаре и военной разведкой Штаба указанного округа при этом дипломатическом представительстве в Китайском Туркестане в течение несколько лет работал специальный офицер Генерального штаба. Российский дипломат в Кашгаре поддерживал постоянные и прочные связи не только непосредственно со Штабом Туркестанского военного округа, но и с начальником Памирского отряда. Донесения кашгарского консула оказывали большую помощь

военной разведке в Русском Туркестане, внося полезные коррективы в ее деятельность. Разведка российского Политического агентства в Бухаре снабжала министерство иностранных дел и Штаб Туркестанского военного округа очень полезной информацией. Российский Политический агент в Бухаре, несмотря на свое состояние в кадрах министерства иностранных дел, фактически напрямую зависел от распоряжений туркестанского генерал-губернатора. Тем не менее, российский дипломат в Бухаре нередко пытался действовать самостоятельно, скрывал важную разведывательную информацию от туркестанских военных, отсылая ее в «родное» министерство, что вызывало недовольство туркестанской администрации, которая, в свою очередь, нередко вступала во внешнеполитические контакты с сопредельными странами, минуя учреждения Министерства иностранных дел. Вместе с тем, нет оснований преувеличивать значение межведомственных противоречий поскольку в целом все ведомства понимали значимость разведывательной работы для государства, стараясь исполнять ее максимально ответственно.

Можно утверждать, что в деятельности разведслужб в Русском Туркестане главную роль играла разведка Штаба местного военного округа. Разведслужбы других ведомств играли более вспомогательную роль в общей системе разведывательной деятельности России в Туркестане. Однако в суммарном выражении она обеспечивала сохранение многих достигнутых цивилизационных и политических целей правительства в регионе.

Цивилизационная деятельность царского правительства в Средней Азии не представляла собой целостного, проникнутого единой логикой процесса. Туркестанским властям предоставлялась известная независимость и самостоятельность в разрешении проблем административного управления, судопроизводства и охранительных мероприятий, но в строгих рамках государственного законодательства. В среднеазиатских ханствах царское правительство сохранило независимость и самостоятельность действий местных административных и судебных учреждений.

Таким образом, административно-судебные мероприятия царизма, охранительные функции российской власти в Средней Азии обеспечивали в регионе мир и безопасность, необходимые для спокойной жизни и созидательного труда всего его населения. Только в таких условиях процесс российских цивилизационных преобразований России в Туркестане мог быть действительно плодотворным и успешным.

Глава 3. Экономическая политика царского правительства в Средней Азии

До присоединения Средней Азии к России региональные мусульманские ханства – Бухарское, Кокандское (до 1876 г.) и Хивинское считались отсталыми, однако они имели сформировавшуюся веками экономику, вполне удовлетворявшую потребности населения. В Туркестане было развито текстильное производство, особенно выпуск хлопчатобумажных тканей, различные ремесла производили земледельческие орудия труда, прочие нужные в быту металлические изделия. Потребность во ввозе зерна, муки и хлеба отсутствовала. Таким образом, для своего дальнейшего развития экономика среднеазиатских ханств не нуждалась остро во влиянии извне. Вместе с тем, ее отсталое существование, естественно, требовало прогресса, преодоления замкнутости, применения, новых орудий и средств труда, укрепления связей с внешними рынками и т.д. Процесс начался на рубеже Средневековья и Нового времени, причем, важнейшим его элементом были торгово-экономические связи ханств с царской Россией, о развитии которых повествуется в первом параграфе данной главы диссертации. Присоединение Средней Азии к Российской империи привело к прогрессивному развитию всех отраслей региональной экономики – промышленности, ремесла, транспорта, сельского хозяйства, скотоводства, рыбоводства и др. Этот процесс получил подробное освещение во втором параграфе главы.

3.1. Торгово-экономические связи царской России и Средней Азии

Вопрос об экономических факторах присоединения Средней Азии к

России имеет большое значение для всего нашего исследования, поскольку его мотивация издавна трактуется по-разному. Видный советский историк В.М. Хвостов писал об экономических причинах присоединения Средней Азии к России – о рынках сбыта товаров, источниках сырья, в первую очередь, хлопка и т.п.[370] Современный исследователь В.А. Федоров указывает, что «продвижение России в Среднюю Азию диктовалось экономическими, политическими и военно-стратегическими мотивами. Среднеазиатский регион представлял для России большой интерес как рынок сбыта ее промышленных товаров и источник сырья для текстильной промышленности[371]. П.П. Литвинов считает, что «одним из решающих обстоятельств, подвигших российское правительство к активным действиям в Туркестане, были проблемы пореформенного экономического развития страны»[372]. Ф. Энгельс еще в 1853 г. указывал, что «русские товары проникали вплоть до самого Инда и в некоторых случаях пользовались даже предпочтением перед английскими»[373]. А. Вамбери писал о бухарских лавках, «в которых было много товаров русского изделия, с небольшим количеством произведений других европейских стран»[374]. Англичанин Е. Белью отмечал, что в Туркестане «народу более по вкусу товары русских купцов»[375]. П.П. Литвинов пишет о том, что «за период, последовавший от взятия Ак-мечети в 1853 г. до образования Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. товарооборот России со Средней Азией возрос в 20 раз и достиг 30 млн. рублей»[376]. Таким образом, согласно вышеприведенным

---

[370] См.: История дипломатии. Т. 2. М., 1963.
[371] Федоров В.А. История России. 1861-1917. М., 2004. С. 161.
[372] Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (по архивным материалам). Елец: ЕГПИ, 1998. С. 47.
[373] Энгельс Ф. Действительно спорный пункт в Турции // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 9. М., 1957. С. 12.
[374] Вамбери Арминий. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году. СПб., 1865. С. 89.
[375] Белью. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгар в 1873-1874 г. СПб, 1877. С. 285.
[376] Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (по архивным материалам)… С. 47.

мнениям, именно экономический фактор сыграл решающую роль в присоединении Средней Азии к России. Вместе с тем, есть иные точки зрения по данному поводу. Туркестановед С.Н. Абашин пишет о том, что «в научной литературе и публицистике уже давно активно обсуждается вопрос, насколько экономические интересы определяли расширение Российской империи на Восток. В частности, были ли экономические мотивы решающими в завоевании Центральной Азии. Большинство современных ученых склонны полагать, что экономическая политика в регионе была малоактивной, а основным стимулом были политические задачи, в частности соперничество с Англией. Экономическая выгода и экономическое господство не было главным стимулом присоединения новых территорий, а скорее побочным эффектом этой политики. Для России более важным являлось идеологическое господство, осознание себя «мировой державой», которая несет окраинам «цивилизованную жизнь» и конкурирует на этом поприще с другими великими державами. Такая идеология была важным фактором самосознания русской элиты и русского общества, что, в свою очередь, стимулировало политическое и экономическое развитие самой метрополии. Лишь на самом закате империи власть стала более целенаправленно формулировать и рационализировать экономические задачи»[377]. Исследователь С.Н. Брежнева утверждает, что «мотивы, обусловившие наступательные действия России в Средней Азии и Казахстане в 1860-1880-е гг., сводились к геополитическим, экономическим и социальным факторам, причем *определяющую роль* в переходе к военному наступлению на этот регион сыграло усилившееся после Крымской войны англо-русское соперничество»[378] (курс. наш – И.В.). Кыргызстанский историк О.Дж. Осмонов пишет: «В сложившейся к 30-60 гг. (XIX в. – И.В.) международной обстановке планы России завладеть Туркестаном имели прежде всего политическую подоплеку, т.к. для нее в то время торговля с

[377] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 132-133.
[378] Брежнева С.Н. Проблема присоединения Средней Азии к России в отечественной историографии 1920-1950-х годов // Отечественная история. 2005. № 1. С. 153.

Туркестаном не представляло большой выгоды. Вплоть до конца XIX в. объем вывозимых из Туркестана товаров намного превышал обратные поступления из России. Следовательно, как рынок сбыта и источник сырья Туркестан представлял для России в то время второстепенный интерес»[379].

Представляется очевидным, что среди экономических факторов взаимоотношений России и Средней Азии одним из важнейших всегда выступал торговый. Российский востоковед Р.Г. Ланда пишет: «Торговые, культурные и дипломатические связи, существовавшие еще между Древней Русью и Хорезмом, начинают восстанавливаться и крепнуть в XV-XVII вв.»[380]. Дореволюционный исследователь Н. Веселовский указывал, что торговля Руси со Средней Азией была весьма развитой в средние века, о чем свидетельствовали находки большого числа кладов восточных монет в средней и северо-западной частях России, многие из которых были чеканки эпохи Саманидов[381]. Авторитетные историки отмечают, что в этот период «торговые связи России со Средней Азией имели большое значение для экономического развития как среднеазиатских ханств, так и Русского государства. Наряду с экономическими связями усиливались и связи дипломатические»[382]. Особенно активными они стали в годы царствования Ивана IV., о чем писали известные советские историки С.Д. Сказкин и С.В. Бахрушин[383]. Как отмечает Д.Ю. Арапов, «контакты и связи Московского царства с этим регионом (Средней Азией – И.В.) начали укрепляться с середины XVI в., к концу XVIII в. монархия Романовых стала крупнейшим торговым партнером Средней Азии»[384]. Исследователь А.А. Преображенский

---

[379] Осмонов О.Дж. История Кыргызстана. (С древнейших времен до наших дней). Учебник для высших учебных заведений. Бишкек, 2008. С. 272

[380] Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995. С. 118.

[381] См.: Веселовский. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877. С. 31.

[382] Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV – начало XVII в. М., 1955. С. 892

[383] См.: Бахрушин С.В., Сказкин С.Д. Дипломатия в XVI в. // История дипломатии: [сб.] сост. А. Лактионов. М., 2006. С. 236-242.

[384] Арапов Д.Ю. Россия и Средняя Азия в XVIII – начале XX вв. // Сборник Русского Исторического Общества. № 5 (153). М., 2002. С. 8.

пишет: «Исторические связи Русского государства со Средней Азией возникли задолго до XVI в., но только во второй половине XVI в., когда границы Русского государства придвинулись к берегам Каспийского моря, а мощная водная магистраль – Волга – на всем ее протяжении оказалась в пределах Русского государства, они стали регулярными»[385]. Он отмечал, что прежде всего развивались торгово-экономические связи.

Известно, что царь Иван IV в 1558 г. отправил своего посла в Хорезм и Бухару. В 1559 г. с ним в Москву были отправлены ответные посольства из Бухары, Хорезма и Балха. Их главной целью было решение вопросов именно торгового характера. Так, бухарский хан Абдулла просил Ивана Грозного о свободном пропуске его послов в Казань, Астрахань и другие города. Осенью 1559 г. в Москву прибыло два бухарских и четыре хивинских посла. Они просили разрешить бухарским и хивинским послам приезжать на рынки Астрахани. «Грамотами о купечестве» Иван IV разрешил среднеазиатским купцам торговать и по другим городам Московии. В 1563, 1566 и 1583 гг. в Москву приезжали купцы из Хивы, Бухары и Самарканда. Они тоже были озабочены торговыми вопросами. После смерти Ивана Грозного дипломатические связи Средней Азии с Русским государством продолжали развиваться. В 1585 г. бухарский хан Абдулла отправил своего посла Мухаммеда-Али к царю Федору Иоанновичу с товарами и подарками. В 1589 г. царское правительство разрешило бухарскому послу Достуму и изюрскому дипломату Кадышу беспошлинно покупать товары по пути следования. В годы «Смуты» начала XVII в. торгово-экономические связи Московии со Средней Азией ослабли, но не прерывались. С воцарением династии Романовых они продолжали развиваться. В 1614 г. Тиханов и Бухаров побывали в Хиве и Бухаре; в 1618-1620 гг. дворянин И.Д. Хохлов пребывал в Бухарском ханстве; в 1642 г. его посетили астраханские купцы С. Горохов и А. Грибов. В 1646 г. А. Грибов снова проник в Бухару; в 1669-1673 гг. в

[385] Преображенский А.А. Из истории сношений Русского государства со Средней Азией в XVII в. (два посольства торгового человека Анисима Грибова). // Исторические записки. Вып.36. М., 1951. С. 269.

Бухаре и Хиве побывали Б. Пазухин и Н. Медведев. В 1675-1677 гг. в них же пребывала группа русских посланцев (В. Дауров, М. Касимов, Н. Венюкови И.Шипкин)[386]. Тенденция развития торговых связей со Средней Азией продолжилась в XVIII в., начиная с царствования Петра I. Российский этнограф Р.Г. Игнатьев писал: «Петр всегда помышлял об азиатской торговле: ему нужно было привесть в подданство киргиз, чтобы на Аральском море учредить торговую пристань. В этом смысле в последние уже годы царствования Петра был подан ему проект сенатским чиновником Иваном Кирилловичем Кириловым. Петр вполне одобрил проект и пожаловал Кирилова секретарем Сената, и почему-то медлил с исполнением проекта. После кончины Петра проект Кирилова, хотя и известный правительству, оставался без исполнения до царствования Анны»[387]. Интерес царя-реформатора к этому региону подтверждается законодательными актами, являющимися, по нашему убеждению, истиной в первой инстанции. В мае 1700 г. он издал именной указ об отношении к хивинскому посланнику[388], а также «Наказ» астраханскому воеводе о том, как надо принимать бухарских и прочих азиатских дипломатов[389]. В мае 1714 г. царь направил посольство в Хиву для переговоров о торговле[390]. В 1715 г. в Среднюю Азию послали экспедицию полковника Бухгольца. В феврале 1716 г. Петр I направил в Хиву экспедицию князя Бековича-Черкасского[391]. Как известно, она имела печальные результаты. В 1716 г. Сенат издал указ о

---

[386] См. Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. М.: Рипол-классик, 2005. С. 63.

[387] Цит. по: Шалгынбай Ж.Ж. Казахстан в зарубежных источниках и материалах. Библиография до начала XX века. Алматы, 2009. Список трудов. С. 246.

[388] Именной – О взятии с Хивинского посланника с привозных его товаров пошлин по Торговому уставу. 24 мая 1700 года // ПСЗРИ-1. Т. 4. СПб., 1830. № 1791. С. 26.

[389] Наказ Астраханскому воеводе – Об управлении казенными земскими и военными делами. 30 мая 1700 года // ПСЗРИ-1. Т.4. СПб., 1830. № 1792. С. 26-42.

[390] Именной – О посольстве в Хиву. 20 мая 1714 года // ПСЗРИ-1. Т. 5. СПб., 1830. № 2809. С. 105.

[391] Именной, капитану гвардии, князю Черкасскому – Об осмотре рек Аму-дарьи и Сыр-дарьи, и о приведении ханов Хивинского и Бухарского в подданство России. 14 февраля 1716 года // ПСЗРИ-1. Т. 5. СПб., 1830. № 2993. С. 197-198.

приеме посла Бухарского ханства[392]. В 1718 г. царь направил в Хиву и Бухару посла Флорио Беневени, пробывшего в Средней Азии до 1725 г. В 1722 г. он отправил к джунгарскому правителю Цеван Рабтану капитана И.Унковского, который побывал и в Средней Азии. Одним словом, первый российский император сделал немало для развития торгово-экономических и дипломатических отношений со среднеазиатскими ханствами.

При преемниках Петра Великого интерес России к Средней Азии не угасал. Уже в царствование императрицы Екатерины I, в марте 1727 г. последовал «именной» указ, подтвержденный Верховным Тайным советом, о восстановлении коммерческих отношений с Хивинским и Бухарским ханствами и выделении для сопровождения караванов туда конвоя из астраханских гарнизонных полков. Астраханскому губернатору позволялось, с согласия купцов, отправлять караваны морем к пристаням, находящимся ближе всего к ханствам[393]. В сентябре того же года «верховники» санкционировали указ императора Петра II о торговле с Хивой и Бухарой[394]. Он освобождал от пошлин золото, серебро и драгоценные камни, привозимые в Россию из среднеазиатских ханств. Одновременно от них освобождались российские товары, вывозимые в них. Это повышало выгоды от торговли с Хивой и Бухарой, привлекало к ней новых русских купцов. Поскольку они жаловались на то, что их товары задерживаются на складах таможен, то указ предписывал оформлять привозимые из Хивы и Бухары товары скорейшим образом. Это особенно касалось российской таможни в Гурьеве, от которой требовалось повышение оперативности по оформлению

---

[392] Сенатский – О приеме Бухарского посла и о произвождении ему, со всеми при нем людьми, денег и питья на поденное содержание. 18 июля 1716 года // ПСЗРИ-1. Т. 5. СПб., 1830. № 3031. С.474.

[393] Именной, объявленный из Верховного Тайного совета Сенату – О восстановлении коммерческих отношений с Хивой и Бухарией, о даче, для сопровождения караванов, конвоя. 21 марта 1727 года // ПСЗРИ-1. Т. 7. СПб., 1830. № 5045. С. 769.

[394] Именной, состоявшийся в Верховном Тайном совете – О пошлинах с товаров, отправляемых из Астрахани в Хиву и Бухарию. 26 сентября 1727 года // ПСЗРИ-1. Т. 7. СПб., 1830. № 5162. С. 862-863.

товаров из Хивы и Бухары и обратно[395].

В начале 1730-х гг. императрица Анна Иоанновна удовлетворила просьбу двух казахских жузов о добровольном вхождении в состав Российской империи[396]. Был образован город Оренбург, который стал «воротами» российской торговли с Туркестаном[397]. В законе от 18 мая 1734 г. определялись условия посылки торговых караванов в Бухарское ханство[398]. В 1738 г. императрица Анна Иоанновна издала два «именных» указа о развитии торговли с кочевниками Оренбургского края и Средней Азии[399]. Это в значительной мере расширило торгово-экономические связи с Туркестаном. Однако продвижение товарных потоков тормозилось естественными препятствиями. Громадное пространство в 2.000 верст степей и пустынь, отделяющее центры Средней Азии от Оренбурга, преодолевалось только верблюжьими караванами. Их отправлялось по два из Бухары и по 2-3 из Ташкента, каждый в несколько тысяч верблюдов. Первый караван выступал из Бухары после 16 февраля и достигал Оренбурга во второй половине мая или даже в июне. Второй караван выходил в начале мая и приходил на меновой двор в Оренбург в середине июля. С этим караваном доставлялся

---

[395] Там же. С. 863.

[396] См.: Инструкция от Государственной коллегии иностранных дел переводчику восточных языков Мегмету Тевкелеву, отправленному в Киргиз-кайсацкую орду – для приведения оной в подданство России. 19 февраля 1731 года // ПСЗРИ-1. Т. 8. СПб., 1830. № 5703. С.383-386; Жалованная грамота старшине Киргиз-кайсацкой Орды Эбулхаир-хану и всему войску – О принятии их в Российское подданство. 19 февраля 1731 года // Там же. С. 386-387; Грамота Похвальная Киргиз-кайсацкому Абдулхаир-хану – За приведение им в Российское подданство Большой Кайсацкой Орды, также Аральского Хана. 9 апреля 1734 года // Там же. Т. 9. СПб., 1830. № 6567.С.303-304.

[397] Инструкция статскому советнику Ивану Кирилову, отправленному для постройки города при устье реки Ор – О распоряжениях по устройству и населению сего города и по сношениям с окрестными народами. 18 мая 1734 года // ПСЗРИ-12. Т. 9. СПб., 1830. № 6572. С. 323-330.

[398] Там же.

[399] Именной, данный из Кабинета Ее Величества тайному советнику Татищеву – Об учреждении с киргизцами и другими народами торговли для вымена у них верблюжей шерсти. 14 февраля 1738 года // ПСЗРИ-1. Т.10. – СПб., 1830, № 7511. С. 408; Именной, данный из Кабинета Ее Величества тайному советнику Татищеву – О распространении торговли России с киргиз-кайсаками; об определении в Оренбурге двух «киргизских» старшин для прекращения ссор между приезжающими туда купцами, и о принятии в российское подданство хана Большой Киргиз-Кайсацкой Орды Юлборуса. 16 сентября 1738 года // ПСЗРИ-1. Т. 10. СПб., 1830. № 7657. С. 614-618.

более ценный товар, идущий на Макарьевскую ярмарку – в Нижний Новгород. Из России караваны в Бухару отправлялись осенью: два из Оренбурга и три из Троицка. Кроме Троицка и Ташкента, ходили караваны еще и из Петропавловска, относящегося к «Сибирской линии». По сибирскому пути в Ташкент товаров провозилось немного меньше, чем по караванным путям с «Оренбургской линии». Бухара давала не менее 75% оборота всей торговли[400]. Нельзя не отметить и опасность последней. Так, например, в 1766 г. троицкий купец, татарин Мухаммед Галия Исхаков отправил из Бухары 345 верблюдов с товаром, и 214 из них были потеряны в пути[401]. Торговые караваны часто подвергались разграблению шайками. Генерал-лейтенант В.А. Зубов писал о том, что этой торговле сильно мешают туркмены своими набегами на караваны и потому «надобно только избрать там (на Мангышлаке – И.В.) удобное место для небольшого укрепления, которое было бы к охранению от грабежей хищных трухменцев идущих в Мангышлак караванов»[402]. В таких условиях торговля между Средней Азией и Россией не могла полностью обеспечивать русскую текстильную промышленность сырьем и создать надежный рынок сбыта ее продукции.

Несмотря на все сложности, политику упрочения торгово-экономических связей со среднеазиатскими ханствами успешно продолжала императрица Елизавета Петровна. В начале июня 1752 г. был издан указ о том, что, несмотря на запрет Торговым уставом иностранным купцам розничной продажи товаров, ввиду отсутствия в Оренбурге «знатных» купцов, то есть тех, кто мог бы осуществлять оптовую торговлю, приезжим из Азии купцам разрешалось торговать в розницу в Оренбурге ярмарочным образом[403]. В конце ноября 1753 г. был принят Регламент или Устав о сборе

---

[400] Материалы для изучения хлопководства. СПб.1912. С. 13, 14.
[401] ЦГА РУ. Ф. 33, Оп. 1. Д.40. Л.5.
[402] Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М., 1997. С. 38.
[403] Сенатский – О позволении, по недостатку знатных купцов в Оренбурге, продавать товары в розницу и оптом приезжим туда из Азии и других мест купцам. 2 июня 1752 года // ПСЗРИ-1. Т. 13. СПб., 1830. № 9995. С. 655-656.

пошлин в Оренбурге и Троицкой крепости[404]. Он предписывал, в частности, учреждение на ярмарках Оренбургской и Троицкой крепостей для иноверцев суда шариата и о праве недовольных его решениями подавать жалобы русским властям для рассмотрения их по государственным законам. В конце марта 1760 г. Сенат установил правила для торговой компании графа Воронцова[405]. Закон разрешал продать Бухаре и Хиве 100 тыс. пудов железа.

Воцарившаяся на престоле Екатерина II буквально через месяц предписала ликвидировать компанию Воронцова и разрешить всем торговать с Бухарой и Хивой на общих основаниях[406]. В конце апреля 1763 г. императрица утвердила доклад Сената о правилах торговли с азиатскими странами, который запрещал иностранным купцам продавать товары во внутренней России[407]. Они должны были сбывать их российским торговцам на пограничных ярмарках, что было выгодно для последних. В мае 1765 г. Екатерина II освободила Мангышлакские пристани от «переоброчки» всех казенных мест по закону от 15 декабря 1763 г.[408]. В июле 1766 г. Сенат издал указ об устройстве пограничных таможен - Оренбургской и Троицкой[409]. Тариф для них был установлен значительно позже[410]. Примечательно, что закон от 27 сентября 1782 г. об установлении общего тарифа для всех портов

---

[404] Регламент или Устав – О сборе пошлин при Оренбурге и в Троицкой крепости. 29 ноября 1753 года // ПСЗРИ-1. Т. 13. СПб., 1830. № 10156. С. 934-939.

[405] Сенатский – О правилах торговой компании графа Воронцова на Каспийском море. 30 марта 1760 года // ПСЗРИ-1. Т. 15. СПб., 1830, № 11046. С. 455-463.

[406] Именной, состоявшийся в Сенате – О разных постановлениях касательно торговли. 31 июля 1762 года // ПСЗРИ-1. Т. 16. СПб., 1830. № 11630. С. 35-36.

[407] Высочайше утвержденный доклад Сената – О продаже приезжающим из-за границы азиатским купцам в Оренбурге товаров, а также золота, серебра и алмазных вещей до рассмотрения Тарифа по вольным ценам или меной на товары российским купцам; о недозволении им ездить внутрь России для продажи оных и о представлении Оренбургской губернской канцелярии в Сенат о привозе драгоценных камней отменной величины и чрезвычайной работы. 30 апреля 1763 года // ПСЗРИ-1. Т. 16. СПб., 1830. № 11807. С. 229-234.

[408] Сенатский – Об оставлении в Мангишлакских пристанях свободной торговли без платежа оброка. 24 мая 1765 года //ПСЗРИ-1. Т. 17. СПб., 1830. № 12400.С. 137.

[409] Сенатский – Об устройстве пограничных таможен: Оренбургской и Троицкой. 7 июля 1766 года. // ПСЗРИ-1. Т. 17. СПб., 1830. № 12694. С. 842-846.

[410] См.: Тариф для Оренбургской и Троицкой крепости таможен. 18 октября 1777 года. // ПСЗРИ-1. Т. 20. СПб., 1830. № 14666. С. 565; см.: Книга тарифов // ПСЗРИ-1. Т. 45. СПб., 1830. № 14666.

и пограничных таможен Российской империи не распространялся на указанные таможни, что фактически выводило всю азиатскую торговлю из сферы его действия[411]. Зато позже они подпали под действие закона от 16 сентября 1796 г. о новом общем таможенном тарифе[412]. В октябре 1797 г. император Павел I издал «именной» указ, освободивший Оренбургскую и Троицкую таможни от нового тарифа, что было положительно расценено купечеством, торгующим со Средней Азией[413]. Через год последовал «именной» указ о льготах для туркестанских купцов, торговавших на Семипалатинской таможне[414]. Таким образом, на протяжении XVIII в. Россия развивала торговые отношения со Средней Азией по восходящей.

Естественно, что в течение указанного столетия русские купцы активно осваивали рынки Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств. Кое-кто пребывал в Средней Азии подолгу – например, купец Н. Рукавкин прожил в Хиве с 1753 по 1765 г. Некоторых людей направляло в Туркестан правительство. В 1780 г. в Среднюю Азию послали Бекчурина для изучения путей в Бухару и условий создания там российских торговых предприятий. В 1794-1800 гг. в Бухаре обосновались П.С. Бурнашев и А. Безносиков, но они имели письма не от центрального правительства, а от генерал-губернатора Западной Сибири Г.Э. Штрандмана. Они хотели побывать в Ташкенте, однако эмир Сейид Шах-Мурад Бохадыр-хан не пустил их туда. Но в 1800 г. в этом городе побывали Г. Бурнашев и Поспелов. По мнению С.Н. Абашина,

---

[411] Именной, данный Сенату – Об издании общего тарифа для всех портов и пограничных таможен, кроме Астрахани, Оренбурга и Сибири. 27 сентября 1782 года // ПСЗРИ-1. Т. 21. СПб., 1830. № 15520. С. 678-681.

[412] Именной, данный Сенату – Об утверждении нового общего тарифа для всех портовых и пограничных таможен Российской империи, кроме состоящих в наместничествах: Кавказском, Уфимском, Тобольском, Иркутском и Колыванским. 16 сентября 1796 года // ПСЗРИ-1. Т. 23. СПб., 1830. № 17511. С. 935-940.

[413] Именной, данный Сенату – О распространении нового тарифа на все пограничные таможни, исключая Астраханскую, Оренбургскую, Тобольскую и Иркутскую губернии, и о сборе пошлин полновесными ефимками. 12 октября 1797 года. // ПСЗРИ-1. Т. 24. СПб., 1830. № 18202. С. 767-770.

[414] Именной, объявленный Президентом Коммерц-коллегии, князем Гагариным – О пропуске за границу лошадей, принадлежащих ташкентцам и киргизцам, торгующим при Семипалатинской таможне. 13 октября 1799 года // ПСЗРИ-1. Т. 25. СПб., 1830. № 19151. С. 810-811.

«в XVIII в. государства Центральной Азией воспринимались российскими властями только как торговый партнер»[415].

С начала XIX в. торгово-экономические и дипломатические связи России со Средней Азией росли и совершенствовались. В первой половине XIX в. регион посетили, по заданию правительства, Говердовский, Ф. Назаров, Н. Муравьев, Э. Эверсман, Н. Потанин, Никифоров, Н. Ханыков, А. Бутаков и др. Исследователь Е.В. Бунаков писал о том, что в первой половине XIX в. «дипломатические отношения с узбекскими ханствами ведутся частично от центрального правительства, частично от имени местных властей»[416]. В 1820 г. император Александр I направил в Бухарское ханство посольство А. Негри[417]. Результатом стало учреждение в эмирате российского дипломатического представительства[418]. Его важнейшей задачей было стимулирование развития торговли России с Бухарой. В начале 1826 г. генерал-майор Веригин подал императору Николаю I записку «О необходимости занять Хиву как единственное средство для распространения и приведения в безопасность нашей торговли в Средней Азии». Он указывал, что промышленность в России растет быстро, а рынков сбыта ее товаров мало. Поэтому надо аннексировать Хиву[419]. Но царь не внял его призывам.

В это время у Бухары и Хивы появился опасный конкурент – Кокандское ханство, образованное в начале XVIII в. Молодое образование быстро окрепло и стало агрессивным. В российском правительстве знали о том, что в начале XIX в. Коканд подчинил себе всю торговлю в Восточном (Китайском) Туркестане. Исследователь А.С. Дружинец пишет о том, что «купеческий старшина, а, по сути, политический представитель кокандского

---

[415] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 133.
[416] Бунаков Е.В. К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в. // Советское востоковедение. Вып. 2. М-Л., 1941. С. 15.
[417] См.: Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975.
[418] См.: Высочайше утвержденный штат отправляемой миссии в Бухарию. 3 июля 1820 года // ПСЗРИ-1. Т. 37. СПб., 1830. № 28342. С. 383; см.: штаты миссии: ПСЗРИ-1. Т. 44. Отд. 2. СПб., 1830. № 28772. С. 40.
[419] Бунаков Е.В. К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в. // Советское востоковедение. Вып. 2. М-Л., 1941. С. 16.

хана Мадали-хана в Кашгарии – аксакал – практически держал в своих руках всю торговлю, управлял всей таможенной политикой. Цинская империя шла на такие политические унижения и экономические потери ради одного – кокандский хан обязался строго наблюдать за ходжами (лидерами антикитайского движения – И.В.) и не допускать их в пределы Восточного Туркестана»[420]. Зная об успешном движении бухарских и хивинских товаров в российские пределы, «правителей Кокандского ханства очень интересовала торговля на Иртышской линии. В 1812 г. Омар-хан отправил своего посла через Сибирь в Петербург в целях развития торговых отношений. Предложение хана было с удовлетворением принято императором Александром I».[421] В 1828 г. в Омск прибыли послы кокандского хана Мухаммеда-Али (Мадали), после чего им разрешили прибыть в С-Петербург. Они посетили Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Их принял царь Николай I. Хану Мадали передали царскую грамоту, в которой предлагалось обеспечить взаимную поддержку купцам в их торговых делах в России и Кокандском ханстве. К возвращающемуся домой кокандскому посольству приставили хорунжего Н.И. Потанина, который объехал многие кокандские города и веси, пробыв в ханстве более месяца. По возвращении он опубликовал записки о своем путешествии[422]. В 1831 г. Мадали-хан направил в Россию новое посольство, которое пробыло в Тобольске несколько месяцев, ожидая приглашения в С-Петербург, но ему в этом отказали. России не нравилась активность Коканда по продвижению в Южном Казахстане и Кыргызстане. Очередное посольство из Коканда прибыло в Омск в 1841 г. от нового хана Султан-Махмуда во главе с Мухаммедом Халил Сахиб-заде. Он должен был восстановить торговые

[420] Дружинец А.С. Открытие Аягузского внешнего округа и международная обстановка в Семиречье (1830-1833 гг.) // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность. Материалы научной конференции. Барнаул: АлтайГУ, 2008. С. 117.
[421] Шамсиев М. Из истории торгово-политических взаимоотношений Кокандского ханства с Россией в первой половине XIX века // Россия – Узбекистан: история и современность. Ч. VI. М., 2009. С. 57.
[422] Записки о Кокандском ханстве хорунжего Н.И. Потанина (1829-1830) // Военный журнал. 1831. № 4. С. 102-139; № 5. С. 43-70.

отношения с Россией и просить прислать горного инженера для разведки полезных ископаемых в ханстве. В январе 1842 г. посол прибыл в С-Петербург, где был встречен весьма торжественно. Николай I принял его для беседы. В начале марта 1842 г. Мухаммед Халил Сахиб-заде выехал на родину с богатыми дарами для своего правителя. Но в это время положение в ханстве осложнилось - Коканд захватил бухарский эмир Насрулла. На трон был посажен марионеточный правитель. Кокандская знать избрала ханом Шералы, который выгнал бухарцев из ханства, подавил мятежи, в том числе в Ташкенте. В 1844 г. в Омск прибыл кокандский посол Нияз Мухаммед Нигматов, который, однако, не имел полномочий на заключение полномасштабного торгового договора, которого добивалась Россия. В самом Кокандском ханстве началась смута - непрерывные распри, интриги, восстания и т.п. Новый правитель – Худояр-хан то был на троне, то его с него сгоняли. В конце 1847 г. в Омск прибыл посол от Худояр-хана – муфтий Абдул Мулла Аширов. Он высказал устно генерал-губернатору Западной Сибири претензии Коканда относительно строительства российских крепостей на границах с ханством. В ответной грамоте царя Худояр-хану выражалось удовлетворение состоянием кокандско-российских торговых связей и пояснялось, что крепости Россия строит для своей безопасности. Позже Оренбургским и Самарским генерал-губернатором стал В.А. Перовский, который предложил совершить поход на Хиву с целью ее аннексии. В записке о Хивинском ханстве, составленной в 1839 г., выдвигались такие задачи относительно его будущего: 1. «Предупредить здесь англичан, которые с 1830 годов делают неутомимые попытки проникнуть в Среднюю Азию» и 2) сделать Хивинское ханство «опорною точкою для всех политических и коммерческих предприятий России в Средней Азии, приведя ханство, хотя в дипломатическую зависимость»[423]. В том же 1839 г. состоялся поход Перовского на Хиву, который оказался

[423] Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М., 1949, с.222.

неудачным из-за ошибок русских военных. Но Перовский остался сторонником решительного наступления на среднеазиатские ханства. Позже, в 1853 г. он взял Ак-Мечеть. В том же году в Омск явился посол из Коканда ЮлдашбайМирзаджанов с письмом от хана и дарами. Он должен был встретиться с царем и пожаловаться на действия русских на границах Кокандского ханства, однако император Николай I приказал генерал-губернатору Западной Сибири Г.Х. Гасфорду принять грамоту, дары отринуть, а посла из Омска отправить назад. Россия была занята в Крымской войне и временно не проявляла активности в отношении Средней Азии. Поражение в войне стимулировало ее наступление на регион, которое закончилось в 1860-х гг. взятием Ташкента и Самарканда. Россия стремилась компенсировать неудачи в Европе успехами на туркестанском направлении.

Торговля России со Средней Азией в первых двух третях XIX в. нарастала. Доказательством тому служат законодательные акты. В конце августа 1802 г. император Александр I издал «именной» указ о наведении порядка на пограничных с Туркестаном ярмарках[424]. В начале 1803 г., по просьбе бухарского посланника Мухаммеда Байкшиева, «именным» царским указом был решен вопрос о выпасах в Оренбургском крае для скота среднеазиатских купцов[425]. Царский манифест от 1 января 1807 г. о поощрении купечества в статьях 8-14 расширял права бухарских и хивинских торговцев, но в разумных пределах[426]. В том же году «именным» указом император Александр I запретил азиатским купцам торговать во внутренних губерниях России[427]. Тем самым он подтвердил упоминавшийся выше

[424] Именной, данный Оренбургскому военному губернатору Бахметеву – Об отвращении всяких притеснений, причиняемым киргизцам и другим народам, приезжающим на ярмарку. 28 августа 1802 года // ПСЗРИ-1. Т. 27. СПб., 1830. № 20391. С. 236.

[425] Именной, данный Оренбургскому военному губернатору Бахметеву – Об отводе пастбищ бухарским купцам в удобных местах по берегу реки Урал. 20 февраля 1803 года // ПСЗРИ-1. Т. 27. СПб., 1830. № 20623. С. 465.

[426] Манифест – О дарованных купечества новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий. 1 января 1807 // ПСЗРИ-1. Т. 29. СПБ., 1830. № 22418. С.971-979.

[427] Именной, объявленный Министром коммерции – О дозволении азиатцам торговать только на одной границе без записки в число гостей или заезжих купцов. 27 октября 1807

екатерининский закон от 30 апреля 1763 г., который нарушался среднеазиатскими торговцами. Царь указом от 27 октября 1807 г. объявлял о том, что начальники пограничных губерний обязаны не пропускать их внутрь страны, а разрешать им торговать только на границах Империи. Это был протекционистский жест в пользу русского купечества, которое теперь могло закупать у торговцев из Средней Азии их товары на пограничных ярмарках и базарах, а потом с выгодой перепродавать их во внутренней России. Протекционистским был и закон от 15 мая 1808 г., который разрешал беспошлинную продажу стали в Среднюю Азию[428].

С начала 1810 г. была введена паспортизация российских купцов, торговавших с Бухарой и Хивой[429]. Удостоверяющие документы выдавались им в Оренбургской Пограничной комиссии[430]. В марте 1816 г. был установлен тариф пошлин во всех портовых и пограничных таможнях, но он не распространялся на торговлю со среднеазиатскими ханствами[431]. Через год был утвержден Таможенный устав по Азиатской торговле[432]. Он запретил вывоз российских денег в монетах и ассигнациях за рубежи Империи. В марте 1818 г. Комитет министров принял решение о запрете вывоза российской монеты в среднеазиатские ханства[433]. В марте 1822 г. император Александр I утвердил новый общий тариф для всех портовых и пограничных

года // ПСЗРИ-1. Т. 29. СПб., 1830. № 22662. С. 1315-1316.

[428] Именной, данный Сенату – О выпуске стали к Азиатским народам, без пошлин. 15 мая 1808 года. // ПСЗРИ-1. Т. 30. СПб., 1830. № 23021. С. 258.

[429] Именной, данный Оренбургскому военному губернатору князю Волконскому – О разрешении выдавать из Оренбургской Пограничной комиссии паспорта купечеству, отправляющемуся для торговли в Хиву, Бухарию и другие азиатские страны. 28 января 1810 года // ПСЗРИ-1. Т. 31. СПб., 1830. № 24106. С.49.

[430] См.: Высочайше утвержденный штат чинам, назначаемым для составления в Оренбурге Комиссии Пограничных дел. 19 марта 1799 года. // ПСЗРИ-1. Т. 25. СПб., 1830. № 18897. С. 590; см. также: Штат Оренбургской Комиссии Пограничных дел. ПСЗРИ-1. Т.44. Отд.2. № 18897. СПб., 1830.

[431] Тариф – о сборе пошлин во всех портовых и пограничных таможнях, кроме состоящих в Астраханской, Оренбургской, Тобольской и Иркутской губерниях, а Грузии и по Кавказской линии. 31 марта 1816 года // ПСЗРИ-1. Т. 33. СПб., 1830. № 26218. С. 589-592.

[432] Таможенный устав по Азиатской торговле. 30 мая 1817 года // ПСЗРИ-1. Т. 34. СПб., 1830. № 26894. С.328-348.

[433] Положение Комитета министров – О не выпуске медной монеты за границу. 30 марта 1818 года // ПСЗРИ-1. Т. 35. СПб., 1830. № 27326. С. 179-181.

таможен Российской империи, который опять не распространялся на торговлю с азиатскими странами[434]. К этому времени возникла проблема с установлением статуса бухарских купцов, торгующих с Россией. Поэтому закон от 14 ноября 1824 г. распространял правила о гильдиях и на них[435].

Как уже отмечалось, торговля России со среднеазиатскими ханствами была небезопасным мероприятием. Торговые караваны часто подвергались грабительским нападениям со стороны казахов и туркмен. Караванные конвои не всегда могли отразить их, а их усиление было связано со значительными затратами. В связи с этим, в конце 1824 г. император Александр I утвердил закон о взимании для охраны с идущих из Оренбурга в Бухару караванов под прикрытием конвоя по 25 коп. с рубля[436]. Он начал действовать с 1 января 1825 г. и имел позитивные результаты для повышения безопасности торговли России со Средней Азией. Закон от 28 июля 1825 г. расширил права азиатских купцов на торговлю в России. Им разрешили продавать свои товары на ведущих российских ярмарках[437]. В результате «постоянными и желанными гостями на Ирбитской ярмарке были купцы из Хивы и Бухары»[438]. Но главным центром притяжения для них была Нижегородская ярмарка[439]. Еще до присоединения Средней Азии к России она привлекала внимание богатейших купцов региона, например, крупного ташкентского коммерсанта Сеида Азимбая. Узбекский исследователь С.Б. Шадманова пишет о том, что он успешно вел торговые дела на

---

[434] Общий тариф для всех портовых и пограничных таможен Российской империи, кроме состоящих в губерниях: Астраханской, Оренбургской, Тобольской, Иркутской и в Грузии. 12 марта 1822 года // ПСЗРИ-1. Т. 38. СПб., 1830. № 28965. С. 105-108.

[435] См.: Дополнительное постановление – Об устройстве гильдий и торговле прочих состояний. 14 ноября 1824 года // ПСЗРИ-1. Т. 39. СПБ., 1830. № 30115. С. 609.

[436] Высочайше утвержденный Журнал Комитета Сибирских дел, представленный Сенату Министром Финансов – О взимании с идущих из Оренбурга в Бухарию караванов под прикрытием конвоя по 25 копеек с рубля. 11 декабря 1824 года // ПСЗРИ-1. Т. 39. СПБ., 1830. № 30150. С. 650.

[437] Высочайше утвержденное Положение Комитета Азиатских дел – Об обязанности персиян и других азиатцев брать свидетельства на розничную торговлю. 28 июля 1825 года // ПСЗРИ-1. Т. 40. СПб., 1830. № 30434. С. 395-396; см. § 203.

[438] Старостин А.Н. Ислам в Свердловской области. М., 2007. С. 36.

[439] См.: Богородицкая Н.А. Нижегородская ярмарка в системе международных торговых связей России в XIX-XX вв. // Вопросы истории. 2012. № 4.

Нижегородской ярмарке и «очень быстро освоил русский язык»[440]. Неудивительно, что Сеид Азимбай исподволь создавал в городе прорусскую партию, в которую входили наиболее состоятельные люди, имевшие торговые связи с российскими рынками. Многие ремесленники были связаны с торговлей с Россией. Ташкентские купцы вывозили в Россию более 4/5 всех сухофруктов, около 3/4 индийского чая, половину всего регионального шелка, четверть – хлопчатобумажных тканей, почти все зерно, немало хлопка, хлопчатобумажной пряжи и т.п. Ташкент ввозил много российских товаров – железо, чугун, медь, русские хлопчатобумажные ткани, кожи, сукна, шелковые ткани, деревянные изделия и проч. Есть основания утверждать, что деловой мир Ташкента, связанный с российскими рынками, исподволь помог войскам генерала М.Г. Черняева взять город, так как это открывало для него более широкие возможности развития торговли с Россией.

Среднеазиатские купцы издавна проложили торговые пути в Сибирь. Еще до ее присоединения к России бухарские Шейбаниды поощряли их торговлю в Сибирском ханстве Едигера, который после падения Казани признал себя вассалом России. Сменивший его хан Кучум, воевавший против русских, всячески поддерживал деятельность бухарских купцов. После его разгрома, торговля бухарцев с Сибирью, тем не менее, продолжала развиваться, так как была выгодна российскому правительству. Однако долгое время она никак им не регулировалась. В сентябре 1686 г. соправители – Иван и Петр Алексеевичи издали «Подтвердительную грамоту» тобольским бухарцам на свободный приезд в Казань, Астрахань и поморские города по торговому промыслу[441]. Бухарские купцы получили

---

[440]Шадманова С.Б. Изучение русского языка в конце XIX- начале XX в. в Туркестане // Вторая научная конференция памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, просветителей славянских Просвещение – Православие – Восток. 22 мая 2009 г. Ташкент. Сборник материалов. Ташкент, 1910. С. 121.

[441] Подтвердительная грамота Тобольским бухарцам – на свободный приезд в Казань, Астрахань и Поморские города по торговому промыслу. 17 сентября 1686 года // ПСЗРИ-1. Т. 2. СПб., 1830. № 1209. С. 816-817.

право на свободную торговлю без каких-либо гильдейских и иных свидетельств. Этот акт стимулировал распространение бухарской торговли по территории России, но со временем он устарел. К тому же свободная торговая деятельность бухарцев снижала выгоды русских купцов в Сибири. Через полтора века стало очевидным, что бухарская торговля в этом регионе нуждается в упорядочении. В 1828 г. в адрес министра финансов Е.Ф. Канкрина было направлено донесение западносибирских властей, в котором отмечались невыгоды русской торговли со Средней Азией[442]. Ему предлагалось войти с соответствующим представлением в правительство. Вопрос в министерстве финансов рассматривался по всем правилам российской бюрократии и только в конце 1833 г. документ о торговле «азиатцев» в Западной Сибири был отправлен на рассмотрение Государственного совета. Он обсуждал его в феврале 1834 г. и постановил: сохранить права по «Подтвердительной грамоте» от 17 сентября 1686 г. тем бухарцам и ташкентцам, которые получили российское подданство. Но разрешить им торговать на общем основании, то есть с взятием торговых свидетельств и уплатой гильдейских повинностей наравне со всеми российскими купцами[443]. Бухарцам и ташкентцам, не состоящим в российском подданстве, закон предоставлял равные права с другими азиатскими купцами по закону от 28 июля 1825 г.[444]

Одной из проблем в торговле России со среднеазиатскими ханствами была уплата пошлин их купцами. Часто у них не было на нее наличных денег, и они оставляли на таможенных складах свои товары в залог пошлин. Таможенный устав предусматривал, что если в установленный срок пошлины

---

[442] Список с донесения Господину Министру Финансов от 31-го Генваря 1828-го года // Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI-XIX вв. Ташкент: Фан, 1983. С.149-165.

[443] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О правах бухарцев и ташкентцев, обитающих в Западной Сибири. 12 февраля 1834 года // ПСЗРИ-2. Т. 9. Отд. 1. СПБ., 1835. № 6802. С. 123.

[444] См.: Высочайше утвержденное Положение Комитета Азиатских дел – Об обязанности персиян и других азиатцев брать свидетельства на розничную торговлю. 28 июля 1825 года // ПСЗРИ-1. Т. 40. СПб., 1830. № 30434. С. 395-396.

не уплачивались, то такие товары подлежали продаже с аукционов. Нередко среднеазиатские купцы не могли собрать в срок необходимые суммы и потому просили правительство продлить его. В 1836 г. министр финансов Е.Ф.Канкрин вошел в Государственный совет с представлением о том, чтобы продлить указанные сроки. Совет принял решение о продлении срока содержания залоговых товаров среднеазиатских купцов на таможенных складах до трех месяцев, но с условием не принимать в залог скоропортящиеся товары. Все прочие, не обеспеченные уплатой пошлин в установленный срок, должны были реализовываться на аукционных торгах[445]. Из вырученных денег изымались пошлинные суммы, а остальные возвращались хозяину. Несколько иным было отношение к среднеазиатским купцам, торгующим не в Оренбургском крае, а в Семипалатинске, Петропавловске и Омске. Им разрешалось брать из таможен привезенные товары до уплаты пошлин, оставляя часть их в залог. Однако Комитет министров принимал такого рода решения только сроком на три года, после чего снова продлевал его[446]. Законодательные акты свидетельствуют о том, что царское правительство, не желая препятствовать росту торговли со Средней Азией, либерально относилось к карантинному досмотру товаров, привозимых на Оренбургскую линию. В 1854 г. Государственный совет удовлетворил представление министра внутренних дел о том, чтобы вообще освободить от наружного медицинского осмотра купеческие караваны,

---

[445] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об увеличении срока, в продолжение коего дозволено азиатцам оставлять в таможнях товары их в залог пошлин. 4 ноября 1836 года // ПСЗРИ-2. Т. 11. Отд. 2. СПб., 1837. № 9683. С. 173-174.

[446] См.: Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О продолжении торгующим в Семипалатинске, Петропавловске и Омске купцам и азиатцам дозволения брать из таможен привозные товары до платежа пошлин, с оставлением части их в залог. 13 марта 1851 года // ПСЗРИ-2. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1852. № 25030. С. 182; Высочайше утвержденное Положение Сибирского комитета – О продолжении срока на дозволение купцам и азиатцам, торгующим в Семипалатинске, Петропавловске и Омске, брать из таможенных мест привозные товары до платежа за оные пошлин. 18 февраля 1854 года // ПСЗРИ-2. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1855. № 27943. С. 191-192; Высочайше утвержденное Положение Сибирского комитета – О продолжении срока дозволения купцам и азиатцам, торгующим в Семипалатинске, Петропавловске и Омске, брать из таможенных мест привозные товары до платежа за оные пошлин, с оставлением части их в залог. 25 марта 1857 года // ПСЗРИ-2. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1858. № 31653. С. 255-256.

приходящие к Оренбургской линии из областей Средней Азии[447]. Вместе с тем, властям вменялось в обязанность в необходимых случаях принимать меры по статье 573-й «Устава Медицинской полиции»[448].

Успешная торговля России с мусульманскими ханствами Туркестана тревожила англичан, желавших превратить Среднюю Азию в свою торговую вотчину. В 1858 г. член британского парламента Денби Сеймур заявлял: «Ничего не может быть более важного для нашего политического господства, чем развитие нашей торговли со Средней Азией, и нет ничего легче, чем расширить её почти безгранично. Осуществляя это, мы обогатимся сами и цивилизуем Среднюю Азию»[449]. Однако англичанам не удалось выступить в роли торговых культуртрегеров в этом регионе.

Несмотря на все свои позитивы, в целом торговля со Средней Азией в рассматриваемый период была невыгодной для России, хотя с середины XVIII в. до 1860-х гг. ее экспорт в ханства вырос в 12 раз[450]. Основным предметом российского импорта из Средней Азии был хлопок. Если в 1821-1825 гг. Россия закупала в этом регионе 70 тыс. пудов хлопка, то в 1836-1840 гг. – 320 тыс. пудов[451]. Это было следствием роста текстильной промышленности в стране – от 64 предприятий в 1805 г. до 329 – в 1841 г. В дальнейшем (перед утверждением России в Средней Азии) закупки хлопка только возрастали, так как увеличивалось и число текстильных предприятий. Но его цена была недешевой – в 1860-х гг. пуд очищенного хлопка стоил от 4 руб. 75 коп. до 6 руб. 50 коп.[452]. «По официальным данным, за 1853-1862 гг.

---

[447] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об освобождении от наружного медицинского осмотра купеческих караванов, приходящих к Оренбургской линии из областей Средней Азии. 1 марта 1854 года // ПСЗРИ-2. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1855. № 27973. С. 228.

[448] См.: Устав Медицинской полиции // Свод законов Российской империи. Т. 13. СПб., 1857. С. 146-322.

[449] Цит. по: Тимченко С.В. Среднеазиатский вопрос в англо-русских отношениях в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность. Материалы научной конференции. Барнаул: АлтайГУ, 2008. С. 123.

[450] История СССР. Ч. 2. 1861-1917. М., 1978. С. 61.

[451] См.: Бунаков Е.В. К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в. // Советское востоковедение. Вып. 2. М-Л., 1941. С. 18.

[452] См.: Туркестанский край. М., 1872. С. 60.

сумма привоза и вывоза через Оренбургскую таможенную линию выросла с 1.223.999 руб. до 2.951.319 руб., т.е. почти в 2,5 раза»[453]. Однако, даже в 1880-х гг. Туркестан давал лишь 1/4 потребляемого Россией хлопка, а остальной закупался в США, Персии, Индии и Египте[454]. П.П. Литвинов пишет: «Э. Терри в книге «Россия в 1914 году» подчеркивал, что из более чем 22 млн. пудов хлопка, перерабатываемого в стране, только 11,2 млн. пудов поставлял Туркестан»[455]. Таким образом, в начале XX в. половина потребного России хлопка ввозилась из-за рубежа. Туркестанский деятель И.И. Гейер отмечал, что если бы российское правительство поощряло русский капитал в Средней Азии, то он мог бы полностью обеспечить Россию хлопком, поскольку пока «Англия и Америка обратили хлопок в насос, которым с неизменным успехом перекачивают русское золото в лондонские банки и карманы нью-йоркских миллиардеров»[456].

В 1857 г. Оренбургский и Самарский генерал-губернатор А.А.Катенин представил новому министру иностранных дел, князю А.М. Горчакову «Записку о невыгодном для России положении торговли ее со Средней Азией», в которой указывал, что «среднеазиатские торговцы почти исключительно овладели как закупкой русских товаров на месте их производства и распродажей их в Азии, так и закупкой на месте среднеазиатских произведений и распродажей их в России… все купеческие барыши от производства достаются на долю одним среднеазиатским купцам; русские товары обходятся среднеазиатским потребителям по самым дешевым ценам, тогда как потребители среднеазиатских произведений приобретают их, за отсутствием соперничества со стороны русских купцов и по причине стычек между среднеазиатцами, относительно дорого»[457]. В заключение

---

[453] История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Алма-Ата, 1949. С. 316.
[454] История СССР. Ч.2. 1861-1917. М., 1978. С. 109.
[455] Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917: монография. Елец: ЕГПИ, 1998. С. 50.
[456] Гейер И.И. Туркестан. Ташкент, 1909. С. 64.
[457] История Узбекской СССР в 4-х томах. Т. 2. Ташкент: Фан, 1968. С. 10.

«царскому правительству рекомендовалось прекратить покровительство среднеазиатским торговцам и добиваться создания в Средней Азии благоприятных условий для деятельности русского купечества»[458]. Однако царское правительство не вняло его соображениям. Более того, в марте 1859 г. император Александр II издал «именной» указ о развитии торговых отношений с Бухарским ханством – основным коммерческим партнером России в Средней Азии. Документ кратко гласил: «Признав полезным принять меры к вящему распространению торговых сношений Империи Нашей с Бухарой, повелеваем: 1. Привозимые из Бухары хлопчатую бумагу и шелк-сырец изъять вовсе от платежа карантинного сбора, учрежденного Уставом для пограничных и портовых карантинов. 2. Товары, отправляемые из Империи в Бухару, освободить вовсе от платежа отпускной пошлины и карантинного сбора, тем же Уставом определенного»[459]. В 1862 г. начальнику Алатавского округа Г.А. Колпаковскому было предписано в целях дальнейшего развития торговли со Средней Азией выделить место «ташкентцам в особой слободе близ укрепления (Верного – И.В.), земли под дома и огороды и ограждать их от всяких обид и притеснений»[460]. Как видим, в царском указе фигурировало Бухарское ханство и не упоминалось о Хиве. И это не было случайным. Командир Отдельного Оренбургского корпуса, генерал-адъютант Безак писал 29 ноября 1861 г. военному министру Д.А. Милютину о том, что, по его «мнению, не следует развлекаться издержками для приобретений в Хиве, стране бедной и *ничего не представляющей в торговом отношении*»[461]. (Курс. наш – И.В.)

Естественно, что после присоединения Средней Азии к России характер ее торговли с этим регионом существенным образом изменился.

---

[458] Там же.

[459] Именной, данный Сенату – О мерах к распространению торговых сношений с Бухарой. 20 марта 1859 года. // ПСЗРИ-2. Т. 34. Отд. 1. СПб., 1861. № 34262. С. 215.

[460] Высочайше утвержденное Положение об управлении Алатавским округом. 25 декабря 1862 года // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд. 2. СПб., 1865. № 39088. С. 596.

[461] Цит. по: Туркестан в имперской политике России: Монография в документах. Отв. ред. Т.В. Котюкова. М., 2016. С. 47.

Она была подчинена действию российских законодательных актов. В первом правительственном «положении» об управлении Туркестанской областью от 6 августа 1865 г. не содержалось никаких установлений относительно торговли местных и приезжих из ханств купцов. Вместе с тем, документ предусматривал учреждение выборной должности так называемого «базар-баши», указывая, что он является начальником городской торговой полиции и «ему подчиняются как постоянные торговцы города, так и временно приходящие с караванами»[462]. О торговых сборах не упоминалось. Таким образом, законодатель сохранял сложившуюся ранее систему торговли. В § 52 проекта «Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях» 1867 г. отмечалось, что уездные начальники были обязаны оказывать «законное содействие развитию всех отраслей торговли… особенно к беспрепятственному проходу караванов»[463]. Документ содержал специальный раздел о торговых сборах с купцов, прибывавших из среднеазиатских ханств[464]. Они должны были уплачивать сбор (зякет), составлявший 2,5 % от торгового капитала. Те, чей торговый оборот не превышал 40 тиллей (160 руб.) освобождались от его уплаты. Контролировали торговлю хозяйственные общественные управления из 3-5 выборных членов. Они подчинялись уездному управлению. Зякет уплачивался им. Внесенные платежи записывались в специальные «шнуровые» книги. Освобожденные от уплаты зякета получали специальные удостоверения. Купцы, сознательно занижавшие данные о своих торговых капиталах, подвергались штрафу в размере двойного торгового сбора. Иностранные купцы были ограничены в избрании местностей для торговли.

В 1874 г. первый туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман решил отменить зякет и с 1 января 1875 г. распространить на Туркестанский край общеимперский закон от 9 февраля 1865 г. о пошлинах за право

---

[462] Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской области. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. С. 881.

[463] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. §§ 313-329. С. 10.

[464] См.: Там же. С. 47-50.

торговли и других промыслов[465]. Он добился принятия соответствующего правового акта[466]. Закон отменял зякет и в указанный срок вводил в Туркестанском крае в виде временной меры (на 4 года) закон от 9 февраля 1865 г. о пошлинах за право торговли и промыслов. Документ разрешал туркестанским властям изменять закон в связи с местными условиями. Им предлагалось разработать законопроект о пошлинах за право торговли и промыслов в Туркестанском крае и представить в высшие инстанции на рассмотрение и утверждение. По истечении времени действия закона от 3 мая 1874 г. в Туркестанском крае, правительство продлевало его на новый срок[467]. Только в мае 1885 г. царь утвердил «мнение» Государственного совета об окончательном применении к Туркестанскому краю «Положения о пошлинах за право торговли и промыслов[468]. Однако это «Положение», применительно к региону устанавливало следующие изменения и дополнения: 1) к предметам вольного торга относились все вообще произведения местного и домашнего сельского хозяйства. 2) Продажа тканей местного производства происходила повсеместно без пошлин. 3) От платежа пошлин освобождались все сельскохозяйственные заведения, имевшие менее

---

[465] Высочайше утвержденное Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов. 9 февраля 1865 года. // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 41779. С. 157-175.

[466] Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О применении в Туркестанском крае Положения о пошлинах на право торговли и промыслов. 3 мая 1874 года // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 1. СПб., 1876. С. 740.

[467] См.: Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О продлении срока действия в Туркестанском генерал-губернаторстве Положения о пошлинах за право торговли и промыслов. 26 ноября 1877 года. // ПСЗРИ-2. Т. 52. Отд. 2. СПб., 1879. № 57911. С. 276; Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О продлении срока временного действия в Туркестанском Генерал-Губернаторстве Положения о пошлинах на право торговли и промыслов. 2 января 1881 года // ПСЗРИ-2. Т. 55. Отд. 1. СПб., 1884. С. 797; Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О продолжении срока временного действия в Туркестанском крае Положения о пошлинах на право торговли и промыслов. 21 мая 1883 года // ПСЗРИ-3. Т. 3. СПб., 1886. № 1596. С.251; Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О продолжении срока временного действия в Туркестанском крае Положения о пошлинах за право торговли и промыслов. // ПСЗРИ-3. Т. 4. СПб., 1887. С. 567.

[468] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об окончательном применении к Туркестанскому краю Положения о пошлинах за право торговли и промыслов. 20 мая 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 2963. С.227.

16 рабочих и не употреблявшие паровых машин. 4) Розничная торговля разрешалась только купцам 1-й и 2-й гильдии. 5) Купцы 2-й гильдии тоже получали право торговать с ханствами розничным образом, а также содержать в них фабрики и заводы. Вводились и иные, более «мелкие» изменения и дополнения, отражавшие специфику Средней Азии.

В течение ровно двух десятилетий (1868-1888 гг.) в Туркестанском крае допускалась беспошлинная торговля чаем и другими товарами[469]. Чай не был среднеазиатским продуктом, но он ввозился купцами региональных ханств, принося им значительную прибыль. Только в конце 1888 г. свободная торговля чаем в регионе была прекращена[470]. Чай стал облагаться пошлинами. Что касается товаров, произведенных в ханствах, то российское правительство сохранило для них беспошлинную торговлю, но при условии, что купцы должны представлять свидетельства своих властей о местном происхождении товаров[471]. Беспошлинная торговля такими товарами законодательно разрешалась на туркестанских ярмарках[472].

---

[469] См. напр.: Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О допущении беспошлинного потребления в Туркестанском Генерал-Губернаторстве чая, привозимого из Кяхты. 13 декабря 1868 года // ПСЗРИ-2. Т. 43. Отд. 2. СПб., 1873. № 46549. С. 504; Именной, объявленный Сенату за Министра Финансов Товарищем Министра Финансов – О пропуске беспошлинно (кроме соли) среднеазиатских произведений, привозимых в Астрахань через Александровский форт и другие местности Мангышлакского полуострова. 5 марта 1876 года // ПСЗРИ-2. Т. 51. Отд. 1. СПб., 1878. С. 173.

[470] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О прекращении беспошлинного ввоза чая в Туркестанское и Степное Генерал-губернаторства. 27 декабря 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. С. 636-637.

[471] Высочайшее повеление, объявленное бывшим министром финансов – О беспошлинном ввозе в Каспийские порты среднеазиатских товаров по свидетельствам местных начальств. 24 октября 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3976. С. 461; Высочайшее повеление, объявленное Управляющим Министерством Финансов – О пропуске среднеазиатских товаров, следующих в Баку и Астрахань, через Чарджуй и Узун-Ада // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4281. С. 99-100

[472] См. напр.: Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – Об освобождении от платежа пошлин торговцев на Атбашинской ярмарке. 12 октября 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 7122. С. 664; Высочайше утвержденное Положение Комитета министров - Об открытии на реке Каркаре, Семиреченской области двухмесячной ярмарки, освобождением торгующих на оной от платежа пошлин. 29 января 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9288. С. 50; Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об открытии в городе Джаркенте, Семиреченской области ярмарки сроком с 1 октября по 15 ноября и освобождении торгующих на оной от обязанности выбирать ярмарочные билеты и приказничьи на ярмарочный торг

Свободная торговля в Русском Туркестане имела свои законодательные ограничения. Например, в мае 1891 г. был запрещен ввоз опиума в Русский Туркестан[473]. Пресекался вывоз хлопка, признававшийся военной контрабандой[474]. Некоторые запреты носили временный характер и потом отменялись. Так, в 1891-1892 гг. был запрещен вывоз пшеницы из Русского Туркестана в Персию[475]. Однако, по истечении сроков, указанных в законах, такой вывоз возобновлялся. Так же обстояли дела и в других случаях. Например, в июне 1904 г. был временно запрещена продажа верблюдов из Русского Туркестана в Персию[476]. Но через год такой запрет был отменен[477].

В дороссийский период в Средней Азии в торговле соблюдались установления шариата относительно мер и весов. Нарушители строго наказывались. Такие шариатские нормы соблюдались в Русском Туркестане без вмешательства русской власти почти три десятилетия. Только в начале июня 1894 г. был издан закон, обязывавший «туземцев» – купцов 1-й и 2-й гильдий в Туркестанском крае перейти на употребление российских клейменных мер и весов в течение 3-х лет, а всех остальных «туземцев» –

свидетельства. 29 мая 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15465. С. 375; Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – Об открытии в городе Пржевальске, Семиреченской области ярмарки. 25 июня 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 17321. С. 827; Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об учреждении в городе Верном, Семиреченской области двух ярмарок. 4 мая 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20029. С. 301.

[473] Высочайшее повеление, объявленное Министром финансов – О воспрещении ввоза опиума в Закаспийскую область. 10 мая 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7681. С. 248.

[474] Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – О признании хлопка военной контрабандой. 8 апреля 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24312. С. 317.

[475] См.: Именной, Высочайший указ, данный Сенату – О воспрещении вывоза пшеницы из Закаспийской области в Персию. 29 августа 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7954. № 7954. С. 552-553; Именной, Высочайший указ, данный Сенату – Об отмене воспрещения отпуска пшеницы из Закаспийской области в Персию. 30 августа 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8909. С. 567.

[476] Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – О воспрещении временно, впредь до особого распоряжения, вывода и вывоза верблюдов из местностей Туркестанского военного округа за границу Империи. 8 июня 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд.1. СПб., 1907. - № 24757. С. 695-696.

[477] Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – Об отмене воспрещения вывода и вывоза верблюдов из Туркестанского военного округа за границу Российской империи. 6 августа 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 26663. С. 651.

через 5 лет[478]. Закон был продублирован для Закаспийской области в начале 1895 г. с сохранением тех же сроков для торговцев разных категорий[479].

В октябре 1905 г. было учреждено министерство торговли и промышленности, которое стало основным регулятором торговли в Русском Туркестане[480]. К нему перешли соответствующие функции из Военного министерства, МВД, Главного управления мореплавания и портов и др. Однако в Туркестанском крае, где действовало правительственное «Положение» 1886 г., торговая деятельность во многом регулировалась местными военными властями, учитывающими региональную специфику в торговых операциях. Существенную роль в данном отношении играло то обстоятельство, что министерство торговли и промышленности не имело никакого влияния в среднеазиатских ханствах – Бухарском и Хивинском, тогда как воздействие на них туркестанской администрации во всех сферах, не исключая, понятно, и торговой, часто имело решающее значение. Вместе с тем, на правительственном уровне новое министерство продвигало решения, обязательные для исполнения туркестанской администрацией[481].

Изменение характера торговли со Средней Азии проявилось только в Русском Туркестане, так как Бухарское и Хивинское ханства в сфере торговли сохраняли самостоятельность. Коммерческие отношения с ними регулировались российско-бухарскими договорами 1868 и 1873 гг. и российско-хивинским договором 1873 г. Передвижение товаров из России в ханства и наоборот было свободным. Вместе с тем, в торговле с ханствами

---

[478] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об обязательном употреблении в Туркестанском крае российских клейменных мер и весов. 3 июня 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10720. С. 365-366.

[479] См.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об обязательном употреблении в Закаспийской области российских клейменных мер и весов. 23 января 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11297. С. 46.

[480] См.: Именной, Высочайший указ, данный Сенату – Об учреждении Министерства торговли и промышленности. 27 октября 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 26851. С. 774-775.

[481] См. напр.: Особый журнал Совета министров от 8 декабря 1909 года – Об установлении особого сбора с хлопка, поступающего на русский внутренний рынок из пределов Средней Азии и Закавказья // Особые журналы Совета министров Российской империи. (1909-1917 гг.) 1909 год. М., 2000. С. 481.

большую роль играли таможни. Как известно, они подчинялись Министерству финансов. Однако в Русском Туркестане их не было в течение двух десятилетий, как, впрочем, не было и пограничников, тоже подчиненных указанному ведомству. Исследователь О.В. Некрасов пишет о том, что в этот период «таможенная часть в Средней Азии находилась в ведении военной администрации Русского Туркестана»[482]. Он отмечает, что в регионе «работали таможенные отделы во главе со старшими и младшими помощниками, а также надзиратели переходных пунктов»[483]. Они подчинялись командирам пограничных подразделений, подведомственным военному министерству, поскольку, как отмечают авторитетные специалисты, «до 1894 г. в Средней Азии границу области (Закаспийской – И.В.) и Туркестанского края охраняли регулярные войска, главным образом, пехота и казаки»[484]. Военные таможенники взимали торговые пошлины, которые вносились в так называемый «запасной капитал». В мае 1889 г. решением Государственного совета он был перечислен в фонд Департамента таможенных сборов министерства финансов[485]. Таможенный надзор был официально учрежден в Туркестанском крае в начале мая 1886 г., однако только в лице специалиста Министерства финансов в качестве чиновника особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе. В п. III закона от 2 мая 1886 г. отмечалось, что на это должностное лицо возлагается: «а) руководство действиями местных установлений и властей по взиманию таможенных сборов, а также действиями пограничной стражи»[486]. Но этот чиновник, пребывая в когорте советников туркестанского генерал-

[482] Некрасов О.В. Русские пограничники на «Крыше мира»: конец XIX – начало XX в. (По архивным, правовым и иным материалам): монография. М., 2017. С. 41.
[483] Там же.
[484] На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий очерк. М., 1998. С. 247
[485] Высочайше утвержденное Мнение Департамента Государственной Экономии Государственного совета – О причислении запасного фонда в Туркестанском крае к специальным средствам Таможенного ведомства. 23 мая 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6045. С. 238.
[486] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об устройстве таможенного надзора в Туркестанском крае. 2 мая 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3663. С. 169.

губернатора, должен был регулярно обо всем доносить в Департамент таможенных сборов Министерства финансов. В мае 1888 г. был принят закон о формировании таможенной стражи в Туркестанском крае, ее обмундировании, вооружении, службе и т.п.[487]. В начале 1889 г. был издан идентичный документ об устройстве таможенной стражи в Закаспийской области, которая тогда не входила в состав Туркестанского генерал-губернаторства (края)[488]. Летом 1890 г. одновременно были утверждены законы об образовании Туркестанского таможенного округа и служебных правах его сотрудников[489]. Пункт I закона от 12 июня 1890 г. указывал: «Учредить Туркестанский и Семипалатинский таможенные округа, подчинить начальнику первого из сих округов таможенные учреждения и пограничный надзор в Туркестанском генерал-губернаторстве, в Закаспийской области и в южной части Семиреченской области, а начальнику Семипалатинского округа – таможенные учреждения и надзор в Томской губернии, Семипалатинской области и в восточной части Семиреченской области»[490]. Таким образом пограничный надзор в Средней Азии частично относился к западносибирскому руководству (восточная часть Семиречья). В этом не было ничего удивительного, поскольку Семиреченская область тогда входила не в состав Туркестанского края, а Степного генерал-губернаторства. Закон упразднял учрежденную 2 мая 1886 г. должность чиновника особых поручений по таможенной части при

---

[487] Высочайшее повеление, объявленное за Министра финансов Товарищем Министра – О вооружении таможенной стражи в Туркестанском крае и таможенных досмотрщиков. 13 мая 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. С. 215.

[488] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об устройстве таможенной части в Закаспийской области // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. С. 36.

[489] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении Туркестанского и Семипалатинского таможенных Округов. 12 июня 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 6933. С. 530-531; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О служебных правах чинов таможенных учреждений в Туркестанском крае. 12 июня 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 6932. С. 529-530.

[490] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении Туркестанского и Семипалатинского таможенных Округов. 12 июня 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 6933. С. 530.

туркестанском генерал-губернаторе[491]. Закон от 8 июня 1893 г. указывал: «Заведывание таможенными учреждениями в Закаспийской области, на правах начальника таможенного округа, возлагается на лицо, назначаемое министром финансов. Отношение сего лица к начальнику Области определяется по соглашению министров финансов и военного, применительно к постановлениям об отношениях начальников отдельных частей в Туркестанском крае к местному генерал-губернатору»[492].

В 1894 г. был издан закон, включивший Бухарское ханство в единую российскую таможенную систему[493]. Он учредил Асхабадскую и Бухарскую таможни. Указывалось: «Для заведывания пограничным надзором и таможенными учреждениями в Закаспийской области образовать Управление Закаспийского таможенного округа»[494]. «Пограничный надзор и таможенные учреждения на побережье рек Пяндж и Аму-дарьи, а также Бухарскую таможню подчинить начальнику Туркестанского таможенного округа»[495]. Вскоре законодатель указал, «чтобы открытие действий всех учреждений вновь образованного таможенного надзора в Средней Азии, возможно одновременное, было начато не ранее 1 сентября 1894 года»[496].

В конце 1896 г. Государственный совет внес некоторые изменения в устройство таможенной части в Средней Азии. Закон дополнил «Таможенный устав» новым положением: «Министру финансов предоставляется, по соглашению с Военным министром, а в подлежащих случаях и с Министром иностранных дел, открывать новые таможенные учреждения в Закаспийском и Туркестанском таможенных округах, а также

---

[491] См.: там же. С. 531.

[492] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об устройстве Таможенной Части в Закаспийской области. 8 июня 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. Отд. 1. СПб., 1897. № 9745. С.420.

[493] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об устройстве таможенной части в Средней Азии. 6 июня 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10774. С. 434-435.

[494] Там же. С. 434.

[495] Там же. С. 434-435.

[496] Высочайшее повеление, объявленное министром финансов – Об открытии действий вновь образуемых таможенных учреждений в Средней Азии с 1 сентября 1894 года. 15 июля 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10908. С. 542.

усиливать и сокращать их состав и изменять места расположения существующих там таможенных установлений»[497]. Летом 1899 г., по представлению министра финансов С.Ю. Витте, Государственный совет упразднил Закаспийский и Семипалатинский таможенные округа. Пункт II закона от 4 июня 1899 г. гласил: «Таможенные учреждения, входящие в состав упраздняемого Закаспийского округа, подчинить Управлению Туркестанского округа»[498]. Учреждение органов таможенного надзора в крае способствовало усилению контроля над всей среднеазиатской внешней торговлей, которая стала более организованной, упорядоченной и ответственной. Суммы таможенных сборов год от года неуклонно повышались, принося существенные доходы в государственную казну.

Российский исследователь С.Н. Абашин пишет о том, что «объемы российско-центральноазиатского товарооборота были в десятки раз меньше товарооборота Англии с Индией». По его мнению, «это еще раз говорит о том, что экономическое проникновение России в Центральную Азию не было по-настоящему значимым с точки зрения возникновения единого хозяйственного пространства»[499]. На наш взгляд, это, мягко говоря, сомнительный вывод. Англия и Индия не составляли территориально единого хозяйственного пространства, тогда как Россия и Средняя Азия были его реальными торговыми субъектами. Исследователь Э.С. Кульпин справедливо отмечает: «Отличие России от других колониальных империй Европы XIX – начала XX века в непрерывной протяженности пространства. Это жизненное пространство как бы было предназначено для создания единого хозяйственного организма»[500]. Современное состояние

---

[497] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О некоторых изменениях в устройстве таможенной части в Средней Азии. 23 декабря 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 13575. С. 802-803.

[498] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О преобразовании таможенного надзора в Туркестанском крае, Закаспийской и Семипалатинской областях и по границе Томской губернии с Китаем. 4 июня 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд.1. СПб., 1902. № 17054. С. 618.

[499] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 135.

[500] Кульпин Э.С. Россия в евразийском пространстве // Вестник Евразии. 1996. № 1 (2). С. 152.

экономических отношений между Россией и странами «Центральной Азии» свидетельствует о стремлении вернуть то единое экономическое пространство, фундамент которого сложился не после присоединения Средней Азии к России, а значительно ранее.

Таким образом, торгово-экономические связи царской России со Средней Азией имели достаточно глубокую историю. Они развивались на одном пространстве Евразии, где обе стороны процесса соседствовали друг с другом. Их разная цивилизационная принадлежность не препятствовала успешному сотрудничеству. Указанные связи были взаимовыгодными, формируя единую сеть торговых отношений в регионе. До присоединения Средней Азии к царской империи степень цивилизационного влияния России на региональное население через торгово-экономические контакты была незначительной, однако отрицать это обстоятельство трудно. Приобретая российские товары, оценивая их качество, сравнивая их со своими изделиями, слушая тех, кто по торговым делам посещал Россию, у среднеазиатского обывателя складывалось впечатление о далекой и чужой стране. Поэтому появление России в регионе и установление ее протектората над местными ханствами не стало неожиданностью для коренного населения Средней Азии. В последующем торгово-экономические связи получили дополнительные импульсы развития, поскольку они были упорядочены, в том числе законодательным образом и приобрели новый цивилизационный характер через учреждение и деятельность соответствующих российских установлений – введения торгово-промысловых свидетельств, клейменных мер и весов, таможен и др. Совершенно очевидно, что усвоение «туземным» населением российских торгово-экономических правил оказывало на него существенное цивилизационное влияние. В советский период оно еще более усилилось, в связи с чем в настоящее время интеграционные процессы в торгово-экономическом сотрудничестве Российской Федерации со странами «Центральной Азии» проходят в относительно облегченных условиях.

3.2. Индустриальное и аграрное развитие в Русском Туркестане

То, что до прихода России в Среднюю Азию экономика региона была крайне отсталой можно считать аксиомой. Ее стагнация во многом объяснялась тем, что турки в середине XV в. перерезали торговые связи Средней Азии с Европой, перекрыли «шланг» Великого Шелкового пути. В результате, Туркестан оказался в стороне от мировой экономической жизни и стал погружаться в трясину средневековья и феодальных форм жизни. Рихард Юнге писал: «Если бы крестьянину даже и пришло бы в голову взяться за улучшение своих орудий, своей техники, или заняться какой-нибудь специальной культурой, излишек в один прекрасный день так или иначе все равно был бы забран чиновниками хана»[501]. Однако, как мы отмечали, несмотря на свою технологическую отсталость, экономика Средней Азии в дороссийский период в целом была самодостаточной и удовлетворяла потребностям коренного населения региона.

Авторитетные специалисты пишут о том, что своеобразие географических условий издревле определило формирование в регионе «Центральной Азии» двух основных культурно-хозяйственных типов – земледельческого-оседлого (ирригационного и «богарного») и «скотоводческого (кочевого, полукочевого и оседлого)»[502]. «Сосуществование и соперничество двух типов социально-экономического устройства и уклада жизни (оседлого, связанного с оазисами и кочевого, связанного со степью и пустынями) предопределяло исторический процесс в Центральной Азии… кочевой и оседло-земледельческий хозяйственно-культурные типы дополняли друг друга, обменивались продуктами

[501] Цит. по: Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана). Оксфорд, 1985. С. 43.
[502] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 15.

производства и часто вступали в кооперацию»[503].

Присоединение Средней Азии к России фактически совпало с ее вступлением на путь капиталистической модернизации страны. «Великие» и малые реформы императора Александра II были направлены на всестороннее обеспечение ее успешного развития. Естественно, что буржуазная модернизация империи должна была в той или иной мере повлиять на ее национальные окраины, в том числе на присоединяемую Среднюю Азию. Естественно, что она не могла сразу же вызвать существенные изменения в экономической жизни населения региона. Российское правительство относилось осторожно к сложившимся веками формам хозяйственного существования «туземцев» и не вмешивалось в него. Однако экономический прогресс, привнесенный Россией в жизнь коренного населения региона, со временем ломал многовековые стереотипы и порождал новые формы и обстоятельства его экономического развития. Из этого следует концептуальный вывод о том, что цивилизационная политика царской России в Средней Азии положила начало широкомасштабной модернизации основных сфер жизни многонационального коренного населения региона.

Важнейшим условием экономического перерождения Средней Азии стало появление в регионе российских железных дорог. Они стали «красной нитью» проникновения в Туркестан капиталистических отношений и качественно новой цивилизации. Планы железнодорожного строительства в направлении Средней Азии разрабатывались еще до ее присоединения к Российской империи. Дореволюционный исследователь П. Зенков указывал, что еще 29 октября 1859 г. на «Высочайшее» имя был представлен «всеподданнейший» доклад Главного управления путей сообщения об устройстве железнодорожного сообщения между Азовским и Каспийским морями по рекам Манычу и Куше[504]. Проект был рассмотрен, однако отвергнут как весьма затратный и трудновыполнимый.

---

[503] Там же. С.15-16.

[504] Зенков П. Туркестанская железная дорога в связи с другими экономическими вопросами края. М., 1881. С. 9.

Присоединение Средней Азии к России подхлестнуло подачу проектов о соединении внутренних регионов России железнодорожными путями с Туркестаном в интересах не только экономических, но и военно-стратегических. Было составлено несколько проектов проведения железной дороги в Среднюю Азию. В 1870-х гг. генерал-губернатор Туркестанского края К.П. Кауфман возбудил ходатайство перед Министерством путей сообщения о скорейшем сооружении железной дороги в Среднюю Азию и поручил генерал-майору Безносикову произвести исследование линии для нее. В 1874 г. специальная правительственная комиссия в Оренбурге рассмотрела ряд проектов железной дороги в Среднюю Азию и признала необходимой постройку железнодорожной линии Оренбург-Ташкент. Однако позже, исходя из стратегических интересов, решение было изменено – первая стальная магистраль должна была соединить Ташкент с восточным побережьем Каспийского моря. Военные действия в Туркмении, послужили толчком для начала в ноябре 1880 г. строительства Закаспийской военной железной дороги. Через пять лет, военные строители достигли Ашхабада, а в 1886 г. – Чарджоу. В мае 1888 года, когда был возведен деревянный мост через Амударью, открылось движение до Самарканда. В 1899 г. дорога достигла Ташкента. Одновременно был построен и участок от станции Урсатьевская в Ферганскую долину. Важно отметить, что Закаспийская военная железная дорога (ЗВЖД) строилась на средства военного министерства и в нее были вложены огромные средства. Соответственно, ЗВЖД находилась не в ведении министерства путей сообщения, а – отдела перевозки людей и грузов Главного штаба.

Безусловно, постройка Закаспийской военной железной имела огромное цивилизационное влияние на коренное население Средней Азии. Несмотря на первичные страх и удивление, «туземцы» региона быстро освоили возможности нового вида транспорта и высоко оценили его способность быстрой доставки людей и грузов. Кроме того, на сооружении ЗВЖД работали преимущественно вольнонаемные рабочие из переселенцев

(русские, украинцы, белорусы, немцы и др.) и солдаты. Вместе с тем, ежегодно к строительству дороги привлекались тысячи сезонных рабочих из числа коренного населения Средней Азии – узбеки, таджики, туркмены и др., а также персы. В ходе ее сооружения происходил перманентный процесс межцивилизационного взаимодействия, обогащавший как «пришлых» работников, так и коренных жителей. Многие «туземные» рабочие в трудовом процессе осваивали русский язык. Это позволяло им осваивать в процессе строительства дороги новые для себя специальности, а в последующем, при эксплуатации дороги, привлекаться к ее обслуживанию в качестве обходчиков, охранников, грузчиков, арбакешей (возчиков) и др. Как железнодорожники они со временем усваивали также многие черты русского быта. «Постройка этой дороги обошлась в 79 миллионов 200 тысяч рублей»[505]. Известный российский путешественник П.П. Семенов-Тяньшанский писал: «Бесспорно, что почти еще нигде на земном шаре не приходилось пересекать железною дорогой таких больших протяжений песчаных пустынь, как в Закаспийской области. Борьба железнодорожных строителей с песками в Новой Калифорнии и Алжирии не имела таких грандиозных размахов, как на каспийском побережье и в особенности между Мервским оазисом и Аму-Дарьею»[506]. Постройка ЗВЖД вызвала недовольство англичан, расценивших ее как «угрозу» Британской Индии. Они стали укреплять свои коммуникации в Пешаваре и Кветте, проводить к ним стратегические железные дороги.

О строительстве железных дорог в Средней Азии написано немало. В каждой из академических «историй» республик Средней Азии и Казахстана приводятся сведения по данному поводу[507]. Проблеме железных дорог в Средней Азии посвятили параграф современные российские авторитетные

[505] История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Алма-Ата, 1949. С. 360.
[506] История таджикского народа. Т. II. М., 1964. С. 149.
[507] См. напр.: История Киргизской ССР. Т.2. Фрунзе, 1986. С. 153-154; История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент, 1968. С. 60-62; История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Алма-Ата, 1949. С. 360-361.

авторы[508]. Однако общим недостатком фактически всех сочинений по этой проблеме является их слабое нормативно-правовое обеспечение, положенное, как отмечалось, в основу всего нашего исследования. Одним из вопросов, не получившим должной научно-исследовательской рефлексии, является предоставление земель под железнодорожное строительство в регионе. Буржуазная историография писала о том, что эти земли захватывались царским правительством, без согласия коренного населения Средней Азии, то есть наносило удар по коренным основам его традиционной цивилизации. Сегодня этот мотив перепевают националистически ориентированные историки некоторых стран региона. Законодательные документы доказательно свидетельствуют об ином. Важно подчеркнуть, что изъятие земель под строительство железных дорог в царской России осуществлялось только на основании «именных» царских указов. В начале 1887 г. император Александр III подписал документ об отчуждении частных земель и имуществ под постройку Самаркандского участка, Закаспийской военной железной дороги[509]. В законе отмечалось, что изъятие земель под такое строительство надо осуществлять на основе имеющихся узаконений «об имуществах, отходящих из частного владения по распоряжению правительства»[510]. В начале июня 1895 г. новый царь Николай II именным указом разрешил отчуждать земли и имущества для устройства железнодорожной линии от Самарканда до Андижана, Закаспийской железной дороги[511]. Пояснялось, что владельцам отчуждаемых земель надо платить по существующим правилам, отчужденные земли описать и действовать на основании статей 594-й и 595-й

[508] См.: Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 143-145.
[509] Именной, данный Военному Министру – Об отчуждении частных земель и имуществ под постройку Самаркандского участка Закаспийской военной железной дороги. 26 января 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4189. С. 22.
[510] Там же.
[511] Именной, Высочайший указ, данный министру путей сообщения – Об отчуждении земель и имуществ для устройства железнодорожной линии от Самарканда до Андижана, Закаспийской железной дороги. 5 июня 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11791. С. 392.

«Законов гражданских»[512]. Указанные статьи позволяли с «высочайшего соизволения» отчуждать частновладельческие имения в государственных интересах, но с материальным возмещением изъятого из казны[513]. Приведенные нормативно-правовые акты свидетельствовали об изъятии земель без указания их площади – предполагалось, что ее определят сами железнодорожные строители. Однако часто в такого рода документах указывались точные размеры отчуждаемых земель. Так, в конце февраля 1897 г. последовал царский указ об отчуждении земель и других имуществ, потребных для сооружения Ташкентской и Ново-Маргиланской ветвей Самарканд-Андижанской железнодорожной линии, а также подъездных шоссейных путей к станциям Джизак, Коканд и Ходжент той же дороги[514]. Отмечалось, что под строительство Ташкентской «ветви» отчуждалось до 843 десятин, Ново-Маргиланской – до 75 десятин, а для подъездных шоссейных путей к станциям Джизак, Коканд и Ходжент Закаспийской военной железной дороги – до 60 десятин. Подтверждалось, что изъятие земель должно производиться на основании статей 594 и 595 «Законов Гражданских». В мае того же года царским указом были изъяты из владений города Мерва и частных лиц в Закаспийской области до 160 десятин земли под устройство Мургабской «ветви» Закаспийской военной железной дороги[515]. В феврале 1900 г. Николай II издал указ о дополнительном отчуждении земельных участков для потребностей строительства Мургабской ветви, Закаспийской железной дороги[516]. Документ отмечал, что

---

[512] Там же.

[513] См.: Законы гражданские // Свод законов Российской империи. Т. 10. СПб., 1900. С. 38.

[514] Именной, Высочайший указ, данный Министру путей сообщения – Об отчуждении земель и других имуществ, потребных для сооружения Ташкентской и Ново-Маргиланской ветвей Самарканд-Андижанской железнодорожной линии, а также подъездных шоссейных путей к станциям Джизак, Коканд и Ходжент той же железной дороги. 24 февраля 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 13778. С. 84.

[515] Именной Высочайший указ, данный Военному министру – Об отчуждении земель под устройство Мургабской ветви Закаспийской военной железной дороги. 29 мая 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14174. С. 330.

[516] Именной, данный Военному министру – О дополнительном отчуждении земельных участков для потребностей Мургабской ветви Закаспийской железной дороги. 21 февраля 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18177. С. 106.

для этого от станции Мерв до Кушкинского поста требуется занять дополнительно до 257 десятин земли. Следует отметить, что указанная дорога к тому времени уже перестала быть военной, поскольку была передана из подчинения военному министерству в ведение министерства путей сообщения[517]. Вышеприведенные отчуждения были относительно небольшими по площади. Однако, когда правительство приступило к строительству железной дороги из Оренбурга в Ташкент, то потребовались значительные изъятия земель. На основании царского указа от 8 июня 1901 г. под него было отчуждено свыше 20 тыс. десятин[518]. Естественно, что за все земли казна заплатила их владельцам по установленным кадастровым тарифам. В 1908 г. для сооружения ширококолейной железнодорожной линии от станции Коканд до города Намангана, Ферганской области было изъято у населения до 750 десятин[519]. В 1912 г. правительство приступило к сооружению Семиреченской железной дороги и в конце мая того же года последовал царский указ об отчуждении для сооружения ширококолейной железнодорожной линии от станции Арысь, Ташкентской железной дороги до города Пишпека, Семиреченской области до 5000 десятин земли с вознаграждением владельцев на основании «Законов гражданских»[520]. В июле 1913 г. был издан закон об отчуждении 465 десятин земли для сооружения в Ферганской области ширококолейных железнодорожных линий[521]. Понимая цивилизационное значение железных дорог для развития

---

[517] Высочайшее повеление, объявленное Министром путей сообщения – О передаче Закаспийской железной дороги в ведение Министерства путей сообщения. 18 декабря 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 16256. С. 1090.

[518] Именной, Высочайший указ, данный Министру путей сообщения – Об отчуждении земель и имуществ, потребных для сооружения Оренбургско-Ташкентской железной дороги. 8 июня 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20308. С. 599.

[519] Именной, Высочайший указ, данный Сенату – Об отчуждении земли для сооружения ширококолейной железнодорожной линии от станции «Коканд» до города Намангана, Ферганской области. 14 июля 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30818. С. 514.

[520] Именной, Высочайший указ, данный Сенату – Об отчуждении земли для сооружения ширококолейной железнодорожной линии общего пользования от станции Арысь, Ташкентской железной дороги до города Пишпека, Семиреченской области. 28 мая 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 37142. С. 486.

[521] Именной, Высочайший указ, данный Сенату – Об отчуждении земли для сооружения в

экономики, при организации Бухарской железной дороги «Его Высочество Эмир выразил согласие даровать безвозмездно необходимые для проведения линий земли, в количестве 6000 десятин, и принять на себя в случае образования общества Бухарской железной дороги одну четвертую часть расходов, могущих потребоваться от империалистического правительства по гарантии выпускаемых означенным обществом облигаций»[522].

В течение четверти века Закаспийская железная дорога была единственной магистралью во всем Туркестане. Рубеж XX в. ознаменовался началом строительства Оренбургско-Ташкентской железной дороги. В апреле 1904 г. она была соединена с Оренбургской «ветвью» Самаро-Златоустовской магистрали под общим названием «Ташкентской железной дороги»[523]. Однако в полное действие она вступила только в 1906 г., поскольку на ее окончание, особенно в южной части, не хватало средств, что требовало от государственной казны дополнительного финансирования[524].

Железные дороги послужили толчком к цивилизационному преобразованию экономики Средней Азии, способствуя ускорению превращения натурального хозяйства в товарно-денежное, приобщению Средней Азии к российской капиталистической экономике. В 1891 г. из региона было вывезено грузов по ЗВЖД в Европейскую Россию 4.497 тыс. пуд., а в 1892 г. – 4.718 тыс. пуд. Влияние Закаспийской железной дороги было не менее значимым для роста ввоза в Среднюю Азию российских товаров. С 670 тыс. пудов за 1891 г. он достигает к 1898 г. 1 млн. пуд., а к

Ферганской области ширококолейных железнодорожных линий. 12 июля 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 39885. С. 814.

[522] Обзор деятельности второго департамента Государственного совета по рассмотрению дел о частных железных дорогах за время с 1906 по 1913 гг. СПБ. 1914. С. 253-254.

[523] Высочайшее повеление, объявленное Министром путей сообщения – О соединении Оренбургской ветви Самаро-Златоустовской железной дороги с Оренбургско-Ташкентской железной дорогой под общим названием «Ташкентской железной дороги». 16 апреля 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24373. С. 356.

[524] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об отпуске из государственного казначейства средств на покрытие перерасходов по постройке Вологда-Вятской, южной части Оренбург-Ташкентской и Улуханлу-Джульфинской железных дорог. 21 июня 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33862. С. 827.

1903 г. – 1 млн. 300 тыс. пудов. С постройкой Ташкентской железной дороги объемы перевозимых грузов из Средней Азии в Россию еще более возросли.

Как отмечалось, железные дороги в царской России строились за счет государственных средств, что обходилось казне в огромные суммы. В июне 1905 г. на объединенном заседании правительства и Государственного совета были разработаны и узаконены меры по привлечению частных капиталов в дело железнодорожного строительства в России[525]. Принятый закон распространялся и на сооружение магистралей в Средней Азии. Следует отметить, что перед революцией 1917 г. в регионе протяженность железнодорожных линий составляла 5284,5 км. Из них были две казенные железные дороги: Ташкентская – протяжением в 1852 км. и Среднеазиатская – 2568,8 км; а также три частных железных дорог: Ферганская – протяжением в 273 км., Бухарская – 450 км. и Семиреченская – 79,1 км. Кроме того, в Ферганской долине было 60,8 км. частных подъездных путей к хлопкоочистительным и маслобойным заводам.

Весной 1907 года на имя министра торговли и промышленности была подана декларация влиятельной группы московских мануфактуристов товариществ «Эмиль Циндель», Викулы Морозова, Н. Полушина, И. Коновалова, Ярославской большой мануфактуры, Альберта Гюбнера и др., желавших участвовать в железнодорожном строительстве. «Бесспорно, ресурсы казны ввиду событий последних лет, крайне истощены, – отмечалось в документе, – но, с другой стороны, нельзя откладывать в дальний ящик столь важный вопрос, а посему необходимо привлечение к этому делу частной инициативы и капиталов»[526]. Руководствуясь законом от 10 июня 1905 г., правительство пошло навстречу этой группе предпринимателей. Следуя соответствующим государственным установлениям, она составила устав акционерного общества по строительству железной дороги между

[525] Высочайше утвержденное Положение Соединенного присутствия Комитета министров и Департамента Государственной экономии Государственного совета – О мерах к привлечению частных капиталов в дело железнодорожного строительства в России. 10 июня 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 26385. С. 447-448.
[526] Труды хлопкового комитета при М.З., т. III, СПб. 1911.

Кокандом и Наманганом, который получил законодательное утверждение в апреле 1910 г.[527] В итоге, в 1912 г. открылось движение по частной линии Коканд-Наманган протяженностью в 89,6 км. В июле 1913 г. был издан закон о предоставлении обществу Коканд-Наманганской железной дороги правительственного разрешения сооружения новых магистральных линий[528]. К началу октября 1917 г. общая протяженность частных железных дорог в Туркестане достигла 863 км.

Определяющую роль в частном железнодорожном строительстве в Средней Азии сыграли акционерные железнодорожные общества, финансируемые банковским капиталом. В этом отношении наиболее значительный вклад в сооружении частных стальных магистралей в Туркестане внес Русско-Азиатский банк, учрежденный в июне 1910 г.[529] Он возник на базе слияния Русско-Китайского и Северного банков с новым уставом. Общий капитал банка устанавливался в 35 млн. руб. Банку разрешалось выпускать акции, 1/4 которых оставалась у учредителей. Закон отмечал, что Русско-Азиатскому банку разрешается приобретать недвижимые имущества в Туркестанском крае[530]. Особенно большое внимание правительство уделяло строительству железной дороги в сторону Семиреченского региона важного как в экономическом, так и военно-стратегическом отношении (граничил с Китаем). Решить эту задачу предполагалось посредством широкого привлечения именно частного

---

[527] См.: Высочайше утвержденное Положение Второго департамента Государственного совета – Об утверждении нового Устава общества Кокандо-Наманганской железной дороги. 13 апреля 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33356. С. 508; Высочайше утвержденный Устав общества Коканд-Наманганской железной дороги. 13 апреля 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33357. С. 509-528.

[528] Высочайше утвержденное Положение Второго департамента Государственного совета – О предоставлении обществу Коканд-Наманганской железной дороги сооружения новых линий и об обращении подъездного пути частного пользования Чин-абад – Андижан в путь общего пользования и об утверждении дополнения к Уставу общества Коканд-Наманганской железной дороги и условий эксплуатации подъездного пути Чин-абад-Андижан. 12 июля 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 39888. С. 839-848.

[529] Высочайше утвержденное Положение Совета министров – Об учреждении акционерного коммерческого банка под наименованием «Русско-Азиатский банк». 14 июня 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33788. С. 787-789.

[530] Там же. С. 789.

капитала. В конце мая 1912 г. был утвержден Устав Семиреченской железной дороги[531]. Государство обеспечивало надзор за деятельностью частных железных дорог в Средней Азии. Так, в начале августа 1913 г. была учреждена Инспекция по наблюдению за строительством Семиреченской железной дороги[532]. Таким образом, частное российское железнодорожное строительство в Средней Азии получило определенное развитие, однако оно не стало решающим фактором в формировании магистральной инфраструктуры в этом регионе. Ее «становым хребтом» оставались государственные железные дороги.

Строительство российских железнодорожных коммуникаций в Средней Азии имело огромное значение как военно-стратегическое, так и экономическое. Факты свидетельствуют о том, что царская Россия не зря потратила свыше 400 млн. руб. на проведение железных дорог в Туркестане. Они сыграли огромную цивилизационную роль в подъеме региональной экономики в царский и советский периоды, и продолжают служить народам Средней Азии и в данное время. К сожалению, власти постсоветских государств, так называемой «Центральной Азии», их националистически ориентированная историография забывают об этом и представляют железные дороги в регионе как нечто само собой разумеющееся, присущее им испокон веков. Они не хотят признавать того очевидного факта, что стальные магистрали появились их странах благодаря России и стали одним из наиболее ярких подтверждений ее огромной цивилизационной роли в модернизации экономической и иной жизни народов Средней Азии.

Строительство железных дорог в Туркестане резко стимулировало развитие хлопководства в Средней Азии, что было естественным результатом цивилизационного прогресса, привнесенного Россией в экономику региона.

---

[531] Высочайше утвержденный Устав Семиреченской железной дороги. 28 мая 1912 года. // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 37154. С. 524-545.

[532] Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – Об утверждении временного штата Инспекции за постройкой Обществом Семиреченской железной дороги железнодорожной линии Арысь-Пишпек. 2 августа 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 40041. С. 1019.

Так, в Самаркандской области за 4 года после проведения железной дороги посевные площади под хлопчатником увеличились более чем в 3 раза – с 7980 десятин в 1888 г. до 24844 десятин в 1892 г.[533] В Ферганской области только за один год после проведения железной дороги посевные площади хлопчатника увеличились почти на 50 тыс. десятин[534]. В 1895-1897 гг. во всей Средней Азии (вместе с Хивой и Бухарой) было произведено 5 млн. пудов хлопка, а в начале 1900-х гг. в одной только Ферганской долине ежегодно собиралось от 11 до 13 млн. пудов хлопка, причем, если в Ферганской области до проведения железнодорожной линии большая часть производимого хлопка потреблялась на месте (в 1894 г. – 50 %, в 1895 г. – более 40 %), то уже с начала 1900-х гг. весь урожай хлопка после очистки на заводах шел в Россию. Такое же положение было и во многих других районах Русского Туркестана, превратившихся в узкоспециализированные – в 6 уездах края под хлопчатник отводилось до 100 % посевных площадей, в 13 уездах от 90 до 80%, в 16 – от 75 до 60%[535]. Сходная ситуация была характерна и в находившихся под российским протекторатом Бухарском и Хивинском ханствах. Царское правительство хотело превратить хлопок в ту монокультуру, которая вытеснит даже производство хлеба и станет стержнем всей экономики Средней Азии. Главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин писал: «Каждый пуд туркестанской пшеницы – конкуренция русской и сибирской пшенице; каждый лишний пуд туркестанского хлопка – конкуренция американскому хлопку. Поэтому лучше дать краю привозной, хотя и дорогой хлеб, но освободить в нем орошенные земли для хлопка»[536]. Поэтомуцарское правительство стремилось расширить посевные площади преимущественно под распространение американских сортов хлопка, более доходных, чем местные.

Проведение железных дорог в Туркестане содействовало развитию не

---

[533] ЦГА РУ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 222. Л.5.
[534] Обзор Ферганской области за 1899 г. Маргелан, 1901. С. 148.
[535] ЦГА РУ. Ф.1. Оп. 12. Д. 1787. Л. 57.
[536] История таджикского народа. Том II. М., 1964. С. 144.

только аграрного сектора в его экономике, но и фабрично-заводской промышленности. Непосредственно со строительством железной дороги связано создание железнодорожных мастерских. Наиболее крупные из них находились в Ташкенте и Кизил-Арвате. Мастерские были также в Красноводске, Казанджике, Ашхабаде, Мерве, Фарабе, Самарканде, Коканде и др. Развивалась и местная индустрия, носившая ранее кустарный характер. В ней стало появляться все больше предприятий капиталистического типа. Это было следствием цивилизационного влияния России. Но развитие местной промышленности Туркестана носило односторонний характер: она занималась первичной обработкой сырья. С.Н. Абашин пишет о хлопкоочистительных заводах, маслобойных предприятиях, нефтедобыче, угледобыче, добыче соли, производстве серы, золота, меди и др., о развитии кожевенной, мыловаренной, мукомольной и иной промышленности[537].

Известно, что до проведения железных дорог в регионе хлопок очищался кустарным способом и на российские текстильные фабрики попадал засоренным (песком, пылью, семенами и т.п.), что требовало его вторичной обработки, причем, отходы составляли в среднем 35%. Когда же вывоз хлопка приобрел широкие размеры, потребовалась более тщательная и быстрая обработка его, чтобы не загружать транспорт бесполезным грузом. Это обусловило возникновение заводской первичной обработки хлопка на месте. Особенно быстро развивалась хлопкоочистительная промышленность в наиболее развитых районах хлопководства. Например, в Ферганской области в 1880 г. было всего два хлопкоочистительных завода, в 1901 г. – 100, в 1910 г. – 147. Почти на каждой железнодорожной станции имелись хлопкоочистительные заводы. Первичная обработка хлопка была доминирующей отраслью в среднеазиатской промышленности. Авторитетные специалисты пишут о том, что «развитие промышленности в Центральной Азии было напрямую связано с развитием хлопководства. Иначе говоря, развивались те отрасли, которые обслуживали хлопковое

[537] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 152.

производство»[538]. Это так, поскольку, кроме хлопка, вывозилось также: растительное (хлопковое) масло – например, в 1914 г. из края в Россию было отправлено уже 2,5 млн. пудов хлопкового масла[539].

Вместе с тем, развивалась не только промышленность, связанная с хлопководством. Экономический прогресс в Русском Туркестане затронул и другие индустриальные сферы. Так, с конца 1870-х гг. до 1911 г. общий объем добычи угля в крае возрос с 400 тыс. пуд. до 3,5 млн. пуд.[540] Причем, расширялась разработка месторождений, которые находились, вблизи железной дороги, или же имели подъездные пути к ней. Крупнейший нефтепромысел Туркестана, принадлежавший обществу «Чимион», давал в начале XX в. около 3 млн. пудов нефти в год, обслуживая исключительно нужды железных дорог. Оно же имело единственный в Средней Азии нефтеперерабатывающий завод, расположенный на одной из станций Среднеазиатской железной дороги. Разработка других полезных ископаемых – свинца, меди и др. была менее успешной. Железнодорожное строительство в Туркестане не могло не повлиять и на такой сектор экономики края, как ремесло, что отмечалось исследователями[541]. Но продукция туркестанского ремесла не могла конкурировать с российскими товарами, а потому вывозилась в Россию «стальным путем» в незначительном объеме (преимущественно, эксклюзивные товары: ковры, чеканка, ювелирные изделия и проч.). Стоимость продукции кустарного производства в Туркестане сокращалась. Так, в Самаркандской области в 1892 г. она составляла 3 млн. 145 тыс. 620 руб.[542], а в 1913 г. – 1 млн. 814 тыс. 377 руб.[543].

Безусловно, в транспортной инфраструктуре Средней Азии преобладали железные дороги, однако заметную роль в ней играло

---

[538] Там же.
[539] ЦГА РУ. Ф. 33. Оп. 1. Д.171. Л. 69.
[540] Масальский В. Туркестанский край, СПб, 1913. С. 542.
[541] Шмидт Р.З. Среднеазиатская железная дорога и ее влияние на социально-экономическую жизнь Туркестанского края. 1880-1914. Автореферат к.и.н. Т. 1965. С. 16.
[542] ЦГА РУ. Ф. 18, Оп. 1. Д.222. Л. 7.
[543] ЦГА РУ. Ф. 18, Оп. 1. Д.3665. Л. 34-35.

судоходство. В регионе действовали две флотилии – Аральская и Амударьинская. Первая из них была учреждена в конце 1860 г.[544]. Вторая в начале февраля 1894 г.[545]. Обе находились в ведении Военного министерства. Позже, в 1870-х гг. Аральская флотилия была передана Среднеазиатскому обществу пароходства и торговли, а в 1911-1913 гг. из Военного ведомства была отчислена в ведение Министерства путей сообщения Амударьинская флотилия. Грузовое Аральское судоходство начало действовать с 1910 г. Оно связало Хивинское ханство с железнодорожными станциями Ташкентской дороги. Грузооборот по этому пути постоянно рос. Так, в 1914 г. грузооборот частного пароходного общества «Хива» составлял 700 тыс. пудов разных товаров. «В составе Амударьинской флотилии было 6 пароходов, 2 паровых катера, 13 барж, 1 паровой баркас и 2 железных каюка. Кроме того, на Амударье существовало еще и местное старинное судоходство, главным образом, из числа ходивших под парусами грузовых плоскодонных каюков (киме). В это же время на Амударье насчитывалось свыше 600 таких киме с грузоподъемностью около 500 тыс. пудов. Общее количество грузов, перевозимых на киме, составляло примерно 2,5-3 млн. пудов в год»[546]. Таким образом, в сфере судоходства в Средней Азии имело место сочетание новых и старинных цивилизационных способов перевозки грузов, которые мирно уживались в производственном процессе. Однако цивилизационное превосходство парового судоходства в глазах «туземного» населения было безусловным, в связи с чем оно отдавало ему деловые предпочтения.

Буквально через год после образования Туркестанской области, в 1866 г. министр финансов М.Х. Рейтерн внес в правительство представление о разрешении частного горного и золотого промысла на ее территории.

---

[544] Высочайше утвержденное Положение об Аральской флотилии. 26 декабря 1860 года. // ПСЗРИ-2. Т. 35. Отд. 2. СПб., 1862. № 36454. С. 511-515.

[545] Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О разрешении частного горного и золотого промысла в Туркестанской области. 18 февраля 1866 года // ПСЗРИ-2. Т. 41. Отд. 1. СПб., 1868.С. 144-145.

[546] История Узбекской СССР в 4-х томах. Т. 2. Ташкент: Фан, 1968. С. 121.

Комитет министров поддержал такое предложение[547]. Оренбургскому генерал-губернатору предлагалось представить проект правил функционирования частного горного и золотого промысла в Туркестанской области. После образования Туркестанского генерал-губернаторства (края) эта проблема отошла к прерогативам первого «Главного начальника» региона К.П. Кауфмана. Согласно «Положению об управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 г., при местном генерал-губернаторе была учреждена должность чиновника особых поручений по горной части. Однако позже выяснилось, что он один не может справиться с возложенными на него обязанностями. Поэтому в начале 1893 г. Государственный совет рассмотрел и утвердил представление министра финансов И.А. Вышнеградского об учреждении при туркестанском генерал-губернаторе еще и должности младшего чиновника особых поручений по горной части[548].

В июне 1892 г. были установлены правила о частной горной промышленности на свободных казенных землях в Закаспийской области, которая тогда не входила в состав Туркестанского края[549]. Закон от 10 июня 1892 г. не устанавливал никаких ограничений «туземцам» для занятий частной горной промышленностью, зато он запрещал участие в ней чиновникам и их близким родственникам. Кроме того, он требовал, чтобы горное предпринимательство не вредило горным лесам, водным источникам, местной фауне и проч. В начале июня 1893 г. министр земледелия и государственных имуществ внес в Государственный совет представление о регулировании добычи соли в Русском Туркестане, которое получило его

---

[547] Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О разрешении частного горного и золотого промысла в Туркестанской области. 18 февраля 1866 года // ПСЗРИ-2. Т. 41. Отд. 1. СПб., 1868.С. 144-145.

[548] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении при Туркестанском генерал-губернаторе должности младшего чиновника особых поручений по горной части. 2 февраля 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9295. С. 53.

[549] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О применении в Закаспийской области правил о частной горной промышленности на свободных казенных землях. 10 июня 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8687. С. 419-420.

одобрение[550]. С этого времени добыча соли в Туркестанском крае и Закаспийской области подчинялась требованиям статьи 638-й «Горного устава», то есть разделение соляных источников на свободные и несвободные для пользования местного населения зависело от туркестанского генерал-губернатора и начальника Закаспийской области. Каменную соль добывали в Туркестанском крае и Закаспийской области по статье 640-й «Горного устава»[551]. В апреле 1896 г. царское правительство решило предоставить организованной группе предпринимателей право добычи золота в нескольких местностях Русского Туркестана[552].

Сенатор-ревизор Туркестанского края в 1908-1909 гг. К.К. Пален посвятил специальный том отчета состоянию горного дела в регионе[553]. Он находил его недостаточно совершенным, нуждающимся в упорядочении, однако признавал наличие значительного потенциала в его дальнейшем развитии. Таким образом, царское правительство уделяло серьезное внимание развитию горных сырьевых предприятий. В цивилизационной политике царизма это предприятие имело значение в том плане, что оно открывало новые направления в развитии региональной экономики.

Немалое цивилизационное значение имело то обстоятельство, что под охрану государства были взяты и иные сырьевые ресурсы. Как известно, Средняя Азия всегда была небогата лесными угодьями. Нельзя сказать, чтобы местное население относилось хищнически к их использованию. Однако специального государственного надзора за лесами в дороссийском Туркестане не существовало. Самым «лесистым» районом региона было Семиречье. Поэтому в штате управления Семиреченской области состоял

---

[550] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О пользовании соляными источниками в Туркестанском крае и Закаспийской области // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10717. С. 364-365.

[551] См.: Устав Горный // Свод законов Российской империи. Т. 7. СПб., 1900. С. 62.

[552] Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О предоставлении нескольким лицам исключительного права производства поисков и добычи золота в трех местностях Туркестанского края. 12 апреля 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд.1. СПб., 1899. № 12751. С. 272-274.

[553] См.: Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Горное дело. СПб., 1910.

Лесничий. Поскольку область заселили казаки одноименного войска и крестьяне-переселенцы, то в целях строительства жилья и хозяйственных помещений им разрешалось использовать местные лесоматериалы. Во многих случаях это приводило к неконтролируемой вырубке лесов. Лесничий не мог эффективно противостоять этому. Поэтому в 1891 г. Государственный совет решил организовать казенное управление лесами в Семиреченской области, передав их в ведение Управления государственными имуществами в Западной Сибири. Однако в феврале 1892 г. правительство постановило отсрочить выполнение решения Государственного совета[554]. В конце 1893 г. Государственный совет постановил преобразовать управление лесами в Западной Сибири, указав при этом, что управление государственными имуществами в Семиреченской области пока остается на прежних основаниях[555]. В феврале 1895 г. он решил навести порядок в управлении лесами в Семиречье. Совет упразднил должность Лесничего Семиреченской области и подчинил лесные дела в ней Омскому управлению государственными имуществами[556]. В марте 1895 г. лесные кондукторы в Семиреченской области, бывшие ранее простыми вольнонаемными служащими, получили чины коллежских регистраторов и стали государственными чиновниками с полными правами, не исключая и пенсионных[557]. В «коренных» областях Туркестанского края лесные чиновники подчинялись местному управлению государственными имуществами. Только в феврале 1904 г. Государственный совет изменил

---

[554] Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О порядке управления лесами в Семиреченской области. 14 февраля 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8332. С. 102.

[555] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О преобразовании управления государственными имуществами в Западной Сибири. 27 декабря 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 10215. С. 699.

[556] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О порядке управления лесами и прочими государственными имуществами в Семиреченской области и об утверждении штатного расписания и расходов по лесному надзору в Семиреченской области. 6 февраля 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11349. С. 79-80.

[557] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О присвоении лесным кондукторам в Туркестанском крае прав по чинопроизводству и пенсии. 20 марта 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11488. С. 149.

штат лесных чинов в Сыр-дарьинской, Самаркандской и Ферганской областях[558]. В нем состояли 49 чел., в том числе 3 лесных ревизора, 5 лесничих 1-го разряда, 12 лесничих 2-го разряда, 27 помощников лесничих и лесных кондукторов[559]. Такой штат сохранился до революции 1917 г. Сенатор-ревизор Туркестанского края в 1908-1909 гг. К.К. Пален в отчете о государственных имуществах в регионе посвятил раздел и лесному делу. Он не считал положение этого дела в крае удовлетворительным, отмечая, например, сложное положение в Ошском уездном (Ферганской области) лесничестве и применение оброчных статей в нем[560].

В традиционной цивилизации народов Средней Азии рыболовство не имело значительного распространения, несмотря на возможность пищевого применения его продукции. С утверждением России в Средней Азии в регионе стали развиваться рыбные промыслы, что влияло на цивилизацию «туземного» населения. Импульс развитию рыбных промыслов был дан в 1870-х гг., когда в Туркестанский край были высланы уральские казаки-старообрядцы – участники бунта против Воинского устава 1874 г. Их расселили в Казалинске, стоявшем на р. Сыр-дарье, а также на берегах и островах р. Аму-дарьи. Дореволюционный исследователь Е. Марков писал о том, что «везде они принялись за свое любимое и привычное ремесло и скоро овладели местным рыболовством, в котором не может быть им соперника»[561]. П.П. Литвинов, описывающий жизнь старообрядцев в дореволюционной Средней Азии, достаточно подробно свидетельствует об их роли в развитии рыбного промысла в регионе, указывая, что «именно амударьинские старообрядцы приобщили местных жителей к активному занятию

---

[558] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об изменении штата лесных чинов в Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областях. 23 февраля 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24094. С. 169.

[559] См.: Штат лесных чинов по заведованию государственными имуществами в Сыр-дарьинской, Самаркандской и Ферганской областях. 23 февраля 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 2. СПб., 1907. № 24094 С. 100.

[560] См.: Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Государственные имущества (Управление. Оброчные статьи. Лесное дело, Сельскохозяйственные учреждения. СПб., 1910. С. 116, 132.

[561] Марков Е. Россия в Средней Азии. Т. 1. СПб., 1901. С. 353.

рыболовством, что способствовало улучшению его питания и общего материального положения»[562]. Их цивилизационное влияние на коренное население оказалось весьма результативным. Рыболовство в Русском Туркестане продолжительное время регулировалось местной администрацией. Однако в апреле 1900 г. решением правительства оно было подчинено ведению Управления государственными имуществами в Туркестанском крае[563]. В июне того же года Комитет министров разрешил министру земледелия и государственных имуществ сокращать на острове Челекен размеры казенной береговой полосы «для пристанища ловцов и устройства промысловых заведений до 250 сажен, а в случае необходимости и до 25 сажен, от заплеской воды»[564]. В начале 1902 г. Государственный совет постановил увеличить расходы по надзору за рыбными промыслами Аральского бассейна до 3.600 руб. в г.[565] В июне того же года император Николай II утвердил правила о Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслах[566]. В мае 1904 г. правительство приняло решение о предоставлении населению Закаспийской области льгот по рыболовству в Каспийской море[567]. Они были временными, рассчитанными на срок с 1 января 1904 г. по 1 января 1907 г. Это подтверждает то обстоятельство, что часть коренного населения Средней Азии сделала соответствующий

---

[562] Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). Елец: ЕГПИ, 1996. С. 91-92.

[563] Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О подчинении рыболовства на всем пространстве Аральского моря и у его островов ведению Управления Государственными Имуществами в Туркестанском крае. 11 апреля 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18412. С. 332.

[564] Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О предоставлении Министру земледелия и государственных имуществ сокращать на острове Челекен размеры казенной береговой полосы. 22 июня 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18938. С. 857.

[565] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об увеличении кредита на расходы по надзору за рыбными промыслами Аральского бассейна. 7 января 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 20943. С. 7.

[566] Высочайше утвержденные Правила о Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслах. 3 июня 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21569. С. 502-519.

[567] Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О предоставлении населению Закаспийской области временных льгот по рыболовству в Каспийской море. 22 мая 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд.1. СПб., 1907. № 24575. С. 491-492.

цивилизационный выбор. Ему разрешался лов частиковой рыбы в запретный период ее вылова – с 5 мая по 15 июня. Разрешался также промысел тюленей с 1 февраля года. По истечении указанного льготного срока, Совет министров принял «положение» о рыболовстве в Закаспийской области[568]. Закон сохранял на 1907 г. действие в этой области вышеприведенного акта от 3 июня 1902 г. и устанавливал для местного населения правила рыбной ловли, включая некоторые запреты для этого промысла.

После присоединения Средней Азии к России новым цивилизационным явлением в экономической жизни региона стали акционерные общества разного типа, к тому времени уже широко распространившиеся фактически по всем регионам империи. Нельзя сказать, чтобы деловой мир дороссийского Туркестана не знал такого рода экономических объединений. В регионе существовали разного рода торговые и ремесленные группы и организации, руководствовавшиеся в своей деятельности так называемыми «рисоля» – уставами. Они были элементом многовековой региональной цивилизации, основываясь на традициях и мусульманском праве (шариате), тогда как в новых исторических условиях экономическое развитие в Средней Азии было подчинено царскому законодательству. Понятно, что от него же всецело зависела и деятельность акционерных обществ.

Судя по документам, первые акционерные общества в Средней Азии появились в середине 1880-х гг. В 1884 г. были утверждены уставы Среднеазиатского торгово-промышленного товарищества «Кудрин и Кº» и товарищества Туркестанского сахарорафинадного завода[569]. В апреле 1886 г. правительство решило увеличить основной капитал Среднеазиатского

---

[568] Высочайше утвержденное Положение Совета министров – О рыболовстве в Закаспийской области. 19 февраля 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 28900. С. 83.

[569] См.: Высочайше утвержденный Устав Среднеазиатского торгово- промышленного товарищества «Кудрин и Кº». 27 июля 1884 года // ПСЗРИ-3. Т. 4. СПб., 1887. № 2380. С. 421-422; Высочайше утвержденный Устав товарищества Туркестанского сахарорафинадного завода. 1 сентября 1884 года // ПСЗРИ-3. Т. 4. СПб., 1887. № 2419. С. 479.

торгово-промышленного товарищества «Н. Кудрин и К°»[570].

Естественно, что деятельность акционерных обществ в Русском Туркестане не могла осуществляться в полной мере без операций с недвижимыми имуществами в регионе. Поэтому были изданы соответствующие нормативно-правовые акты[571]. Подобные преференции получили и банки в Русском Туркестане[572]. Царское правительство

---

[570] Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – Об увеличении основного капитала Средне-Азиатского торгово-промышленного товарищества «Н. Кудрин и К°».16 апреля 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3642. С. 161.

[571] См. напр.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об условиях приобретения товариществами на паях и акционерными компаниями недвижимых имуществ в Туркестанском крае. 29 ноября 1893 года // ПСЗРИ-3. Т.13. СПб., 1897. № 10102. С. 629; Высочайше утвержденные Правила: I. Об отводе береговых участков в городе Красноводске и прилегающей к нему береговой полосе по направлению к мысу Уфра пароходным обществам, транспортным конторам, товариществам, фирмам и отдельным промышленникам и II. Для отвода участков земли в городе Красноводске под частные постройки. 16 июня 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11861. С.452; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об изменении узаконений, касающихся приобретения Товариществами на паях и акционерными обществами земель и вообще недвижимых имуществ в Туркестанском крае. 19 мая 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14121. С. 297; высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О предоставлении Обществу бумагопрядильной, ткацкой и белильной фабрик «Заверце» права на владение участком в городе Намангане, Ферганской области, вместе с находящимся на нем хлопкоочистительным и прессовальным заводом. 14 ноября 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14636. С. 631; Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О разрешении Товариществу торговли и промышленности в Персии и Средней Азии прав приобретать недвижимые имущества в Туркестанском крае. 5 декабря 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14745. С. 6; Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О разрешении Товариществу мануфактуры Ассигкрита Яковлева Балина приобретать недвижимые имущества в Туркестанском крае. 23 января 1898 года. // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 14925. С. 63-64; Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О разрешении «Товариществу чайной торговли и складов браться К., и С. Поповы» приобретать недвижимые имущества в Туркестанском крае». 27 февраля 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15092. С. 155-156; Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О разрешении акционерному обществу бумажных мануфактур И.К. Познанского в Лодзи приобретать в Туркестанском крае, для устройства хлопкоочистительных заводов, земельные участки. 12 мая 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18587. С. 484-485; Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О предоставлении Товариществу нефтяного производства братьев Нобель приобретать в собственность или аренду земли в Туркестанском крае для устройства нефтяных и керосиновых складов. 2 июня 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18709. С.577 и др.

[572] См.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О распространении операций земельных банков на внегородские земли Туркестанского края. 8 июня 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20354. С. 633-634; Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О разрешении Русско-Китайскому банку приобрести в

поощрительно относилось к деятельности акционерных обществ по добыче нефти в Средней Азии, утверждая их уставы[573]. Им также разрешались операции с недвижимостью[574]. Правительство поддерживало акционерные общества в горнодобывающей отрасли Русского Туркестана[575]. Учитывая

городе Самарканде недвижимое имущество для помещения местного отделения Банка. 22 июня 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20427. С. 680; Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О разрешении Русско-Китайскому банку приобретать недвижимые имущества в Туркестанском крае. 15 апреля 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24347. С. 337; Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – О разрешении Волжско-Камскому коммерческому банку приобретать в Туркестанском крае недвижимые имущества для помещения своих отделений. 23 января 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 31404. С. 36; Высочайше утвержденное Положение Совета министров – О разрешении Азовско-Донскому коммерческому банку приобрести недвижимое имущество в городе Ташкенте для помещения своего отделения. 16 марта 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 34913. С. 178; Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – О разрешении Московским купеческому и учетному банкам приобрести недвижимые имущества в городах Коканде и Андижане для помещения своих отделений. 29 марта 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 39068. С. 351.

[573] Высочайше утвержденный Устав Челекенского нефтепромышленного общества. 3 мая 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21398. С. 313; Высочайше утвержденные изменения действующего Устава «Челекено-Дагестанского нефтепромышленного общества». 7 июня 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21617. С. 572; Высочайше утвержденный Устав Центрально-Челекенского нефтепромышленного общества. 3 июля 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21827. С. 724; Высочайше утвержденный Устав Арало-Каспийского нефтепромышленного и торгового общества. 28 марта 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд.1. СПб., 1905. № 22748. С. 323; Высочайше утвержденный Устав Московского нефтепромышленного общества «Челекен». 24 апреля 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24425. С. 394; Высочайше утвержденный Устав Ферганского нефте и горнопромышленного акционерного общества «Чимион». 20 мая 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26239. С. 330; Высочайше утвержденное Положение Совета Министров - Об изменении Устава Ферганского нефте- и горнопромышленного общества «Чимион». 23 октября 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 29706. С. 613; Высочайше утвержденное Положение Совета министров – Об увеличении основного капитала Центрально-Челекенского нефтепромышленного общества. 23 декабря 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 29908. С. 713; Высочайше утвержденный Устав акционерного Средне-Азиатского нефтепромышленно-торгового общества «Санто». 25 января 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 29994. С. 46; Высочайше утвержденный Устав нефтепромышленного общества «Челекенская нефть». 11 апреля 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30264. С. 190.

[574] См. напр.: Высочайше утвержденное Положение Совета министров – О разрешении акционерному Средне-Азиатскому нефтепромышленно-торговому обществу «Санто» выдавать все акции его как именными, так и на предъявителя и о предоставлении названному обществу права приобретения в Ферганской области земельных участков площадью в общей сложности не свыше 6 десятин 1.800 квадратных сажен. 10 сентября 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 38101. С. 1142.

[575] См. напр.: Высочайше утвержденный Устав Туркестанского общества

важность развития хлопкоочистительной промышленности в регионе, царская власть обеспечивала законодательную основу ее деятельности[576].

Российское правительство поощряло зарубежные инвестиции в экономику Туркестана. В начале июня 1900 г. правительство предоставило Товариществу нефтяного производства братьев Нобель право приобретать в собственность или аренду земли в Туркестанском крае для устройства нефтяных и керосиновых складов[577]. В том же году Бельгийское акционерное общество под наименованием: «Анонимное общество Туркестанской промышленности (Назаров и Кº)» обратилось в Комитет министров с предложением устроить медеплавильный завод в Туркестанском крае, проводить в нем изыскания золота, меди, железа, каменного угля и проч. природных ресурсов. В конце марта 1901 г. правительство разработало документ об условиях деятельности указанного общества в России, который

каменноугольной и горной промышленности. 25 июня 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26495. С. 568.

[576] См.: Высочайше утвержденный Устав Туркестанского торгово-промышленного Товарищества для очистки хлопка и производства растительных масел. 27 июня 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10843. С. 502; Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – Об увеличении основного капитала Туркестанского торгово-промышленного товарищества для очистки хлопка и производства растительных масел. 11 апреля 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 27678. С. 349; Высочайше утвержденный Устав акционерного общества «Хлопок». 11 марта 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 25944. С. 174; Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – Об изменении Устава акционерного общества «Хлопок». 1 июля 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 29320. С. 399; Высочайше утвержденный Устав Туркестанского сельскохозяйственного и промышленного товарищества. 11 апреля 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18408. С. 332; Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об изменении Устава Туркестанского сельскохозяйственного и промышленного Товарищества. 5 апреля 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд.1. СПб., 1905. № 22777. С. 385; Высочайше утвержденный Устав Туркестанского торгово-промышленного товарищества «К.М. Соловьев и Кº». 6 июня 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32002. С. 421; Высочайше утвержденное Положение Совета Министров - Об уменьшении основного капитала Туркестанского сельскохозяйственного и промышленного Товарищества. 12 декабря 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32779. С. 958; Высочайше утвержденное Положение Совета министров – Об изменении Устава Туркестанского торгово-промышленного товарищества «К.М. Соловьев и Кº». 13 апреля 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 36890. С. 305.

[577] Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О предоставлении Товариществу нефтяного производства братьев Нобель приобретать в собственность или аренду земли в Туркестанском крае для устройства нефтяных и керосиновых складов. 2 июня 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18709. С. 577.

получил царское утверждение[578]. В конце декабря 1910 г. Комитет министров утвердил условия деятельности Английского акционерного общества под наименованием: «Ферганское нефтепромышленное общество с ограниченной ответственностью»[579]. В конце 1912 г. такой же документ был предоставлен российским правительством Английскому акционерному обществу под наименованием: «Челекенское нефтепромышленное общество с ограниченной ответственностью»[580]. Естественно, что развитие товарного производства в экономике Русского Туркестана потребовало развития биржевой торговли. В связи с этим в 1906 г. была учреждена Кокандская биржа и утвержден ее устав[581]. Есть все основания утверждать о том, что все вышеуказанные деловые объединения сыграли значительную цивилизационную роль в экономическом развитии региона и формировании в нем исторически нового типа рыночных отношений.

Несмотря на заметные сдвиги в развитии торговли и промышленности в Русском Туркестане, основным сектором экономики региона всегда оставалось сельское хозяйство. Авторитетные специалисты считают, что «с приходом русских в агрокультуре центральноазиатского общества изменения происходили очень медленно»[582]. С этим нельзя не согласиться. Выше мы уже указывали на основные причины стагнации экономического развития в Средней Азии в дороссийский период. Но примитивный характер развития сельского хозяйства в регионе зависел не только от них. Как известно,

---

[578] Высочайше утвержденные условия деятельности в России Бельгийского акционерного общества под наименованием: «Анонимное общество Туркестанской промышленности (Назаров и К°)». 30 марта 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 19885. С. 185-186.

[579] Высочайше утвержденные условия деятельности Английского акционерного общества под наименованием: «Ферганское нефтепромышленное общество с ограниченной ответственностью». 1 декабря 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 34433. С. 1244-1250.

[580] Высочайше утвержденные условия деятельности в России Английского акционерного общества под наименованием «Челекенское нефтепромышленное общество с ограниченной ответственностью». 19 декабря 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 38528. С. 1685.

[581] Высочайше утвержденный Устав Кокандской биржи. 13 июня 1906 года. 13 июня 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28019. С. 640-647.

[582] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 141.

ведущей отраслью последнего было хлопководство. Сам характер последнего, ставшего основной экспортной отраслью, весьма консервативен и трудно поддается инновациям. Многовековой опыт показывает, что по сей день качественный хлопок в Средней Азии убирают только вручную, так как уборочная техника, в известной мере, портит его волокно. То же можно сказать и о зерноводстве, рисоводстве, огородничестве и др. отраслях среднеазиатской аграрной цивилизации рассматриваемого периода. Но ненамного был выше экономический уровень большинства крестьянских хозяйств тогдашней России, если даже в канун 1917 г. в ней насчитывались миллионы деревянных сох. Таким образом, российское правительство всемерно поддерживало развитие хлопководства, столь потребного для развития текстильной промышленности в стране. Но, как нам представляется, решающую цивилизационную роль в развитии как хлопководства, так и иных сельскохозяйственных культур сыграла ирригационная политика русских властей.

Авторитетные специалисты пишут о том, что «центральноазиатское земледелие полностью зависело от воды и искусственного орошения. Эта проблема всегда была заботой не только отдельного землевладельца или общины, но и государства. Однако российская власть фактически оставила эту важную часть экономической жизни в руках местных жителей, введя в «Туркестанское положение» 1886 г. норму о том, что «воды в главных арыках, ручьях, реках и озерах предоставляются населению в пользование, по обычаю»[583]. Это свидетельствовало о том, что российское правительство проводило крайне осторожно цивилизационную политику в тех сферах экономики, которые имели судьбоносное значение в жизни коренного населения. Воды для поливного земледелия в Туркестане не хватало, однако и она не всегда использовалась рационально. Историки отмечали, что несовершенство ирригационной системы в дороссийской Средней Азии

[583] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. Статья 256. С. 338.

приводило к неоправданной потере поливной воды, а часто даже к наводнениям, имевшим пагубные последствия. Они же утверждали, что «царское правительство не провело ни одного нового крупного оросительного канала»[584]. Вместе с тем, советские историки Узбекистана признавали, что после присоединения Средней Азии к России в регионе шел постоянный процесс «постепенного расширения существующих оросительных систем и упорядочения головных сооружений и вододелителей»[585]. С этим можно согласиться, но лишь отчасти, поскольку, во-первых, современные российские туркестановеды отмечают, что еще до начала XX в. государство построило за свой счет и запустило в строй несколько ирригационных сооружений – каналов[586]. С.Н. Абашин пишет о том, что «правительство всячески поощряло проекты по развитию ирригации в Центральной Азии. В 1880-1890-е гг. великий князь Николай Константинович построил в Голодной степи на казенные средства канал имени Николая I протяженностью 90 км. После введения в эксплуатацию в 1895 г. канал орошал около 7 тысяч десятин (позднее эта площадь увеличилась до 12 тыс.)»[587]. Позже был построен новый канал - «Романовский», оросивший к 1916 г. 28 тыс. десятин земли. В «Государевом Мургабском имении» (Байрам-Али, Закаспийской области) Николай Константинович с помощью инженера Поклевского-Козелла построил канал с тремя плотинами, на которых были устроены небольшие электростанции. Во-вторых, государство предоставляло водные ресурсы населению «по обычаю», однако регулировало законодательно их использование. Статья 52-я «Положения об управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 г. учреждала при областных правлениях должности чиновников, заведующих ирригационными сооружениями[588]. Статья 107-я указывала: «Заведование

[584] История Узбекской СССР в 4-х томах. Т. 2. Ташкент: Фан, 1968. С. 59.
[585] Там же.
[586] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 142-143.
[587] Там же. С. 142.
[588] См.: Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т.6. СПб., 1888. № 3814. С. 324.

главными оросительными каналами (арыками) возлагается на арык-аксакалов, а заведование побочными арыками – на мирабов. Арык-аксакалы назначаются военным губернатором, который определяет им и размер содержания из общественных сумм, не выше содержания волостного управителя, а мирабы – по избранию сельских сходов. Взыскание и выдача содержания арык-аксакалам производится порядком, установленным для должностных лиц местного сельского управления; назначение же и выдача содержания мирабам зависит от усмотрения обществ. *Примечание*. Права и обязанности уездных начальников, арык-аксакалов и мирабов по заведыванию ирригацией определяются инструкцией, утверждаемой генерал-губернатором»[589]. Такая весьма подробная инструкция была разработана краевой канцелярией и утверждена туркестанским генерал-губернатором Н.О. Розенбахом 2 августа 1888 г.[590]. В мае 1892 г. Государственный совет постановил учредить при туркестанском генерал-губернаторе должность специального чиновника по ирригации[591]. В законе указывалось, что такая должность учреждается, «впредь до образования в сем (Туркестанском – И.В.) крае Управления государственными имуществами»[592]. Это было важная должность, поскольку чиновник, ее занимающий, должен был состоять в V классе по чинопроизводству, то есть быть статским советником. Документ предписывал расход на эту должность «отнести за счет сумм земского сбора Туркестанского края»[593]. Важную роль в развитии ирригации в

---

[589] Там же. С. 327-328.

[590] См.: Инструкция о правах и обязанностях ирригационных чинов, уездных начальников, арык-аксакалов и мирабов по заведованию ирригацией в Туркестанском крае // Положение об управлении Туркестанского края. С узаконениями, опубликованными по октябрь 1903 года, решениями Правительствующего Сената, инструкциями, изданными в развитие действующего Положения, циркулярами и приказами Туркестанского генерал-губернатора, разъясняющими отдельные статьи этого Положения. Сост. Б.Н. Каплун. Ташкент, 1903. С. 41-47.

[591] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении при Генерал-Губернаторе Туркестанского края временной должности чиновника особых поручений по ирригационной части. 5 мая 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. Отд.1. СПб., 1895. № 8580. С. 334.

[592] Там же.

[593] Там же.

Туркестанском крае сыграл полковник Н.А. Дингельштед, бывший помощник военного губернатора Сырдарьинской области, генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова. Став инспектором сельского хозяйства, ирригации и водного хозяйства в Средней Азии, он получил гражданский чин действительного статского советника и немало порадел на благо цивилизационных перемен в аграрной экономике региона.

Управление государственными имуществами в Русском Туркестане было учреждено в начале июня 1897 г. сроком на 5 лет[594]. Его начальник состоял членом Совета Туркестанского генерал-губернатора. Законом упразднялись должности состоявших при туркестанском генерал-губернаторе чиновников особых поручений по лесной, сельскохозяйственной и ирригационной частям, а также должности лесных кондукторов. Но учреждались должности старшего и младшего чиновников по ирригации при Туркестанском генерал-губернаторе. Это было следствием того, что в конце мая 1893 г. император Александр III издал «именной» указ о переименовании Министерства государственных имуществ в Министерство земледелия и государственных имуществ[595]. Однако учреждение временного Управления государственными имуществами в Туркестанском крае не привело к изданию соответствующего закона и потому оно в последующем было продлено[596].

---

[594] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О порядке местного заведывания государственными имуществами в Туркестанском Генерал-губернаторстве и утверждении временного штата чинов по заведыванию означенными имуществами в названном крае. 2 июня 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14250. С. 385-388.

[595] Именной, Высочайший указ Управляющему министерством государственных имуществ – О преобразовании Министерства государственных имуществ в Министерство земледелия и государственных имуществ. 31 мая 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9701. С. 372.

[596] См.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О порядке местного заведования государственными имуществами в Туркестанском крае. 19 ноября 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20744. С. 1130; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О продлении действия порядка заведывания Государственными Имуществами в Туркестанском крае. 1 декабря 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 22186. С. 929; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О продлении срока действия Высочайше утвержденного 2 июня 1897 года Мнения Государственного Совета о порядке местного заведывания Государственными Имуществами в Туркестанском крае. 8 декабря 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд.1. СПб., 1905. № 23656. С.1073; Высочайше утвержденное Мнение

Мы полагаем, что это в какой-то мере было оправданным, поскольку в июне 1905 г. Министерство земледелия и государственных имуществ было переименовано в Главное управление землеустройства и земледелия[597]. Это еще в большей мере усилило сельскохозяйственный профиль нового правительственного ведомства. Поэтому в Туркестане «лишь в начале XX в. от осознания важности регулирования водных отношений и необходимости систематического обновления ирригационной инфраструктуры власть перешла к разработке специального закона, который, правда, так и не был принят»[598]. На наш взгляд, это объяснялось тем, что российское правительство не хотело загонять ирригационные традиции аграрной цивилизации Средней Азии в тесные рамки общегосударственного законодательства, что могло породить множество непредсказуемых проблем в сфере орошения региональных земель. Нельзя было принимать российский водный закон в условиях, когда поливные сооружения в Русском Туркестане были исторически связаны с оросительными системами среднеазиатских ханств в единое, неразрывное ирригационное пространство. Бухара и Хива формально считались независимыми и российские законы на их территории не действовали. Таким образом, по традиционной аграрной цивилизации Средней Азии мог быть нанесен сокрушительный и непоправимый удар.

Понимая это обстоятельство, военный министр П.С. Ванновский внес в Государственный совет представление об учреждении должности чиновника особых поручений по технической части при Туркестанском генерал-губернаторе. Закон от 12 апреля 1894 г. гласил: «К числу обязанностей чиновника особых поручений по технической части при Туркестанском генерал-губернаторе относится *надзор за усовершенствованием в Бухарском*

Государственного совета – Об изменении штата чинов по заведованию государственными имуществами в Туркестанском крае. 24 мая 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд.1. СПб., 1907. № 24622. С. 542.

[597]Высочайшее повеление, объявленное Главноуправляющим землеустройством и земледелием – О переименовании Министерства земледелия и государственных имуществ в Главное управление землеустройства и земледелия. 6 июня 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 26369. С. 438.

[598] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 142.

ханстве существующих и возведением новых ирригационных и дорожных сооружений и разного рода построек». (Курс. наш – И.В.) В примечании к статье указывалось, что «чиновник сей не привлекается к заведыванию распределением вод, к разрешению вопросов о праве на них местных жителей и к надзору за ирригационным хозяйством в ханстве[599]. Таким образом, российское правительство не вмешивалось во внутренние дела властей Бухарского ханства, но оплачивало труд специалистов по надзору за надлежащим состоянием оросительных систем в протекторате. В конце мая 1899 г. была учреждена должность техника при Мургабском Государевом имении, который должен был заведовать всеми ирригационными сооружениями, включая большой оросительный канал, сооруженный русскими инженерами и бригадами «туземных» рабочих[600]. В конце декабря 1902 г. должность чиновника особых поручений по технической части при туркестанском генерал-губернаторе была упразднена и вместо нее учреждалась должность техника при «Главном начальнике края»[601]. Его функции фактически были идентичными упраздненной должности – он был обязан следить за ирригацией в Бухарском ханстве, выполнять поручения туркестанского генерал-губернатора и Императорского Политического агента по надзору за строительными и дорожными работами в эмирате и исполнять обязанности городского архитектора в отношении русских поселений в ханстве. Краевая канцелярия разработала «Инструкцию технику при Туркестанском генерал-губернаторе»[602]. Пункт 6 «Инструкции» излагал

---

[599] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении должности чиновника особых поручений по технической части при Туркестанском генерал-губернаторе. 12 апреля 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10524. С. 196.

[600] Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – Об учреждение должности техника при Мургабском Государевом имении. 27 мая 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 16959. С. 543.

[601] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об упразднении должности чиновника особых поручений по технической части при Туркестанском генерал-губернаторе и об учреждении при нем должности техника. 11 декабря 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 22259. С. 968-969.

[602] Положение об управлении Туркестанского края. Составил по официальному изданию 1892 г., Продолжениям 1906, 1908 и 1909 годов и узаконениям, обнародованным в Собрании узаконений и распоряжений правительства до 1 июня 1911 г. В.Т. Вербовский.

обязанности техника по промышленным и иным предприятиям в Бухарском ханстве[603]. Местопребыванием техника объявлялась Новая Бухара. Из этого следует, что российские власти в Средней Азии по-прежнему оплачивали наблюдение за функционированием ирригационных сооружений в Бухарском ханстве. В феврале 1903 г. был издан закон о должности помощника техника при Мургабском Государевом имении[604].

Важную роль в цивилизационной политике российского правительства в Средней Азии играло учреждение в областях Туркестанского края так называемых «особых ирригационных капиталов», средства из которых шли на обустройство существующих оросительных систем, а также на сооружение новых ирригационных объектов. После включения Закаспийской области в состав Туркестанского генерал-губернаторства (края) в ней также был создан указанный «капитал»[605]. Этот капитал предназначался как для «туземцев», так и для русских земледельцев Закаспийской области. Из него должны были выдаваться ссуды для ирригационных сооружений. Особый ирригационный капитал причислялся к специальным средствам Главного штаба. Законом от 22 марта 1899 г. Военному министру предлагалось разработать и утвердить Положение об особом ирригационном капитале в Закаспийской области как наиболее нуждающейся в орошении[606].

В целях совершенствования аграрной цивилизации в Средней Азии само государство оказывало помощь в развитии ирригационных сооружений. Так, например, в 1910 г. из государственного казначейства было отпущено 3.600 руб. на эксплуатацию Термезской оросительной системы[607]. В июне

Ташкент, 1911.С. 88-89.

[603] Там же. С. 89.

[604] Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – Об учреждении при Управлении Мургабского Государева имения должности землемерного чиновника и помощника техника. 13 февраля 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 22524. С. 83.

[605] См.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об образовании для Закаспийской области особого ирригационного капитала. 22 марта 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 16656. С. 246-247.

[606] Там же. С. 247.

[607] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной

1911 г. была выделена огромная сумма на окончание работ по орошению северо-восточной части Голодной степи. Закон от 1 июня 1911 г. предусматривал отпуск на орошение 45.000 десятин в этой части Русского Туркестана до 4.738.500 руб.[608]. Под устройство ирригационных объектов государство выделяло не только деньги, но и земельные участки. В частности, для исполнения вышеприведенного закона об орошении 45.000 десятин земли в Голодной степи в Ходжентском уезде, Самаркандской области был выделен под устройство канала участок до 201 десятин[609]. В связи с этим вышеприведенное суждение советских узбекистанских историков о том, что царское правительство не осуществляло в Средней Азии крупных оросительных проектов представляется весьма сомнительным.

Считаем нелишним заметить, что государство привлекало и частный капитал в сферу ирригации в Средней Азии. Так, 5 декабря 1912 г. Совет министров рассмотрел вопрос о разрешении частным предпринимателям проводить оросительные работы в Туркестанском крае и принял решение поручить Главному управлению землеустройства и земледелия внести проект соответствующего закона[610]. В июле и сентябре 1913 г. правительство постановило разрешить частному капиталу развивать орошение центральной части Голодной степи, Ходжентского уезда, Самаркандской области[611].

Думой Закон – Об отпуске из государственного казначейства средств на эксплуатацию Термезской оросительной системы. 17 июня 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33801. С. 798.

[608] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об отпуске из государственного казначейства средств на окончание работ по орошению северо-восточной части Голодной степи. 1 июня 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 35416. С. 501.

[609] Именной, Высочайший указ, данный Сенату – Об отчуждении участка земли в Ходжентском уезде, Самаркандской области под устройство канала для орошения 45000 десятин земли в «Голодной степи». 27 февраля 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30121. С. 111.

[610] См.: Особый журнал Совета министров от 5 декабря 1912 года – О разрешении частным предпринимателям оросительных работ в Туркестанском крае // Особые журналы Совета министров Российской империи. (1909-1917 гг.) 1912 год. М., 2004. С. 394-401.

[611] Особый журнал Совета министров от 12 июля и 12 сентября 1913 года – Об орошении за счет частных средств Центральной части Голодной степи, Ходжентского уезда, Самаркандской области // Особые журналы Совета министров Российской империи. (1909-1917 гг.) 1913 год. М., 2005. С. 361-363.

Цивилизационная политика российского правительства проявлялась в поддержке и тех отраслей сельского хозяйства, которые не были связаны напрямую с ирригационными мероприятиями властей. Например, оно защищало интересы шелководства в Русском Туркестане. Известно, что во второй половине XIX – начале XX вв. шелководство в этом регионе являлось важной отраслью народного хозяйства и играло большую роль в хозяйстве простого дехканина. В нем было занято 175 тыс. сельских хозяйств, основная масса которых находилась в Ферганской области главном шелководческом районе Туркестана. Ей принадлежало 57% всего производства коконов края. Самаркандская область производила 40% коконов. Российское правительство достаточно быстро стало наводить порядок в сфере шелководства в Русском Туркестане, которое в основном контролировалось местными (среднеазиатскими) евреями. В августе 1869 г. Кауфман издал приказ об установлении высокой (в 2 руб. с фунта) пошлины на вывоз грены. С целью защиты интересов регионального шелководства в апреле 1871 г. был издан закон о запрете вывоза из Туркестанского края шелковичных червей[612]. Надзор за его соблюдением возлагался на туркестанского генерал-губернатора, который по данному вопросу должен был сноситься с министром финансов. Законодатель, однако, через несколько дней одумался и заменил запрет вывоза грены его ограничением[613]. Такой режим сохранялся в течение более трех десятилетий, пока запреты и ограничения вывоза грены за рубежи империи не были сняты[614]. В 1870 г. такой запрет был введен в Бухарском ханстве (эмирате). Все это было вызвано большим спросом на грену в странах Западной Европы – Франции, Италии, Германии, Испании и

---

[612] Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О воспрещении вывоза из Туркестанского края шелковичных червей грены. 23 апреля 1871 года // ПСЗРИ-2. Т. 46. Отд. 1. СПб., 1874. № 49495. С. 351-352.

[613] Высочайше утвержденное Положение Комитета министров, объявленное Сенату министром финансов – Об ограничении вывоза из Туркестанского края за пределы империи семян шелковичных червей (грены). 27 апреля 1871 года // ПСЗРИ-2. Т. 47. Отд. 2. СПб., 1875. Дополнения к 46-му тому ПСЗРИ-2. С. 48.

[614] Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об отмене воспрещения вывоза семян шелковичных червей (грены) из Туркестанского края. 31 мая 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21546. С. 413.

др. Иностранцы вывозили грену, но ввозили готовый промышленного производства шелк. В 1869 г. сумма ввозимого шелка составила почти 53 млн. руб. Это нанесло ущерб туркестанским производителям ткани. В 1870 г. была образована комиссия по шелководству, в которую вошли А.П. Федченко, И.А. Первушин, М.А. Хлудов и др. В Москве учредили общество содействия развитию российского шелководства, где главные роли играли Т.С. Морозов, А.И. Хлудов, А.А. Морозов, И.А. Первушин, И.И. Первушин и др. В Русском Туркестане появились шелководческие станции, изучавшие этот промысел. В Ташкенте организовали школу шелководства. Изучался зарубежный опыт шелководства (в том числе китайский), выписывались станки, литература. В Восточном (Китайском) Туркестане имелись купцы – российские подданные, торговавшие шелками. Это вносило изменения в соответствующий сегмент традиционной аграрной цивилизации Средней Азии. В 1875 г. на первом Всероссийском съезде шелководов (работал на Кавказе) были и представители Туркестанского края, Бухарского и Хивинского ханств. В Самарканде устраивались выставки шелководства. С 1892 по 1907 г. вывоз по Среднеазиатской железной дороге коконов и шелка из Туркестана в Россию возрос с 6,1 тыс. пуд. до 84,7 тыс. пудов[615]. В 1910 г. было вывезено – 110 тыс. пуд. на сумму – 4 млн. 600 тыс. руб.[616]. О.П. Кобзева пишет о том, что «в начале 20 в. население Туркестана получало ежегодно около 4 млн. руб. прибыли от шелководства»[617].

В целях помощи виноградарству в Средней Азии российское правительство в начале 1885 г. приняло закон о мерах против филоксерной заразы[618]. Был запрещен ввоз повсеместно в Россию виноградных лоз,

---

[615] Пален К.К. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч.1, отд. II, СПб., 1911. С. 298.
[616] Материалы для изучения хлопководства. СПб., 1912. С. 28, 32.
[617] Кобзева О.П. Николай Федорович Петровский – выдающийся русский туркестановед и дипломат // Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сб. материалов. Ташкент, 2008. С. 164.
[618] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О мерах против филоксерной заразы. 5 февраля 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 2717. С. 37-38.

компостов, тычин, кольев и др.[619]. В 1889 г. туркестанский генерал-губернатор Н.О. Розенбах инициировал появление закона, запрещающего ввоз однолетних виноградных черенков в Среднюю Азию[620].

Для проведения научных работ селекционного характера правительство учреждало в Средней Азии сельские опытные станции. В конце 1897 г. была образована краевая станция такого рода[621]. На ее содержание ежегодно выделялось 9.700 руб., из которых 2.500 руб. предназначались на наем рабочих, выписку семян, приобретение сельскохозяйственных орудий и т.п.[622]. Сельские опытные станции со временем достигли весьма позитивных цивилизационных результатов, позволивших в 1909 г. Туркестанскому обществу сельского хозяйства организовать краевую сельскохозяйственную, научную и промышленную выставку, несмотря на значительные затраты[623].

Российские сельскохозяйственные опытные станции в Средней Азии сыграли значительную роль в изменении традиционной аграрной цивилизации коренных народов региона. Безусловно, в дороссийский период она достигла больших успехов в сфере огородничества, садоводства, виноградарства, овощеводства, бахчеводства и т.п., однако она не знала многих сельскохозяйственных культур, которые получили широкое распространение в Америке, Европе, России и других регионах мира. К их числу относились: картофель, сахарная свекла, табак, кукуруза, помидоры и проч. Если в свое время внедрение картофеля в царской России вызывало даже бунты среди крестьянства, то «туземное» население Средней Азии

---

[619] Там же.

[620] Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О воспрещении ввоза в Туркестанский край однолетних виноградных черенков. 10 февраля 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 5770. С. 60.

[621] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об утверждении штата Туркестанской сельской опытной станции. 1 декабря 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14722. С. 662-663.

[622] Штат Туркестанской сельскохозяйственной опытной станции // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. Штаты и табели. № 14722. С. 450.

[623] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об отпуске из государственного казначейства средств на покрытие половины дефицита по Туркестанской сельскохозяйственной, научной и промышленной выставки. 26 мая 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 35297. С. 413.

достаточно быстро и спокойно усвоило применение его в своей хозяйственной практике. Прочие новые сельхозкультуры оно также восприняло без проблем, так как отнеслось к ним рационально и прагматически. Таким образом, традиционная аграрная цивилизация коренных народов Туркестана в российский период переживала своеобразную сельскохозяйственную революцию. Роль сельских опытных станций заключалась в районировании сортов новых культур, адаптации их к природно-климатическим условиям региона (земли, орошение, солнечная радиация, сезонные циклы и т.п.), так как часто плодовитые в России сорта картофеля, сахарной свеклы, кукурузы и др. в Средней Азии давали скромные урожаи как по количеству, так и качеству. В итоге селекционных работ указанных станций в регионе появились улучшенные сорта новых сельхозкультур, применение которых давало результаты, превосходившие даже соответствующие российские показатели. Большую роль в распространении познаний о новых явлениях в аграрной цивилизации играли сельскохозяйственные школы, в которых обучалось много «туземных» юношей. О них мы пишем в следующей главе диссертационного исследования, но в ином ракурсе. Здесь же считаем необходимым отметить, что о позитивной роли сельскохозяйственных школ в цивилизационном преобразовании аграрной сферы в Средней Азии писал в своем отчете сенатор-ревизор Туркестанского края К.К. Пален[624]. О том же свидетельствовал краевед А.И. Дмитриев-Мамонов[625]. Уделяла им внимание местная пресса[626]. Безусловно, в совокупном выражении деятельность сельских опытных станций и сельскохозяйственных школ существенным образом изменили облик тысячелетний облик туркестанской аграрной

---

[624] Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Государственные имущества (Управление. Оброчные статьи. Лесное дело. Сельскохозяйственные учреждения). СПб., 1910. С. 241-249.

[625] Дмитриев-Мамонов А.И. (Ред.). Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Средне-Азиатской и Ташкентской. СПб., 1912. С. 149.

[626] Семиреченские областные ведомости. 1910. №№ 54,55, 108-110, 134; Туркестанские ведомости. 1914. №№ 131-132.

цивилизации. Новые сельхозкультуры внесли много нового в традиционный рацион питания «туземного» населения, особенно, картофель, который спасал его от голода в годы неурожая зерновых, бобовых и проч. Нелишне заметить, что Россия привнесла в аграрную сферу Средней Азии не только новые сельхозкультуры, но и улучшенные сорта известных в регионе плодов. Так, видный российский издатель А.С. Суворин писал о том, что «около Ташкента есть русский сад в 125 дес. (ятин) который производит те нежные сорта яблок, например, кальвиль, которые мы получаем из Франции и покупаем в Петербурге по 10 р. за десяток. Сад этот ценится теперь до миллиона рублей»[627]. Примечательно, что русские власти пытались внести цивилизационные изменения даже в хозяйственную жизнь кыргызов Алая и Памира, которые были «чистыми» скотоводами и не знали никакого земледелия. Туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов пытался создать из переселенцев Алайское казачье войско, но не имел успеха из-за сложных природно-климатических условий, хотя кыргызы высокогорной долины не имели ничего против этого. Тем не менее, чины пограничного отряда на Памире, где указанные условия были еще более экстремальными, тоже старались внедрить аграрные новации в жизнь номадов «Крыши мира». Небезызвестный английский политический деятель Дж. Керзон, побывавший на Памире в 1894 г., писал о том, что «русские офицеры пытались выращивать на Памире картофель, редис и другие овощи, что, однако не имело ощутимых результатов»[628]. В 1893 г. начальник Памирского отряда, капитан Зайцев произвел на Памире пробные посевы пшеницы и ячменя, но в итоге получил только плохую солому. В 1894 г. было устроено своего рода «опытное поле» у впадения ручья Бузтере в реку Мургаб. Здесь же устроили первую на Памире зимовку для кыргызской семьи, нанятой наблюдать за участком. Но результаты были более чем скромными – пшеница не выросла, а ячмень дал большой, но пустой колос. Однако некоторые приемы новой

[627] Новое время. № 11085. 21 января (3 февраля) 1907 г.
[628] Curzon G. N. The Pamir and the source of the Oxus. London, 1898. P. 18.

сельскохозяйственной цивилизации все же были привнесены русскими в жизнь кочевого населения «Крыши мира». Начальник Памирского отряда, капитан А.Е. Снесарев писал о том, что «для обучения косьбе выписывали серпы и косы на маленькие посты и некоторые из пытливых и передовых киргизов стали запасаться на зиму травой»[629].

Большое цивилизационное значение имела организованная государственная защита сельского хозяйства в Средней Азии от стихийных бедствий и эпидемий. Так, в конце мая 1876 г. на Русский Туркестан был распространен закон о мерах предупреждения и прекращения чумы на рогатом скоте[630]. Поскольку регион считался животноводческим из-за кочевого типа хозяйствования, то такие меры положительным образом сказались на предотвращении проникновения чумной угрозы в стада скота в Средней Азии. С целью повышения качества скота проводилась активная селекционная работа путем скрещивания местных и привозных пород животных. Авторитетные авторы пишут о том, что в хозяйственной цивилизации кочевников Средней Азии «произошел ряд положительных сдвигов, связанных с вхождением края в состав России. С развитием товарно-денежных отношений скотоводство стало приспосабливаться к потребностям рынка, увеличивалось число овец и коров, сокращалось поголовье коней. Происходила дифференциация среди скотоводов, выделялись крупные скотоводческие хозяйства, применявшие наемную рабочую силу и т.п.»[631]. В целях нормализации хозяйственной деятельности животноводов региона в 1900 г. был принят закон об установлении нормальной оценки гуртового скота в местностях «Среднеазиатских владений»[632]. В Русском Туркестане

---

[629] Литвинов П.П. Внешнеполитические аспекты истории киргизов Памиро-Алая конца XIX – начала XX в. Фрунзе: Илим, 1989. С. 86.

[630] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О мерах предупреждения и прекращения чумы на рогатом скоте. 30 мая 1876 года // ПСЗРИ-2. Т. 51. Отд.1. СПб., 1878. № 56036. С. 569-570.

[631] История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5 томах. Т. 2. Фрунзе: Кыргызстан, 1986. С. 118-119.

[632] Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – Об установлении нормальной оценки гуртового скота в местностях Сибири и Среднеазиатских владений. 3

были основаны конные заводы. Пользовался известностью и продуктивностью Иссыккульский конный завод, основанный штабс-капитаном В.А. Пяновским, улучшивший местные породы лошадей[633]. Во многих местах Туркестанского края были организованы ветеринарные случные пункты. В традиции животноводческой цивилизации народов Средней Азии вносились существенные позитивные изменения. «Новшества в скотоводческом хозяйстве особенно весомо проявились в усилении заготовок кормов на зиму, сочетании в определенной мере подножного содержания скота со стойловым, а также приспособлении этой отрасли производства к требованиям потребителей, т.е. усилении разведения тех видов скота, на которые имелся спрос на рынке»[634]. В Средней Азии появилась научная ветеринария, лечебно-ветеринарные пункты, началась борьба с ящуром и другими болезнями скота. Русские ветеринары делали прививки противочумной сыворотки. Они осматривали скот кочевников, выявляли больных животных и рекомендовали уничтожать заразные особи.

Одним из наиболее разорительных обстоятельств развития сельского хозяйства в Средней Азии всегда были нашествия саранчи. Земледельцы региона в дороссийский период боролись с губительными набегами саранчи самостоятельно, не получая никакой помощи от правительств местных ханств. С присоединением к России положение дел изменилось. Государство стало выделять значительные средства на борьбу с нашествиями саранчи и привлекать опытных специалистов к этому делу. Так, на 1904-1906 гг. выделялось 357.100 руб. на борьбу с саранчой[635]. В сентябре 1909 г. вопрос о борьбе с саранчой был вынесен на рассмотрение Совета министров, который

июля 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19025. С. 923.

[633] Туркестанские ведомости. 1910. № 177; Семиреченские областные ведомости. 1910. № 71.

[634] История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5 томах. Т. 2. Фрунзе: Кыргызстан, 1986. С. 118.

[635] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – О сметах и раскладках земских повинностей Туркестанского генерал-губернаторства и Степных областей на 1908-1910 годы. 8 июля 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30771. С. 492.

на заседании от 22 сентября 1909 г. постановил, чтобы туркестанский генерал-губернатор совместно со своим Советом, а также Главное управление землеустройства и земледелия, министерство финансов и Государственный контроль в течение 1909-1910 гг. разработали план мероприятий по борьбе с саранчой в Ферганской, Сырдарьинской и Самаркандской областях[636]. В итоге был издан закон о выделении на борьбу с саранчой весьма крупной суммы – 571.021 руб. 90 коп.[637].

Таким образом, в последней трети XIX – начале XX вв., российское правительство сделало многое для усиления прогрессивного развития экономики Русского Туркестана. Были построены железные дороги, появилось судоходство, первые капиталистические промышленные предприятия, разрабатывались сырьевые источники, был установлен государственный надзор и контроль над горными, лесными, рыбными и др. ресурсами. В регионе были сооружены первые гидроэлектрические станции. Сельское хозяйство, скованное традиционными методами хозяйствования, мешавшими его механизации, тем не менее, тоже активно развивалось, особенно в сфере хлопководства. Но и другие аграрные отрасли (шелководство, выращивание злаков, огородничество и др.) тоже не ощущали стагнации. В сельское хозяйство Туркестана были внедрены новые культуры, сыгравшие большую роль в изменении традиционной аграрной цивилизации региона и рациона питания его коренного населения. В итоге, русская власть привнесла значительные позитивы в экономическое развитие Средней Азии. Это признавала даже английская историография того времени. Британские историки писали в 1910 г. о том, что приход России в регион, административная и прочая политика царских властей «привела к

---

[636] Особый журнал Совета министров от 22 сентября 1909 года - По вопросу об ассигновании из государственного казначейства средств на борьбу с саранчой в Туркестанском крае // Особые журналы Совета министров Российской империи. (1909-1917 гг.) 1909 год. М., 2000. С. 381.

[637] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – Об утверждении сметы и раскладки земских повинностей Сыр-дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей на трехлетие 1910-1912 годов. 10 июня 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд.1. СПб., 1913. № 33710. С. 722.

тому, что отсталая ранее экономика Средней Азии стала быстро меняться и расти в прогрессивном отношении»[638].

Выводы по главе. Представляется очевидным, что основным фактором цивилизационной политики царского правительства в Средней Азии являлись экономические интересы России. Ее торгово-экономические связи с этим регионом сложились задолго до его присоединения к царской империи. Их расширение сопровождалось ростом дипломатической активности, достигшей высокого уровня уже в XVI в., при Иване IV. Еще до освоения Сибири и утверждения в ней русской власти к ней уже были проложены торговые пути среднеазиатскими купцами. В последующем царские власти, считая их деятельность полезной, поощряли развитие «бухарской» торговли в Сибири, не препятствуя ей и не обременяя ее излишним государственным вмешательством.

При Петре I среднеазиатское направление торговых контактов приобрело стратегический характер. Царь-реформатор видел в них большие перспективы и активно действовал на поприще дипломатических связей с региональными ханствами. Преемники Петра на престоле продолжали его политику. При императрице Анне Иоанновне был построен город Оренбург, ставший «вратами» российской торговли со Средней Азией. Она осуществлялась «караванным» образом и была небезопасным мероприятием из-за грабительских нападений кочевников. Несмотря на эти обстоятельства, торгово-экономические отношения России с Туркестаном не только не прерывались, но и год от года нарастали. Царское правительство поощряло этот процесс, исходя из российских государственных интересов. Оно устанавливало льготные условия для среднеазиатских купцов, но при императрице Екатерине II запретило ввоз их товаров на внутренние рынки Российской империи. Одновременно царские дипломаты и разведчики постоянно изучали ситуацию в Бухарском, Кокандском и Хивинском ханствах с целью повышения эффективности российской торговли с ними.

[638] The Cambridge modern history. Vol. XII. The latest age. Cambridge, 1910. P. 344.

Несмотря на сложное отношение властей ханств к русским купцам, на исходе первой четверти XIX в. царское правительство разрешило привозить среднеазиатские товары и на внутренние рынки (ярмарки) страны.

Безусловно, торговля России со Средней Азией была нужна и выгодна царской власти, однако в целом, к середине XIX в. она приносила гораздо больше прибыли туркестанским купцам, особенно за счет сбыта хлопка, особенно востребованного растущей российской текстильной промышленностью. Вместе с тем, нет оснований говорить о ее «хлопковой» зависимости от Средней Азии, так как даже в начале XX в. половина такого сырья ввозилась в Россию из-за рубежа – Египта, Британской Индии, США и др. Что касается товаров, вывозимых из России в Туркестан, то в середине XIX в. их стоимость в суммарном выражении была меньше торговых доходов среднеазиатских купцов. Тем не менее, в это время российское правительство, в целях развития торговли со Средней Азией, освобождало товары из этого региона от платежа ряда пошлин и даже от карантинного досмотра, обязательного для других торговых операторов.

После присоединения Средней Азии к Российской империи характер торговли с ней, разумеется, изменился, так как она подпала под регулирование царским законодательством. В частности, в Русском Туркестане была установлена система получения «туземными» купцами и предпринимателями свидетельств на право торговли и промыслов. Была введена единая система мер и весов. Однако условия торговли со среднеазиатскими ханствами регулировались договорами с ними и во многом сохраняли прежний льготный характер. В регионе были введены торговые сборы, но по ряду товаров пошлины были отменены. В целом, в регионе контроль над торговлей осуществлялся российскими таможенными учреждениями, действовавшими позже и в среднеазиатских ханствах. Таким образом, торгово-экономические связи России со Средней Азией составляли канву цивилизационного взаимодействия между ними.

Цивилизационная политика царской России в Средней Азии нашла

наиболее полное выражение в общем экономическом развитии региона - индустриальном и аграрном. В дороссийский период оно пребывало в состоянии стагнации по причинам объективного и субъективного характера. Естественно, что присоединение к России не могло не вовлечь Среднюю Азию в общий процесс капиталистической модернизации страны. Конечно, она не могла сразу и кардинально изменить сложившееся статус-кво в экономической сфере, многовековые традиции хозяйствования, с трудом поддающегося влиянию технического прогресса. Так было и в аграрной сфере в самой России. Вместе с тем, буржуазная модернизация привнесла в экономическую жизнь Средней Азии много нового. Важнейшим условием экономического прогресса в регионе стали железные дороги, обеспечивавшие скорую и объемную перевозку людей и грузов. Они способствовали преобразованию местного натурального хозяйства в товарно-денежное, приобщили его к российским капиталистическим отношениям. Железные дороги стимулировали развитие фабрично-заводской промышленности. Свой вклад в экономику Туркестана внесло российское судоходство. Правительство поставило под контроль использование природных ресурсов – горных, лесных, водных и др. В преобразовании экономики Средней Азии участвовали не только государственные средства, но и активы частного капитала, включая банковский. В регионе действовали десятки разного рода акционерных обществ, товариществ, компаний и т.п., в том числе зарубежных. Государство поддерживало их образование и обеспечивало законодательную поддержку их деятельности.

Несмотря на очевидные успехи в индустриальном развития, в целом Средняя Азия оставалась средоточием традиционной аграрной цивилизации. В известной мере, она была «монокультурной», то есть сориентированной на производство хлопка, в котором остро нуждалась местная и российская текстильная промышленность. Оно было выгодно для царского правительства и потому всемерно им поощрялось. Торговые обороты хлопка постоянно росли. В Туркестане резко возросло число хлопкоочистительных

предприятий, оснащенных новыми техническими мощностями. В регионе впервые появилась действительно индустриальная цивилизация, поскольку она распространялась на добычу полезных ископаемых, шелководство, производство тканей, стекла, орудий труда и т.п.

В целях увеличения производства хлопка и пищевых сельскохозяйственных культур царское правительство поддерживало развитие ирригационных систем в Средней Азии путем строительства новых оросительных каналов и совершенствования старых. В основном это осуществлялось за счет государственных средств, однако к некоторым сооружениям привлекался и частный капитал. За счет улучшения ирригации развивалось не только хлопководство, но и производство злаковых, рисоводство, огородничество, бахчеводство и др. Правительство поддерживало производство неполивных культур – например, шелководства.

Значительное цивилизационное влияние на традиционную экономику «туземного» населения Средней Азии оказало привнесение в сферу сельскохозяйственного производства новых культур, ранее ему неизвестных. Местные земледельцы быстро освоили выращивание картофеля, сахарной свеклы, кукурузы, табака и др. Для того чтобы привозные сорта новых сельхозкультур привыкали к местным природно-климатическим условиям, давали больше урожая, в Русском Туркестане устраивались селекционные станции, которые районировали их применение. Значительную роль в этом отношении сыграли сельскохозяйственные школы. Русские власти пытались изменить хозяйственную цивилизацию даже среди традиционных кочевников Алая и Памира, что, однако не имело успеха. Вместе с тем, их цивилизационные устремления нельзя не оценить.

Российское цивилизационное влияние распространялось и на селекционную работу в животноводстве. Путем скрещивания местных и привозных видов скота, появлялись более крепкие и устойчивые породы животных. Власти осуществляли ветеринарный контроль над животноводством, устраивая лечебно-ветеринарные пункты, борясь с

опасными заболеваниями животных. Они же проводили работу по защите посевов и животных от сельскохозяйственных вредителей.

Таким образом, на основе содержания данной главы диссертации можно прийти к заключению о том, что торгово-экономическая политика царской России в Средней Азии наложила заметный культурный отпечаток на традиционной аграрной цивилизации «туземного» населения региона.

Глава 4. Социальная политика Российского государства в Средней Азии второй половины XIX – начала XX вв.

Среди основных направлений деятельности Российского государства в царистский период проблемы социальной политики не занимали приоритетного положения. Большинство населения страны было лишено профессиональной медицинской помощи, несмотря на учреждение земских лечебных учреждений в пореформенной России. То же можно сказать и о системе народного образования при царизме. Уровень неграмотности населения был чрезвычайно высок, хотя повсеместно функционировали церковно-приходские школы. Таким образом, цивилизационный потенциал учреждений здравоохранения и образования в царской России был незначителен. Однако на национальных окраинах империи царизм старался развить и увеличить его с тем, чтобы завоевать доверие коренного населения. Это нашло свое проявление и в Средней Азии, что можно считать показательным, так как фактически все ее население было мусульманским, то есть чуждым культуре христианской Российской империи. О цивилизационном значении действий царской власти в сфере здравоохранения в регионе повествуется в первом параграфе данной главы диссертации. О влиянии Российского государства на систему народного образования в Туркестане рассказывается во втором параграфе главы.

4.1. Мероприятия русской власти в сфере здравоохранения в регионе

Состояние здравоохранения в Средней Азии до прихода сюда России было весьма удручающим. Российский горный инженер Т.С. Бурнашев, побывавший в Бухарском ханстве в конце XVIII в. писал о распространении

в нем множества болезней - «ришты», вызываемой грязной водой, малярии, оспы, тифа, чумы, лихорадки и сифилиса, который он называл «любострастной болезнью»[639]. Российский исследователь Г. Спасский писал о том, что, что в своем отчете о путешествии в Ташкент в 1800 г. горные чиновники Бурнашев и Поспелов отмечали, что городе имели распространение многие болезни, из которых «оспа и горячка производят иногда гибельные следствия»[640]. А. Вамбери указывал на постоянное присутствие в регионе заразных «недугов от дурного климата и дурной воды»[641]. Естественно, что в Средней Азии до прихода России не было никакой государственной профессиональной системы здравоохранения. Большинство населения лечилось у знахарей-«табибов». Большой знаток Туркестана, генерал Н.И. Корольков писал о том, что «туземцы» обычно обращались за помощью к местным «врачам-табибам», которые их лечили их такими снадобьями, что «туземцы или уродовались на всю жизнь, или же преждевременно умирали»[642]. Вместе с тем, нельзя делать вывод о том, что в регионе из-за отсутствия лечебных инстанций люди вымирали. Безусловно, существовала традиционная народная медицина, методы которой давали и позитивные результаты. Сенатор-ревизор Туркестанского края в 1882-1883 гг., тайный советник Ф.К. Гирс писал о том, что не следует принижать уровень местной медицины и ее значение. Он отмечал, что знающие «туземные» лекари излечивают многие заболевания, «употребляя для того местные средства и весьма оригинальные хирургические приемы…Туземные врачи нисколько не подходят к так называемым знахарям коренной России; они обладают, по-своему, весьма значительным запасом практических медицинских сведений, доставшимся Средней Азии от арабов в период

---

[639] Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году // Сибирский вестник. 1818. Часть 3. СПб., 1818. С. 112-115.
[640] Спасский Г. Путешествие от Сибирской линии до Ташкента и обратно в 1800 году // Сибирский вестник. 1818. Часть 4. СПб., 1818. С. 229.
[641] Вамбери Арминий. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году. СПб., 1865. С. 95.
[642] РГИА. Ф.1284. Оп.223. Д. 205. Л. 72.

цветущего состояния их владычества в этой стране. Имена и сочинения Гиппократа, Авиценны и Авероэса небезызвестны врачам-туземцам. В библиотеках их, по всему вероятию, находится порядочный запас медицинских сведений, а в помещениях туземных врачей, служащих вместе с тем аптеками, хранится значительное количество мало или совершенно неизвестных ученому миру лекарств»[643]. Однако услуги таких врачей были доступны только малой толике местного социума – ханам со своими семействами, придворным, высшим чиновникам и богатым людям.

Гирс сожалел, что русские врачи плохо знают «туземную» медицину и фармацевтику и рекомендовал туркестанским властям заинтересоваться этим. Туркестанский генерал-губернатор М.Г. Черняев обратил внимание на это замечание сенатора-ревизора и в 1883 г. поручил молодому врачу И.Л. Яворскому, уже побывавшему в Афганистане в составе миссии генерала Н.Г. Столетова (1878 г.), заняться изучением «туземной» медицины и фармакологии. Нелишне отметить, что по материалам своих исследований Яворский «в 1887 г. защитил докторскую диссертацию по теме: «Опыт медицинской географии и статистики Туркестана»[644].

Мы разделяем мнение Гирса о том, что в Средней Азии существовали профессиональные врачи, излечивавшие людей, однако, во-первых, их было мало, а, во-вторых, даже они и успешная народная медицина в Средней Азии дороссийского периода были бессильны перед эпидемиями заразных заболеваний, постоянно посещавшими Среднюю Азию, унося жизни многих тысяч людей. Приобщение коренного населения Средней Азии к благам русской медицины началось еще до официального присоединения региона к Российской империи. Военные медики упоминавшейся «Сырдарьинской линии» уже в 1850-х гг. оказывали помощь местному населению, но она не была консолидирована. Поэтому в феврале 1861 г. было издано

---

[643] Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб., 1884. С. 164.

[644] Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 276.

правительственное «положение» о правах и обязанностях Старшего доктора при командующем «линией»[645]. Закон подчинил ему всех медицинских специалистов, работавших на ней. Круг обязанностей Старшего доктора включал в себя, кроме обслуживания войск, заботу о местном «туземном» населении – проведение оспопрививания, периодический объезд подведомственных территорий с целью осмотра медицинского состояния среди коренных жителей, борьбу с болезнями, особенно заразными, пресечение эпидемических заболеваний, эпизоотий и т.п. В марте 1862 г. были учреждены должности акушерок в фортах «Сырдарьинской линии»[646]. Эта мера была рассчитана и на «туземных» рожениц. Ежемесячно акушерки должны были через Старшего доктора отсылать отчеты о новорожденных (и умерших) младенцах в Оренбург. Таким образом, система здравоохранения в Русском Туркестане изначально была подчинена военному ведомству не только в отношении военнослужащих и переселенцев, но и коренных жителей. Так, в конце 1862 г. был образован Алатавский округ. В законе предусматривалось специальное выделение средств «на приобретение медикаментов для лечения киргизов Большой и Дикокаменной орды»[647].

Во «Временном положении» об управлении Туркестанской областью от 6 августа 1865 г. отмечалось: «Заведующему медицинской частью в области присваиваются обязанности и права… Старшего доктора бывшей Сыр-дарьинской линии. Он подчиняется Окружному военно-медицинскому инспектору Оренбургского военного округа и состоит, вместе с тем, в ведении Военного губернатора»[648]. В сентябре 1865 г. Военный совет

---

[645] Высочайше утвержденное Положение о правах и обязанностях Старшего доктора при командующем Сырдарьинской линии. 9 февраля 1861 года // ПСЗРИ-2. Т. 36. Отд. 1. СПб., 1863. № 36597. С. 81-84.

[646] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении должностей акушерок в фортах Сырдарьинской линии: «Перовский» и № 1. 24 марта 1862 года // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд. 1. СПб., 1865. № 38091. С. 254-255.

[647] Высочайше утвержденное Положение об управлении Алатавским Округом. Штат Управления Начальника Алатавского Округа и Киргизов Большой Орды. 25 декабря 1862 года // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд. 3. СПб., 1865. № 39088. С. 545.

[648] Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской области. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд.1. СПб., 1867. С. 879.

военного министерства усилил штаты медицинских учреждений в Чимкенте, Мерке, Токмаке и др.[649]. В 1866 г. в Туркестанской области были учреждены две должности «повивальных бабок» (акушерок)[650].

Как отмечалось, в 1867 г. вместо Туркестанской области было учреждено одноименное генерал-губернаторство (край). О судьбе проекта правительственного «положения» об управлении им мы писали выше. Согласно § 36 документа, все дела «по принятию мер к охранению народного здравия» подлежали ведению распорядительных отделений областных правлений[651]. Начальники уездов должны были наблюдать «за сохранением народного здравия и принимать меры к прекращению эпидемических болезней»[652]. В документе имелся специальный (VII) раздел – «Устройство медицинской части» (§§ 381-387). В нем указывалось, что в каждом уезде Туркестанского края по штату положено иметь уездного врача и повивальную бабку (акушерку). В § 383 отмечалось, что в особенную «заботливость уездного врача поставляется принятие мер к распространению оспопрививания между туземцами»[653]. Уездный врач и акушерка должны были принимать и лечить «туземцев», выдавая им при необходимости бесплатные лекарство за счет специальных на то казенных ассигнований. Надзор за деятельностью уездных и городских медработников возлагался на областного врача - «дивизионного» доктора, который получал права Инспектора врачебной управы. Его права и обязанности были установлены позже – законом от 23 января 1871 г.[654]. Согласно § 387 проекта

---

[649] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении, временно, некоторых медицинских должностей в лазаретах в крепости Чимкент и в укреплениях: Мерке, Токмак, Арысь и Чулак-курган, и о дополнении штата полугоспиталя в форте «Перовский». 21 сентября 1865 года // ПСЗРИ-3. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 42483. С. 961-962.

[650] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении в Туркестанской области двух должностей повивальных бабок. 1 марта 1866 года // ПСЗРИ-2. Т. 41. Отд. 1. СПб., 1868. № 43064. С. 218-219

[651] См.: Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях. СПб., 1867. С. 9.

[652] Там же. С. 10.

[653] Там же. С. 58.

[654] См.: Высочайше утвержденное Положение о Дивизионном враче. 23 января 1871 года //

«Туркестанского положения» 1867 г., главный медицинский надзор в Туркестанском крае поручался медицинскому инспектору Туркестанского военного округа. Таким образом, гражданская медицина в Туркестанском крае подчинялась окружному военно-медицинскому управлению.

В 1873 г. первый туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман направил в правительство очередной проект «Туркестанского положения», который должен был после законодательного утверждения заменить действующий временный документ 1867 г. В сопроводительной записке он указывал, что «обязанность областных врачей по военно-народному управлению по проекту управления Туркестанским краем полагается отделить от них»[655]. Кауфман отмечал, что с этой целью он даже составил «проект Положения о должности областных врачей Туркестанского военного округа»[656]. Но проект туркестанского генерал-губернатора 1873 года не получил поддержки в правительстве и базовой основой управления краем остался документ 1867 г. Несмотря на то, что К.П. Кауфман был занят решением множества проблем края, он никогда не упускал из вида деятельность «медицинской части». Он добился увеличения средств Туркестанского окружного военно-медицинского управления[657]. При нем выросло число медицинских учреждений, которые оказывали врачебную помощь «туземному» населению. Кауфман рационально относился к учреждению таких заведений. Так, например, военное министерство планировало открыть в 1874 г. полугоспиталь в укреплении Мерке, однако туркестанский генерал-губернатор счел более необходимым организовать его в Токмакском укреплении, вокруг которого проживало больше кочевого и оседлого «туземного» населения. И он добился реализации своего

ПСЗРИ-2. Т. 46. Отд. 1. № 49169. С. 58-62.

[655] РГВИА. Ф. 546. Оп.2. Д. 4898. Л. 1-1об.

[656] Там же. Л. 1.

[657] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об увеличении расхода на содержание Туркестанского окружного военно-медицинского управления. 22 июля 1869 года // ПСЗРИ-2. Т. 44. Отд. 1. СПб., 1873. № 47341. С. 936.

намерения[658]. В том же году Военный совет постановил преобразовать полугоспиталь в городе Аулие-ата в лазарет, а Каракольский лазарет, напротив – в полугоспиталь[659]. В 1875 г. выросли штаты больниц в Ходженте и Перовске. Военный совет постановил: в Ходжентскомполугоспитале иметь 95 мест для мужчин и 5 мест для женщин, а Перовский содержать на 50 мест[660]. В этом же году Военный совет упразднил полугоспитали в городе Туркестане, селениях Токмаке и Чиназе и учредил вместо них местные лазареты на 40 мест, в том числе – 20 запасных. Было решено упразднить местный лазарет в укрепление Петро-Александровском и «военно-временный» полугоспиталь в Кульдже, которая к тому времени уже была возвращена Китаю. Военный совет постановил: вместо них учредить в этих же пунктах постоянные полугоспитали на 60 штатных мест и 30 запасных. Каждому больному в лечебницах Туркестанского края, кроме провианта и «приварка», полагалось выдавать по 15 коп. в день, или 25 коп. – без провианта и «приварка»[661]. В 1875 г. были также открыты лазареты при Красноводском и Александровском (форте) гарнизонах. Поскольку Красноводск был более населен, то открывшаяся в нем больница была рассчитана на 60 мест, а с отпуском белья и вещей – на 80 человек. В форте Александровском лазарет устраивался на 30 мест, а с бельем и вещами – на 40 мест[662]. «Первоустроитель», как именовали К.П. Кауфмана, добивался,

---

[658] Именной, объявленный в приказе по военному ведомству – Об открытии в укреплении Токмак полугоспиталя. 14 марта 1870 года // ПСЗРИ-2. Т. 45. Отд. 1. СПб., 1874. № 48125. С. 243.

[659] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О низведении полугоспиталя в укреплении Аулие-Ата в лазарет на 30 мест и обращение местного лазарета Каракольского укрепления в полугоспиталь на 40 мест. 18 мая 1874 года // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 1. СПб., 1876. № 53542. С. 804.

[660] Высочайше утвержденное Положение Военного совета, объявленное в приказе по военному ведомству – Об увеличении штата Ходжентского и Перовского полугоспиталей. 23 июня 1875 года // ПСЗРИ-2. Т. 50. Отд. 1. СПб., 1877. № 54852. С. 670.

[661] Высочайше утвержденное Положение Военного совета, объявленное в приказе по военному ведомству – Об изменении числа военно-лечебных учреждений в Туркестанском военном округе. 23 июня 1875 года // ПСЗРИ-2. Т. 50. Отд. 1. СПб., 1877. № 54854. С. 671.

[662] Высочайше утвержденное Положение Военного совета, объявленное в приказе по военному ведомству – Об открытии лазаретов при Красноводской и Александровской

чтобы лечебницы типа «приемных покоев» имелись при каждом относительно крупном воинском подразделении[663]. В итоге, при Кауфмане в Туркестанском крае была создана обширная сеть лечебных учреждений, которые оказывали медицинскую помощь не только военнослужащим и переселенцам, но и представителям «туземного» населения. Лечебницы разного типа – приемные покои, лазареты, полугоспитали, госпитали и др. год от года расширяли сферу своей деятельности среди коренных жителей, которое проникалось все большим доверием к русской медицине в лице ее представителей в Туркестане – врачей, фельдшеров, акушерок, фармацевтов и др. Сенатор-ревизор Туркестанского края в 1882-1883 гг., тайный советник Ф.К. Гирс писал о том, что авторитет русской медицины среди «туземцев» растет, но преимущественно у тех, кто живет поблизости от городов[664]. Он отмечал, что в 1881 г. к услугам русской медицины в Туркестанском крае обратилось всего (без войск) 22.600 чел., из которых 18.500 чел. были «туземцами», то есть менее 1% от общего числа «туземного» населения края (2.300.000 чел.). Сенатор-ревизор приходил к выводу о том, что не надо платить повивальным бабкам на наем переводчиков, так как к ним «туземные» женщины за помощью не обращаются, а все деньги уходят к бабкам[665]. Таким образом, за полтора десятилетия царской власти в Средней Азии общая ситуация в сфере здравоохранения изменилась мало. В год смерти Кауфмана, в 1882 г. газета «Туркестанские ведомости» писала о том, что санитарное состояние «туземных» селений в крае можно характеризовать как «угрожающее, порождающее массу инфекционных заболеваний среди населения»[666]. Однако это обстоятельство вряд ли стоит связывать с работой

местных командах. 28 июня 1875 года // ПСЗРИ-2. Т. 50. Отд. 1. СПб., 1877. № 54873. С. 709-710.

[663] См. напр.: Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об отпуске Туркестанскому саперному полубатальону денег на содержание приемного покоя. 2 сентября 1881 года // ПСЗРИ-3. Т. 1. СПб., 1885. № 374. С. 281.

[664] Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб., 1884. С. 160.

[665] Там же.

[666] Литвинов В.П. Государство и паломничество мусульман в царской России:

русской медицины в Туркестане. Оно объяснялось косной приверженностью «туземного» мира региона к устоявшейся традиции, никак не связанной с соблюдением элементарных норм санитарии и гигиены. Оспопрививание шло с большим трудом – мусульманское духовенство убеждало людей в том, что таким образом русская власть хочет обратить их в христианство. В связи с этим в разных местах региона вспыхивали даже очаги сопротивления.

При преемнике Кауфмана М.Г. Черняеве (1882-1884 гг.) ситуация в сфере здравоохранения в Туркестанском крае оставалась стабильной, но никаких серьезных изменений в ее функционирование «бедовый» генерал не привнес. Правда, осенью 1883 г. был упразднен Чиназский местный лазарет на 40 мест[667]. Учитывая то обстоятельство, что работники медицинских учреждений выезжали на места для оказания помощи местному населению, второй туркестанский генерал-губернатор добился выделения средств для разъездов медикам Самаркандского военного госпиталя[668]. Кроме того, Черняев добился дополнительных выплат чинам Туркестанского окружного военно-медицинского управления, работающим по «военно-народному управлению», то есть с региональным «туземным» населением[669].

При новом генерал-губернаторе Н.О. Розенбахе, по представлению Главного штаба, было осуществлено переустройство лечебных заведений в Туркестанском крае. По решению Военного совета от 11 марта 1885 г. были упразднены: Казалинский госпиталь 1-го класса и полугоспитали в Ходженте, Перовске, Чимкенте и Петро-Александровске. Это, однако, не означало их ликвидации, поскольку они были переведены на статус, так

туркестанский вариант (по архивным, правовым и иным материалам): монография. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2016. С. 471.

[667] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об упразднении Чиназского местного лазарета. 4 ноября 1883 года // ПСЗРИ-3. Т. 3. СПб., 1886. № 1809. С. 432-433.

[668] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об отпуске разъездных денег медицинским и фармацевтическим чинам Самаркандского военного госпиталя. 17 февраля 1884 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 2042-а. Дополнение к 3-му тому ПСЗРИ-3. С. 301.

[669] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О производстве чинам Туркестанского Окружного военно-медицинского управления добавочного содержания за труды по заведыванию Врачебной частью по военно-народному управлению Туркестанского края. 13 июля 1884 года // ПСЗРИ-3. Т. 4. СПб., 1887. № 2359. С. 410-411.

называемых «местных» лазаретов[670]. В середине 1880-х гг. (без выведенной из состава края в 1882 г. Семиреченской области) в Туркестанском крае функционировали 2 госпиталя (Ташкентский – 2-го класса) и (Самаркандский – 1-го класса), рассчитанные на 622 больных, в том числе на 30 женщин, в основном «туземных». В регионе насчитывалось 19 местных лазаретов – Казалинский, Ходжентский, Перовский, Чимкентский, Форта № 2, Туркестанский (в г. Туркестане), Джулекский, Аулиеатинский, Уратюбинский, Ключевской (Джизакский), Каттакурганский, Петроалександровский, Нукусский, Маргиланский, Андижанский, Ошский, Кокандский, Наманганский и Тульчинский. Суммарно они имели 1101 мест, в том числе 82 женских[671]. Из них десятки занимались «туземцами» края.

«Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 г. не внесло кардинальных изменений в управление медицинской частью региона. Об этом свидетельствовала глава II (пункт: А) документа[672]. Указанная часть по-прежнему состояла в ведении Главного военно-медицинского управления. Документ гласил: «Местное управление медицинской частью составляют: Окружной военно-медицинский инспектор, Помощник его, Окружные ветеринар и окулист, секретарь из врачей, секретарь из фармацевтов и заведующий химической лабораторией»[673]. В областях Туркестанского края медицинской частью руководили областные врачи с правами губернских врачебных инспекторов. Особо отмечалось, что они подчинялись военному губернатору области. Назначение уездных и городских врачей осуществлялось Главным военно-медицинским инспектором, но с одобрения туркестанского генерал-губернатора. Согласно «Туркестанскому

---

[670] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О переустройстве военно-врачебных заведений Туркестанского военного округа. 11 марта 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 2802. С. 98-99.

[671] Высочайше утвержденная 11 марта 1885 года Ведомость госпиталям и местным лазаретам в Туркестанском военном округе. // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. Штаты и табели. № 2802. С. 58.

[672] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. С. 322.

[673] Там же.

положению» 1886 г., врачи продавали лекарства всем пациентам, не исключая «туземцев», по таксе, утвержденной генерал-губернатором, а бедные получали медикаменты бесплатно за счет особых казенных сумм. Уездным и городским врачам вменялось в обязанность проводить оспопрививание, привлекая к процессу «туземную» молодежь, обучая ее этому делу с оплатой из земских средств областей. Лечение в больницах было платное, но по утвержденным тарифам. Что касается неимущих, то за них платила власть из областных земских сумм. «Туркестанское положение» 1886 г. обязывало лечить больных как русских, так и «туземцев» и на дому, и в больницах. Таким образом, все медицинское дело, в том числе сугубо гражданское, в крае оставалось всецело в руках военной власти.

«Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 г. было рассчитано на часть российской территории в Средней Азии, а именно: на так называемые «коренные» области – Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую. Другие российские области региона – Семиреченская и Закаспийская не подлежали его действию. Они имели свои правительственные «положения» об управлении. Только в 1898 г. эти области были реально включены в состав Туркестанского генерал-губернаторства (края), руководители которого после этого получили право законодательной инициативы по отношению к ним. Поэтому до этого времени мы рассматриваем нормативно-правовые акты здравоохранительного характера отдельным образом. Что касается русских поселков в Бухарском ханстве (Чарджуй, Керки, Термез и Новая Бухара), то, согласно договорам с эмиратом 1868 и 1873 гг. и «Протоколу дополнительных правил» от 23 июня 1888 г., они находились под российской юрисдикцией. Нормативно-правовые акты, к ним относящиеся приводятся нами в общем «потоке» с документами, относящимися к Русскому Туркестану, немаловажной частью которого они являлись.

Летом 1887 г. в Чарджуе был открыт местный лазарет на 60 мест[674]. В

[674] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении в городе

это же время была учреждена должность Областного врача в Сырдарьинской области[675]. В марте 1888 г. изменилась численность мест в Наманганском и Ходжентском местных лазаретах. В первом из них она была доведена до 54, в том числе 4 женских, а во втором – 47, включая 3 женских[676]. Несмотря на развитие сети лечебных заведений в Туркестанском крае, их остро не хватало для лечения больных, особенно среди «туземного» населения. Поэтому в июне 1888 г. Военный совет постановил предоставить туркестанскому генерал-губернатору право открывать лечебницы типа «приемных покоев» в разных местах края, причем, с количеством мест, превышающим установленные законом размеры[677]. В ноябре 1888 г. он выделил врачу Амударьинского отдела, Сырдарьинской области средства для поездок в гарнизоны и «туземные» селения[678]. В ноябре 1889 г. Военный совет признал число женских мест в лечебных учреждениях Русского Туркестана недостаточным и принял решение об их увеличении, но за счет уменьшения в них числа мужских мест[679]. В конце 1889 г. он постановил открыть в Керки – русском поселке Бухарского ханства местный лазарет на 50-100 мест и учредить при нем должность «повивальной бабки»[680].

Чарджуе Управления воинского начальника и местного лазарета. 4 июля 1887 года. // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4633. С. 373; см. также: Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении в городе Чарджуе Управления воинского начальника и местного лазарета. 10 июля 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4649. С. 382.

675 Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении должностей Областного и Ветеринарного врачей в Сырдарьинской области. 30 августа 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4688. С. 399.

676 Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об изменении числа мест в Наманганском и Ходжентском местных лазаретах. 28 марта 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 5093. С. 115.

677 Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О предоставлении Командующему войсками Туркестанского Военного Округа права разрешать открытие приемных покоев при частях сего Округа в размерах больших сравнительно с определенными Законом. 10 июля 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 5403. С. 430.

678 Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О присвоении должности врача Аму-дарьинского отдела разъездных денег. 15 ноября 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 5551. С. 539.

679 Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об увеличении числа женских мест в Ташкентском военном госпитале. 12 ноября 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6347. С. 602.

680 Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об открытии в городе Керки

В 1891 г. Военный совет увеличил число надзирателей в Ташкентском военном госпитале на 35 человек[681]. В том же году он учредил должность «медика» в Мургабском Государевом имении[682]. В 1892 г. Государственный совет увеличил размер командировочных средств младшему медицинскому персоналу, выезжающему для оказания помощи «туземному» населению[683]. В феврале 1893 г. он учредил в Чарджуе – русском селении Бухарского ханства должности городского врача и фельдшера[684].

Закономерно возникает вопрос о том, за счет каких средств функционировали лечебные заведения в Туркестанском крае. Поясним. Медицинские службы в войсках Туркестанского военного округа существовали на средства бюджета Военного министерства. В сельской местности (уездах) края лечебные учреждения содержались за счет земских сборов с населения, в большинстве своем «туземного». Проблематичным было их содержание в городах Туркестанского генерал-губернаторства. Разумеется, что военные госпитали и лазареты, расположенные в городах, получали средства из бюджета Военного министерства. Из него же финансировались, согласно штату управления Туркестанским краем, областные и городские врачи. Однако в крае открывались лечебные заведения, предназначенные для местного населения, большей частью «туземного». Вопрос о финансировании их деятельности требовал законодательного разрешения. В апреле 1894 г. Государственный совет

местного лазарета и учреждении в том же пункте должности повивальной бабки. 18 декабря 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6464. С. 675-676.

[681] Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – Об увеличении штата Ташкентского военного госпиталя. 23 февраля 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7487. С. 84.

[682] Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – Об учреждении при Управлении Мургабским Государевым имением должности медика. 7 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7522. С. 110.

[683] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О прогонных деньгах фельдшерам Туркестанского края. 16 марта 1892 года // ПСЗРИ-3, т.12. СПб., 1895. № 8426. С. 170-171.

[684] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении в русском поселении у станции Чарджуй должности Городового врача и фельдшера. 22 февраля 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9345. С. 87.

постановил: «Устройство и содержание больниц и приемных покоев в городах Туркестанского края возлагается на обязанность городов с тем, чтобы в случае, когда в городские лечебные заведения будут принимаемы для пользования неимущие жители уездов, или же когда города окажутся не в состоянии удовлетворить полностью расходы по содержанию означенных заведений – городам назначались пособия на счет денежных областных земских повинностей, по сметах оных, установленным порядком»[685]. Безусловно, это имело самое непосредственное отношение к «туземному» населению, так как под неимущими жителями понимались, как правило, именно его представители. Контроль над деятельностью указанных лечебных заведений возлагался на городских врачей. Любопытно, что в это же время в ряде крупных населенных пунктов Туркестанского края не было своих городских врачей, которых заменяли уездные медики. Поэтому в 1895 г. военный министр добился учреждения в Коканде, Намангане и Андижане Ферганской области должностей городских врачей и фельдшеров при них[686].

Лечебные учреждения в Туркестанском крае имели в основном терапевтическое и хирургическое направление. Между тем, среди русскоязычного и «туземного» населения региона было немало людей, страдавших нервно-психическими заболеваниями. Учитывая значительное число душевнобольных в Русском Туркестане, начальник Главного военно-медицинского управления военного министерства (Главный военно-медицинский инспектор) в 1895 г. вошел с представлением в Военный совет ведомства об открытии психиатрического отделения при Ташкентском военном госпитале, которое было рассмотрено и удовлетворено[687].

---

[685] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О способе покрытия расходов по устройству и содержанию больниц и приемных покоев в городах Туркестанского края. 12 апреля 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10520. С.194.

[686] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении должностей городских врачей и фельдшеров в городах Коканде, Намангане, Андижане, Ферганской области. 1 июня 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11767. С. 370.

[687] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении отделения душевных болезней при Ташкентском военном госпитале. 23 сентября 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 12046. С. 565-566.

Известно, что важной проблемой российской казны в исследуемый период был постоянный дефицит средств. В связи с этим на разных направлениях деятельности органов государственной власти шла их экономия, в том числе в части сокращения расходов. Она затронула и лечебные заведения Туркестанского края. В конце 1895 г. Военный совет военного министерства принял постановление об уменьшении числа кроватей в местных лазаретах: Кармакчинском – вдвое (с 10 до 5), Туркестанском (г. Туркестане) – с 27 до 10, Чимкентском – с 34 до 21, Аулиеатинском – с 34 до 22[688]. Вместе с тем, не следует полагать, что «оптимизация» в системе здравоохранения Туркестанского края носила произвольный характер. Напротив, она сопровождалась и усилением кадрового состава медицинских работников в генерал-губернаторстве. Так, например, в конце августа 1896 г. Военный совет принял постановление об увеличении штатов Главного и Туркестанского окружного военно-медицинских управлений[689]. Кадровое усиление медперсонала в крае отчасти происходило и за счет привлечения к работе в лечебных заведениях края женщин-врачей, которым законом от 9 марта 1898 г. были предоставлены права государственной службы[690]. О том, что экономия средств в системе здравоохранения в Туркестанском крае не была бездумной свидетельствует и тот факт, что в конце мая 1898 г. Военный совет увеличил число мест в Кушкинском местном лазарете вдвое – с 28 до 56[691].

До включения Семиреченской и Закаспийской областей в 1898 г. в состав Туркестанского генерал-губернаторства (края) в них действовали свои

---

[688] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об уменьшении числа кроватей в местных лазаретах Кармакчинском, Туркестанском, Чимкентском и Аулиеатинском. 2 декабря 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 12213. С. 687.

[689] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об усилении штатов Главного и Туркестанского окружного военно-медицинских управлений. 29 августа 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 13207. С. 630.

[690] Высочайше утвержденное Мнение Государственного Совета – О даровании прав государственной службы женщинам-врачам. 9 марта 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15135. С. 178.

[691] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об увеличении числа мест в Кушкинском местном лазарете. 28 мая 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. отд. 1. СПб., 1901. № 15452. С. 358.

акты здравоохранительного характера. В ноябре 1883 г. Военный совет военного министерства постановил, что медицинские работники, служившие в Семиреченской области по «военно-народному управлению» по выслуге 5-летнего срока получали пособия по новому месту службы[692]. Летом 1884 г. департамент Государственной экономии Государственного совета принял постановление о выделении 1200 руб. в год на вознаграждение вольнонаемным фельдшерам при уездных врачах Семиреченской области[693]. В марте 1885 г. Военный совет преобразовал полугоспитали в Копале и Караколе в местные лазареты и упразднил такое же лечебное заведение в Борохудзире[694]. Важнейшим правительственным актом, касавшимся проблемы здравоохранения в Семиреченской области в период ее пребывания вне Туркестанского края было внедрение в ней в 1897 г. врачебно-участковой системы[695]. Она разделила область на участки, в каждом из которых состояли: участковый врач, фельдшер и акушерка. Они подчинялись областной врачебной инспекции. Границы врачебных участков определял Степной генерал-губернатор. Участковые врачи и их присные должны были оказывать медицинскую помощь местному населению, большинство которого, разумеется, составляли «туземные» жители, преимущественно кочевники. Кроме того, им предписывалось обеспечивать медицинским призрением жителей городов, в которых не было официально утвержденных городских врачей. Участковому медперсоналу вменялась забота об оспопрививании и подготовка специалистов по этой части из числа

---

[692] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О пособиях и прогонах лицам, служащим по военно-народному управлению в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. 4 ноября 1883 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 1810-а. Дополнение к 3-му тому ПСЗРИ-3. С. 287.

[693] Высочайше утвержденное Мнение Департамента Государственной Экономии Государственного Совета – О расходе по содержанию фельдшеров при уездных врачах Семиреченской области. 24 июля 1884 года // ПСЗРИ-3. Т. 4. СПб., 1887. № 2375. С. 420.

[694] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об упразднении Копальского и Каракольского полугоспиталей и Борохудзирского местного лазарета. 1 марта 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 2783. С. 91-92.

[695] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О преобразовании врачебной части в уездах областей Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской. 29 мая 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14187. С. 339-340.

«туземной» молодежи. Закон предписывал: «Пользование населения и отпуск ему медикаментов производится чинами по врачебной части бесплатно»[696]. Расходы по внедрению врачебно-участковой системы в Семиреченской области закон относил на средства земских сборов, которые осуществлялись на основании статей 420-437 «Устава о земских повинностях»[697]. С таким «багажом» в части здравоохранения Семиреченская область вернулась в 1898 г. в состав Туркестанского края. После этого все нормативно-правовые акты, относившиеся к проблемам здравоохранения в ней, принимались уже по законодательной инициативе Военного министерства и туркестанской краевой администрации. Если Семиреченская область только временно (в 1882-1897 гг.) покидала Туркестанский край, то Закаспийская область до 1898 г. никогда в нем не состояла, хотя находилась в прямом подчинении Военному министерству[698]. Медицинская часть в ней оказывала помощь местному «туземному» населению – туркменам, казахам Мангышлака, каракалпакам, узбекам и др. Им же в необходимых случаях предоставлялись бесплатно лекарства и медикаменты. В начале 1883 г. Военный совет Военного министерства учредил при Красноводском местном лазарете так называемую «запасную» аптеку, из которой они выдавались[699]. В феврале того же года он принял решение об изменении служебных прав должностей Старшего Областного врача, врачей для командировок и Ахал-текинского уездного врача[700]. Документ устанавливал разряды указанных медицинских работников и оклады их содержания, которые были введены для врачей

---

[696] Там же. С. 339.

[697] См.: Устав о земских повинностях // Свод законов Российской империи. Т. 4. СПб., 1912. С. 196-199.

[698] См.: Высочайше утвержденное Положение об управлении Закаспийской области. 6 февраля 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд.1. СПб., 1893. № 6576. С. 70-75.

[699] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении при Красноводском местном лазарете запасной аптеки. 27 января 1883 года // ПСЗРИ-3. Т. 3. СПб., 1886. № 1343. С. 22-23.

[700] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об изменении служебных прав, положенных по штатам Управления Закаспийской области и ее уездов должностей Старшего Областного врача, врачей для командировок и Ахал-текинского уездного врача. 10 февраля 1883 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 1378 а. Дополнение к 3-му тому ПСЗРИ-3. С. 275-276.

военно-сухопутного ведомства законом от 2 марта 1876[701]. Летом 1885 г. Военный совет установил «нормальный посуточный» отпуск довольствия больным (в том числе «туземцам») местных лазаретов Закаспийской области по 50 коп. в сутки, но без предоставления им «провианта и приварочных денег»[702]. В целях оказания «туземным» женщинам перинатальной помощи в ноябре 1885 г. он учредил должность акушерки при управлении Мервского округа[703]. В июне 1886 г. был усилен штат медицинского управления Закаспийской области, в который добавили должности: врача для командировок, делопроизводителя (из врачей), двух фельдшеров – старшего и младшего[704]. В соответствии с усилением медицинской части в Закаспийской области, в сентябре 1886 г. Военный совет упразднил 1-й, 2-й и 3-й «временно-военные» госпитали и увеличил число мест в Асхабадском местном лазарете со 150 до 200 мест. Были открыты новые местные лазареты в Серасхе и Аймак-Джаре на 50 мест и в Каахке – на 28 мест[705].

«Временное положение об управлении Закаспийской областью» от 6 февраля 1890 г. указывало: «Расход на содержание в Закаспийской области врачей, акушерок… удовлетворять на счет взимаемого с туземного населения области сбора на общественные надобности»[706]. Согласно документу, по отношению к «личному составу местных военно-врачебных заведений» начальник Закаспийской области пользовался правами «Главного начальника

---

[701] См.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О мерах к увеличению числа врачей в Империи. 2 марта 1876 года // ПСЗРИ-2. Т. 51. Отд. 1. СПб., 1878. № 55655. С. 167-170.

[702] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об утверждении нормального посуточного отпуска для лазаретов Закаспийской области. 16 июня 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 3069. С. 340.

[703] Высочайше утвержденное положение Военного совета – О включении в штат Управления Мервского округа должности акушерки. 24 ноября 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 3313. С. 471.

[704] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О некоторых изменениях в штатах и табелях военно-медицинских учреждений. 24 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3839. С. 376-377.

[705] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении новых врачебных заведений в Закаспийской области и упразднении некоторых из существующих, временно открытых // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3937. С. 441.

[706] Высочайше утвержденное Положение об управлении Закаспийской области. 6 февраля 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд.1. СПб., 1893. № 6576. С. 70.

военного округа»[707]. Областному врачу присваивалось звание «Областного военно-медицинского инспектора». На медицинский персонал, начальников уездов, приставов и лиц «туземной» администрации – волостных управителей и аульных старшин возлагались обязанности по поддержанию должного санитарно-гигиенического состояния среди местного населения и предупреждения появления эпидемических заболеваний. Тенденция экономии средств, нашла свою рефлексию и по отношению к Закаспийской области. В апреле 1890 г. Военный совет постановил уменьшить посуточное содержание больных в местных лазаретах форта Александровского, Красноводска, Чикишляра, Дуз-Олума, Серасха и Сары-Язы до 45 коп. в сутки, а в остальных – до 40 коп.[708]. Но, как и в Туркестанском крае, тенденция «оптимизации» здравоохранения в Закаспийской области не захлестнула здравый смысл. В необходимых случаях российское правительство, учитывая специфику региона, шло на рациональные траты. Так, в июне 1892 г. Военный совет увеличил оклады содержания сестрам милосердия в местных лазаретах Закаспийской области до 360 руб. в год[709]. В начале марта 1893 г. Государственный совет добавил отпуск денежных средств военно-медицинскому управлению Закаспийской области, что, однако коснулось преимущественно канцелярских и жилищных расходов[710]. В мае того же года Военный совет постановил усилить штат Медицинского управления Закаспийской области двумя должностями врачей для командировок, изъяв две такие должности из штата Омского окружного

---

[707] Там же. С. 73.

[708] Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – Об уменьшении посуточного отпуска денег на содержание больных офицеров и нижних чинов в местных лазаретах Закаспийской области. 20 апреля 1890 года // ПСЗРИ-3. Т.10. Отд.1. СПб., 1893. № 6736. С. 306.

[709] Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – Об увеличении содержания сестрам милосердия в местных лазаретах Закаспийской области. 17 июня 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8721. С. 462.

[710] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об увеличении денежных отпусков военно-медицинскому управлению Закаспийской области. 1 марта 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9382. С. 103.

военно-медицинского управления[711]. Совершенно очевидно, что это решение касалось, прежде всего, «туземного» населения Закаспийской области. Перед передачей Закаспийской области в состав Туркестанского генерал-губернаторства (края) Военный совет военного министерства учредил должность заведующего Красноводским местным лазаретом[712].

Указанная передача Закаспийской области в состав Туркестанского края мало касалась функционирования системы здравоохранения на ее территории. Большее значение в этом отношении имело постановление Военного совета от 12 июня 1899 г. об учреждении в Туркестанском военном округе двух армейских корпусов, о чем выше упоминалось. В соответствии с этим актом, были упразднены по две должности младших медицинских врачей, ветеринарных врачей, старших медицинских и младших аптечных фельдшеров, а также надзирателей за больными, которые состояли в штате 1-й и 2-й Закаспийских батарей. В Закаспийской области было упразднено военно-медицинское управление и право решать его дела было предоставлено ее начальнику. Закаспийская запасная аптека было подчинена военно-медицинскому управлению Туркестанского военного округа. В штат этого управления была введена должность врача для командировок, ранее числившаяся в штате Военно-медицинского управления Закаспийской области. Дежурному генералу округа были присвоены права и обязанности Инспектора госпиталей. В связи с этим в его управлении состояло Госпитальное отделение во главе со старшим адъютантом, штаб-офицером[713]. Основная нагрузка в сфере здравоохранительной работы ложилась на медиков армейских корпусов Туркестанского военного округа. Их состав не

---

[711] Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – О перечислении из штата Омского окружного военно-медицинского управления в штат такого же управления Закаспийской области двух должностей врачей для командировок. 9 мая 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9582. С. 260.

[712] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении должности заведующего Красноводским местным лазаретом. 11 октября 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14549. С. 590.

[713] См.: Высочайше утвержденный 12 июня 1899 года: II. Штат Туркестанского военного округа // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд.2. СПб., 1902. № 17214. С. 264.

был одинаковым. В обоих формированиях медицинскую часть возглавляли корпусные врачи. Однако, если в штате 1-го Туркестанского армейского корпуса, кроме корпусного врача, состоял только фельдшер, то в штате 2-го корпуса при нем состояли: медицинский врач для командировок, ветеринарный врач для командировок, старший медицинский фельдшер и старший ветеринарный фельдшер[714].

Начиная с 1899 г., нормативно-правовое регулирование сферы здравоохранения в Русском Туркестане осуществлялось уже в пределах всех 5 областей, входивших в состав одного генерал-губернаторства (края). Учитывая специфику работы врачей для командировок при Туркестанском окружном военно-медицинском управлении, в начале 1899 г. Государственный совет постановил увеличить им выплаты «разъездных» денег[715]. В июне того же года Военный совет учредил в Амударьинском отделе, Сырдарьинской области отдельную должность врача Отдела и должность фельдшера. В отличие от армейских медиков, они должны были в основном работать среди коренного населения Амударьинского отдела[716]. В августе 1900 г. Военный совет приравнял врача этого отдела Сырдарьинской области к уездным врачам Туркестанского края[717].

В конце сентября 1900 г. он признал правомерным наем 2-х сверхштатных сиделок для психиатрического отделения Ташкентского военного госпиталя. Вместе с тем, Военный совет признал необходимым добавить 4-х штатных сиделок в это отделение, но с тем, чтобы после этого

---

[714] См.: Высочайше утвержденный 12 июня 1899 года: II. Штат Туркестанского военного округа // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд.2. СПб., 1902. № 17214. С. 264; Высочайше утвержденный 12 июня 1899 года: I. Штат военного управления Закаспийской области и 2-го Туркестанского армейского корпуса // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд.2. СПб., 1902. № 17214. С. 257.

[715] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О добавочных расходах из Земской сметы Туркестанского края на Медицинскую часть. 1 февраля 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 16446. С. 97.

[716] Высочайше утвержденное Положение Военного совета - Об учреждении с 1899 года в Аму-дарьинском Отделе отдельной должности Врача Отдела, а также при нем Фельдшера. 16 июня 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 17235. С. 758.

[717] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О правах по службе врачей Аму-дарьинского отдела и Петро-Александровского местного лазарета. 9 августа 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19162. С. 1004.

сверхштатные сиделки были исключены из состава этого лечебного заведения[718]. Фактически одновременно Военный совет, в целях экономии средств, упразднил Джизакский местный лазарет и сократил число мест в Петро-Александровском лазарете со 162 до 80 однако с тем, чтобы женских мест в нем было не менее 6. В Ходжентском местном лазарете число коек было сокращено с 47 до 27, но при условии, чтобы женских мест было не менее 3-х[719]. Однако стремление к экономии средств в лечебных заведениях Туркестанского края имело разумные пределы. В марте 1901 г. министр финансов С.Ю. Витте внес в Государственный совет представление о сметах и раскладках земских повинностей в Туркестанском крае на 1901-1903 гг. В нем предлагалось выделить из земских сумм края 73.537 руб. на введение новых штатов сельско-врачебной части в Туркестанском крае[720].

Как отмечалось, городские врачи Туркестанского края получали от казны денежные средства для командировок. Но не все. Поэтому в начале ноября 1901 г. Государственный совет назначил городским врачам Ташкента, Самарканда, Коканда, Намангана и Андижана, а также Маргиланскому уездному врачу разъездных денег в сумме по 180 руб. в год каждому[721]. В начале XX в. военное министерство последовательно укрепляло возможности лечебных заведений в Туркестанском крае. В конце октября 1901 г. Военный совет учредил местный лазарет в Термезе, рассчитанный на 160 кроватей, в том числе 8 женских. Для лечения больных «туземцев» в штат лазарета была введена должность переводчика[722]. В начале февраля 1902 г. он принял

---

[718] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О добавлении сиделок к штату психиатрического отделения Ташкентского военного госпиталя. 28 сентября 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19250. С. 1056-1057.

[719] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О переустройстве некоторых местных лазаретов в Туркестанском военном округе. 19 октября 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19278. С. 1063.

[720] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О сметах и раскладках земских повинностей в Туркестанском крае на 1901-1903 годы. 19 марта 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 19833. С. 149-150.

[721] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О назначении разъездных денег городским врачам Туркестанского края. 5 ноября 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20697. С. 1112.

[722] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении местного

решение о расширении Кушкинского местного лазарета – с 56 кроватей до 200[723]. Через полтора месяца он же установил штатное число коек: 160 - в Мервском и Ходжентском местных лазаретах. В штат каждого из них добавили по одной акушерке[724]. Чтобы уменьшить недостаток медиков для работы на выездах с «туземным» населением в Туркестанском крае, Военный совет упразднил 4 должности врачей для командировок в Казанском военном округе и передал их в штат Туркестанского военного округа[725]. В связи с переходом Семиреченской области в ведение властей Туркестанского края, Государственный совет упразднил должность областного врачебного инспектора и постановил «учредить должность Областного врача Семиреченской области на общих для сих должностей в Туркестанском крае основании»[726].

Военное министерство постоянно усиливало кадровый состав младшего медицинского персонала в лечебных заведениях Русского Туркестана. В феврале 1903 г. Военный совет ввел в штат Петро-Александровского местного лазарета двух медицинских сестер[727]. В октябре того же года он постановил увеличить оклады сестер милосердия в местных лазаретах русских поселков в Бухарском ханстве – Керки, Чарджуе и

лазарета в урочище Термез. 30 октября 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 20962 а. Дополнения к 21-му тому ПСЗРИ -3. С. 42.

[723] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О расширении Кушкинского местного лазарета. 4 февраля 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21051. С. 74-75.

[724] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О расширении Мервского и Джаркентского местных лазаретов. 22 марта 1902 года. // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21256. С. 192.

[725] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об упразднении четырех должностей врачей для командировок при Казанском окружном военно-медицинском управлении VII медицинского разряда и добавлении в штат Туркестанского окружного военно-медицинского управления четырех таких же должностей. 3 мая 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21405. С. 315.

[726] Высочайше утвержденное Мнение Государственного Совета – О преобразовании управления медицинской частью в Семиреченской области. 27 января 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 22448. С. 45.

[727]Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О введении в штат Петро-Александровского местного лазарета двух сестер милосердия. 14 февраля 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 22526. С. 83.

Термезе[728]. В начале 1905 г. был увеличен на 25 чел. штат санитаров в Кушкинском местном лазарете[729]. В начале 1904 г. в Мургабском Государевом имении была упразднена должность Врача имения, а вместо нее были учреждены должности Старшего и Младшего врачей[730]. В том же году министр финансов В.Н. Коковцов предложил выделить из земских сумм Туркестанского края 156.497 руб. – на преобразование сельско-врачебной части Туркестанского края – в «коренных» областях – 141.262 руб. и 15.235 руб. для Семиреченской области. Кроме того, было выделено 13.721 руб. на содержание больницы для душевнобольных в Перовском лазарете и 207 руб. на содержание такой же больницы в Семиреченской области[731]. Представление министра финансов предусматривало выделение на пособие Туркестанскому комитету Попечительства о слепых на содержание глазных лечебниц – 1000 руб. для «коренных» областей и 333 руб. для Семиреченской[732]. В мае 1904 г. департамент Государственной экономии Государственного совета уточнил распределение этих сумм – 1000 руб. отпускалось на Ташкентскую глазную лечебницу и 333 руб. на такую же больницу в Верном[733]. В начале 1905 г. Государственный совет постановил открыть специальную лечебницу для душевнобольных в Перовске,

---

[728] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О денежном содержании сестрам милосердия в местных лазаретах: Керкинском, Чарджуйском и Термезском. 7 октября 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 23444. С. 940-941.

[729] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об увеличении штата прислуги в Кушкинском местном лазарете. 6 февраля 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 25796. С. 95.

[730] Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – Об учреждении при Управлении Мургабского Государева имения должностей: Агронома и Старшего и Младшего врачей и закрытии ныне существующей в означенном имении должности Врача. 22 января 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 23907. С. 46.

[731] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О сметах и раскладках земских повинностей Туркестанского генерал-губернаторства на трехлетие 1904-1906 годов. 10 мая 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд.1. СПб., 1907. № 24472. С. 414.

[732] Там же.

[733] Высочайше утвержденное Мнение Департамента Государственной экономии Государственного совета – Об отпуске Туркестанскому комитету Попечительства о слепых из земских средств Туркестанского края пособий на содержание глазных лечебниц. 10 мая 1904 года. // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд.1. СПб., 1907. № 24506. С. 440.

рассчитанную на 49 пациентов[734]. Она содержалась за счет средств из земских сборов Туркестанского края и потому называлась «земской».

В конце 1905 г. Государственный совет принял постановление о переустройстве системы сельских медицинских учреждений в «коренных» областях (Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской) Туркестанского края[735]. Был учтен опыт Семиреченской области во время ее пребывания в составе Степного генерал-губернаторства (края). Уезды были поделены на врачебные участки, которых было: в Сырдарьинской области – 18, в Самаркандской – 10 и в Ферганской – 16. В каждом участке был врач – заведующий лечебницей, фельдшер и акушерка. Женщины могли замещать должности участковых врачей. Последние подчинялись областным врачам и через них Окружному военно-медицинскому инспектору. Границы врачебных участков определял туркестанский генерал-губернатор. Участковые врачи были обязаны лечить «туземное» население и проводить среди него оспопрививание силами «оспенников-туземцев». В начале 1906 г. был усилен штат местных лазаретов в Кушке, Закаспийской области и в Копале, Семиреченской области. В первый добавили две сестры милосердия, а во второй – одну[736]. В марте 1906 г. Государственный совет преобразовал врачебную часть в Семиреченской области[737]. По сути, в ней сохранялась система, установленная законом от 29 мая 1897 г.[738]. Разница заключалась

---

[734]Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об устройстве в городе Перовске, Сырдарьинской области земской больницы. 14 февраля 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 25838. С. 126-127.

[735] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об устройстве сельско-врачебной части в Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областях Туркестанского края. 26 декабря 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 27129. С. 935-937.

[736] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О добавлении к штатам Кушкинского и Копальского местных лазаретов сестер милосердия. 26 февраля 1906 года. // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 27452. С. 189.

[737] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О преобразовании врачебной части в Семиреченской области. 6 марта 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд.1. СПб., 1909. № 27494. С. 218-220.

[738] См.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О преобразовании врачебной части в уездах областей Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской. 29 мая 1897 года. // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14187. С. 339-340.

лишь в том, что право определения границ врачебных участков перешло от Степного генерал-губернатора к его туркестанскому коллеге. В связи с переменами в устройстве врачебной части в Семиреченской области, в штат областного правления ввели должности врача для командировок и двух фельдшеров для этих же целей. Они должны были обеспечивать оказание медицинской помощи коренному населению и помогать участковым медикам на этом поприще[739]. По штату в каждой участковой больнице было 6 должностей. Одновременно был утвержден штат психиатрической клиники в городе Верном – административном центре Семиреченской области. Больница была рассчитана на 18 мест[740]. На принятии вышеприведенного закона формирование системы сельского здравоохранения в Туркестанском крае фактически оформилось. Что касается городов региона, то в апреле 1906 г. Государственный совет преобразовал в них медицинскую часть[741]. Она состояла из тех же лиц, что и сельская врачебная[742]. Безусловно, они должны были обслуживать и местное «туземное» население. Вместе с тем, штат предусматривал и специальные лечебные учреждения для него. В разделе II («Для женщин и детей туземного населения») отмечалось, что в городах Самарканде и Ходженте функционировали амбулатории для «туземных» женщин и детей, которыми заведовали женщины-врачи. На содержание амбулаторий в указанных городах выделялось по 730 руб. в год, в том числе на медикаменты, канцелярские расходы, прислугу и др.[743]. В городах Маргилане, Коканде, Андижане и Намангане функционировали такие же лечебницы на 10 мест с амбулаториями при них. На содержание лечебниц-

[739] См.: Высочайше утвержденный штат сельско-врачебной части Семиреченской области // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд.2. СПб., 1909. № 27494. С. 93.

[740] См.: Высочайше утвержденный штат лечебницы для душевнобольных с отделением для хроников в городе Верном // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд.2. СПб., 1909. № 27494. С. 95.

[741] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О преобразовании медицинской части в городах Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей Туркестанского края. 19 апреля 1906 года. // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 27740.С. 415-416.

[742]См.: Высочайше утвержденный Штат медицинской части в городах Сыр-дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 2. СПб., 1909. № 27740. С. 165-169.

[743] Там же. С. 168.

амбулаторий ежегодно отпускалось по 1.100 руб.[744]. Нелишне подчеркнуть, что лечение в указанных городских больницах было бесплатным, в том числе и в обеспечении «туземцев» некоторыми медикаментами. В апреле 1906 г. Государственный совет учредил особый больничный сбор в городах Асхабаде и Мерве Закаспийской области. Он устанавливался в сумме 1 рубля в год для всех жителей этих городов, независимо от пола, сословия, вероисповедания и национальности. Освобождались от сбора временно проживавшие, лица до 17 лет, мужчины свыше 55 лет и женщины – свыше 50 лет. Закон отмечал, что лица, сознательно уклонявшиеся от уплаты сбора, должны были подвергаться наказаниям по суду[745]. В 1908 г. Военный совет увеличил оклады содержания «повивальным бабкам» в Туркестанском крае[746].

В декабре 1909 г. император Николай II счел необходимым переименовать Главное военно-медицинское управление в Главное военно-санитарное управление, а Главного военно-медицинского инспектора в Главного военно-санитарного инспектора[747]. В конце 1909 г. российский парламент принял закон о присвоении Ташкентскому городскому врачу служебных прав и преимуществ, установленных нормативно-правовым актом от 19 апреля 1906 года[748]. 25 декабря 1909 г. он изменил штат медицинской

---

[744] Там же. С. 169.

[745] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об установлении особого больничного сбора в городах Асхабаде и Мерве Закаспийской области. 26 апреля 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 27842. С. 511.

[746] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О производстве повивальным бабкам, допущенным к исправлению должностей фельдшериц-акушерок, по сельско-врачебной части Туркестанского края, сверх положенного содержания, квартирного и разъездного довольствия. 23 июля 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30846. С. 619.

[747] Высочайшее повеление, объявленное Военным министром – О переименовании Главного военно-медицинского управления в Главное военно-санитарное управление. 16 декабря 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32795. С. 962; см. также: Высочайшее повеление, объявленное Военным министром – О переименовании военно-медицинского ведомства в военно-санитарное. 17 декабря 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 34498. С. 1278.

[748] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – О присвоении должности Ташкентского городского врача служебных прав и преимуществ по закону 19 апреля 1906 года. 18 декабря 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29.

части в городах «коренных» областей Туркестанского края[749]. При Кокандском городском враче была учреждена амбулатория. В штате Кокандской городской больницы, рассчитанной на 40 мест, были введены должности врача, акушерки и фельдшера. В штат Наманганской городской больницы (на 30 мест) включили должность фельдшера. В мае 1910 г. парламент учредил должность старшего медицинского фельдшера при Каркаралинском гарнизоне[750]. В августе 1910 г. Военный совет постановил увеличить выделение средств на наем 10 сиделок психиатрического отделения Ташкентского военного госпиталя[751]. С точки зрения изучаемой проблемы цивилизационного влияния Российского государства в социальной сфере в Средней Азии, темпы роста внимания царской власти к системе здравоохранения в Туркестанском крае заслуживают внимания. Так, в начале июня 1911 г. российский парламент принял решение об отпуске дополнительных средств на содержание участковых лечебниц в «коренных» областях Туркестанского края[752]. В конце сентября 1911 г. Военный совет увеличил штат служителей при лечебных учреждениях Туркестанского военного округа: Ташкентском военном госпитале – на 45 чел., Самаркандском – на 25 чел., в местных лазаретах – Асхабадском, Скобелевском и Кушкинском – на 10 чел. в каждом, а в Мервском,

---

Отд. 1. СПб., 1912. № 32801. С. 963.

[749] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – Об изменении штата медицинской части в городах Сыр-дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей Туркестанского края. 25 декабря 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32852. С. 989-990.

[750] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об отпуске из государственного казначейства средств на содержание при Каркаралинской местной команде одной должности старшего медицинского фельдшера. 8 мая 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33485. С. 597.

[751] Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – Об установлении ежегодного отпуска 110 рублей на нужды Сергиевской военно-санитарной лечебной станции и об увеличении штатной суммы на наем 10 сиделок психиатрического отделения Ташкентского военного госпиталя. 13 августа 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 34122. С. 1035.

[752] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об отпуске дополнительных средств на содержание участковых лечебниц в Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областях. 1 июня 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 35397. С. 494.

Термезском и Верненском – на 8 чел. в каждом[753]. В конце 1911 г. он решил преобразовать некоторые управления Туркестанского военного округа, в том числе деятельность военно-врачебных заведений[754]. Были закрыты Бахтинский, Нарынский, Каахкинский, Серахский и Пржевальский местные лазареты. При этом был открыт такой лазарет в Копале, Семиреченской области. Было уменьшено число мест для больных в Чимкентском, Пишпекском и Ошском местных лазаретах до 16 чел., а в Термезском и Верненском – до 150. В Асхабадском местном лазарете увеличили число мест для больных до 250. В штат некоторых местных лазаретов добавили должности сестер милосердия. В штат Керкинского и Термезского местных лазаретов ввели по одной «повивальной бабке». Планировалось передать здания Наманганского, Ходжентского и Казалинского местных лазаретов и принадлежащие им земельные участки в ведение администрации городских больниц Намангана, Ходжента и «приемных покоев» в Казалинске, с введением в их штат военных врачей. Предполагалось также обсудить вопрос о слиянии Александровского местного лазарета с Александровской городской больницей[755]. В апреле 1912 г. Военный совет преобразовал Закаспийскую запасную аптеку в Асхабадский аптечный склад и утвердил новый штат Ташкентского аптечного магазина[756]. В мае 1912 г. он установил предельный срок службы для женщин-врачей, для служащих по

---

[753]Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об увеличении штата нижних чинов в военных госпиталях и местных лазаретах Туркестанского военного округа. 28 сентября 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 35925. С. 1079-1080.

[754] Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – О преобразовании управлений Воинских Начальников, церковных причтов, конвойных команд и военно-врачебных заведений Туркестанского Военного Округа и сформировании Туркестанской местной бригады. 22 декабря 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПб., 1914. № 36265. С. 1332-1336.

[755] Там же. С. 1334.

[756] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О преобразовании Омского аптечного магазина в Омский аптечный склад и запасной аптеки Закаспийской области в Асхабадский аптечный склад, о присвоении Ташкентскому аптечному магазину, Двинскому и Варшавскому аптечным складам новых штатов и об упразднении одной должности фармацевта для командировок по военно-санитарному ведомству. 13 апреля 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 36896. С. 306.

административно-полицейскому управлению Туркестанского края[757]. Закон представляет особый интерес, поскольку он касался не вообще женщин-врачей, а именно тех из них, кто заведовал амбулаториями для «туземных» женщин и детей, а также работал в сельских участковых больницах. Для первой категории женщин-врачей возрастной предел службы составил 60 лет, а для второй – 56. В конце июня 1912 г. парламент принял закон об упразднении должностей уездных повивальных бабок в Туркестанском крае и об учреждении в нем должностей фельдшериц-акушерок, а также об увеличении содержания медицинскому персоналу г. Верного[758]. Должности уездных повивальных бабок упразднялась только в «коренных» областях Туркестанского края. Их заменили фельдшерицы-акушерки, имевшие более высокий уровень образования в перинатальной подготовке. Закон также учредил должность фельдшерицы-акушерки в Верном. В начале июля 1912 г. российский парламент учредил должность участкового врача в Мангышлакском уезде Закаспийской области[759]. Он должен был заведовать конкретно больницей имени Дубского, в селении Николаевском указанного уезда, означенной области. В июле 1912 г. Военный совет упразднил Лепсинский, Пишпекский и Чимкентский местные лазареты. При этом он признал ошибочным упразднение законом от 22 декабря 1911 г. Каахкинского, Бахтинского и Нарынского местных лазаретов, постановив открыть их вновь с расчетом на 10 мест каждый[760].

---

[757] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об установлении предельного срока службы по возрасту для служащих по административно-полицейскому управлению Туркестанского края женщин-врачей. 22 мая 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 37106. С. 467.

[758] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об упразднении должностей уездной повивальной бабки в Туркестанском крае и об учреждении при лечебных заведениях края должностей фельдшерицы-акушерки и об увеличении содержания медицинскому персоналу города Верного. 28 июня 1912 // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 37570. С. 1009-1010.

[759] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об учреждении должности участкового врача в Мангышлакском уезде Закаспийской области. 5 июля 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 37729. С. 1109.

[760] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об упразднении Лепсинского, Пишпекского и Чимкентского местных лазаретов и об открытии вновь Каахкинского,

Во время первой мировой войны работа медицинской службы в областях Туркестанского края претерпела существенные изменения. Несмотря на то, что край был вдали от театра военных действий, тем не менее, ход войны влиял на положение в Русском Туркестане, в том числе, понятно и на сферу здравоохранения. Лечебные заведения продолжали функционировать, однако средства на их содержание были урезаны. Часть медицинских работников ушла на фронт по призыву или добровольно. Во многих местах региона в системе здравоохранения обнаружился кадровый голод. Это особенно пагубно сказалось на медицинском обслуживании в сельской местности. В городах положение было не лучше, поскольку в крае наблюдался наплыв беженцев из внутренних губерний и областей России. Кроме того, часть медицинских работников была занята обслуживанием десятков тысяч военнопленных, вывезенных в Туркестанский край. Вместе с тем, правительство поддерживало систему здравоохранения в регионе за счет оскудевшего, но вполне реального финансирования. «Туземному» населению в годы войны по-прежнему оказывалась помощь со стороны русских медиков и местных лечебных заведений.

Во все времена здравоохранительной деятельности русских властей в Средней Азии они принимали меры по предупреждению и пресечению проникновения на ее территорию опасных эпидемических заболеваний. Регион был издавна ареной распространения последних, уносивших десятки, а нередко и сотни тысяч человеческих жизней[761]. Выше упоминалось о профилактической работе по оспопрививанию, встречавшую негативное отношение со стороны коренного населения. Российский исследователь В.П. Литвинов пишет: «В 1892 г. даже наиболее «развитое», приобщенное к российской цивилизации мусульманское население краевого центра – Ташкента, устроило во время мусульманского праздника курбан-байрам

Бахтинского и Нарынского местных лазаретов. 29 июля 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 37863. С. 1183.

[761] См. об этом: Литвинов В.П. Государство и паломничество мусульман в царской России: туркестанский вариант (по архивным, правовым и иным материалам): монография. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2016. С. 470-471.

«холерный бунт», вызванный санитарно-гигиеническими мерами российских властей, крайне необходимыми для предотвращения распространения эпидемии в городе и его окрестностях»[762]. Меры эти принимались на основании «Карантинного устава», то есть были законными, а не произвольными[763]. Местному населению запретили массовые похороны с тем, чтобы прекратить распространение болезни, могилы засыпали хлорной известью, проводили дезинфекцию и т.п. Естественно, что это противоречило мусульманскому похоронному ритуалу, но это было крайне необходимо для спасения жизней людей. «Казалось бы, гуманистический смысл мероприятий царских властей должен был бы правильно понят мусульманами. Однако невежественный народ не хотел этого понимать и выражал возмущение санитарно-гигиеническими действиями администрации. Возмущением народа воспользовалась часть исламского духовенства, настроенного антироссийски. В результате, вспыхнул «холерный» бунт, в жизненной бессмысленности, непрактичности и несостоятельности которого, казалось бы, было трудно усомниться, так как совершенно ясно, что царские власти в данном случае действовали исключительно в интересах самого народа, стараясь спасти жизни людей от опасной заразы. Но советский историк З.Д. Кастельская писала по этому поводу, что русские власти своими санитарно-гигиеническими мерами «оскорбляли» религиозные чувства мусульман. По ее мнению, царские власти должны были спокойно взирать на разгул холерной эпидемии и не предпринимать никаких мер, лишь бы только не «оскорбить» религиозные чувства стремительно вымирающих людей. Это можно считать одним из образцов т.н. «классового подхода» в советской историографии, когда явно позитивные явления в царистском прошлом все равно изображались негативно, в угоду господствовавшим идеологическим

---

[762] Литвинов В.П. Внерегиональное паломничество мусульман Туркестана (эпоха нового времени): монография. ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. С. 254.

[763] Высочайше утвержденный Устав о карантинах. 1 марта 1866 года // ПСЗРИ- 2. Т. 41. Отд. 1. СПб., 1868. № 43061. С. 193-218.

клише»[764]. Естественно, что «холерный бунт» 1892 г. был усмирен, что порицают нынешние «центральноазиатские» историки-националисты – им больше понравился бы разгул эпидемии со многими тысячами смертей от холеры. Но факт тот, что в скором будущем правоту власти признали сами «туземцы», которые в последующем уже не выступали против протвоэпидемических мероприятий русской власти. Учитывая ташкентские события, в мае 1893 г. Государственный совет ужесточил меры санитарно-гигиенического и противоэпидемического контроля. Например, были внесены изменения в статью 102-ю «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» - за несоблюдение указанных мер полагался арест до 3-х месяцев или штраф до 300 руб., за недонесение о появлении эпидемических заболеваний штраф составлял до 100 руб.[765]. В сентябре 1893 г. в Закаспийской области была устроена Хейрабадскаясанитарно-гигиеническая станция, которая должна была действовать ежегодно с 15 мая до 1 августа[766]. Через 3 года Военный совет продлил срок ее работы до 1 сентября[767].

Меры, предпринимаемые властями по преодолению эпидемических заболеваний в Русском Туркестане, безусловно, имели эффект, однако они не могли в целом предотвратить их проникновение в регион, особенно, из соседних стран – Восточного (Китайского) Туркестана, Афганистана, Персии и др. Среди эпидемических заболеваний наиболее опасной являлась чума. В конце XIX в. в Средней Азии возникла критическая ситуация в связи с ее появлением в регионе. Царь Николай II направил в Туркестанский край председателя Всероссийской комиссии по борьбе с чумной заразой, принца

---

[764] Литвинов В.П. Указ. соч. С. 320-321.

[765]Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об изменении действующих карательных постановлений об охране народного здравия. 12 мая 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9590. С. 263-264.

[766] Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – Об учреждении в Закаспийской области, в урочище Хейрабад, санитарно-гигиенической станции. 12 сентября 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9943. С. 555-556.

[767] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О продлении действий учрежденной приказом по военному ведомству 1893 года, № 224, Хейрабадской санитарно-гигиенической станции на один месяц. 7 июня 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 13048. С. 543.

П.А. Ольденбургского. Он получил широчайшие полномочия по преодолению эпидемий[768]. В результате, чума в Русском Туркестане была погашена. В марте 1902 г. по «всеподданнейшему» докладу министра внутренних дел царь повелел усилить охрану границы с тем, чтобы предотвратить проникновение чумы в пределы Азиатской России[769]. Таким образом, противочумные барьеры протянулись на многие тысячи километров – от Дальнего Востока до восточного побережья Каспийского моря.

В ноябре 1909 г. Военный совет принял «Положение о санитарно-гигиенических и дезинфекционных отрядах»[770]. Согласно этому акту, в каждом армейском корпусе образовывался санитарно-гигиенический отряд, а в пехотных и стрелковых дивизиях – дезинфекционные отряды. Иметь такие отряды предполагалось также в стрелковых бригадах. В составе санитарно-гигиенических и дезинфекционных отрядов полагалось обязательное наличие врачей-бактериологов. Санитарно-гигиенические отряды подчинялись корпусным врачам, а дезинфекционные – дивизионным (или бригадным) медикам. Санитарно-гигиенические отряды возглавляли старшие врачи в чине надворных советников, а дезинфекционные – в ранге коллежских асессоров. Штаты обеих отрядов были примерно равными, но с некоторым превосходством фельдшеров и санитаров в санитарно-гигиенических отрядах. Таким образом, в составе войск Туркестанского военного округа состояло два санитарно-гигиенических отряда и несколько дезинфекционных подразделений. Они существенным образом усилили противоэпидемические возможности медицины в Русском Туркестане. Однако появление эпидемий

---

[768] Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – О предоставлении особых полномочий Председателю Высочайше утвержденной Комиссии о мерах предупреждения и борьбы с чумной заразой, Его Высочеству, принцу Александру Петровичу Ольденбургскому для организации в Туркестанском крае наиболее соответственных и энергических способов борьбы с появившейся там болезнью. 18 октября 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15993. С. 956.

[769] Высочайшее повеление, объявленное Министром внутренних дел – Об охране от заноса чумы сухопутной границы Азиатской России. 7 марта 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21176. С. 150.

[770] Высочайше утвержденное Положение о санитарно-гигиенических и дезинфекционных отрядах. 16 декабря 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд.1. СПб., 1912. № 32788. С.959-961.

на его территории зависело не только от недостаточной работы русских медиков, но и от антисанитарии сопредельных стран – Западного Китая (Восточного Туркестана – Синьцзяна), Афганистана, Персии и др., откуда они заносились в Среднюю Азию торговцами или паломниками, возвращающимися из Мекки или от «святых мест» шиизма. Эпидемическую ситуацию за рубежом отслеживали российские дипломатические представительства и сообщали об этом в правительство для принятия соответствующих мер. Так, например, 20 августа 1886 г. Российский консул в Кашгаре (Н.Ф. Петровский – И.В.) сообщил в город Верный о том, что в китайском городе Аксу (Кашгария) «открылась сильная холера»[771]. Это было предупреждением для властей Семиреченской области, граничившей с Восточным (Китайским) Туркестаном. Российские власти решили отправить Смеречинского областного врача Н.Л. Зеланда в Кашгарию, чтобы он на месте установил, действительно ли болезнь в Аксу является холерой и насколько она опасна для населения Семиречья. Позже, прибыв на место, Зеланд установил, что «ко времени нашего прихода в Аксу quasi – холера уже угасла»[772]. С целью предупреждения проникновения эпидемий в Среднюю Азию российское правительство открыло три врачебно-наблюдательных станций на территории Персии и одну в Тохтабазаре, Закаспийской области. В 1909 г. Государственный совет и Государственная дума приняли закон об открытии врачебно-наблюдательной станции в Красноводске, Закаспийской области[773]. Летом 1910 г. парламент выделил на 1910-1912 гг. для «коренных» областей Туркестанского края на противохолерные меры – 12.505 руб.[774]. Этого было, конечно, недостаточно

[771] Зеланд Н. Кашгария и перевалы Тянь-Шаня. Путевые записки. Омск, 1888. С. 1.
[772] Там же. С. 112.
[773] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – Об учреждении морской врачебно-наблюдательной станции в городе Красноводске. 25 декабря 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32838. С. 983-984.
[774] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – Об утверждении сметы и раскладки земских повинностей Сыр-дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей на трехлетие 1910-1912 годов. 10 июня 1910 года //

для огромного по территории края с населением около 7 млн. чел. Но и другие регионы страны получали не больше, в связи с чем вплоть до революции 1917 г. положение санитарно-гигиенической работы в России было сложным. Только в ходе первой мировой войны – 3 сентября 1916 г. был принят закон об образовании Главного управления государственного здравоохранения, которое возглавил Г.Е. Рейн.

Как известно, все познается в сравнении. Поэтому есть основания утверждать о том, что российские власти в Средней Азии добились неплохих результатов в сфере здравоохранения. С.Н. Абашин пишет о том, что после присоединения Средней Азии к России, в регионе «начался так называемый демографический взрыв», вызванный позитивными изменениями в жизни людей, повышением рождаемости и снижением смертности, а также успехами русской медицины. В 1883 г. в Ташкенте появились первые женские амбулатории и родильные приюты. В 1907 г. в Русском Туркестане было 123 больницы, 194 врача-мужчины, 30 врачей-женщин, 23 фармацевта»[775]. Известный туркестанский статистик И.И. Гейер писал о том, что в Самаркандской области в 1908 г. было 5 русских врачей-мужчин, 2 врача-женщин, 12 фельдшеров, 3 фельдшерицы, 5 повивальных бабок и 14 оспопрививателей из «туземцев»[776]. В Сырдарьинской области в то же время было 20 русских врачей (из них 3 женщины), 52 фельдшера, 11 повивальных бабок и 54 оспопрививателя. Имелось 6 приемных покоев, 36 амбулаторных пунктов[777]. А в Ферганскойобласти в этот период было 2 больницы, 2 приемных покоев, 5 врачей (по одному на уезд), 4 женщины-врача, 25 фельдшеров, 4 фельдшерицы, 7 повивальных бабок, 21 оспопрививателей[778]. Такого же рода успехи в сфере здравоохранения отмечались в начале XX в. в Семиреченской и Закаспийской областях. В предыдущей главе мы писали об аграрных цивилизационных мероприятиях русской власти на Памире.

ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд.1. СПб., 1913. № 33710. С. 722.

[775] См.: Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 156-157.

[776] См.: Гейер И.И. Туркестан. Ташкент, 1909. С. 240.

[777] Там же. С. 299.

[778] Там же. С. 335.

Проводились они и в сфере здравоохранения кыргызов «Крыши мира», среди которых уровень смертности был достаточно высоким. Российский туркестановед П.П. Литвинов пишет о том, что кочевники получали медицинскую помощь от врача Памирского пограничного отряда[779]. Кыргызстанские исследователи Э. Маанаев и В. Плоских указывают, что в конце XIX в. «была учреждена вторая должность уездного врача для памирского населения. Этот врач оказывал лечебную помощь коренному населению и вел санитарно-просветительную работу»[780]. Однако главная победа русской медицины в Средней Азии заключалась в том, что коренное население региона со временем прониклось большим доверием к ее возможностям. Туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской во «всеподданнейшем» докладе «Ислам в Туркестане» в 1899 г. писал: «Опыт показывает, что ни в чем туземцы не прибегают к нам столь охотно и искренне, как в деле лечения болезней. Гуманное отношение с больными, излечение тяжелобольных, искусные операции… производят на них впечатления магические»[781]. Начальник Закаспийской области, генерал-лейтенант Л.В. Леш во «всеподданнейшем» отчете за 1912 год отмечал, что «мусульманское население все больше и больше проникается доверием к русской медицине»[782].

Из вышеизложенного следует, что Российское государство обеспечило цивилизационный прорыв в сфере медицинского обслуживания коренного населения Средней Азии. После присоединения региона к Российской империи царская власть столкнулась в нем с множеством проблем в сфере здравоохранения. Организованные государственные квалифицированные медицинские службы в среднеазиатских ханствах отсутствовали. Население

---

[779] См.: Литвинов П.П. Внешнеполитические аспекты истории киргизов Памиро-Алая конца XIX – начала XX в. Фрунзе: Илим, 1989. С. 90-95.
[780] Маанаев Э., Плоских В. На «Крыше мира». (Исторические очерки о памиро-алайских киргизах). Фрунзе: Илим, 1983. С. 70.
[781] Цит. по: Арапов Д.Ю. Императорская Россия и мусульманский мир. М., 2006. С. 157.
[782] ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1.Д. 13748 – Всеподданнейший отчет начальника Закаспийской области за 1912 год. Л. 26.

лечилось у знахарей, применявших сомнительные лечебные методы и средства. Безусловно, в регионе работала незначительная когорта профессионально подготовленных медиков, услугами которых пользовались ханы со своими семействами, придворные, высшие чиновники и богатые люди. В Средней Азии господствовала антисанитария, вызывавшая эпидемические заболевания. Российской власти пришлось создавать фактически заново систему здравоохранения для коренного населения региона. На его территории было учреждено много лечебных учреждений разного типа. Часть из них финансировалась государством, а другая существовала за счет земских сборов и городских доходов. В Средней Азии не без труда, но осуществлялось оспопрививание. Поскольку Русский Туркестан находился в ведении военного министерства, то эта система всецело подчинялась Главному военно-медицинскому управлению Туркестанского военного округа. В своей деятельности по отношению к коренному населению региона оно руководствовалось правовыми документами, которые устанавливали принципы медицинского обслуживания населения, в том числе «туземного». В системе здравоохранения в Русском Туркестане были проведены существенные реформационные мероприятия, особенно в сельском местности. Лечение населения было платным, однако тарифы регулировались властью. Неимущие слои коренного населения освобождались от платы за лечение, что относилось на счет казенных или земских средств. Это в большей мере касалось «туземных» больных. Несмотря на усилия российских медиков, многие проблемы здравоохранения «туземного» населения Средней Азии оставались острыми. Медицинских кадров и лечебных заведений разного ранга явно не хватало для его полноценного обслуживания. Государство осуществляло профилактические противоэпидемические меры, однако опасные заразные заболевания нередко вспыхивали в разных местах региона, так как они часто привносились на его территорию из сопредельных стран – Западного Китая, Афганистана, Персии и др. Усилия российских

диппредставительств в соседних государствах, предупреждавших туркестанские власти о появлении эпидемических угроз, не всегда имели положительный эффект и опасные заразные заболевания, особенно, чума и холера проникали на территорию Средней Азии. Однако, несмотря на все издержки, доверие коренного населения к русской медицине росло, и оно все чаще обращалось за помощью к российским врачам и лечебным заведениям. Представляется очевидным, что русской власти в Туркестане удалось добиться в сфере здравоохранения в регионе значительных цивилизационных результатов, позитивно повлиявших на образ жизни коренного населения.

4.2. Политика царского правительства в сфере образования в Русском Туркестане

Если в дороссийский период в Средней Азии фактически полностью отсутствовала система здравоохранения, то существовала развитая сеть мусульманских учебных заведений, о которой писали многие исследователи как дореволюционные, так и советские[783]. Исследователь Е.А. Глущенко пишет о том, что «после присоединения Средней Азии к России новые власти обнаружили здесь полное отсутствие каких-либо форм светского

[783] См. напр.: Бобровников Н.А. Русско-туземные училища, мектебы и медресе в Средней Азии // Журнал министерства народного просвещения. 1913. Июль.; Керенский Ф.М. Медресе Туркестанского края // Журнал министерства народного просвещения. 1892. Ноябрь; Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913; Миропиев М. О положении русских инородцев. СПб., 1901; Остроумов Н.П. Учебный курс мадрасы // Православный благовестник. 1907. № 4; Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1967; Бендриков К.Е. Очерки истории народного образования в Туркестане. (1865-1924). М., 1960; Кочаров В.Т. Из истории организации и развития народного образования в дореволюционном Узбекистане (1865-1917 гг.). Ташкент, 1966; Тажибаев Т.Т. Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX в. Алма-Ата, 1962; Абашин С.Н. и др. Россия - Средняя Азия. Политика и ислам в конце XVIII – начале XXI в. В 2-х томах. Т. 1. М., 2013; Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010; Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865-1917). Елец: ЕГПИ, 1998; Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины. М., 1997 и др.

образования, что создавало огромную трудность для внедрения через систему образования принципов российской «гражданственности» (как тогда выражались официальные лица) и русского образа жизни»[784]. Таким образом, система образования в дороссийской Средней Азии была исключительно религиозной. И это был ее многовековой цивилизационный облик. П.П. Литвинов, в книге которого выделена специальная глава – «Государство и мусульманская школа в Туркестане»[785], отмечает, что система мусульманского образования в Средней Азии включала в себя три уровня: низший, средний и высший. К числу низших учебных заведений относились «кары-хана» и «даляиль-хана», рассчитанные на детей младшего возраста, однако их было мало и потому «мектебы являлись самым значительным звеном мусульманского религиозного образования в Туркестане»[786]. По его свидетельству, «мектебов в предреволюционный период в Туркестанском крае насчитывалось свыше 7 тыс., что составляло более 2/3 от всех учебных заведений такого типа в Российской империи»[787]. Рассматриваемая проблема представляется весьма актуальной, так как националистически ориентированные историки из государств современной Средней Азии искажают образовательную политику Российского государства в регионе исследуемого периода. Так, например, узбекский исследователь М. Нормухамедова пишет о том, что царское «правительство Туркестана уделяло важное место культуре и образовательной политике, *используя их как средство порабощения народа*. Система школ, созданная царской администрацией, *служила орудием колониальной политики*»[788]. (Курс. наш – И.В.) О какой «колониальной политике» можно говорить в данном случае,

---

[784] Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010. С. 456.
[785] См.: Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. (1865-1917). Елец: ЕГПИ, 1998. С. 113-152.
[786] Там же. С. 113.
[787] Там же.
[788] Нормухамедова Маликахон. Взаимосвязь секуляризма с исламской культурой и образованием в Узбекистане // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет? Материалы международного «круглого стола» (г. Алматы, 30 ноября 2007 г.). Алматы, 2008. С. 269.

если даже крупный британский политик и русофоб Дж. Керзон признавал, что «русский режим в Туркестанском крае оставил нетронутыми все принципы и учреждения в традиционном мусульманском образовании».[789] Он особо отмечал, что русские власти не отменили даже вакуфы в пользу мусульманских учебных заведений. И так было по всей российской Средней Азии. Зарубежные исследователи Скрайн и Росс указывали, что в Закаспийской области свободно функционировали «туземные» мусульманские школы, отмечая, что «учителя мусульманских школ принадлежат к духовенству и ранее они имели меньший авторитет, чем в любой другой исламской стране, однако с завоеванием Россией Туркмении их авторитет возрос и это явно не на пользу русской власти»[790].

По свидетельству фактически всех отечественных и зарубежных исследователей, в дореволюционной Средней Азии, уровень грамотности среди мусульманского населения не превышал 2%. Между тем, современный узбекистанский «мыслитель» Ф. Исхаков утверждает о том, что в Средней Азии дореволюционного периода «среди коренного населения (казахи, каракалпаки, кыргызы, таджики, туркмены, узбеки) доля грамотных составляла 15-16%. При этом удельный вес грамотных среди сельского населения местных национальностей Туркестана *был почти на три пункта выше соответствующего показателя по России*»[791]. (Курс. наш – И.В.) Ему бы следовало почитать мусульманскую газету «Таракки», издававшуюся в Русском Туркестане в годы первой русской революции. В июне 1906 г. она обвиняла учителей-мулл в том, что они держат мусульманское население в «темноте и невежестве, что способствует его разорению и гибели, лишает его счастья… превращает его в слепых и глухих». Газета писала: «Кажется, настала пора, когда нам надо избавить родную нацию от съедения микробами

[789] Curzon George N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question. London, 1889. P. 393.
[790] Skrine F.G. and Ross E.D. The Heart of Asia. A history of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the earliest times. London, 1899. P. 335.
[791] Цит. по: Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010. С. 457.

в чалме и чапанах…разоблачать их перед всем миром»[792]. Из этого следует, что прогрессивная часть мусульманства Русского Туркестана прекрасно осознавала все пороки традиционной мусульманской школы, в которой царил дух кадимизма (религиозного догматизма и консерватизма), и стремилась к новым формам обучения, основанном на «новом методе», пропагандистом которого был широко известный в России мусульманский деятель, крымский татарин И. Гаспринский. Ф. Исхакову полезно было бы прислушаться к мнению выдающегося узбека АкмаляИкрамова, свидетельствовавшего о том, что в дореволюционной Средней Азии грамотность коренного населения составляла 1,5-2%[793]. Наконец, известный таджикский ученый, академик Р. Масов, более авторитетный в науке, нежели Ф. Исхаков, отмечает, что в Средней Азии прирост грамотных в 1895-1905 гг. составил: среди мужчин – 0,2%, а среди женщин – 0,3%. Он указывает, что при таких темпах ликвидации неграмотности среди населения Средней Азии для победы над ней среди мужчин потребовалось бы 4.600 лет, а среди женщин – 3.260 лет[794]. Что же касается русской власти, то она оставила мусульманскую систему образования в том цивилизационном состоянии, в каком та пребывала ко времени присоединения Средней Азии к России, не вмешивалась в процесс обучения, хотя и не оставляла ее без внимания.

«Временное положение об управлении Туркестанской областью» от 6 августа 1865 г., вообще, не упоминало о мусульманском образовании. Предполагалось, что новая власть будет исподволь его контролировать. Никаких установлений относительно мусульманских учебных заведений не содержалось в проекте «Временного положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях» 1867 г. Однако было бы ошибочным полагать, что первый туркестанский генерал-губернатор К.П.

---

[792] Цит. по: Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. (1865-1917). Елец: ЕГПИ, 1998. С. 116.

[793] Икрамов А. Основные вопросы культурного строительства в Узбекистане // Избранные труды. Ташкент, 1973. С. 511.

[794] См.: Масов Рахим. «Наследие» мангытской власти, или почему академик Масов не согласен с академиком Шукуровым. Душанбе, 2002. С.10.

Кауфман не обращал никакого внимания управлению учебными заведениями в Туркестанском крае. Он считал, что приобщение «туземцев» Средней Азии к российской цивилизации может идти только через русские государственные школы, но без их христианизации. Современный узбекистанский историк Ю.С. Флыгин пишет о том, что царская администрация Туркестана никаким образом не вмешивалась в дела мусульманской системы образования и «не пыталась использовать для распространения христианства»[795]. Кауфман писал: «Развитие народного образования в крае должно состояться в направлении русских интересов, которые заключаются в развитии экономической жизни населения, его гражданственности и солидарности, его слияния с основами русской государственной жизни»[796]. Безусловно, в этом просматриваются некие цивилизационные соображения «первоустроителя» Туркестанского края, однако они не предусматривали никаких насильственных мер воздействия. В вопросах развития мусульманской школы Кауфман придерживался соответствующих правительственных установлений. Так, в марте 1870 г., по «всеподданнейшему» докладу министра народного просвещения Д.А. Толстого, был издан «именной» (царский) указ о мерах к образованию населяющих Россию инородцев[797]. Указ освобождал мусульман и прочих «иноверцев» (нехристиан) от изучения в российских учебных заведениях всех типов – от сельских школ до гимназий – Закона Божия, «чтения» из церковных книг, изучения церковно-славянского языка и др. К этому времени в Туркестанском крае уже была когорта детей-мусульман, обучавшихся в учебных заведениях российского типа (преимущественно в городских начальных училищах). Они учреждались на основании

[795] Флыгин Ю.С. Власть и ислам в Туркестане. К вопросу о конфессиональной политике в Туркестанском крае (1867-1917) // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. 27 ноября 2008 г., Ташкент. Сборник материалов. Ташкент, 2010. С.38.
[796] История таджикского народа. Том II. М., 1964. С. 155.
[797] Именной, объявленный Сенату Министром Народного Просвещения – О мерах к образованию населяющих Россию инородцев. 26 марта 1870 года // ПСЗРИ-2. Т. 45. Отд.1. СПб., 1874. № 48185. С. 314.

«Положения о народных училищах» от 14 июля 1864 г.[798]. Среди учащихся в них в то время большинство составляли дети «казанских» татар-мусульман, проживавших по торговым делам в Средней Азии, особенно, в Семиреченской области. Авторитетные историки пишут, что первая русская школа непосредственно для местного мусульманского населения была открыта в 1870 г. в Самарканде[799]. В последующем такие опыты проводились и в других местах Средней Азии на основе закона от 31 мая 1872 г.[800].

В 1875 г. Кауфман добился учреждения в крае учебного управления в регионе[801]. В пункте 1 (а) документа указывалось: «Учредить в Туркестанском крае, в ведении Министерства народного просвещения, управление по учебной части по примеру подобных же учреждений в Сибири, с определением при Генерал-губернаторе Инспектора училищ»[802]. Пункт 3-й гласил: «Ведению управления по учебной части подчинить все существующие уже в Туркестанском крае русские и *инородческие училища*, причем на будущее время *допускать учреждение инородческих училищ не иначе, как с разрешения помянутого управления*»[803]. (Курс. наш – И.В.) Одновременно учреждались мужские прогимназии в Ташкенте и Верном. При Кауфмане, в конце августа 1879 г. в Ташкенте была открыта Туркестанская Учительская семинария. «Уставы учебных учреждений и учебных заведений» указывали: «Туркестанская Учительская семинария имеет целью приготовление учителей в русские и русско-туземные начальные школы Туркестанского края»[804].

---

[798] Высочайше утвержденное Положение о народных училищах. 14 июля 1864 года // ПСЗРИ-3. Т. 39. Отд. 1. СПб., 1867. № 41068. С. 613-618.
[799] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 164.
[800] Высочайше утвержденные Положения: 1) О городских училищах. 2) О Учительских институтах. 31 мая 1872 года // ПСЗРИ-2. Т. 47. Отд. 1. СПб., 1875. № 50909. С. 727-736.
[801] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета, объявленное Сенату Министром народного просвещения – Об учреждении Управления по учебной части в Туркестанском крае и двух Прогимназий в городах Ташкенте и Верном. 17 мая 1875 года // ПСЗРИ-2. Т. 50. Отд.1. СПб., 1877. С. 508.
[802] Там же.
[803] Там же.
[804] См.: Уставы учебных учреждений и учебных заведений // Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 1. СПб., 1900. Статьи 2449-2459. С. 313.

Преемник Кауфмана, генерал-лейтенант М.Г. Черняев интересовался вопросами регулирования всеми мусульманскими институтами, не исключая и учебных заведений. Он выступал против цивилизационного преобразования мусульманской школы Средней Азии по калькам российской системы образования. С тем чтобы усилить сотрудничество русской власти с региональным мусульманством, Черняев образовал специальную комиссию только из «туземных» исламских религиозных авторитетов, поставив перед ними и задачу упорядочения деятельности мусульманских учебных заведений в Русском Туркестане. П.П. Литвинов пишет: «Черняев не пытался каким-либо образом влиять на мусульманскую школу, устраивать «русские классы» и т.п. Исходя из своего прошлого туркестанского опыта[805], он отмечал, что «требовать от мусульманской школы реформ в христианском духе равносильно требованию обращения в христианство, которое можно уподобить толчению воды в ступе». Черняев вынашивал планы постепенного и ненасильственного сближения русской и «туземной» школ с сохранением традиций мусульманской педагогики и преподавания исламского Закона Божия»[806]. Однако генерал-губернатор в 1884 г. был отстранен от должности, его комиссия распущена, а ее материалы отправили в архив. Вместе с тем, при Черняеве в 1883 г. в Туркестанском крае была открыта первая женская гимназия, в которую приняли и «туземных» девушек[807]. А в 1884 г. Ташкентская и Верненская прогимназии были преобразованы в гимназии[808]. В них также обучались представители «туземной» молодежи. При Черняеве было утверждено «Нормальное Положение о низших сельскохозяйственных

[805] М.Г. Черняев был первым российским руководителем Туркестанской области в 1865-1866 гг. – И.В.

[806] Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. (1865-1917). Елец: ЕГПИ, 1998. С. 119.

[807] Высочайше утвержденное Положение о Ташкентской женской гимназии. 28 мая 1883 года // ПСЗРИ-3. Т. 3. СПб., 1886. № 1613. С. 285-287.

[808] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О преобразовании Ташкентской и Верненской Прогимназий в Гимназии. 1 мая 1884 года // ПСЗРИ-3. Т. 4. СПб., 1887. № 2192. С. 271.

школах»[809]. Оно привело к образованию таких учебных заведений, о цивилизационной роли которых мы писали в предыдущей главе.

Следует отметить, что при Ташкентской и Верненской гимназиях были образованы так называемые «ученические квартиры» (общежития) для учащихся-«туземцев». Они содержались за счет государственных и общественных средств. Однако в феврале 1886 г. ученическую квартиру для «туземных» детей при Ташкентской гимназии упразднили и вместо нее открыли такое же общежитие при Туркестанской Учительской семинарии, подробнее о которой еще будет сказано ниже[810].

В «Положении об управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 г. об учебных делах упоминалось лишь в примечании к статье 12-й, гласившем: «Права и обязанности (туркестанского генерал-губернатора – И.В.) по делам учебного ведомства определяются Высочайше утвержденным 17 мая 1875 года Мнением Государственного совета об управлении учебной частью в Туркестанском крае и другими изданными по сему предмету узаконениями»[811]. Из этого следовало, что Главный инспектор училищ Туркестанского края, подчиненный Министерству народного просвещения, тем не менее, не был свободен в своих действиях и был вынужден согласовывать свои действия с высшей военной администрацией региона.

Нелишне заметить, что примечание к статье 98-й «Туркестанского положения» 1886 г. указывало: «Волостным и сельским обществам туземцев дозволяется содержание открываемых при мечетях школ (медресе и мектебе) относить на общественные средства, не принуждая однако ни в коем случае к платежу сбора на сию потребность лиц, не желающих участвовать в оном»[812].

---

[809] Высочайше утвержденное Нормальное Положение о низших сельскохозяйственных школах. 27 декабря 1883 года // ПСЗРИ-3. Т. 3. СПб., 1886. № 1919.С. 491-494.

[810] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об упразднении состоящей при Ташкентской гимназии ученической квартиры для детей инородцев и об открытии ее при Туркестанской Учительской семинарии. 3 февраля 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3497. С. 37-38.

[811] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. С. 320.

[812] Там же. С. 327.

Таким образом, русская власть разрешала мусульманским общинам открывать нужное им число учебных заведений и содержать их за свой счет. Никаких запретов по этому поводу ею не вводилось, равно как и контроля над «внутренним строем» мектебов и медресе. Таким образом, российское правительство не ставило цели преобразовать мусульманскую школу по общегосударственным образцам. Смысл цивилизационной политики русской власти в Средней Азии по отношению к традиционной мусульманской школе сводился к тому, чтобы постепенно вовлекать местную молодежь в российские формы образования. Как отмечалось, первый туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман считал, что только таким образом можно изменить менталитет мусульман и приблизить их к цивилизационному прогрессу. Он поощрял привлечение мусульман в русские школы. Так, он лично нанял за 10 руб. мусульманского мальчика Шахимардана Ишаева с тем, чтобы тот учился в русской школе. Предприятие имело успех, поскольку «наемник» Кауфмана, выучившись, со временем стал российским чиновником и в чине титулярного советника (дававшего право на личное дворянство) служил драгоманом в российском консульстве в Джидде – последнем порту перед Меккой. В разных местах Туркестанского края в русские школы удалось привлечь по 2-3 чел., в том числе девочек-мусульманок. В конце 1870-х гг. в Ташкентском 3-хклассном русском училище получали образование 3 мусульманских мальчика и 1 девочка. Таким образом, в целом привлечение мусульманской молодежи в русские школы не имело успеха. Но это мало расстраивало Кауфмана – он надеялся, что под давлением прогресса мусульманская школа отживет сама по себе и заменится российской школой. Однако его надежды не оправдались. Вместе с тем, было бы ошибочным полагать, что «туземная» молодежь полностью игнорировала российские учебные заведения в Туркестанском крае. Документы подтверждают, что даже среди учащихся Ташкентской и Верненской прогимназий были представители как кочевого, так и оседлого «туземного» населения. В августе 1877 г. «товарищ» (заместитель) министра

народного просвещения, князь А.П. Ширинский-Шихматов во «всеподданнейшем» докладе отмечал, что еще «высочайше» утвержденным мнением Государственного совета о закрытии школы для «киргизских» детей при Областном правлении Оренбургских «киргизов» от 2 декабря 1868 г. ученики Оренбургской гимназии из детей «туземцев» были освобождены от изучения греческого языка. В 1877 г. туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман обратился к министру народного просвещения Д.А. Толстому с просьбой освободить «туземных» учащихся Ташкентской и Верненской прогимназий от изучения древних языков, то есть греческого и латинского. Ширинский-Шихматов указывал, что учащиеся-«туземцы» в Оренбургской гимназии успешно изучали латинский язык и потому просьбу Кауфмана можно удовлетворить только по отношению к изучению греческого языка, а латынь не затрагивать[813]. Вряд ли после этого можно сомневаться в том, что в российских средних учебных заведениях обучались и представители коренных этносов Средней Азии, получавшие льготы от русской власти.

Следует отметить, что в рассматриваемый период были проведены две правительственных «ревизии» Туркестанского края. Примечательно, что руководитель первого такого мероприятия – сенатор Ф.К. Гирс в своем «всеподданнейшем» отчете вообще проигнорировал вопрос о деятельности мусульманских учебных заведений в Русском Туркестане и их взаимоотношениях с государственной властью[814]. Руководитель второй «ревизии» края – сенатор К.К. Пален посвятил учебному делу в регионе целый том своего «всеподданнейшего» отчета[815]. Он рассматривал деятельность как российских, так и мусульманских учебных заведений.

---

[813] Высочайше утвержденный всеподданнейший доклад Управляющего Министерством народного просвещения, товарища министра – Об освобождении учеников Ташкентской и Верненской прогимназий из детей киргизов и других туземцев Туркестанского края об обучения греческому языку. 7 августа 1877 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 57637-а. С. 129.

[814] См.: Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПБ., 1884.

[815] См.: Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению сенатором, гофмейстером К.К. Паленом. Учебное дело. СПб., 1910. 177 с.

Представляет любопытство глава – «Исторический очерк правительственных мероприятий»[816]. В ней Пален охарактеризовал состояние мусульманской школы в Русском Туркестане, причем его мнение мало отличалось от тех, которые были приведены нами по этому поводу выше.

Признавая право мусульманской школы на существование, не вмешиваясь в ее функционирование, российские власти, тем не менее, старались изменить характер мусульманского образования, приобщив его к решению задач общего преобразования жизни коренного населения Русского Туркестана. Безусловно, это стремление носило цивилизационный характер. Считается, что к мысли об образовании русско-туземных школ пришел еще туркестанский генерал-губернатор М.Г. Черняев, однако он не успел осуществить ее из-за скорого увольнения. Это не совсем так. Известно, что первые опыты по развитию русско-туземного образования проводил еще в начале 1870-х гг. туркестанский «олигарх» Сеид Азимбай, предлагавший первому туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману внедрить преподавание русского языка в медресе Ташкента. Однако затея не имела никаких результатов. Черняев возродил идею русско-туземного образования, исходя из практических соображений. Во-первых, российской власти нужны были кадры переводчиков, работников органов «туземного» самоуправления, народного суда и др. Опыт их подготовки был отработан в Казахстане, где еще в 1789 г. была открыта для этого специальная школа. Во-вторых, в знатоках русского языка нуждалась «туземная» буржуазия Средней Азии для использования их в качестве переводчиков, приказчиков на российских ярмарках, делопроизводителей по переписке с российской властью и фирмами и др. Безусловно, в таких намерениях присутствовал цивилизационный подтекст. Как отмечалось, Черняев не смог реализовать идею русско-туземного образования, в связи с чем она перешла как «наследство» к его преемнику – туркестанскому генерал-губернатору Н.О. Розенбаху. Поэтому первая официальная русско-туземная школа в

[816] Там же. С. 1-11.

Туркестанском крае была открыта 19 декабря 1884 г. в Ташкенте. Она учреждалась на основе правительственного «положения» о начальных народных училищах[817]. Школа была более рассчитана на городских «туземцев». В ней должны были учить русскому языку и «письму», «арабско-персидскому алфавиту» и преподавать мусульманский «Закон Божий». В 1886 г. туркестанский генерал-губернатор Н.О. Розенбах указал военным губернаторам областей края на необходимость развивать русско-туземные» школы и поднять их авторитет. Он считал, что «эти школы должны были ближайшим и самым верным путем объединять бытовые и экономические интересы всех народностей Туркестанского края с общегосударственными и содействовать прочному и окончательному слиянию всех этих народностей с великой семьей коренного русского народа в нашей могущественной метрополии. Генерал Розенбах верил, что в туземцах сказалось сознание того, что русская государственная власть – родная для них власть»[818]. В намерениях третьего туркестанского генерал-губернатора, конечно, тоже содержался цивилизационный замысел, однако он осуществлялся с трудом - русско-туземные школы устраивались медленно и сам Розенбах не дождался победных реляций на сей счет. Поэтому в конце 1891 г. сменивший его туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский предписал военным губернаторам областей и Главному инспектору училищ края Ф.М. Керенскому озаботиться состоянием русско-туземного образования. Он весьма критически оценил тогдашнее состояние русско-туземных школ в крае, сдерживающее российское цивилизационное влияние. Он писал в циркуляре: «Предполагать и надеяться, что жители Туркестанского края сами сознают пользу и восчувствуют удовольствие от изучения русского языка, от тех знаний, которые сообщаются в русско-туземных школах, значило бы

[817] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – По проекту нового Положения о начальных народных училищах. 25 мая 1874 // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 1. СПб., 1876. № 53574. С. 834-840; текст самого «Положения». С. 836-840.

[818] Остроумов Н.П. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае (хронологическая справка) // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. 27 ноября 2008 г., Ташкент. Сборник материалов. Ташкент, 2010. С. 352-353.

оставлять дело в обычной косности, надолго задерживать обрусение или духовное общение средне-азиатской окраины с русской народностью и тем самым затруднять слияние этой окраины с империей. С другой стороны, привлечение туземных детей в школу только через посредство волостных управителей и аксакалов не приводят к желанной цели: дети, приступая к учению не по желанию родителей или родственников, а по внешнему побуждению, учатся неохотно, подневольно и безуспешно. Способ этот не соответствует достоинству русской школы и русского правительства. Настало время поставить дело так, чтобы в русской, и только в русской, школе туземцы видели носительницу и насадительницу знаний, необходимых для всякого рода общественной службы и деятельности, чтобы знали о неприложимости к настоящему государственному и общественному строю их быта тех знаний, которые выносятся из мадрасы и мактаба. Быт этот сам собою, силою неотразимых обстоятельств, предъявляет требования на такие знания и умения, которых не дают и не могут дать школы мусульманские. А туземцы, как и все простые люди, прежде и больше всего интересуются утилитарной стороной книжного учения, его приложимостью к практическим целям»[819]. Вместе с тем, Вревский не отверг цивилизационные возможности русско-туземных школ вообще, порекомендовав губернаторам повысить их привлекательность за счет преимущественного назначения их выпускников на выгодные должности в местных «туземных» администрациях[820]. И это имело свои позитивные результаты. В одном из источников дореволюционного периода отмечалось, что «пока население отдает своих детей в эти школы (русско-туземные – И.В.) только потому, что обучение их в будущем имеет весьма реальные выгоды: именно окончившие курс делаются приказчиками, конторщиками, писарями и т.п., вообще легче избирают профессии интеллигентные и приобщаются до известной степени к

[819] Там же. С. 354.
[820] Там же.

«благородному сословию» победителей»[821]. Авторитетные специалисты указывают, что после открытия первой русско-туземной школы в 1884 г., в последующем число этих учебных заведений постоянно росло, составив в конце XIX в. около 30, а в канун первой мировой войны – около 90[822]. Такого рода школы вначале открывались в среде оседлого населения. Указанные специалисты лишь упоминают о некоем «высочайшем соизволении», но мы постарались найти документ, его содержащий. Выяснилось, что через неделю после утверждения нового «Туркестанского положения», в июне 1886 г. был издан закон об изменениях в устройстве начального образования в Средней Азии[823]. Он был принят по представлению министра народного просвещения И.Д. Делянова. Статья 2-я (б) документа указывала на необходимость открытия «как в Ферганской области, так и в других местностях Туркестанского края не только среди оседлого, но и среди кочевого населения – 18 русских начальных школ для детей туземцев»[824]. Статья 3-я гласила: «Предоставить тому же Генерал-Губернатору разрешать открытие таковых же училищ на местные средства при условии полного материального обеспечения русского учителя»[825]. Таким образом, устройство русско-туземных школ было поставлено под контроль государственной власти. Правительство предполагало готовить в таких школах служащих низшего звена «туземной администрации» – органов местного самоуправления мусульманства Русского Туркестана – волостных управителей, а также городских и сельских старшин. Но их цивилизационный эффект был незначительным, так как «русско-туземная

---

[821] Цит. по: Шадманова С.Б. Изучение русского языка в конце XIX – начале XX в. в Туркестане // Вторая научная конференция памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, просветителей славянских Просвещение-Православие-Восток. 22 мая 2009 г., Ташкент. Сборник материалов. Ташкент, 1910, С.122.

[822] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 165.

[823] См.: Высочайше утвержденное Мнение Департамента Экономии Государственного Совета – О некоторых изменениях в устройстве начального народного образования в Туркестанском крае. 20 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. Отд.1. СПб., 1888. № 3832. С. 373.

[824] Там же.

[825] Там же.

школа не стала, как задумывалось, главным источником распространения российской («общечеловеческой») культуры среди местного населения и не смогла подготовить новую, лояльную к России, элиту»[826]. Узбекистанский историк Ю.С. Флыгин прав в том, что «со временем становилось всё более очевидным несовершенство русско-туземных школ, их отставание от новых педагогических методик и стандартов своего времени»[827]. Большинство выпускников русско-туземных школ не знали русского языка в должной мере, что было следствием не только несовершенной педагогики, но и косности, отсталости и религиозности учащихся. Естественно, что образование русско-туземных школ встретило в штыки исламское духовенство Средней Азии, однако местный мусульманский торгово-экономический «класс» поддерживал эти учебные заведения, так как он нуждался в «туземцах», знающих русский язык, которые, как отмечалось, могли выступать переводчиками при переговорах с представителями власти, российскими предпринимателями, служить приказчиками на российских ярмарках, с которыми туркестанские богатые торговцы-мусульмане и «туземные» евреи имели значительные «обороты», вести деловую переписку и т.п. Несмотря на указанные обстоятельства, современный узбекистанский историк Ф.Исхаков преувеличивает цивилизационное влияние русско-туземных школ, полагая, что они были «серьезным средством русификаторской и антимусульманской практики колониальных властей»[828]. Ему невдомек, что русские власти никого из «туземцев» Средней Азии насильственным образом в русско-туземные школы не затаскивали – все поступали туда на совершенно добровольной основе, а то, что они выходили из них с измененным цивилизационным сознанием было следствием их собственного рационального мировосприятия, а не «русификаторской и «антимусульманской практики» туркестанской администрации.

---

[826] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 166.
[827] Флыгин Ю.С. Власть и ислам в Туркестане. К вопросу о конфессиональной политике в Туркестанском крае (1867-1917) // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. 27 ноября 2008 г., Ташкент. Сборник материалов. Ташкент, 2010. С. 41.
[828] Там же.

В марте 1887 г. Государственный совет постановил: «Продолжить временно, на прежних основаниях, взимание в Туркестанском крае сбора в сумме двух тысяч шестисот сорока четырех рублей на расходы по содержанию учебных заведений, впредь до отнесения сих расходов по мере введения поземельно-податного устройства в крае на счет областных земских повинностей»[829]. В июне 1887 г. военный министр внес в Государственный совет ходатайство о передаче в ведение Министерства народного просвещения зданий, в которых располагались учебные заведения Туркестанского края[830].

В конце 1893 г. Государственный совет учредил в Ташкенте 6-классное Реальное училище. В статье IV указывалось, что бухарский эмир (Абдул Ахад – И.В.) пожертвовал 47.000 руб. на постройку здания для Ташкентского реального училища с тем, чтобы потом предоставили «детям бухарцев право бесплатного обучения в сем училище»[831]. Законом от 20 декабря 1893 г. утверждались преобразования в Туркестанской Учительской семинарии. В пункте 1-м указывалось, что семинария должна готовить учителей для русских и русско-туземных начальных школ Туркестанского края. В примечании к этому пункту отмечалось: «Воспитанников-магометан может быть зачислено на казенные стипендии не более одной трети от общего числа воспитанников Семинарии»[832]. Пункт 8-й указывал, что в Туркестанскую Учительскую семинарию принимаются «молодые люди Православного и

---

[829] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О сохранении временно в Туркестанском крае сбора на учебную часть. 17 марта 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4300. С. 110.

[830] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О передаче в ведение Министерства народного просвещения зданий, в которых помещаются учебные заведения в Туркестанском крае. 15 июня 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4603. С. 353-354; см. также: Высочайше утвержденное Мнение Департамента Государственной Экономии Государственного совета – О передаче зданий, занятых в Туркестанском крае учебными заведениями в собственность Министерства Народного Просвещения. 13 июня 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд.1. СПб., 1893. № 6951. С. 543.

[831] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении в городе Ташкенте шестиклассного реального Училища и о преобразовании Ташкентской Учительской Семинарии. 20 декабря 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 10176. С. 672.

[832] Там же.

Магометанского вероисповеданий не моложе 15-ти и не старше 18-ти-летнего возраста»[833]. В семинарии разрешалось свободное исполнение всех мусульманских обрядов и изучение исламского Закона Божия. В марте 1895 г. Государственный совет упразднил ученическую квартиру при Туркестанской Учительской семинарии, обратив средства «на содержание трех русско-туземных училищ с общежитиями на 20 человек в Кармакчах, Сыр-дарьинской области и в городах Коканде и Самарканде»[834].

Важным цивилизационным звеном в обучении «туземного» юношества служили городские училища Туркестанского края. Наиболее трезвомыслящие «туземцы» старались отдать своих детей в эти образовательные заведения, надеясь, что потом они смогут найти хорошую государственную службу в качестве переводчиков или сотрудников «туземной администрации» - волостных управителей, аульных или кишлачных старшин, писарей при сельских правлениях и т.п. Как отмечалось, у властей Русского Туркестана тоже были намерения готовить кадры для местного самоуправления, преданные режиму и хорошо подготовленные. В правительственном «положении» о городских училищах от 31 мая 1872 г., в примечании к статье 35 указывалось, что «дети инородцев принимаются в городские училища до 14-летнего возраста без всякого испытания»[835]. Без преувеличения, это было большой льготой, поскольку дети русского населения были обязаны проходить такие испытания. Правительство старалось увеличить число городских училищ в Туркестанском крае. Так, например, в 1894 г. Кокандское приходское училище, подчиненное Св. Синоду, было преобразовано в городское двухклассное училище Министерства народного просвещения[836].

---

[833] Там же.

[834] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об упразднении ученической квартиры для детей-инородцев при Туркестанской Учительской семинарии. 27 марта 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11514. С. 167.

[835] Высочайше утвержденные Положения: 1) О городских училищах. 2) О Учительских институтах. 31 мая 1872 года // ПСЗРИ-2. Т. 47. Отд. 1. СПб., 1875. № 50909. С. 731.

[836] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О преобразовании Кокандского приходского училища в двухклассное городское и об утверждении штата

В конце XIX в. государство последовательно усиливало внимание к нуждам образования в русско-туземных и городских училищах и их кадровому преподавательскому персоналу. Безусловно, прежде всего, учитывалась важность их работы с учащимися из среды «туземного» населения. В начале 1897 г. Государственный совет принял постановление о льготах для преподавателей городских школ Туркестанского края[837]. В апреле 1897 г. Государственный совет принял решение об увеличении оклада квартирных денег учителям городских училищ Туркестанского края[838]. Мало кому известно, что в Бухарском и Хивинском ханствах тоже функционировали русско-туземные школы. Учительствовали в них, как правило, выпускники Туркестанской Учительской семинарии. В ноябре 1897 г. Государственный совет постановил предоставить учителям Бухарской и Хивинской русско-туземных школ права государственной службы[839].

В конце 1889 г. была учреждена должность инспектора «туземных» училищ Туркестанского края[840]. На нее был назначен В.П. Наливкин – «один из лучших в России знатоков Туркестанского края, его истории, народонаселения, этнографии и культуры»[841]. Как большой знаток регионального мусульманства Наливкин исподволь, но эффективно влиял на деятельность подведомственных ему мусульманских школ. По мнению П.П.

упомянутого училища. 30 мая 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10678. С. 324-325.

[837] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О предоставлении русским учителям русско-туземных школ и надзирателям ученических квартир при городских училищах Туркестанского края служебных прав и преимуществ со времени определения этих лиц в означенные должности. 6 января 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 13619. С. 4-5.

[838] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об увеличении оклада квартирных денег учителям городских училищ Туркестанского края. 28 апреля 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14007. С. 229-230.

[839] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О предоставлении учителям Бухарской и Хивинской русско-туземных школ прав государственной службы. 3 ноября 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14600. С. 616-617.

[840] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении третьей должности Инспектора народных училищ Туркестанского края. 27 ноября 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6394. С. 624

[841] Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь. М., 2005. С. 170.

Литвинова, «за 6 лет работы в должности краевого инспектора «туземных» школ Наливкину удалось во многом примирить интересы российской государственности и мусульманской религиозной школы»[842]. Однако, вследствие интриг Главного инспектора училищ Туркестанского края Ф.М. Керенского, в июле 1896 г. генерал-губернатор А.Б. Вревский издал приказ об учреждении инспекции мусульманских учебных заведений в каждой области отдельно – Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской. В результате, Наливкин остался только инспектором «туземных» училищ Ферганской области, утратив втрое свою былую власть над такими учебными заведениями в Русском Туркестане. «Реформу» Вревского и Керенского осуждали все видные туркестанские деятели – Н.П. Остроумов, М. Миропиев, Н.И. Гродеков и др. В 1905 г. само Министерство народного просвещения осознало ошибку Вревского и предложило восстановить краевую инспекцию «туземных» школ. Но Керенский убедил туркестанского генерал-губернатора Н.Н. Тевяшева в том, что в условиях начавшейся в России революции не стоит лишний раз дразнить мусульманское духовенство – главного духовного наставника населения Средней Азии. В 1907 г. туркестанский генерал-губернатор Н.И. Гродеков отмечал, что «после развала Керенским централизованной инспекции мусульманских школ, областные учебные ведомства за истекшие 10 лет так и не смогли установить равноценный действенный контроль за их деятельностью»[843]. Соответственно, степень цивилизационного воздействия Российского государства на мусульманскую школу в регионе заметно снизилась.

В мае 1898 г. в Андижане вспыхнул мусульманский бунт под руководством ишана Мухаммеда Али (Мадали), которого народ называл: «Дукчи-ишан» («Ишан-веретенщик»). Как указывалось, повстанцы вырезали спящих в казарме русских солдат, в связи с чем многие мусульмане Средней Азии осудили действия фанатиков. К рассматриваемой нами проблеме

---

[842] Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865-1917). Елец: ЕГПИ, 1998. С. 123.
[843] Там же. С. 125.

андижанский мятеж не имеет прямого отношения, хотя в нем участвовали также учащиеся мектебов и медресе. Однако косвенно бунт имеет к ней отношение, так как событие напугало царизм и побудило его прибегнуть к реформам в туркестанском исламском мире. Как отмечалось, царь Николай II потребовал от туркестанского генерал-губернатора С.М. Духовского предоставить ему доклад об исламе в Русском Туркестане. В 1899 г. тот направил такой документ на «высочайшее» рассмотрение[844]. Однако в докладе проблемы мусульманской школы фактически не нашли никакого отражения, за исключением приложенных к нему статистических данных о численности мектебов и медресе, а также учащихся в них по областям и по краю в целом[845]. Вместе с тем, для выработки предложений об устройстве управления «духовными» (религиозными) делами мусульман Туркестанского края Духовской образовал специальную комиссию, которая подготовила ряд соответствующих проектов. В «Общем своде» итогов ее работы указывалось, что комиссия «не видит никаких оснований к вмешательству в учебную часть мусульман»[846]. По ее мнению, оставленная вне надзора мусульманская школа постепенно сама сгниет изнутри, изъеденная «рутиной» отсталого средневекового бытия. В связи с этим, в «Проекте положения об управлении мусульманскими учебными заведениями» комиссия предлагала только обеспечить надзор за ними со стороны российской школьной инспекции. В таком же духе ею была составлена и «Инструкция по наблюдению за мусульманскими учебными заведениями в Туркестанском крае»[847]. Смысл ее предложений сводился к тому, чтобы отстранить от надзора за мусульманскими школами в регионе Министерство народного просвещения и передать его в руки туркестанской администрации. Естественно, что главное ведомство образования выступило против этого, однако предложения комиссии Духовского неожиданно поддержало Министерство

[844] См.: Арапов Д.Ю. Императорская Россия и мусульманский мир. М., 2006. С.138.
[845] Там же. С. 163.
[846] Там же. С. 207.
[847] Там же. С. 219-220.

внутренних дел – давний конкурент военного министерства за право управлять Русским Туркестаном. Это можно было понять – в царских «верхах» уже витала идея переподчинения региона Министерству внутренних дел, которая позже, в 1907 г. едва не осуществилось, но была отложена по причинам, на которые мы указывали выше[848].

Как отмечалось, Семиреченская и Закаспийская области вошли в состав Туркестанского генерал-губернаторства (края) на основании закона от 26 декабря 1897 г.[849]. Естественно, что за время их пребывания вне указанного края по отношению к системе образования в этих областях принимались разного рода правительственные решения. Для Семиреченской области это был период 1882-1897 гг. Система образования в ней сложилась еще во время ее пребывания в составе Туркестанского генерал-губернаторства (края) в 1867-1882 гг. В целом она напоминала структуры образования, существовавшие на других его территориях. Вместе с тем, в области основная ставка делалась на развитие сельскохозяйственного образования, в том числе «туземного». Так, в марте 1892 г. Государственный совет принял решение о выделении 360 руб. для содержания здания Верненского училища садоводства[850]. В мае 1894 г., по представлению Министра государственных имуществ, он постановил преобразовать низшие сельскохозяйственные школы в Семиреченской области и укрепить их штаты[851]. Высший надзор за указанными школами отдавался Степному

---

[848] См.: Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – О составлении нового Положения об управлении Туркестанским краем и об отсрочке передачи сего края в ведение Министерства внутренних дел. 30 июля 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 29439. С. 476-477.

[849] См.: Именной, Высочайший указ, данный Сенату – О разделении Сибири и Среднеазиатских областей на военные округа с соответствующими изменениями в устройстве их высшего гражданского управления. 26 декабря 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14818. С.711.

[850] Высочайше утвержденное Мнение Департамента экономии Государственного совета – О расходе на наем помещения для Верненского училища садоводства. 17 марта 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8436. С. 178.

[851]Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О преобразовании низших сельскохозяйственных школ в областях Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской и об утверждении штата означенных школ. 30 мая 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПБ., 1898. № 10685. С. 327-328.

генерал-губернатору. В Семиреченской области было 2 сельскохозяйственные школы со штатом, одинаковым с такими же учреждениями в Акмолинской и Семипалатинской областях[852]. В июне 1895 г. Государственный совет рассмотрел представление министра земледелия и государственных имуществ о зачислении в специальные средства сельскохозяйственных школ Степного края остатков от сумм, отпускаемых из земских сборов на хозяйственные издержки тех же школ и принял положительное решение по этому вопросу[853]. Этот закон дополнял вышеприведенное постановление от 30 мая 1894 г. В начале 1896 г. Государственный совет постановил преобразовать 5 временно закрытых «киргизских» школ в «степных» областях (Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской) в сельскохозяйственные школы[854]. Что касается Закаспийской области, то она до 1898 г., как известно, никогда не входила в состав Туркестанского генерал-губернаторства (края). Учебные заведения всех типов в Закаспийской области подчинялись Министерству народного просвещения. В начале 1889 г. министр народного просвещения И.Д. Делянов вошел в Государственный совет с представлением о расходе на содержание двухклассного училища в городе Мерве и о служебных правах преподавателей училищ Министерства народного просвещения в Закаспийской области, которое было рассмотрено и утверждено[855]. В апреле 1895 г. Государственный совет учредил должность Инспектора народных

---

[852] См.: Штат низших сельскохозяйственных школ в областях Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10685. Штаты и табели. С. 277.

[853] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О зачислении в специальные средства сельскохозяйственных школ Степного края остатков от сумм, отпускаемых из земских сборов на хозяйственные издержки тех же школ. 5 июня 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11811. С. 409.

[854] Высочайше утвержденное Мнение Соединенных департаментов Государственной экономии и Законов Государственного совета – О преобразовании пяти киргизских школ в степных областях в сельскохозяйственные школы. 15 января 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 12423. С. 41-42.

[855] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О расходе на содержание двухклассного училища в городе Мерве и о служебных правах преподавателей училищ Министерства народного просвещения в Закаспийской области. 31 января 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 5751. С. 50-51.

училищ Закаспийской области[856]. Поскольку по ее территории проходила линия Закаспийской военной железной дороги, то принадлежащие ей учебные заведения подчинялись Военно-учебному управлению Военного министерства. В начале июня 1895 г. Военный совет утвердил временные штаты Закаспийской военной железной дороги и Асхабадского железнодорожного технического училища[857]. В штате Закаспийской военной железной дороги числились также учебные заведения - нетехнические двухклассные училища на железнодорожных станциях: Узун-Ада, Казанджик, Кызыл-Арват и Аму-Дарья. В них обучалось немало представителей «туземного» населения. Русские власти намеревались готовить из учащихся-«туземцев» низших служителей железной дороги – кондукторов, обходчиков, кассиров и т.п. Непосредственно перед включением Закаспийской области в состав Туркестанского края Государственный совет учредил в областном центре – городе Асхабаде четырехклассную мужскую прогимназию[858]. Среди ее учеников тоже очень скоро появились представители «туземного» юношества. В марте 1899 г. такая же гимназия была открыта в городе Самарканде[859].

В начале XX в. внимание правительства к сфере образования в Русском Туркестане не ослабевало. Государство поддерживало не только общеобразовательные, но и специальные учебные заведения. В марте 1901 г. министерство финансов выделило 2500 руб. на содержание низшей

---

[856] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении должности Инспектора народных училищ Закаспийской области. 17 апреля 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11543. С. 191-192.

[857] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об утверждении временных штатов служащим по эксплуатации Закаспийской военной железной дороги и Асхабадского железнодорожного технического училища. 5 июня 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11825. С. 416.

[858] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении в городе Асхабаде четырехклассной мужской прогимназии. 29 января 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 12487. С. 78-79.

[859] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении в городе Самарканде мужской четырехклассной прогимназии и об утверждении штата означенной прогимназии. 29 марта 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 16689. С. 259.

сельскохозяйственной школы в Ташкенте[860]. Среди ее учащихся было немало представителей «туземного» юношества. В апреле 1900 г. Государственный совет поручил Министру народного просвещения установить порядок отчисления из земских средств кредитов на народное образование[861]. В мае 1901 г. Государственный совет учредил низшую сельскохозяйственно-гидротехническую школу в городе Ташкенте[862]. Этому предшествовало активное обсуждение проблемы, нашедшее отражение в архивных документах[863]. В этом учебном заведении было особенно много учащихся из «туземцев», поскольку она готовила так называемых «арык-аксакалов» – руководителей местными ирригационными сооружениями. Звание «мираба» (поливальщика) высоко ценилось среди коренного населения Средней Азии. Школа учреждалась на основании закона от 27 декабря 1883г. о низших сельскохозяйственных учебных заведениях[864]. Устанавливался трехлетний курс обучения – два года теоретических занятий и один год практической работы на ирригационных сооружениях. Правительство внимательно следило за проблемами учебных заведений в Средней Азии. Так, в феврале 1904 г. Комитет министров разрешил Ташкентской сельскохозяйственно-гидротехнической школе обменять участок земли школы в 11,25 кв. сажен на 18,75 кв. сажен соседнего владения мещанина Дмитриева[865].

В начале июня 1901 г. Государственный совет, рассмотрев

---

[860] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О сметах и раскладках земских повинностей в Туркестанском крае на 1901-1903 годы. 19 марта 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 19833. С. 149-150.

[861] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О земских сметах и раскладках в Степных областях. 7 апреля 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18392. С. 326.

[862] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении низшей сельскохозяйственно-гидротехнической школы в городе Ташкенте и штата означенной школы. 7 мая 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20042. С. 311.

[863] См.: РГВИА, Ф. 400, Оп. 1, Д. 2695 – Об учреждении сельской хозяйственно-гидротехнической школы в г. Ташкенте (16 июня 1900 – 4 апр. 1901 г.). 31 Л.

[864] Высочайше утвержденное Нормальное Положение о низших сельскохозяйственных школах. 27 декабря 1883 года // ПСЗРИ-3. Т. 3. СПб., 1886. № 1919. С. 491-494.

[865] Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О разрешении обмена земли, отведенной Ташкентской сельскохозяйственно-гидротехнической школе. 26 февраля 1904 года. // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24121. С. 189-190.

представление министра народного образования П.С. Ванновского (бывшего в 1881-1897 гг. военным министром), выделил на содержание пансиона при Ташкентском ремесленном училище 1.850 руб. в год[866]. Училище было учреждено на основании закона от 7 марта 1888 г. о промышленных училищах[867]. В нем обучалось много юношей-«туземцев», часть которых как иногородние проживали в пансионе (общежитии). В мае 1910 г. Государственный совет и Государственная дума приняли закон об отпуске из государственного казначейства средств в пособие на содержание литейной мастерской при указанном ремесленном училище[868]. В 1904 г. в Ташкенте было открыто техническое железнодорожное училище и фактически сразу же ему, по «всеподданнейшему» докладу министра путей сообщения, было присвоено имя «Наследника Цесаревича Алексея Николаевича»[869]. Оно было призвано готовить «второстепенных» техников железнодорожной службы – машинистов, помощников машинистов, дорожных мастеров и др. По закону, дети «туземцев» поступали в Ташкентское техническое железнодорожное училище наравне с русскими. В коллективе учащихся они занимали видное место. Курс обучения занимал 3 года. После этого выпускники, получив свидетельство об окончании училища, проходили двухлетнюю практику, после которой им вручался аттестат техника железнодорожной службы.

В рассматриваемый период правительство уделяло значительное внимание подготовке преподавательских кадров для русско-туземных школ и

---

[866] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О кредите на содержание пансиона при Ташкентском ремесленном училище. 4 июня 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20249. С. 450-451.

[867] Высочайше утвержденные Основные Положения о промышленных училищах. 7 марта 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 5057. С. 78-83.

[868] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об отпуске из государственного казначейства средств в пособие на содержание литейной мастерской при Ташкентском ремесленном училище. 16 мая 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд.1. СПб., 1913. № 33549. С. 619-620.

[869] Высочайшее Повеление, объявленное Министром путей сообщения – О присвоении техническому железнодорожному училищу Министерства путей сообщения наименования: «Ташкентское техническое железнодорожное училище имени Наследника Цесаревича Алексея Николаевича». 12 ноября 1904 года // ПСЗРИ -3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 25325. С. 1076.

училищ. Предпочтение на этом направлении отдавалось Туркестанской Учительской семинарии, о которой упоминалось выше. Директор семинарии Н.П. Остроумов писал о том, что в ней всегда учились «туземцы» с тем, чтобы стать потом учителями русского языка в русско-туземных училищах или переводчиками в уездных и областных правлениях Туркестанского края. Он подчеркивал, что Туркестанская Учительская семинария «всегда стояла на почве уважения религиозных верований своих воспитанников из инородцев и в своих стенах никогда не посягала на прозелитизм, дабы не вызвать со стороны окружающей мусульманской массы крайне нежелательного и гибельного для дела религиозного фанатизма»[870]. Узбекистанский историк Ю.С. Флыгин пишет: «За первое двадцатипятилетие, как явствует из отчета, составленного в 1904 году директором семинарии Н.П. Остроумовым, из общего числа поступивших в нее, представители мусульманских народов составляли чуть более 16 процентов, из них 13 процентов – казахи»[871].Узбекистанский исследователь Т.Л. Пономарева отмечает, что «в 1906 году число русских учебных заведений в Туркестане составляло 423 с 30.326 учащимися. Из этого количества учащихся мальчиков коренной национальности было всего 20%, а девочек насчитывалось 35-40 человек»[872]. Приведенные данные могут показаться скромными, с точки зрения изучаемой здесь проблемы, однако с учетом специфики единственного всецело мусульманского региона Российской империи и цивилизационного влияния на его население, на наш взгляд, их можно считать победными для туркестанской администрации.

В июле 1908 г. Государственный совет и Государственная дума

---

[870] Остроумов Н.П. Отчет Туркестанской Учительской семинарии за XXV лет ее существования (30 августа 1879 – 30 августа 1904 года). Ташкент, 1904. С. 24.

[871] Флыгин Ю.С. Власть и ислам в Туркестане. К вопросу о конфессиональной политике в Туркестанском крае (1867-1917) // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. 27 ноября 2008 г. Ташкент. Сборник материалов. Ташкент, 2010. С. 38-39.

[872] Пономарева Т.Л. Ликвидация неграмотности среди взрослого населения Узбекистана в 20-30-х гг. XX века // Личность и время. Николай Остроумов: востоковед, просветитель эпохи. Материалы международной научной конференции, посвященной 170-летию со дня рождения русского ученого-туркестановеда, исламоведа, деятеля народного образования в Средней Азии Николая Петровича Остроумова. Ташкент, 2017. С. 244.

приняли закон об отпуске средств на строительные надобности Туркестанской Учительской семинарии[873]. В мае 1909 г. в ней была учреждена должность учителя естествоведения и сельского хозяйства[874]. В 1910 г. сенатор-ревизор Туркестанского края К.К. Пален предлагал «для подготовки учителей киргизских (кочевнических – И.В.) школ Семиреченской области учредить в г. Верном Учительскую семинарию и изъять низшее народное образование в киргизских районах из рук сартов (узбеков) и татар»[875].

Несмотря на достижения в сфере цивилизационного влияния России на процесс обучения «туземцев» в Средней Азии, в целом он переживал серьезные проблемы, которые были не столько результатом определенных просчетов и недостатков царских властей в регионе, сколько рефлексией общего состояния образовательной сферы в Российской империи, в которой господствовала неграмотность большинства населения страны. В царских «верхах» осознавали цивилизационную пагубность такого положения. В июне 1910 г. Государственный совет и Государственная дума приняли закон о дополнительном отпуске из государственного казначейства 10 млн. рублей на нужды начального образования[876]. Ровно через 2 года ими же были утверждены новые дополнительные ассигнования на эти нужды в размере 8 млн. руб.[877]. Естественно, что государственная поддержка коснулась и

---

[873] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – Об отпуске из средств на строительные надобности Туркестанской Учительской семинарии. 6 июля 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30713. С. 469.

[874] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – Об учреждении в Туркестанской Учительской семинарии должности учителя естествоведения и сельского хозяйства. 24 мая 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 31927. С. 383.

[875] Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Учебное дело. СПб., 1910. С. 147.

[876] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – О дополнительном отпуске из государственного казначейства 10.000.000 рублей на нужды начального образования. 14 июня 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33763. С. 759-760.

[877] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – О дополнительном отпуске из средств государственного казначейства 8.000.000 рублей на нужды начального образования. 13 июня 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32.

учебных заведений начального образования в Русском Туркестане, в которых обучалось к тому времени много детей «туземцев», особенно в кочевых регионах – преимущественно, в Семиреченской области.

Следует заметить, что действие в Туркестанском крае трех правительственных «положений» об управлении «коренными» областями, а также Семиреченской и Закаспийской, вносили заметный разнобой в самые разные сферы жизнедеятельности региона, не исключая, разумеется, и системы образования. Поэтому 25 ноября 1911 г. туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов издал приказ № 248, в котором указывал, что, несмотря на принадлежность учебных заведений края министерству народного просвещения, он оставляет за собой право общего надзора и руководства системой народного образования в Туркестанском крае и принятия личных решений по многим вопросам, которые он изложил в 18 пунктах приказа. Кроме того, «Главный начальник» края обозначил 29 пунктов, в которых отметил те вопросы, решение которых он передавал помощнику туркестанского генерал-губернатора[878]. Но финансирование учебных заведений Русского Туркестана оставалось за «центром».

Особенно проблематичным было состояние женского образования в Русском Туркестане. Безусловно, положение женщины на мусульманском Востоке, в том числе в Средней Азии, было всегда нелегким. Однако часть женщин Туркестана в дороссийский период тоже получала образование. Исследователь К.Е. Бендриков писал о том, что в регионе существовали женские мусульманские школы (мектебы), называвшиеся «атун-биби»[879]. Как отмечалось, после присоединения региона к России мусульманская система образования сохранялась в первозданном виде, в том числе и в сфере

Отд.1. СПб., 1915. № 37297. С. 652-653.

[878] Положение об управлении Туркестанского края. С разъяснениями Правительствующего Сената, приказами и циркулярами Туркестанского генерал-губернатора, и инструкциями и правилами по отдельным частям управления. Сост. И.Ф. Абрамов. Ташкент, 1916. С. 8-10.

[879] Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане. (1865-1924). М., 1960. С. 33.

обучения девочек. Вместе с тем, у них появились возможности получать образование в российских учебных заведениях. Конечно, «туземных» девочек, как отмечалось, в них всегда было очень мало, однако в ракурсе основной темы данного диссертационного исследования это обстоятельство должно также учитываться для воссоздания полной картины сферы образования в Средней Азии рассматриваемого периода.

Как указывалось выше, первая женская гимназия в регионе была открыта в Ташкенте в 1883 г. Это была, по сути, первая гимназия в Русском Туркестане, поскольку Ташкентская мужская гимназия появилась лишь в 1884 г. По свидетельству узбекистанского историка Ю.С. Флыгина, в 1884 г. «в Ташкентской мужской гимназии обучалось 20 мусульманских мальчиков, а в женской гимназии 10 девочек-мусульманок»[880]. Соотношение полов среди гимназистов 2:1 было, кстати, в то время характерно и для многих других регионов царской России, где в средних учебных заведениях обучались преимущественно лица мужского пола. Поэтому в данном случае важен сам цивилизационный факт привлечения мусульманских девушек к получению российского среднего образования. Основным направлением на этом поприще были, однако, не гимназии, а женские училища ведомства Министерства народного просвещения. Их открытие в Туркестанском крае относится к концу XIX в. В 1890 г. Государственный совет, по представлению министра народного просвещения И.Д. Делянова, утвердил «Положение о Мариинских женских училищах» в Маргилане и Самарканде[881]. Документ отмечал, что женские училища в этих городах «имеют целью доставлять общее элементарное образование девицам всех сословий и *вероисповеданий*»[882]. (Курс. наш – И.В.) Таким образом, к

[880] Флыгин Ю.С. Власть и ислам в Туркестане. К вопросу о конфессиональной политике в Туркестанском крае (1867-1917) // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. 27 ноября 2008 г., Ташкент. Сборник материалов. Ташкент, 2010. С. 38-39.
[881] Высочайше утвержденное Положение о Мариинских женских училищах ведомства Министерства народного просвещения в Маргелане и Самарканде. 1 мая 1890 года. // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 6778. С. 335-337.
[882] Там же. С. 335.

обучению в них допускались «туземные» девушки – мусульманки и среднеазиатские еврейки. В примечании к статье указывалось, что при них могут устраиваться пансионы. Срок обучения составлял 4 года. В училища принимались девочки 8-12 лет. В начале декабря 1896 г. Государственный совет постановил учредить Мариинское женское училище в городе Асхабаде, Закаспийской области[883]. Обучение объявлялось платным, однако закон освобождал «туземных» учениц от платы за обучение. Через три года Асхабадское Мариинское женское училище было преобразовано в городскую женскую гимназию, в которую свободно принимали «туземных» девушек[884].

Как ни странно, но Мариинское женское училище в «столице» Русского Туркестана – Ташкенте было открыто позже, чем в других городах[885]. Одновременно с его учреждением Государственный совет преобразовал в женскую гимназию Маргиланское Мариинское женское училище[886]. В этих учебных заведениях тоже предусматривались места для льготного обучения представительниц «туземного» женского пола.

Важным направлением в цивилизаторской деятельности России в Средней Азии была организация учебно-воспитательной работы среди «туземных» малолетних детей. К сожалению, эта проблема не получила над собой достойной рефлексии ни в российской, ни в зарубежной (в том числе, современной «центральноазиатской) историографии. С присоединением региона власти Русского Туркестана столкнулись с множеством нищенствующих сирот. Их было меньше среди кочевого населения, так как

---

[883] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении в городе Асхабаде Закаспийской области Мариинского женского училища. 2 декабря 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд.1. СПб., 1899. № 13469. С. 742-743.

[884] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О кредите на содержание Асхабадской женской гимназии с пансионом при ней. 22 ноября 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 17780. С. 1157.

[885] Высочайше утвержденное мнение Департамента промышленности, наук и торговли Государственного совета – Об учреждении в городе Ташкенте Мариинского женского училища. 10 июня 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18815. С. 716-717.

[886] Высочайше утвержденное мнение Департамента промышленности, наук и торговли Государственного совета – О преобразовании Маргеланского Мариинского женского училища в женскую гимназию. 10 июня 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18821. С. 719.

по обычаю (адату) они пользовались призрением родовых сообществ. Однако среди оседлого населения обездоленное сиротство было частым явлением. Мусульманское право (шариат) в дороссийской Средней Азии слабо защищало его права. Первые приюты для «туземных» сирот были организованы еще при генерал-губернаторе К.П. Кауфмане. Один из них был образован им в Ташкенте и потому носил его имя. В областях Туркестанского края также создавались приюты для «туземных» сирот и бедных детей, содержавшиеся за счет разных благотворительных фондов. Для руководства ими создавались областные попечительства детских приютов, возглавлявшиеся, как правило, формально военными губернаторами как «почетными» попечителями. Главным «почетным» попечителем детских приютов являлся туркестанский генерал-губернатор. В приютах «туземные» дети получали жилье, питание, медицинское обслуживание и проходили курс первоначального обучения, включавшего изучение русского языка (чтения и письма), а также и привитие им навыков некоторых наиболее распространенных ремесел с тем, чтобы в будущем они могли зарабатывать себе на жизнь. Активное участие в призрении «туземного» детства принимала участие Русская Православная Церковь в Туркестане, однако власти пресекали ее прозелитизм среди мусульманских подростков. Но в целом деятельность туркестанских властей по призрению «туземных» детей в регионе носила дисперсный характер, не имея единого консолидирующего и координирующего ее центра. Между тем, в самой России она была централизована, поскольку в пределах империи детскими приютами занималось так называемое «ведомство императрицы Марии Александровны», основанное женой императора Александра II. Оно действовало на основании закона от 18 июля 1891 г.[887].

В начале ноября 1895 г. Ташкентский детский приют имени Кауфмана

[887] Высочайше утвержденное Положение о детских приютах ведомства учреждений Императрицы Марии. 18 июля 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7930. С. 529-542.

был передан в указанное ведомство[888]. В конце 1896 г. был издан закон о передаче Ташкентского Александровского и Самаркандского детских приютов вместе с принадлежащими им капиталами и недвижимым имуществом в число детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии[889]. В октябре 1898 г. такая же процедура имела место в отношении Закаспийской области, где Асхабадский детский приют был передан в то же ведомство учреждений с одновременным образованием областного попечительства о детских приютах, ему принадлежащих[890]. Семиреченское областное попечительство о детских приютах ведомства учреждений императрицы Марии было образовано еще во время ее пребывания в составе Степного генерал-губернаторства (края). Финансирование детских приютов в этой области было, видимо, недостаточным, так как в начале февраля 1899 г., по представлению министра внутренних дел И.Л. Горемыкина, Государственный совет принял постановление о выделении ежегодно детскому приюту в городе Верном пособия в сумме 1.000 руб. из земских сборов Семиреченского региона[891].В марте 1900 г., по «всеподданнейшему» докладу Главноуправляющего «Собственной Его Императорского Величества канцелярии» по ведомству учреждений императрицы Марии Александровны, при Ташкентском приюте имени К.П. фон Кауфмана I был

---

[888] Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – О принятии основанного в Ташкенте детского приюта имени покойного Туркестанского генерал-губернатора, генерал-адъютанта фон Кауфмана-I, вместе с принадлежащим приюту домом, капиталом и движимым имуществом в число детских приютов ведомства Императрицы Марии. 4 ноября 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 12103. С. 590-591.

[889] Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – О принятии Ташкентского Александровского и Самаркандского детских приютов вместе с принадлежащими им капиталами и недвижимым имуществом в число детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии. 13 декабря 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 13518. С. 771.

[890] Высочайшее повеление по всеподданнейшему докладу Главноуправляющего Собственной Е.И.В. Канцелярией по учреждениям императрицы Марии – О принятии детского приюта в Асхабаде в число приютов ведомства императрицы Марии и об открытии Закаспийского областного Попечительства детских приютов. 15 октября 1898 года // ПСЗРИ-3. Т.18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15988. С. 955.

[891] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О пособии из земских средств детскому приюту в городе Верном. 1 февраля 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 16445. С. 96-97.

учрежден особый приют для малолетних детей дошкольного возраста[892]. Таким образом, «туземные» дети-сироты оказались под специальным государственным присмотром. В октябре 1900 г. были учреждены попечительства детских приютов ведомства Императрицы Марии в уездах Семиреченской области[893]. Однако реально они были открыты законом от 14 декабря 1902 г.[894]. Областные попечительства детских приютов ведомства учреждений Императрицы Марии были открыты в Сырдарьинской, Самаркандской, Закаспийской и Семиреченской областях Туркестанского края. Но только в 1906 г. такое попечительство было учреждено в Ферганской области. Закон от 17 сентября 1906 г. открывал детский приют в областном центре – городе Новом Маргилане и подчинял его ведению областного попечительства детских приютов ведомства учреждений Императрицы Марии[895]. В феврале 1911 г. Государственный совет и Государственная дума увеличили отпуск пособия на содержание детского приюта ведомства учреждений императрицы Марии в городе Верном с 1.000 руб. до 2.000 руб.[896]. При исследовании роли России в сфере образования «туземного» населения Средней Азии в рассматриваемый период мы

---

[892] Высочайше утвержденный всеподданнейший доклад Главноуправляющего Собственной Е.И.В. Канцелярией по учреждениям императрицы Марии – Об учреждении при Ташкентском приюте имени К.П. фон Кауфмана I особого приюта для малолетних детей дошкольного возраста. 20 марта 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18310. С. 249.

[893] Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – Об открытии уездных попечительств детских приютов ведомства учреждений Императрицы Марии в уездах Семиреченской области. 4 октября 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19259. С. 1059.

[894] Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – Об открытии Верненского, Джаркентского, Лепсинского и Пишпекского уездных Попечительств детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии. 14 декабря 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 22278. С. 987.

[895] Высочайшее повеление, объявленное министром юстиции – Об открытии Ферганского областного попечительства детских приютов ведомства учреждений Императрицы Марии и детского приюта того же ведомства в городе Новом Маргилане. 17 сентября 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28355. С. 863-864.

[896] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об увеличении отпускаемого из земских сборов Семиреченской области пособия на содержание детского приюта ведомства учреждений императрицы Марии в городе Верном. 24 февраля 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПб., 1914. № 34807. С. 113.

постоянно имели в виду то непреложное обстоятельство, что она функционировала одновременно и параллельно с исторически сложившейся системой образования коренного населения региона. Выше мы уже указывали, что русские власти в Туркестане никоим образом не препятствовали деятельности «туземных» учебных заведений любого типа – от кары-хана до медресе, хотя и осуществляли над ними некоторый контроль. Но он никак не мешал мусульманскому духовенству региона по-своему управлять религиозными учебными заведениями. Известный туркестанский администратор, генерал Н.С. Лыкошин писал о том, что мусульманское духовенство могло произвольно менять статус мусульманского учебного заведения. Так, например, самаркандские казии самовольно превратили высшее мусульманское учебное заведение – медресе «Махдум-и-Харазм» в кары-хана – начальную школу[897]. Между тем, русские власти не могли не замечать недостатки и пороки «туземного» образования. В конце XIX в. туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский указывал, что «по своему замкнутому религиозному характеру училища эти (мектебы – И.В.) не приносят делу народного образования никакой пользы, служа, напротив, рассадниками мусульманского фанатизма и обособленности»[898]. Еще через десятилетие туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов свидетельствовал: «Школы эти (мектебы – И.В.) предоставлены самим себе, оставлены без всякого за ними правительственного надзора. В них царит мертвящая рутина, питающая юные умы нелепой религиозной схоластикой. Юношество получает в них превратное представление о мире и его явлениях, но зато ревностно изучает Коран и комментарии к нему – шариат – под руководством фанатичных мулл и в результате являются послушным орудием в их руках…Фанатики муллы внушают умышленно им ложное представление о наших государственных началах, ненависть к русской

[897] Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. очерки быта туземного населения. Петроград, 1917. С. 46.
[898] Цит. по: Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. (1865-1917). Елец: ЕГПИ, 1998. С. 115.

власти и русскому народу»[899]. Таким образом, за полвека российского присутствия в Средней Азии традиционная мусульманская школа не претерпела фактически никаких изменений, то есть фактически полностью сохранила свое цивилизационное содержание. Не исключено, что если бы российское правительство проявило эффективное цивилизационное на нее воздействие, то это могло бы ускорить культурный прогресс на всех направлениях жизнедеятельности «туземного» населения Средней Азии.

В начале XX в., в условиях роста панисламистских и пантюркистских настроений среди мусульманства Средней Азии, потребность в надзоре за мусульманской школой со стороны власти становилась настоятельно необходимой. Туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов издал несколько приказов в этом отношении. Например, учитывая «вредное» влияние учителей-татар на учащихся мектебов, генерал-губернатор распространил в 1912 г. циркуляр о том, чтобы учителя в мусульманских школах были одной национальности с учащимися. В связи с этим численность татар среди педагогов мусульманской школы в Русском Туркестане резко уменьшилась, так как учащиеся, как правило, были из нетатарских этносов - узбеков, таджиков, кыргызов, казахов и др. Вместе с тем, усиление контроля и надзора за мусульманской школой не было связано с вмешательством власти во внутренние ее дела, то есть в учебно-воспитательный процесс с целью его цивилизационного обновления. Известный российский исламовед и туркестанский общественный деятель Н.П. Остроумов считал невмешательство русской власти в дела мусульманской школы ошибочным. Он писал о том, что «нельзя оставлять без внимания и без надзора многочисленные мусульманские мактабы и мадрасы. Пора сознаться в своей ошибке относительно их предполагавшейся нежизнеспособности и взять их в свои руки»[900]. Остроумов отмечал, что «под

[899] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 8. Всеподданнейшие отчеты туркестанских генерал-губернаторов и губернаторов областей Туркестанского края (1909). Л. 67 об.

[900] Остроумов Н.П. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае (хронологическая справка) // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова.

влиянием ошибочного взгляда на туземные школы, мы не охранили киргиз от влияния сартов; если же мы, русские, откажемся от мусульманских школ, то они подпадут под влияние татар и при том не тех старых татар, которых знал... К.П. фон Кауфман, а новых татар, младотатар, стремящихся к прогрессу и единению с мусульманами всего мира... татары сделают за нас дело, которого поправить будет уже нельзя»[901]. Он констатировал очевидный факт. В начале XX в. в Русском Туркестане в деятельности традиционной мусульманской школы возникли острые проблемы в связи с появлением так называемых «новометодных» школ, генераторами которых были «казанские» татары, жившие в Средней Азии и наиболее «продвинутые» представители местного мусульманства – узбеки, таджики, казахи, кыргызы и др. Узбекистанский исследователь Ф.Р. Исакова пишет: «Количество джадидских (новометодных – И.В.) школ росло быстрыми темпами. По официальным данным 1908 года в Туркестанском крае насчитывалось 30 джадидских школ, в которых учились 1300 учащихся, к 1911 году их число увеличилось до 63 с 4106 учащимися. Основной причиной увеличения новометодных школ являлся экономический фактор»[902].

Исследователь К.Е. Бендриков пишет о том, что «до революции 1905-1907 гг. чины царской администрации Туркестанского края не договорились о единой линии отношения к новометоднымМактабам, которые стали открываться в различных городах и селениях края»[903]. Он прав, но только отчасти. Между чинами царской администрации в Туркестанском крае, действительно, не было единого мнения о «новометодных» школах. Так, например, Н.П. Остроумов считал их опасным явлением, тогда как инспектор

---

27 ноября 2008 г., Ташкент. Сборник материалов. Ташкент, 2010. С. 368-369.

[901] Там же. С. 369.

[902] Исакова Ф.Р. Просвещение в Ферганской долине в конце XIX – начале XX в.: мусульманские мактабы, медресе и русско-туземные школы // Личность и время. Николай Остроумов: востоковед, просветитель эпохи. Материалы международной научной конференции, посвященной 170-летию со дня рождения русского ученого-туркестановеда, исламоведа, деятеля народного образования в Средней Азии Николая Петровича Остроумова. Ташкент, 2017. С. 305.

[903] Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865-1924). М., 1960. С. 273.

народных училищ Сырдарьинской области С.М. Граменицкий имел противоположное мнение о них. Но высшая власть в Русском Туркестане и до, и после первой русской революции имела единую линию по отношению к «новометодному» образованию. Против него выступал туркестанский генерал-губернатор П.И. Мищенко, который усматривал в «новометодничестве» средство расширения татарского (панисламистского и пантюркистского) влияния на «туземное» населения. Сменивший его в должности А.В. Самсонов в 1909 г. предлагал министру народного просвещения А.Н. Шварцу усилить надзор за «новометодными» школами в Русском Туркестане. О том же он позже писал новому министру народного просвещения Л.А. Кассо, указывая на их связь с пантюркистским (стамбульским) «Обществом распространения просвещения в Бухаре и Туркестане»[904]. Таким образом, русская власть в своем отношении к «новометодному» образованию встала на сторону консервативного («кадимистского») мусульманского духовенства в Средней Азии. Это был политический просчет царского правительства, так как «новометодное» образование открывало перед «туземным» населением региона более широкие возможности для цивилизационного прогресса, сближения его с новыми историческими условиями жизненного существования.

Содержание параграфа позволяет прийти к выводу о том, до прихода России в Среднюю Азию здесь существовала многовековая система мусульманского религиозного образования. Светских учебных заведений не было. Несмотря на функционирование мусульманской школы, реальный уровень грамотности среди коренного населения региона был низким. Российские власти региона изначально отнеслись к мусульманской школе терпимо, не вмешивались в ее внутренние дела. Вместе с тем, они учредили государственный надзор за деятельностью «туземных» учебных заведений с целью ее упорядочения и приближения к российским цивилизационным интересам в Средней Азии. Однако его результаты фактически не повлияли

[904] Там же. С. 278.

на традиционный культурный облик мусульманской школы. Его могло изменить исламское «новометодное» образование, но царская администрация Русского Туркестана не поддержала это педагогическое направление. Она стремилась привлечь «туземную» молодежь к российской цивилизации через различные государственные учебные заведения в крае, что имело ограниченные результаты. Незначительным был цивилизационный эффект деятельности учреждений русско-туземного образования – специальных школ и заведений профессионального обучения. Тем не менее, нельзя отрицать, что известная часть «туземного» юношества оказалась в педагогической орбите русской школы, что не могло не повлиять на их ментальность. Особенно значимым было привнесение Российским государством новых цивилизационных возможностей для образования «туземных» женщин. В отличие от институтов женского обучения в традиционной мусульманской школе, немногие представительницы коренного населения получали в русских учебных заведениях современное образование с достойным уровнем грамотности и культурным кругозором. Проявлением действительной гуманности была забота Российского государства о «туземном» детстве и сиротстве. Безусловно, ею была охвачена только незначительная часть детской бедноты и сирот, однако она оставила заметный цивилизационный след в их судьбе. Скромность цивилизационных успехов России в сфере обучения «туземной» молодежи объяснялась не только недостаточной работой туркестанской администрации на этом направлении, но и общим состоянием народного образования в царской империи, где большинство населения было неграмотным и отсталым.

Выводы по главе. В дороссийский период в Средней Азии отсутствовала государственная система здравоохранения. Процветали различные опасные заболевания, которые лечили знахари. Незначительное число знающих медиков-профессионалов обслуживали властьимущих и состоятельных людей. Сложение российской системы здравоохранения в Туркестане началось с «Сырдарьинской линии», где учреждались первые в

регионе квалифицированные лечебные заведения и акушерские пункты, оказывавшие медицинскую помощь и местному «туземному» населению. С образованием Туркестанской области в 1865 г. этот процесс продолжился. Окончательное оформление российской системы здравоохранения в Средней Азии произошло в рамках Туркестанского генерал-губернаторства (края). Поскольку край подчинялся военному министерству, то все лечебные заведения на его территории находились в ведении Главного военно-медицинского (с 1910 – Главного военно-санитарного) управления. Таким образом, ему же были подчинены и все врачебные учреждения сугубо гражданского профиля, и частнопрактикующие медики. Принципы функционирования системы здравоохранения в Средней Азии были закреплены в нормативно-правовых актах царского правительства.

Система российского здравоохранения в Туркестане включала в себя военные госпитали, полугоспитали, «местные» лазареты, «приемные покои» и проч. По закону, все они были обязаны оказывать медицинскую помощь «туземному» населению, включая и жителей региональных ханств. С течением времени система российского здравоохранения в Средней Азии изменялась как за счет увеличения лечебных учреждений, так и за счет реформирования их статуса. Дефицит в казне побуждал правительство экономить средства на совершенствовании системы здравоохранения в Средней Азии, однако в целом это обстоятельство не выходило за рамки здравого смысла. Лечебные заведения в Русском Туркестане содержались как за счет государственных средств, так и земских сборов областей края.

Основное число лечебных заведений в регионе концентрировалось в городах, однако учреждение городских врачей для обслуживания гражданского населения произошло только к концу XIX в. Сельское население долгое время обслуживалось медиками лечебных заведений при воинских подразделениях. Для оказания ему медицинской помощи при военно-медицинском управлении Туркестанского военного округа и областных (старших) врачах учреждались должности медиков «для

командировок». Только в конце XIX в. была создана сельская врачебно-участковая часть в Семиреченской области. Что касается «коренных» областей (Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской), то в них она стала функционировать лишь в начале XX в. В Закаспийской области сельское население обслуживали армейские медики. На заре XX в. в ней был введен особый больничный сбор с населения, от которого, однако освобождались некоторые его категории, преимущественно «туземные» жители.

После объединения в конце XIX в. всех 5 российских областей Средней Азии в рамках одного генерал-губернаторства не было установлено единого законодательного пространства для функционирования в регионе медицинских учреждений. По отношению к Закаспийской и Семиреченской областям принимались отдельные юридические акты. Вместе с тем, в консолидации лечебных заведений в них с «коренными» областями большую роль играли постановления туркестанских генерал-губернаторов и приказы подчиненных им областных военных губернаторов.

На протяжении всего периода присутствия царской власти в Средней Азии ею уделялось большое внимание «туземным» женщинам и детям. Постоянно росло число перинатальных пунктов. Учреждались специальные лечебницы-амбулатории для «туземных» женщин и детей. При них функционировали небольшие больницы-амбулатории. «Туземцам» оказывалась специализированная медицинская помощь – терапевтическая, психоневрологическая, офтальмологическая, хирургическая и др. Медицинское обслуживание «туземного» населения было, как правило, бесплатным, так как, чаще всего, оно финансировалось из земских средств городов, уездов и областей. Беднейшие слои коренного населения Русского Туркестана получали бесплатно медикаменты для лечения.

В системе российского здравоохранения в Средней Азии огромную роль играла борьба с эпидемическими заболеваниями, которые периодически поражали преимущественно «туземное» население, не соблюдавшее должных мер санитарии и гигиены. Меры русской власти по пресечению и

подавлению эпидемий были жесткими, но гуманными, так как иначе нельзя было спасать людей от неминуемой гибели. Но они воспринимались в штыки мусульманским духовенством, которое провоцировало людей на восстания против русской власти. Однако самоотверженная борьба русской медицины против эпидемий была со временем понята и по достоинству оценена «туземным» населением Средней Азии, доверие которого к российским медикам год от года быстро нарастало.

Безусловно, несмотря на все успехи русской медицины в регионе, в целом российская система здравоохранения в Средней Азии не могла охватить большинство ее населения и решить все его больные проблемы. Однако представляется неоспоримым то обстоятельство, что она оказала большое цивилизационное воздействие на коренных жителей Туркестана, не исключая, разумеется, и населения среднеазиатских ханств.

Несмотря на отсутствие в дороссийской Средней Азии системы здравоохранения, в регионе издавна функционировала многочисленная и развитая сеть мусульманских учебных заведений. Система образования была исключительно религиозной. В регионе не было ни одного светского учебного заведения. Российские власти в Средней Азии оставили «туземную» систему образования в ее традиционном состоянии, обеспечили свободу ее деятельности и не вмешивались в учебно-воспитательный процесс мусульманских учебных заведений. Вместе с тем, царское правительство изначально полагало, что действительное приобщение «туземного» населения Туркестана к передовой российской цивилизации возможно только через привлечение его к разным типам русской школы. В связи с этим в регионе развивалась система российских образовательных учреждений. Особое внимание царское правительство придавало учреждению в Средней Азии русско-туземных училищ, а для подготовки преподавательских кадров для них была образована Туркестанская Учительская семинария, на содержание которой выделялись специальные государственные средства. Русско-туземные школы были учреждены даже в среднеазиатских ханствах –

Бухарском и Хивинском. Несмотря на свои недостатки, такие школы в Средней Азии привнесли немало полезного в дело цивилизационного преобразования региональной педагогики и менталитета «туземной» молодежи. Многие «туземцы» устремлялись в русско-туземные школы с тем, чтобы построить в будущем удачную карьеру на поприще государственной службы или работы в органах местного самоуправления.

Безусловно, российская система образования в Средней Азии устраивалась прежде всего для русского населения. Однако изначально царское правительство приветствовало привлечение к обучению в гимназиях, прогимназиях, разного типа училищах и проч. представителей «туземного» населения. Их было немного, но они все же присутствовали в них. Особенный интерес представители «туземной» молодежи проявляли к обучению в специализированных училищах – технических, железнодорожных, сельскохозяйственных, ирригационных (гидротехнических) и др. Обучение в таких учебных заведениях изменяло их традиционные цивилизационные предпочтения, но не окончательно.

Формально все учебные заведения в Средней Азии находились в ведении министерства народного просвещения, включая и здания, ими занимаемые. Однако в управлении ими значительную роль играл туркестанский генерал-губернатор, выступавший в роли «попечителя» учебного округа. В его компетенции находилась и вся система «туземного» образования. Ей туркестанская администрация уделяла особое внимание. Сохранив традиционные устои мусульманской школы, царская власть установила над ней государственный контроль в виде специальной инспекции. Пока инспекция была централизованной (общекраевой), ее деятельность имела значительный эффект, который в существенной мере снизился после раздробления единой краевой инспекции «туземных» школ на областные подразделения. После того как в Средней Азии усилились панисламистские и пантюркистские настроения, возникла необходимость усиления государственного надзора за «туземными» учебными заведениями,

однако достигнутый ранее на этом направлении контроль над ними не был превзойден. В начале XX в. у царской администрации Русского Туркестана возникли проблемы с «новометодными» школами, которые порицались консервативным мусульманским духовенством. Соглашаясь с ним во многом, туркестанская администрация не поддержала новой исламской педагогики, не оценив ее цивилизационных выгод для интересов России. Вместе с тем, она не запрещала деятельность школ по «новому методу».

Российское государство не упускало из внимания проблемы женского образования в Средней Азии. Среди учащихся российских образовательных заведений представительниц «туземных» женщин было немного, однако они были, особенно среди учениц женских Мариинских училищ региона. Кроме того, российское правительство обеспечило призрением «туземных» детей в специальных приютах ведомства императрицы Марии Александровны.

Представляется очевидным, что усилия русской власти на поприще здравоохранения и образования в Средней Азии имели определенное цивилизационное влияние на жизнь «туземного» социума региона. Общее такое воздействие было сугубо внешним и неглубоким, однако для части жителей Туркестана указанное влияние оказалось достаточно проникающим в привычный жизненный быт. Цивилизационное воздействие России на здравоохранение и образование «туземного» населения Средней Азии могло быть более значительным, если бы в соответствующих сферах всей царской империи не было множества сложных, трудных и прискорбных проблем.

Глава 5. Переселенческая политика царизма в Средней Азии

Как явствует из предыдущих глав диссертационного исследования, цивилизационная политика царской власти в Средней Азии осуществлялась на многих направлениях. Но это была целенаправленная деятельность, основанная на нормативно-правовых актах и административной практике. Коренное население региона выступало как объект приложения определенных правительственных решений, старающихся придать его жизни нужное власти выражение. В таком ракурсе цивилизаторские эксперименты царизма выглядят как тракт с односторонним и медленным движением. Однако политика правительства в Туркестане имела более глубокое содержание. Она предусматривала фронтальное наступление российской цивилизации на традиционный быт «туземного» населения через массы людей, переселявшихся из внутренних губерний империи в Среднюю Азию. В правительстве понимали, что только через живые контакты представителей пришлой и традиционной коренной цивилизаций может произойти культурное обновление региона. В таком случае межцивилизационное взаимодействие переселенцев и «туземцев» в крае представляло собой путь с двухсторонним движением, наиболее эффективным в преобразовании жизни. Для понимания сущности указанного взаимодействия в первом параграфе данной главы диссертации идет речь о юридических (правовых) основаниях процесса переселения. Это важно, поскольку его нельзя представлять, как свободное, произвольное и хаотичное перемещение всех желающих поселиться в Русском Туркестане. Во втором параграфе работы автор рассматривает переселение в регион как канал межцивилизационного взаимодействия пришлого и коренного населения Средней Азии.

5.1. Нормативно-правовое регулирование переселения в регион

Как отмечалось, рассмотрение вопроса о нормативно-правовом регулировании переселения русских и русскоязычных людей в Среднюю Азию представляется значимым, так как, во-первых, в царской России любое самовольное переселение запрещалось законами. Так, уже в «Соборном Уложении» 1649 г., открывающем многотысячное Полное собрание законов Российской империи, в главе XI (ст. 30-31) запрещалось даже произвольное переселение поместных крестьян на вотчинные земли[905]. В последующем законодательное влияние на переселение только возрастало. Во-вторых, к переселению в Туркестан законами допускались только определенные категории людей, что нередко игнорировалось исследователями миграционных процессов в царской России, причем, даже в академических изданиях по истории среднеазиатских республик СССР. Например, в «Истории Узбекской ССР» основные законодательные акты о переселении людей из внутренних губерний империи в Туркестан даже не упоминаются[906]. То же можно сказать и об идентичном издании казахстанских историков[907]. Более профессионально переселенческий вопрос был изучен в «Истории Киргизской ССР», но и в ней он не был обеспечен анализом нормативно-правовой базы[908]. Специалисты по переселенческому делу в дореволюционной Средней Азии тоже мало интересовались его правовым обеспечением, их больше интересовали данные статистики, архивные документы, материалы периодических изданий и «классовый»

[905] ПСЗРИ-1. Т.1.СПб., 1830. С. 68.
[906] История Узбекской ССР. Т.2. Ташкент: Фан, 1968. С. 327-334.
[907] История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Алма-Ата, 1949. С. 362-363.
[908] История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5 томах. Т. 2. Фрунзе: Кыргызстан, 1986. С. 104-111.

подход. Современные российские исследователи тоже мало анализируют нормативно-правовые акты о переселении в Русский Туркестан, ограничиваясь их поверхностной характеристикой[909]. Что касается критически настроенных историков государств «Центральной Азии», то, игнорируя анализ юридических документов, они рассматривают переселенческую политику царской власти в регионе исключительно как «колонизаторскую». В таком же духе всегда выступала зарубежная (буржуазная) русофобская историография. Пожалуй, только профессиональные историки Кыргызстана в большинстве своем придерживаются объективной оценки цивилизационной политики царской России в Средней Азии, однако и они не занимаются серьезным исследованием правовых актов царской власти о переселении в регион.

Нормативно-правовое регулирование переселения в Среднюю Азию началось еще до присоединения региона к Российской империи. В начале 1857 г. военный министр Н.О. Сухазанет направил в Сибирский комитет записку, в которой указывал, что в интересах укрепления позиций России на границах с Китаем надо увеличить численность русского населения в Семиречье и Заилийском крае. Сибирский комитет одобрил его предложение и постановил разрешить селиться в Семиречье крестьянам из Западной Сибири с зачислением их в Сибирское казачье войско[910]. Цивилизационный смысл закона заключался в предписании о том, «чтобы при отводе приселяемым поземельных угодий не стеснять киргизов»[911]. Присоединение Средней Азии к Российской империи, образование Туркестанской области, а затем одноименного генерал-губернаторства (края) не стали побудительным мотивом к организации переселения русских людей на территории Русского Туркестана, поскольку, во-первых, правительство не желало иметь

[909] Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 210-233.
[910] Высочайше утвержденное Положение Сибирского комитета – Об увеличении русского населения в Семиреченском и Заилийском крае Западной Сибири. 25 марта 1857 года // ПСЗРИ-2. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1858. № 31649. С. 254.
[911] Там же.

конфликты с только что замиренным местным населением по земельному вопросу, а, во-вторых, оно пока мало интересовалось колонизационными возможностями региона в политическом формате.

Вместе с тем, было бы ошибочным полагать, что в то же время в Среднюю Азию не переселялись русские люди. *Во-первых*, в 1867 г. было образовано Семиреченское казачье войско[912]. Поскольку казаки как сословие несли воинскую службу наряду с семейной жизнью и ведением личного хозяйства, то это привело к резкому увеличению численности русского населения в регионе. Дореволюционный историк Н.В. Леденев писал о том, что уже в 1867 г. в Семиречье проживало около 15,5 тыс. русских людей[913]. Его сведения представляют интерес, так как закон от 13 июля 1867 г. устанавливал в Семиреченском казачьем войске 2 округа, 6 станиц и 8 выселков с общим населением в 7.484 чел.[914]. Из этого следует, что половина русского населения Семиречья в то время была не казачьей, а крестьянской, устроившейся здесь еще по закону от 25 марта 1857 г. Ко времени принятия «Положение о военной службе казаков Семиреченского казачьего войска» от 30 июня 1879 года[915] общая численность русского населения в регионе возросла до 20 тыс. чел[916]. Для укрепления войска в 1869 г. был принят закон о перечислении ему из «капиталов» Сибирского казачьего войска 69.500 руб.[917]. Пока казаки занимались переездом из Сибири на новые места и обустраивались на них, Государственный совет рассмотрел представление

---

912 Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении Семиреченского Казачьего войска. 13 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд.1. СПб., 1871. № 44845. С. 1164-1165.

913 Леденев (Н.В.). История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1908. С. 343.

914 См.: Высочайше утвержденный 13 июля 1867 года Штат конного полка Семиреченского Казачьего Войска шести-сотенного полка» // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд.2. СПб., 1871.С. 624.

915 Высочайше утвержденное Положение о военной службе казаков Семиреченского казачьего войска. 30 июня 1879 года // ПСЗРИ-2. Т. 54. Отд. 2. СПб., 1881. № 59834. С. 549-559.

916 Леденев (Н.В.). Указ. соч. С. 343.

917 Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О порядке распределения некоторых капиталов между Сибирским и Семиреченским казачьими войсками. 18 января 1869 года // ПСЗРИ-2. Т. 44. Отд. 1. СПб., 1873. № 46688. С. 80.

военного министра о поземельном устройстве в казачьих станицах[918]. Согласно закону от 21 апреля 1869 г., семиреченские казаки, как и все прочие люди их сословия, получали на каждую мужскую душу в семье по 30 десятин «удобной» земли, причем, независимо от должностного положения. Казаки селились станицами с присущим им самоуправлением (выборный станичный атаман и др.). В случае прироста казачьего населения размер надела мог уменьшаться. Все земли станиц объявлялись общинной собственностью и не могли продаваться. *Во-вторых*, Семиреченская область заселялась в рассматриваемый период не только казаками. Ее природные условия, умеренный климат, хорошие земли, выпаса и т.п. привлекали и крестьянство, которое стало устремляться группами или даже в одиночку на территорию Семиречья. К этому их побуждал пример переселенцев по закону от 25 марта 1857 г., которые смогли быстро достичь материального благополучия на новом месте. Кроме того, семиреченские власти перехватывали крестьянские переселенческие потоки, двигавшиеся в сторону Сибири, и направляли их в свои пределы, обещая безбедную жизнь. Понятно, что процесс такого переселения нуждался в нормативном регулировании со стороны местной администрации. В 1868 г. семиреченский военный губернатор, генерал-майор Г.А. Колпаковский поручил областному правлению разработать проект «Временных правил о крестьянских переселениях в Семиречье», который он направил на рассмотрение туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману. Однако тот не утвердил его[919]. Вместе с тем, на территории Семиреченской области указанные правила применялись вплоть до 1883 г. Российский туркестановед П.П. Литвинов пишет: «Можно предположить, что герой присоединения Семиречья, имевший весьма непростые отношения в Кауфманом, действовал

---

[918] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О поземельном устройстве в казачьих станицах. 21 апреля 1869 года // ПСЗРИ-2. Т. 44. Отд. 1. СПб., 1873. № 46696. С. 353-355.

[919] См. об этом: Кронгардт Г.К. Население Киргизии в последней трети XIX – начале XX века. Фрунзе, 1989. С. 35.

в данном случае самостоятельно»[920]. *В-третьих*, одним из «ручейков» законного заселения Туркестанского края русскими людьми были солдаты и офицеры местного военного округа, которые при увольнении в запас или при выходе в отставку изъявляли желание остаться в крае на постоянное место жительство. В статье 24-й «Положения о военном управлении в областях Туркестанского военного округа» указывалось, что начальники уездов должны оказывать должное попечение нижним чинам, пожелавшим остаться на жительство в крае, а также их семействам[921]. Поэтому на протяжении почти двух десятилетий (с 1867 г. по 1 января 1887 г.) увольнявшиеся в запас солдаты и унтер-офицеры войск местного военного округа, *независимо от национальности и вероисповедания*, свободно расселялись в избранных ими местах Туркестанского края. Отсутствие нормативно-правового регулирования переселенческого процесса в Русском Туркестане на высшем законодательном уровне с успехом компенсировалось соответствующими мерами, принимаемыми военным министерством как «хозяином» региона и его администрацией на местах – на краевом и областном уровнях. Исследователь А.И. Гинзбург указывает, что в 1867-1883 гг. правительство поддерживало переселение в Русский Туркестана, однако «в течение последующих 20 лет, когда в Среднюю Азию хлынул поток крестьянской бедноты, Туркестанский край официально был закрыт для переселения»[922]. Он же отмечал, что, несмотря на это обстоятельство, переселение российских крестьян продолжалось самовольным образом.

В «Положении об управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 г. не содержалось никаких установлений о свободном переселении на его территорию, но была выделена специальная III глава, раздела IV –

---

[920] Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Елец: ЕГПИ, 1996. С. 9.

[921] Высочайше утвержденное 13 июля 1867 года – Положение о военном управлении в областях Туркестанского военного округа. 13 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42, Отд. 1. СПб., 1871. № 44844. С. 1163.

[922] Гинзбург А.И. Переселение и местное население Туркестана в конце XIX – начале XX века. // Вопросы истории. 1972. № 2. С. 201.

Поземельное устройство нижних чинов Туркестанского военного округа[923]. Статья 280-я «Положения» 1886 г. гласила: «Нижние чины войск Туркестанского военного округа, уволенные в запас или отставку, взамен возвращения их на родину, могут просить о водворении в крае»[924]. Таким образом, ни о каких вероисповедных ограничениях речь в ней не шла. Оставшиеся в Туркестане нижние чины получали участок свободной казенной земли размером в 10 десятин на одного работника, а также освобождение на 10 лет от уплаты государственного поземельного налога и 100 руб. пособия, из которого половину на водворение, а другую – на обзаведение усадьбой. В последней трети XIX в. правительство не рассматривало Туркестан как объект серьезной колонизации и предпочитало направлять потоки переселенцев из внутренних губерний в Западную Сибирь. Туркестанский деятель, полковник Н. Дингельштедт писал о том, что в «Туркестанском положении» 1886 г. был обойден вопрос о переселенцах из российских губерний и областей, так как его авторы полагали, что «русские не поедут жить в Среднюю Азию, а они поехали, причем, в значительном количестве»[925].

Несмотря на забвение правительством Русского Туркестана как региона для массового переселения «русского элемента», в конце 1860-х – первой половине 1880-х гг. его миграции в этот регион не только имели место, но и постепенно нарастали. Однако они рассматривалось правительством как некая «частность», процесс, не требующий всеобъемлющего государственно-правового регулирования на высшем законодательном уровне. Поэтому вопросами переселения в Русском Туркестане занималось непосредственно военное министерство, в подчинении которому находился регион и вся его администрация на местах – уездная, областная и краевая. Безусловно, такие действия не были

[923] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т.6. СПб., 1888. № 3814. С. 340, статьи 280-284.
[924] Там же. С. 340.
[925] См.: Дингельштедт Н. Мирная политика и бескровные завоевания (Туркестан. 1884-1889) // Северный вестник. 1892. № 5. Май. С. 52.

произвольными, а имели нормативно-правовую основу. Основная трудность заключалась в том, что туркестанские власти имели смутное представление о наличии свободных земель во вверенных им пределах. Однако при их обнаружении они начинали действовать энергично, так как понимали важность увеличения «русского элемента» в безбрежном «океане» регионального мусульманства. Процедура выглядела следующим образом. Начальник уезда, на территории которого имелись свободные земли, пригодные для переселенцев, подавал соответствующий рапорт военному губернатору своей области. Тот направлял представление о наличии свободного для переселения земельного фонда туркестанскому генерал-губернатору, который обращался по этому поводу к военному министру. Последний отдавал распоряжение Азиатской части Главного штаба подготовить докладную записку на заданную тему. Она составляла на ее основе «всеподданнейший» доклад, с которым военный министр входил к царю. Как правило, документ получал «высочайшее» утверждение, о чем начальник Азиатской части уведомлял туркестанского генерал-губернатора, который издавал, в связи с этим приказ по краю. После этого переселение крестьян и других желающих водвориться в Средней Азии с образованием поселков на новых местах становилось легитимным в правовом отношении. Такой порядок переселения в Русский Туркестан не удовлетворял ни военное министерство, ни его администрацию в этом регионе. Скептически к нему относились и в Министерстве внутренних дел – главном кураторе переселенческого процесса в России, кроме миграций на территории, подведомственной военному министерству, поскольку переселенцы в Среднюю Азию выезжали из краев, губерний и областей, подчиненных МВД. В начале апреля 1888 г. министр внутренних дел Д.А. Толстой писал военному министру о том, что явно недостаточно заботиться о переселенцах на месте, но надо и регулировать сам процесс переселения в Туркестан. Он советовал в конце каждого года подавать сведения о количестве земель, приготовленных для переселения, предполагаемом размере душевого надела,

суммах денежного пособия на обустройство переселенцев и т.п.[926]. Военный министр отдал распоряжение Азиатской части Главного штаба подготовить докладную записку об упорядочении переселения русских людей из внутренних губерний Европейской России в Среднюю Азию. Азиатская часть подготовила документ: «По вопросу об урегулировании переселения в Туркестанский край из внутренних губерний Европейской России». Начальник Главного штаба, генерал-адъютант Н.Н. Обручев направил его на изучение туркестанскому генерал-губернатору Н.О. Розенбаху. Военное министерство предложило ему: 1) определить общее число русских переселенцев, которых было бы желательно расселить в Туркестанском крае с учетом имеющихся там земель, финансовых возможностей и т.д. Выяснить реальные объемы свободных земель, места их расположения, качество, размеры душевого надела, денежного пособия и проч. 2) Изучить свойства земель, предназначенных для переселения. 3) Установить наиболее удобные пути для переселенцев, составить описание путей движения, климата, продовольственного снабжения и т.п. Предлагалось прояснить, где есть корм для скота по пути следования переселенцев, а также издать в Ташкенте «дорожник» для них и раздавать его всем желающим переселиться в Туркестан. 4) Краевая администрация по пути следования переселенцев должна была всемерно содействовать им в покупке продуктов и прочих необходимых в дороге товаров. 5) Туркестанскому генерал-губернатору рекомендовалось прислать все требуемые от него сведения в Главный штаб, а в копиях сообщить о них в Министерство внутренних дел[927]. Мы полагаем, что военный министр П.С. Ванновский мог на основании указанных данных войти с «всеподданнейшим» докладом к царю и добиться от него положительного решения об организации массового переселения в Русский Туркестан. Однако он этого не сделал, так как ни само военное министерство, ни администрация этого региона, ни его население не были к

[926] ЦГА РУ. Ф. 1008. Оп. 1. Д. 37 – Ведомость о движении переселенцев в 1879-1895 гг. Л.1.
[927] Там же. Л. 1 об.

этому готовы – фонд свободных для переселения земель в «коренных» областях Туркестанского края (Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской), заселенных преимущественно коренными оседлыми жителями, был незначителен, поскольку он в основном находился в Семиреченской области, с 1882 г. пребывавшей в составе Степного генерал-губернаторства (края). Что касается Закаспийской области, то она была образована только в 1881 г. и до 1890 г. переселенческими проблемами в ней занималось кавказское начальство, которому она была подчинена. «Закаспийским положением» от 6 февраля 1890 г. в ней было установлено «военно-народное управление» и с этого времени переселенческими проблемами в Закаспийской области занималось непосредственно само военное министерство, в ведение которого она была передана. Ниже мы приводим нормативно-правовые акты такого рода. Однако в этой области свободных для переселения земель было еще меньше, чем, например, в самой густонаселенной оседлыми земледельцами Ферганской области – большинство территории Закаспийской области занимали песчаные пустыни и бесплодные степи. Таким образом, в 1860-1880-х гг. переселение русских людей в Среднюю Азию не регулировалось едиными для региона законодательными актами, в связи с чем возникало множество проблем, которые туркестанской администрации приходилось решать самостоятельно.

В конце 1880-х гг. в связи с обострением земельных отношений в русской деревне возникла необходимость интенсификации переселения недовольных слоев малоземельного и безземельного крестьянства на свободные государственные земли в восточных регионах империи. Летом 1889 г. Государственный совет рассмотрел представление министра внутренних дел И.Н. Дурново и принял закон о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли в Самарской, Оренбургской, Уфимской, Тобольской и Томской губерниях, а также в областях: Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской[928]. Эти три

[928] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О добровольном

области с 1882 г. состояли в Степном генерал-губернаторстве (крае), находившемся в ведении МВД. Естественно, что для нас в данном случае представляет интерес Семиреченская область, как относящаяся к Средней Азии, а, значит, к рассматриваемой нами теме исследования. Согласно закону, переселение сельских обывателей и мещан на казенные земли в Семиреченской области разрешалось министрами внутренних дел и государственных имуществ. Переселение должно было направлено туда, где имелись свободные казенные земли. Просьбы о разрешении переселения подавались военному губернатору Семиреченской области. Он направлял их министру внутренних дел, вступавшему в контакты с министром государственных имуществ для выработки согласованного решения по полученным ходатайствам. Те, кому разрешалось переселение, имели право осуществить его без получения «увольнительных» приговоров от своих общин. Закон обязывал министерство государственных имуществ подготовить для переселенцев участки свободной казенной земли в Семиреченской области, которые предоставлялись мигрантам «прямо в постоянное (бессрочное) пользование»[929]. Казенные земли предоставлялись в общинное или подворное пользование, что должны были определить сами переселенцы. Полученные участки запрещалось продавать. Переселенцы освобождались от всяких сборов на 3 года, во второе трехлетие они должны были платить половину сборов и только после этого – в полном объеме. Лица призывного возраста из числа переселенцев со времени водворения на новых местах освобождались на 3 года от воинской повинности. На каждом переселенческом участке образовывалось отдельное сельское общество, если на нем проживало не менее 40 душ мужского пола. Переселенцы, которые позже присоединялись к этим сельским обществам, не нуждались в их «приемных» приговорах. Данным актом было положено начало

переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечислении лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время. 13 июля 1889 года // ПСЗРИ-3. Т.9. СПб., 1891. № 6198. С. 535-538.

[929] Там же. С. 536.

организованному переселению русских людей на казенные земли в Русском Туркестане, хотя и только в одну из его областей. Во все другие места края переселение регулировалось военным министерством. В начале 1889 г. глава этого ведомства П.С. Ванновский добился царского разрешения на переселение 250 русских семей на свободные земли аулов Гермаб и Кулкулаб в Закаспийской области. Им были выданы пособия для обзаведения на новом месте по 100 руб. на каждую семью. Кроме того, предполагалось освободить их от уплаты податей, земских и иных сборов, а также от повинностей, включая воинскую, на 10 лет, то есть до 1 января 1899 года. Однако начальник Закаспийской области, генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин направил рапорт военному министру, в котором указывал, что на Гермабо-кулкулабских землях он может расселить только 100 семей и просил того ходатайствовать о разрешение расселить остальных 150 семей на других землях в области. В 1892 г. П.С. Ванновский испросил у Александра III утверждения искомого закона[930]. В мае того же года военный министр во «всеподданнейшем» докладе предложил расселить 218 русских семейств в долине реки Кушки, которая отошла к России по разграничению с Афганистаном. Он мотивировал свое предложение желанием укрепить российско-афганскую границу «природным русским элементом». Император Александр III счел его доводы убедительными[931]. Новый закон освобождал переселенцев от уплаты податей, налогов и повинностей, включая воинскую, до 1 января 1903 года. Переселенцам выдавалось пособие для устройства по 100 руб. на семейство. Переезд на место жительства должен был проходить по льготному железнодорожному тарифу, но за их собственный счет[932].

Несмотря на тяжелые последствия голода 1891-1892 гг., вызвавшего

---

[930] Высочайшее Повеление, объявленное Военным Министром – О переселении русских земледельцев в Закаспийскую область. 26 декабря 1892 года // ПСЗРИ-3. Т.12. СПб., 1895. № 9200. С. 725.

[931] Высочайшее Повеление, объявленное Военным Министром – О переселении в Закаспийскую область, на реку Кушку, 218 семей русских земледельцев. 5 мая 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8590. С. 341.

[932] Там же.

потоки беженцев в Русский Туркестан, о чем будет подробнее сказано в следующем разделе главы, правительство, тем не менее, не открывало путь к свободному переселению русских людей из внутренних губерний России в этот регион. Переселение в Среднюю Азию, кроме Семиреченской области, продолжало осуществляться «дозированным» образом через «всеподданнейшие» доклады военного министра. Например, в 1893 г. по его докладу император Александр III разрешил образовать несколько русских рыбачьих поселков на берегах Каспийского моря, в Мангышлакском и Красноводском уездах, Закаспийской области[933]. Их жители получали все вышеперечисленные льготы и пособия.

В марте 1891 г. было утверждено новое правительственное положение об управлении в так называемых «степных» областях, к которым с 1882 г. принадлежала и Семиреченская область как часть Средней Азии. Документ получил сокращенное название – «Степное положение»[934]. Поскольку этот акт был издан после закона от 13 июля 1889 г., разрешавшего переселение в области Степного генерал-губернаторства (края), то он специального раздела о переселении не содержал. Вместе с тем, в статье 126-й «Степного положения» 1891 г. разрешалась аренда переселенцами земель у кочевых сообществ на срок не более 30 лет. Приговоры жителей переселенческих поселений по этому поводу должны были утверждаться областными правлениями. Таким образом, в Семиреченской области переселенцы получили возможность мирным и правовым образом расширять свои земельные возможности[935]. С конца 1896 г. все проблемы миграций из внутренних регионов России в Семиречье регулировались Переселенческим управлением, образованном в составе Министерства внутренних дел на

---

[933] Высочайшее Повеление, объявленное Военным Министром – Об образовании русских рыбачьих поселений на берегах Каспийского моря и предоставлении поселенцам льгот. 26 марта 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9455. С. 168.

[934] Официально называлось: Высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7574. С. 133-147.

[935] См.: там же. С. 144.

правах особого департамента[936]. Оно занималось выдачей разрешений на переселение, упорядочением его, заведованием кредитами, отпускаемыми на переселение, исполнением указаний министра внутренних дел и др.

К началу XX в. в «коренных» областях Туркестанского генерал-губернаторства края (Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской) тоже накопилось немало переселенцев, прибывших сюда в течение голодного периода 1891-1892 гг. и позже. Часть из них сумела благополучно устроиться на новом месте, однако большинство испытывали значительные трудности. Истечение 10-летнего льготного срока по уплате податей, сборов и исполнения повинностей ставило вопрос о переводе их на обычный режим фискального обложения и исполнения государственных повинностей. Туркестанский генерал-губернатор Н.А. Иванов оспаривал такие намерения министерства финансов и смог убедить главу этого ведомства С.Ю. Витте повременить с переводом переселенцев в Русском Туркестане на уплату государственного поземельного налога и прочих сборов в полном объеме. В результате, министр финансов внес в Государственный совет представление об установлении временной оброчной подати с земельных участков, отведенных русским переселенцам в «коренных» областях края[937]. Закон гласил: «Впредь до установления постоянных правил об обложении отведенных русским переселенцам в Сыр-дарьинской, Ферганской и Самаркандской областях земельных участков, с начала 1902 года, взимать с этих участков взамен государственного поземельного налога временную оброчную подать в размере 30 копеек с десятины удобной земли»[938]. Туркестанскому генерал-губернатору при этом поручалось изучить вопрос о скорейшем привлечении переселенцев к государственную поземельному

[936]Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении в составе Министерства внутренних дел Переселенческого управления. 2 декабря 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 13464. С. 740-741.

[937] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об установлении временной оброчной подати с земельных участков, отведенных русским переселенцам в Сыр-дарьинской, Ферганской и Самаркандской областях. 8 апреля 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21323. С. 228-229.

[938] Там же. С. 229.

налогу, сборам и исполнению повинностей в полном объеме с представлением главных выводов по этому поводу на рассмотрение министра финансов, чтобы решить проблему на законодательном уровне.

С начала XX в. в недрах царского правительства активно обсуждался вопрос о возможности открытия Русского Туркестана для массового переселения русских крестьян и мещан из других регионов империи. Во-первых, в это время страна входила в полосу мирового экономического кризиса, который впервые затронул весь хозяйственный механизм Российской империи; во-вторых, в деревне нарастали противоречия, порожденные еще отменой крепостного права: обогащались кулаки и нищали основные массы русского крестьянства, страдавшие от малоземелья и безземелья; в-третьих, по всей стране назревали предпосылки будущей первой революции, в-четвертых, в Русском Туркестане становился все более очевидным процесс роста панисламистской и пантюркистской угрозы. Андижанское восстание 1898 года испугало царское правительство, которое стало считать, что одних войск в Средней Азии мало, а потому для обеспечения спокойствия в регионе нужно большее присутствие русских и русскоязычных людей в Туркестане. Наконец, в-пятых, активным поборником переселения русских людей в регион был военный министр А.Н. Куропаткин, участвовавший во многих боевых операциях на территории Средней Азии и возглавлявший около 8 лет Закаспийскую область. Совокупность указанных обстоятельств подвигла правительство к превращению Русского Туркестана в объект массового переселения русских сельских обывателей и мещан на казенные земли в трех «коренных» областях этого региона. Исследователь О.И. Брусина указывает, что «в целом русские переселенцы должны были и создавали (в Средней Азии – И.В.) опору российской государственности на недавно присоединенных территориях. Тем не менее, царская администрация была вынуждена постоянно балансировать, учитывая, с одной стороны, степень целесообразности миграций из России, а с другой – опасаясь недовольства русской властью и

волнений среди местных жителей, вызванных постепенным оттеснением их с участков земли, которые они исконно считали своими»[939]. Разумеется, в царском правительстве все это прекрасно осознавали, но никакой иной альтернативы, кроме начала массового переселения русских людей в Среднюю Азию, в сложившейся тогда парадигме обстоятельств оно не усматривало. В 1899 г. правительство предложило военному министру А.Н. Куропаткину подготовить проект правил о переселении сельских обывателей и мещан в «коренные» области Туркестанского края – Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую. В 1900 г. документ был подготовлен Азиатской частью Главного штаба. Военный министр направил проект туркестанскому генерал-губернатору С.М. Духовскому для обсуждения и внесения поправок. В июле 1900 г. состоялось специальное заседание Совета туркестанского генерал-губернатора по этому поводу. Он внес свои коррективы в содержание законопроекта, после чего тот был снова отправлен в военное министерство. Следуя установленному порядку, оно отправило в 1901 г. законопроект на рассмотрение, как тогда писали, «заинтересованных» министерств и ведомств – МВД, министерства финансов, министерства земледелия и государственных имуществ, министерства юстиции и др. Царский бюрократический механизм работал медленно, особенно в части так называемых межведомственных «согласований», поэтому только 3 мая 1903 г. военное министерство внесло законопроект на рассмотрение Государственного совета, который принял «Правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли в области Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую»[940]. В отделе III преамбулы к закону от 10 июня 1903 г. излагалась его главная суть: «Впредь до разрешения вопроса о назначении казенных земель, искусственно орошенных в Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областях за счет

[939] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 211.

[940] Высочайше утвержденные «Правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли в области Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую». 10 июня 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд.1. СПб., 1905. № 23126. С. 741-743.

государственного казначейства, предоставить туркестанскому генерал-губернатору, по соглашению с министром земледелия и государственных имуществ, образовать из состоящих в ведении последнего казенных земель особые для переселенцев участки, в тех местностях, где, по состоянию этих земель, достатку воды для их орошения, хозяйственным и политическим условиям, нарезка таких участков будет признана возможной. Приискание и подготовку земель под переселенческие участки возложить на чинов ведомства Министерство земледелия и государственных имуществ и на чинов местной администрации, утверждаемой Министром земледелия и государственных имуществ по соглашению с Туркестанским генерал-губернатором»[941]. Закон упразднил статьи 280-284 «Положения об управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 г., предоставлявшие, как отмечалось, право нижним чинам Туркестанского военного округа, независимо от вероисповедания, водворяться на постоянное место жительство в Средней Азии после выхода в запас или в отставку. Вместо упраздненных установлений в «правилах» появилась 2-я статья, гласившая: «Нижние чины войск Туркестанского военного округа, уволенные в запас или отставку, *если принадлежат к одному из христианских вероисповеданий*, могут быть водворены на казенных землях в областях Сыр-дарьинской, Ферганской и Самаркандской *на одинаковых с переселенцами основаниях*»[942]. (Курс. наш – И.В.) Поэтому статья 1-я «правил» предписывала: «К переселению на казенные земли в области Сыр-дарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую *допускаются сельские обыватели и мещане Православного вероисповедания*, принадлежащие к коренному населению Европейской России»[943]. (Курс. наш – И.В.) Однако законодатель, видимо, не очень надеялся на одних лишь православных, так как указывал в статье на то, что «министрам внутренних дел и военному, по взаимному соглашению, предоставляется определять, последователи каких раскольнических сект

[941] Там же. С. 741.
[942] Там же. С. 742.
[943] Там же.

могут быть допускаемы к переселению в эти области»[944]. Это обстоятельство подтверждает важность изучения нормативно-правового материала по переселению в Русский Туркестан – большинство исследователей переселенческого процесса в царской России характеризовали его в общих чертах, игнорируя конфессиональный аспект проблемы.

Таким образом, к переселению в Среднюю Азию, кроме православных, могли быть допущены адепты сект, не относящиеся государством к разряду «вредных». В правительстве понимали, что конфессиональная принадлежность влияла на специфику хозяйственного быта, что особенно наблюдалось в старообрядческих и сектантских общинах. Оно предполагало степень их положительного цивилизационного влияния на коренное население Русского Туркестана, о чем еще будет подробнее сказано во втором параграфе главы. «Правила» устанавливали, что заявления с просьбой разрешить переселение в Среднюю Азию должны были подаваться местным губернаторам, которые сообщали о них министру внутренних дел. Нижние чины Туркестанского военного округа, пожелавшие остаться на жительство в регионе, должны подавать прошения о переселении туркестанскому генерал-губернатору, который как командующий военным округом был уполномочен принимать по ним решения самостоятельно. Получившие разрешение на переселение не должны были испрашивать для отъезда приговоры своих сельских обществ. Закон разрешал им посылать ходоков с тем, чтобы они на месте изучить «географию» предназначенных к переселению земель, оценить их качество, наличие «колесного» сообщения (дорог) и т.п. Выбранные ходоками земли закреплялись за пославшими их сообществами сроком на два года. Переселенцам выделялось не более 3 десятин орошаемой земли на душу, а пастбищ и лугов – по возможности местностей переселения. Размер надела определял туркестанский генерал-губернатор, однако предварительно он должен был рассмотрен в Совете туркестанского генерал-губернатора с учетом климатических, почвенных, ирригационных и т.п. условий в местах

[944] Там же.

переселения. Закон разрешал туркестанскому генерал-губернатору «в особо уважительных случаях» увеличивать размер надела до 5 десятин на душу. Земельные участки отводились переселенцам в «постоянное (бессрочное)» пользование с выдачей актов, определяющих площадь и границы участков. Закон указывал: «Отведенные участки не могут быть ни отчуждаемы, ни обременяемыми долгами»[945]. Орошаемые земли отводились переселенцам в «подворно-участковое» пользование, а все другие – в общественное. Переселенцы облагались временной оброчной податью на основании закона от 8 апреля 1902 г., а земские повинности они исполняли наравне с «туземцами». Закон гласил: «Правила круговой поруки к взиманию с переселенцев временной оброчной подати и денежных земских повинностей, а равно мирских сборов не применяются»[946]. Переселенцы получали льготы: в течение первых 5 лет они освобождались от уплаты временной оброчной подати и денежных земских повинностей. В течение второй пятилетки, они уплачивали временную оброчную подать в половинном размере, а земские денежные повинности в половинном размере уплачивались в течение трех лет. Лица, которым в момент переселения было 15 лет, освобождались на 6 лет от воинской повинности. Кроме того, переселенцам обеспечивался льготный железнодорожный тариф при переезде, а их ходокам, посланным для осмотра новых земель, он действовал в оба конца[947]. Нижние чины, водворившиеся в крае, получали все преимущества и льготы наравне с прочими переселенцами, а также по 100 руб. «безвозвратного пособия», из которого, однако половина должна была пойти на водворение, а другая – на обзаведение усадьбой. Кроме того, законодатель освободил поселившихся в крае нижних чинов от уплаты временной оброчной подати на 10 лет со дня их водворения в Средней Азии. Каждый переселенческий участок составлял отдельное сельское общество, но в случае необходимости он мог быть присоединен к соседнему русскому сельскому обществу. Закон не забыл и

[945] Там же.
[946] Там же.
[947] Там же. С. 742-743.

переселенцев-мещан. Он указывал: «Мещане, водворившиеся на казенных землях, перечисляются в сельские обыватели, причем, вместе с членами их семейств, остаются свободными от телесного наказания на одинаковых основаниях с мещанами»[948]. Все распоряжения относительно введения в переселенческих поселках сельского и волостного управления отдавались областными правлениями по представлению уездных начальников. Согласно закону, переселенцы, не получившие разрешения на переселение, могли тоже водворяться в Средней Азии, если в фонде туркестанского генерал-губернатора были свободные земли. Но на них тоже распространялись все преимущества и льготы, кроме освобождения от воинской повинности.

Безусловно, рассмотренный нами закон представлял большое значение для переселенческого дела в Российской империи. Но он носил региональный характер, тогда как правительству был нужен общеимперский документ такого рода. Он обсуждался в специально образованном для этого «Особом совещании по переселенческому делу». 30 января 1904 г. оно отмечало: «Усилившиеся признаки упадка народного благосостояния во внутренних губерниях Европейской России выдвигают в области земельной политики на первый план необходимость пользоваться переселением как одним из средств для борьбы с малоземельем»[949]. Подчеркивалось: «В политическом отношении приобретает особо важное значение скорейшее по возможности усиление русского элемента на таких наших отдаленных окраинах, как Туркестан»[950]. Таким образом, царское правительство было заинтересовано в усилении цивилизационного влияния России в самом мусульманском регионе страны.

«Особое совещание по переселенческому делу» подготовило законопроект – «Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-землевладельцев». В начале июня 1904 г.

---

[948] Там же. С. 743.
[949] ЦГА Узб.Ф.1.Оп.17. Д. 456 – О правилах для переселения сельских обывателей и мещан. Л.4.
[950] Там же.

Государственный совет рассмотрел его и представил на царское утверждение[951]. Документ был рассчитан преимущественно на переселение в окраинные регионы Российской империи – Закавказье, Дальний Восток и Туркестанский край, в связи с чем мы не можем обойти его при обзоре нормативно-правовой базы переселения в Среднюю Азию. Новый переселенческий закон сохранил прежние конфессиональные ограничения. Статья 5-я документа гласила: «Разрешения на переселение в области Сыр-дарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую и в Кавказский край, с содействия правительства, выдаются только лицам коренного русского происхождения или же последователям таких раскольнических сект, допущение которых к водворению в названных местностях Министр внутренних дел, по соглашению с Министром военным и Главноначальствующим гражданской частью на Кавказе, признает возможным»[952]. В преамбуле к правовому акту законодатель выражал намерение предоставлять переселенцам в Туркестанском генерал-губернаторстве в течение пяти лет «по водворении те льготы по отбыванию натуральных земских повинностей, которые по местным условиям окажутся возможными»[953]. Мы не станем подробно анализировать содержание данного правового акта, ограничившись лишь указанием на черты его сходства и различия с туркестанским аналогом 1903 г. Закон от 6 июня 1904 г. тоже отдавал предпочтение переселению нижних чинов, уволенных в запас или вышедших в отставку. Им предполагалось выдавать безвозвратное из сумм Военного министерства пособие, но не свыше 100 руб. Как и в законе 1903 г., предусматривалось направление ходоков для предварительного осмотра мест намеченного переселения. Однако, если в туркестанском аналоге устанавливался точный размер душевого надела переселенца, то в законе 1904 г. указывалось, что наделы переселенцам выделяются с учетом местных

---

[951] См.: Высочайше утвержденные Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-землевладельцев. 6 июня 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд.1. СПб., 1907. - № 24701. С. 603-607.
[952] Там же. С. 604.
[953] Там же. С. 603.

сельскохозяйственных условий, но не более установленных законами размеров. Как отмечалось, в областях Туркестанского края была установлена «подворно-участковая» форма орошаемой земельной собственности, а по закону 1904 г. казенные земли предоставлялись переселенцам в общинное или подворное пользование по их выбору. Кроме того, допускалось выделение хуторских отрубов переселенцев. Льготы для переселенцев устанавливались такие же, как и в Туркестанском крае. Особо отмечалось, что в Закаспийской области переселенцы не облагаются ни казенными, ни земскими сборами в течение 10 лет, начиная с 1 января 1904 года. Для новых переселенцев льготный срок отсчитывался с 1 января года водворения. Для переселенцев предполагались пособия и выдача ссуд на установленные законом сроки. Таким образом, закон от 6 июня 1904 г. расширил действие переселенческой политики правительства во времени, в пространстве и по кругу лиц. Он стал главной юридической основой переселенческого процесса в Российской империи в начале XX в.

В период первой российской революции 1905-1907 гг. этот процесс не только не заглох, но и приобрел новые импульсы развития. В феврале 1905 г. Государственный совет рассмотрел представление Министерства земледелия и государственных имуществ и принял постановление о личном составе временных партий для образования переселенческих участков и о кредитах на их содержание в 1905 году[954]. Закон касался устройства переселенческих участков в Туркестанском крае, но только в Семиреченской области. Министру земледелия и государственных имуществ поручалось образовать в ней переселенческие участки в местах, указанных туркестанским генерал-губернатором, с учетом их естественно-исторических, хозяйственных, климатических и т.п. условий. При осуществлении работ надлежало руководствоваться статьей 120-й «Степного положения» 1891 г. гласившей:

[954] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О личном составе Временных партий для образования переселенческих участков и о кредитах на содержание сих партий в 1905 году. 14 февраля 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1.СПб., 1908. № 25835. С. 125.

«Земли, занимаемые кочевьями и все принадлежности сих земель, а в том числе и леса, признаются государственной собственностью»[955]. Примечание к ней, указывало, что «земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение Министерства государственных имуществ»[956]. Этим царизм закладывал «мину замедленного действия» в земельные отношения между будущими переселенцами и коренным населением Семиречья.

Активизация переселенческого движения в России начала XX в. обнаружила недостатки в этом процессе. Им руководило Переселенческое управление МВД, тогда как переселенцами преимущественно занимались чиновники министерства земледелия и государственных имуществ. Кроме того, переселенческими делами занималось военное министерство, особенно в Средней Азии. Циркулярные предписания МВД по Переселенческому управлению часто противоречили соответствующим циркулярам министра земледелия и государственных имуществ, что вносило диссонанс в деятельность органов власти, занимавшихся проблемами переселения. Назревала необходимость централизации управления процессом. В начале мая 1905 г. царь Николай II издал «именной» указ о преобразовании министерства земледелия и государственных имуществ в Главное управление землеустройства и земледелия[957]. Все структуры бывшего министерства передавались в новое ведомство. В сентябре 1905 г. Главноуправляющий землеустройством и земледелием представил «всеподданнейший» доклад, в котором предложил передать в его ведение Переселенческое управление МВД. Царь Николай II согласился с его

---

[955] Высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7574. С. 143.

[956] Там же.

[957] Высочайшее повеление, объявленное Главноуправляющим землеустройством и земледелием – О переименовании Министерства земледелия и государственных имуществ в Главное управление землеустройства и земледелия. 6 июня 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 26369. С. 438.

предложением[958]. Закон передавал в ведение Главного управления землеустройством и земледелием штат Переселенческого управления МВД. Он предписывал «сохранить порядок заведования переселенческим делом на местах, как в районах выхода переселенцев, так и в районах водворения на существующих в настоящее время основаниях»[959].

В январе 1906 г. Государственный совет рассмотрел представление Главноуправляющего землеустройством и земледелием о выделении средств на содержание особых временных партий и отрядов по отводу земель переселенцам в 1906 году. Несмотря на все трудности революционного периода, он выделил на развитие переселенческого дела 1 млн. руб.[960]. Часть средств поступила в Туркестанский край, но преимущественно в Семиреченскую область, куда устремлялось действительно много переселенцев. Закон действовал три с половиной года и в 1909 г. Государственный совет продлил его действие до 1 января 1910 г.[961]. Учитывая, что около 2/3 переселенцев скопилось в Семиреченской области, в июле 1910 г. был издан закон о включении Заведующего переселенческим делом в Семиреченской области, чиновника Переселенческого управления в состав Общего присутствия областного правления на правах члена, причем, «с предоставлением ему решающего голоса при обсуждении в названном Правлении дел переселенческих и совещательного – по прочим административным делам»[962].

---

[958] Высочайшее повеление, объявленное Главноуправляющим землеустройством и земледелием – О принятии переселенческого дела в заведование Главного управления землеустройства и земледелия. 19 сентября 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 26722. С. 692.

[959] Там же.

[960] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об ассигновании кредита на содержание особых временных партий и отрядов по отводу земель переселенцам в 1906 году. 2 января 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 27186. С. 7-8.

[961] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – О продлении действия расписания личного состава и окладов содержания чинов временных партий и отряда для заготовления переселенческих участков в Степных областях, Сибири и Туркестанском крае. 6 июня 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 31974. С. 409.

[962] Высочайше утвержденное Положение Совета министров – О включении

Как известно, в 1906 г. российское правительство возглавил П.А. Столыпин, сохранивший при этом за собой и должность министра внутренних дел, что еще более укрепило и возвысило его внутриполитическое положение. Именно он добился утверждения закона от 9 ноября 1906 г., ставшего, по сути, основой разрушения многовекового общинного землевладения в русской деревне и началом аграрной реформы, названной его именем[963]. В июне 1910 г. Столыпин провел в российском парламенте новый закон, который нанес сильный удар по крестьянской общине, но не смог уничтожить ее[964]. Предшественник Столыпина на посту председателя правительства и его противник С.Ю. Витте, выступая 22 января 1905 г. на заседании «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности», отмечал, что «русская община есть исторически сложившаяся «форма народного общежития… Существование общины – есть факт, факта этого изменить нельзя и надо с ним считаться»[965]. П.А. Столыпин с этим не был согласен. Он разделял взгляды своего дяди – Д.А. Столыпина (1818-1893), человека незаурядного, который еще в 1850-х гг. выступал против культа общины и за личное крестьянское хозяйство. Российский исследователь М.А. Давыдов пишет о том, что П.А. Столыпин «генетически» воспринял идеи своего дяди и проводил свою аграрную реформу во многом по ним»[966]. Неудивительно поэтому, что «премьер» был

Заведывающего переселенческим делом в Семиреченской области чиновника Переселенческого управления на правах члена, в состав Общего присутствия Семиреченского областного правления. 23 июля 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33982. С. 970.

963 Именной Высочайший указ, данный Сенату – О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования. 9 ноября 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28528. С. 970- 974.

964 См.: Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования. 14 июня 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33743. С. 746-753.

965 Сборник документов по истории СССР. (Период империализма). М., 1977. С. 12.

966 Давыдов М.А. «Семейное предание» Столыпиных // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории. Материалы XVII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 16-17 мая 2013 г. М., 2013. С.185-186.

поборником переселения крестьянства на окраины Российской империи. Разложение общины должно было придать дополнительные импульсы этому процессу. Столыпин хотел, образно говоря, убить двух зайцев – во-первых, переселить из внутренних губерний страны наиболее бедное, малоземельное и безземельное, а, значит, склонное к «бунтарству» крестьянство, и, во-вторых, укрепить «русским элементом» окраинные регионы, населенные «инородцами» и иноверцами. Средняя Азия его особенно беспокоила из-за нарастающих среди регионального коренного мусульманского населения панисламистских и пантюркистских настроений[967].

Деятельность переселенческих партий в Туркестанском крае, изымавших земли у местного кочевого населения для устройства переселенческих участков, вызывала недовольство у номадов региона, нередко переходившее в стычки с русскими чиновниками из Главного управления землеустройством и земледелием. Кочевники требовали права на получение собственных земельных наделов, закрепленных за ними в собственность. Они направляли жалобы в различные инстанции, в том числе и в Государственную думу, где на их стороне выступала Мусульманская фракция, считавшая, что царизм не имел права считать земли в Туркестане государственными, а, значит, и изымать их у тех, кто извечно владел ими. Исследователь Т.В. Котюкова пишет: «Трудовики, кадеты и прогрессисты принципиально не оспаривали право государства занимать киргизские и казахские земли, но полагали, что без издания специального закона, регулирующего отношения между местным населением и государством, решить проблему невозможно. Октябристы настаивали на широком открытии Туркестана для русского переселения»[968]. В июне 1908 г. 60 депутатов внесли в Государственную Думу законопроект «Об учреждении землеустроительных комиссий и земельном устройстве киргиз Уральской,

[967] См. напр.: Записки П.А. Столыпина по мусульманскому вопросу // Арапов Д.Ю. Императорская Россия и мусульманский мир. Сборник материалов. М., 2006. С. 313-346.
[968] Котюкова Т.В. Прошение коренного населения Туркестана о прекращении изъятия земли у кочевников // Восточный архив. 2007. № 16. С. 91-92.

Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской, Сырдарьинской, Семиреченской и Закаспийской областей», согласно которому новых русских переселенцев надо было уравнять в правах с кочевниками, которые устраивали свои оседлые земельные владения. Однако Главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин отклонил этот законопроект, указав, что кочевники еще не совершили цивилизационный переход к оседлому образу жизни[969]. О том, как эта проблема была решена в Семиреченской области, мы писали выше, поскольку она управлялась на основании «Степного положения» от 25 марта 1891 г.[970]. Но со временем такая же проблема назрела и в кочевых районах «коренных» областей Туркестанского края, управлявшегося на основании «Туркестанского положения» 1886 г. Статья 270-я этого закона гласила: «Государственные земли, занимаемые кочевьями, предоставляются в бессрочное общественное пользование кочевников, на основании обычаев и правил настоящего Положения»[971]. Если, как отмечалось, статья 120-я «Степного положения» 1891 г. имела примечание об излишках земель кочевников, которые могли быть изъяты в ведение Министерства государственных имуществ, то указанная статья «Туркестанского положения» 1886 г. не имела такого уточнения, а потому ее содержание противоречило планам работы землеустроительных партий в «коренных» областях края. Законодатель преодолел эти противоречия простейшим способом – он перенес смысл примечания 1-го к статье 120-й «Степного положения» 1891 г. в новый закон, который дополнил 270-ю статью «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 г. указанием: «Земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение Главного управления землеустройством и

---

[969] См.: там же. С. 92.

[970] Официально называлось: Высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7574. С. 133-147.

[971] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т.6. СПб., 1888. № 3814. С. 339.

земледелием»[972]. В законе от 19 декабря 1910 г. отмечалось, что при устройстве переселенческих участков в Сыр-дарьинской, Ферганской и Самаркандской областях могут допускаться отступления от переселенческих правил 1903 и 1904 гг., «которые Главноуправляющим землеустройством и земледелием, по соглашению с министрами Внутренних дел и Военным, будут признаны необходимыми в видах наилучшего обеспечения интересов кочевого населения»[973]. Будущее показало, что министерские «отступления» никак не улучшили положение переселенческого дела в Туркестанском крае. Известный российский специалист по колонизации Средней Азии, экономист А.А. Кауфман писал: «Не подлежит сомнению, что условия, при которых до сих пор совершалось устройство переселенцев в Туркестанском крае, не могли способствовать установлению между ними и киргизами таких отношений, которые были бы желательны и даже обязательны между подданными одной державы. Ненормальность отношений в значительной мере коренилась в самом способе земельного устройства переселенцев на полудобровольно, полупринудительноуступавшихся киргизами землях»[974].

Как отмечалось, переселение русских людей осуществлялось не только в сельскую местность, но и в города, куда особенно поселялись лица, принадлежавшие по «Закону о состояниях» к сословию мещан. Среди нижних чинов, уволенный в запас или в отставку, было тоже немало людей, предпочитавших селиться в городской местности. Однако в таком случае они не получали безвозвратного пособия в 100 руб., которое полагалось по закону от 6 июня 1904 г. тем солдатам-переселенцам, кто приписывался к сельским обществам. Городские нижние чины-переселенцы обращались с жалобами по этому поводу в разные инстанции и, прежде всего, конечно, в военное министерство. В феврале 1911 г. Военный совет рассмотрел вопрос о праве нижних чинов войск Туркестанского военного округа, увольняемых в

[972] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – О дополнении ст.270 Положения об управлении Туркестанским краем. 19 декабря 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 34501. С. 1280.
[973] Там же.
[974] История таджикского народа. Т. II. М., 1964. С. 152.

запас, на получение безвозвратного из сумм Военного министерства пособия, установленного статьей 27-й закона от 6 июня 1904 года. Он постановил предложить Главному штабу рассмотреть этот вопрос и войти с представлением о том, стоит ли выдавать нижним чинам, переселившимся в города, такое пособие[975]. Но вопрос так и не был решен, так как состояние государственной казны, во-первых, было как всегда сложным, а, во-вторых, затем последовала первая мировая война, сменившаяся общероссийским революционным кризисом 1917 года.

Вместе с тем, было бы ошибочным полагать, что в это время правительство снизило степень своего внимания и интереса к переселению как важному явлению в жизни страны. Напротив, оно постоянно учитывало его потребности. Так, например, в одном только июне 1913 г. было принято два важных переселенческих закона. Как отмечалось выше, перед переселением намерившиеся совершить его сообщества направляли на новые места ходоков, уполномоченных «мирским» сходом осмотреть их всесторонне с хозяйственной, климатической, ирригационной и др. точек зрения, а потом доложить обо всем пославшим их людям для принятия ими соответствующего решения. Процедура получения «ходаческих» свидетельств была бюрократизирована губернскими и областными правлениями. Поэтому 6 июня 1913 г. Совет министров, рассмотрев записку Главноуправляющего землеустройством и земледелием, упростил получение указанных свидетельств, предоставив право их выдачи чиновникам особых поручений Переселенческого управления, обслуживающим перевозку переселенцев по Ташкентской и Среднеазиатской железным дорогам[976]. В

---

[975] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О праве нижних чинов войск Кавказского, Туркестанского, Омского, Иркутского и Приамурского военных округов, увольняемых в запас, на получение безвозвратного из сумм Военного министерства пособия, установленного статьей 27 Высочайше утвержденных 6 июня 1904 года Временных правил о переселении. 11 февраля 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 34756. С. 82-83.

[976] Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – О предоставлении чиновникам особых поручений Переселенческого управления, обслуживающим перевозку переселенцев по линиям железных дорог, права выдачи ходаческих свидетельств. 5 июня

конце июня 1913 г. парламент одобрил закон о принятии на средства государственного казначейства произведенного в 1912 году расхода в сумме 1.300.000 руб. на выдачу домообзаводческих ссуд переселенцам[977].

Проблемы переселения русских крестьян и мещан в рассматриваемый период нашла свое отражение не только в вышеприведенных нами нормативно-правовых актах, но и в кодифицированных документах российского законодательства конца XIX – начала XX в.[978]. Однако для исследования данной темы они имели лишь справочно-информационное значение, поскольку за ними не прослеживалась логика и временная динамика рассматриваемого процесса. Вместе с тем, они заслуживают упоминания как относящиеся к его нормативно-правовому обеспечению.

Таким образом, процесс переселения в царской России изначально получал нормативно-правовое обеспечение. Игнорирование его изучения не позволяет постичь глубинную сущность и действительный характер этого явления в истории страны. Государственное регулирование переселенческого движения в сторону Средней Азии началось еще до присоединения этого региона к Российской империи. Семиречье заселялось крестьянами из Западной Сибири. С образованием Семиреченского казачьего войска в регионе увеличилась численность русского населения. В последующем оно возрастало за счет самостоятельных решений семиреченской администрации и закона от 13 июля 1889 г. Что касается «коренных» областей

1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 39502. С. 568-569.

[977] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – О принятии на средства государственного казначейства произведенного в 1912 году расхода на выдачу домообзаводческих ссуд переселенцам. 30 июня 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 39610. С. 679-680.

[978] См.: Положения о сельском состоянии. Книга 8. Правила о переселении на казенные земли. Глава 5. Об образовании переселенческих участков в Сыр-дарьинской, Ферганской и Самаркандской областях // Свод законов Российской империи. Т.9. Особое приложение к Девятому тому. СПб., 1912. С. 464-465, статьи 177-180; там же: Глава 3. Об образовании переселенческих участков в губерниях Сибири, «степных» областях и Семиреченской области. // Свод законов Российской империи. Т.9. Особое приложение к Девятому тому. СПб., 1912. С. 458-461, статьи 124-154; там же: Временные правила о лицах, переселяющихся без проходных свидетельств // Свод законов Российской империи. Т.9. Особое приложение к Девятому тому. СПб., 1912. С. 465-466, статьи 189-194 и др.

Туркестанского края, то они заселялись отставными чинами местного военного округа, а также эпизодически через «всеподданнейшие» обращения военного министра за царским разрешением. Таким же образом осуществлялось переселение русских крестьян в Закаспийскую область. В целом же до начала XX в. территория Русского Туркестана, кроме Семиреченской области, не была открыта для свободного переселения людей из внутренних губерний и областей России. Такая миграция стала возможной только после издания закона от 10 июня 1903 г. Безусловно, в ракурсе рассматриваемой основной темы диссертационного исследования он имел огромное историческое значение. Вместо переселения русских людей в Среднюю Азию, фигурально выражаясь «ручейками», он открыл широкие легитимные возможности массового переселения представителей русского народа в непривычные для него в цивилизационном отношении пространства с людьми других религий, культуры, нравов, быта и т.п. Переселенческий закон от 6 июня 1904 г. только подтвердил принципы крестьянской и мещанской миграции из России в Русский Туркестан. Принятые относительно переселения россиян в Среднюю Азию нормативно-правовые акты регулировали предоставление мигрантам земель и льгот, однако они объективно затрагивали земельные и иные интересы коренного социума, особенно кочевого, чем осложняли процесс межцивилизационного взаимодействия между переселенцами и коренными жителями региона, порождая противоречия, вызвавшие в 1916 г. восстание «туземного» населения против царской власти в Туркестане. Вместе с тем, анализ правовых переселенческих документов показывает, что если бы региональная администрация более последовательно и гибко внедряла в жизнь соответствующие правительственные решения, то негативных последствий от их применения было бы гораздо меньше.

Вышеизложенное подтверждает необходимость изучения юридических (правовых) документов для воссоздания тех «несущих» конструкций, которые лежали в основе переселенческого движения россиян в Среднюю

Азию исследуемого в диссертационной работе периода.

5.2. Переселение как канал межцивилизационного взаимодействия в Русском Туркестане

Есть основания утверждать, что Российская империя стала плодом переселения русского и иных народов на новые, неизведанные места расширения государства. Они привносили в них новые формы цивилизационного существования. Российский исследователь О.И. Брусина указывает, что «на протяжении четырех столетий, начиная с XVI в., колонизация лишь в отдельных случаях носила организованный характер, обычно же она была стихийной, а российское правительство, «догоняя процесс», предпринимало меры к ее регулированию и, в зависимости от конкретной ситуации, либо поощряло переселение, либо пыталось его сдерживать»[979]. Она отмечает, что «в целом русские переселенцы должны были и создавали опору российской государственности на недавно присоединенных территориях. Тем не менее, царская администрация была вынуждена постоянно балансировать, учитывая, с одной стороны, степень целесообразности миграций из России, а с другой – опасаясь недовольства русской властью и волнений среди местных жителей, вызванных постепенным оттеснением их с участков земли, которые они исконно считали своими»[980]. Кыргызстанские историки пишут: «Переселенческий вопрос был всегда в центре внимания царизма. Переселением части русских и украинских крестьян в новые владения царское самодержавие преследовало цель смягчить остроту аграрных противоречий в центральной части империи, создать в Туркестане значительный слой колонизаторов из «крепких»

[979] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 210.
[980] Там же. С. 211.

зажиточных хозяйств, использовать природные и людские ресурсы в целях укрепления величия империи»[981].

В цивилизационной политике царизма на национальных окраинах Российской империи правительство имело мощного союзника – Русскую Православную Церковь. Ее миссионерская деятельность помогала приобщать аборигенов Русского Севера, Сибири и Дальнего Востока через принятие ими христианства к новым формам жизненного существования. Христианизация малых народов, живших в условиях патриархального (родоплеменного) общества и языческого мировоззрения, шла рука об руку с русификацией, что было для них благом, так как сближало их с общественно-историческим прогрессом. С присоединением Северного и Центрального Казахстана в начале 1730-х гг. РПЦ устроила миссионерские станы в кочевьях, деятельность которых не имела особого успеха. На Кавказе, до его присоединения к России христианство давно имело сильные позиции в Грузии, Армении, Осетии и др., а «горские» народы региона оказывали упорное сопротивление миссионерским попыткам Церкви.

С присоединением Средней Азии, в которой почти тотально господствовал ислам (кроме небольшой колонии среднеазиатских евреев-иудеев и 200-300 индусов), царское правительство изначально отказалось от христианского миссионерства. Исследователь Е.А. Глущенко пишет: «Русские власти не допускали в регион православных миссионеров, чтобы не создавать конкуренцию исламу и не вызывать враждебных настроений в мусульманской среде. Первый генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман долгие годы сопротивлялся учреждению в крае православной епархии. Более того, русская администрация отпускала деньги на восстановление мусульманских святынь и строительство новых мечетей»[982]. Кауфман отмечал, что среднеазиатские мусульмане, «не имея чувства

[981] Предисловие // Кыргызстан-Россия. История взаимоотношений в составе империи и СССР (вторая половина XIX в. – 1991 г.): Сборник документов и материалов в двух книгах: Кн. 1. Бишкек, 2007. С. 5.
[982] Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования: монография. М., 2010. С. 7.

терпимости, не могут допустить мысли, чтобы иноверная власть не употребила каких-либо энергических мер к обращению их в христианство, а потому зорко следят за каждым шагом правительства во вновь занятом крае. Они пугаются малейшего намека на какую бы то ни было меру, которая может казаться им клонящейся к обращению в христианство»[983]. Правительство выступало и против политики русификации «туземного» населения Русского Туркестана. Н.П. Остроумов вспоминал о том, как исламское духовенство уверяло Кауфмана в том, что все мусульмане молятся в мечетях о благоденствии русского царя. «Первоустроитель» похвалил их, но заметил при этом, что «если туземцы и не будут молиться за общего нашего Государя, то они не принуждаются к этому, потому что в России у русского Государя есть много миллионов единоверцев-молитвенников». Остроумов подчеркивал, что Кауфман «не настаивал на их молитвах за царя в мечетях, представляя это их личному усердию»[984]. Таким образом, в Средней Азии РПЦ была отодвинута от прямого участия в цивилизации коренного населения региона. Митрополит Среднеазиатский и Ташкентский Владимир (Иким) писал о том, что Туркестане «за весь длившийся более шестидесяти лет имперский период: крестилось – 8 киргизов (кочевников – И.В.)»[985]. Церковь могла только соответствующим образом влиять на свою паству в Туркестане с тем, чтобы русские переселенцы как «цивилизаторы» местного населения относились к нему с соблюдением всех норм христианско-православной морали. Однако ее деятельность на этом направлении была малоэффективной. Одними из первых организованных «цивилизаторов» коренного кочевого населения выступили семиреченские казаки. Автор записки по поземельному вопросу в Семиреченской области

---

[983] Цит. по: Флыгин Ю.С. Власть и ислам в Туркестане. К вопросу о конфессиональной политике в Туркестанском крае (1867-1917) // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. 27 ноября 2008 г., Ташкент. Сборник материалов. Ташкент, 2010, С. 15.

[984] Цит. по: Флыгин Ю.С. «...Нужно писать сдержанно и основательно»// Востоковедческие чтения памяти Н.П.Остроумова. Сб. материалов. Ташкент, 2008, С. 377.

[985] Цит. по: Флыгин Ю.С. Власть и ислам в Туркестане. К вопросу о конфессиональной политике в Туркестанском крае (1867-1917) // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. 27 ноября 2008 г., Ташкент. Сборник материалов. Ташкент, 2010. С. 16.

отмечал, что сами казаки засевают земли мало, а остальную используют под выкорм скота. Он писал о «крайней беспечности, нерасчетливости и безалаберности, с которыми ведут хозяйство казаки. Меняют земли, забрасывают их»[986]. Казаки засевали всего 7% земель, удобных для земледелия. Командир Заилийского отряда, полковник А.Э. Циммерман в январе 1861 г. представил военному министру записку «О положении дел на кокандской границе», в которой писал: «Можно сказать, что если бы вместо казаков, недостаточно рачительных в сельском хозяйстве, были поселены там более трудолюбивые люди (например, немецкие колонисты), то сельское хозяйство могло бы развиваться в этом крае в изумительных размерах»[987]. Выдающийся русский путешественник Н.М. Пржевальский писал о том, что семиреченский казак «на земледельческие работы смотрит с презрением, считая такое дело принадлежностью мужика. Инородцы… нередко берут наших казаков к себе в работники. Выходит, что не мы влияем своей культурой на инородцев, а, наоборот, ассимилирование происходит здесь в обратном направлении. Казаки перенимают язык и обычаи своих инородческих соседей, от себя же не передают ничего»[988]. Их религиозно-нравственные качества были сомнительными. Это признавали даже туркестанские православные архиереи, пребывавшие в городе Верном, окруженном казачьими станицами. Епископ Димитрий (Абашидзе) в отчете за 1906 год, отправленном в Св. Синод, писал о том, что семиреченские казаки были выходцами из Сибири, где они жили среди «раскольников» и научились у них многому дурному. И детей они воспитывали в таком же духе. Архиерей отмечал, что среди семиреченских казаков распространены «сожительство, пьянство, сквернословие, сутяжничество, жестокое

[986] ЦГА Узб. Ф. 1008. Оп. 1. Д. 82 – Записка по поземельному вопросу в Семиреченской области. Л. 12 - 12 об.
[987] Цит. по: Тимченко С.В. Среднеазиатский вопрос в англо-русских отношениях в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность. Материалы научной конференции. Барнаул: АлтайГУ, 2008. С. 127.
[988] Пржевальский Н.М. Отчет о состоянии китайской армии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып.1. СПб., 1883. С. 300.

обращение с туземцами… суть обычные явления, на которые вовсе не обращается внимания»[989]. О том же он писал в отчете за 1908-1909 годы[990]. Таким образом, семиреченские казаки представляли собой слабый колонизационный элемент и степень их цивилизационного влияния на коренное население была весьма незначительна. Поэтому вряд ли можно считать удивительным, что туркестанская администрация в переселенческом вопросе отдавала предпочтение крестьянам, приезжавшим из разных мест страны. Поскольку наиболее привлекательным для переселения людей в Среднюю Азию изначально считалось Семиречье, где были хорошие условия как для богарного, так и поливного земледелия, то переселенческие потоки направлялись вначале именно сюда. Известный российский путешественник Н.А. Северцов писал о первых русских переселенцах в Семиречье, их жизни, хозяйстве, проблемах и т.п.[991]. О том же свидетельствовал и знаменитый российский исследователь Средней Азии П.П. Семенов (Тянь-Шанский)[992]. Они отмечали, что русские крестьяне-переселенцы вступали в полезные хозяйственные и иные контакты с коренным населением, привнося в его среду элементы новой для него цивилизации. Следует подчеркнуть, что вплоть до 1917 г. 2/3 русского населения Средней Азии проживало именно в Семиреченской области[993]. Поскольку ее коренное население в большинстве было кочевническим, то цивилизационное влияние переселенцев сказывалось, прежде всего, в сфере скотоводства. Авторитетные авторы отмечают, что после вхождения Средней Азии в состав России и «с появлением русских переселенцев местные скотоводы начали использовать

---

[989] РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 2183 – Отчет о состоянии Туркестанской епархии в 1906 году. Л. 13.

[990] РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 2307 – Отчет о состоянии Туркестанской епархии в 1908-1909 годах. Л. 20.

[991] См.: Северцов Н.А. Путешествия по Туркестанскому краю и исследовании горной страны Тянь-Шаня, совершенные по поручению Русского Географического Общества. М., 1947. С. 115-117.

[992] См.: Семенов Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856-1857 годах. М., 1946.

[993] См.: ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 17. Д. 473 – Сведения о состоянии русских селений в крае в 1903-1904 годах. Л. 15 об – 16 в развороте.

косу для заготовок сена, что уменьшало зависимость животноводов от стихийных бедствий и сокращало падеж скота в суровые зимы». С вхождением края в состав России в известной степени улучшалась породность скота за счет привозного высокопородного поголовья»[994]. Тому есть примеры. Видный туркестанский администратор Н.С. Лыкошин писал о том, что прибывшие из Таврической губернии переселенцы хотели разводить тонкорунных овец, породистый рогатый скот и лошадей. Они предложили договориться с кочевниками с тем, чтобы запустить в их стада высокопородистых племенных производителей для улучшения местных пород скота. Он отмечал, что «вторжение культурных скотоводов в район табунного скотоводства и коневодства могло бы принести краю большую пользу»[995].Переселенцы повлияли на ускорение перехода кочевников к оседлому земледелию. В этой хозяйственной сфере кочевников Средней Азии «внедрялись *через посредство русских переселенцев* и соседних народов такие новые виды сельскохозяйственных культур, как хлопок, рис, картофель, дыни, арбузы, гречиха, лен, табак и некоторые др.»[996]. (Курс. наш – И.В.) Кочевники «учились у русских пользованию новыми орудиями сельскохозяйственного производства, что имело важное значение в развитии земледелия»[997]. Некоторые номады приобретали серпы, косы, железные плуги, бороны, каменные катки, жнейки, конные грабли, сенокосилки и даже молотилки. Но большинство кочевников не могли их приобрести, а потому производительность труда в кочевом земледелии была низкой.

Кроме Семиречья, остальные регионы Русского Туркестана были закрыты для свободного переселения из «метрополии». Однако в начале 1890-х гг. появился неожиданный импульс для миграции россиян в эти места.

---

[994] История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5 томах. Т. 2. Фрунзе: Кыргызстан, 1986. С. 118.
[995] ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 17. Д. 858 – О водворении в Туркестанском крае последователей старообрядчества и сектантства. Л. 24 об.
[996] История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5 томах. Т. 2. Фрунзе: Кыргызстан, 1986. С. 119.
[997] Там же. С. 121.

В 1891-1892 гг. в России разразился страшный голод, охвативший многие регионы страны. По разным подсчетам, он унес от 400 тыс. до 600 тыс. человеческих жизней. Исследователь М.В. Падерин пишет о том, что голод 1891-1892 гг. был «крупнейшим в истории дореволюционной России»[998]. Он был не только следствием природных неурядиц. Ф. Энгельс писал русскому народнику Н.Ф. Даниельсону 18 июня 1892 г. о том, что голод 1891-1892 гг. «*вовсе не изолированное и случайное явление, а неизбежное следствие развития России после окончания Крымской войны*»[999]. (Курс. наш – И.В.) Спасая свои жизни, десятки тысяч людей ринулись в сторону Русского Туркестана, где не было голода. «Голодное переселение» начала 1890-х гг. явилось непредвиденным для туркестанской администрации и потребовало от ее представителей на местах максимум терпения, организованности, деловитости и даже самоотверженности. Остановить силой нахлынувшие толпы «незваных гостей» и выдворить их обратно они не могли по человеческим соображениям. Исследователь Е.Е. Озмитель указывает, что «крестьяне-новоселы трудных 1891-1892 гг. переселения, прибыли почти в нищенском состоянии полуголодными, изнуренными, без скота и без всяких средств... даже на пропитание»[1000]. Туркестанские власти сделали все возможное, чтобы оказать им необходимую помощь и расселить их, исходя из наличных возможностей. Если до этого основная масса переселенцев старалась освоиться в Семиречье, то переселение 1891-1892 гг. привнесло много мигрантов в «коренные» области Туркестанского края, особенно, в Сырдарьинскую. Если к 1891 г в ней было 19 русских поселений, то, по сведениям В.И. Массальского, в 1891-1892 гг. здесь было образовано еще 23

---

[998] Падерин М.В. Влияние голода 1891-1892 гг. на крах реформаторского курса И.А. Вышнеградского и политику «контрреформ» в аграрной сфере // Реформы и реформаторы в истории России: к 150-летию Великих реформ. Материалы XVI Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 17-18 мая 2012 г. М., РУДН, 2012. С. 370.

[999] Энгельс – Николаю Францевичу Даниельсону в Петербург из Лондона. 18 июня 1892 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 38. М., 1965. С. 312.

[1000] Цит. по: Озмитель Е.Е. Религиозно-нравственное состояние переселенцев в Туркестане // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. 27 ноября 2008 г., Ташкент. Сборник материалов. Ташкент, 2010, С. 284.

таких поселка[1001]. Вместе с тем, «голодное переселение» 1891-1892 гг. фактически не затронуло Ферганскую и Самаркандскую области. Начальник Закаспийской области А.Н. Куропаткин в 1892 г. устроил поселки Саратовский и Крестовый для немцев-лютеран, бежавших из Поволжья от голода, а также поселок Ванновский из православных и молокан, прибывших в область по тем же причинам[1002]. Туркестанский администратор Н.С. Лыкошин отмечал, что в 1892 году тысячи переселенцев двинулись во все области Туркестанского края, и у местной администрации не было времени разбираться, кто к какому вероисповеданию принадлежит[1003]. С этого времени переселение в Русский Туркестан приобрело религиозный аспект, о котором мы писали в специальной монографии[1004].

Власти и общественность Российской империи понимали, что степень российского цивилизационного влияния на «туземцев» в Средней Азии будет зависеть не только от правительственных мероприятий, но и от качества переселенческого контингента. Периодические издания в последней трети XIX в. часто публиковали статьи о Туркестане, объективно писали о трудностях, которые ждут переселенцев в регионе, пытаясь отговорить их от длительного и нелегкого путешествия в новые места. Так, например, популярный журнал «Родина» (№ 3) в 1880 г. опубликовал статью о том, что ждало русских переселенцев в Туркестанском крае[1005]. В сокращенном виде она была перепечатана в кыргызстанской газете «Репортер-Бишкек»[1006]. Неизвестный автор развеивал мечты о богатой и безбедной жизни в Средней Азии, описывая большие трудности, с которыми неизбежно сталкивались русские переселенцы в регионе. Он писал: «Хорошо было бы, если бы

[1001] См.: Массальский В.И. Туркестанский край // Полное географическое описание нашего Отечества. Т. XIX. СПб., 1913. С. 326.

[1002] ЦГА Турк. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2680 – О ссылке раскольников в Закаспийскую область. Л. 199.

[1003] См.: ЦГА РУ. Ф.18. Оп.1. Д. 6852 – По вопросу о колонизации Туркестанского края. Л. 8 об.

[1004] См.: Волков И.В. Религиозные аспекты переселенческой политики царизма в Туркестанском крае. Бишкек: Илим, 2007.

[1005] Родина. 1880. № 3. С. 148-161.

[1006] Репортер-Бишкек. № 11 (57). 10 апреля 2009. С. 12.

русский земледелец, прежде чем решиться переселиться в эту далекую страну, сообразил свои силы и все препятствия, которые он может встретить на пути, и в новом крае, а не совался бы, по пословице, в воду, не спросив броду, как это сделал дядя Иван и те, что с ним вместе вернулись в Россию»[1007]. Однако русские люди, гонимые безземельем и нуждой, устремлялись в массовом порядке на территорию Русского Туркестана. Трудовые и нравственные качества многих из них вряд ли можно было считать безупречными, что подтверждалось властными лицами. Военный губернатор Сырдарьинской области, генерал-лейтенант Н.И. Корольков писал в июне 1903 г. министру внутренних дел В.К. Плеве: «Крестьянское население вверенной мне области и вообще Туркестанского края разнится от такого же населения Европейской России…Эпопея переселения изменила крестьянина, научив его некоторой самостоятельности, но вместе с тем сильно подорвала у него привычку к дисциплине. Отвыкнув от дисциплины, крестьянин впадает в разнузданность и сменяет прежнее уважение к начальству глухим антагонизмом к нему… Подобная умственная шаткость крестьянина, замечаемая среди сельского населения вверенной мне области, внушает серьезные опасения за будущее»[1008]. «Туркестанские епархиальные ведомости» писали о том, что почти все события сельской жизни связаны с пьянством – «дележ воды», «дележ покоса», «сдача кабака в наем», «наем сидельца», «прием новосела» и проч. «В месяц в селе из 200-250 дворов, – писала газета, – пропивалось до 5-6 тысяч... жизнь шла для чрева, для угождения низменным животным инстинктам»[1009].Начальник Закаспийской области, генерал-лейтенант П.А. Карцов указывал в своем отчете за 1906 год, что её русское население не приучено к труду, пьянствует, сквернословит и т.п. Он отмечал, что «теперешние представители низшего и среднего сословия русской народности оказывают собой совершенно неназидательный

[1007] Там же.
[1008] История Узбекской СССР в 4-х томах. Т. 2. Ташкент: Фан, 1968. С. 327.
[1009] Цит. по: Озмитель Е.Е. Религиозно-нравственное состояние переселенцев в Туркестане // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. 27 ноября 2008 г., Ташкент. Сборник материалов. Ташкент, 2010, С. 285-286.

пример для местных туземцев»[1010]. Туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов писал в 1909 г. во «всеподданнейшем» отчете за 1909 год о том, что русские переселенцы часто имеют низкий уровень нравственности – пьют и т.п. и потому плохо влияют на «туземцев». Он предлагал запретить продажу спиртного в переселенческих селениях[1011]. Начальник Ходжентского уезда, Самаркандской области, полковник Н.С. Лыкошин писал в сентябре 1910 г. в Канцелярию туркестанского генерал-губернатора о том, что «нельзя не посетовать на качественный состав русских православных переселенцев, прибывающих в край»[1012]. Чиновник особых поручений при министре внутренних дел Л. Наумов, посетивший Туркестанский край, писал в отчете от 25 сентября 1910 г. о том, что русское влияние сказывается на жизни «сартов» – оседлого населения Средней Азии, которые строят большие дома «русского» типа и обставляют их тоже «по-русски». Он отмечал, что старшее поколение «туземцев» региона признало русскую власть и российские формы жизни и только часть молодежи, возбуждаемая мусульманским духовенством, идеализирует прошлые ханские времена[1013]. Вместе с тем, он указывал, что немалый вред престижу «русского дела» наносят переселенцы, многие из которых не могут считаться полезным колонизационным элементом. Они грубо изгоняют кочевников с их земель, чем обостряют положение в крае. Наумов писал о том, что многие переселенцы «земледелием лично не занимаются, отдавая земли туземцам в аренду из половины урожая и предаются праздности и полному разгулу»[1014]. По его мнению, такой колонизационный элемент «ни в коем случае не может

[1010] РГИА, Ф.1396 (Ревизия сенатора К.К. Палена Туркестанского края), Оп.1, Д.8-Всеподданнейшие отчеты Туркестанских Генерал-Губернаторов и Губернаторов областей Туркестанского края. Л. 198 об.
[1011] Там же. Л. 50.
[1012] ЦГА РУ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 858 – О водворении в Туркестанском крае последователей старообрядчества и сектантства. Л. 20.
[1013] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 469 – Пропаганда панисламизма и пантюркизма. 1910-1912 годы. Л. 16 об.
[1014] Там же. Л. 20.

внести самобытную русскую культуру в среду азиатского населения»[1015]. Мы не исключаем, что чиновник МВД в известной мере преувеличивал негативное поведение переселенцев, так как он представлял ведомство, издавна соперничающее с военным министерством за право управлять Русским Туркестаном, однако в целом он, видимо, был прав, так как известный военный администратор в Средней Азии, большой специалист в области русской колонизации Средней Азии Н.А. Дингельштедт отмечал, что применительно к переселенцам в Туркестанский край «больше всего … пишут о невообразимо жалком их положении, упрекают их в бродяжничестве и наклонности к постоянной перемене мест, нередко не щадя красок, рисуют их тунеядство, лень и безделье и особенно корят их за любовь к получению от начальства денежных пособий...»[1016]. Качество переселенцев порицала и Русская Православная Церковь в Туркестанском крае, в том числе и в отношении священнослужителей, призванных оказывать высоконравственное воздействие на свою паству. Епископ Ташкентский и Туркестанский Иннокентий (Пустынский) писал о том, что «по своей личной духовной нравственности многие из духовенства безупречны, но *гораздо большая часть ниже своего положения*. Между последними есть хронические алкоголики, достающие спиртные напитки даже среди всеобщей трезвости; есть сутяги, дерзкие, гордые, корыстолюбивые, ленивые»[1017]. (Курсив наш – И.В.) Его предшественник, епископ Димитрий (Абашидзе) был такого же мнения по этому поводу[1018]. Иннокентий писал о том, что переселенцы времен столыпинской аграрной реформы являлись наихудшим колонизационным элементом как распространители пьянства, разврата, азартных игр, мотовства и т.п. Он отмечал, что на родине они участвовали в

[1015] Там же.
[1016] Брежнева С.Н. Русские переселенцы в Туркестане: проблемы взаимоотношения с местным населением // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Выпуск № 1 (222). Т. 37. 2016. С.112-118.
[1017] РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 2767 – Отчет о состоянии Туркестанской епархии в 1916 году. Л. 51.
[1018] РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 2307 – Отчет о состоянии Туркестанской епархии в 1908-1909 годах. Л. 11 об, 13.

революции 1905-1907 гг. и многие «запятнали руки экспроприацией»[1019]. Признавая пороки православных переселенцев, Русская Православная Церковь, тем не менее, выступала категорически против переселения в Среднюю Азию ненавистных ей «раскольников» – старообрядцев и сектантов, обвиняя их во всех смертных грехах. Она справедливо опасалась их «тлетворного» влияния на свою паству в Русском Туркестане. Естественно, что подобные «колонисты» наносили серьезный вред цивилизационным устремлениям царизма в Средней Азии, ухудшали отношение коренного населения к переселенцам и русской власти.

В связи с этим нетрудно понять, почему вышеприведенные нами законы о переселении в Среднюю Азию допускали переселение в этот регион приверженцев только некоторых «толков» старообрядцев и сектантов, не признанных правительством «вредными». Еще ранее опыт переселения «староверов» и адептов «рационалистических» сект был успешно опробован на Русском Кавказе[1020]. Кроме того, за допуск их к переселению в Среднюю Азию выступала туркестанская администрация, имевшая опыт общения с таким колонизационным элементом. Часть «раскольников» переселилась в регион из Сибири еще в конце 1860-х – начале 1870-х гг. В середине 1870-х гг. правительство выселило в Русский Туркестан казаков-старообрядцев из Уральского казачьего войска, принимавших участие в бунте против введения «Воинского устава» 1874 г. Их расселили вдоль крупнейших региональных рек – Сыр-дарьи и Аму-дарьи, где они занялись привычным для себя рыболовством. П.П. Литвинов, специально изучавший вопрос о старообрядцах и сектантах в Средней Азии, пишет о том, что царские власти в регионе быстро оценили их преимущества в качестве колонизационного элемента – в отличие от «православных», переселенцы-«раскольники» не пили, не курили, не сквернословили, имели крепкие хозяйства, прочные

[1019] РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 2767 – Отчет о состоянии Туркестанской епархии в 1916 году. Л. 62.
[1020] Зуева О.Б. Конфессиональная переселенческая политика России на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2008, № 4. С. 151-154.

семьи, отличались трудолюбием, дисциплиной, бережливостью и т.п. Но главное, они повсеместно находили общий язык с «туземным» населением, устанавливали с ним дружественные связи, избегали в них обмана и мошенничества, делились полезным хозяйственным опытом с коренными жителями[1021]. Таким образом, по словам российского публициста А. Иванова, «… наши раскольники устраивают свои образцовые поселения не только в своем отечестве, но и даже и в немецких и в мусульманских странах. Вот каковы должны быть переселенцы!»[1022]. При этом Иванов подчеркивал, что старообрядцы отличаются более предприимчивым характером, у них развит дух солидарности, что и дает им возможность самостоятельно приспособиться к среднеазиатским условиям, не требуя помощи со стороны государства. То же можно сказать и о сектантах. Начальник Закаспийской области (1890-1897), генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин добился от правительства разрешения переселить в ее пределы кавказских молокан, образовав из них 6 специальных поселков. Молокане, считавшиеся в России лучшими мастерами почтовой «гоньбы» и владевшие многими почтовыми трактами, быстро наладили в Закаспийской области почтовую связь, превосходившую даже почту в столичных губерниях России – С-Петербургской и Московской. Вряд ли есть необходимость пространно писать о позитивном цивилизационном значении и влиянии почты на жизнь «туземного» населения Русского Туркестана, так как можно считать безусловным фактом его быстрое приобщение к услугам русской почтовой связи. Но тот же Куропаткин воспротивился намерению правительства переселить в Среднюю Азию и кавказских «духоборцев», в связи с чем они выехали в Канаду, где и сейчас живут тысячи их потомков.

Как известно, главным куратором всех неправославных конфессий в царской России выступало Министерство внутренних дел через Департамент

[1021] Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). Елец: ЕГПИ, 1996. С. 87-119.

[1022] Иванов А.Русская колонизация в Туркестанском крае // Русский вестник. 1890. №11. С.239.

духовных дел иностранных исповеданий. Наиболее остро он относился к так называемым «раскольникам»-старообрядцам и сектантам, переселение которых должно было строго контролироваться государством. Однако для запрета переселения в Среднюю Азию одного мнения МВД было недостаточно, поскольку на территории этого края оно не имело власти – функции министра внутренних дел в Русском Туркестане исполнял глава военного ведомства. Он мог вступать в контакты с МВД по вопросам переселения в Среднюю Азию тех или иных сектантов. Так, например, министр внутренних дел И.Н. Дурново циркуляром от 3 сентября 1894 г. объявил секту штундистов «одной из наиболее опасных в церковном и государственном отношении»[1023]. Однако это не помешало военному министерству в 1897 г. переселить в Туркестанский край около 1,5 тыс. штундистов из Каневского уезда, Киевской губернии. О драматических событиях этого переселения подробно писал в 1996 г. в «Украинском историческом журнале» П.П. Литвинов[1024]. Вместе с тем, было бы ошибочным преувеличивать разногласия между МВД и военным ведомством по вопросу о переселении «раскольников». «Полицейское» министерство было само заинтересовано в избавлении от вредных для государства и Русской Православной Церкви людей в сугубо русских губерниях и переселении их подальше от них, тем более в края, ему неподведомственные. Как отмечалось, 10 июня 1903 г. был издан закон, разрешивший массовое переселение крестьян и мещан в «коренные» области Туркестанского края[1025]. Во время обсуждения проекта закона в Совете туркестанского генерал-губернатора было признано, что «ограничение переселения только лицами православного исповедания не отражает общих интересов русской

[1023] Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). С. 101.

[1024] См.: Литвинов П.П. Переселення українців-сектантів до Середньої Азії наприкінці XIX – на початок XX ст. // Український історичний журнал. 1996. № 2. С. 47-55.

[1025] Высочайше утвержденные «Правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли в области Сыр-дарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую». 10 июня 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд.1. СПб., 1905. № 23126. С. 741-743.

колонизационной политики в Туркестане, призванной создать здесь единый христианский блок, противостоящий мусульманскому «морю» местных жителей»[1026]. Совет высказался за то, чтобы к переселению в Туркестанский край допускались лица всех христианских исповеданий, не исключая и представителей некоторых сект. В поддержку мнения туркестанской администрации, как ни странно, выступило МВД. Его глава Д.С. Сипягин представил в Комитет министров соображения относительно конфессионального состава переселенцев в Среднюю Азию. Он отмечал, что «многие последователи раскола разных сект, несмотря на свое уклонение от учения Православной Церкви, тем не менее, остаются по духу и стремлениям вполне русскими людьми. Известно, что последователи многих из таких сект отличаются своим трудолюбием, воздержанностью и т.п., а водворение таких элементов в Туркестане может, конечно, быть признано только желательным»[1027]. Сипягин высказался также за то, чтобы к переселению в Среднюю Азию допускались все увольнявшиеся в запас или в отставку нижние чины войск Туркестанского военного округа, независимо от их вероисповедания. Таким образом, среди переселенцев могли оказаться мусульмане – татары, башкиры и проч., а также евреи. Кроме того, министр внутренних дел указал, что для переселения «раскольников» в Туркестан недостаточно одного разрешения военного министра, поскольку всеми неправославными конфессиями в империи заведует именно его ведомство. Вопрос о нижних чинах был отклонен правительством, но право главы МВД было учтено в статье 1-й закона: «Министрам внутренних дел и Военному предоставляется определять, последователи каких раскольничьих сект могут быть допускаемы к переселению в эти области»[1028]. Роль «полицейского»

[1026] Волков И.В. Религиозные аспекты переселенческой политики царизма в Туркестанском крае. Бишкек, Илим, 2007. С. 15-16.

[1027] ЦГА РУ. Ф.1. Оп.17. Д. 88 - По вопросу выработки плана колонизации Туркестанского края (1899-1903). Л. 171.

[1028] Высочайше утвержденные «Правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли в области Сыр-дарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую». 10 июня 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд.1. СПб., 1905. № 23126. С. 742.

министра в таких случаях была незначительной, так как даже при власти военной администрации, установления, ограничивавшие религиозный состав переселенцев в Туркестанский край, работали слабо. Многие «раскольники», либо скрывали свою конфессиональную принадлежность, либо отправлялись в места переселения самовольно. В итоге в генерал-губернаторстве скопилось множество неправославных переселенцев, преимущественно сектантов. В начале января 1908 г. начальник краевого Управления земледелия и государственных имуществ А.И. Пильц писал туркестанскому генерал-губернатору Гродекову о том, что надо бороться с переселенцами-«раскольниками» не по религиозным, а экономическим причинам, поскольку из-за них может не хватить земель для православных людей[1029]. Резко против переселения «раскольников» выступил военный губернатор Семиреченской области, генерал-лейтенант В.И. Покотило. Он писал: «Русский сектант есть болезненный нарост на здоровом русском организме. Эта болячка то кажется зловредной, то представляется опухолью доброкачественной, но все равно остается явлением болезненным и, прежде всего, враждебным нашей православной вере»[1030]. Для изучения проблемы в Туркестанский край выехал сам Главноуправляющий землеустройством и земледелием, князь Васильчиков. По возвращении он представил в Совет министров записку, в которой обвинял туркестанские власти в том, что они сознательно потворствуют переселению в край «раскольников», усматривая в них более полезный колонизационный элемент, чем православные. В качестве показательного примера он приводил личное распоряжение туркестанского генерал-губернатора П.И. Мищенко о расселении большой группы молокан в урочище Джери. Всемогущий «премьер» Столыпин потребовал объяснений от Мищенко. Последний отвечал ему 19 августа 1908 г., что, во-первых, вопрос о переселении молокан еще окончательно не решен, а, во-вторых, «с

[1029] ЦГА РУ. Ф.7. Оп.1. Д. 5058 – Доклад Начальника Управления земледелия и государственных имуществ в Туркестанском крае А. Пильца. Л. 2 об.
[1030] Цит. по: Волков И.В. Религиозные аспекты переселенческой политики царизма в Туркестанском крае. Бишкек: Илим, 2007. С. 27.

поселением молокан мы приобретаем для края группу честных русских людей, отличающихся трезвостью, трудолюбием и подчиняющихся властям»[1031]. Но Столыпин не внял мнению туркестанского генерал-губернатора и в марте 1909 г. тот был отстранен от должности и заменен кавалерийским генералом А.В. Самсоновым. Это было волевое решение, поскольку, как отмечал 3 августа 1910 г. Главный штаб, разрешение вопроса о водворении в Туркестанском крае последователей сект «может состояться только по соглашению между Военным министерством, Министерством внутренних дел и Главным управлением землеустройства и земледелия, какового еще не последовало»[1032]. Главный штаб предложил Самсонову выяснить, какой из колонизационных элементов – православный или «раскольничий» представляется властям края более полезным для развития Туркестанского края. 28 августа 1910 г. генерал-губернатор направил соответствующий циркуляр всем областным руководителям, включая, разумеется, и начальника краевого Управления земледелия и государственных имуществ. Первым 31 августа 1910 г. отреагировал на запрос начальник Закаспийской области, генерал-лейтенант М.Д. Евреинов. Он писал, что «у сектантов всех толков сплоченность превосходит во много раз таковую у православных. К какой бы секте не принадлежали русские поселенцы, они восстанут на защиту себя и русских интересов, ибо от фанатизма мусульман пощады не будет»[1033]. Цивилизаторские преимущества сектантов подчеркивали в своих рапортах военные губернаторы Сыр-дарьинской, Самаркандской и Ферганской областей, причем самаркандский губернатор особо подчеркнул, что «*отношение сектантов к туземному населению более вдумчивое и осторожное и поэтому туземцы ставят их выше православных*». (Курсив наш – И.В.) Даже Управление земледелия и

[1031] ЦГА РУ. Ф.7. Оп.1. Д. 687 – Переписка по вопросу о колонизации Туркестанского края и Семиречья. Л. 180.
[1032] ЦГА РУ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5146 – О водворении сектантов и лиц инославных вероисповеданий в Семиреченской области. Л. 7.
[1033] Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.)… С. 105

государственных имуществ признавало, что «в силу соответствующей солидарности, в силу трудолюбия своего, любви к земле сектанты, как нельзя более пригодны для названной цели». Однако при этом Управление не рекомендовало сознательно наращивать приток сектантов. И только семиреченский губернатор высказался категорически против переселения сектантов в Среднюю Азию»[1034]. Это было неудивительно, так как он соседствовал в областном центре – Верном с туркестанским православным архиереем Димитрием (Абашидзе), который оказывал на него давление.

Подводя итоги обсуждению указанного вопроса, Канцелярия туркестанского генерал-губернатора подготовила доклад, в котором приходила к выводу: «Можно с уверенностью сказать, что сектанты и старообрядцы как люди высшей культуры при своей сплоченности, стойкости в вере и при своем трудолюбии способны успешнее православных воздействовать на воображение туземного населения в смысле укрепления в нем представления о преимуществах русской культуры и русской гражданственности»[1035]. Совет туркестанского генерал-губернатора, обсудив доклад краевой канцелярии, констатировал: «Представляя из себя крепкие религиозные общины, в которых духовно-нравственное воспитание и дисциплина отдельных членов поставлены прекрасно, старообрядцы и сектанты отличаются трезвостью, прочным хозяйственным бытом, трудоспособностью, *более воздержаны в своих отношениях с туземцами*, скромны и работливы»[1036]. (Курс. наш – И.В.) Отмечалось, что они хорошо ухаживают за землей, не сдают ее в аренду, не просят почти помощи, в связи с чем «представляются надежными колонизационными единицами»[1037]. 13 января 1911 г. Совет постановил: «Допускать переселение на свободные земли в областях Туркестанского края на общем основании с лицами православного вероисповедания также и последователей всех религиозных

[1034] Там же.
[1035] Там же.
[1036] ЦГА РУ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5146 – О водворении сектантов и лиц инославных исповеданий в Семиреченской области. Л. 4.
[1037] Там же.

сект, не признаваемых вредными»[1038]. Однако практическая реализация этого решения наткнулась на сопротивление Министерства внутренних дел, Св. Синода и, естественно, Туркестанской православной епархии. Вместе с тем, военное министерство как «хозяин» Русского Туркестана поддерживало точку зрения краевой администрации, которая на всех уровнях проявляла толерантность к переселившимся «раскольникам» - старообрядцам и сектантам. В августе 1912 г. военный губернатор Самаркандской области, генерал И.З. Одишелидзе писал о том, что «сам замкнутый быт раскольнических общин позволяет сохранить глубоко национальный склад в самых окраинных землях…Кроме этой глубоко ценной национальной устойчивости, сектанты совершенно трезвы, работящи, законопослушны, в высшей степени самостоятельны, экономически независимы, *уживчивы с соседями – туземцами*. Не представляется трудным поставить их в правительственное течение»[1039]. (Курс. наш – И.В.) По его мнению, старообрядцев и сектантов «совершенно избегать при колонизации окраинных областей не следовало бы, ибо это нельзя считать мерой, вызываемой государственными целями, в особенности ныне после Высочайшего (1905 г. – И.В.) указа о веротерпимости и правительственной политики создания сплоченности русских людей на почве национального единства, а не религиозных убеждений»[1040]. За исключением военного губернатора Семиреченской области, генерала М.А. Фольбаума, по-прежнему отстаивавшего интересы православного архиерея, в таком же духе выступали все другие руководители областей Русского Туркестана. Их взгляды на проблему разделяли и администраторы низшего звена – уездного. Так, упоминавшийся выше начальник Ходжентского уезда, Самаркандской области, полковник Н.С. Лыкошин считал, что «раскольники представляют наиболее стойкий и надежный колонизационный элемент. У них есть

[1038] Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.)... С. 105.
[1039] ЦГА РУ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5146 – О водворении сектантов и лиц инославных исповеданий в Семиреченской области. Л. 55, 55 об.
[1040] Там же.

средства, они предприимчивы, трудолюбивы. Даже не особенно благоприятные климатические условия предложенного к отводу надела редко их останавливают»[1041]. Действительно, в поселке Самарском, находящемся в малярийной местности, православные переселенцы отказались селиться, его передали «раскольникам» (молоканам), которые смогли там закрепиться.

Появление переселенцев в зонах культурного земледелия в Средней Азии усилило межцивилизационное взаимодействие пришлого и коренного населения в этой сфере аграрной экономики региона. Несмотря на развитость земледелия у «туземных» оседлых жителей Туркестана, переселенцы привнесли в эту сферу региональной экономики немало цивилизационных новаций. Дехкане стали охотно воспринимать такие неизвестные им ранее культуры, как картофель, сахарная свекла, овес, помидоры, новые сорта яблок, груш и др. Появились новые сорта винограда. Стал выращиваться табак. Влияние переселенцев на традиции аграрной цивилизации «туземного» населения Средней Азии распространилось на дунган и уйгуров, которые тоже были мигрантами, прибывшими из Восточного Туркестана, спасаясь от зверств китайских карателей генерала ЦзоЦзун-тана, подавлявшего остатки мусульманского восстания в этом регионе. Русские власти расселили дунган в Семиреченской области – в Чуйской долине и в Присыккулье, наделили их землей. К концу 1880-х гг. число дунганских переселенцев достигало более 10 тыс. чел. «Переселившиеся дунгане принесли с собой своеобразную культуру, резко отличавшуюся от культуры среднеазиатских народов»[1042]. Культура дунган была фактически китайской. Но и она испытала российское влияние. «У русских переселенцев дунгане научились выращивать помидоры, капусту и картофель…Вместе с ростом влияния русских переселенцев в хозяйственной деятельности усиливается

[1041] ЦГА РУ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 858 – О водворении в Туркестанском крае последователей старообрядчества и сектантства. Л. 20 об.
[1042] История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5 томах. Т. 2. Фрунзе: Кыргызстан, 1986. С. 134-135.

стремление дунганского народа к изучению русского языка»[1043]. На основании российско-китайского договора 1881 г., Россия вернула Кульджинский край, временно занятый ею в 1871 г. По договору, местное население получила право принять российское подданство, в связи с чем в Средней Азии появились новые переселенцы из дунган и уйгуров. В отличие от дунган, аграрная культура последних была близка к хозяйственной традиции коренного населения Средней Азии, поэтому уйгуры довольно быстро усвоили от русских переселенцев полезные элементы земледелия, восприняли некоторые формы местного русского быта.

«Влияние русских переселенцев сказывалось не только в сельском хозяйстве, но и в быту коренного населения, в частности, в освоении ими жилищ русского типа; таджикские и узбекские мастера-строители заимствовали у русских многие строительные приемы. Кочевники, не имевшие ранее колесного транспорта, стали пользоваться телегами, бричками. Рисорушка, борона, коса начали входить в обиход дехканских хозяйств. Общаясь с русскими крестьянами, они познакомились с сенокошением и переняли косу для использовании ее в своем хозяйстве»[1044]. Советские историки Узбекистана тоже писали о том, что российское цивилизационное влияние сказывалось на жизни коренного населения Средней Азии. Известно, что в регионе получил быстрое распространение русский самовар. Местные «ремесленники стали делать из жести очень удобные небольшие самовары в виде кувшинов с бронзовыми решетками»[1045]. В обиход коренного населения Туркестана вошли чугунные котлы российского производства. В состоятельных семьях на место масляным светильникам пришли керосиновые лампы. Большим спросом пользовались российские хлопчатобумажные, резиновые, литейные, стеклянные и др. изделия. Особенную цивилизационную популярность приобрели российские калоши, сняв которые человек мог с чистой обувью

[1043] Там же. С. 136.
[1044] История таджикского народа. Т. II. М., 1964. С. 167.
[1045] История Узбекской СССР в 4-х томах. Т. 2. Ташкент: Фан, 1968. С. 178.

ходить в доме, мечети, чайхане и др. помещениях. Мусульманское духовенство вначале остро выступило против их употребления, ссылаясь на то, что на внутренней части подошвы ставились цифровые знаки – печать Шайтана. Однако прагматичные мусульмане не только в Средней Азии, но и в сопредельных странах (Китайский Туркестан, Афганистан, Персия и др.), игнорируя запугивания, быстро разбирали эти русские изделия.

Российское влияние на цивилизацию коренных народов Средней Азии сказывалось и в среде таких переселенцев, как ученые, которые стали изучать историко-культурное наследие народов Средней Азии, подвергли научной обработке многочисленные письменные источники и памятники материальной культуры в регионе, сделали их достоянием мировой науки и культуры. Оценивая общее цивилизационное влияние российских переселенцев на коренное население Туркестана, японский ученый Х. Каматцу и его узбекский коллега Б. Бабаджанов признавали, что «колонизация Средней (Центральной) Азии резко вывела регион из изоляции и благоприятствовала трансформации (порой долгой и мучительной) традиционного образа жизни и мышления (читай: цивилизации – И.В.)»[1046].

Мы полагаем, что было бы ошибочным отождествлять цивилизационное влияние России на «туземное» население Туркестана только с отношениями между переселенцами и коренными жителями региона. Восприятие «туземцами» царской власти в регионе в целом было отрицательным. Однако в исследуемый период отношение самого российского народа к самодержавию было не лучшим, особенно в начале XX в., когда страну потрясла первая русская революция 1905-1907 гг. Естественно, что в первое время коренное население не могло приветствовать появление христианской России в Средней Азии. Известный публицист Н. Раевский писал в 1872 г. в популярной газете «Голос» (№ 195) о том, что ошибочно надеяться на любовь мусульманства региона к России и

[1046] Цит. по: Вахидов Ш.Х. Взгляд мусульманских авторов на русское завоевание Туркестана. Эволюция новых реалий: «за» и «против» // Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сб. материалов. Ташкент, 2008. С. 95.

русским. Причины тому он усматривал в исламском фанатизме и огромной цивилизационной разнице. Он отмечал: «И властители, и их подданные одинаково ненавидят нас; если же первые и притворяются иногда нашими друзьями, то это только потому, что они в настоящее время вынуждены к этому обстоятельствами»[1047]. Попытка редактора газеты «Туркестанские ведомости» Н. Маева утверждать в указанном издании Краевского (№ 206) о симпатиях «туземцев» Средней Азии к России и русским выглядела малоубедительной[1048].

Рассуждая о российском «колониализме», националистически ориентированные историки и публицисты некоторых стран «Центральной Азии» склонны идеализировать жизнь коренного населения региона до прихода в него России. Исследователь Е.А. Глущенко пишет: «Историки современного Узбекистана обвиняют русских в том, что они «заблокировали естественную эволюцию среднеазиатской государственности». Негативным фактором русского управления называют «разрушение царским самодержавием национальной государственности, пренебрежение кровными интересами коренного населения, лишение его политических прав и свобод»[1049]. Он указывает, что, по мнению ангажированных историков некоторых государств Средней Азии, до прихода России в регионе жизнь людей была высоконравственной, соответствовавшей всем установлениям шариата. Однако у нас есть большие сомнения по этому поводу. Как отмечал большой знаток ислама и туркестанской действительности В.П. Наливкин, приход России в Среднюю Азию, установление относительно мягких либеральных порядков способствовали вскрытию пороков, которые «и раньше имели широкое распространение, но лишь старательно прятались по разным щелям и норам от кар, уготованных местным домостроем»[1050]. О том

[1047] РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 643. Л. 92-92об.
[1048] РГАДА. Ф. 1385. Оп.1. Д. 643. Л. 93.
[1049] Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования: монография. М., 2010. С. 6.
[1050] Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь // Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. М., 2004. С. 73.

же писал в 1909 г. военный губернатор Ферганской области, генерал-майор В.Н. Сусанин туркестанскому генерал-губернатору А.В. Самсонову, отмечавший, что упадок мусульманской нравственности начался давно, но носил скрытый характер, а установление российских порядков лишь способствовало открытому обнаружению этого давнего явления в жизни коренного населения Средней Азии[1051]. Возможно, что это были мнения русских людей, в справедливости которых можно усомниться. Однако о падении нравов в среднеазиатских ханствах писали и сами мусульмане. В Институте востоковедения Национальной Академии Наук Узбекистана хранится сочинение Муллы Холбека ибн Мухаммада Муссы Андижони «Книга боев Аликули и записки чужестранца». Автор писал о том, что в Кокандском ханстве развились «бачабазлик (гомосексуализм – И.В.), пьянство. Не боясь наказания Бога, многие занимались этим. Главой народа стали извращенцы и негодяи… Они и стали аксакалами и арбачами (старостами), стали совершать гнусные дела. Люди знания молчали, народ терпел унижения. Ученые и умные убежали в угол затворничества, совершались те дела, которые не должны делать мусульмане. Народ Лота совершал грех. С каждого города пришли подлые и изменники. Сев на аргамаков, и одевшись в дорогие одежды, они продавали жен и своих дочерей русским. Еще выдавали себя за знатоков дела. Увидев их, обманщики и подлые люди стали брать у них пример»[1052]. Не лучшим было состояние нравственности в Бухарском ханстве. Русский унтер-офицер Ф. Ефремов, в 1774-1782 гг. побывавший в плену в эмирате писал о разложении нравов бухарских мусульман: «Любители (любовники – И.В.) приходят (в гаремы – И.В.) в женском платье и веселятся, а иногда жены сказывают мужьям своим якобы ушли в гости, а вместо того уходят в другое место, где с

[1051] ЦГА РУ. Ф. 1. Оп. 31. Д. 578. – О доставлении сведений о настроении умов местного населения. Л. 22.

[1052] Цит. по: Вахидов Ш.Х. Взгляд мусульманских авторов на русское завоевание Туркестана. Эволюция новых реалий: «за» и «против» // Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сб. материалов. Ташкент, 2008, с.85.

любителями пребывают»[1053]. О сибаритстве и развращенности правителей среднеазиатских ханств писал А. Вамбери[1054].

В.П. Наливкин отмечал, что после отмены русскими властями в Средней Азии наказаний за нарушение установлений шариата «мужчины и женщины шли в открывшиеся нами питейные заведения… Жены уходили от мужей, а дочери от родителей и поступали в дома терпимости, издеваясь над теми, кто еще несколько дней тому назад мог вывести их за город и побить камнями. Мечети стали пустеть. Случаи почти нескрываемых нарушений шариатских постановлений стали встречаться все чаще и чаще»[1055]. Вряд ли власти и цивилизация России были повинны в таком эпатаже части мусульманской общественности. Однако многие ее представители винили в падении нравов не его объективные предпосылки, а русскую власть. П.П. Литвинов пишет: «Участники Андижанского 1898 г. восстания похвально отзывались о гуманности русских порядков, но обвиняли российские власти в том, что их действия привели к резкому снижению уровня мусульманской нравственности. Туркестанский генерал-губернатор Куропаткин писал во «всеподданнейшем» отчете о причинах восстания 1916 г., что приобщение многих мусульман к российским формам жизни «возмущало туземное духовенство и стариков и вызывало у них недовольство русским управлением, допустившем такое падение нравственности»[1056]. Сенатор-ревизор Туркестанского края в 1908-1909 гг. К.К. Пален указывал, что Россия привнесла «в среду среднеазиатских народностей массу отрицательных сторон»[1057]. Справедливость такого рода мнений трудно отрицать. Однако явление было парадоксальным – гуманная российская цивилизация,

---

[1053] Ефремов Ф. Девятилетнее странствование. М., 1952. С. 33-34.
[1054] См: Вамбери Арминий. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году. СПб., 1865.
[1055] Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь // Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. М., 2004. С. 72.
[1056] Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917. (по архивным материалам). Елец: ЕГПИ, 1998. С. 217.
[1057] Пален. Записка об исламе // РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 361. Л. 51.

раскрепостившая мусульман Средней Азии от наказания за несоблюдение жестоких шариатских установлений, тем самым порождала падение нравственности известной части мусульманского социума Русского Туркестана. Военный губернатор Сыр-дарьинской области, генерал-лейтенант А.С. Галкин писал: «Религиозный, честный и трудолюбивый туземец продолжает оставаться вполне надежным и лояльным русским подданным, но, приобщаясь постепенно к русской культуре, туземное население, к сожалению, оказывается мало гарантированным своими верованиями и культурностью от влияния ее отрицательных сторон. С каждым годом все более и более распространяется среди молодого поколения туземного населения наклонность к потреблению крепких напитков и замечается среди него упадок нравственности, которые влекут за собой и увеличение преступности»[1058]. Это может показаться странным, когда, пусть даже ограниченный гуманизм царской российской цивилизации, порождал в мусульманском социуме Средней Азии негативные нравственные проявления. Но это был объективный процесс, в чем трудно усомниться. Безусловно, сами мусульманские «грешники» прекрасно сознавали то, что Россия освободила их от лживой морали и предоставила им право нравственного выбора, но от этого они не любили ее больше, чем все другие их единоверцы. В годы русско-турецкой войны мусульманство Средней Азии, естественно, включая ханства, было на стороне Османской империи, хотя «туземные» администраторы и духовенство распинались в преданности «Государю Императору». Во время тайных сборов средств в фонд вооружения Турции оно охотно жертвовало деньги султану – «халифу всех правоверных». И так было в последующем. Например, 9 января 1913 г. начальник Туркестанского Районного охранного отделения, подполковник Сизых писал в рапорте директору Департамента полиции МВД о том, что мусульманское население Туркестанского края стоит на стороне Турции и

[1058] РГВИА. Ф. 400. Оп.1. Д. 4365 – Всеподданнейший» отчет военного губернатора Сыр-дарьинской области за 1913 год. Л.12.

противников славянских государств в Балканской войне, о чем свидетельствуют многие агентурные сведения[1059]. В годы первой мировой войны такая ориентация мусульман Средней Азии сохранилась, причем, даже среди кочевников. Так, 27 октября 1914 г. секретный сотрудник Верненского розыскного пункта Департамента полиции МВД доносил в о том, что «среди киргизов есть симпатии к Турции, которые подогревают татары, и они ждут, что Германия и Турция победят Россию в войне»[1060].

Зарубежные исследователи А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькаже писали о том, что в России «в итоге всех обстоятельств, два сообщества – русские и мусульмане – жили бок о бок друг с другом в течение веков без смешения и без подлинных попыток достичь друг друга»[1061]. Вместе с тем, они не отрицали определенного российского цивилизационного влияния на исламскую «умму» в Российской империи. Известный исламовед и общественный деятель Туркестана Н.П. Остроумов писал: «Русское управление сартами неизбежно вывело их на новый государственный путь, на путь преобразования их жизни, которое совершается естественно, без принудительных мер»[1062]. Однако, как отмечает современный узбекистанский исследователь С.А. Асанова, он сомневался в успешной результативности цивилизационного влияния России на «туземное» население Средней Азии[1063]. Иной точки зрения придерживался академик В.В. Бартольд. Он писал Н.П. Остроумову о том, что «сближение русских с мусульманами и совместная работа…отнюдь не невозможна. Конечно, было бы наивно верить, что мусульмане пойдут рука об руку с русскими, во что бы то ни стало, и будут поддерживать империю даже в том случае, если ей будет грозить опасность распадения. Надо позаботиться о том, чтобы такой

[1059] ГАРФ. Ф.102, ДП.ОО, 1913, Д.74, ч.84. Л. 7-7 об.
[1060] ГАРФ. Ф.102. ДП.ОО. 1914. Д.74. ч. 84, литера. б. Л. 33 об.
[1061] Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay C. Islam in the Soviet Union. London, 1967. P. 18.
[1062] Остроумов Н.П. Сарты. Этнографические материалы.Т. 1. Ташкент, 1890. С. 132.
[1063] Асанова С.А. Николай Остроумов: «навстречу» казии // Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сб. материалов. Ташкент: издание Среднеазиатской епархии, 2008. С. 57-62.

опасности не было»[1064]. И он был, на наш взгляд, прав, так как коренные жители советской Средней Азии в целом были против распада СССР и многие из них и сегодня сожалеют по этому поводу. А сотни тысяч людей из «титульных» этносов государств «Центральной Азии» уже обосновались в России и не меньшее число из указанной среды упорно добиваются гражданства бывшей «метрополии». Есть основания утверждать, что это является отчасти следствием и той цивилизационной политики, которую осуществляло царское правительство в Средней Азии исследуемого периода.

Как отмечалось, изучая проблемы цивилизационной политики царской России в Средней Азии, мы были далеки от мысли о том, что она носила односторонний характер, что только русские переселенцы влияли на многотысячелетнюю цивилизацию коренных народов региона. Напротив, мы полагаем, что в основе процесса лежало межцивилизационное взаимодействие пришлых этносов с «туземными» жителями. То есть имеется возможность говорить о «возвратном» влиянии цивилизации народов Средней Азии на культурно-хозяйственную и духовную жизнь переселившихся в регион русских, украинцев, белорусов, татар, евреев и др. А оно было тоже немалым. Известно, что фактически все переселенцы в Русский Туркестан были выходцами из регионов неполивного земледелия. В Средней Азии им необходимо было менять привычный для них тип культурно-хозяйственной жизни, так как она была основой их существования. Поэтому самым существенным звеном цивилизаторского влияния коренных жителей на переселенцев было приучение их к поливному земледелию. Неудивительно, что неизвестный автор статьи для потенциальных переселенцев в Среднюю Азию, опубликованной в 1880 г. в журнале «Родина», почти всю ее посвятил проблемам ирригации в регионе[1065]. Он заключал: «Я потому так много говорю об орошении, что это самый тяжелый, самый несвойственный, непривычный труд, который

[1064] Цит. по: Флыгин Ю.С. Знаток Востока. Жизненный путь и научная деятельность академика Василия Владимировича Бартольда. Ташкент, 2016. С. 44.
[1065] Родина. 1880. № 3. С. 148-161.

необходимо должен выпасть на долю русского переселенца в Среднюю Азию»[1066]. Несмотря на все трудности, он был успешно освоен мигрантами. Касаясь вопроса о «возвратном» цивилизационном влиянии «туземного» населения на переселенцев, авторитетные специалисты пишут: «Русские крестьяне перенимали трудовой опыт и навыки у местного населения: освоили арычную систему орошения, переняли приемы возведения построек и типы жилищ, приспособленные к местным климатическим условиям (в частности, каркасные постройки). Рис, хлопок, джугара были новыми сельскохозяйственными культурами для русских переселенцев»[1067]. Влияние новых условий хозяйствования русских людей в Средней Азии имело более глубокие основания. Они меняли облик традиционной российской сельскохозяйственной цивилизации, основанной на неполивном земледелии. Ирригационные традиции аграрной культуры коренного населения Средней Азии учитывались правительством при переселении русских крестьян и мещан в Русский Туркестан. Начальник Главного управления землеустройства и земледелия Туркестанского края писал туркестанскому генерал-губернатору в докладе «К вопросу о колонизации Туркестанского края» от 15 сентября 1905 г.: «Туркестанское хозяйство, требующее искусственного снабжения почвы влагой, - орошения, а отсюда и особых приемов, большого количества работ по проведению работ и поддержанию в порядке сети ирригации в пределах собственного хозяйства и на магистрали, не может мириться с общинным землевладением, не представляющим ровно никаких удобств для исполнения вышеперечисленных работ, без которых, однако, хозяйство обойтись не может»[1068]. Он приходил к выводу: «Несомненно, что наиболее подходящей формой землепользования в Туркестане является подворно-участковая»[1069]. Автор очерка о поземельном устройстве в Туркестанском крае писал о том, что «существование рядом с

[1066] Репортер-Бишкек. № 11 (57). 10 апреля 2009. С. 12.
[1067] История таджикского народа. Т. II. М., 1964. С. 167.
[1068] ЦГА РУ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5020 – По устройству переселенцев в Туркестанском крае. Л. 43 об.
[1069] Там же. Л. 44.

общинным землевладением частного не только полезно, но и необходимо, ибо только для частных собственников легки и удобны опыты совершенствования систем земледелия»[1070]. Таким образом, традиционная сельскохозяйственная цивилизация коренного населения Средней Азии влияла как на переселенческую политику царизма, так и на производительные силы российских мигрантов. Выше отмечалось, что русские переселенцы охотно восприняли новые для них туркестанские сельскохозяйственные культуры. Общаясь с коренным населением, они усваивали «туземные» наречия, типы жилья, виды питания, одежды, обуви и др., приспособленные к местным природно-климатическим условиям. В «коренных» областях Туркестанского края и в Закаспийской области, где было мало лесоматериалов, переселенцы переходили к строительству жилищ, хозяйственных построек и т.п. из самана – высушенного глиняного кирпича. Переселенцы посещали праздничные мероприятия коренного населения, спортивные состязания (скачки, борьбу, игры и т.п.), охоту и др. Безусловно, в цивилизационном отношении это было немаловажно, но оно не было столь существенным, по сравнению с культурно-религиозным влиянием «туземцев» на их жизнь. Одним из первых переселенцы усвоили «выгодный» мусульманский обычай уплаты калыма. Явление получило столь широкое распространение, что российская газета «Восточное обозрение» в 1887 г. отозвалась на него специальной статьей «Калым у русских в Средней Азии», в которой указывала, что «цена» невесты среди православных в Туркестане составляла от 100 до 150 руб. «Старый туркестанец» П. Шрейтер пояснял: «Калым начинает входить в нравы и обычаи наших русских поселенцев. Разница только между последними и киргизами в том, что аборигены в случае «неустойки» калым вернут полюбовной сделкой, а русские... наполнят камеры уездных судей всевозможными кляузами. В ряде мест православные переселенцы обращались за лечением к мусульманским

[1070] ЦГА РУ. Ф. 1008. Оп. 1. Д. 83 – Очерк поземельного устройства в Семиреченской области. Л. 46-46 об.

муллам-знахарям, получая от них в качестве «лекарства» бумажки с выписками из Корана, либо заучивая наизусть непонятные заклинания из него. При этом многие верили в «чудодейственную» силу мусульманского лечения»[1071]. П.П. Литвинов пишет о том, что «такое «ползучее» разложение конфессионального сознания православных было достаточно широко распространено, однако на него не обращали серьезного внимания, поскольку оно не вело к открытому «отпадению» от веры. Некоторые усматривали в нем следствие естественного, невинного межэтнического сотрудничества»[1072]. Кстати, в своих книгах этот ученый уделил серьезное внимание переходу христиан Русского Туркестана в ислам и приводил многие примеры их религиозного «предательства» в регионе[1073]. В 1999 г. он опубликовал специальную статью: «От Христа к Магомету: религиозное ренегатство в Средней Азии (конец XIX – начало XX в.) (По архивным материалам)[1074]. В ней приводились примеры религиозной измены православных в регионе. Однако автор не усматривал в них большой опасности для российской цивилизации в Средней Азии. По его мнению, «из всех довольно многочисленных случаев перехода христиан в ислам в Туркестане, ни один не был связан с глубокой внутренней убежденностью христианина-ренегата в том, что он переходит в веру, которая, по своим религиозным ценностям является более возвышенной, нежели учение Христа, и превосходит последнее своим гуманизмом, справедливостью, милосердием и т.п.»[1075]. П.П. Литвинов относил к причинам перехода российских переселенцев в ислам их тяжелое материальное положение, которое мусульмане помогали улучшить, атеизацию религиозного сознания,

---

[1071] Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). Елец: ЕГПИ, 1996. С. 128.
[1072] Там же.
[1073] Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). Елец: ЕГПИ, 1996. С. 129-130; его же: Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917. (По архивным материалам). Елец: ЕГПИ, 1998. С. 227-241.
[1074] Литвинов П.П. От Христа к Магомету: религиозное ренегатство в Средней Азии (конец XIX – начало XX в.) (По архивным материалам) // Собор. Альманах по религиоведению. Вып. 1. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 1999. С. 131-151.
[1075] Там же. С. 150.

одинокую жизнь христиан среди приверженцев веры Пророка, а также чувственные эмоции, которыми объяснялось большинство женских переходов в мусульманство. Туркестанский епископ Дмитрий (Абашидзе) в марте 1910 г. писал туркестанскому генерал-губернатору А.В. Самсонову о том, что он получает «донесения о случаях совращения православных в мусульманство... Чаще всего мусульманство привлекает к себе сердца наших новосёлов-переселенцев... На почве материальной необеспеченности и земельного неустройства новоселов [и] основываются... факты отступничества... Наконец, встречаются ещё более печальные и возмутительные случаи, когда родители, русские крестьяне, дойдя до полного отчаяния...вследствие полной материальной необеспеченности и в более редких случаях побуждаемые собственной безнравственностью, сознательно продают богатым киргизам... своих часто несовершеннолетних дочерей...В отношении же лиц, как мусульман, так и православных, обнаруживаемых в случаях вышеописанных и подобных им в качестве виновников, необходимы самые решительные меры вразумления, до привлечения к судебной ответственности включительно».[1076] Копия этого письма была направлена архиереем и военному губернатору Семиреченской области, генералу М.А. Фольбауму. Самсонов отреагировал тем, что направил копию письма архиерея руководителям всех других областей Туркестанского генерал-губернаторства, предписав им усилить контроль за жизнью русского населения и пресекать случаи религиозного ренегатства.

Современный узбекистанский историк Ю.С. Флыгин пишет о том, что «так называемые «православные», не только утратившие прочную связь (а, может, и не имевшие её) с верой своих отцов, но и потерявшие ощущение национальной идентичности и чувство собственного достоинства, изменяли православию не по каким-либо осознанным идейным соображениям (что ещё можно было бы понять), а буквально ради миски чечевичной похлебки.

[1076] Цит. по: Флыгин Ю.С. Власть и ислам в Туркестане. К вопросу о конфессиональной политике в Туркестанском крае (1867-1917) // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. 27 ноября 2008 г., Ташкент. Сборник материалов. Ташкент, 2010, С. 20.

Справедливости ради надо сказать, что такие случаи были единичными, за исключением, пожалуй, Семиреченской области»[1077].

Содержание данного параграфа диссертационной работы свидетельствует о том, что цивилизационная политика царизма в Средней Азии избегала христианского миссионерства и русификации её коренного населения. Колонизация региона в основном осуществлялась российскими крестьянами-переселенцами, которые привнесли в аграрную цивилизацию «туземных» жителей – кочевых и оседлых много полезных новаций. Кроме того, они получили широкое распространение и в быту коренного населения. С целью усиления цивилизационного влияния на последнее, российское правительство заботилось о качественном составе переселенцев, который часто был неудовлетворительным с точки зрения решения этой задачи. Поэтому к переселению в Среднюю Азию допускались представители старообрядчества и «рационалистических» сект, оказавшиеся более успешными «цивилизаторами», нежели православные мигранты. Освободив людей от строгого соблюдения шариатских установлений, российская цивилизация обнаружила в жизни «туземного» населения немало негативных черт, которые втуне вызревали еще до присоединения Средней Азии к империи, что порождало недовольство многих мусульман русской властью и сдерживало процесс межцивилизационного взаимодействия в регионе. Вместе с тем, он не был односторонним. Коренное население Туркестана оказывало цивилизационное влияние на жизнь переселенцев и в хозяйственном и в бытовом отношении. Оно нашло выражение в переходе российских мигрантов в ислам, что, однако, было относительно незначительным явлением на фоне российского переселенческого контингента. В целом, есть основания утверждать о том, что, при всех своих издержках, процесс межцивилизационного взаимодействия пришлого и коренного населения Средней Азии был конструктивным и приносил обоим

[1077] Флыгин Ю.С. Власть и ислам в Туркестане. К вопросу о конфессиональной политике в Туркестанском крае (1867-1917) // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. 27 ноября 2008 г. Ташкент. Сборник материалов. Ташкент, 2010. С. 20.

значительную пользу, которая была позже укреплена при советской власти.

Выводы по главе. Процесс переселения россиян в Среднюю Азию сыграл существенную роль в истории региона. Нормативно-правовое регулирование переселения в регион началось еще до включения его в состав Российской империи. С образованием Туркестанского генерал-губернаторства (края) и учреждением Семиреченского казачьего войска Среднюю Азию стали заселять сибирские казаки. Они оказались неудачным в цивилизационном отношении колонизационным элементом. Поэтому царские власти стремились заселять регион крестьянами из внутренней России и Сибири. Кроме того, в Средней Азии, используя законные возможности, оставались многие низшие чины Туркестанского военного округа, увольнявшиеся в запас или отставку. В течение почти четверти века переселение в Русский Туркестан было периодическим и осуществлялось посредством издания отдельных правовых актов, испрашиваемых у правительства военным министерством, которому подчинялся регион. Таким образом, миграции русских людей в Среднюю Азию не имели единой законодательной основы. Только в 1889 г. был принят закон, разрешавший свободное переселение в Семиреченскую область. Мигранты получали земельные наделы и льготы по налоговым платежам и отбыванию воинской повинности. Переселение в «коренные» области Туркестанского края (Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую), а также в Закаспийскую область по-прежнему осуществлялось на основании соответствующих представлений военного министерства, получавших законодательное утверждение в установленном порядке. Неожиданный прорыв в переселении россиян в эти «заповедные» области Русского Туркестана случился во время голода 1891-1892 гг., когда люди в поисках спасения устремились в сытую, как им казалось, Среднюю Азию. Туркестанская администрация, вопреки правительственным запретам, отнеслась к ним гуманно и расселила несчастных мигрантов в разных частях региона. Число русских людей в них резко увеличилось, однако, большинство христианского населения вплоть до

1917 г. проживало все-таки в Семиреченской области. В конце XIX в. царское правительство, обеспокоенное обезземеливанием крестьянства во внутренних регионах России, стало рассматривать Среднюю Азию как территорию возможного массового переселения русских людей на эту окраину страны. Был разработан соответствующий законопроект, утвержденный царем в 1903 г. Закон о правилах переселения крестьян и мещан в «коренные» области Туркестанского края вызвал прилив мигрантов из внутренней России, хотя он ограничивал их конфессиональный состав христианами и адептами разрешенных сект, что отвечало интересам «господствовавшей» в империи Русской Православной Церкви. Закон 1903 г. предоставлял всем переселенцам земельные наделы и льготы по платежам податей и отбыванию воинской повинности. В 1904 г. был утвержден новый переселенческий закон, рассчитанный на имперские окраины. Он распространялся и на Туркестанский край, в связи с чем установления этого закона не противоречили правовому акту 1903 г. о переселении русских людей на его территорию, в том числе в части их конфессиональной (но христианской) принадлежности.

Согласно царскому законодательству, переселенческим процессом в Российской империи руководило министерство внутренних дел через Переселенческое управление, которое позже было передано в ведение Главного управления землеустройства и земледелия. В начале XX в. оно инициировало появление законодательных актов об организации переселенческого дела в Русском Туркестане, в частности, о работе землеустроительных отрядов и партий в этом регионе, особенно в Семиреченской области. Вместе с тем, в этом деле существенную роль играло военное министерство как «хозяин» всего Русского Туркестана. Поэтому подзаконные акты (приказы, циркуляры, распоряжения и т.п.) туркестанской администрации – краевой и областной были весьма значимыми в осуществлении переселенческого процесса.

Стимулирующим фактором переселения русских людей в Среднюю

Азию стала аграрная политика П.А. Столыпина. Стараясь ослабить русскую общину по ноябрьскому 1906 г. закону, он старался отлить как можно больше недовольных крестьян на российские окраины – преимущественно в Сибирь и Туркестан. Однако «столыпинское переселение» не было детально обеспечено законодательным образом. Царские законы не учитывали реалии в целостном выражении, в связи с чем возникало множество проблем в отношениях с коренным населением Средней Азии.

Военное министерство старалось поощрять переселение русских людей в Среднюю Азию в надежде создать здесь надежную опору власти перед лицом многомиллионного регионального мусульманства, часть которого относилась негативно к российскому присутствию. Понимая цивилизационное значение переселенческого процесса, туркестанская администрация интересовалась конфессиональным составом мигрантов из России. Ее не удовлетворяло как цивилизационное поведение семиреченских казаков по отношению к коренному населению, так и соответствующие действия православных крестьян-переселенцев, о чем она заявляла в правительство. Туркестанские власти отдавали предпочтение расселению старообрядцев и сектантов, рассматривая их как более успешный колонизационный элемент в экономическом и нравственном отношении. Они осознавали, что конфессиональное разнообразие усиливает цивилизационное значение переселенческого процесса, придает ему более качественное содержание. Представлялось очевидным, что он привносит в Среднюю Азию многие цивилизационные новации в деле более прогрессивной обработки земли, применения совершенных орудий труда, распространения неведомых ранее коренным жителям региона сельскохозяйственных культур, удобрений, семенной и животноводческой селекции и т.п.

Важнейшей проблемой переселенческого процесса в Средней Азии была аграрная. В регионе была острая нехватка свободных земель в «коренных» и Закаспийской областях, в связи с чем здесь образовывалось меньше русских переселенческих поселков. Однако и земельные ресурсы

Семиреченской области вскоре были тоже исчерпаны. Изъятие для мигрантов земель коренного, особенно, кочевого населения вызывало острое недовольство «туземцев», что снижало уровень позитивного межцивилизационного воздействия между пришлыми и местными жителями. В 1916 г. просчеты цивилизационной политики царизма в Средней Азии привели к мощному мусульманскому восстанию в регионе.

Распространение российской цивилизации в Туркестане, установившее свободу конфессионального поведения, негативно повлияло на традиционное мусульманское мировоззрение, так как оно вскрыло существовавшие ранее латентно пороки в исламском социуме региона. Это тоже обостряло отношение мусульманства к русской власти. Однако его не следует отождествлять с сопротивлением цивилизаторским устремлениям России в Средней Азии. Большинство мусульман понимало их значение и относилось к ним прагматично. Оно охотно усваивало достижения российской цивилизации, но не любило царскую власть в такой же мере, как и большинство населения империи, особенно, после революции 1905-1907 гг.

Представляется очевидным, что процесс межцивилизационного взаимодействия в Средней Азии исследуемого периода был многосторонним и неоднозначным. «Туземное» население региона оказывало существенное цивилизационное влияние на российских переселенцев, которые усваивали многие элементы традиционной общей культуры жителей Русского Туркестана. Более того, жизнь мусульманского социума казалась выгодной и привлекательной для некоторой части русских переселенцев, которые совершали религиозное ренегатство – переходили в ислам. Однако в цивилизационном отношении оно было лишено прочных внутренних убеждений и являлось только исключением, а не правилом.

Несмотря на все вышеприведенные обстоятельства, массовое переселение русских людей в Среднюю Азию стало мощным ретранслятором новой цивилизации, оказавшей серьезное воздействие на коренное население региона. Оно способствовало модернизации всех сфер жизни коренного

населения Туркестана. Есть основания полагать, что процесс межцивилизационного взаимодействия пришлого и коренного населения Русского Туркестана был конструктивным и приносил обеим его сторонам значительную пользу, которая была позже укреплена при советской власти.

Заключение

Сегодняшний рост политической и военной мощи России вызывает недовольство Запада и его сателлитов, старающихся наращивать в своих корыстных целях русофобские настроения в мире. Апологеты западной политики извращают историческое прошлое России, пытаются изобразить ее носителем агрессии в отношении не только сопредельных стран, но и всего человечества. Соответственно, извращается цивилизационная роль России в общественно-историческом развитии. Народы Средней Азии не стали исключением в этом отношении. Присоединение региона к России изображается как аннексия, якобы грубо поправшая права и интересы ее коренного населения. Такие псевдоисторические интерпретации должны получать отпор на строго научном уровне, лишенном каких-либо пропагандистских толкований. Представляется очевидным, что приход России в Среднюю Азию был вызван не только экономическими, политическими и иными обстоятельствами, но и ее стремлением освободить номадов региона от кокандского ига. Дореволюционные российские авторы отмечали, что «относительно этих (среднеазиатских – И.В.) стран России предназначена историческими судьбами первенствующая роль в деле водворения цивилизации и гражданственности».Поэтому основная концепция диссертационного исследования заключалась в том, чтобы обосновать историческое значение цивилизационной политики царской России в Средней Азии в деле трансформации ведущих сфер жизнедеятельности коренного населения региона, приобщении его к процессу капиталистической модернизации самой царистской империи.

С целью выяснения цивилизационной роли России в жизни народов дореволюционной Средней Азии к исследованию была привлечена обширная литература и оригинальные источники. Они были изучены и обработаны на

основе профессиональной методологии, сформированной на принципах всеобщего диалектического подхода к анализу общественно-исторических событий и явлений с применением общенаучных и частных методов, и подходов. Приведенный в диссертации историографический обзор показывает, что в целом подавляющее большинство отечественных и значительная часть зарубежных авторов признает позитивный характер цивилизационной роли царской России в Средней Азии. Выдающийся российский военный и общественный деятель А.Н. Куропаткин писал о том, что в Туркестане «наша власть дала стране мир, уничтожила рабство, прекратила междоусобия, дала возможность движению мирных караванов и отдельных лиц без оружия там, где тридцать лет тому назад караваны конвоировались несколькими стами человек с артиллерией». Исследователь Н.И. Балашев писал о том, что «с появлением в крае русских, жизнь здесь значительно изменилась: появились железные дороги, возникли новые отрасли промышленности, которых здесь раньше не существовало, оживилась торговля. А главное, через посредство русских в Туркестан стала проникать западноевропейская культура, и коренное население стало мало-помалу знакомиться с европейской наукой, литературой, техникой, с европейскими государственными и общественными учреждениями и т.п.». Современные авторы пишут: «Вхождение (присоединение) Средней Азии в состав Российской империи объективно оказало прогрессивное воздействие на её развитие, дало объективный импульс для социально-экономического и культурного развития всего региона. Со второй половины XIX века прекратились разорительные феодальные войны, постепенно сокращались кровавые междоусобицы, была в основном ликвидирована работорговля (вначале в Туркестане, а после установления протектората России над Хивинским ханством и во всем регионе), уменьшился и был регламентирован налоговый гнет. Объективно создавались более благоприятные возможности для развития народного хозяйства, которое втягивалось в сферу российской капиталистической экономики. Получили развитие хлопководство, виноградарство, садоводство, бахчеводство.

Развивалась хлопчатобумажная промышленность. Начала развиваться внешняя торговля. Однако, практически до конца XIX века Средняя Азия оставалась для России *дотационной территорией*: на территорию Средней Азии ежегодно вывозилось промышленных товаров и металла на сумму 15 млн. руб., а ввозилось сырья – на сумму 10 млн. руб.» (Курс. авт. – И.В.). Исследователь Д. Малышева считает: «Включение в состав империи кочевых и отсталых народов Средней Азии - при всех издержках, сопровождавших этот процесс, – стало своеобразной формой приобщения народов этой части Востока к русской и западной культурам». Современный среднеазиатский ученый С.Г. Курбанов признает, что «присоединение Средней Азиик России сыграло прогрессивную роль. В Средней Азии прекратились междоусобные феодальные войны, работорговля. Интенсивнее стала развиваться ее культура. Начали крепнуть капиталистические отношения. Здесь строились заводы, фабрики, железные дороги, телеграф и типографии; открыты театры, музеи, выставки, библиотеки, медицинские учреждения; в Ташкенте появились газетные издательства, школы европейского образца, учительская семинария, русско-туземные школы. В Среднюю Азию стали проникать прогрессивная культура и общественно-политическая мысль русского народа». Позитивную роль России в Средней Азии признавали К. Маркс и Ф. Энгельс. Англичанин Е. Белью отмечал, что Россия «приносит им (народам Средней Азии – И.В.) блага цивилизации… и, подобно нам, имеет целью благосостояние, спокойствие и свободу своих подданных». Кыргызстанский историк О.Дж. Осмонов пишет: «Войдя в подданство Российской империи, кыргызский народ через посредство русского и других народов, подвластных России, получил возможность приобщиться и к европейским передовым достижениям культуры. На новом уровне стала развиваться национальная письменность Кыргызстана. Несмотря на известный шовинистический настрой колониальных властей, начала проводиться реформа образования и здравоохранения. Получила развитие сеть светских и религиозных учебных заведений и культурно-просветительных учреждений. Начали издаваться учебники и первые научные труды, художественные

произведения на кыргызском языке». Источники также свидетельствуют о позитивной цивилизационной роли России в Средней Азии. Особенно значимыми в этом отношении представились законодательные акты, которые выражали действительную волю государства и потому их можно считать неоспоримыми. Архивные и иные источники сыграли важную, однако, все-таки вспомогательную роль в раскрытии темы исследования. Применение данных историографии и источников позволило решить основные задачи диссертационного исследования и достичь поставленных целей.

Исходя из своих военно-стратегических интересов, царское правительство сохранило в Туркестане модель административного управления, уже отжившей в самой России в связи с прогрессивными реформами в стране, обеспечивавшими ее капиталистическую модернизацию. По мнению автора, никакая иная система управления в Русском Туркестане не дала бы больше результатов. Поэтому можно считать «военно-народное управление» в регионе единственно возможным выходом из ситуации, в которой стратегические интересы России требовали нестандартных (пусть даже и консервативных) решений. Такого рода административная модель строилась на «нераздельности» военной и гражданской власти в руках представителей высшей царской администрации, представляя собой ее диалог с коренным населением региона, которому были предоставлены права выборного самоуправления и народного суда. Утверждение русской власти в Средней Азии вызвало неоднозначную реакцию среди «туземного» населения, однако оно относительно мирно признало ее. Сенатор-ревизор Туркестанского края Ф.К. Гирс писал: «Вообще, нельзя не заметить, что население Туркестанского края далеко не так неприязненно относится к русской власти, как мусульманские народности, проживающие в других частях Империи». «Старый туркестанец» Г.П. Федоров отмечал: «Русские азиаты, избавленные от прежнего режима своих деспотов, резавших носы и уши, сбрасывавших с минарета, отдававших искалеченных пытками преступников на съедение собакам – не могли не оценить новый режим русских властей, обеспечивающих

личность и имущество каждого, не только не выжимающий соки у населения, но щедро дающий, часто в ущерб русским интересам, крупные суммы на развитие и усовершенствование местной производительности». Особенно положительно относилось к русской власти кочевое население Средней Азии. Например, кыргызы Ферганской области во время русско-японской войны 1904-1905 гг. собирали пожертвования в фонд победы русского оружия скотом и деньгами. Знаменитая «царица Алая» Курбанджан-датха внесла в него 100 руб. Более того, кочевники Семиреченской области изъявили желание добровольно вступить в ряды российской армии и отправиться на войну с Японией. Такого рода настроения проявились у них и в начале первой мировой войны. В конце октября 1914 г. газета «Семиреченские областные ведомости» сообщала о желании 20 кочевников Пишпекского уезда добровольно поступить в действующую армию, причем, со своими лошадьми. Примеров положительного отношения «туземного» населения Средней Азии к русской власти, понятно, было много больше. Естественно, что в ином случае эта власть не смогла бы удержаться в регионе, где она опиралась только на воинский контингент, составлявший около 20 тыс. чел. несмотря на то, что большую роль в обеспечении интересов Российского государства в Туркестане сыграли специальные службы – политический сыск, полиция, военная разведка и контрразведка. Их деятельность мало касалась повседневной жизни коренного населения, но она играла исключительно важную «охранительную» роль. Таким образом, «военно-народное управление» в Русском Туркестане в целом оправдало себя, обеспечив стабильную и мирную ситуацию в Средней Азии.

Важным направлением трансформационной политики Царской России в Туркестане было экономическое развитие региона. Торгово-экономические контакты России со Средней Азии сложились задолго до ее присоединения к царской империи. Они были взаимовыгодными и, в отличие от западных колониальных империй, развивались на географически едином (евразийском) пространстве. Включение Средней Азии в орбиту российских экономических отношений способствовало усилению торговых связей региона с различными

частями царистской империи. Оно способствовало включению его в процесс капиталистической модернизации России, вызвавшей значительные сдвиги в хозяйственном развитии местного населения как кочевого, так и оседлого. Появились зачатки капиталистической промышленности – горнорудной, нефтяной, каменноугольной, хлопкоочистительной, маслобойной и др. Экономическому развитию Средней Азии особенно способствовали две региональные железные дороги. Значительные импульсы ему придавала деятельность многочисленных акционерных обществ. Развитие сельского хозяйства проходило медленно по причине применения традиционных отсталых и консервативных методов агротехники. Вместе с тем, присоединение к России стимулировало развитие товарного хлопководства, шелководства, зерноводства, скотоводства, огородничества и др. Российское государство сыграло большую роль в развитии и совершенствовании ирригации в Средней Азии, сооружении новых оросительных систем. Его позитивное значение в экономическом развитии региона признавали даже такие противники России в Центральной Азии, как англичане. Важно подчеркнуть, что все правительственные действия в экономической сфере региона строго соответствовали законодательным актам царской власти.

Несмотря на указанные обстоятельства, постсоветские казахские исследователи Е.М. Абенов, Е.М. Арынов и И.Н. Тасмагамбетов «искренне» полагают, что «присоединение Средней Азии и Казахстана к России не привело к модернизации местной экономики». Эта точка зрения опровергается объективными историками стран региона. Современные кыргызстанские историки пишут о том, что после присоединения к России «со временем сказывались влияние российской экономики… появилось племенное животноводство, пчеловодство, садоводство, началось развитие ремесленного производства, зарождалась обрабатывающая, угольная и нефтяная промышленность».

Приведенные в диссертации факты свидетельствуют о том, что социальная политика российского правительства в Туркестане была

проникнута действительно гуманистическим смыслом. Русская власть впервые в истории региона образовала здесь достаточно развитую и действующую систему государственного здравоохранения. На помощь местному населению, веками страдавшему от разного рода заболеваний, пришла квалифицированная профессиональная медицина. Безусловно, вначале коренные жители относились к ней с недоверием и даже восставали против объективно необходимых медицинских мероприятий русской власти, как это было, например, в период «холерного» бунта в Ташкенте летом 1892 года. Однако со временем именно русская медицина вызывала наиболее очевидные позитивы в их отношении к русской власти. Благодаря ей в Средней Азии уменьшилось число жертв губительных эпидемий. Так, в результате правительственной кампании по оспопрививанию была во многом преодолена эпидемия, приводившая к тяжелым последствиям, в частности, нередко к слепоте. В отличие от отсутствовавшей системы здравоохранения, в дороссийском Туркестане функционировала развитая сеть учреждений народного образования. Оно было исключительно религиозным. Светских учебных заведений в регионе до его присоединения к России никогда не было. Царское правительство полностью сохранило традиционный уклад мусульманской школы и не вмешивалось в ее внутренние дела. Оно пыталось привлекать «туземную» молодежь к обучению в российских школах, училищах и гимназиях. Попытки распространения смешанного – русско-туземного образования приносили ограниченные результаты, однако и они стали известным достижением в цивилизационной политике царизма в Средней Азии. Русские власти, поддерживая традиционную, консервативную «кадимистскую» мусульманскую школу, тем не менее, не запрещали функционирование «новометодных» училищ в крае, осуждаемых исламским духовенством, хотя установили над ними контроль и надзор. Можно утверждать, что в целом образовательная политика правительства носила позитивный характер, так как, сохраняя традиции, она приобщала местное население к новым формам жизни, открывала перед ними более широкие перспективы приобщения к передовой

культуре и цивилизации.

Важнейшую роль в цивилизационном преобразовании Средней Азии сыграла переселенческая политика царской России, содействовавшая экономическому и социокультурному взаимодействию и сближению «пришлого» и коренного населения региона. Она обеспечивалась законодательным образом. Но ее нормативно-правовое регулирование не могло пресечь произвольных миграций из России, привносивших на территорию Русского Туркестана много сомнительного колонизационного элемента. Это был сложный и противоречивый процесс. Переселенцы привнесли в жизнь «туземцев» много нового и полезного, однако одновременно они распространили в их среде и вредные привычки – алкоголь, табакокурение, сквернословие и т.п. Возвратное цивилизационное влияние коренного населения на переселенцев было таким же. С одной стороны, мигранты усвоили от него многое – новые сельскохозяйственные культуры, породы скота, типы жилья, одежды, обуви и проч., с другой – употребление опиума, гашиша (анаши), бузы, калымные традиции и др. Некоторые переселенцы из корыстных целей принимали ислам. Однако главная напряженность в отношениях между пришлым и коренным населением заключалась в земельной проблеме. Произвольные изъятия земель у местного населения в пользу переселенцев порождали антирусские настроения, что отрицательно сказывалось на цивилизационной политике царской власти в Туркестане. Именно она была повинна во вспыхнувшем в 1916 г. восстании коренного населения против русских, имевшем трагические последствия не только для местных жителей региона, но и для всего царистского режима в целом. Поэтому нет оснований преувеличивать цивилизационные достижения царской России в Средней Азии. Вместе с тем, их нельзя и преуменьшать, так как они носили глубоко структурный характер, обеспечивая общую модернизацию жизни коренного населения региона, сближая его с государственной цивилизацией империи.

Советская историография справедливо критиковала царизм за волюнтаристский характер переселенческой политики в Средней Азии,

пренебрежение к жизненным интересам коренного населения, произвольное изъятие у него земель и т.п. Можно признать, что в этом отношении правы и «центральноазиатские» историки, попрекающие царское правительство в его несправедливых акциях в Туркестане. Действительно, гуманистическое значение переселения как канала цивилизационного влияния во многом снижалось за счет необдуманных мероприятий царского правительства на этом направлении. Однако указанные специалисты неправы в том, что они относят все недостатки царизма к русскому народу, который сам оказался заложником бездумной политики самодержавия. Изымая земли местного населения для устройства переселенцев, царизм объективно ухудшал его отношение к России и русскому народу. Страдало материальное благосостояние коренного населения. В итоге переселенческая политика царизма привела к восстанию 1916 г. в Туркестане, имевшему трагические последствия и приблизившему крах всей царистской системы. Вместе с тем, переселение россиян в Среднюю Азию в целом имело положительный смысл и важное историческое значение, изменив характер этноконфессиональных и иных взаимоотношений в этом регионе. Был заложен фундамент интернационального сотрудничества в Туркестане, который позже упрочился при советской власти. Он дает о себе знать в настоящее время, поскольку положение русскоязычного населения в странах «Центральной Азии» можно считать в целом удовлетворительным. Это, в частности, подтверждается во время празднования Дня Победы в государствах Средней Азии.

Видный дореволюционный востоковед Н. Веселовский писал: «Нам нет надобности оправдываться перед кем-либо в наших действиях в Средней Азии и оправдываться мы ни в коем случае не будем, но всегда можем с гордостью указать на то, что происходило в Средней Азии до нас, и что стало теперь». Эти слова и сегодня звучат актуально.

В мировой истории цивилизационная значимость метрополий по отношению к своим лимитрофам, как правило, измеряется последствиями в их общественно-историческом развитии. Известно, какое тяжелое наследие

оставили после себя в колониях европейские державы – Великобритания, Франция, Германия, Испания, Португалия и др. Тем не менее, сегодня сотни тысяч мигрантов устремляются в страны своих бывших «хозяев». Процесс этот осложнен множеством трудностей, так как реального межцивилизационного взаимодействия между населением метрополий и жителями колоний в широком, повседневном формате не было, так как они были территориально оторваны друг от друга. В дореволюционной Средней Азии все было иначе. Царское правительство и русские люди успешно добились такого взаимодействия за счет слитного общеимперского пространства, его обеспечивающего. Россия не стремилась грубым и насильственным образом навязать народам Туркестана свою цивилизацию, справедливо полагая, что она сама прочистит себе дорогу к жизненным устремлениям «туземного» населения региона. Важно подчеркнуть, что трансформационная деятельность царской России не привела к тому варианту «столкновения цивилизаций», о котором проповедовал С. Хантингтон и его единомышленники. Мирным образом, исподволь российская цивилизация проявила себя во многих сферах жизнедеятельности коренных жителей Средней Азии – экономической, политической, социальной и проч. Ее влияние можно наблюдать сегодня в повседневной жизни народов постсоветских стран региона. Таким образом, Россия оправдала задачи, возложенные на нее всемирным общественно-историческим развитием. Поэтому, когда миллионы выходцев из Средней Азии приезжают в Россию, то, в отличие от западных стран, процесс их адаптации в жизнь страны проходит намного проще и легче. В этом, конечно, сказывается та большая цивилизационная роль России, которую она некогда сыграла в исторических судьбах их предков. По мнению автора, несмотря на все издержки царского управления Туркестаном, дореволюционная Россия в целом успешно справилась с этой ролью.

И она продолжает играть ее в настоящее время. Пережив трудности 1990-х гг., порожденные распадом СССР, Россия и государства Средней Азии вступают в новом веке и тысячелетии в новый фазис развития всесторонних

отношений. Интеграционные процессы нарастают по всем направлениям. Образование ЕАЭС вселяет надежды на восстановление былого экономического сотрудничества. Пока не все страны Средней Азии к нему присоединились, но есть надежды на то, что со временем это произойдет. Залогом тому является участие всех государств региона в развитии и совершенствовании многосторонних контактов на политическом, социальном, культурном и иных уровнях. Естественно, что связи, сформировавшиеся на протяжении 125 лет, не могли навсегда кануть в вечность и не стремиться к возрождению, так как они всегда были широкоформатными и взаимовыгодными. События последнего времени свидетельствуют о том, что локомотивом указанных выше интеграционных процессов по-прежнему выступает Россия, что подчеркивает эффективность ее давней цивилизационной роли в жизни народов Средней Азии.

Список источников и литературы

I. Архивные источники

Российский Государственный Исторический архив (РГИА г. С-Петербург)

Фонд 560 – Общая канцелярия министра финансов.
Фонд 565 – Департамент Государственного казначейства.
Фонд 821 – Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД.
Фонд 1056 – Палены.
Фонд 1149 – Департамент законов Государственного совета.
Фонд 1282 – Канцелярия министра внутренних дел.
Фонд 1291 – Земский отдел Министерства внутренних дел.
Фонд 1396 – Ревизия сенатора К.К. Палена Туркестанского края.

Российский Государственный Военно-исторический архив (РГВИА г. Москва)

Фонд 76 – Косаговский В.А.
Фонд 400 – Главный штаб. Азиатская часть.
Фонд 546 – Главное военно-санитарное управление.
Фонд 1396 – Штаб Туркестанского военного округа.
Фонд 2000 – Главное управление Генерального штаба.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ г. Москва)

Фонд 102 – Департамент полиции МВД.
Фонд 730 – Игнатьев Николай Павлович.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ г. Москва)

Фонд 147 – Среднеазиатский стол.

Российский Государственный архив древних актов (РГАДА г. Москва)

Фонд 1385 – Остен-Сакен Ф.Р., барон.

Архив Государственного Исторического музея (АГИМ г. Москва)

Фонд 208 – Черняев Михаил Григорьевич.
Фонд 307 – Гродеков Николай Иванович

Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (г. Москва)

Фонд 169 – Милютин Д.А.

Архив С-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии Наук (Архив СПбФ ИВ РАН)

Фонд 33 – Кун А.Л.
Фонд 115 – Снесарев А.Е.

Фонд рукописей Российской Национальной библиотеки (ФР РНБ г. С-Петербург)

Фонд 354 – Кобеко Д.Ф.

Центральный государственный архив Казахстана (ЦГА РК)

Фонд 41 – Верненское уездное правление.

Фонд 44 – Семиреченское областное правление.

Фонд 73 – Заведующий розыскным пунктом в городе Верном, Семиреченской области.

Центральный государственный архив Узбекистана (ЦГА РУ)

Фонд 1 – Канцелярия туркестанского генерал-губернатора.

Фонд 2 – Дипломатический чиновник при Туркестанском генерал-губернаторе.

Фонд 7 – Управление земледелия и государственных имуществ в Туркестанском Крае.

Фонд 17 – Сырдарьинское областное правление.

Фонд 18 – Самаркандское областное правление.

Фонд 19 – Ферганское областное правление.

Фонд 33 – Управление Среднеазиатской железной дороги.

Фонд 276 – Канцелярия военного губернатора Ферганской области.

Фонд 336 – Военный губернатор и командующий войсками Туркестанской области.

Фонд 461 – Туркестанское районное охранное отделение.

Фонд 717 – Совет туркестанского генерал-губернатора.

Фонд 1008 – Хомутов П.И.

Фонд Р-2287 – Савицкий Анатолий Петрович.

Центральный государственный архив Туркменистана (ЦГА Тур.)

Фонд 1 – Канцелярия начальника Закаспийской области.

Фонд 97 – Управление начальника Закаспийского военного округа.

Центральный государственный архив Кыргызской Республики (ЦГА КР)

Фонд 149 – Андижанское уездное управление.

Фонд 154 – Ошский уездный начальник.

II. Опубликованные источники

Законодательные акты и документы органов власти

1. Артикул Воинский с кратким толкованием. 30 марта 1716 года. 30 марта 1716 года // ПСЗРИ-1. Т. 5. СПб., 1830. № 3006
2. Временное Положение об управлении Закаспийской области. 6 февраля 1890 года // Свод законов Российской империи. Т.2. Ч. 1. СПб., 1900.

3. Временные правила о лицах, переселяющихся без проходных свидетельств // Свод законов Российской империи. Т.9. Особое приложение к Девятому тому. СПб., 1912.
4. Высочайше утвержденная 11 марта 1885 года Ведомость госпиталям и местным лазаретам в Туркестанском военном округе // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. Штаты и табели. № 2802.
5. Высочайше утвержденное «Положение об управлении Туркестанским краем». 12 июня 1886 года. // Свод законов Российской империи. Т.2., ч.1. СПб., 1900.
6. Высочайше утвержденное 13 июля 1867 года Дополнение к Положению о военно-окружных управлениях по применению оного к Туркестанскому военному округу // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44844.
7. Высочайше утвержденное 13 июля 1867 года Положение о военном управлении в областях Туркестанского военного округа // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44844.
8. Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Квантунской областью. 16 августа 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд.1. СПб., 1902. № 17513.
9. Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской областью. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № № 42372.
10. Высочайше утвержденное Городовое Положение. 11 июня 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. Отд. 1. СПб., 1895. № 8708.
11. Высочайше утвержденное изменение законоположений, определяющих разрядные очереди для приема малолетних в кадетские корпуса – Сибирский и 2-й Оренбургский и в приготовительные к ним школы – Иркутскую и Ташкентскую. 21 декабря 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 20883 а. Приложение к тому 21-му ПСЗРИ-3.
12. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О введении общей воинской повинности. 1 января 1874 года // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 1. СПб., 1876. № 52983.
13. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О введении в городских поселениях Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей государственного налога с недвижимых имуществ в городах, посадах и местечках. 14 февраля 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 25827.
14. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О возврате пошлин с хлопчатобумажных изделий, вывозимых через Бухаро-Афганскую и Афгано-Русскую границу. 6 марта 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18237.
15. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О воспрещении переуступать иски, подведомственные народным судам в Туркестанском крае. 19 мая 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14118.

16. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О временном освобождении кочевого населения двух Памирских волостей от податного обложения и об отнесении на земские средства Туркестанского края расходов на содержание Памирской туземной администрации. 31 мая 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24660.
17. Высочайше утвержденное Мнение Государственного Совета – О даровании прав государственной службы женщинам-врачам. 9 марта 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15135.
18. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О добавлении содержания служащим в Сибирских и Асхабадском технических железнодорожных училищах. 24 апреля 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18458.
19. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О добавочных расходах из Земской сметы Туркестанского края на Медицинскую часть. 1 февраля 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 16446.
20. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечислении лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время. 13 июля 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6198.
21. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О дополнении правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли. 8 ноября 1893 года // ПСЗРИ-3. Т.13. СПб., 1897. № 10033.
22. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О дополнительном содержании Чарджуйскому городскому врачу на наем переводчика. 24 апреля 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11586.
23. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О закрытии школы для киргизских детей, учрежденной при Областном правлении Оренбургских киргизов. 2 декабря 1868 года // ПСЗРИ-2. Т. 43. Отд. 2. СПб., 1873. № 46502.
24. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О зачислении в специальные средства сельскохозяйственных школ Степного края остатков от сумм, отпускаемых из земских сборов на хозяйственные издержки тех же школ. 5 июня 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11811.
25. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О земских сметах и раскладках в Степных областях. 7 апреля 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18392.
26. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О земских сметах и раскладках в Степных областях. 7 апреля 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18392.
27. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О кредите на содержание Асхабадской женской гимназии с пансионом при ней. 22 ноября 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 17780.

28. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О кредите на содержание пансиона при Ташкентском ремесленном училище. 4 июня 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20249.
29. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О личном составе Временных партий для образования переселенческих участков и о кредитах на содержание сих партий в 1905 году. 14 февраля 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 25835.
30. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О мерах к увеличению числа врачей в Империи. 2 марта 1876 года // ПСЗРИ-2. Т. 51. Отд. 1. СПб., 1878. № 55655.
31. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О мерах против филоксерной заразы. 5 февраля 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 2717.
32. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О мерах против падежей скота в киргизских степях. 15 апреля 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7627.
33. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О назначении разъездных денег городским врачам Туркестанского края. 5 ноября 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20697.
34. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О некоторых изменениях в Положении о технических железнодорожных училищах. 28 февраля 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10391.
35. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О некоторых изменениях в устройстве таможенной части в Средней Азии. 23 декабря 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 13575.
36. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О пенсионных правах инспекторов народных училищ Туркестанского края. 7 июня 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 17128.
37. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О пенсионных правах Директора народных училищ Сыр-дарьинской области и Инспектора народных училищ Семиреченской области. 5 ноября 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20696.
38. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О передаче управления киргизами Сыр-дарьинской Линии и Алатавского округа из ведения Министерства иностранных дел в ведение Военного министерства. 27 июля 1864 года // ПСЗРИ-2. Т. 39. Отд.1. СПб., 1867. № 41114.
39. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О передаче в ведение Министерства народного просвещения зданий, в которых помещаются учебные заведения в Туркестанском крае. 15 июня 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4603.
40. Высочайше утвержденное Мнение Государственного Совета – О повышении таможенной пошлины на байховые чаи, привозимые к границам Семиреченской области, Степного, Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств. 27 января 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 22450.

41. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О податных инспекторах в Туркестанском крае. 9 мая 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6001.
42. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О подчинении уголовных дел, возникающих между туземцами Туркестанского края, имеющими отдельные народные суды, ведению местных судебных установлений по общим законам Империи. 15 февраля 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 5011.
43. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О подчинении судебных дел, подданных Хивы и Бухары, проживающим в тех местностях Туркестанского края, где нет оседлого туземного населения, ведению судебных установлений на общем основании. 17 мая 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 5203.
44. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О позволении вольнопромышленникам ломать соль на Белом озере, открытом в Киргизской степи, на изъясненных правилах. 11 февраля 1824 года // ПСЗРИ-1. Т. 39. СПб., 1830. № 29779.
45. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О поземельном устройстве в казачьих станицах. 21 апреля 1869 года // ПСЗРИ-2. Т. 44. Отд. 1. СПб., 1873. № 46696.
46. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О пользовании соляными источниками в Туркестанском крае и Закаспийской области. 3 июня 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10717.
47. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О порядке возведения купцов в потомственное почетное гражданство. 11 февраля 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 41789.
48. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О порядке разрешения дел по поземельно-податному устройству в областных правлениях Туркестанского края. 15 января 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7367.
49. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О порядке управления лесами и прочими государственными имуществами в Семиреченской области и об утверждении штатного расписания и расходов по лесному надзору в Семиреченской области. 6 февраля 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11349.
50. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О порядке местного заведывания государственными имуществами в Туркестанском Генерал-губернаторстве и утверждении временного штата чинов по заведыванию означенными имуществами в названном крае. 2 июня 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14250.
51. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О порядке местного заведования государственными имуществами в Туркестанском крае. 19 ноября 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20744.

52. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О пособии из земских средств детскому приюту в городе Верном. 1 февраля 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 16445.
53. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О поставке в Туркестанском крае натуральной земской повинностью перевозочных средств для войск. 3 июня 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10731.
54. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О поставке в Закаспийской области перевозочных средств для мобилизации войск и в чрезвычайных, вызываемых военными обстоятельствами случаях передвижения войск. 17 декабря 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20855.
55. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О правах бухарцев и ташкентцев, обитающих в Западной Сибири. 12 февраля 1834 года // ПСЗРИ-2. Т. 9. Отд. 1. СПБ., 1835. № 6802.
56. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О правах служащих в Мариинских женских училищах в городах Батуме, Карсе, Маргелане, Самарканде и Якобштадте. 5 мая 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8585.
57. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О правах и обязанностях Помощника Туркестанского Генерал-Губернатора. 3 января 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд.1. СПб., 1902. № 17974.
58. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О праве бесплатного лечения и пользования медикаментами лиц, служивших в Туркестанском крае по административно-полицейскому управлению и о способах покрытия расходов по сему предмету. 14 декабря 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6438.
59. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О предоставлении Туркестанскому Генерал-Губернатору права высылать на родину из пределов Бухарского и Хивинского Ханств неблагонадежных и порочных русских подданных. 15 марта 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9425.
60. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О предоставлении надзирателям интернатов при городских училищах Туркестанского края служебных прав и преимуществ. 29 мая 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11741.
61. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О предоставлении русским учителям русско-туземных школ и надзирателям ученических квартир при городских училищах Туркестанского края служебных прав и преимуществ со времени определения этих лиц в означенные должности. 6 января 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 13619.
62. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О предоставлении учителям Бухарской и Хивинской русско-туземных школ прав государственной службы. 3 ноября 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14600.

63. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О предоставлении Туркестанскому Генерал-Губернатору права сменять народных судей. 18 ноября 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 16085.
64. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О предоставлении прав государственной службы учителям общеобразовательных предметов в низших сельскохозяйственных школах Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей из лиц, окончивших курс Учительских семинарий. 16 марта 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24208.
65. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О предоставлении Туркестанскому генерал-губернатору права определять пределы волостей в трех коренных областях края и разрешать устройство сельских обществ применительно к началам, установленным для крестьян Закавказья. 19 апреля 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24393.
66. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О предоставлении Министру земледелия и государственных имуществ присваивать командируемым в Туркестанский горный округ горным инженерам права и обязанности помощников окружных инженеров и маркшейдеров. 9 мая 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 26203.
67. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О предоставлении русским учителям и учительницам русско-туземных училищ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей и Внутренней Киргизской орды, Астраханской губернии служебных и пенсионных прав, присвоенных тем же лицам в русско-туземных училищах Туркестанского края. 23 мая 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26268.
68. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О прекращении беспошлинного ввоза чая в Туркестанское и Степное Генерал-губернаторства. 27 декабря 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 5673.
69. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О преобразовании Ташкентской и Верненской Прогимназий в Гимназии. 1 мая 1884 года // ПСЗРИ-3. Т. 4. СПб., 1887. № 2192.
70. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О преобразовании управления государственными имуществами в Западной Сибири. 27 декабря 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 10215.
71. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О преобразовании Кокандского приходского училища в двухклассное городское и об утверждении штата упомянутого училища. 30 мая 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПБ., 1898. № 10678.
72. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О преобразовании низших сельскохозяйственных школ в областях

Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской и об утверждении штата означенных школ. 30 мая 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПБ., 1898. № 10685.
73. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О преобразовании врачебной части в уездах областей Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской. 29 мая 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14187.
74. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О преобразовании таможенного надзора в Туркестанском крае, Закаспийской и Семипалатинской областях и по границе Томской губернии с Китаем. 4 июня 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд.1. СПб., 1902. № 17054.
75. Высочайше утвержденное Мнение Государственного Совета – О преобразовании ветеринарного надзора в областях Сыр-дарьинской, Самаркандской, Ферганской и Закаспийской. 6 января 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 22372.
76. Высочайше утвержденное Мнение Государственного Совета – О преобразовании управления медицинской частью в Семиреченской области. 27 января 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 22448.
77. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О преобразовании врачебной части в Семиреченской области. 6 марта 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд.1. СПб., 1909. № 27494.
78. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О преобразовании медицинской части в городах Сыр-дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей Туркестанского края. 19 апреля 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 27740.
79. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О применении Городового Положения 16 июня 1870 года к городу Ташкенту. 5 декабря 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 5616.
80. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О применении в Закаспийской области правил о частной горной промышленности на свободных казенных землях. 10 июня 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8687.
81. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О присвоении должности врача Аму-дарьинского отдела разъездных денег. 15 ноября 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 5551.
82. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О присвоении лесным кондукторам в Туркестанском крае прав по чинопроизводству и пенсии. 20 марта 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11488.
83. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О присвоении арык-аксакалам и мирабам в Туркестанском крае особых должностных знаков. 2 декабря 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 13470.
84. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О присвоении добавочного содержания служащим в Ташкентском техническом железнодорожном училище. 22 ноября 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 25400.

85. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О прогонных деньгах фельдшерам Туркестанского края. 16 марта 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8426.
86. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О продлении действия порядка заведывания Государственными Имуществами в Туркестанском крае. 1 декабря 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 22186.
87. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О продлении срока действия Высочайше утвержденного 2 июня 1897 года Мнения Государственного Совета о порядке местного заведывания Государственными Имуществами в Туркестанском крае. 8 декабря 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд.1. СПб., 1905. № 23656.
88. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О продлении на 1904-1906 годы представленного Министру финансов полномочия по установлению временных подесятинных окладов государственного поземельного налога для некоторых разрядов земель в Туркестанском крае. 10 мая 1904 года //ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд.1. СПб., 1907. № 24476.
89. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О распространении на Ферганскую область правил поземельно-податного устройства в Туркестанском крае. 22 марта 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 5856.
90. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О распространении на лиц, водворенных на казенных землях на основании узаконений 10 июля 1881 года, 17 февраля 1884 года, действия Правил 13 июля 1889 года о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли. 28 ноября 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 11065.
91. Высочайше утвержденное Мнение Государственного Совета – О распространении на области: Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую действия Высочайше утвержденного 19 мая 1897 года Мнения Государственного совета относительно воспрещения переуступать иски, подведомственные народным судам. 25 мая 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15444.
92. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О распространении операций земельных банков на внегородские земли Туркестанского края. 8 июня 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20354.
93. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О распространении действующих в Акмолинской и Семипалатинской областях правил раскладки государственной оброчной подати на Семиреченскую область и об установлении на трехлетие 1905-1907 годов среднего подесятинного оклада означенной подати с земель оседлого населения означенной области. 6 июня 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд.1. СПб., 1907. № 24693.

94. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О расходах по содержанию Асхабадского железнодорожного технического училища. 16 марта 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 12628.
95. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О расходе на содержание двухклассного училища в городе Мерве и о служебных правах преподавателей училищ Министерства народного просвещения в Закаспийской области. 31 января 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 5751.
96. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О расширении прав и власти Президента Императорской Академии Наук и Попечителей учебных округов. 24 июня 1863 года // ПСЗРИ-2. Т. 38. Отд. 1. СПб., 1866. № 39778.
97. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О служебных правах чинов таможенных учреждений в Туркестанском крае. 12 июня 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 6932.
98. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О служебных правах и преимуществах русских учителей русско-туземных начальных училищ Туркестанского края. 25 ноября 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 8101.
99. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О служебных правах и преимуществах должностных лиц двухклассных начальных училищ в Закаспийской области. 15 апреля 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 12769.
100. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О служебных и пенсионных правах русских учителей русско-туземных училищ Семиреченской области и о пенсионных правах русских учительниц таковых же училищ в областях Семиреченской, Сыр-дарьинской, Ферганской и Самаркандской. 5 мая 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 22908.
101. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О сметах и раскладке земских повинностей в Туркестанском крае на 1899 и 1900 годы. 31 мая 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 16989.
102. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О сметах и раскладках земских повинностей в Туркестанском крае на 1901-1903 годы. 19 марта 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 19833.
103. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О сметах и раскладках земских повинностей Туркестанского генерал-губернаторства на трехлетие 1904-1906 годов. 10 мая 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд.1. СПб., 1907. № 24472.
104. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О смете и раскладке земских повинностей Туркестанского края на 1894 год и утверждении росписей денежным земским сборам и расходам Туркестанского края на сей год. 21 марта 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10460.

105. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О смете и раскладке земских повинностей Туркестанского края на 1895 год. 17 апреля 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11547.
106. Высочайше утвержденное Мнение Государственного Совета – О смете и раскладке земских повинностей Туркестанского края на 1898 год. 2 июня 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15497.
107. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О смете и раскладке земских повинностей Семиреченской области на 1900 год. 7 апреля 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18393.
108. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О сохранении в Имеретии, Мингрелии, Гурии и Абхазии прежнего порядка в производстве уголовных дел. 21 марта 1823 года // ПСЗРИ-1. Т. 38. СПб., 1830. № 29371
109. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О сохранении временно в Туркестанском крае сбора на учебную часть. 17 марта 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4300.
110. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О способе покрытия расходов по устройству и содержанию больниц и приемных покоев в городах Туркестанского края. 12 апреля 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10520.
111. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О сроке, правах и преимуществах службы Волостных управителей в областях Сибирских Киргизов и Семипалатинской. 16 мая 1866 года // ПСЗРИ-2. Т. 41. Отд.1. СПб., 1868. № 43306.
112. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О штате некоторых консульств в Китае и Кашгаре и об учреждении должности Второго секретаря Миссии в Пекине. 26 января 1882 года // ПСЗРИ-3. Т. 2. Отд.1. СПб.,1886. № 631.
113. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об ассигновании средств на наем переводчиков для городских врачей в городах Ферганской области: Коканде, Намангане и Андижане. 4 июня 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 17065.
114. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об ассигновании кредита на содержание особых временных партий и отрядов по отводу земель переселенцам в 1906 году. 2 января 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 27186.
115. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об изменении пределов власти Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, его Совета, а равно губернаторов и начальников областей на Кавказе. 9 июня 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4559.
116. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об изменении некоторых постановлений Положения об управлении Туркестанского края, касающихся административного его устройства. 19 января 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9262.

117. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об изменении действующих карательных постановлений об охране народного здравия. 12 мая 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9590.
118. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об изменении порядка управления ветеринарной частью в губерниях и областях, состоящих в ведении Министерства внутренних дел. 28 апреля 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14004.
119. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об изменении узаконений, касающихся приобретения Товариществами на паях и акционерными обществами земель и вообще недвижимых имуществ в Туркестанском крае. 19 мая 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14121.
120. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об изменении штата лесных чинов в Сыр-дарьинской, Самаркандской и Ферганской областях. 23 февраля 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24094.
121. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об изменении штата чинов по заведованию государственными имуществами в Туркестанском крае. 24 мая 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд.1. СПб., 1907. № 24622.
122. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об изменениях в штате управления Туркестанского Таможенного Округа. 28 ноября 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26980.
123. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об обложении оброчной податью бухарцев и ташкентцев Омской области. 6 апреля 1835 года // ПСЗРИ-2. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1836. № 8034.
124. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об обложении государственным поземельным налогом плантаций американского хлопка в Туркестанском крае. 11 июня 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7815.
125. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об обложении земель русских переселенцев в Закаспийской области государственной оброчной податью и земским сбором. 22 ноября 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд.1. СПб., 1905. № 23556.
126. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об образовании Казенной Палаты и Казначейства в Туркестанском крае. 3 июня 1869 года // ПСЗРИ-2. Т. 44. Отд. 1. СПб., 1873. № 47189.
127. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об образовании для Закаспийской области особого ирригационного капитала. 22 марта 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 16656.
128. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об обязательном употреблении в Туркестанском крае российских

клейменных мер и весов. 3 июня 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10720.

129. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об обязательном употреблении в Закаспийской области российских клейменных мер и весов. 23 января 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11297.
130. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об окончательном применении к Туркестанскому краю Положения о пошлинах за право торговли и промыслов. 20 мая 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 2963.
131. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об организации ветеринарной части в Семиреченской области. 16 марта 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24212.
132. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об освобождении от наружного медицинского осмотра купеческих караванов, приходящих к Оренбургской линии из областей Средней Азии. 1 марта 1854 года // ПСЗРИ-2. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1855. № 27973.
133. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об освобождении зауряд-офицеров из туземцев Туркестанского края от отдачи в общественные работы и от всех взысканий, налагаемых властью волостных управителей и сельских старшин. 14 июня 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7842.
134. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об отмене постановлений о высылке туземцев Туркестанского края по приговорам народных судов. 7 ноября 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 5538.
135. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об отряде чинов по образованию переселенческих участков в Западной Сибири. 22 января 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 2686.
136. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об увеличении срока, в продолжение коего дозволено азиатцам оставлять в таможнях товары их в залог пошлин. 4 ноября 1836 года // ПСЗРИ-2. Т. 11. Отд. 2. СПб., 1837. № 9683.
137. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об увеличении числа избирателей Старших Султанов и заседателей от киргизов в областях Семипалатинской и Сибирских Киргизов. 31 декабря 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд.2. СПб., 1867. № 42852.
138. Высочайше утвержденное Мнение Государственного Совета – Об увеличении государственного поземельного налога. 17 января 1884 года // ПСЗРИ-3. Т. 4. СПб., 1887. № 1962.
139. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об увеличении денежных отпусков военно-медицинскому управлению Закаспийской области. 1 марта 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9382.
140. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об увеличении оклада квартирных денег учителям городских училищ

Туркестанского края. 28 апреля 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14007.

141. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об увеличении кредита на расходы по надзору за рыбными промыслами Аральского бассейна. 7 января 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 20943.
142. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об увеличении окладов содержания служащих Асхабадской мужской гимназии. 8 марта 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24179.
143. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об упразднении состоящей при Ташкентской гимназии ученической квартиры для детей инородцев и об открытии ее при Туркестанской Учительской семинарии. 3 февраля 1886 года// ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3497.
144. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об упразднении ученической квартиры для детей-инородцев при Туркестанской Учительской семинарии. 27 марта 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11514.
145. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об упразднении должности чиновника особых поручений по технической части при Туркестанском генерал-губернаторе и об учреждении при нем должности техника. 11 декабря 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 22259.
146. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об упразднении должности Старшего Аксакала в городе Старом Маргилане. 8 июня 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 23116.
147. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об усилении ветеринарного надзора в Степном генерал-губернаторстве. 10 июня 1900 года.10 июня 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18784.
148. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об усилении штата управления учебными заведениями Туркестанского края. 14 декабря 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд.1. СПб., 1902. № 19346.
149. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об условиях приобретения товариществами на паях и акционерными компаниями недвижимых имуществ в Туркестанском крае. 29 ноября 1893 года // ПСЗРИ-3. Т.13. СПб., 1897. № 10102.
150. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об установлении временной оброчной подати с земельных участков, отведенных русским переселенцам в Сыр-дарьинской, Ферганской и Самаркандской областях. 8 апреля 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21323.
151. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об установлении особого больничного сбора в городах Асхабаде и Мерве

Закаспийской области. 26 апреля 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 27842.

152. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об устройстве доходов, расходов и полиции в Астрахани. 16 марта 1825 года // ПСЗРИ-1. Т. 40. СПб., 1830. № 30295.
153. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об устройстве таможенного надзора в Туркестанском крае. 2 мая 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3663.
154. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об устройстве Таможенной Части в Закаспийской области. 8 июня 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. Отд. 1. СПб., 1897. № 9745.
155. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об устройстве таможенной части в Средней Азии. 6 июня 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10774.
156. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об устройстве Судебной части в Закаспийской области. 15 февраля 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 16490.
157. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об устройстве в городе Перовске, Сырдарьинской области земской больницы. 14 февраля 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 25838.
158. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об устройстве сельско-врачебной части в Сыр-дарьинской, Ферганской и Самаркандской областях Туркестанского края. 26 декабря 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 27129.
159. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об утверждении Устава повивальным бабкам и наставления Городовым акушерам. 13 ноября 1816 года // ПСЗРИ-1. Т. 33. СПб., 1830. № 26515.
160. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об утверждении сметы и раскладки земских повинностей Туркестанского края на 1893 год. 8 марта 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9399.
161. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об утверждении штата Туркестанской сельской опытной станции. 1 декабря 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14722.
162. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении при Департаменте окладных сборов пяти должностей Ревизоров по податной части. 31 января 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 5748.
163. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении должностей податных инспекторов. 30 апреля 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 2907.
164. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении Политического Агентства в Бухаре. 12 ноября 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. Отд.1. СПб., 1887. № 3274.

165. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении Туркестанского и Семипалатинского таможенных Округов. 12 июня 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 6933.
166. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении ветеринарного пункта в селении Чалдовар, Аулиетатинского уезда. 3 декабря 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 7253.
167. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении при туркестанском генерал-губернаторе должности младшего чиновника особых поручений по горной части. 2 февраля 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9295.
168. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении в русском поселении у станции Чарджуй должности Городового врача и фельдшера. 22 февраля 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9345.
169. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении в городе Ташкенте шестиклассного реального Училища и о преобразовании Ташкентской Учительской Семинарии. 20 декабря 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 10176.
170. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении должности чиновника особых поручений по технической части при Туркестанском генерал-губернаторе. 12 апреля 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10524.
171. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении должности Инспектора народных училищ Закаспийской области. 17 апреля 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11543.
172. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении должностей городских врачей и фельдшеров в городах Коканде, Намангане, Андижане, Ферганской области. 1 июня 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11767.
173. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении в городе Асхабаде четырехклассной мужской прогимназии. 29 января 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 12487.
174. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении в городе Асхабаде Закаспийской области Мариинского женского училища. 2 декабря 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд.1. СПб., 1899. № 13469.
175. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении на счет земских сумм Туркестанского края должностей врача и фельдшера при Туркестанском окружном медицинском управлении. 9 декабря 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 13499.
176. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении третьей должности Инспектора народных училищ Туркестанского края. 27 ноября 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6394.

177. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении в городе Самарканде мужской четырехклассной прогимназии и об утверждении штата означенной прогимназии. 29 марта 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 16689.
178. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении низшей сельскохозяйственно-гидротехнической школы в городе Ташкенте и штата означенной школы. 7 мая 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20042.
179. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении должности чиновника особых поручений по технической части при Туркестанском генерал-губернаторе. 12 апреля 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10524.
180. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – По проекту нового Положения о начальных народных училищах. 25 мая 1874 // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 1. СПб., 1876. № 53574.
181. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета, объявленное Сенату Министром народного просвещения – Об учреждении Управления по учебной части в Туркестанском крае и двух Прогимназий в городах Ташкенте и Верном. 17 мая 1875 года // ПСЗРИ-2. Т. 50. Отд.1. СПб., 1877. № 54713.
182. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета, объявленное Сенату Министром народного просвещения – Об учреждении в Туркестанском крае должности Инспектора народных училищ. 1 марта 1877 года // ПСЗРИ-2. Т. 52. Отд.1. СПб., 1879. № 57012.
183. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета. Об учреждении при Генерал-Губернаторе Туркестанского края временной должности Чиновника особых поручений по Ирригационной части. 5 мая 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. Отд.1. СПб., 1895. № 8580.
184. Высочайше утвержденное Мнение Департамента Государственной Экономии Государственного Совета – О расходе по содержанию фельдшеров при уездных врачах Семиреченской области. 24 июля 1884 года // ПСЗРИ-3. Т. 4. СПб., 1887. № 2375.
185. Высочайше утвержденное Мнение Департамента Государственной Экономии Государственного совета – О причислении запасного фонда в Туркестанском крае к специальным средствам Таможенного ведомства. 23 мая 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6045.
186. Высочайше утвержденное Мнение Департамента Государственной Экономии Государственного совета – О передаче зданий, занятых в Туркестанском крае учебными заведениями в собственность Министерства Народного Просвещения. 13 июня 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд.1. СПб., 1893. № 6951.
187. Высочайше утвержденное Мнение Департамента государственной экономии Государственного совета – О расходах на расширение здания Самаркандского Мариинского женского училища. 22 февраля 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9351.

188. Высочайше утвержденное Мнение Департамента Государственной Экономии Государственного Совета – Об увеличении кредита на содержание дома Военного Губернатора Ферганской области. 8 июня 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9775.
189. Высочайше утвержденное Мнение Департамента Государственной экономии Государственного совета – Об увеличении кредита на хозяйственные и канцелярские расходы по управлению учебными заведениями Туркестанского края. 25 декабря 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 12336.
190. Высочайше утвержденное Мнение Департамента Государственной Экономии Государственного совета – О временном освобождении кочевого населения Памирской волости от государственного налога и земского сбора и об отнесении расходов по содержанию туземной администрации этой волости на земские средства Туркестанского края. 6 мая 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд.1. СПб., 1899. № 12903.
191. Высочайше утвержденное Мнение департамента Государственной экономии Государственного совета – О назначении жалованья лицам туземной администрации Памира из земских сумм Туркестанского края. 9 марта 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15138.
192. Высочайше утвержденное Мнение Департамента Государственной Экономии Государственного Совета – Об установлении особой платы землемерам поземельно-податных комиссий Туркестанского края за сверхурочные работы. 2 июня 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15509.
193. Высочайше утвержденное Мнение Департамента Государственной экономии Государственного совета – Об отпуске Туркестанскому комитету Попечительства о слепых из земских средств Туркестанского края пособий на содержание глазных лечебниц. 10 мая 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд.1. СПб., 1907. № 24506.
194. Высочайше утвержденное мнение Департамента промышленности, наук и торговли Государственного совета – Об учреждении в городе Ташкенте Мариинского женского училища. 10 июня 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18815.
195. Высочайше утвержденное мнение Департамента промышленности, наук и торговли Государственного совета – О преобразовании Маргеланского Мариинского женского училища в женскую гимназию. 10 июня 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18821.
196. Высочайше утвержденное Мнение Департамента Экономии Государственного Совета – О некоторых изменениях в устройстве начального народного образования в Туркестанском крае. 20 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. Отд.1. СПб., 1888. № 3832.
197. Высочайше утвержденное Мнение Департамента экономии Государственного совета – О расходе на наем помещения для Верненского училища садоводства. 17 марта 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8436.

198. Высочайше утвержденное Мнение Соединенных департаментов Государственной экономии и Законов Государственного совета – О преобразовании пяти киргизских школ в степных областях в сельскохозяйственные школы. 15 января 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 12423.
199. Высочайше утвержденное Нормальное Положение о низших сельскохозяйственных школах. 27 декабря 1883 года // ПСЗРИ-3. Т. 3. СПб., 1886. № 1919.
200. Высочайше утвержденное положение Азиатского комитета с приложением штата Оренбургской Пограничной комиссии и ее ведомства. 4 января 1828 года // ПСЗРИ-2. Т. 3. СПб., 1830. № 1681.
201. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О введении в штат Петро-Александровского местного лазарета двух сестер милосердия. 14 февраля 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 22526.
202. Высочайше утвержденное положение Военного совета – О включении в штат Управления Мервского округа должности акушерки. 24 ноября 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 3313.
203. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О военно-административной реформе в Сибири и Средней Азии. 11 июня 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд.1. СПб., 1902. № 17177.
204. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О возвышении должности Ветеринара для поручений Туркестанского окружного военно-медицинского управления по классу на чинопроизводство. 18 мая 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4459.
205. Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – О восстановлении в виде временной меры права бесплатного пользования в военно-врачебных заведениях офицерских чинов Дагестанской, Карской и Батумской милиций и военно-народных управлений на Кавказе. 5 декабря 1893 года // ПСЗРИ-3. Т.13. Отд. 1. СПб., 1897. № 10116.
206. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О денежном содержании сестрам милосердия в местных лазаретах: Керкинском, Чарджуйском и Термезском. 7 октября 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 23444.
207. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О добавлении в штат военных госпиталей: Петербургского-Николаевского, Московского генерального Императора Петра I, Киевского, Варшавско-Уяздовского, Виленского, Одесского и Тифлисского и о введении в штат госпиталей – Казанского, Омского, Иркутского и Ташкентского по одному консультанту. 26 января 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 36479.
208. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О добавлении к штатам Кушкинского и Копальского местных лазаретов сестер милосердия. 26 февраля 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 27452.

209. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О добавлении сиделок к штату психиатрического отделения Ташкентского военного госпиталя. 28 сентября 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19250.
210. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О добавочном содержании Окружному ветеринару Туркестанского военного округа. 26 июля 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд.1. СПб., 1907. № 24977.
211. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О добавочных денежных отпусках кадетским корпусам: Суворовскому, Одесскому, Сумскому, Владикавказскому и Ташкентскому Наследника Цесаревича. 20 апреля 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 36917.
212. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О назначении кадетским корпусам: Суворовскому, Одесскому, Сумскому, Владикавказскому и Ташкентскому на 1911 год добавочных табельных отпусков на хозяйственные надобности. 25 мая 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 35275.
213. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О некоторых изменениях в штатах и табелях военно-медицинских учреждений. 24 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3839.
214. Высочайше утвержденное Положение Военного совета –- О низведении полугоспиталя в укреплении Аулие-Ата в лазарет на 30 мест и обращение местного лазарета Каракольского укрепления в полугоспиталь на 40 мест. 18 мая 1874 года // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 1. СПб., 1876. № 53542.
215. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О переустройстве военно-врачебных заведений Туркестанского военного округа. 11 марта 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 2802.
216. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О переустройстве некоторых местных лазаретов в Туркестанском военном округе. 19 октября 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19278.
217. Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – О перечислении из штата Омского окружного военно-медицинского управления в штат такого же управления Закаспийской области двух должностей врачей для командировок. 9 мая 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9582.
218. Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – О подчинении местных команд, местных лазаретов и воинских начальников Закаспийской области начальнику штаба этой области на правах начальника местной бригады. 16 июня 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 6983.
219. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О порядке распределения некоторых капиталов между Сибирским и Семиреченским казачьими войсками. 18 января 1869 года // ПСЗРИ-2. Т. 44. Отд. 1. СПб., 1873. № 46688.
220. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О порядке сопровождения кадет Оренбургских кадетских корпусов, следующих в

каникулярный отпуск в пределы Туркестанского военного округа и обратно из отпуска в город Оренбург. 7 сентября 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19221.

221. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О пособии низшим училищам Семиреченского казачьего войска. 31 мая 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3748.
222. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О пособиях и прогонах лицам, служащим по военно-народному управлению в Семиреченской и Сырдарьинской областях. 4 ноября 1883 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 1810-а. Дополнение к 3-му тому ПСЗРИ-3.
223. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О правах по службе врачей Амударьинского отдела и Петро-Александровского местного лазарета. 9 августа 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19162.
224. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О праве нижних чинов войск Кавказского, Туркестанского, Омского, Иркутского и Приамурского военных округов, увольняемых в запас, на получение безвозвратного из сумм Военного министерства пособия, установленного статьей 27 Высочайше утвержденных 6 июня 1904 года Временных правил о переселении. 11 февраля 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 34756.
225. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О предоставлении Командующему войсками Туркестанского Военного Округа права разрешать открытие приемных покоев при частях сего Округа в размерах больших сравнительно с определенными Законом. 10 июля 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 5403.
226. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О предоставлении чинам военно-народного управления Закаспийской области права бесплатного лечения в военно-врачебных заведениях и бесплатного же пользования медикаментами из аптек сих заведений. 7 августа 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19159.
227. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О предоставлении четырех казенных вакансий в Ташкентском Наследника Цесаревича и 2-м Оренбургском кадетских корпусах сыновьям туземцев Туркестанского военного округа. 21 ноября 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 31227.
228. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О преобразовании военно-судной части в Туркестанском военном округе. 24 августа 1883 года // ПСЗРИ- 3. Т. 3. СПб., 1886. № 1715.
229. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О преобразовании военно-судной части в войсках Туркестанского военного округа. 1 июля 1885 года // ПСЗРИ- 3. Т. 5. СПб., 1887. № 3100.
230. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О преобразовании Ташкентской приготовительной школы в кадетский

корпус. 25 апреля 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24434.

231. Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – О преобразовании управлений Воинских Начальников, церковных причтов, конвойных команд и военно-врачебных заведений Туркестанского Военного Округа и сформировании Туркестанской местной бригады. 22 декабря 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПб., 1914. № 36265.
232. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О преобразовании Омского аптечного магазина в Омский аптечный склад и запасной аптеки Закаспийской области в Асхабадский аптечный склад, о присвоении Ташкентскому аптечному магазину, Двинскому и Варшавскому аптечным складам новых штатов и об упразднении одной должности фармацевта для командировок по военно-санитарному ведомству. 13 апреля 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 36896.
233. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О прибавочном жалованье чинам военно-народного управления Туркестанского края. 5 сентября 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21993.
234. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О продлении действий учрежденной приказом по военному ведомству 1893 года, № 224, Хейрабадской санитарно-гигиенической станции на один месяц. 7 июня 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 13048.
235. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О продолжении срока временного действия в Туркестанском крае Положения о пошлинах на право торговли и промыслов. 21 мая 1883 года // ПСЗРИ-3. Т. 3. СПб., 1886. № 1596.
236. Высочайше утвержденное Положение Военного совета - О производстве чинам Туркестанского Окружного военно-медицинского управления добавочного содержания за труды по заведыванию Врачебной частью по военно-народному управлению Туркестанского края. 13 июля 1884 года // ПСЗРИ-3. Т. 4. СПб., 1887. № 2359.
237. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О производстве повивальным бабкам, допущенным к исправлению должностей фельдшериц-акушерок, по сельско-врачебной части Туркестанского края, сверх положенного содержания, квартирного и разъездного довольствия. 23 июля 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30846.
238. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О производстве выдачи денег на наем прислуги врачам, как состоящим, так и имеющим быть прикомандированными из округов: Кавказского, Туркестанского, Омского, Иркутского и Приамурского и Финляндии – к Императорской военно-медицинской академии для усовершенствования в медицинских науках и изучения военно-полевой хирургии, и к клинике душевных и нервных болезней, для изучения этих болезней. 14 февраля 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33065.

239. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О путевом довольствии женщин-врачей, определяемых на должности участковых врачей Туркестанского края. 3 ноября 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд.1. СПб., 1909. № 28517.
240. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О разрешении военно-хозяйственных и некоторых других дел между военно-административными инстанциями в нисходящей степени. 15 сентября 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20643.
241. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О разрешении военно-хозяйственных и некоторых других дел между военно-административными инстанциями в нисходящей степени. 15 сентября 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20643.
242. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О расширении Кушкинского местного лазарета. 4 февраля 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21051.
243. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О расширении Мервского и Джаркентского местных лазаретов. 22 марта 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21256.
244. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О содержании в мирное время конными фельдшеров в Уральских и Оренбургских полках, расположенных в Туркестанском военном округе. 6 августа 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32454.
245. Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – Об изменении Положения о Главном военно-санитарном управлении. 17 октября 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 34292.
246. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об изменении служебных прав, положенных по штатам Управления Закаспийской области и ее уездов должностей Старшего Областного врача, врачей для командировок и Ахал-текинского уездного врача. 10 февраля 1883 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 1378 а. Дополнение к 3-му тому ПСЗРИ-3.
247. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об изменении числа мест в Наманганском и Ходжентском местных лазаретах. 28 марта 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 5093.
248. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об изменении штата управления Туркестанской железнодорожной бригады в отношении возложения обязанностей бригадного врача на одного из старших врачей Закаспийских железнодорожных батальонов. 19 мая 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 22992.
249. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об источниках для денежных выдач ветеринарным чинам областей Туркестанского края. 13 февраля 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24057.
250. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об открытии в городе Керки местного лазарета и учреждении в том же пункте

должности повивальной бабки. 18 декабря 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6464.

251. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об отмене закона, предоставлявшего областным врачам Туркестанского края права на казенную прислугу. 29 апреля 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 26154.
252. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об отмене правил сопровождения офицером-воспитателем кадет Оренбургских кадетских корпусов, следующих в каникулярный отпуск в пределы Туркестанского военного округа и обратно в Оренбург. 29 июня 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32302.
253. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об отпуске разъездных денег медицинским и фармацевтическим чинам Самаркандского военного госпиталя. 17 февраля 1884 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 2042-а. Дополнение к 3-му тому ПСЗРИ-3.
254. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об отпуске Туркестанскому саперному полубаталиону денег на содержание приемного покоя. 2 сентября 1881 года // ПСЗРИ-3. Т. 1. СПб., 1885. № 374.
255. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об увеличении расхода на содержание Туркестанского окружного военно-медицинского управления. 22 июля 1869 года // ПСЗРИ-2. Т. 44. Отд. 1. СПб., 1873. № 47341.
256. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об увеличении числа женских мест в Ташкентском военном госпитале. 12 ноября 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6347.
257. Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – Об увеличении штата Ташкентского военного госпиталя. 23 февраля 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7487.
258. Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – Об увеличении содержания сестрам милосердия в местных лазаретах Закаспийской области. 17 июня 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8721.
259. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об увеличении числа мест в Кушкинском местном лазарете. 28 мая 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15452.
260. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об увеличении штата прислуги в Кушкинском местном лазарете. 6 февраля 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 25796.
261. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об увеличении содержания участковым фельдшерам Семиреченского казачьего войска. 16 марта 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30160.
262. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об увеличении штата нижних чинов в военных госпиталях и местных лазаретах Туркестанского военного округа. 28 сентября 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 35925.

263. Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – Об уменьшении посуточного отпуска денег на содержание больных офицеров и нижних Чинов в местных лазаретах Закаспийской области. 20 апреля 1890 года // ПСЗРИ-3. Т.10. Отд.1. СПб., 1893. № 6736.
264. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об уменьшении числа кроватей в местных лазаретах Кармакчинском, Туркестанском, Чимкентском и Аулиеатинском. 2 декабря 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 12213.
265. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об упразднении Чиназского местного лазарета. 4 ноября 1883 года // ПСЗРИ-3. Т. 3. СПб., 1886. № 1809.
266. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об упразднении Копальского и Каракольскогополугоспиталей и Борохудзирского местного лазарета. 1 марта 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 2783.
267. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об упразднении должности ветеринарного врача при Управлении Керкинского воинского начальника и об учреждении таковой же должности при Военной канцелярии начальника Амударьинского отдела. 15 марта 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15161.
268. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об упразднении четырех должностей врачей для командировок при Казанском окружном военно-медицинском управлении VII медицинского разряда и добавлении в штат Туркестанского окружного военно-медицинского управления четырех таких же должностей. 3 мая 1902 года //ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21405.
269. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об упразднении должности ветеринарного врача при Штабе войск Семиреченской области и о введении таковой в Управление окружного ветеринара Туркестанского военного округа. 18 марта 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 25995.
270. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об упразднении Лепсинского, Пишпекского и Чимкентского местных лазаретов и об открытии вновь Каахкинского, Бахтинского и Нарынского местных лазаретов. 29 июля 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 37863.
271. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об усилении штатов Главного и Туркестанского окружного военно-медицинских управлений. 29 августа 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 13207.
272. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об усилении штатов Главного и Туркестанского окружного военно-медицинских управлений. 29 августа 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 13207.

273. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об установлении врачу, заведующему лечебницей душевнобольных в городе Верном выдачи пособия в размере квартирных денег, впредь до устройства для него квартиры при лечебнице. 9 марта 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 28979.
274. Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – Об установлении ежегодного отпуска 110 рублей на нужды Сергиевской военно-санитарной лечебной станции и об увеличении штатной суммы на наем 10 сиделок психиатрического отделения Ташкентского военного госпиталя. 13 августа 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 34122.
275. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об установлении предельного срока службы по возрасту для служащих по административно-полицейскому управлению Туркестанского края женщин-врачей. 22 мая 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 37106.
276. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об установлении ежегодного отпуска из войскового капитала Семиреченского казачьего войска в сумме 900 рублей для борьбы с сапом на лошадях. 16 сентября 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 38137.
277. Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – Об установлении ежегодного денежного отпуска на расходы по зубоврачебным кабинетам при Одесском, Казанском, Тифлисском, Омском, Иркутском и Ташкентском военных госпиталях и при Хабаровском местном лазарете. 22 октября 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 40450.
278. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об утверждении нормального посуточного отпуска для лазаретов Закаспийской области. 16 июня 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 3069.
279. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об утверждении временных штатов служащим по эксплуатации Закаспийской военной железной дороги и Асхабадского железнодорожного технического училища. 5 июня 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11825.
280. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об утверждении временных штатов служащим по эксплуатации Закаспийской военной железной дороги и Асхабадского железнодорожного технического училища. 5 июня 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11825. Штаты и табели.
281. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении должностей акушерок в фортах Сырдарьинской линии: «Перовский» и № 1. 24 марта 1862 года // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд. 1. СПб., 1865. № 38091.
282. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении в Туркестанской области двух должностей повивальных бабок. 1 марта 1866 года // ПСЗРИ-2. Т. 41. Отд. 1. СПб., 1868. № 43064.

283. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении при Красноводском местном лазарете запасной аптеки. 27 января 1883 года // ПСЗРИ-3. Т. 3. СПб., 1886. № 1343.
284. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении новых врачебных заведений в Закаспийской области и упразднении некоторых из существующих, временно открытых. 1 сентября 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3937.
285. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении в городе Чарджуе Управления воинского начальника и местного лазарета. 4 июля 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4633.
286. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении должностей Областного и Ветеринарного врачей в Сыр-дарьинской области. 30 августа 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4688.
287. Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – Об учреждении в Закаспийской области, в урочище Хейрабад, санитарно-гигиенической станции. 12 сентября 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9943.
288. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении отделения душевных болезней при Ташкентском военном госпитале. 23 сентября 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 12046.
289. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении должности заведующего Красноводским местным лазаретом. 11 октября 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14549.
290. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении с 1899 года в Амударьинском Отделе отдельной должности Врача Отдела, а также при нем Фельдшера. 16 июня 1899 года // ПСЗРИ-3. Т.19. Отд. 1. СПб., 1902. № 17235.
291. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении местного лазарета в урочище Термез. 30 октября 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 20962 а. Дополнения к 21-му тому ПСЗРИ-3.
292. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении управлений комендантов железнодорожных станций Ташкент, Мерв и Казалинск. 6 июля 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28079.
293. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении крепостных военно-санитарных управлений в крепостях Новогеоргиевск и Ковно, о переименовании крепостного медицинского управления крепости Владикавказ в крепостное военно-санитарное управление той же крепости, об изменении статей 6, 152, 153-156 и 158 Положения об управлении крепостями и об упразднении должностей бригадных врачей Закаспийской и Западно-Сибирской казачьих бригад и Омской и Иркутской местных бригад. 25 мая 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 35276.
294. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении, временно, некоторых медицинских должностей в лазаретах в крепости Чимкент и в укреплениях: Мерке, Токмак, Арысь и Чулак-курган, и о

дополнении штата полугоспиталя в форте «Перовский». 21 сентября 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 42483.

295. Высочайше утвержденное Положение Военного совета –О назначении Чарджуйскому городскому врачу разъездных денег. 28 июля 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19, отд.1. СПб., 1902. № 17483.
296. Высочайше утвержденное Положение Военного совета, объявленное в приказе Военного Министра – Об учреждении Семиреченского Казачьего Войска. 13 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44845.
297. Высочайше утвержденное Положение Военного совета, объявленное в приказе по военному ведомству – О комплектовании врачей Туркестанского края медицинскими стипендиатами Императорской медико-хирургической Академии. 8 апреля 1872 года // ПСЗРИ-2. Т. 47. Отд. 1. СПб., 1875. № 50715.
298. Высочайше утвержденное Положение Военного совета, объявленное в приказе по военному ведомству – Об увеличении штата Ходжентского и Перовского полугоспиталей. 23 июня 1875 года // ПСЗРИ-2. Т. 50. Отд. 1. СПб., 1877. № 54852.
299. Высочайше утвержденное Положение Военного совета, объявленное в приказе по военному ведомству – Об изменении числа военно-лечебных учреждений в Туркестанском военном округе. 23 июня 1875 года // ПСЗРИ-2. Т. 50. Отд. 1. СПб., 1877. № 54854.
300. Высочайше утвержденное Положение Военного совета, объявленное в приказе по военному ведомству – Об открытии лазаретов при Красноводской и Александровской местных командах. 28 июня 1875 года // ПСЗРИ-2. Т. 50. Отд. 1. СПб., 1877. № 54873.
301. Высочайше утвержденное Положение Второго департамента Государственного совета - Об утверждении нового Устава общества Кокандо-Наманганской железной дороги. 13 апреля 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33356.
302. Высочайше утвержденное Положение Второго департамента Государственного совета – О предоставлении обществу Коканд-Наманганской железной дороги сооружения новых линий и об обращении подъездного пути частного пользования Чин-абад – Андижан в путь общего пользования и об утверждении дополнения к Уставу общества Коканд-Наманганской железной дороги и условий эксплуатации подъездного пути Чин-абад-Андижан. 12 июля 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 39888.
303. Высочайше утвержденное Положение для военных госпиталей. 31 марта 1816 года // ПСЗРИ-1. Т. 33. СПб., 1830. № 26219.
304. Высочайше утвержденное Положение Комитета Азиатских дел – Об обязанности персиян и других азиатцев брать свидетельства на розничную торговлю. 28 июля 1825 года // ПСЗРИ-1. Т. 40. СПб., 1830. № 30434.
305. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О воспрещении привоза из-за границы ношеного платья через

Оренбургскую линию. 8 ноября 1835 года // ПСЗРИ-2. Т. 10. Отд. 2. СПБ., 1836 № 8557.

306. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О воспрещении вывоза из Туркестанского края шелковичных червей грены. 23 апреля 1871 года // ПСЗРИ-2. Т. 46. Отд. 1. СПб., 1874. № 49495.
307. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О гражданском переустройстве Среднеазиатских областей. 11 июня 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд.1. СПб., 1902. № 17177.
308. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О допущении беспошлинного потребления в Туркестанском Генерал-Губернаторстве чая, привозимого из Кяхты. 13 декабря 1868 года // ПСЗРИ-2. Т. 43. Отд.2. СПб., 1873. № 46549.
309. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О передаче управления Степью Зауральских киргизов в ведомство Министерства внутренних дел. 24 марта 1859 года // ПСЗРИ-2. Т. 34. Отд.1. СПб., 1861. № 54270.
310. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О передаче заведывания вакуфными имуществами в Крыму Особой Комиссии о вакуфах. 25 октября 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 3239.
311. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О подчинении рыболовства на всем пространстве Аральского моря и у его островов ведению Управления Государственными Имуществами в Туркестанском крае. 11 апреля 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18412.
312. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О порядке управления лесами в Семиреченской области. 14 февраля 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8332.
313. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О предоставлении жителям города Джаркента, Семиреченской области льгот по платежу налога с недвижимых имуществ. 23 февраля 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 6599.
314. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О предоставлении нескольким лицам исключительного права производства поисков и добычи золота в трех местностях Туркестанского края. 12 апреля 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд.1. СПб., 1899. № 12751.
315. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О предоставлении Обществу бумагопрядильной, ткацкой и белильной фабрик «Заверце» права на владение участком в городе Намангане, Ферганской области, вместе с находящимся на нем хлопкоочистительным и прессовальным заводом. 14 ноября 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14636.
316. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О предоставлении Товариществу нефтяного производства братьев Нобель приобретать в собственность или аренду земли в Туркестанском крае для

устройства нефтяных и керосиновых складов. 2 июня 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18709.

317. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О предоставлении Министру земледелия и государственных имуществ сокращать на острове Челекен размеры казенной береговой полосы. 22 июня 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18938.
318. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О предоставлении населению Закаспийской области временных льгот по рыболовству в Каспийской море. 22 мая 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд.1. СПб., 1907. № 24575.
319. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О продлении срока действия в Туркестанском генерал-губернаторстве Положения о пошлинах за право торговли и промыслов. 26 ноября 1877 года // ПСЗРИ-2. Т. 52. Отд. 2. СПб., 1879. № 57911.
320. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О продлении срока временного действия в Туркестанском Генерал-Губернаторстве Положения о пошлинах на право торговли и промыслов. 2 января 1881 года // ПСЗРИ-2. Т. 55. Отд. 1. СПб., 1884.
321. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О продолжении торгующим в Семипалатинске, Петропавловске и Омске купцам и азиатцам дозволения брать из таможен привозные товары до платежа пошлин, с оставлением части их в залог. 13 марта 1851 года // ПСЗРИ-2. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1852. № 25030.
322. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О продолжении срока временного действия в Туркестанском крае Положения о пошлинах за право торговли и промыслов. 20 декабря 1884 года // ПСЗРИ-3. Т. 4. СПб., 1887. № 2608.
323. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О разрешении частного горного и золотого промысла в Туркестанской области. 18 февраля 1866 года // ПСЗРИ-2. Т. 41. Отд. 1. СПб., 1868. № 43028.
324. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О разрешении Товариществу торговли и промышленности в Персии и Средней Азии прав приобретать недвижимые имущества в Туркестанском крае. 5 декабря 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14745.
325. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О разрешении Товариществу мануфактуры Ассигкрита Яковлева Балина приобретать недвижимые имущества в Туркестанском крае. 23 января 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 14925.
326. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О разрешении «Товариществу чайной торговли и складов браться К. и С. Поповы» приобретать недвижимые имущества в Туркестанском крае». 27 февраля 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15092.

327. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О разрешении акционерному обществу бумажных мануфактур И.К. Познанского в Лодзи приобретать в Туркестанском крае, для устройства хлопкоочистительных заводов, земельные участки. 12 мая 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18587.
328. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О разрешении Русско-Китайскому банку приобрести в городе Самарканде недвижимое имущество для помещения местного отделения Банка. 22 июня 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20427.
329. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О разрешении обмена земли, отведенной Ташкентской сельскохозяйственно-гидротехнической школе. 26 февраля 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24121.
330. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О разрешении Русско-Китайскому банку приобретать недвижимые имущества в Туркестанском крае. 15 апреля 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24347.
331. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об изменении порядка доставления в Азиатский департамент сведений: о торговле с странами Средней Азией, о меновой торговле на линии (Сырдарьинской – И.В.) и вообще делах заграничных. 1 марта 1860 года // ПСЗРИ-2. Т. 35. Отд. 1. СПб., 1862. № 35496.
332. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об изменении Устава Туркестанского сельскохозяйственного и промышленного Товарищества. 5 апреля 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд.1. СПб., 1905. № 22777.
333. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об изменении в 1905 году установленных законом сроков для раскладки и взимания государственного налога с недвижимых имуществ в городских поселениях Сыр-дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей. 4 февраля 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 27332.
334. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – Об освобождении от платежа пошлин торговцев на Атбашинской ярмарке. 12 октября 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 7122.
335. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – Об освобождении от платежа всяких податей в течение пяти лет, начиная с 1 января 1894 года, ста тридцати восьми семейств бывших жителей кишлаков Зосун и Тамин, Самаркандского уезда, поселившихся ныне вблизи кишлаков Дашты-Казы и Кштукода того же уезда. 18 марта 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10448.
336. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – Об освобождении земель, отведенных в надел прокаженным жителям селения Махау, Андижанского уезда, Ферганской области от поземельного налога. 18 марта 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10449.

337. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об открытии на реке Каркаре, Семиреченской области двухмесячной ярмарки, освобождением торгующих на оной от платежа пошлин. 29 января 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9288.
338. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об открытии в городе Джаркенте, Семиреченской области ярмарки сроком с 1октября по 15 ноября и освобождении торгующих на оной от обязанности выбирать ярмарочные билеты и приказничьи на ярмарочный торг свидетельства. 29 мая 1898 года// ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15465.
339. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – Об открытии в городе Пржевальске, Семиреченской области ярмарки. 25 июня 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 17321.
340. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об отмене воспрещения вывоза семян шелковичных червей (грены) из Туркестанского края. 31 мая 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21546.
341. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об увеличении числа воспитанников в школе киргизских детей при Оренбургской Пограничной комиссии. 14 апреля 1859 года // ПСЗРИ-2. Т. 34. Отд. 1. СПб., 1861. № 34374.
342. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – Об увеличении основного капитала Средне-Азиатского торгово-промышленного товарищества «Н. Кудрин и К°». 16 апреля 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3642.
343. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об увеличении подати, платимой населением Закаспийской области. 1 мая 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8562.
344. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – Об увеличении основного капитала Товарищества Московской Голутвинской ткацкой мануфактуры Среднеазиатских и внутренних изделий. 3 июля 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19041.
345. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – Об увеличении основного капитала Туркестанского торгово-промышленного товарищества для очистки хлопка и производства растительных масел. 11 апреля 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 27678.
346. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – Об установлении нормальной оценки гуртового скота в местностях Сибири и Среднеазиатских владений. 3 июля 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19025.
347. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – Об устройстве Судебной части в Туркестанском крае и о введении там Временного штата судебных установлений. 13 февраля 1870 года // ПСЗРИ-2. Т. 45. Отд. 1. СПб., 1874. № 48030.

348. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об учреждении школ в области Зауральских киргизов. 9 февраля 1860 года. // ПСЗРИ-2. Т. 35. Отд. 1. СПб., 1862. № 35428.
349. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об учреждении школы для киргизских мальчиков в городе Троицке. 6 июня 1861 года // ПСЗРИ-2. Т. 36. Отд.1. СПб., 1863. № 37089.
350. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об учреждении в городе Верном, Семиреченской области двух ярмарок. 4 мая 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20029.
351. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – Относительно устройства местных управлений Кавказа. 29 января 1882 года // ПСЗРИ-3. Т. 2. Отд.1. СПб.,1886. № 638.
352. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров О воспрещении ввоза в Туркестанский край однолетних виноградных черенков. 10 февраля 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1887. № 5770.
353. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров– О привлечении туземного населения Асхабадского уезда, туркмен Мангышлакского и племени шиихКрасноводского уездов, Закаспийской области к уплате земского кибиточного сбора наравне с прочим туземным населением названной области. 24 октября 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14582.
354. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров –Об изъятии киргизов Уральской и Тургайской областей из подсудности Военному Суду. 7 августа 1882 года // ПСЗРИ-3. Т. 2. Отд. 1. СПб., 1886. № 1052.
355. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров, объявленное Сенату министром юстиции – О порядке производства суда в Грузии над бунтовщиками. 1 июля 1819 года // ПСЗРИ-1. Т. 36. СПб., 1830. № 27864.
356. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров, объявленное Сенату министром финансов – Об ограничении вывоза из Туркестанского края за пределы империи семян шелковичных червей (грены). 27 апреля 1871 года // ПСЗРИ-2. Т. 47. Отд. 2. СПб., 1875. № 49517-а. Дополнения к 46-му тому ПСЗРИ-2.
357. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров, объявленное Сенату за Министра Финансов Товарищем Министра Финансов – О применении в Туркестанском крае Положения о пошлинах на право торговли и промыслов. 3 мая 1874 года // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 1. СПб., 1876. № 53472.
358. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров, объявленное Сенату Министром народного просвещения – О преимуществах чинов ведомства Народного Просвещения, находящихся на службе в Туркестанском крае. 22 октября 1876 года // ПСЗРИ-2. Т. 51. Отд. 2. СПб., 1878. № 56481.
359. Высочайше утвержденное Положение о башкирах. 14 мая 1863 года // ПСЗРИ-2. Т. 38. Отд.1.СПб., 1866. № 39622.

360. Высочайше утвержденное Положение о военном устройстве Киргизской степи Оренбургского ведомства и Сырдарьинской линии. 3 декабря 1861 года // ПСЗРИ-2. Т. 36. Отд. 2. СПб., 1863. № 37699.
361. Высочайше утвержденное Положение о Военно-Окружных управлениях. 6 августа 1864 года // ПСЗРИ-2. Т. 39. Отд. 1. СПб., 1867. № 41162.
362. Высочайше утвержденное Положение о детских приютах ведомства учреждений Императрицы Марии. 18 июля 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7930.
363. Высочайше утвержденное Положение о Дивизионном враче. 23 января 1871 года // ПСЗРИ-2. Т. 46. Отд. 1. СПб., 1874. № 49169.
364. Высочайше утвержденное Положение о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения. 24 мая 1870 года // ПСЗРИ-2. Т. 45. Отд.1. СПб., 1874. № 48406.
365. Высочайше утвержденное Положение о капитале, пожертвованном Его Высочеством, эмиром Бухарским на учреждение в интернате Ташкентского кадетского корпуса двух стипендий имени Его Императорского Высочества, Наследника Цесаревича. 21 января 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 29984.
366. Высочайше утвержденное Положение о Мариинских женских училищах ведомства Министерства народного просвещения в Маргелане и Самарканде. 1 мая 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 6778.
367. Высочайше утвержденное Положение о народных училищах. 14 июля 1864 года // ПСЗРИ-2. Т. 39. Отд. 1. СПб., 1867. № 41068.
368. Высочайше утвержденное Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов. 9 февраля 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 41779.
369. Высочайше утвержденное Положение о правах и обязанностях Старшего доктора при командующем Сырдарьинской линии. 9 февраля 1861 года // ПСЗРИ-2. Т. 36. Отд. 1. СПб., 1863. № 36597.
370. Высочайше утвержденное Положение о санитарно-гигиенических и дезинфекционных отрядах. 16 декабря 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд.1. СПб., 1912. № 32788.
371. Высочайше утвержденное Положение о Ташкентской женской гимназии. 28 мая 1883 года // ПСЗРИ-3. Т. 3. СПб., 1886. № 1613.
372. Высочайше утвержденное Положение о Ташкентской приготовительной школе 2-го Оренбургского кадетского корпуса. 5 июня 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 17078.
373. Высочайше утвержденное Положение о технических железнодорожных училищах Министерства путей сообщения. 7 апреля 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3611.
374. Высочайше утвержденное Положение о школе для киргизских детей при Оренбургской пограничной комиссии. 14 июня 1844 года //ПСЗРИ-2. Т. 19. Отд.1. СПб., 1845. № 17999.

375. Высочайше утвержденное Положение об уездных земельно-податных присутствиях в областях Самаркандской, Ферганской и Сыр-дарьинской. 10 июня 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18781.
376. Высочайше утвержденное Положение об управлении Алатавским Округом. 25 декабря 1862 // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд.2. СПб., 1865. № 39088.
377. Высочайше утвержденное Положение об управлении Алатавским Округом. Штат Управления Начальника Алатавского Округа и Киргизов Большой Орды. 25 декабря 1862 года // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд. 3. СПб., 1865. № 39088.
378. Высочайше утвержденное Положение об управлении Закаспийской области. 6 февраля 1890 года // ПСЗРИ-3. Т.10, отд.1. СПб., 1893. № 6576.
379. Высочайше утвержденное Положение об управлении Кавказской Армией. 1 апреля 1858 года // ПСЗРИ-2. Т. 33. Отд.1. СПб., 1860. № 32938.
380. Высочайше утвержденное Положение об управлении крепостями. 15 сентября 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20642.
381. Высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7574.
382. Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814.
383. Высочайше утвержденное Положение об Ургинской и Кульджинской школах для приготовления переводчиков и толмачей. 27 ноября 1884 года // ПСЗРИ-3. Т. 4. СПб., 1887. № 2547.
384. Высочайше утвержденное Положение Сибирского комитета – О дозволении киргизским султанам и почетным киргизам производить в Киргизской степи золотой и рудный промысел. 19 мая 1854 года // ПСЗРИ-2. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1855. № 28263.
385. Высочайше утвержденное Положение Сибирского комитета – О предоставлении начальнику Алатавского округа права выдавать билеты на проезд для торговли в города Западного Китая: Кульджу и Чугучак. 26 сентября 1862 года // ПСЗРИ-2. Т. 37.Отд. 3. СПб., 1865. № 38731-а - Приложения. Дополнение к тому XXXVII ПСЗРИ-2.
386. Высочайше утвержденное Положение Сибирского комитета – О продолжении срока на дозволение купцам и азиатцам, торгующим в Семипалатинске, Петропавловске и Омске, брать из таможенных мест привозные товары до платежа за оные пошлин. 18 февраля 1854 года // ПСЗРИ-2. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1855. № 27943.
387. Высочайше утвержденное Положение Сибирского комитета – О продолжении срока дозволения купцам и азиатцам, торгующим в Семипалатинске, Петропавловске и Омске, брать из таможенных мест привозные товары до платежа за оные пошлин, с оставлением части их в залог. 25 марта 1857 года // ПСЗРИ-2. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1858. № 31653.

388. Высочайше утвержденное Положение Сибирского комитета – Об изъятии киргизов Большой Орды, составляющих Алатавский округ, Семипалатинской области, из заведования Министерства иностранных дел и передаче их в ведомство Главного местного военного начальства Западной Сибири. 4 ноября 1863 года // ПСЗРИ-2. Т. 38. Отд.1. СПб., 1866. № 40189.
389. Высочайше утвержденное Положение Сибирского комитета – Об обложении бухарцев подымной податью. 19 мая 1854 года // ПСЗРИ-2. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1855. № 28262.
390. Высочайше утвержденное Положение Сибирского комитета – Об увеличении русского населения в Семиреченском и Заилийском крае Западной Сибири. 25 марта 1857 года // ПСЗРИ-2. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1858. № 31649.
391. Высочайше утвержденное положение Сибирского Комитета, объявленное Сенату Министром внутренних дел – О мерах к прекращению конокрадства в Западной Сибири. 19 марта 1854 года // ПСЗРИ-2. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1855. № 28054.
392. Высочайше утвержденное Положение Совета министров – О включении Заведывающего переселенческим делом в Семиреченской области чиновника Переселенческого управления на правах члена, в состав Общего присутствия Семиреченского областного правления. 23 июля 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33982.
393. Высочайше утвержденное Положение Совета министров – О мерах к упорядочению поземельно-податного дела в Туркестанском крае. 2 апреля 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30209.
394. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – О предоставлении Туркестанскому генерал-губернатору преподать к руководству подведомственным ему военным губернаторам Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей правило о порядке перечисления кибитко-владельцев из уезда в уезд в пределах одной или разных областей. 23 января 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 38662.
395. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – О предоставлении чиновникам особых поручений Переселенческого управления, обслуживающим перевозку переселенцев по линиям железных дорог, права выдачи ходаческих свидетельств. 5 июня 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 39502.
396. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – О прекращении работ Особого Вневедомственного Совещания по составлению нового Положения об управлении Туркестанским краем. 24 марта 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд.1. СПб., 1912. № 31643.
397. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – О разрешении Волжско-Камскому коммерческому банку приобретать в Туркестанском крае недвижимые имущества для помещения своих отделений. 23 января 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 31404.

398. Высочайше утвержденное Положение Совета министров – О разрешении Азовско-Донскому коммерческому банку приобрести недвижимое имущество в городе Ташкенте для помещения своего отделения. 16 марта 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 34913.
399. Высочайше утвержденное Положение Совета министров – О разрешении акционерному Средне-Азиатскому нефтепромышленно-торговому обществу «Санто» выдавать все акции его как именными, так и на предъявителя и о предоставлении названному обществу права приобретения в Ферганской области земельных участков площадью в общей сложности не свыше 6 десятин 1.800 квадратных сажен. 10 сентября 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 38101.
400. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – О разрешении Московским купеческому и учетному банкам приобрести недвижимые имущества в городах Коканде и Андижане для помещения своих отделений. 29 марта 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 39068.
401. Высочайше утвержденное Положение Совета министров – О распространении действия примечания к статье 59 Устава Горного, по прод. 1906 года, на IV Кавказский горный округ и Закаспийскую область. 18 февраля 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 34774.
402. Высочайше утвержденное Положение Совета министров – О рыболовстве в Закаспийской области. 19 февраля 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. Отд.1. СПб., 1908. № 28900.
403. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – О составлении нового Положения об управлении Туркестанским краем и об отсрочке передачи сего края в ведение Министерства внутренних дел. 30 июля 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 29439.
404. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – О сохранении за служащими в технических железнодорожных училищах Сибири и Средней Азии добавочных окладов содержания. 3 августа 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28194.
405. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – Об изменении Устава акционерного общества «Хлопок». 1 июля 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 29320.
406. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – Об изменении Устава Ферганского нефте- и горнопромышленного общества «Чимион». 23 октября 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 29706.
407. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – Об изменении порядка утверждения земской сметы Закаспийской области. 6 августа 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911.
408. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – Об изменении в отношении оклада 1908 года установленных в законе сроков для раскладки и взимания государственного налога с недвижимых имуществ в городских поселениях Сыр-дарьинской, Самаркандской и Ферганской

областей. 11 ноября 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 31145.

409. Высочайше утвержденное Положение Совета министров – Об изменении Устава Туркестанского торгово-промышленного товарищества «К.М. Соловьев и Кº». 13 апреля 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 36890.
410. Высочайше утвержденное Положение Совета министров – Об изменении Устава Товарищества для торговли и промышленности в Персии и Средней Азии. 10 сентября 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 38108.
411. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – Об отсрочке исполнения Высочайше утвержденного 6 августа 1908 года Положения Совета министров относительно нового порядка утверждения земской сметы в Закаспийской области. 25 августа 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32515.
412. Высочайше утвержденное Положение Совета министров – Об увеличении основного капитала Центрально-Челекенского нефтепромышленного общества. 23 декабря 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 29908.
413. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – Об уменьшении основного капитала Туркестанского сельскохозяйственного и промышленного Товарищества. 12 декабря 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32779.
414. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – Об установлении одинаковых сроков переучета кибиток кочевого населения в Семиреченской и трех коренных областей Туркестанского края. 6 октября 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32592.
415. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – Об утверждении временного штата Инспекции за постройкой Обществом Семиреченской железной дороги железнодорожной линии Арысь-Пишпек. 2 августа 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 40041.
416. Высочайше утвержденное Положение Совета министров – Об учреждении акционерного коммерческого банка под наименованием «Русско-Азиатский банк». 14 июня 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33788.
417. Высочайше утвержденное Положение Соединенного присутствия Комитета министров и Департамента Государственной экономии Государственного совета – О мерах к привлечению частных капиталов в дело железнодорожного строительства в России. 10 июня 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 26385.
418. Высочайше утвержденное постановление о Неплюевском училище. 9 февраля 1824 года // ПСЗРИ-1. Т. 39. СПб., 1830. № 29770.

419. Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 15 августа 1845 года // ПСЗРИ-2. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1846. № 19283.
420. Высочайше утвержденное Учреждение для управления Сибирских губерний. 22 июля 1822 года // ПСЗРИ-1. Т. 38. СПБ., 1830. № 29125.
421. Высочайше утвержденное Учреждение управления Кавказского края. 26 апреля 1883 года // ПСЗРИ-3. Т. 3. СПб., 1886. № 1522.
422. Высочайше утвержденные 16 декабря 1909 года: I. Каталог медикаментам, инструментам, аптечным и врачебным предметам, перевязочным и дезинфекционным средствам для отрядов: санитарно-гигиенического и дезинфекционного; II. Табель приборам, орудиям и вещам для санитарно-гигиенических и дезинфекционных обрядов; III. Штат санитарно-гигиенических и дезинфекционных отрядов // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 2. СПб., 1912. № 32788.
423. Высочайше утвержденные Временные правила для образования переселенческих и запасных участков в районе Сибирской железной дороги. 13 июня 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 9803-а. Приложения к Т.13-му ПСЗРИ-3.
424. Высочайше утвержденные Временные правила для образования переселенческих и запасных участков в районе Сибирской железной дороги. 13 июня 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 9803-а. Приложения к тому 13 ПСЗРИ-3.
425. Высочайше утвержденные Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-землевладельцев. 6 июня 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд.1. СПб., 1907. № 24701.
426. Высочайше утвержденные Временные правила о применении Судебных Уставов к областям Сырдарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской. 2 июня 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15493.
427. Высочайше утвержденные изменения действующего Устава «Челекено-Дагестанского нефтепромышленного общества». 7 июня 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21617.
428. Высочайше утвержденные Основные Положения о промышленных училищах. 7 марта 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 5057.
429. Высочайше утвержденные Положения: 1) О городских училищах. 2) О Учительских институтах. 31 мая 1872 года // ПСЗРИ-2. Т. 47. Отд. 1. СПб., 1875. № 50909.
430. Высочайше утвержденные Правила взамен статей 1-138, раздела 1, книги 1, части 5 Свода военных постановлений. 15 мая 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44574.
431. Высочайше утвержденные Правила для управления Калмыцким народом. 10 марта 1825 года // ПСЗРИ-1. Т.40. СПб., 1830. № 30290.

432. Высочайше утвержденные Правила нового устройства земских повинностей. 13 июля 1851 года // ПСЗРИ-2. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1852. № 25398.
433. Высочайше утвержденные Правила о введении поземельно-податного устройства в Туркестанском крае. 12 июня 1886 года.12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814.
434. Высочайше утвержденные Правила о ветеринарно-полицейских мерах по предупреждению и прекращению заразных и повальных болезней на животных и по обезвреживанию сырых животных продуктов. 12 июня 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21686.
435. Высочайше утвержденные Правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли в области Сыр-дарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую. 10 июня 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд.1. СПб., 1905. № 23126.
436. Высочайше утвержденные Правила о Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслах. 3 июня 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21569.
437. Высочайше утвержденные Правила об особом управлении башкирами. 14 мая 1863 года // ПСЗРИ-2. Т. 38. Отд.1. СПб., 1866, № 39623.
438. Высочайше утвержденные Правила об особых преимуществах государственной службы по военному ведомству в отдаленных местностях Империи. 15 июня 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4597.
439. Высочайше утвержденные Правила: I. Об отводе береговых участков в городе Красноводске и прилегающей к нему береговой полосе по направлению к мысу Уфра пароходным обществам, транспортным конторам, товариществам, фирмам и отдельным промышленникам и II. Для отвода участков земли в городе Красноводске под частные постройки. 16 июня 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11861.
440. Высочайше утвержденные условия деятельности Английского акционерного общества под наименованием: «Ферганское нефтепромышленное общество с ограниченной ответственностью». 1 декабря 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 34433.
441. Высочайше утвержденные условия деятельности в России Английского акционерного общества под наименованием «Челекенское нефтепромышленное общество с ограниченной ответственностью». 19 декабря 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 38528.
442. Высочайше утвержденные условия деятельности в России Бельгийского акционерного общества под наименованием: «Анонимное общество Туркестанской промышленности (Назаров и К°)». 30 марта 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 19885.
443. Высочайше утвержденный 12 июня 1899 года: I. Штат военного управления Закаспийской области и 2-го Туркестанского армейского корпуса // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд.2. СПб., 1902. № 17214.

444. Высочайше утвержденный 12 июня 1899 года: II. Штат Туркестанского военного округа // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд.2. СПб., 1902. № 17214.
445. Высочайше утвержденный 13 апреля 1912 года Штат Асхабадского аптечного склада // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 2. СПб., 1915. № 36896.
446. Высочайше утвержденный 13 апреля 1912 года Штат Ташкентского аптечного магазина // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 2. СПб., 1915. № 36896.
447. Высочайше утвержденный 2 августа 1913 года временный штат Инспекции за постройкой Обществом Семиреченской железной дороги железнодорожной линии Арысь-Пишпек // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 2. СПб., 1916. № 40041
448. Высочайше утвержденный 25 апреля 1904 года Штат Ташкентского кадетского корпуса // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 2. СПб., 1907. № 24434.
449. Высочайше утвержденный 5 июня 1895 года Временный штат Асхабадского железнодорожного технического училища // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. Штаты и табели. № 11825.
450. Высочайше утвержденный 5 июня 1895 года Временный штат служащим по эксплуатации Закаспийской военной железной дороги // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11825. Штаты и табели.
451. Высочайше утвержденный 7 июля 1913 года штат фабричной инспекции // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 2. СПб., 1916. № 39737.
452. Высочайше утвержденный 9 марта 1874 года Штат Управления Закаспийским военным отделом // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 3. СПб., 1876. № 53233.
453. Высочайше утвержденный Военно-судебный устав. 15 мая 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44575.
454. Высочайше утвержденный всеподданнейший доклад Военного министра – О продлении на 1 год Высочайше дарованной милости кочевому населению Памирской волости в виде освобождения от уплаты государственного налога и земских сборов. 15 сентября 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19229.
455. Высочайше утвержденный всеподданнейший доклад Военного министра – О предоставлении начальнику Закаспийской области права разрешать достигающим призывного возраста русским переселенцам области отсрочивать время явки к призыву. 10 октября 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19264.
456. Высочайше утвержденный всеподданнейший доклад Главноуправляющего Собственной Е.И.В. Канцелярией по учреждениям императрицы Марии – Об учреждении при Ташкентском приюте имени К.П. фон Кауфмана I особого приюта для малолетних детей дошкольного возраста. 20 марта 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18310.
457. Высочайше утвержденный всеподданнейший доклад Министра народного просвещения – О введении в Туркестанской Учительской семинарии, взамен киргизского языка, преподавания персидского и

сартовского языков. 24 марта 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 5086-а. Дополнения в 8-му тому ПСЗРИ-3.

458. Высочайше утвержденный всеподданнейший доклад Министра путей сообщения – О присвоении Самарканд-Андижанской железной дороге с ветвями на Ташкент и Ново-Маргелан наименования Средне-Азиатской железной дороги. 5 ноября 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 16032 а. Дополнения к 18-му тому ПСЗРИ-3.
459. Высочайше утвержденный всеподданнейший доклад Управляющего Министерством народного просвещения, товарища министра – Об освобождении учеников Ташкентской и Верненской прогимназий из детей киргизов и других туземцев Туркестанского края об обучения греческому языку. 7 августа 1877 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 57637-а.
460. Высочайше утвержденный доклад Сената – О продаже приезжающим из-за границы азиатским купцам в Оренбурге товаров, а также золота, серебра и алмазных вещей до рассмотрения Тарифа по вольным ценам или меной на товары российским купцам; о недозволении им ездить внутрь России для продажи оных и о представлении Оренбургской губернской канцелярии в Сенат о привозе драгоценных камней отменной величины и чрезвычайной работы. 30 апреля 1763 года // ПСЗРИ-1. Т. 16. СПб., 1830. № 11807.
461. Высочайше утвержденный доклад Сената – О произведении следствия по взяткам с сибирских иногородцев; и о положении бухарцев, живущих в Сибирской губернии, по происшествии льготного времени, в оклад против государственных крестьян. 12 февраля 1764 года // ПСЗРИ-1. Т. 16. СПб., 1830. № 12041.
462. Высочайше утвержденный доклад Сената – О штатах Оренбургской, Подольской и Волынской губерний. 19 июля 1804 года // ПСЗРИ-1. Т. 28. СПб., 1830. № 21404. См. штаты: ПСЗРИ-1. Т. 42. Отд.2. СПб., 1830.1804 год. № 21404.
463. Высочайше утвержденный Журнал Комитета Сибирских дел, представленный Сенату Министром Финансов – О взимании с идущих из Оренбурга в Бухарию караванов под прикрытием конвоя по 25 копеек с рубля. 11 декабря 1824 года // ПСЗРИ-1. Т. 39. СПБ., 1830. № 30150.
464. Высочайше утвержденный Устав акционерного общества «Хлопок». 11 марта 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 25944.
465. Высочайше утвержденный Устав акционерного Средне-Азиатского нефтепромышленно-торгового общества «Санто». 25 января 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 29994.
466. Высочайше утвержденный Устав Арало-Каспийского нефтепромышленного и торгового общества. 28 марта 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд.1. СПб., 1905. № 22748.
467. Высочайше утвержденный Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. 19 ноября 1864 года // ПСЗРИ-2. Т. 39. Отд. 2. СПб., 1867. № 41472.

468. Высочайше утвержденный Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. 30 июля 1871 года // ПСЗРИ-2. Т. 46. Отд. 2. СПб., 1875. № 49860.
469. Высочайше утвержденный Устав Закаспийского Торгово-промышленного общества. 16 июня 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18897.
470. Высочайше утвержденный Устав Кокандской биржи. 13 июня 1906 года. 13 июня 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28019.
471. Высочайше утвержденный Устав Московского нефтепромышленного общества «Челекен». 24 апреля 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24425.
472. Высочайше утвержденный Устав народных училищ в Российской империи. 6 августа 1786 года // ПСЗРИ-1. Т. 22. СПб., 1830. № 16421.
473. Высочайше утвержденный Устав нефтепромышленного общества «Челекенская нефть». 11 апреля 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30264.
474. Высочайше утвержденный Устав о карантинах. 1 марта 1866 года // ПСЗРИ- 2. Т. 41. Отд. 1. СПб., 1868. № 43061.
475. Высочайше утвержденный Устав о Сибирских Киргизах. 22 июля 1822 года // ПСЗРИ-1. Т. 38. СПБ., 1830. № 29127.
476. Высочайше утвержденный Устав о ссыльных. 22 июля 1822 года // ПСЗРИ-1. Т. 38. СПБ., 1830. № 29128.
477. Высочайше утвержденный Устав об управлении инородцев. 22 июля 1822 года // ПСЗРИ-1. Т. 38. СПБ., 1830. № 29126.
478. Высочайше утвержденный Устав Общества «Кавказ и Меркурий». 12 апреля 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 16752.
479. Высочайше утвержденный Устав общества Коканд-Наманганской железной дороги. 13 апреля 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33357.
480. Высочайше утвержденный Устав Попечительского общества о доме трудолюбия в городе Ташкенте. 29 октября 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 13348.
481. Высочайше утвержденный Устав Семиреченской железной дороги. 28 мая 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 37154.
482. Высочайше утвержденный Устав Среднеазиатского торгово-промышленного товарищества «Кудрин и К°». 27 июля 1884 года // ПСЗРИ-3. Т. 4. СПб., 1887. № 2380.
483. Высочайше утвержденный Устав товарищества Туркестанского сахарорафинадного завода. 1 сентября 1884 года // ПСЗРИ-3. Т. 4. СПб., 1887. № 2419.
484. Высочайше утвержденный Устав Туркестанского общества каменноугольной и горной промышленности. 25 июня 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26495.

485. Высочайше утвержденный Устав Туркестанского сельскохозяйственного и промышленного товарищества. 11 апреля 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18408.
486. Высочайше утвержденный Устав Туркестанского торгово-промышленного Товарищества для очистки хлопка и производства растительных масел. 27 июня 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10843.
487. Высочайше утвержденный Устав Туркестанского торгово-промышленного товарищества «К.М. Соловьев и К°». 6 июня 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32002.
488. Высочайше утвержденный Устав Ферганского нефти и горнопромышленного акционерного общества «Чимион». 20 мая 1905 года //ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26239.
489. Высочайше утвержденный Устав Центрально-Челекенского нефтепромышленного общества. 3 июля 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21827.
490. Высочайше утвержденный Устав Челекенского нефтепромышленного общества. 3 мая 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21398.
491. Высочайше утвержденный штат лечебницы для душевнобольных с отделением для хроников в городе Верном. 6 марта 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд.2. СПб., 1909. № 27494.
492. Высочайше утвержденный Штат медицинской части в городах Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 2. СПб., 1909. № 27740.
493. Высочайше утвержденный штат отправляемой миссии в Бухарию. 3 июля 1820 года // ПСЗРИ-1. Т. 37. СПб., 1830. № 28342; см.: штаты миссии: ПСЗРИ-1. Т. 44. Отд.2. СПб., 1830. № 28772.
494. Высочайше утвержденный Штат Самаркандской 4-х классной прогимназии. 29 марта 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 2. СПб., 1902. № 16689.
495. Высочайше утвержденный штат сельско-врачебной части Семиреченской области. 6 марта 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд.2. СПб., 1909. № 27494.
496. Высочайше утвержденный штат управления Командующего Сырдарьинской линией. 5 июля 1854 года // ПСЗРИ-2. Т. 29. Отд. 2. СПб., 1855. № 28392.
497. Высочайше утвержденный штат чинам, назначаемым для составления в Оренбурге Комиссии Пограничных дел. 19 марта 1799 года // ПСЗРИ-1. Т. 25. СПб., 1830. № 18897. С. 590; см. также: Штат Оренбургской Комиссии Пограничных дел. ПСЗРИ-1. Т.44. Отд.2. № 18897. СПб., 1830.
498. Высочайше утвержденный штат чинам, назначаемым для составления в Оренбурге Комиссии пограничных дел. 19 марта 1799 года // ПСЗРИ-1. Т. 25. СПб., 1830. № 18897. См. штаты: ПСЗРИ-1. Т. 42. Отд. 2. № 18897; № 19281.
499. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – О предоставлении Министру финансов

полномочия на установление в 1907 году временных подесятинных окладов государственного поземельного налога для орошаемых атмосферной влагой (богарных) и необрабатываемых земель в Туркестанском крае. 27 января 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30006.

500. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – Об установлении подесятинных окладов государственной оброчной подати с земель оседлого населения Семиреченской, Уральской и Тургайской областей и о распространении на последнюю из названных местностей правил раскладки означенной подати, действующих в Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях. 9 марта 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30145.
501. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – О продлении на 1908 год предоставленного министру финансов полномочия по установлению временных подесятинных окладов государственного поземельного налога для богарных и необрабатываемых земель в Туркестанском крае. 10 апреля 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30237.
502. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – О распространении на Закаспийскую область действующих узаконений об обязательном обандероленииi привозного чая, поступающего в розничную продажу. 1 июля 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30593.
503. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – Об отпуске из средств Государственного казначейства сумм на разъезды, наем квартиры и канцелярские расходы Инспекторам народных училищ в Сырдарьинской области. 6 июля 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30678.
504. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – Об отпуске из средств на строительные надобности Туркестанской Учительской семинарии. 6 июля 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30713.
505. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – О сметах и раскладках земских повинностей Туркестанского генерал-губернаторства и Степных областей на 1908-1910 годы. 8 июля 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30771.
506. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – Об увеличении штатного содержания начальникам технических железнодорожных училищ и об установлении добавочного содержания служащим технических железнодорожных училищ Сибири и Средней Азии. 8 июля 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30782.

507. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – О дополнительном отпуске из средств государственного казначейства по 2.500 рублей в год на содержание 50 стипендиатов в Туркестанской Учительской семинарии. 6 марта 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 31563.
508. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – Об учреждении при Омской Учительской семинарии 10 стипендий для киргизов. 6 марта 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 31574.
509. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – Об учреждении в Туркестанской Учительской семинарии должности учителя естествоведения и сельского хозяйства. 24 мая 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 31927.
510. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – О продлении действия расписания личного состава и окладов содержания чинов временных партий и отряда для заготовления переселенческих участков в Степных областях, Сибири и Туркестанском крае. 6 июня 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 31974.
511. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – О разрешении приема в число воспитанников Оренбургской Учительской семинарии лиц Магометанского исповедания и о введении в означенной семинарии преподавания вероучения Магометанского исповедания. 10 июня 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32056.
512. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – Об определении строительной стоимости работ и поставок по развитию станции Ташкент, Ташкентской железной дороги. 10 июня 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32081.
513. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – О распространении действий статей 253 и 254 Устава Врачебного, изд. 1905 года, на области Степного и Туркестанского генерал-губернаторств и на области Уральскую и Тургайскую. 21 июня 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32217.
514. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – Об установлении подесятинных окладов государственного поземельного налога с богарных и необрабатываемых земель в областях Самаркандской, Ферганской и Сырдарьинской. 21 июня 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32236.
515. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – О присвоении должности Ташкентского городского врача служебных прав и преимуществ по закону 19 апреля

1906 года. 18 декабря 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32801.

516. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – Об учреждении морской врачебно-наблюдательной станции в городе Красноводске. 25 декабря 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32838.
517. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – Об изменении штата медицинской части в городах Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей Туркестанского края. 25 декабря 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32852.
518. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об отпуске из государственного казначейства средств на содержание при Каркаралинской местной команде одной должности старшего медицинского фельдшера. 8 мая 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33485.
519. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об отпуске из государственного казначейства средств в пособие на содержание литейной мастерской при Ташкентском ремесленном училище. 16 мая 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд.1. СПб., 1913. № 33549.
520. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – Об утверждении сметы и раскладки земских повинностей Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей на трехлетие 1910-1912 годов. 10 июня 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд.1. СПб., 1913. № 33710.
521. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования. 14 июня 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33743.
522. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон – О дополнительном отпуске из государственного казначейства 10.000.000 рублей на нужды начального образования. 14 июня 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33763.
523. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об отпуске из государственного казначейства средств на эксплуатацию Термезской оросительной системы. 17 июня 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33801.
524. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон - Об отпуске из государственного казначейства средств на покрытие перерасходов по постройке Вологда-Вятской, южной части Оренбург-Ташкентской и Улуханлу-

Джульфинской железных дорог. 21 июня 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33862.

525. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – О дополнении ст.270 Положения об управлении Туркестанским краем. 19 декабря 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 34501.
526. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об увеличении отпускаемого из земских сборов Семиреченской области пособия на содержание детского приюта ведомства учреждений императрицы Марии в городе Верном. 24 февраля 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 34807.
527. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об упразднении временных поземельно-податных установлений в Ферганской области. 24 мая 1911 года// ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 35267.
528. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об отпуске из государственного казначейства средств на покрытие половины дефицита по Туркестанской сельскохозяйственной, научной и промышленной выставки. 26 мая 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 35297.
529. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – О предоставлении фельдшерам для командировок при областных правлениях и участковым фельдшерам Туркестанского края квартирного довольствия. 28 мая 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 35333.
530. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об установлении подесятинных окладов государственной оброчной подати с земель оседлого населения Семиреченской, Уральской и Тургайской областей. 28 мая 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 35334.
531. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об отпуске дополнительных средств на содержание участковых лечебниц в Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областях. 1 июня 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 35397.
532. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон - Об отпуске из государственного казначейства средств на окончание работ по орошению северо-восточной части Голодной степи. 1 июня 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 35416.
533. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об усилении состава чинов податного надзора, о введении податной инспекции в Закаспийской области и об учреждении одной должности Ревизора по податной части при

Департаменте окладных сборов. 3 июня 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 35426.

534. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – О предоставлении податных льгот населению Семиреченской области, пострадавшему от землетрясения. 23 декабря 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 36294.
535. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – О порядке обложения земским сбором фабричных и заводских помещений в уездах и городах Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей. 19 января 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 36460.
536. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – О дополнительном отпуске из средств государственного казначейства 8.000.000 рублей на нужды начального образования. 13 июня 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд.1. СПб., 1915. № 37297.
537. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об отпуске из государственного казначейства в пособие Алексеевскому коммерческому училищу в городе Ташкенте на ведение преподавания восточных языков. 25 июня 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 37496.
538. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об упразднении должностей уездной повивальной бабки в Туркестанском крае и об учреждении при лечебных заведениях края должностей фельдшерицы-акушерки и об увеличении содержания медицинскому персоналу города Верного. 28 июня 1912 // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 37570.
539. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об учреждении должности участкового врача в Мангышлакском уезде Закаспийской области. 5 июля 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 37729.
540. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – О принятии на средства государственного казначейства произведенного в 1911 году расхода на оказание помощи пострадавшему от землетрясения населению Семиреченской области. 23 июня 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 39559.
541. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – О принятии на средства государственного казначейства произведенного в 1912 году расхода на выдачу домообзаводческих ссуд переселенцам. 30 июня 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 39610.
542. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – О распространении действия правил о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности и о

взаимных отношениях фабрикантов и рабочих на некоторые губернии и области Кавказа, Сибири, Степного края и Туркестана и об установлении нового штата фабричной инспекции. 7 июля 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 39737.

543. Высочайшее повеление по всеподданнейшему докладу Главноуправляющего Собственной Е.И.В. Канцелярией по учреждениям императрицы Марии – О принятии детского приюта в Асхабаде в число приютов ведомства императрицы Марии и об открытии Закаспийского областного Попечительства детских приютов. 15 октября 1898 года// ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15988.
544. Высочайшее повеление, объявленное бывшим министром финансов – О беспошлинном ввозе в Каспийские порты среднеазиатских товаров по свидетельствам местных начальств. 24 октября 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3976.
545. Высочайшее повеление, объявленное военным министром – О введении в штат Термезского воинского начальника должности ветеринарного врача. 9 сентября 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28345.
546. Высочайшее повеление, объявленное Военным министром – О наименовании Ташкентского кадетского корпуса «Ташкентским Наследника Цесаревича кадетским корпусом». 20 августа 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 25051.
547. Высочайшее повеление, объявленное Военным министром – О папахах для Хабаровского кадетского корпуса и об установлении формы обмундирования для Ташкентского кадетского корпуса. 8 октября 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 23458-а. Дополнения к 23-му тому ПСЗРИ-3.
548. Высочайшее повеление, объявленное Военным министром – О переименовании Главного военно-медицинского управления в Главное военно-санитарное управление. 16 декабря 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32795.
549. Высочайшее повеление, объявленное Военным министром – О переименовании военно-медицинского ведомства в военно-санитарное. 17 декабря 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 34498.
550. Высочайшее Повеление, объявленное Военным Министром – О переселении в Закаспийскую область, на реку Кушку, 218 семей русских земледельцев. 5 мая 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8590.
551. Высочайшее Повеление, объявленное Военным Министром – О переселении русских земледельцев в Закаспийскую область. 26 декабря 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 9200.
552. Высочайшее повеление, объявленное Военным министром – О перечислении Матчинской волости из Самаркандского в Ходжентский уезд Самаркандской области. 18 октября 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 40448.
553. Высочайшее Повеление, объявленное Военным Министром – О подчинении военно-врачебных заведений Амударьинского отдела

Начальнику сего Отдела. 22 июля 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 3136.

554. Высочайшее повеление, объявленное Военным Министром – О преобразовании военно-судной части в войсках Туркестанского Военного Округа. 7 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3781.
555. Высочайшее повеление, объявленное Военным Министром – О преобразовании в областном управлении Сырдарьинской области. 14 декабря 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 4096.
556. Высочайшее повеление, объявленное Военным Министром – О привлечении населения Атека (Закаспийской области) к отбыванию денежных повинностей. 1 ноября 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4760.
557. Высочайшее повеление, объявленное военным министром – О продлении на один год Высочайше дарованной кочевому населению Памирской волости льготы по освобождению от уплаты государственного налога и земского сбора. 23 декабря 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20895.
558. Высочайшее повеление, объявленное военным министром – О продлении кочевому населению Памирской волости льготы по освобождению от уплаты государственного налога и земского сбора. 10 декабря 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 22248.
559. Высочайшее повеление, объявленное Военным Министром – О сохранении в городе Ташкенте существующего городского общественного управления. 19 декабря 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 4111.
560. Высочайшее повеление, объявленное военным министром – Об изъятии из ведения начальника 1-й Туркестанской резервной бригады управления Термезского воинского начальника и Термезского местного лазарета. 27 июля 1906 года. 27 июля 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28176.
561. Высочайшее Повеление, объявленное Военным Министром – Об образовании русских рыбачьих поселений на берегах Каспийского моря и предоставлении поселенцам льгот. 26 марта 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9455.
562. Высочайшее повеление, объявленное Военным министром – Об упразднении Военно-Судной Комиссии при управлении Самаркандского Коменданта. 16 июля 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 5420.
563. Высочайшее повеление, объявленное военным министром – Об упразднении военно-судной комиссии, состоявшей при управлении бывшего Сырдарьинского губернского воинского начальника. 2 августа 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6217.
564. Высочайшее повеление, объявленное военным министром – Об упразднении военно-судной комиссии, учрежденной при управлении Верненского уездного воинского начальника. 5 января 1893 года // ПСЗРИ- 3. Т. 13. СПб., 1897. № 9237.

565. Высочайшее повеление, объявленное Военным министром – Об установлении шифровки в Ташкентском Наследника Цесаревича кадетском корпусе. 20 сентября 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 25122.
566. Высочайшее повеление, объявленное Военным министром – Об учреждении при Верненской женской гимназии двух стипендий «Имени Императора Александра II» и «Романовской». 19 июля 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 37823.
567. Высочайшее повеление, объявленное Главноуправляющим землеустройством и земледелием – О переименовании Министерства земледелия и государственных имуществ в Главное управление землеустройства и земледелия. 6 июня 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 26369.
568. Высочайшее повеление, объявленное Главноуправляющим землеустройством и земледелием – О принятии переселенческого дела в заведование Главного управления землеустройства и земледелия. 19 сентября 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 26722.
569. Высочайшее повеление, объявленное Министром внутренних дел – О передаче медицинской части местностей военно-народного управления на Кавказе в ведомство Министерства внутренних дел. 20 апреля 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9514.
570. Высочайшее повеление, объявленное Министром внутренних дел – Об охране от заноса чумы сухопутной границы Азиатской России. 7 марта 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21176.
571. Высочайшее повеление, объявленное министром народного просвещения – Об учреждении при Маргеланском и Самаркандском Мариинских женских училищах должностей Почетных Попечительниц. 10 мая 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9585.
572. Высочайшее повеление, объявленное министром народного просвещения – О разрешении определять при Мариинских женских училищах в Маргелане и Самарканде врачей с правами медицинской службы. 29 мая 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9692.
573. Высочайшее повеление, объявленное Министром народного просвещения – О разрешении учреждать при приходских и начальных училищах Закаспийской области должности Почетных блюстителей. 30 сентября 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 12058.
574. Высочайшее повеление, объявленное Министром путей сообщения – О передаче Закаспийской железной дороги в ведение Министерства путей сообщения. 18 декабря 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 16256.
575. Высочайшее Повеление, объявленное Министром путей сообщения – О присвоении техническому железнодорожному училищу Министерства путей сообщения наименования: «Ташкентское техническое железнодорожное училище имени Наследника Цесаревича Алексея

Николаевича». 12 ноября 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 25325.

576. Высочайшее повеление, объявленное Министром путей сообщения – О соединении Оренбургской ветви Самаро-Златоустовской железной дороги с Оренбургско-Ташкентской железной дорогой под общим названием «Ташкентской железной дороги». 16 апреля 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24373.
577. Высочайшее повеление, объявленное Министром финансов – О воспрещении ввоза опиума в Закаспийскую область. 10 мая 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7681.
578. Высочайшее повеление, объявленное министром финансов – Об открытии действий вновь образуемых таможенных учреждений в Средней Азии с 1 сентября 1894 года. 15 июля 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10908.
579. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – О включении в состав Сырдарьинского Попечительства детских приютов помощника губернатора Сырдарьинской области и Инспектора народных училищ той же области и двух членов, назначаемых по усмотрению туркестанского генерал-губернатора. 7 марта 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 12591.
580. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – О включении помощника начальника Закаспийской области, Заведующего судной частью и председателя Закаспийского благотворительного общества в число членов Закаспийского областного Попечительства детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии. 2 декабря 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 22203.
581. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – О включении начальника Закаспийской железной дороги в число действительных членов Закаспийского областного Попечительства детских приютов учреждений ведомства Императрицы Марии. 25 ноября 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 34394.
582. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – О воспрещении временно, впредь до особого распоряжения, вывода и вывоза верблюдов из местностей Туркестанского военного округа за границу Империи. 8 июня 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд.1. СПб., 1907. № 24757.
583. Высочайшее повеление, объявленное министром юстиции – О передаче возникших в Закаспийской области следственных производств, по коим содержатся арестанты, на разрешение Бакинского окружного суда. 20 марта 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 2827.
584. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – О подчинении ведению Бакинского Окружного Суда всех возникающих в Закаспийской области уголовных дел, подсудных в Закавказье общим судебным установлениям. 18 ноября 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4807.

585. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – О подчинении гражданских дел, возникающих между проживающими в Бухарском ханстве русскими подданными ведению местного Российского Политического Агента и Самаркандского областного суда». 11 мая 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 5194.
586. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – О предоставлении особых полномочий Председателю Высочайше утвержденной Комиссии о мерах предупреждения и борьбы с чумной заразой, Его Высочеству, принцу Александру Петровичу Ольденбургскому для организации в Туркестанском крае наиболее соответственных и энергических способов борьбы с появившейся там болезнью. 18 октября 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15993.
587. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – О предоставлении некоторых служебных преимуществ удельным чинам Мургабского Государева имения. 11 июля 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 37762.
588. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – О признании хлопка военной контрабандой. 8 апреля 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24312.
589. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – О принятии основанного в Ташкенте детского приюта имени покойного туркестанского генерал-губернатора, генерал-адъютанта фон Кауфмана-I, вместе с принадлежащим приюту домом, капиталом и движимым имуществом в число детских приютов ведомства Императрицы Марии. 4 ноября 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 12103.
590. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – О принятии Ташкентского Александровского и Самаркандского детских приютов вместе с принадлежащими им капиталами и недвижимым имуществом в число детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии. 13 декабря 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 13518.
591. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – Об открытии уездных попечительств детских приютов ведомства учреждений Императрицы Марии в уездах Семиреченской области. 4 октября 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19259.
592. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – Об открытии должностей помощника управляющего Мургабским Государевым имением и начальника Мургабского удельного хлопкоочистительного завода и об упразднении должности переводчика при названном имении. 1 декабря 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20789.
593. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – Об открытии Верненского, Джаркентского, Лепсинского и Пишпекского уездных Попечительств детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии. 14 декабря 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 22278.

594. Высочайшее повеление, объявленное министром юстиции – Об открытии Ферганского областного попечительства детских приютов ведомства учреждений Императрицы Марии и детского приюта того же ведомства в городе Новом Маргилане. 17 сентября 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28355.
595. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – Об открытии Пржевальского уездного Попечительства детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии. 13 января 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 29967.
596. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – Об отмене воспрещения вывода и вывоза верблюдов из Туркестанского военного округа за границу Российской империи. 6 августа 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 26663.
597. Высочайшее Повеление, объявленное Министром Юстиции – Об утверждении Инструкции Сенатору, назначенному по Высочайшему Повелению к производству ревизии Туркестанского края. 18 июня 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд.1. СПб., 1911. № 30500.
598. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – Об учреждении при Управлении Мургабским Государевым имением должности медика. 7 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7522.
599. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – Об учреждение должности техника при Мургабском Государевом имении. 27 мая 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 16959.
600. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – Об учреждении при Управлении Мургабского Государева имения должности землемерного чиновника и помощника техника. 13 февраля 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 22524.
601. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – Об учреждении при Управлении Мургабского Государева имения должностей: Агронома и Старшего и Младшего врачей и закрытии ныне существующей в означенном имении должности Врача. 22 января 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 23907.
602. Высочайшее повеление, объявленное министром юстиции – Об учреждении при Мургабском Государевом Имении должностей инженера, делопроизводителя и бухгалтера и о переименовании существующей в том же имении должности помощника делопроизводителя в должность Контрольного чиновника. 9 марта 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд.1. СПб., 1908. № 27511.
603. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – Об учреждении при Мургабском Государевом имении должности инженера-электрика. 3 апреля 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33279.
604. Высочайшее повеление, объявленное Управляющим Министерством Финансов – О пропуске среднеазиатских товаров, следующих в Баку и

Астрахань, через Чарджуй и Узун-Ада. 6 марта 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4281.

605. Высочайшее повеление, объявленное Управляющим Министерством Юстиции – О передаче на разрешение Бакинского Окружного Суда всех возникших в Закаспийской области и оконченных производством следствий по уголовным делам, выходящим из пределов подсудности мировых судебных установлений. 4 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3774.
606. Грамота Похвальная Киргиз-кайсацкому Абдулхаир-хану – За приведение им в Российское подданство Большой Кайсацкой Орды, также Аральского Хана. 9 апреля 1734 года // ПСЗРИ-1. Т. 9. СПб., 1830. № 6567.
607. Дополнительное постановление – Об устройстве гильдий и торговле прочих состояний. 14 ноября 1824 года // ПСЗРИ-1. Т. 39. СПБ., 1830. № 30115.
608. Дополнительный штат для школы киргизских детей при Оренбургской Пограничной комиссии. 14 апреля 1859 года // ПСЗРИ-2. Т. 34. Отд. 2. СПб., 1861. № 34374.
609. Жалованная грамота старшине Киргиз-кайсацкой Орды Эбулхаир-хану и всему войску – О принятии их в Российское подданство. 19 февраля 1731 года // ПСЗРИ-1. Т. 8. СПб., 1830. № 5704. С. 386-387.
610. Законы гражданские // Свод законов Российской империи. Т. 10. СПб., 1900.
611. Законы о состояниях. Книга 1. Глава IV. О добровольном переселении. Отд. 1. // Свод законов Российской империи. Изд. 1900 г. Т. 9. СПб., 1900.
612. Именной – О взятии с Хивинского посланника с привозных его товаров пошлин по Торговому уставу. 24 мая 1700 года // ПСЗРИ-1. Т. 4. СПб., 1830. № 1791.
613. Именной – О посольстве в Хиву. 20 мая 1714 года // ПСЗРИ-1. Т. 5. СПб., 1830. № 2809.
614. Именной – О присутствующих в Коллегии иностранных дел, о порядке рассуждения по делам особенной важности и по бумагам текущим и о назначении числа чиновников с распределением должностей между ними. 13 февраля 1720 года // ПСЗРИ-1. Т. 6. СПб., 1830. № 3518.
615. Именной Высочайший указ, данный Военному министру – Об отчуждении земель под устройство Мургабской ветви Закаспийской военной железной дороги. 29 мая 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14174.
616. Именной Высочайший указ, данный Сенату – О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования. 9 ноября 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28528.
617. Именной, Высочайший указ Управляющему министерством государственных имуществ – О преобразовании Министерства государственных имуществ в Министерство земледелия и

государственных имуществ. 31 мая 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9701.

618. Именной, Высочайший указ, данный министру путей сообщения – Об отчуждении земель и имуществ для устройства железнодорожной линии от Самарканда до Андижана, Закаспийской железной дороги. 5 июня 1895 года // ПСЗРИ-3. Т. 15. СПб., 1899. № 11791.
619. Именной, Высочайший указ, данный Министру путей сообщения – Об отчуждении земель и других имуществ, потребных для сооружения Ташкентской и Ново-Маргиланской ветвей Самарканд-Андижанской железнодорожной линии, а также подъездных шоссейных путей к станциям Джизак, Коканд и Ходжент той же железной дороги. 24 февраля 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 13778.
620. Именной, Высочайший указ, данный Министру путей сообщения – Об отчуждении земель и имуществ, потребных для сооружения Оренбургско-Ташкентской железной дороги. 8 июня 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20308.
621. Именной, Высочайший указ, данный министру финансов – О повышении таможенных пошлин Общего таможенного тарифа по Европейской торговле и на товары финляндского производства, и об увеличении возврата пошлин на вывозимые за границу хлопчатобумажные изделия. 21 июля 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19102.
622. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – О введении в действие нового Городового Положения. 11 июня 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8707.
623. Именной, Высочайший указ, данный Сенату – О воспрещении вывоза пшеницы из Закаспийской области в Персию. 29 августа 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7954. № 7954.
624. Именной, Высочайший указ, данный Сенату – О разделении Сибири и Среднеазиатских областей на военные округа с соответствующими изменениями в устройстве их высшего гражданского управления. 26 декабря 1897 года // ПСЗРИ-3. Т.17. СПб., 1900. № 14818.
625. Именной, Высочайший указ, данный Сенату – Об отмене воспрещения отпуска пшеницы из Закаспийской области в Персию. 30 августа 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8909.
626. Именной, Высочайший указ, данный Сенату – Об отчуждении земли для сооружения ширококолейной железнодорожной линии от станции «Коканд» до города Намангана, Ферганской области. 14 июля 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30818.
627. Именной, Высочайший указ, данный Сенату – Об отчуждении земли для сооружения ширококолейной железнодорожной линии общего пользования от станции Арысь, Ташкентской железной дороги до города Пишпека, Семиреченской области. 28 мая 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 37142.

628. Именной, Высочайший указ, данный Сенату – Об отчуждении земли для сооружения в Ферганской области ширококолейных железнодорожных линий. 12 июля 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 39885.
629. Именной, Высочайший указ, данный Сенату – Об отчуждении участка земли в Ходжентском уезде, Самаркандской области под устройство канала для орошения 45000 десятин земли в «Голодной степи». 27 февраля 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30121.
630. Именной, Высочайший указ, данный Сенату – Об учреждении Министерства торговли и промышленности. 27 октября 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд.1. СПб., 1908. № 26851.
631. Именной, данный Военному министру – О дополнительном отчуждении земельных участков для потребностей Мургабской ветви Закаспийской железной дороги. 21 февраля 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18177.
632. Именной, данный Военному Министру – Об отчуждении частных земель и имуществ под постройку Самаркандского участка Закаспийской военной железной дороги. 26 января 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4189.
633. Именной, данный генерал-поручику барону Игельстрому – О доставлении киргиз-кайсакам в случающихся между ими распрях и жалобах скорого и справедливого удовлетворения, и о снабжении их потребным числом мулл. 21 апреля 1787 года // ПСЗРИ-1. Т.22. СПб., 1830. № 16534
634. Именной, данный генерал-поручику Игельстрому – Об учреждении в киргиз-кайсацкой – Об учреждении в Киргиз-кайсацкой Орде трех расправ. 7 декабря 1787 года // ПСЗРИ-1. Т. 22. СПб., 1830. № 16592.
635. Именной, данный генерал-поручику Кашкину – Об оставлении Тобольских бухарцев и ташкентцев на том самом основании, на каковом они были до открытия Наместничества. 9 декабря 1787 года // ПСЗРИ-1. Т. 22. СПб., 1830. № 16593.
636. Именной, данный генерал-поручику, барону Игельстрому – О построении школ и заведении караван-сараев при мечетях татарских. 4 сентября 1785 года // ПСЗРИ-1. Т. 22. СПб., 1830. № 16255.
637. Именной, данный Генерал-прокурору – О ежегодном отпуске сумм на содержание учреждаемого в Оренбурге пограничного суда, старшин киргизских расправ и начальников в Орде. 4 июня 1786 года // ПСЗРИ-1. Т. 22. СПб., 1830. № 16403.
638. Именной, данный Генерал-прокурору – Об отпуске суммы на содержание, вновь учреждаемой в Киргиз-кайсацкой меньшой Орде Кердаринской расправы. 18 августа 1791 года // ПСЗРИ-1. Т.23. СПб., 1830. № 16982.
639. Именной, данный Генерал-прокурору – Об учреждении в Петропавловской крепости суда для разбора дел по взаимным жалобам между россиянами и азиатцами. 10 октября 1798 года // ПСЗРИ-1. Т. 25. СПб., 1830. № 18700.

640. Именной, данный Генерал-прокурору – Об учреждении в трех главных родах Киргиз-Кайсацкой меньшой Орды еще по две расправы и о заведении одного суда в обществе Джагалбайменском. 28 февраля 1789 года // ПСЗРИ-1. Т. 23. СПб., 1830. № 16749.
641. Именной, данный Генерал-прокурору Самойлову – О назначении жалованья для учрежденной Нуртаевской расправе. 16 ноября 1794 года // ПСЗРИ-1. Т. 23. СПб., 1830. № 17270.
642. Именной, данный генералу об инфантерии, барону Игельстрому с приложением примечания на описание Оренбургской линии. 10 апреля 1798 года // ПСЗРИ-1. Т. 25. СПб., 1830. № 18477.
643. Именной, данный из Кабинета Ее Величества тайному советнику Татищеву – Об учреждении с киргизцами и другими народами торговли для вымена у них верблюжей шерсти. 14 февраля 1738 года // ПСЗРИ-1. Т.10. - СПб., 1830, № 7511.
644. Именной, данный из Кабинета Ее Величества тайному советнику Татищеву – О распространении торговли России с киргиз-кайсаками; об определении в Оренбурге двух «киргизских» старшин для прекращения ссор между приезжающими туда купцами, и о принятии в российское подданство хана Большой Киргиз-Кайсацкой Орды Юлборуса. 16 сентября 1738 года // ПСЗРИ-1. Т. 10. СПб., 1830. № 7657.
645. Именной, данный министру финансов – Об освобождении сибирских оседлых инородцев от всех ясачных и других сборов, коим они подлежали до Устава 1822 года, и о ежегодной передаче из Государственного казначейства в Кабинет Его Императорского Величества той суммы, которая с них собирается в оброчную подать. 21 июня 1827 года // ПСЗРИ-2. Т. 2. СПб., 1830. № 1197.
646. Именной, данный Оренбургскому военному губернатору Бахметеву – Об отвращении всяких притеснений, причиняемым киргизцам и другим народам, приезжающим на ярмарку. 28 августа 1802 года // ПСЗРИ-1. Т. 27. СПб., 1830. № 20391.
647. Именной, данный Оренбургскому военному губернатору Бахметеву – Об отводе пастбищ бухарским купцам в удобных местах по берегу реки Урал. 20 февраля 1803 года // ПСЗРИ-1. Т. 27. СПб., 1830. № 20623.
648. Именной, данный Оренбургскому военному губернатору князю Волконскому – О разрешении выдавать из Оренбургской Пограничной комиссии паспорта купечеству, отправляющемуся для торговли в Хиву, Бухарию и другие азиатские страны. 28 января 1810 года // ПСЗРИ-1. Т. 31. СПб., 1830. № 24106.
649. Именной, данный правящему должность генерал-губернатора Симбирского и Уфимского барону Игельстрому – О снабжении разных родов киргизских муллами. 27 ноября 1785 года // ПСЗРИ-1. Т. 22. СПб., 1830. № 16292.
650. Именной, данный правящему должность генерал-губернатора Уфимского и Симбирского, генерал-поручику Апухтину – О мерах для укрощения

самовольства киргиз-кайсаков. 2 мая 1784 года // ПСЗРИ-1. Т. 22. СПб., 1830. № 15991.

651. Именной, данный Сенату – Высочайше утвержденное Положение об управлении Оренбургскими киргизами. 14 июня 1844 года // ПСЗРИ-2. Т. 19. Отд.1. СПб., 1844. № 17998.
652. Именной, данный Сенату – О выпуске стали к Азиатским народам, без пошлин. 15 мая 1808 года // ПСЗРИ-1. Т. 30. СПб., 1830. № 23021.
653. Именной, данный Сенату – О дозволении бывшему бухарскому посланнику ИрназаруМаксютову производить по Каспийскому морю торговлю на 10.000 рублей беспошлинно. 19 декабря 1776 года // ПСЗРИ-1. Т. 20. СПб., 1830. № 14550. С. 473-474.
654. Именной, данный Сенату – О мерах к распространению торговых сношений с Бухарой. 20 марта 1859 года // ПСЗРИ-2. Т. 34. Отд. 1. СПб., 1861. № 34262.
655. Именной, данный Сенату – О преобразовании Сибирских Губерний по новому Учреждению. 22 июля 1822 года // ПСЗРИ-1. Т. 38. СПБ., 1830. № 29124.
656. Именной, данный Сенату – О преобразовании управления Кавказского и Закавказского края. 26 апреля 1883 года // ПСЗРИ-3. Т. 3. СПб., 1886. № 1521
657. Именной, данный Сенату – О преобразовании управления Киргизскими Степями Оренбургского и Сибирского ведомств и Уральскими и Сибирскими Казачьими Войсками. 21 октября 1868 года // ПСЗРИ-2. Т. 43. Отд. 2. СПб., 1873. № 46380. Официально называлось: Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях.
658. Именной, данный Сенату – О присоединении к Империи, занятой Нашими войсками территории туркменов Текинского рода и образовании из нея и земель Закаспийского военного отдела области Закаспийской с включением оной в состав Кавказского Военного Округа. 6 мая 1881 года // ПСЗРИ-3. Т. 1. Отд.1. СПб., 1885. № 142.
659. Именной, данный Сенату – О распространении нового тарифа на все пограничные таможни, исключая Астраханскую, Оренбургскую, Тобольскую и Иркутскую губернии, и о сборе пошлин полновесными ефимками. 12 октября 1797 года // ПСЗРИ-1. Т. 24. СПб., 1830. № 18202.
660. Именной, данный Сенату – О сосредоточении высшего надзора по управлению областями Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской в лице Генерал-Губернатора и о подчинении губерний Тобольской и Томской Общему порядку высшего управления, существующему для внутренних губерний. 18 мая 1882 года // ПСЗРИ-3. Т. 2. Отд.1. СПб.,1886. № 886.
661. Именной, данный Сенату – Об издании общего тарифа для всех портов и пограничных таможен, кроме Астрахани, Оренбурга и Сибири. 27 сентября 1782 года // ПСЗРИ-1. Т. 21. СПб., 1830. № 15520.

662. Именной, данный Сенату – Об порядке управления в Ферганской области. 19 февраля 1876 года // ПСЗРИ-2. Т. 51. Отд. 1. СПб., 1878. № 55593.
663. Именной, данный Сенату – Об утверждении нового общего тарифа для всех портовых и пограничных таможен Российской империи, кроме состоящих в наместничествах: Кавказском, Уфимском, Тобольском, Иркутском и Колыванским. 16 сентября 1796 года // ПСЗРИ-1. Т. 23. СПб., 1830. № 17511.
664. Именной, данный Сенату – Об учреждении Семипалатинской области. 19 мая 1854 года // ПСЗРИ-2. Т. 29. Отд.1. СПб., 1855. № 28255.
665. Именной, данный Сенату – Об учреждении Туркестанского Генерал-Губернаторства в составе двух областей Семиреченской и Сыр-Дарьинской. 11 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44831.
666. Именной, данный Сибирскому губернатору, генерал-майору Чичерину – О бытии выехавшим и выезжающим в Сибирь для поселения бухарцам и ташкентцам на прежнем основании. 20 августа 1769 года // ПСЗРИ-1. Т. 18. СПб., 1830. № 13337.
667. Именной, данный Уфимскому губернатору Пеутлингу – Об учреждении Расправы в Киргиз-кайсацкой меньшой Орде. 21 марта 1791 года // ПСЗРИ-1. Т.23. СПб., 1830. № 16952.
668. Именной, капитану гвардии, князю Черкасскому – Об осмотре рек Аму-дарьи и Сыр-дарьи, и о приведении ханов Хивинского и Бухарского в подданство России. 14 февраля 1716 года // ПСЗРИ-1. Т.5. СПб., 1830. № 2993.
669. Именной, объявленный в приказе военного министра – О Командующем Сыр-дарьинской линией. 5 июля 1854 года // ПСЗРИ-2. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1855. № 28392.
670. Именной, объявленный в приказе Военного Министра – Об упразднении Управления Сыр-Дарьинской Линией и образовании вместо Оного Управления Туркестанской области. 5 марта 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд.1. СПб., 1867. № 41870.
671. Именной, объявленный в приказе Военного Министра – Об учреждении Туркестанского Военного Округа. 13 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд.1. СПб., 1871. № 44844.
672. Именной, объявленный в приказе по Военному ведомству – Временное Положение об управлении в Закаспийском Отделе. 9 марта 1874 года // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд.1. СПб., 1876. № 53233.
673. Именной, объявленный в приказе по Военному ведомству – Временное Положение о военном управлении в Закаспийском Отделе. 9 марта 1874 года // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд.1. СПб., 1876. № 53233.
674. Именной, объявленный в приказе по военному ведомству – Об открытии в укреплении Токмак полугоспиталя. 14 марта 1870 года // ПСЗРИ-2. Т. 45. Отд. 1. СПб., 1874. № 48125.

675. Именной, объявленный в приказе по Военному ведомству – Об управлении Закаспийским краем. 9 марта 1874 года // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд.1. СПб., 1876. № 53233.
676. Именной, объявленный Военному министру Управляющим министерством иностранных дел – О представлении Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору власти предавать военному суду киргизов Малой Орды за нападения на почты, транспорты и караваны. 18 октября 1854 года // ПСЗРИ-2. Т. 29. Отд. 2. СПб., 1855. № 28639.
677. Именной, объявленный из Верховного Тайного совета Сенату – О восстановлении коммерческих отношений с Хивой и Бухарией, о даче, для сопровождения караванов, конвоя. 21 марта 1727 года // ПСЗРИ-1. Т. 7. СПб., 1830. № 504.5
678. Именной, объявленный Министром коммерции – О дозволении азиатцам торговать только на одной границе без записки в число гостей или заезжих купцов. 27 октября 1807 года. // ПСЗРИ-1. Т. 29. СПб., 1830. № 22662.
679. Именной, объявленный Президентом Коммерц-коллегии, князем Гагариным – О пропуске за границу лошадей, принадлежащих ташкентцам и киргизцам, торгующим при Семипалатинской таможне. 13 октября 1799 года // ПСЗРИ-1. Т. 25. СПб., 1830. № 19151.
680. Именной, объявленный Сенату Военным Министром – Об образовании Туркестанской области. 12 февраля 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 41792.
681. Именной, объявленный Сенату за Министра Финансов Товарищем Министра Финансов – О пропуске беспошлинно (кроме соли) среднеазиатских произведений, привозимых в Астрахань через Александровский форт и другие местности Мангышлакского полуострова. 5 марта 1876 года // ПСЗРИ-2. Т. 51. Отд. 1. СПб., 1878. № 55663.
682. Именной, объявленный Сенату министром внутренних дел – О переименовании степи Зауральских киргизов, именуемой Малой Ордой, в Область оренбургских киргизов, и о новом порядке управления сею областью. 9 декабря 1859 года // ПСЗРИ-2. Т. 34. Отд. 2. СПб., 1861. № 35223.
683. Именной, объявленный Сенату министром государственных имуществ – О суждении военными судами киргиз Внутренней Орды. 1 декабря 1852 года // ПСЗРИ-2. Т. 27. Отд. 1. СПб., 1853. № 26821.
684. Именной, объявленный Сенату Министром народного просвещения – О дозволении определять при городских училищах особых врачей и о правах их на службе. 23 февраля 1876 года// ПСЗРИ-2. Т. 51. Отд.1. СПб., 1878. № 55612.
685. Именной, объявленный Сенату Министром Народного Просвещения – О мерах к образованию населяющих Россию инородцев. 26 марта 1870 года // ПСЗРИ-2. Т. 45. Отд.1. СПб., 1874. № 48185.

686. Именной, объявленный Сенату Министром юстиции – О допущении женщин на службу в общественные и правительственные учреждения. 14 января 1871 года // ПСЗРИ-2. Т. 46. Отд. 1. СПб., 1874. № 49137.
687. Именной, объявленный Сенату Министром юстиции – О суждении военным судом киргиз Большой Орды. 3 декабря 1852 года // ПСЗРИ-2. Т. 27. Отд. 1. СПб., 1853. № 26831.
688. Именной, объявленный Сенату Министром Юстиции – Об учреждении в Туркестанском крае должности Корреспондента Главного Управления Государственного Конезаводства. 9 апреля 1869 года // ПСЗРИ-2. Т. 44. Отд.1.СПб., 1873. № 46951.
689. Именной, объявленный Сенату Товарищем Министра юстиции – Об образовании Ферганской области. 19 февраля 1876 года // ПСЗРИ-2. Т. 51. Отд.1. СПб., 1878. № 55594.
690. Именной, состоявшийся в Верховном Тайном совете – О пошлинах с товаров, отправляемых из Астрахани в Хиву и Бухарию. 26 сентября 1727 года // ПСЗРИ-1. Т. 7. СПб., 1830. № 5162.
691. Именной, состоявшийся в Сенате – О разных постановлениях касательно торговли. 31 июля 1762 года // ПСЗРИ-1. Т. 16. СПб., 1830. № 11630.
692. Инструкция о правах и обязанностях ирригационных чинов, уездных начальников, арык-аксакалов и мирабов по заведованию ирригацией в Туркестанском крае // Положение об управлении Туркестанского края. С узаконениями, опубликованными по октябрь 1903 года, решениями Правительствующего Сената, инструкциями, изданными в развитие действующего Положения, циркулярами и приказами Туркестанского генерал-губернатора, разъясняющими отдельные статьи этого Положения. Сост. Б.Н. Каплун. Ташкент, 1903.
693. Инструкция от Государственной коллегии иностранных дел переводчику восточных языков МегметуТевкелеву, отправленному в Киргиз-кайсацкую орду – для приведения оной в подданство России. 19 февраля 1731 года // ПСЗРИ-1. Т. 8. СПб., 1830. № 5703. С. 383-386.
694. Инструкция поручику Кожину – Об отыскании и описании водяного пути в Индию. 14 февраля 1716 года // ПСЗРИ-1. Т. 5. СПб., 1830. № 2994.
695. Инструкция статскому советнику Ивану Кирилову, отправленному для постройки города при устье реки Ор – О распоряжениях по устройству и населению сего города и по сношениям с окрестными народами. 18 мая 1734 года // ПСЗРИ-1. Т.9. СПб., 1830. № 6572.
696. Манифест – О введении всеобщей воинской повинности. 1 января 1874 года // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 1. СПб., 1876. № 52982.
697. Манифест – О дарованных купечества новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий. 1 января 1807 // ПСЗРИ-1. Т. 29. СПБ., 1830. № 22418.
698. Наказ Астраханскому воеводе – Об управлении казенными земскими и военными делами. 30 мая 1700 года // ПСЗРИ-1. Т.4. СПб., 1830. № 1792.

699. Нормальный штат технического железнодорожного училища Министерства путей сообщения. 7 апреля 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3611. Штаты и табели.
700. О позволении, по недостатку знатных купцов в Оренбурге, продавать товары в розницу и оптом приезжим туда из Азии и других мест купцам. 2 июня 1752 года // ПСЗРИ-1. Т. 13. СПб., 1830. № 9995.
701. Об управлении инородцев, кочующих за Оренбургскими линиями // Свод законов Российской империи. Издание 1857 года. Т.2. Ч. 2. Особенные губернские учреждения. СПб., 1857. Книга 7.
702. Общее учреждение губернское (изд. 1892 г.) // Свод законов Российской империи. Т.2. Ч. 1. Свод губернских учреждений. СПб., 1900.
703. Общий тариф для всех портовых и пограничных таможен Российской империи, кроме состоящих в губерниях: Астраханской, Оренбургской, Тобольской, Иркутской и в Грузии. 12 марта 1822 года // ПСЗРИ-1. Т. 38. СПб., 1830. № 28965.
704. Подтвердительная грамота Тобольским бухарцам – на свободный приезд в Казань, Астрахань и Поморские города по торговому промыслу. 17 сентября 1686 года // ПСЗРИ-1. Т. 2. СПб., 1830. № 1209.
705. Положение Комитета министров – О невыпуске медной монеты за границу. 30 марта 1818 года // ПСЗРИ-1. Т. 35. СПб., 1830. № 27326.
706. Положения о сельском состоянии. Книга 8. Глава 3. Об образовании переселенческих участков в губерниях Сибири, «степных» областях и Семиреченской области // Свод законов Российской империи. Т.9. Особое приложение к Девятому тому. СПб., 1912.
707. Положения о сельском состоянии. Книга 8. Правила о переселении на казенные земли. Глава 5. Об образовании переселенческих участков в Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областях // Свод законов Российской империи. Т.9. Особое приложение к Девятому тому. СПб., 1912.
708. Правила о введении поземельно-податного устройства в Туркестанском крае. Приложение к статье 255 Положения об управлении Туркестанским краем. // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1912.
709. Регламент или Устав – О сборе пошлин при Оренбурге и в Троицкой крепости. 29 ноября 1753 года // ПСЗРИ-1. Т.13. СПб., 1830. № 10156.
710. Сенатский – О ведении яицких казаков в Иностранной коллегии. 21 декабря 1719 года // ПСЗРИ-1. Т. 5. СПб., 1830. № 3472.
711. Сенатский – О правилах торговой компании графа Воронцова на Каспийском море. 30 марта 1760 года // ПСЗРИ-1. Т. 15. СПб., 1830, № 11046.
712. Сенатский – О правилах торговой компании графа Воронцова на Каспийском море. 30 марта 1760 года // ПСЗРИ-1. Т.15. СПб., 1830, № 11046.
713. Сенатский – О приеме Бухарского посла и о произвождении ему, со всеми при нем людьми, денег и питья на поденное содержание. 18 июля 1716 года // ПСЗРИ-1. Т. 5. СПб., 1830. № 3031

714. Сенатский – Об оставлении в Мангышлакских пристанях свободной торговли без платежа оброка. 24 мая 1765 года // ПСЗРИ-1. Т. 17. СПб., 1830. № 12400.
715. Сенатский – Об открытии Пограничного суда в Оренбурге. 23 декабря 1786 года // ПСЗРИ-1. Т. 22. СПб., 1830. № 16482.
716. Сенатский – Об устройстве пограничных таможен: Оренбургской и Троицкой. 7 июля 1766 года // ПСЗРИ-1. Т. 17. СПб., 1830. № 12694.
717. Сенатский, вследствие Именного – О поступании с преступниками, изобличенными в смертоубийстве, на основании общих узаконений. 13 августа 1799 года // ПСЗРИ-1. Т. 25. СПб., 1830. № 19082.
718. Таможенный устав по Азиатской торговле. 30 мая 1817 года // ПСЗРИ-1. Т. 34. СПб., 1830. № 26894.
719. Тариф – о сборе пошлин во всех портовых и пограничных таможнях, кроме состоящих в Астраханской, Оренбургской, Тобольской и Иркутской губерниях, а Грузии и по Кавказской линии. 31 марта 1816 года // ПСЗРИ-1. Т. 33. СПб., 1830. № 26218.
720. Тариф для Оренбургской и Троицкой крепости таможен. 18 октября 1777 года // ПСЗРИ-1. Т. 20. СПб., 1830. № 14666; см.: Книга тарифов // ПСЗРИ-1. Т. 45. СПб., 1830. № 14666.
721. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи. Издание 1857 года. Т.15. Законы уголовные. СПб., 1857. Книга 1.
722. Устав Воинский. 30 марта 1716 года. 30 марта 1716 года // ПСЗРИ-1. Т. 5. СПб., 1830. № 3006.
723. Устав Врачебный // Свод законов Российской империи. Т. 13. СПб., 1912.
724. Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве Университетов: С-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского. 8 декабря 1828 года // ПСЗРИ-2. Т. 3. СПб., 1830. № 2502.
725. Устав Горный // Свод законов Российской империи. Т. 7. СПб., 1900.
726. Устав земских повинностей. Глава пятая. О земских повинностях в областях Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской // Свод законов Российской империи. Т. 4. СПб., 1900.
727. Устав Медицинской полиции // Свод законов Российской империи. Т. 13. СПб., 1857.
728. Устав о прямых налогах. Изд. 1903 года // Свод законов Российской империи. Т. 5. СПб., 1912.
729. Устав о службе по определению правительства // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1900.
730. Устав судебной медицины // Свод законов Российской империи. Т. 13. СПб., 1912.
731. Устав Таможенный // Свод законов Российской империи. Т. 6. СПб., 1900.
732. Уставы о пенсиях и единовременных пособиях // Свод законов Российской империи. Т.3. СПб., 1912.
733. Учреждение для Большой действующей армии. 27 января 1812 года // ПСЗРИ-1. Т. 32. СПб., 1830. № 24975.

734. Учреждение управления Кавказского края. Раздел третий. Учреждение управления Кубанской и Терской областей и Черноморского округа // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1900.
735. Учреждение управления Области сибирских киргизов // Свод законов Российской империи. Издание 1857 года. Т.2. Ч. 2. Особенные губернские учреждения. СПб., 1857. Книга 1.
736. Штат временных поземельно податных установлений // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. Штаты и табели.
737. Штат лесных чинов по заведованию государственными имуществами в Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областях. 23 февраля 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 2. СПб., 1907. № 24094.
738. Штат низшей сельскохозяйственно-гидротехнической школы в городе Ташкенте // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 2. СПб., 1903. № 20042.
739. Штат низших сельскохозяйственных школ в областях Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПБ., 1898. № 10685. Штаты и табели.
740. Штат Оренбургской Пограничной комиссии и ее ведомства // ПСЗРИ-2. Т. 3. СПб., 1830. № 1681. Штаты и табели.
741. Штат Ташкентской женской гимназии // ПСЗРИ-3. Т. 3. СПб.,1886. Штаты и табели. № 1613.
742. Штат Туркестанской сельскохозяйственной опытной станции // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. Штаты и табели. № 14722.
743. Штат управления учебными заведениями Туркестанского края. // ПСЗРИ-2. Т. 50. Отд.3. СПб., 1877. № 54713.
744. Штатное расписание должностей и расходов Переселенческого управления Министерства внутренних дел // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 2. СПб., 1899. № 13464.

Статистические и справочные издания

745. Гейер И.И. Путеводитель по Туркестану. Ташкент, 1901. 255 с.
746. Гейер И.И. Туркестан. Издание 2-ое, исправленное и дополненное. Ташкент: Типография Туркестанского Товарищества печатного дела, 1909. 366 с.
747. Конопка С.Р. Туркестанский край. Ташкент: Электро-печатня при Канцелярии Туркестанского Генерал-Губернатора. 1913. 508 с.
748. Лавров М.В. Туркестан. География и история края. М.-Петроград, 1916.203 с.
749. Любимов П.П. Религии и вероисповедный состав населения Азиатской России. Петроград, 1914. 45 с.
750. Материалы для статистики Туркестанского края. Вып.1-V. СПб., 1872-1879.
751. Материалы для статистического описания Ферганской области. Вып. 1. Новый Маргелан (1897-1912). Ошский уезд. 1910. 95 с.

752. Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области. Т. 2. Верный (1898-1905). (изд. разных лет – И.В.).
753. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга. Т.19. Туркестанский край. Сост. кн. В.И. Массальский. СПб., 1913. 861 с.
754. Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Т. 1-13. Ташкент (1891-1907). (изд. разных лет – И.В.).
755. Словарь иностранных слов. Изд. 13. М., 1986. 608 с.
756. Советский энциклопедический словарь. Изд. 3-е. М., 1985. 1500 с.
757. Справочная книжка для ходоков и переселенцев: (Переселение за Урал). СПб.: Переселенч. упр., 1909-1914. (112 с.-114 с.-146 с.-131 с.-193 с.-192 с.)
758. Справочная книжка Самаркандской области. Самарканд (1893-1897). (изд. разных лет – И.В.).
759. Статистический ежегодник России. Изд. Статистического Комитета МВД. СПб., 1914. (сведения по всем 5 областям Русского Туркестана – И.В.).
760. Статистический обзор Ферганской области за 1911 г. Скобелев (1885-1917). 1914. 162 с.
761. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. Ред. А.О. Чубарьян. М: Аквилон, 2014. 576 с.
762. Труды Сырдарьинского областного статистического комитета в 1887-1888 гг. Ташкент. 1889. 264 с.
763. Туркестанский календарь. Справочная книжка. Ташкент. (изд. разных лет – И.В.)
764. Туркестанский коммерческий адрес-календарь на 1898 год / Сост. М. Вирский. Самарканд: Самаркандский обл. стат. комитет, 1898. 68 с.
765. Философский энциклопедический словарь. М., 2005. 576 с.
766. Эварницкий Д.И. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношениях. Ташкент, 1893. 202 с.

Публикации документов

767. Артамонов Л.К. Узун-Адинский гарнизон. Отчет начальника гарнизона и карантинной обсервации в порте Узун-Ада по мероприятиям для борьбы с холерной эпидемией в том же порте с 21-го мая 1892 по 1-е октября 1892 г. ГШ (Генерального штаба – И.В.) подполковника Л. Артамонова. Асхабад: «Рус. Тип.» К.М. Федорова, 1893. 80 с.
768. Белью. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгар в 1873-1874 г. СПб, 1877. 309 с.
769. Белявский. Материалы по Туркестану. СПб., 1884. 204 с.
770. Взаимодействие религий в Республике Казахстан. Научно-исследовательский отчет. Алматы, 2006. 171 с.
771. Восстание 1916 г. в Казахстане. Сборник воспоминаний и материалов. Алма-Ата, 1937. 314 с.

772. Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы. М., 1937. 168 с.
773. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М. 1960. 792 с.
774. Восстание 1916 г. в Туркмении. Документы и материалы. Ашхабад, 1938. 319 с.
775. Восстание 1916 г. в Узбекистане. (Тезисы к 30-летию со дня восстания). Ташкент, 1946. 9 с.
776. Всеподданнейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1908-1909 гг. по Высочайшему повелению сенатором, гофмейстером, графом К.К. Паленом ревизии Туркестанского края. Ч. II. СПб., 1910. 53 с.
777. Всеподданнейший отчет туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 году. Ташкент, 1910.
778. Ефремов Филипп. Девятилетнее странствование. М., 1950. 79 с.
779. Житов К., Непомнин В. От колониального рабства к социализму. Ташкент, 1939. 123 с.
780. Записка Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием о поездке вТуркестанский край в 1912 году. (Приложение к «Всеподданнейшему докладу»). СПб.,1912.
781. Записка министра иностранных дел Российской империи А.М.Горчакова и военного министра Д.А.Милютина на имя императора Александра II о политике в Средней Азии и Казахстане // Хрестоматия по истории дипломатии Кыргызстана с древнейших времен до конца XIX века. Бишкек, 2007.
782. Записка о состоянии Семиреченской области в 1908 году. Верный, 1909.
783. Записка об устройстве управления Семиреченской области в составе Степного генерал-губернаторства. 1883.
784. Записки о Кокандской ханстве хорунжего Н.И. Потанина (1829-1830) // Военный журнал. 1831. № 4.
785. Записки П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу». 1911 г. // Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.). Сб. материалов. М., 2006.
786. Записки П.И. Демезона. // Записки о Бухарском ханстве (отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М.: Наука, 1983. 148 с.
787. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Документы и материалы. Т. 2. Алма-Ата, 1964.
788. Ислам в законодательстве России. Сборник законодательных актов, постановлений, распоряжений правительства России. Уфа, 1998. 120 с.
789. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Сост. Д.Ю. Арапов. М.: Академкнига, 2001. 367 с.
790. Кауфман. Проект Всеподданнейшего отчета по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867- 25 марта 1881 года. СПб., 1885.

791. Комиссия по составлению объединенного Положения об управлении областей Туркестанского края. Протоколы заседаний. Ташкент, 1904.
792. Кыргызстан-Россия. Сборник документов и материалов. Т. 1. Бишкек, 2007.
793. Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ. Выпуск I. Андижанский уезд. Сост. С.А. Геппенер. Нов. Маргилан, 1897. 266 с.
794. Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. Том 1–2. Бишкек: Илим, 2002. (Т.1 – 314 с.; Т.2 – 258 с.).
795. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975.
796. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта, полковника Н. Игнатьева. СПб., 1897.
797. Назаров Филипп. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. СПб., 1821.
798. Национальные отношения в СССР. Опыт и проблемы. Сб. материалов. №1. М.1990.
799. Обзор деятельности второго департамента Государственного совета по рассмотрению дел о частных железных дорогах за время с 1906 по 1913 гг., СПБ. 1914.
800. Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 год. Асхабад: Тип. К.М. Федорова, 1892. 269 с.
801. Обзор Семиреченской области за 1903 год. Верный, 1904. Вед. 3. 80 с.
802. Обзор Семиреченской области за 1906 год. (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Верный: Тип. Семиреченское обл. правление, 1907.112 с.
803. Обзор Семиреченской области за 1909 год. Верный: Тип. Семиреченское обл. правление, 1910. 87 с.
804. Обзор Семиреченской области за 1911 и 1912 годы. – Верный: Тип. Семиреченское обл. правление, 1913. 972 с.
805. Обзор Сырдарьинской области за 1904 год. Ташкент: Сыр-дарьинский обл. стат. ком., 1906, вед. VIII-IX. 253 с.
806. Обзор Сырдарьинской области за 1906 год. Ташкент: Сыр-дарьинский обл. стат. ком., 1906, вед. IV-V. 287 с.
807. Обзор Сыр-Дарьинской области за 1911 год. Ташкент: Сыр-дарьинский обл. стат. ком. 1913. 187 с.
808. Обзор Сыр-Дарьинской области за 1912 год. Ташкент: Сыр-дарьинский обл. стат. ком., 1914. 195 с.
809. Обзор Сыр-Дарьинской области за 1913 год. Ташкент: Сыр-дарьинский обл. стат. ком., 1916. 121 с.
810. Описание пути из Оренбурга к Хиве и Бухарам с принадлежащими обстоятельств, бывшего при отправленном в 1753 г. из Оренбурга в те места купеческом караване самарского купца Данилы Рукавина // Московский любопытный месяцеслов на 1776 год. М., 1776.
811. Особые журналы Совета министров Российской империи. (1909 – 1917 гг.) 1909 год. М., 2000. (В нескольких томах – И.В.)

812. Отчет о заседаниях первого съезда народных учителей и учительниц Сырдарьинской области. Ташкент, 1911.
813. Отчет о служебной поездке военного министра в Туркестанский военный округ. СПб.,1902.
814. Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб., 1884. 453 с.
815. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. СПб.: Сенат. тип., 1910. 418 с.
816. Положение об управлении Туркестанским краем с разъяснениями Правительствующего Сената. Сост. И.Ф. Абрамов. Ташкент: Изд. кн. магазин М.Ф. Собберей, 1916. 250 с.
817. Положение об управлении Туркестанского края. С узаконениями, опубликованными по октябрь 1903 года, решениями Правительствующего Сената, инструкциями, изданными в развитие действующего Положения, циркулярами и приказами Туркестанского генерал-губернатора, разъясняющими отдельные статьи этого Положения. Сост. Б.Н. Каплун. Ташкент, 1903.
818. Положение об управлении Туркестанского края. Составил по официальному изданию 1892 г., Продолжениям 1906, 1908 и 1909 годов к узаконениям, обнародованным в Собрании узаконений и распоряжений правительства до 1 июня 1911 г. В.Т. Вербовский. Ташкент, 1911.
819. Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867.
820. Проникновение революционных идей и развитие революционного движения в Туркменистане в 1881-1907 гг. Документы и материалы. Ашхабад, 1962.
821. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году // Сибирский вестник. 1818. Часть 3. СПб., 1818.
822. Революция 1905-1907 гг. в Узбекистане. Документы и материалы. Ташкент,1984.
823. Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора десятилетнее странствие и приключение в Бухаре и Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим. СПб., 1786.
824. Россия и Туркмения в XIX в. К вхождению Туркмении в состав России. Сборник материалов. Ашхабад, 1946.
825. Россия. Военное министерство. Представление в Военном совете: Об усилении численности войск в мирное время в Кавказском, Приамурском и Туркестанском округах и в Финляндии. 1912.
826. Россия. Министерство юстиции. Об устройстве судебной части в Туркестанском крае и Степных областях. СПб., 1897.
827. Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М.: Наука, 1997. 656 с.
828. Сборник документов и статей по вопросу образования инородцев. СПб., 1869.

829. Сборник документов по истории СССР. (Период империализма). М., 1977.
830. Серебрянников А.Г. Туркестанский край. Сборник материалов для его завоевания. Тома 17-22. СПб., 1914-1915.
831. Слова, сказанные г. Туркестанским генерал-губернатором 22 января именитым людям города Ташкента. Ташкент. 9 с.
832. Собрание восточных рукописей Академии наук Республики Узбекистан. История. Сост.: Д.Ю. Юсупова, Джалилова Р.П. Ташкент: Фан, 1998. 598 с.
833. Спасский Г. Путешествие от Сибирской линии до Ташкента и обратно в 1800 году. // Сибирский вестник. 1818. Часть 4. СПб., 1818.
834. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) // Вопросы истории. 1996. № 9.
835. Туркестан в имперской политике России. Монография в документах. М.: Кучково поле, 2016. 878 с.
836. Туркестанский военный округ. Штаб. Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой. Ташкент (издания по годам).
837. Хидая. Комментарии мусульманского права. Пер. с англ. Под ред. Н.И. Гродекова. В 4-х томах. Ташкент, 1893.
838. Хрестоматия по истории Кыргызстана (с древнейших времен до XX века). Бишкек: Наука, 1999. 342 с.

Периодическая печать

839. Биржевые ведомости.
840. Закаспийское обозрение. Газета политическая, общественная и литературная. Асхабад. 1895-1913.
841. Московские ведомости.
842. Новое время.
843. Петербургский листок.
844. Репортер-Бишкек.
845. Русская окраина. Самарканд. 1905-1908.
846. Русские ведомости.
847. Русский инвалид.
848. Русский Туркестан. 1898-1907; 1911.
849. Русское дело.
850. Русское чтение.
851. Свет.
852. Семиреченские областные ведомости. Верный. 1884-1917.
853. Семиречье. Ежемесячный сельскохозяйственный и мелиорационный журнал.
854. Слово Кыргызстана. 1925-2017.
855. Среднеазиатская жизнь. Ташкент. 1905-1908.
856. Туркестанская военная газета. Ташкент. 1906-1915.

857. Туркестанская туземная газета (Туркистонвилоятининггазети). Ташкент. 1870-1916.
858. Туркестанские ведомости. 1870-1917.
859. Туркестанские епархиальные ведомости. Верный. 1907-1917.
860. Туркестанский курьер. Ташкент. 1908-1917.
861. Ферганские областные ведомости. Нов. Маргилан (Скобелев). 1907-1915.

Мемуары и дневники

862. Айни Садриддин. Бухара. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1961. 559 с.
863. Белью. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгар в 1873-1874 г. СПб: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1877. 309 с.
864. Бларамберг И.П. Воспоминания. М.: Наука, 1978. 357 с.
865. Гедин Свен. В сердце Азии. Памир. – Тибет. – Восточный Туркестан. Путешествие Свена Гедина в 1893 – 1897 годах. Т.1. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1899. 501 с.
866. Ефремов Филипп. Девятилетнее странствие. М., 1952. 87 с.
867. Зеланд Н. Кашгария и перевалы Тянь-Шаня. Путевые записки. Омск: Тип. Окр. штаба, 1888. 212 с.
868. Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1870. 40 с.
869. Минаев И.П. Дневники путешествий в Индию и Бирму. М.: Акад. наук СССР, 1955. 251 с.
870. Насир-и-Хусрау. Сафар –Наме. Книга путешествия. М.: Academia, 1933. 205 с.
871. Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. СПб.: Тип. Тиблена и Неклюдова, 1868. 176 с.
872. Семенов-Тян-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856-1857 гг. М.: ОГИЗ, 1947. 380 с.
873. Станкевич Б.В. По Памиру. (Путевые заметки). СПб.: Типо-лит В.В. Комарова, 1904. 138 с.
874. Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. М.: Географгиз, 1950. 468 с.

Библиографические издания

875. Абдирашидов Зайнабидин. Аннотированная библиография туркестанских материалов в газете «Таржуман» (1883-1917). Токио, 2011. 233 с.
876. Авшарова М.П., Алашникова А.И., Кайзер С.И. История Узбекистана. Указатель советской литературы. 1917-1952. Ташкент: Узбекистан, 1968.167 с.
877. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь. М., 2005. 295 с.

878. Буров Н., Гаррицкий А. Краткий указатель литературы по Туркестану. Ташкент, 1924. 112 с.
879. Виткинд Н.Я. Библиография по Средней Азии (Указатель литературы по колониальной политике царизма в Средней Азии). М.: Изд. Ком. Ун-та трудящихся Востока им. И.В. Сталина. 1929. 165 с.
880. Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. М., 1963. 239 с.
881. Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки. Сост. Б.В. Лунин. Кн. 1 /АН УзССР. Ин-т истории. Ташкент: Фан, 1974. 384 с.
882. История Казахстана. Библиографический указатель. Кн. 2. Алма-Ата, 1988. 492 с.
883. История Узбекистана. Ч.1. Указатель советской литературы 1917-1952 гг. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент, 1968. 167 с.
884. Книжные сокровища Государственной библиотеки СССР им. Ленина: каталог. Вып. 1-5. М., 1979-2001.
885. Краткий библиографический указатель литературы по Туркестану. Ташкент, 1924. 112 с.
886. Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965. 408 с.
887. Лунин Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Ташкент, 1979. 185 с.
888. Маслова О.В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ташкент: Изд-во САГУ, 2 Т., Ч. 4. 1971. 136 с.
889. Межов В.И. Библиография Азии. Т. 1-2. СПб., 1891-1892.
890. Милибанд С.Д. Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1975. 734 с.
891. Научная библиография востоковедения. М., 1928. 299 с.
892. Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности. Сост. В.И. Межов. Ташкент. Тома 1-591.

III. Литература

Монографические издания

893. Абаза К.К. К завоеванию Туркестана. Рассказы из военной жизни, истории, очерки природы, быта и нравов туземцев в общепринятом изложении. СПб., 1902. 310 с.
894. Абашин С.Н. и др. Россия и Средняя Азия. Т.1. Политика и ислам в конце XVIII – начале XX в. М., 2011. 472 с.
895. Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии (в поисках идентичности). СПб., 2007. 302 с.

896. Абдуллаев Ш.Ш., Зевелев А.И. В.И. Ленин и исторические судьбы народов Средней Азии. М., 1968. 47 с.
897. Абенов Е.М., Арынов Е.М., Тасмагамбетов И.Н. Казахстан: эволюция государства и общества. Алматы, 1996. 389 с.
898. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. 480 с.
899. Азадаев Ф. Ташкент во второй половине XIX века. (Очерки социально-экономической и политической истории). Ташкент, 1959. 242 с.
900. Айтбаев М.Т. Историко-культурные связи киргизского и русского народов. (По материалам Иссык-Кульской области. Фрунзе: Наука, 1957. 171 с.
901. Айтмамбетов Д. Дореволюционная школа в Киргизии. Фрунзе, 1961. 129 с.
902. Айтмамбетов Д. Культура киргизского народа во второй половине XIX – начале XX в. Фрунзе, 1967.309 с.
903. Акаев А. Кыргызская государственность и народный эпос «Манас». Бишкек, 2002. 528 с.
904. Акаев Аскар. Думая о будущем с оптимизмом. Размышления о внешней политике и мироустройстве. М., 2004. 405 с.
905. Алексеев М. Военная разведка России. От Рюрика до Николая II. Книга 2. М., 1998. 1040 с.
906. Алексеенко В.Н. Вопросы истории Средней Азии и Казахстана в освещении русских дореволюционных журналов (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 1989. 192 с.
907. Аминов А., Бабаходжаев А. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966. 210 с.
908. Аминов А.М. Экономическое развитие Средней Азии (Со второй половины XIX столетия до первой мировой войны). Ташкент, 1959. 298 с.
909. Амрекулов Н., Масанов Н. Казахстан между прошлым и будущим. Алматы, 1994. 205 с.
910. Аннапесов А.М. Юго-западные туркмены в первой половине XIX в. Ашгабат, 1995. 20 с.
911. Арапов Д.Ю. «Опасные для единства нашего государства проповедники теории о единстве всего мусульманского мира». Два отношения П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу». 1910 г. // Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.). Сб. материалов. М., 2006. 312 с.
912. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М., 2004. 381 с.
913. Арендаренко Г.А. Досуги в Туркестане. 1874-1889. СПб., 1889. 6 с.
914. Асфендиаров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). Т. 1. Алма-Ата, 1935. 259 с.
915. Асфендиаров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1936. 149 с.

916. Аттокуров С. История индустриального развития Киргизии. Фрунзе,1967. 122 с.
917. Ахмеджанов Г.А. Российская империя в Центральной Азии (История и историография колониальной политики царизма в Туркестане). Ташкент: Фан, 1995. 217 с.
918. Ахмеджанова З.К. К истории строительства железных дорог в Средней Азии (1880-1917 гг.). Ташкент, 1965. 214 с.
919. Бабаева О. Первые русские путешественники о кыргызах // Пржевальский Н.М. и русские исследователи Кыргызстана. Документы. Материалы. Исследования. Бишкек: Наука, 2004. 94 с.
920. Бабаханов М. Из истории периодической печати Туркестана. Душанбе, 1987. 179 с.
921. Байпаков К. Великий Шелковый путь (на территории Казахстана). Алматы, 2007. 212 с.
922. Байрамсахатов Н. Духовная культура народа и атеизм. Ашхабад, 1985. 223 с.
923. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких (тюркских – И.В.) народов Средней Азии // Сочинения в 9 томах. Т. 5. М., 1968. 957 с.
924. Бартольд В.В. Ислам. // Соч. Т. 6, М., 1966. 780 с.
925. Бартольд В.В. История Туркестана (конспект лекций) // Соч., т. 2, Ч. 1. М., 1963. 1016 с.
926. Бартольд В.В. К вопросу о сабиях // Сочинения. Т. 6, М., 1966. 786 с.
927. Бартольд В.В. Культура мусульманства // Соч. Т.6. М., 1966. 780 с
928. Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира (курс лекций) // Соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. 1016 с.
929. Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью // Соч. Т. 4, М., 1964. 491 с.
930. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. 1. М., 1963. 763 с.
931. Бартольд В.В. Фергана // Соч. Т. 2, ч. 2. М., 1964. 1016 с.
932. Басилов В.Н., Кармышева Дж. Х. Ислам у казахов. М., 1997. 161 с.
933. Бахрушин С.В., Сказкин С.Д. Дипломатия в XVI в. // История дипломатии: [сб.] сост. А. Лактионов. М., 2006. 72 с.
934. Бекмаханова Н.Е. История Казахской ССР. Алма-Ата, 1991. 135 с.
935. Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в. – 1917). М., 1986. 242 с.
936. Белан П.С. Границы Казахстана: краткая история формирования. Алматы, 2008. 191 с.
937. Белявский. Материалы по Туркестану. СПб., 1884. 204 с.
938. Бендриков К.Е. Очерки истории народного образования в Туркестане (1865-1924 гг.). М., 1960. 512 с.
939. Бичурин Н.Я. (Иоакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. 331 с.

940. Богатырев В.Б. Особенности современного транзита и проблемы идентичности // История и идентичность: Кыргызская Республика. Изд. фонда им. Фр.Эберта. Бишкек, 2007. 273 с.
941. Болджурова И.С. Не заблудиться в лабиринтах истории. Бишкек, 2001. 180 с.
942. Борисов Н.А. Между современностью и традицией. Политические альтернативы постсоветской Центральной Азии. М., 2010. 367 с.
943. Брежнева С.Н. Историография присоединения Туркестанского края к России (вторая половина XIX в. – начало XXI в.). М., 2005. 50 с.
944. Бродовский М.И. Технические производства в Туркестанском крае. СПб., 1875. 99 с.
945. Бройдо Г.И. Восстание киргиз в 1916 году // Восстание казахов и киргизов в 1916 году. Лондон, 1989. 29 с.
946. Брусина О.И. Миграции в Центральную Азию // Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. 233 с.
947. Букейханов Али Хан. Киргизы // Казахи о русских до 1917 г. А. Букейханов. М. Дулатов. А. Байтурсун. Т. Рыскулов. Оксфорд, 1985. 284 с.
948. Бунаков Е.В. К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в. // Советское востоковедение. Вып.2. М-Л., 1941. 428 с.
949. Вамбери А. История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. В 2-х томах. СПб., 1873. 569 с.
950. Вамбери А. Очерки и картины восточных нравов. СПб., 1877. 279 с.
951. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 1874. 369 с
952. ВамбериАрминий. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году. СПб., 1865. 369 с
953. Ванаг Н.Н. Краткий очерк истории народов СССР. Ч.1. М., 1932. 279 с.
954. Вахабов М. Ташкент в годы трех революций. Ташкент, 1957. 384 с.
955. Вдовин А.И. История СССР от Ленина до Горбачева. М., 2011. 527 с.
956. Вебер В.Н. Полезные ископаемые Туркестана. Пг., 1917. 208 с.
957. Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., Вып. 1. 1873. 144 с.
958. Венюков М. Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868. 528 с.
959. Венюков М. Россия и Восток. Сборник географических и политических статей. СПб., 1896. 297 с.
960. Веселовский. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877. 364 с.
961. Виппер Р.Ю. Конец индустриальной системы (1920 г.) // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков. Часть 2. М., 1994. 179 с.

962. Владимир (Иким), архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский. … А друзей искать на Востоке (Православие и ислам: противостояние или содружество?). Ташкент, 2000. 57 с.
963. Владимир (Иким), архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский. Большой полет крылатого коня. Духовное наследие Туркменистана и его христианские традиции. М., 2000. 21 с.
964. Владимир (Иким), архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский. Земля потомков патриарха Тюрка: Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. М., 2002. 348 с.
965. Владимир. Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский. Земля потомков Патриарха Тюрка. Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. М., 2002. 348 с.
966. Власова В.Б. Исторический факт в потоке парадигмальных сдвигов // История методологии социального познания. Конец XIX – X век. М., 2001. 247 с.
967. Влияние русских на жителей Средней Азии // Туркестанский сборник. Т. 248. 594 с.
968. Волков И.В. Религиозные аспекты переселенческой политики царизма в Туркестанском крае. Бишкек: Илим, 2007. 63 с.
969. Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Туркестана. Ташкент, 1985. 80 с.
970. Воропаева, В.А. Российские подвижники в истории культуры Кыргызстана / В.А. Воропаева; под ред. академика НАН КР А.Ч. Какеева. Бишкек: КРСУ, 2005. 360 с.
971. Восстание 1916 г. в Средней Азии // Красный архив. 1929. № 3 (34). 60 с.
972. Восстание 1916 г. в Средней Азии. Ташкент, 1932. 63 с.
973. Вощинин В. Очерк нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации. СПб., 1914. 31 с.
974. Всемирная история. Т. 7. М., 1960. 830 с.
975. Вульфсон Э.С. Киргизы. М., 1901. 79 с.
976. Вяткин М.П. Монополистический капитал в Средней Азии. Фрунзе, 1962. 162 с.
977. Вяткин М.П. Очерк по истории Казахской ССР. Л., 1941. 367 с.
978. Гаврилов Н. Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сырдарьинская, Самаркандская и Ферганская). Отчет о служебной поездке в Туркестан осенью 1910 года чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Н. Гаврилова. СПб., 1911. 336 с.
979. Гаджиев К.С. Введение в геополитику. М., 2000. 432 с.
980. Галицкий В.Я., Плоских В.М. Старинный Ош. Очерк истории. Фрунзе, Наука, 1987. 173 с.
981. Галкин А.С. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Т. 1-2. Ташкент, 1902-1903. Ч. 1 – 268 с., Ч.2 – 11 с.
982. Галкин А.С. Краткий очерк Бухарского ханства // Военный сборник. 1890. № 11-12 и др.

983. Галкин А.С. Современное состояние вооруженных сил Китая в Восточном Туркестане. 1885 // Сборник материалов по Азии. Вып. 24. СПб., 1886. 256 с.
984. Галузо П.Г. Вооружение русских переселенцев в Средней Азии. Ташкент, 1926. 90 с.
985. Галузо П.Г. Национально-освободительное движение в Средней Азии // Революция в Средней Азии. Ташкент, 1929. 80 с.
986. Галузо П.Г. Троцкистско-колонизаторская концепция истории Туркестана - колонии. Сб. статей. М.-Ташкент, 1933. 63 с.
987. Галузо П.Г. Туркестан – колония. (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года). М., 1929. 162 с.
988. Гафуров Б. История таджикского народа в кратком изложении. Сталинабад, 1949. 475 с.
989. Гафуров Б. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Кн. 2. Душанбе, 1989. 378 с.
990. Гейер И.И. Крестьянская колонизация Сыр-дарьинской области. Ташкент, 1916. 120 с.
991. Гейер И.И. Туркестан. Ташкент, 1909. 346 с.
992. Гинзбург А.И. Переселенческий вопрос в Туркестане (конец XIX – начало XX в.). Ташкент, 1966. 24 с.
993. Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования: монография. М., 2010. 576 с.
994. Граменицкий С. Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. Ташкент, 1896. 89 с.
995. Граменицкий С. Положение инородческого образования в Сыр-дарьинской области. Ташкент, 1916. 49 с.
996. Гребенкин. Таджики Зеравшанской долины // Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Т. VI. Туркестанский край. Сост. Д.Д. Семенов. М., 1887. 248 с.
997. Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905-1907 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000. 209 с.
998. Григорьев В.В. Русская политика в отношении Средней Азии. Исторический очерк. СПб., 1874. 30 с.
999. Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880-1881 годах. Т. 1-4. СПб., 1883-1884.
1000. Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889. 205 с.
1001. Гродеков Н.И. Стратегический обзор Хивинского ханства. СПб., 1882. 83 с.
1002. Гродеков Н.И. Хивинский поход 1873 года. СПб., 1883. 152 с.
1003. Губер А.А., Ким Г.Ф., Хейфец А.Н. Новая история стран Азии и Африки. М., 1975. 560 с.
1004. Гумилев Лев. Поиски вымышленного царства. Легенда о «государстве Пресвитера Иоанна». М., 2006. 432 с.

1005. Гуревич Б.П. Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVII-XIX вв. // Пекин: курсом провокаций и экспансии. Сб. статей. М., 1979. 60 с.
1006. Давлетов Д., Ильясов А. Присоединение Туркменистана к России. Ашхабад, 1972. 254 с.
1007. Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
1008. Данияров Калибек. Взгляд в прошлое. История. Алматы, 2009. 168 с.
1009. Демидов А.П. Экономические очерки хлопководства, хлопковой промышленности и торговли в Туркестане. М., 1926. 248 с.
1010. Демидов С.М. Постсоветский Туркменистан. М., 2002. 222 с.
1011. Дергачева Л.Д. Средняя Азия в политике России 1857-1868 гг. (Борьба правительственных и общественных группировок). М., 1967. 13 с.
1012. Джаббаров И. Общественный прогресс, быт и религия. Ташкент, 1973. 217 с.
1013. Джамгерчинов Б.Д. Важный этап из истории киргизского народа. К столетию присоединения Киргизии к России. Фрунзе, 1957. 93 с.
1014. Джамгерчинов Б.Д. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963. 436 с.
1015. Джамгерчинов Б.Д. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963. 189 с.
1016. Джамгерчинов Б.Д. Очерки политической истории Киргизии XIX в. Фрунзе, 1966. 429 с.
1017. Джамгерчинов Б.Д. Присоединение Киргизии к России. М., 1959. 435 с.
1018. Долинский В. Об отношении России к среднеазиатским владениям и об устройстве Киргизской степи. СПб., 1865. 55 с.
1019. Дониш Ахмад. История Мангытской династии. Душанбе, 1967. 142 с.
1020. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства в России в начале XIX в. М., 1963. 599 с.
1021. Дьяков В.А. Исторический материализм – методологическая основа исторической науки // Историческая наука. Вопросы методологии. М., 1986. 261 с.
1022. Ельницкий К. Инородцы Сибири и среднеазиатских владений России. Этнографические очерки. СПб., 1895. 136 с.
1023. Ерошкин Н.П. Самодержавие накануне краха. М., 1975. 160 с.
1024. Ерыгин А.Н. История и диалектика. (Диалектика и исторические знания в России XIX века). Р-н-Д., 1987. 224 с.
1025. Жумабаев Б.М. Южный Кыргызстан глазами российских путешественников (вторая половина XIX – начало XX в.). Бишкек, 1999. 25 с.
1026. Заорская В.В., Александер К.А. Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915. 557 с.

1027. Записка о киргизах // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т. 2. Алма-Ата, 1985. 416 с.
1028. Захарова А. Историко-культурное наследие города Ош (конец XIX – начало XX в.). Ош, 1997. 169 с.
1029. Зеланд Н. Киргизы. Этнологический очерк. Омск, 1885. 78 с.
1030. Зелькина Е. Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии. М., 1930. 128 с.
1031. Зенков П. Туркестанская железная дорога в связи с другими экономическими вопросами края. М., 1881. 24 с.
1032. Иванов В.В. Историческая закономерность и принцип историзма // Историческая наука. Вопросы методологии. М., 1986. 266 с.
1033. Иванов Д.Л. Нефтяные источники Ферганской области. Ташкент, 1882. 16 с.
1034. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.). М., 1958. 247 с.
1035. Ивановский В.В. Административное устройство наших окраин. Казань, 1891. 47 с.
1036. Из истории Средней Азии (дореволюционный период). Ташкент, 1965. 67 с.
1037. Икрамов А. Основные вопросы культурного строительства в Узбекистане // Избранные труды. Ташкент, 1932. 47 с.
1038. Историческая наука. Вопросы методологии. М., 1986. 261 с.
1039. История Востока. В 6 томах. Том 3. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI-XVIII вв. М.: Восточная литература, 2000. 696 с.
1040. История Востока. В 6 томах. Том 4. Книги 1-2. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.). М.: Восточная литература, 2004-2005. 608/1097 с.
1041. История Востока. В 6 томах. Том I. Восток в средние века. М.: Восточная литература, 2002. 716 с.
1042. История государства и права Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1982. 447 с.
1043. История и этнография народов Средней Азии. Сб. статей. Душанбе, 1981. 155 с.
1044. История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. В 5 томах. Т.3. Алма-Ата: Наука, 1979. 423 с.
1045. История Каракалпакской АССР. Ташкент, 1986. 364 с.
1046. История Киргизии. В 2-х томах. Фрунзе, 1973. 300 с.
1047. История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5 томах. – Т.2. Фрунзе: Кыргызстан, 1986. 798 с.
1048. История Коканда. (С момента присоединения Средней Азии к России до настоящего времени). Ташкент, 1984. 215 с.
1049. История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1947. 514 с.
1050. История Самарканда. Т. 1. Ташкент, 1969. 484 с.
1051. История Средней Азии и Узбекистана. Ташкент, 1956. 143 с.
1052. История СССР. Ч.2. 1861-1917. М.: Просвещение, 1990. 462 с.
1053. История стран Азии и Африки в средние века. Часть 1. М., 1987. 286 с.

1054. История таджикского народа. Т. 2. М., 1964. Кн. 2. 356 с.
1055. История Таджикской ССР. Душанбе: Маориф, 1983. 398 с.
1056. История Ташкента. С древнейших времен до победы Февральской буржуазно-демократической революции. Ташкент: Фан, 1988. 291 с.
1057. История Туркменской ССР. Т.1, книга 2. Ашхабад: Ылым, 1957. 317 с.
1058. История Узбекской ССР с древнейших времен до наших дней. Ташкент: Фан, 1974. 584 с.
1059. История Узбекской ССР. В 4 тт. Т. 2. От присоединения узбекских ханств к России до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент, 1968. 662 с.
1060. Каппелер Андреас. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. Пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.
1061. Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края (1865-1917). М.: Наука, 1980. 120 с.
1062. Касымов Н. Прогрессивное значение образования русских поселков в Ходжентском уезде. Душанбе, 1968. 152 с.
1063. Кауфман А.А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903. 205 с.
1064. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. 81 с.
1065. Климович Л.И. Ислам в царской России. М: Гаиз, 1936. 496 с.
1066. Клинцов А.А. Дискурс политических архетипов в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии. М., Бишкек, 2009. 236 с.
1067. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. 486 с.
1068. Козыбаев М.К. Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана. (Избранные труды). Алматы, 2006. 272 с.
1069. Колесников А. Русские в Кашгарии (вторая половина XIX – начало XX в.). Миссии. Экспедиции. Путешествия. Бишкек, 2006. 158 с.
1070. Корнилов. [Л.Г.] Кашгария, или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. Ташкент, 1903. 445 с.
1071. Косач Г.Г. Город на стыке двух континентов. Оренбургское татарское меньшинство и государство. М., 1998. 148 с.
1072. КосбергеновРазамбет. Прогрессивное значение присоединения Каракалпакии к России. Нукус, 1973. 43 с.
1073. Котюкова Т.В. Окраина на особом положении…Туркестан в преддверии драмы: монография. М., 2016. 390 с.
1074. Котюкова Т.В. Туркестанское направление Думской политики России (1905-1917 гг.): монография. М., 2008. 201 с.
1075. Кочаров В.Т. Из истории организации и развития народного образования в дореволюционном Узбекистане (1865-1917 гг.). Ташкент, 1966. 124 с.
1076. Краткий курс истории ВКП (б). М., 1938. 353 с.
1077. Кулиев О. Административно-территориальное устройство Туркменистана. – Ашхабад, 1989. 319 с.

1078. Курманов З.К. Об исторической самоидентификации кыргызстанцев // История и идентичность: Кыргызская Республика. Изд. фонда им. Фр. Эберта. Бишкек, 2007. 273 с.
1079. Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (поход в Ахал-Теке в 1880-1881 годах) с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 год. СПб., 1899. 224 с.
1080. Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее вооруженные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879. 443 с.
1081. Куропаткин А.Н. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Т. 1-4. СПб., 1906-1907. 132 с.
1082. Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913. 224 с.
1083. Куропаткин А.Н. Туркмения и туркмены. СПб., 1879. 57 с.
1084. Кушелевский В.И. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. Т.1. Новый Маргилан, 1890. 402 с.
1085. Кушелевский В.И. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. Т. II-III. Нов. Маргилан, 1891. 288 с.
1086. Кыстаубаев Б.К. Главные противники Чингисхана: тайные войны в ракурсе истории. Алматы, 2010. 464 с.
1087. Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане (Буржуазная колонизация Средней Азии). М., 1930. 160 с.
1088. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995. 311 с.
1089. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. В 2-х томах. М., 2010. 472 с.
1090. Левитин Леонид Исидорович. Узбекистан на историческом повороте. Критические заметки сторонника Президента И. Каримова. М., 2001. 350 с.
1091. Левтеева Л.Г. Присоединение Средней Азии в мемуарных источниках. Ташкент, 1986. 141 с.
1092. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. В 3-х частях. СПб., 1832. 264 с.
1093. Леденев Н.В. История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1908. 834 с.
1094. Ленин В.И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 30. 561 с.
1095. Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 26. 590 с.
1096. Ленин В.И. О Средней Азии и Узбекистане. Ташкент, 1957. 143 с.
1097. Литвинов В.П. Внерегиональное паломничество мусульман Туркестана (эпоха Нового времени): монография. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. 311 с.
1098. Литвинов В.П. Государство и паломничество мусульман в царской России: туркестанский вариант: монография. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2016. 565 с.

1099. Литвинов В.П. Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и нового времени): монография. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. 377 с.
1100. Литвинов Вяч.П. Административная ссылка в царской России: туркестанский вариант: монография. Елец: Изд-во ЕГУ имени И.А. Бунина, 2010. 308 с.
1101. Литвинов П.П. Благовест над землями ислама: Русский Туркестан: монография. Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2014. 537 с.
1102. Литвинов П.П. Внешнеполитические аспекты истории киргизов Памиро-Алая конца XIX – начала XX в. Фрунзе: Наука, 1989. 125 с.
1103. Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865-1917) (по архивным материалам). Елец: ЕГПИ, 1998. 319 с.
1104. Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). Елец: ЕГПИ, 1996. 226 с.
1105. Литвинов П.П. Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном: монография. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. 539 с.
1106. Ломакин А. Обычное право туркмен (адат). Ашгабат, 1993. 174 с.
1107. Лыкошин Н.С. «Хороший тон» на Востоке. К полувековому юбилею завоевания русскими Туркестанского края. СПб., 1915. 168 с.
1108. Лыкошин Н.С. Переселение и переселенцы. Самарканд, 1892. 73 с.
1109. Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Пг., 1917. 415 с.
1110. Маанаев Э. Памирские киргизы. Фрунзе, 1963; Маанаев Э., Плоских В. На «Крыше мира». (Исторические очерки). Фрунзе, 1983. 142 с.
1111. Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства. Ташкент, 1875. 82 с.
1112. Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб., 1890. 370 с.
1113. Малаховский Н.И. Производительные силы Туркестанского края. Вып.1. СПб., 1909. 79 с.
1114. Малашенко А.В. Ислам для России. М., 2007. 191 с.
1115. Малашенко А.В. Мусульманский мир СНГ. М., 1996. 182 с.
1116. Марков Е. Россия в Средней Азии. Т. 1. СПб., 1901. 516 с.
1117. Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1880. 99 с.
1118. Масов Рахим. Таджики: вытеснение и ассимиляция. Душанбе, 2003. 175 с.
1119. Массальский В.И. Туркестанский край // Полное географическое описание нашего Отечества. Т. XIX. СПб., 1913. 861 с.
1120. Массон В.М. Древний Кыргызстан: процессы культурогенеза и культурное наследие. Историко-культурологические очерки. Бишкек: Наука, 2003. 157 с.
1121. Материалы для изучения хлопководства. СПб.1912. 239 с.
1122. Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955. 590 с.
1123. Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. Сб. статей. Ташкент, 1969. В 2 Т., 1 – 158 с., 2 – 125 с.

1124. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. 358 с.
1125. Медушевская О.М. Теория исторического познания: избранные произведения. СПб.: Университетская книга,2010. 571 с.
1126. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 180 с.
1127. Министерская система в Российской империи. К 200-летию министерств в России. М., 2007. 919 с.
1128. Миропиев М.А. О положении русских инородцев. СПб., 1901. 515 с.
1129. Мирский М.Б. Очерки истории медицины в России XVI – XVIII вв. Владикавказ, 1995. 170 с.
1130. Михайлов Ф.А. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Этнографический очерк. Асхабад, 1900. 79 с.
1131. Михайлова А. Михаил Григорьевич Черняев. СПб., 1906. 165 с.
1132. Мокеев А.М. Новый источник по истории Кокандского ханства // Источниковедение Кыргызстана (с древности до конца XIX века). Бишкек: Илим, 2004. 371 с.
1133. Муминов И.М. Избранные произведения. в 4 тт. Т.2. Из истории общественно-философской мысли в Узбекистане конца XIX – начала XX в. Ташкент, 1976. 214 с.
1134. Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. М., 2004. 281 с.
1135. МухторовАхрор. История Ура-Тюбе (конец XV – начало XX вв.). М., 1998. 277 с.
1136. На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий очерк. М., 1998. 606 с.
1137. Навеки вместе: к 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1982. 434 с.
1138. Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886. 285 с.
1139. Наливкин В.П. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. 215 с.
1140. Наливкин В.П. Очерк благотворительности у оседлых туземцев Туркестанского края. // Сборник материалов по мусульманству. Т. 2. Ташкент, 1900. 147 с.
1141. Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. 144 с.
1142. Наливкин В.П. Что дает мусульманам школа в образовательном и воспитательном отношениях? // Туркестанский литературный сборник в пользу прокаженных. СПб., 1900. 315 с.
1143. Народы Средней Азии и Казахстана. (Этнографические очерки). Т. 1-2. М., 1963. 768 с.
1144. Наршахи Мухаммад. История Бухары. Пер. с перс. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897. 124 с.
1145. Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины. М: Старый сад, 1997. 413 с.
1146. Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М.1997. 416 с.

1147. Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии. СПб, 1856. 375 с.
1148. Некрасов О.В. Русские пограничники на «Крыше мира»: конец XIX – начало XX в. (По архивным, правовым материалам): монография. М., 2017. 246 с.
1149. Нефедов С.А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М: Территория будущего, 2008. 750 с.
1150. Ниязов Сапармурат Туркменбаши. По пути возрождения. Ашгабат, 1994. 15 с.
1151. Оглоблин В.Н. Промышленность и торговля Туркестана. Из путевых заметок. М., 1914. 80 с.
1152. Олещук Ф.О. О реакционной роли мусульманского духовенства. Алма-Ата, 1937. 28 с.
1153. Остроумов Н. К 50-летию Ташкента. Ташкент, 1915. 80с.
1154. Остроумов Н.П. Исламоведение. Введение в исламоведение. Ташкент, 1914. 216 с.
1155. Остроумов Н.П. Исторический опыт взаимных отношений между христианством и мусульманством. СПб., 1888. 75 с.
1156. Остроумов Н.П. Исторический очерк народного образования в городах и укреплениях бывшей Сырдарьинской линии и Туркестанской области с 1800 по 1867 год. Ташкент, 1881. 108 с.
1157. Остроумов Н.П. Китайские эмигранты и распространение среди них православного христианства. Казань, 1879. 117 с.
1158. Остроумов Н.П. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае. Ташкент, 1910. 160 с.
1159. Остроумов Н.П. Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Ташкент, 1899. 286 с.
1160. Остроумов Н.П. Коран и прогресс. Ташкент, 1901. 248 с.
1161. Остроумов Н.П. Мусульманское законоведение. Ташкент, 1909. 82 с.
1162. Остроумов Н.П. Отчет Туркестанской Учительской семинарии за XXV лет ее существования (30 августа 1879 – 30 августа 1904 года). Ташкент, 1904. 206 с.
1163. Остроумов Н.П. Сарты. Этнографические материалы. Т.1. Ташкент, 1890. 174 с.
1164. Остроумов Н.П. Современное правовое положение мусульманской женщины. Казань, 1911. 53 с.
1165. Остроумов Н.П. Уложение Тимура (Тамерлана). Казань, 1894. 145 с.
1166. Павлов Н. История Туркестана. Ташкент, 1910. 235 с.
1167. Пален К.К. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч. 1. Отд. II. СПб, 1911. 600 с.
1168. Петренко Н.С. Методология истории и проблема ценности и оценки // История методологии социального познания. Конец XIX – XX век. М: ИФ РАН, 2001. 247 с.
1169. Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство. В 2-х томах. Бишкек: КРСУ, 2014. Т. 1 – 276 с. Т. 2 – 428 с.

1170. Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе: Илим, 1977. 368 с.
1171. Плоских В.М. Наш Кыргызстан. С древности до конца XIX века. Бишкек: Илим, 2004. 222 с.
1172. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. 392 с.
1173. Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов // Избр. произв. в 4-х книгах. Книга 2. М: Мысль, 1965. 664 с.
1174. Половцов А.А. Отчет чиновника особых поручений при министре внутренних дел, командированного в 1896-1897 годах для собрания сведений о положении переселенческого дела в Туркестанском крае. СПб., 1898. 231 с.
1175. Положение об управлении Туркестанского края. С разъяснениями Правительствующего Сената, приказами и циркулярами Туркестанского генерал-губернатора, и инструкциями и правилами по отдельным частям управления. Сост. И.Ф. Абрамов. Ташкент, 1916. 250 с.
1176. Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М: Изд-во МГУ, 1980. 168 с.
1177. Поляков С.П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М., 1989. 112 с.
1178. Поршнева О.С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009. 244 с.
1179. Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX в. М: РИПОЛ КЛАССИК, 2005. 510 с.
1180. Постсоветская Центральная Азия. Потери и обретения. М., 1998. 348 с.
1181. Прибалтика и Средняя Азия в составе Российской империи и СССР: мифы современных учебников постсоветских стран и реальность социально-экономических подсчетов. М., 2010. 198 с.
1182. Прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России. Сб. статей. Ч. 2. Ташкент: Ташкентский государственный университет, 1970. 125 с.
1183. Пропащин А. Генерал-адъютант Константин Петрович фон Кауфман 1-й как устроитель Туркестанского края (1867-1882). Ташкент, 1913. 158 с.
1184. Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. Вып.2. М.-Л., 1940. 506 с.
1185. Против исторической концепции М.Н. Покровского. Вып.1. М.-Л., 1939. 518 с.
1186. Пугаченкова Г. Самарканд. Бухара. М: Искусство, 1968. 203 с.
1187. Пясковский А.В. Революция 1905-1907 гг. в Туркестане. М., 1958. 615 с.
1188. Раджабов С. А. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. Ташкент: Госиздат УзССР, 1955. 211 с.
1189. Раймонд Блок. Предисловие // Сурдель Доминик, СурдельЖанин. Цивилизация классического ислама. Екатеринбург, 2006. 622 с.

1190. Риттер К. Землеведение Азии. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или китайский Туркестан. Вып. 1. Пер. В.В. Григорьева. СПб., 1869. 560 с.
1191. Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией: 40-60-е года XIX века. М., 1963. 236 с.
1192. Романовский Д.И. Заметки по среднеазиатскому вопросу. СПб., 1868. 291 с.
1193. Россия в исторических судьбах таджикского народа. Сб. статей. Душанбе,1998. 156 с.
1194. Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч.1. М., 1993. 414 с.
1195. Рыскулов Т. Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 году. Кзыл-Орда, 1927. 125 с.
1196. Рыскулов Т. Киргизстан. М., 1935. 188 с.
1197. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. В 2-х томах. СПб.: Наука, 2003. 632 с.
1198. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М.: «Языки русской культуры», 1997. 800 с.
1199. Савицкий А.П. Из истории присоединения Средней Азии к России // Научные труды ТашГУ. Вып.238. Ташкент, 1964. 156 с.
1200. Савицкий А.П. Поземельный вопрос в Туркестане. Ташкент, 1963. 208 с.
1201. Саидбаев Т.С. Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. М., 1978. 253 с.
1202. Салиев А.Л. Очерки судебной политики царизма в кочевых регионах Туркестана (по архивным, правовым и иным материалам): монография. КРСУ. Отв. ред. П.П. Литвинов. Бишкек, 2014. 431 с.
1203. Сарыгулов Дастан. Беспамятство потомков разрушает будущее и уничтожает прошлое. Бишкек, 2001. 68 с.
1204. Сафаров Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана). М., 1921. 148 с.
1205. Северо-Туркестанская (Семиреченская) железная дорога // Туркестанский сборник. Т. 492.
1206. Семенов А. Покоритель и устроитель Туркестанского края, генерал-адъютант К.П. фон Кауфман 1-й. Материалы для биографического очерка // Кауфмановский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края, генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана 1-го. М., 1910. 247 с.
1207. Серебрянников А.Г. Памир. (Краткий очерк) // Ежегодник Ферганской области. Т. 1. Нов. Маргилан, 1902.216 с.
1208. Середонин С.М. Исторический очерк завоевания Азиатской России // Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914. 576 с.
1209. Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в российской империи. 1826-1880 М., 2006. 381 с.
1210. Скопин В.Н. Средняя Азия и Индия. М., 1904. 246 с.
1211. Смирнов Н.А. Ислам и его классовая сущность. М-Л.,1930. 48 с.

1212. Соколов А.Я. Присоединение Средней Азии к России и развитие русско-афганских отношений // Научные труды ТашГУ. Вып.229. Серия: востоковедение. Ташкент, 1964. 220 с.
1213. Соколов Ю.А. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965. 189 с.
1214. Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М., 1952. 652 с.
1215. Страны и народы Востока. М., Выпуск XXII. 1980. 275 с.
1216. Султанов Турсун. Поднятые на белой кошме. Ханы казахских степей. Астана, 2006. 220 с.
1217. Сухарева О.А. Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960. 90 с.
1218. Съезды деятелей по сельскому хозяйству Туркестанского края. (1909-1911) Ташкент: Туркестан, 1912. 326 с.
1219. Сыдыков Х.Д. Из истории административной политики царизма в Туркестане // Слово памятникам истории и культуры. Сб. статей. Ташкент. 1973. 60 с.
1220. Табышалиева А. Вера в Туркестане (Очерк истории религий в Средней Азии и Казахстане). Бишкек, 1993. 162 с.
1221. Тажибаев Т.Т. Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX в. Алма-Ата: Казгосполитиздат, 1962. 507 с.
1222. Текенова С.Ж. Межэтнические отношения в Кыргызстане: история и реальность. Бишкек, 1999. 80 с.
1223. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами. В 3-х томах. Т. 2. СПб., 1906. 547 с.
1224. Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875. 361 с.
1225. Тилле А.А., Швеков Г.В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. М., 1978. 199 с.
1226. Тимаев К.А. К дорожному вопросу в Туркестане // Труды III съезда деятелей по сельскому хозяйству Туркестанского края. Ташкент, 1914. 455 с.
1227. Тимченко С.В. (Алматы). Проблемы присоединения Казахстана к России в современной казахстанской историографии // Центральная Азия в составе Российской империи. М: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
1228. Толипов Ф. Большая стратегия Узбекистана в условиях геополитической и идеологической трансформации Центральной Азии. Ташкент: Фан, 2005. 123 с.
1229. Трегубов А.Л. Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской областях. СПб., 1910. 78 с.
1230. Троцкистско-колонизаторская концепция истории Средней Азии, Сб. статей. М., 1933. 64 с.
1231. Туркестанский военный округ. Труды 1-го краевого съезда военно-санитарных чинов. Ташкент, 1917.
1232. Тухтаметов Ф.Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи (вторая половина XIX века). Уфа, 1999. 215 с.

1233. Усенбаев К. 1916: героические и трагические страницы. Бишкек, 1997. 204 с.
1234. Усенбаев К. Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960. 190 с.
1235. Ушаков В.Н. Политический ислам в Центральной Азии. М.-Бишкек: КРСУ, 2004. 206 с.
1236. Ф. Энгельс – Иоану Нэдежде в Яссы. 4 января 1888 года // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 37. М., 1965. 457 с.
1237. Ф. Энгельс – Марксу в Лондон. 23 мая 1851 года // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 27. М., 1962. 695 с.
1238. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд.2-е. Т.20. М., 1961. 827 с.
1239. Федоров Е. Аграрные недоразумения в Туркестанском крае (инцидент между киргизами и земельно-податной комиссией) // Туркестанский сборник. Т. 510.1909.
1240. Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925. 80 с.
1241. Федоров К.М. Закаспийская область. Асхабад, 1901. 275 с.
1242. Федоров М.П. Хлопководство в Средней Азии. СПб., 1898. 282 с.
1243. Фейерабенд П. Против методологического принуждения. Очерк анархисткой теории познания. Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 352 с.
1244. Фомченко А.П. Русские поселения в Бухарском эмирате. Ташкент, 1958. 78 с.
1245. Фомченко А.П. Русские поселки в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. (Социально-экономический аспект). Ташкент, 1983. 128 с.
1246. Хайтлиев А. Общественно-политический строй Туркменистана и обычное право туркмен в XIX – начале XX веков. Ашхабад, 1983. 125 с.
1247. Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857-1868). М., 1960. 272 с.
1248. Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60-90-е годы XIX в.). М., 1965. 467 с.
1249. Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974. 406 с.
1250. Халфин Н.А. Три русские миссии. Ташкент, 1957. 86 с.
1251. Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. 279 с.
1252. Хасанов А. Экономические и политические связи Киргизии с Россией. Фрунзе, 1960. 92 с.
1253. Хасанов А.Х. Из истории Киргизии XIX в. Фрунзе, 1959. 112 с.
1254. Хелимский, Е.И. Массовые источники по истории крестьян-переселенцев в Средней Азии в конце XIX – начале XX вв. Бишкек: Илим, 1996. 65 с.
1255. Хелимский, Е.И. Факторный анализ данных переписей 1917 года о крестьянском хозяйстве (по материалам Средней Азии) // Круг идей: Развитие исторической информатики. М., 1995. С.430-437.

1256. Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60-70-х гг.). Ташкент, 1969. 456 с.
1257. Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. 538 с.
1258. Хорхордина Т. История и архивы. М., 1984. 356 с.
1259. Хроника истории Ашхабада. (1881-1917). Ашхабад, 1981. 144 с.
1260. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
1261. Циммерман Э.Р. Вглубь Азии. Поездка в Самарканд. М., 1893. 55 с.
1262. Чеботарева В. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1968. 279 с.
1263. Череванский В. Две волны. Историческая хроника. В 2-х частях. СПб., 1901. 278 с.
1264. Череванский В.В. Мир ислама в его пробуждении. В 2-х частях. СПб., 1901. Ч.1. [2], II, X, 328 с.; Ч.2. [2], II, 255 с.
1265. Чудинов М.Э. Природа научной истины. М., 1977. 312 с.
1266. Шалгынбай Ж.Ж. Казахстан в зарубежных источниках и материалах. Библиография до начала XX века. Алматы, 2009. 565 с.
1267. Шамсиев М. Из истории торгово-политических взаимоотношений Кокандского ханства с Россией в первой половине XIX века // Россия – Узбекистан: история и современность. Ч. VI. М., 2009.
1268. Шевкуленко Д.А. Межнациональные отношения в России (вторая половина XVI – начало XX в.). Самара, 1999. 191 с.
1269. Шкапский О.А. Переселенцы-самовольцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. СПб., 1906. 198 с.
1270. Шмидт Р.З. Среднеазиатская железная дорога и ее влияние на социально-экономическую жизнь Туркестанского края. 1880-1914. Автореферат к.и.н. Т. 1965. 23 с.
1271. Штейнберг Е.Л. Из истории порабощения русским царизмом народов Средней Азии // Из истории колониальной политики русского царизма. М., 1937. 29 с.
1272. Штейнберг Е.Л. Очерки истории Туркмении. М.-Л., 1934. 168 с.
1273. Штраус Лео. Введение в политическую философию. М., 2000. 364 с.
1274. Шубинский П. Очерки Бухары. СПб., 1892. 108 с.
1275. Шурц Г.История человечества. Средняя Азия и Сибирь. СПб., 2004. 204с.
1276. Энгельс – Николаю Францевичу Даниельсону в Петербург из Лондона. 18 июня 1892 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 38. М., 1965.644с.
1277. Юнусходжаева М.Ю. Из истории землевладения в дореволюционном Туркестане. Ташкент, 1970. 112 с.
1278. Яворский И.Л. Долина Аму-Дарьи в ее верхнем течении. Медико-географический очерк. Ташкент, 1879. 25 с.
1279. Яворский И.Л. Краткий отчет о научной командировке в Среднюю Азию, исполненной летом 1894 года. Т. 1-3. Одесса, 1895.
1280. Яворский И.Л. Опыт медицинской географии и статистики Туркестана. Ч. 1. Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1889. 23 с.

1281. Яворский И.Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878-1879 гг. Т. 1-2. СПб., 1882-1883. 384 с.
1282. Яворский Н.Л. Средняя Азия. Культурные успехи и задачи в ней России. Одесса, 1893. 39 с.
1283. Яковлев Н.Н. Внешняя и национально-колонизаторская политика царизма в 60-70 гг. XIX в. Народы Средней Азии в середине XIX в. Завоевание Средней Азии. М., 1940. 57 с.
1284. Якубовский А.Ю. Предисловие // Бартольд В.В. Сочинения в 9 томах. Т.1. М., 1963.
1285. Ямзин И.Л., Вощинин В.П. Учение о колонизациях и переселении. М.-Л., 1926. 328 с.
1286. Янчевский С. «Русский мир» по отношению к Туркестанскому краю. Ташкент, 1875. 12 с.
1287. Яншин, В. П. Продвижение России в Центральную Азию и присоединение Тянь-Шаня и Алая в XIX веке. Бишкек, 2006. 20 с.
1288. Ярков, А. Казаки в Кыргызстане. Бишкек, 2002. 77 с.

Статьи из периодических изданий

1289. «Выступления темных сил под руководством безответственных лиц…». Телеграмма председателя Туркестанского комитета Временного правительства В.П. Наливкина. Сентябрь 1917 г. (Т.В. Котюкова) // Исторический архив. 2007. № 5.
1290. «Чтоб на Аральском море город построить». Подготовка начальником Оренбургской комиссии В.Н. Татищевым экспедиции в Среднюю Азию. 1738-1739 гг. (И.В. Торопицын) // Исторический архив. 2009, № 6.
1291. А.В.Л. Наши дела в Туркестанском крае // Вестник Европы, 1868, кн.5, май.
1292. Абашин С.Н. Ислам в бюрократической практике царской администрации Туркестана (Вакуфное дело Дагбитского медресе. 1892-1900) // Сборник Русского исторического общества. Т. 7 (155). 327 с.
1293. Абашин С.Н. Население Ферганской долины. (К становлению этнографической номенклатуры в конце XIX – начале XX века // Ферганская долина: Этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М., 2004. 224 с.
1294. Абашин С.Н. Община в Туркестане в оценках и порах русских администраторов начала 80-х гг. XIX в. (По материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан) // Сборник Русского исторического общества. Т. 5 (153). 333 с.
1295. Абдуллаев Е.А. Миф об утерянном колене в исследованиях по истории Центральной Азии // Вестник Евразии. Независимый научный журнал. 2006, № 1 (31).
1296. Абдурахимова Н.А. Политика царизма в административном управлении Туркестаном // Ташкентский государственный университет. Материалы по истории, историографии и археологии. Вып.582. Ташкент, 1981.

1297. Абдынасырова А. Ростки ваххабизма: кто их у нас поливает? // Слово Кыргызстана, 1997, 19, 20 декабря.
1298. Агрономические работы 1909 года в Туркестане (Семиреченский район). // Средняя Азия. Ташкент, 1911. № 3.9. Акрамов С.А., Касымбеков К.Ф. К вопросу о политике царизма в области административного управления в Туркестане (2-я половина XIX – начало XX в.) // Труды Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои. Вып. 328. Материалы по истории Узбекистана. Самарканд, 1976.
1299. Алаев Л.Б. Колониализм, национализм, самоопределение и общежитие народов // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Доклады Второй международной научно-практической конференции. 11-14 августа 1997 г. Кн.1. Москва-Иркутск, 1997, 274 с.
1300. Александров Н.Н. Агрономическая помощь населению Туркестанского края // Сельское хозяйство. 1911. № 5.
1301. Алексеев И.Л. Н.П. Остроумов о проблемах управления мусульманским населением Туркестанского края // Сборник русского исторического общества. № 5. (153). М., 2002. 333 с.
1302. Алимухамедов В.А. Хлопкоочистительная промышленность дореволюционного Узбекистана // Сборник научно-исследовательских работ. Ташкентский текстильный институт. Ташкент, 1957.
1303. Андреев. Санитарные заметки по поводу полевой поездки на Алай 1886 года // Сборник материалов по Азии. Вып. 35. СПб., 1888.
1304. Андриевский А. Значение вопроса о киргизских зимовках в деле образования переселенческих участков в Лепсинском уезде, Семиреченской области // Вопросы колонизации. 1909, № 5.
1305. Арапов Д.Ю. Россия и Средняя Азия в XVIII – начале XX вв. // Сборник Русского Исторического общества. № 5. (153). М., 2002. 332 с.
1306. Арапов Дмитрий, Котюкова Татьяна. Архивные материалы Министерства внутренних дел Российской империи о мусульманском движении начала XX века // Вестник Института Кеннана в России, 2004, № 6.
1307. Арендаренко Г.А. Дарваз и Катагегин. Этнографический очерк // Военный сборник. 1883. № 11-12.
1308. Аттокуров С. Развитие мелкой промышленности Киргизии в конце XIX – начале XX в. // Ученые записки историко-юридического факультета КГУ. Вып. 3. Фрунзе, 1964. Вып. 3
1309. Ахмеджанова З.К. Из истории строительства Среднеазиатской, Ферганской и Бухарской железных дорог // Ученые записки Ташкентского государственного пединститута. Вып.2. Ч. 3. Ташкент, 1962. 214 с.
1310. Банникова Е.В. Уральское купечество в русско-азиатской торговле первой половины XIX века // Российская история. 2009. № 1.
1311. Бекмаханова Н.Е. Россия и внешнеполитические воззрения, и ориентиры в истории Ближнего Зарубежья – Казахстан, Киргизия // Россия и страны

Ближнего Зарубежья. Внешнеполитические ориентиры. (Материалы научно-практической конференции, апрель 1994 года). М., 1997. 185 с.
1312. Бекмаханова Н.Е. Русское население Казахстана и Средней Азии в XIX – начале XX века // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX – XX вв. Сборник статей. М., 2001. 330 с.
1313. Белгородская Л.В. Роль британских и американских энциклопедий в формировании массовых западных представлений о реформаторах России XVIII в. // Реформы и реформаторы в истории России: к 150-летию Великих реформ. Материалы XVI Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 17-18 мая 2012 г. М.: РУДН, 2012. 659 с.
1314. Белянин Д.Н. Переселение крестьян в Сибирь в годы Столыпинской аграрной реформы // Российская история. 2011, № 1.
1315. Березовский В.Г. Черняев М.Г. // Разведчик. 1898. № 409.
1316. Бетгер Е.К. Самарский купец Данила Рукавин и его караван в Хиву в 1753 г. // Известия Академии Наук Туркменской ССР. 1952. № 6.
1317. Бобровников Н.А. Русско-туземные училища, мектебы и медресе в Средней Азии // Журнал министерства народного просвещения. 1913. Июль.
1318. Бобровников Н.А. Русско-туземные училища, мектебы и медресы в Средней Азии // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. Июнь, июль.
1319. Богородицкая Н.А. Нижегородская ярмарка в системе международных торговых связей России в XIX – XX вв. // Вопросы истории. 2012. № 4.
1320. Брагинский И.С., Раджабов С., Ромодин В.А. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России // Вопросы истории. 1953. № 8.
1321. Брежнева С.Н. Проблема присоединения Средней Азии к России в отечественной историографии 1920-1950-х годов // Отечественная история. 2005, № 1.
1322. Бройдо Г.И. Материалы к истории восстания киргиз в 1916 г. // Новый Восток. 1924. № 6.
1323. Брусникин Е.М. Переселенческая политика царизма в конце XIX в. // Вопросы истории. 1965. № 1.
1324. Бунаков Е.В. К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в. // Советское востоковедение. Вып.2. М.-Л., 1941. 322 с.
1325. Васильев Д.В. О политике царского правительства в Русском Туркестане (к вопросу о «русификации») // Сборник Русского исторического общества. № 5. (153). М., 1999. 333 с.
1326. Вахидов Ш.Х. Взгляд мусульманских авторов на русское завоевание Туркестана. Эволюция новых реалий: «за» и «против» // Востоковедческие чтения памяти Н.П.Остроумова. Сб. материалов. Ташкент, 2010. 399 с.
1327. Велецкий С.Н. Записка о нуждах переселенческого дела в Семиреченском районе. Верный, 1913. 109 с.
1328. Велецкий С.Н. О колонизационном значении Семиречья // Вопросы колонизации. 1909, № 4.

1329. Виноградский А. Знахарство и китайская медицина в деревнях Семиречья. // Туркестанский сборник. Т. 456.
1330. Вишневский А. Как это делалось в Средней Азии // Наука и религия. 1990. № 3.
1331. Вишневский А.Г. Средняя Азия: незавершенная модернизация // Вестник Евразии, 1996, № 2 (3).
1332. Владимир (Иким), архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский. Диалог цивилизаций как альтернатива глобальной диктатуре // Диалог цивилизаций. Вып. 3. Бишкек, 2003.
1333. Владимир (Иким), архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский. Через прошлое в будущее // Диалог цивилизаций. Вып.3. Бишкек, 2003
1334. Власов В.С. Российско-кыргызские отношения в XIX веке и роль в них Курбанджандатки // Курбанджандатка – выдающийся политический и общественный деятель кыргызского народа. Материалы Международной научной конференции 25 октября 2011 г. Бишкек, 2011. 340 с.
1335. Волков В. Заразные болезни, способы распространения и меры борьбы с ними // Закаспийское обозрение. 1899. № 214. Асхабад. 1906. № 10. 13 января.
1336. Волков И.В. Военная контрразведка Русского Туркестана и мировые процессы // Власть. Москва, 2009. № 8.
1337. Волков И.В. Российская военная контрразведка на рубежах Центральной Азии: личности и события (последняя треть XIX – начало XX вв.) // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории. Материалы XVII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 16-17 мая 2013 г. М., 2013.
1338. Волков И.В. Специфика деятельности военной контрразведки в Туркестане // Диалог цивилизаций. Бишкек, 2009. № 9.
1339. Волков И.В. Туркестан в борьбе с «военным шпионством» // Вестник Казахского Национального университета им.Аль-Фараби. Алма-Ата, 2009. № 2 (53).
1340. Володарский М. Дуэль двух дипломатий в Кабуле // Отечественная история. 2002, № 5.
1341. Вощинин В. Колонизационное дело при А.В. Кривошеине // Вопросы колонизации. 1915, № 18.
1342. Вучетич Н.Г. Воспоминания о М.Г. Черняеве // Исторический вестник. 1913. Апрель.
1343. Вышпольский В. Медико-топографические очерки Иссык-Кульского уезда (Пржевальского), Семиреченской области с описанием преобладающих болезней в зависимости от почвы, климата и бытовых условий, среди населения уезда (за время с 1870-1890 в гражданском населении и с 1884-1894 в военном) // Военно-медицинский журнал. 1895. Кн. X. 151 с.
1344. Вяткин М.П. Казахстан – колония царизма // Ученые записки Казахского педагогического института. Алма-Ата, 1941. 392 с.

1345. Гаврилов Н. Переселенческое дело в Туркестанском крае в 1907 году // Вопросы колонизации. 1908, № 2.
1346. Гартвардт АЭ. Пути преодоления отдельных аспектов методологического эклектизма в преподавании курса отечественной истории // Преподавание отечественной истории. Исторические факты и их интерпретация. Материалы XVIII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 15-16 мая 2014 г. М., 2014. 366 с.
1347. Гафурджанова И. Из истории строительства Ферганской железной дороги (1900-1917) // Научные работы и сообщения отделения общественных наук АН Узбекской ССР. Кн.2. Ташкент, 1961. 336 с.
1348. Гафуров Б. Об Андижанском «восстании» 1898 года // Вопросы истории. 1953. № 2.
1349. Георгиева Н.Г. Методология исторического исследования и особенности исторического познания // Человек и общество в истории российской цивилизации. Материалы научно-практической конференции. М.: РУДН, 2004. 643 с.
1350. Гинзбург А.И. Переселенцы и местное население Туркестана в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 1976. № 2.
1351. Глуховский А.И. Торговые отношения России со Средней Азией // Биржевые ведомости. 1869. №№ 106, 107, 115, 163, 196 // Туркестанский сборник. Т. 26
1352. Григорьев В. О русских интересах в подвластных оседлых странах Средней Азии (письмо к редактору «Москвы») // Москва. Газета политическая, экономическая и литературная. 1867. № 53. 8 марта.
1353. Грозин Андрей. Интернет и образы постсоветской Азии в России // Вестник Евразии. Независимый научный журнал. 2005. № 2 (28).
1354. Гурдэ П.В. Семиреченская железная дорога // Туркестанские ведомости. 1903. № 1.
1355. Гусев К.В. Исторический факт и проблема истинности в исторической науке // Историческая наука. Вопросы методологии. М., 1986.
1356. Давыдов М.А. «Семейное предание» Столыпиных // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории. Материалы XVII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 16-17 мая 2013 г. М., 2013. 756 с.
1357. Движение населения в Семиреченской области // Туркестанские ведомости. 1873, № 7, 13 февраля.
1358. Дингельштедт Н. Мирная политика и бескровные завоевания (Туркестан. 1884-1889) // Северный вестник. 1892. № 5. Май.
1359. Дингельштедт Н. Наша колонизация в Средней Азии. Русские поселки в Туркестане // Вестник Европы. 1892, № 11.
1360. Донцов М. О нуждах сельского хозяйства Туркестанского края // Туркестанское сельское хозяйство. 1911, № 10.
1361. Дьячков П.А. Озеро Иссык-куль и его северный берег. (Из поездки в 1897 году). // Известия Туркестанского отдела Русского Географического Общества. Т. 1. Вып. I. Ташкент, 1898.

1362. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9.
1363. Ерасов В.С. Россия в евразийском пространстве // Общественные науки и современность. 1994. № 2.
1364. Ефимов В.И. К вопросу о роли России в исторических судьбах народов Бухарского ханства // Труды Самаркандского университета. Новая серия. Вып. 101. Самарканд, 1960.
1365. Игнатьев А.В. А.М. Горчаков – министр иностранных дел (1856-1882 гг.) // Отечественная история. 2000, № 2.
1366. Имонов А. Государственное устройство и национальная идея // Проблемы формирования национальной идеи в Республике Таджикистан. Материалы научно-практической конференции, г. Душанбе, 18-19 апреля 2006 года. Душанбе, 2007.
1367. Ирмуханов Б.Б. История Казахстана: подходы, проблемы (вступительная статья) // Ирмуханов Беймбет. Прошлое Казахстана в письменных источниках. V в. до н.э. – XV в. н.э. Алматы, 2006.
1368. Исакова Ф.Р. Просвещение в Ферганской долине в конце XIX – начале XX в.: мусульманские мактабы, медресе и русско-туземные школы // Личность и время. Николай Остроумов: востоковед, просветитель эпохи. Материалы международной научной конференции, посвященной 170-летию со дня рождения русского ученого-туркестановеда, исламоведа, деятеля народного образования в Средней Азии Николая Петровича Остроумова. Ташкент, 2017. 322 с.
1369. Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4.
1370. К вопросу о соединении наших Среднеазиатских владений с Европейской Россией рельсовым путем // Сибирский вестник. 1898. № 72.
1371. Каганович А. Некоторые проблемы царской колонизации Туркестана // Центральная Азия. 1997. № 5 (11).
1372. Кадыров Шохрат. Политические технологии в советской и постсоветской Центральной Азии // Вестник Евразии. 2005. № 4(30).
1373. Казанцев А.А. Центральная Азия: институциональная структура международных взаимодействий в становящемся регионе // Полис (Политические исследования). 2005. №2.
1374. Карпыч К. К истории завоевания Туркменистана российским капитализмом // Туркменоведение. Ашхабад, 1929. №№ 10-11.
1375. Кастельская З.Д. К истории англо-русского соперничества в Средней Азии (с первой половины XIX века по 1907 год // На зарубежном Востоке. 1934. № 2.
1376. Керенский Ф.М. Медресе Туркестанского края // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Ноябрь.
1377. Киняпина Н.С. Средняя Азия во внешнеполитических планах царизма (50-80-е гг. XIX в.) // Вопросы истории. 1974. № 2.

1378. Кобзева О.П. Николай Федорович Петровский – выдающийся русский туркестановед и дипломат // Востоковедческие чтения памяти Н.П.Остроумова. Сб. материалов. Ташкент, 2010. 427 с.
1379. Кобищанов Ю.М. Место исламской цивилизации в этноконфессиональной структуре Северной Евразии – России // Общественные науки и современность. 1996. № 2.
1380. Ковалев А.М. Еще раз о формационном и цивилизационном подходе // Общественные науки и современность. 1996. № 1.
1381. Ковалев П.А., Рахматов М. Страницы строительства Бухарской железной дороги в 1914-1916 гг. // Труды Среднеазиатского госуниверситета. Новая серия. Вып. 142. Исторические науки. Кн. 30. Ташкент, 1958. 152 с.
1382. Козьменко В.М. Историческая антропология: сегодня и завтра // Ежегодник историко-антропологических исследований. М.: РУДН, 2001/2002. 423 с.
1383. Коломийцев В.Ф. Законы истории или социологические закономерности? // Отечественная история. 1997, № 6.
1384. Котюкова Т.В. «Путь редактора провинциальной газеты в Ташкенте не усеян розами». Письмо академика В.В. Бартольда Н.Г. Маллицкому. 1901 г. (Т.В. Котюкова) // Исторический архив. 2014, № 6.
1385. Котюкова Т.В. Из истории борьбы за представительство Туркестана в Государственной Думе Российской империи // O’zbekiston tarixi. 2002, № 3.
1386. Котюкова Т.В. Отношение Государственной думы к переселенческой политике царизма в Туркестанском крае // Общественные науки в Узбекистане. 1999, № 3-4.
1387. Котюкова Т.В. Прошение коренного населения Туркестана о прекращении изъятия земли у кочевников // Восточный архив. 2007, № 16.
1388. Котюкова Т.В. Реформы государственного устройства в России и национальные окраины: Туркестан и Государственная дума 1905-1907 гг. // Судьбы реформ и реформаторства в России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Коломна, 2006. 470 с.
1389. Котюкова Т.В. Туркестан и Государственная Дума Российской империи. Документы ЦГА Республики Узбекистан 1915-1916 гг. // Исторический архив. Научно-публикаторский журнал. 2003, № 3.
1390. Кульпин Э.С. Россия в евразийском пространстве // Вестник Евразии. 1996, № 1 (2).
1391. Курбатова И. Возникновение и рост хлопкоочистительной промышленности в Туркестане в конце XIX – начале XX в. // Научные работы и сообщения отделения общественных наук АН Узбекской ССР. Кн.6. Ташкент, 1963.
1392. Куропаткин А.Н. Исторический очерк Кашгарии // Военный сборник, 1877. № 11-12; 1878. № 1-4.
1393. Кушева Е.Н. Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX века // Исторический сборник. Вып.3. Л., 1934.

1394. Левшин А.И. Об имени киргиз-кайсацкого народа и отличии его от подлинных или диких киргизов // Московский вестник. 1827. ч. IV. № 16.
1395. Литвинов В.П. Власть и паломничество мусульман в Русском Туркестане. // Власть, 2014 г. № 6.
1396. Литвинов В.П. Восток связующие нити паломничества // Россия и Восток. Взаимодействие стран и народов. Труды X Всероссийского съезда востоковедов Уфа, 7-10 октября 2015. 480 с.
1397. Литвинов В.П. Дипломатическое регулирование хаджа российских мусульман во второй половине XIX – начале XX вв. // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (история, экономика и политика). Вып. 4. Материалы 4-й международной конференции арабистов Института востоковедения РАН. 6-7 декабря 1999 г. М., 2000. 351 с.
1398. Литвинов В.П. К истории российской полиции: первые жандармы в Туркестане // Вестник КРСУ. 2016. Том 16. № 12.
1399. Литвинов В.П. О доисламской традиции культа святых в религии Пророка. // Язык и литература. Баку, 2015 № 1(93).
1400. Литвинов В.П. Объекты поклонения мусульман-шиитов Туркестана // Вестник Казахского национального университета им. аль-Фараби. Серия востоковедения. Алматы, 2014 г., № 1 (67).
1401. Литвинов В.П. Проблема запрета паломничества мусульман Центральной Азии в период до 1917 года // «Личность и время: Николай Остроумов». Международная научная конференция (2016, Ташкент). Ташкент, 2017. 322 с.
1402. Литвинов Вяч.П. Административная ссылка по приговорам народных судов Русского Туркестана (по архивным и правовым материалам) // Вестник РУДН. Серия «История России». 2011. № 3.
1403. Литвинов Вяч.П. Железнодорожная полиция в царской России: туркестанское направление (правовой аспект) // Вестник КРСУ. 2014. Том 14. № 4.
1404. Литвинов Вяч.П. О высылке «вредных» мусульман из царского Туркестана (по архивным материалам) // Вестник КРСУ. 2015. Том 15. № 6.
1405. Литвинов Вяч.П. Об административной ссылке мусульман в царском Туркестане // «Личность и время: Николай Остроумов». Международная научная конференция (2016, Ташкент). Ташкент, 2017. 322 с.
1406. Литвинов Вяч.П. Политическое значение Памира в международных отношениях конца XIX – начала XX в. // Россия: цивилизация, патриотизм, культура. Материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 25 апреля 2003 г. М.: РУДН, 2003. 580 с.
1407. Литвинов Вяч.П. Шариатское судопроизводство в Туркестане во второй половине XIX – начале XX в. // Человек и общество в истории российской цивилизации. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, РУДН, 23 апреля 2004 г. М., 2004. 643 с.

1408. Литвинов П.П. «Военно-бюрократическое» управление в России XIX – начала XX вв. (по материалам Русского Туркестана) // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное. Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции. М., РУДН, 2008. 483 с.
1409. Литвинов П.П. «Памирский вопрос» и англо-русское соперничество в Азии // Тезисы докладов и выступлений на научной конференции, г.Фрунзе, апрель 1983 года. Фрунзе: Наука, 1983.
1410. Литвинов П.П. Английские экспедиции на Памир во второй половине XIX века // Тезисы докладов и выступлений научной конференции: г. Фрунзе, 1984. Фрунзе: Наука, 1984.
1411. Литвинов П.П. Государство и суды кочевого населения Средней Азии. 1865-1917 // Материалы научно-практической конференции юридического факультета ЕГУ им. И.А. Бунина. Елец. 2000. 338 с.
1412. Литвинов П.П. К вопросу о специфике государственного управления национальными окраинами в царской России (на примере Русского Туркестана) // Вестник Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина. Вып. 19. Серия: право. Елец, 2008.
1413. Литвинов П.П. О модели «военно-административного» управления в царской России (на примере Туркестана) // Диалог цивилизаций. культурно-цивилизационные мосты истории и современности. 2009, № 9. Бишкек: Наука, 2009.
1414. Литвинов П.П. Прокурорский надзор в «кочевых» судах Русского Туркестана // Вестник ЕГУ им. И.А. Бунина. Вып. 1. Серия: история, право. Елец, 2002.
1415. Литвинов П.П. Религиозный мир средневековой Центральной Азии: триумф и трагедия христианства // «Личность и время: Николай Остроумов». Международная научная конференция (2016, Ташкент). Ташкент, 2017. 322 с.
1416. Литвинов П.П. Российское государство и судопроизводство мусульманских народов Русского Туркестана (1865-1917). Материалы I-х научно-методических чтений исторического факультета. ЕГПИ. Елец, 1998.
1417. Литвинов П.П. Эпоха «анабиоза» в истории Кыргызской государственности (опыт сравнительно-теоретического анализа) // Диалог цивилизаций № 3. Материалы Международного конгресса востоковедов, посвященного 2200-летию Кыргызского государства. Бишкек, 2003. 216 с.
1418. Логофет Д.Н. Завоевание Средней Азии // История русской армии и флота. М., 1913.
1419. Лурье С. Евразия: проблемы соседства культур и межкультурного взаимодействия // Вестник Евразии.1999. № 1-2 (6-7).
1420. Маклашевский А. Социальное движение 1916 г. в Туркестане // Былое. 1924. № 27-28.

1421. Малахов В.П. Многообразие методологий современной теории государства и права // История государства и права. Научно-правовое издание. 2010. № 6.
1422. Малашенко А.В. Русский национализм и ислам // Вестник Евразии. 1996. № 2, (3).
1423. Масанов Н.Э. Национально-государственное строительство в Казахстане: анализ и прогноз // Вестник Евразии, 1995, № 1.
1424. Масов Р.М. Историческое значение добровольного присоединения Горного Бадахшана к России (история, современность, перспективы) // Россия в исторических судьбах таджикского народа. Душанбе,1998. 156 с.
1425. Масов Р.М. Роль России в исторических судьбах таджикского народа и его национально-государственном строительстве // МеросиНиёгон. 2001. № 5.
1426. Мирзоев Г.Р. Гражданская война в Таджикистане в начале 1990-х годов: причины возникновения // Отечественная история. 2004, № 5.
1427. Мишучков А.А., Мишучкова А.В. Мифотворчество цивилизационного подхода в преподавании отечественной истории // Преподавание отечественной истории. Исторические факты и их интерпретация. Материалы XVIII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 15-16 мая 2014 г. М., 2014. 366 с.
1428. Могильницкий Б.Г. Академик РАН И.Д. Ковальченко как методолог истории (к 80-летию со дня рождения) // Отечественная история. 2003. № 6.
1429. Моисеев В.А. Политика России в Казахстане и Центральной Азии в освещении новейшей казахской историографии и публицистики // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы международной конференции в Институте востоковедения РАН. 14-16 декабря 1992 г. М., 1993.Ч. 1. 222 с.
1430. Морозов М. Об истории Казахской ССР // Большевик. 1945. № 6.
1431. Мустафин М. Николай Иванович Гродеков. 1883-1913. Воспоминания и заметки // Исторический вестник. 1915. Т. CXLII.
1432. Назаров П.С. Поездка на Памиры // Землеведение, 1896, № 1.
1433. Наливкин В. Заметки по вопросу о лесном хозяйстве в Фергане // Туркестанские ведомости. 1883, № 16.
1434. Наливкин В.П. Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания // Ежегодник Ферганской области. Т.3. Новый Маргилан, 1904; Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.
1435. Наумкин В. Ислам в России // Россия и мусульманский мир. 1994. № 11-12.
1436. Неживенко А.Р. Из истории образования всероссийского рынка (на материалах Туркестанского края) // Общественные науки в Узбекистане. 1961. № 7.
1437. Непомнин В.Я. Прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России // Известия АН Узбекской ССР. 1954. № 1.

1438. Новикова А.С., Шмидт В.В., Юсупова С.И. «Поучение о моровой язве» Патриарха Никона // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2010. № 3.
1439. О прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России // История СССР. 1959, № 5.
1440. О фабриках и заводах в Семиреченской области // Русский Туркестанский сборник. Вып.1. 1872.
1441. Образец для всего Востока. К 60-летию образования советских республик в Средней Азии // Наука и религия. 1984. № 10.
1442. Озмитель Е.Е. Религиозно-нравственное состояние переселенцев в Туркестане // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П.Остроумова. 27 ноября 2008 г., Ташкент. Сборник материалов. Ташкент, 2010. 399 с.
1443. Омелин Н.Е. История колонизации Средней Азии царской Россией // Ташкентский финансово-экономический институт. Научные записки. № 3. Ташкент, 1948.
1444. Острогоров В. Памиры и Памирский вопрос // Наблюдатель. 1894. № 6.
1445. Остроумов Н.П. Из истории мусульманского образовательного движения в XIX – XX столетиях // Мир ислама. 1913. Т.2. Вып. 5.
1446. Остроумов Н.П. Мир ислама. Его прошлое и современное положение // Мир ислама. 1912. № 2. Т.1.
1447. Остроумов Н.П. Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Февраль.
1448. Остроумов Н.П. Способны ли кочевые народы к восприятию христианской веры // Православный благовестник. 1895. № 22, 23.
1449. Остроумов Н.П. Учебный курс мадрасы // Православный благовестник. 1907. № 4,6,9.
1450. Павлов С., Рабинович М. Кокандское восстание (1873-1876 гг.) // Борьба классов. 1934. № 4.
1451. Падерин М.В. Влияние голода 1891-1892 гг. на крах реформаторского курса И.А. Вышнеградского и политику «контрреформ» в аграрной сфере // Реформы и реформаторы в истории России: к 150-летию Великих реформ. Материалы XVI Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 17-18 мая 2012 г. М.: РУДН, 2012. 659 с.
1452. Панкратова А.М. М.Н. Покровский – большевистский историк // Борьба классов. 1932. № 4.
1453. Панфилова Т. Формационный и «цивилизационный» подходы: возможности и ограниченность // Общественные науки и современность.1993. № 6.
1454. Переудина Н.В. Материалы сенаторской ревизии Туркестанского края 1908-1910 годов // История СССР. 1981. № 3.
1455. Плоских В.В. Историография миграции населения из России на территорию Кыргызстана (последняя четверть XIX – первая четверть XX вв.) // Вестник КРСУ. Бишкек, 2009. Т. 9. № 5.

1456. Погребинский А.П. Налоговая политика царизма в Средней Азии // Исторические записки. 1960, № 66.
1457. Поляков Юрий, Щербань Наталия. История и политика: суждения В.О.Ключевского // Российская история. 2013, № 2.
1458. Пономарева Т.Л. Ликвидация неграмотности среди взрослого населения Узбекистана в 20-30-х гг. XX века // Личность и время. Николай Остроумов: востоковед, просветитель эпохи. Материалы международной научной конференции, посвященной 170-летию со дня рождения русского ученого-туркестановеда, исламоведа, деятеля народного образования в Средней Азии Николая Петровича Остроумова. Ташкент, 2017.
1459. Попов А.Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм // Исторические записки. Т. 7. М., 1940.
1460. Попов А.Л. Внешняя политика самодержавия в XIX веке в «кривом зеркале» М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. Вып. 2. М.-Л., 1940.
1461. Попов А.Л. Из истории завоевания Средней Азии // Исторические записки. Т.9. М., 1940.
1462. Празаускас А.А. От Российской империи к союзу СССР // Вестник Евразии. 1996. № 1 (2).
1463. Преображенский А.А. Из истории сношений Русского государства со Средней Азией в XVII в. (два посольства торгового человека Анисима Грибова) // Исторические записки. Вып.36. М., 1951.
1464. Преображенский А.А. Российское предпринимательство XVI–XVII вв. // Отечественная история. 1998, № 6.
1465. Рабинович М. Завоевание Туркмении царскими войсками (1883-1885 гг.) // Борьба классов. 1936. № 8.
1466. Россель Ю. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке // Вестник Европы. 1878. Т. XIII. Кн. 6, 7.
1467. Румянцев П. Условия колонизации Семиречья // Вопросы колонизации. 1911
1468. Русские переселенцы в Туркестане. Ош // Туркестанский сборник. Т. 518. Ташкент, 1909.
1469. Рысина Е.П. Специально-исторические методы исследования правовой политики // История государства и права. Научно-правовое издание. 2010. № 12.
1470. Рыскулов Т. Из истории борьбы за освобождение Востока // Новый Восток. 1924. Кн.6.
1471. Сельское хозяйство в Туркестане в 1895 году // Известия министерства земледелия и государственных имуществ. 1896, № 6-7.
1472. Сергеев Е.Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX- начала XX века: новый взгляд // Российская история. 2011, № 5.
1473. Слуцкий И. Памиры в политическом отношении // Средняя Азия. Ежемесячное литературно-историческое издание. 1910, январь.

1474. Стеценко С. Г. Сальников М.В. Правовое регулирование оказания медицинской помощи в Российской империи // История государства и права. 2004, № 6.
1475. Султанов Т.И. Россия и Казахстан: история и проблемы взаимодействия (XVI – начало XX века) // Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб.1996.
1476. Тагеев Б.Л. Воспоминание о Памирском походе // Нива. 1893. № 47-50.
1477. Тагирова Л.Ф. Политика компромисса с национальной элитой как один из вариантов управления территорией Российского государства (на примере башкирского социума первой половины XIX в.) // Реформы и реформаторы в истории России: к 150-летию Великих реформ. Материалы XVI Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 17-18 мая 2012 г. М.: РУДН, 2012. 659 с.
1478. Таймасов С.У. Роль Оренбургской экспедиции в присоединении Башкирии к России (1730-е гг.) // Вопросы истории. 2008. № 2.
1479. Тен К.П. Русское население Средней Азии во второй половине XIX – начале XX вв. // История СССР. 1970. № 4.
1480. Терентьев М.А. Туркестан и туркестанцы // Вестник Европы. 1875. № 10.
1481. Терентьева Н.В. Н.А. Халфин и изучение политики России в Центральной Азии в первой половине XIX в. // Историк и его эпоха. Вторые Даниловские чтения (20-22 апреля 2009 г., г. Тюмень). Тюмень, 2009.
1482. Тихонов Б.В. Переселенческая политика царского правительства // История СССР. 1977. № 1.
1483. Торнау Н.К истории приобретений России в Азии // Журнал министерства народного просвещения. 1914, № 4 (апрель).
1484. Турсон Акбар. Исторические судьбы востоковедения. Методологическая прелюдия // Иран-наме. Научный востоковедческий журнал. 2009, № 3.
1485. Турсунбаев А. Роль русского народа в социалистическом преобразовании Казахстана // Вестник АН Казахской ССР. 1947. № 1-2.
1486. Турсунбаев А.Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950. 102 с.
1487. Ульмасов А. К вопросу о первых монополиях в Туркестане // Известия АН Узбекской ССР. Серия общественных наук. Ташкент, 1959. № 1.
1488. Уманец С. Памирский вопрос и его значение // Исторический вестник. 1892. Т. 67.
1489. Умурзаков М. Идеология ненависти и кадровая политика // Узбекистан: этнополитическая панорама. Очерки, документы, материалы. Т.1. М., 1994.
1490. Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае (1870-1906) // Исторический вестник. Сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь.
1491. Федоров Е.Г. К истории Казахстана конца XIX – начала XX в. // Большевик Казахстана. 1939. № 1.
1492. Финогентова О.Е. Развитие законодательного регулирования правового положения членов крестьянской общины и переселенческая политика в 1861-1900 гг. в России // История государства и права. 2004. № 6.

1493. Флыгин Ю.С. Власть и ислам в Туркестане. К вопросу о конфессиональной политике в Туркестанском крае (1867-1917) // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П.Остроумова. 27 ноября 2008 г., Ташкент. Сборник материалов. Ташкент: Изд. Среднеазиатской епархии, 2010. 399 с.
1494. Хакен Г. Можем ли мы применять синергетику в науках о человеке? // Синергетика и психология. Вып. 2. Социальные процессы. М., 2000.
1495. Халфин Н.А. О движущих мотивах политики царизма в Средней Азии (60-70-е гг. XIX в.) // История СССР. 1972. № 4.
1496. Халфин Н.А. О присоединении Средней Азии к России и его значении // История СССР. 1959, № 2.
1497. Хидоятов Г.А. Россия и Средняя Азия во второй половине XIX в. // Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. Ч. 1-2. Труды исторического факультета ТашГУ. Ташкент, 1969. Ч. 1.-158 с.; Ч.2.-125 с.
1498. Цымбурский Вадим. Дважды рожденная «Евразия» и геостратегические циклы России // Вестник Евразии. Независимый научный журнал. 2003. № 4 (23).
1499. Шавров Н.Н. О среднеазиатских породах шелковичного червя // Туркестанское сельское хозяйство. 1907. № 6-8.
1500. Шадманова С.Б. Деятельность медицинских работников и краевая эпидемиология в Узбекистане (конец XIX – 50 годы XX вв. // Личность и время. Николай Остроумов: востоковед, просветитель, летописец эпохи. Материалы Международной научной конференции, посвященной 170-летию со дня рождения русского ученого-туркестановеда, исламоведа, деятеля народного образования в Средней Азии Николая Петровича Остроумова. Ташкент, 2017. 322 с.
1501. Шадманова С.Б. Изучение русского языка в конце XIX – начале XX в. в Туркестане // Вторая научная конференция памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, просветителей славянских // Просвещение – Православие – Восток. 22 мая 2009 г., Ташкент. Сборник материалов. Ташкент, 2010. 187 с.
1502. Шелководство в Ферганской области // Ежегодник Ферганской области. Т. I. Новый Маргелан, 1902.
1503. Шелухин А.Ю. Разведывательные органы в структуре высшего военного управления Российской империи начала XX в. (19061914 гг.) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1996. № 3.
1504. Шеманский А.Д. Завоевание Средней Азии // История русской армии и флота. М., 1913.
1505. Шестопал Е.Б. Мировая политология в российском контексте // Политическая наука: новые направления. Сб. ст-ей. Пер. с англ. М., 1999.814 с.
1506. Шмидт Р.З. Об эволюции ремесла в Туркестанском крае в связи с проведением Среднеазиатской железной дороги // Известия АН Узбекской ССР. Серия общественных наук. Ташкент, 1969. № 2.

1507. ШозимовПулат. Различные восприятия национального государства элитами Таджикистана // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет? Материалы международного «круглого стола» (г. Алматы, 30 ноября 2007 г.) Алматы, 2008. 296 с.
1508. Шоинбаев Т. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России // Коммунист Казахстана. 1954. № 8.
1509. Шоинбаев Т. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1973. 244 с.
1510. Южаков Ю.Д. Итоги 27-летнего управления Туркестанским краем // Русский вестник. 1891. Июль. Т. 215. Август. 216.
1511. Юнгхезбанд. Извлечение из отчета о путешествии капитана Юнхезбанда по Памирам и сопредельным странам // Сборник материалов по Азии. Вып. 50. СПб., 1892. 245 с.
1512. Яковлев В.А. Сравнительные заметки о преобразованиях в Туркестане и в Советской Средней Азии // Кентавр. Историко-политический журнал. 1993. № 2.
1513. Ярославский Е.М. Критика ошибок и извращений «школы Покровского» // Советская наука. 1939. № 9-10.
1514. Яшнов Е. Колонизация Туркестана в последние годы // Вопросы колонизации. 1915. № 18.

Литература на иностранных языках

1515. BaconE.E. CentralAsiaunderRussianRule. A study of Cultural Change. N-Y: Comell univ. press, 1966. 273 pp.
1516. Becker S. Russian protectorates in Central Asia. Bukhara and Khiva. 1865-1924. Harward Univ. Press, 1968. 416 pp.
1517. Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay C. Islam in the Soviet Union. London: Pall Mall Press, 1967. 275 pp.
1518. Bonvalot Gabriel. Throught the Heart of Asia over the Pamirs to India. In 2 Vols. London, 1889. 281 pp.
1519. Boulger D.C. Central Asian portraits. The celebrities of the Khanates and the neigbouring states. London, 1880. 310 pp.
1520. Brower D. Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London, 2003. 213 pp.
1521. Central Asia. 130 years of Russian Dominance. A historical overview. Ed. by E.A. Allworth. London, 1994. 647 pp.
1522. Central Asia. A century of Russian rule. Ed. by E. Allworth. N-Y-London: Columbia University Press, 1967. 552 pp.
1523. Chinese Tartary and Russian Central Asia. Vol. 2. London: Murray, 1893. 365 pp.
1524. Cobbold Ralph P. Innermost Asia. Travel and Sport in the Pamirs. London, 1900. 346 pp.
1525. Colquhoun A. Russia against India. The struggle for Asia. London: Harper and Brothers, 1900. 272 pp.

1526. Crews R. For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA; London: Harvard University Press. 2006. 463 pp.
1527. Curtis William Eleroy. Turkestan «The Heart of Asia». New York, 1911.
1528. Curzon George N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question. London: Longmans, Green and Co., 1889. 565 pp.
1529. Curzon George N. The Pamirs and the source of the Oxus. London, 1896. 83 pp.
1530. D' Ancausse H. C. Islam and the Russian Empire. Reform and Revolution in Central Asia. London: Tauris, Cop., 1988. 267 pp.
1531. Deasy H.H.P. In Tibet and Chinese Turkestan. Being the record of three years of exploration. London, 1901. 420 pp.
1532. Dobson George. Russia's railway advance into Central Asia. Notes of a journey from St. Peterburg to Samarkand. London: W.H. Allen & Co., 1890. 439 pp.
1533. Dunmore. The Pamirs: Being a narrative of a year's expedition on horseback and on foot throught Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia. In 2 Vols. London: Murray, 1893. 420 pp.
1534. Edwardes Michael. Playing the Great Game. A Victorian cold war. London, 1975. 167 pp.
1535. Etherton P.T. In the heart of Asia. London: Constable and company LTD, 1925. 316 pp.
1536. Geiss P.G. Pre-Tsarist and Tsarist Central Asia: Communal Commitment and Political Order in Change. London; NY: Routledge Curzon. 2003. 320 pp.
1537. Gillard D. The struggle for Asia. A study in British and Russian imperialism. London, 1977. 214 pp.
1538. Gladstone W.E. Bulgarian Horrors and Russia in Turkistan with her tracts. Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1876. 272 pp.
1539. Gordon T.E. The roof of the world. Being the narrative of a journey over the high plateau of Tibet to the Russian frontiers and the Oxus sources on Pamir. Edinburgh: Edmonston and Douglas, 1876. 172 pp.
1540. Gundry R.S. China and her neigbours. France in Indo-China, Russia and China, India and Tibet. London: Chapman and Hall, 1893. 408 pp.
1541. Habberton William. Anglo-Russian relations concerning Afghanistan. 1837-1907. Univ. of Illinois at Urbana, 1937. 102 pp.
1542. Haldsworth M. Turkestan in the Nineteenth Centure. A brief of history of the Khanates of Bukhara, Kokand and Khiva. London, 1959.
1543. Hedin Sven. My life as an explorer. N-Y: Cassell and Co. 1925. 508 pp.
1544. Irving T. The world of Islam. Brattleboro, Vermont. 1984. 200 pp.
1545. Krauder L. Peoples of Central Asia. Bloomington: Indiana Univ., 1963. 277 pp.
1546. Krausse A. Russia in Asia. A record and study. 1558-1899. London: Henry Holt and Company, 1900. 455 pp.
1547. Lansdell Henry D.D. Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. In 2 Vols. London: Sampson Low, Marston, Searle and Rivington, 1885. 736 pp.

1548. Lattimore Owen. Pivot of Asia. Sinkiang and the Inner Asia frontiers of China and Russia. Boston: Beacon Press, 1950. 288 pp.
1549. Mackenzie David. The Lion of Tashkent. The Career of general M.G. Cheniaev. Univ. of Georgia Press. Athens, 1974. 267 pp.
1550. Meakin A. In Russian Turkestan. A garden of Asia and its people. London: Charing Cross Road, 1903. 453 pp.
1551. Morrison A. Russian Rule in Turkestan and the Example of British India. 1860-1917. // Slavonic and East European Review. 2006. Vol. 84. № 4.
1552. Olufsen O. Thgrough the unknown Pamir. The Second Danish expedition. 1898-1899. London: Heinemann, 1904. 238 pp.
1553. Pierse Richard A. Russian Central Asia. A Study of colonial Rule. Los Angeles: Univ of California Press, 1960. 366 pp.
1554. Rawlinson H. England and Russia in the East. A series of papers on the political and geographical condition of Central Asia. London, 1875. 487 pp.
1555. Report of the Mirza's exploration from Caubul to Kashgar. Be Major J.G. Montgomerie // The Journal of the Royal Geographical Society. Vol.41. London, 1871.
1556. Ronaldshaw E. On the outskirts of Empire in Asia. Edinburg and London, 1904. 448 pp.
1557. Schuyler Eugene. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. In 2 Vols. London, 1876.
1558. Shahrani Nazif Mohib M. The Kirgiz and Wakhi of Afghanistan. Adaptation to closed frontiers. University of Washington press, Seattle and London, 1979. 304 pp.
1559. Shirin Akiner. Islamic Peoples of the Soviet Union. London, Boston, Melbourne and Henley, 1983. 462 pp.
1560. Skrine F.G and Ross E.D. The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest times. London, 1899. 444 pp.
1561. Sokol D. The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore: Johns Hopkins Univ Press, 1954. 188 pp.
1562. Strong A.L. The Road to the Grey Pamir. Boston: Little, Brown and Company, 1931. 289 pp.
1563. The Cambridge History of Islam. Vol.1. The Central Islamic lands. Cambridge Univ. Press, 1970. 544 pp.
1564. The modern Encyclopaedia of Religion in Russia and the Soviet Union. In 2 Vols. Academic International Press, 1988. 7 p.
1565. The Proceedings of the Pamir Boundary Comission // The Geographical journal. January 1899. Vol. XIII, № 1.
1566. The Russians in Central Asia. Their occupation of the Kirghis Steppe and the line of the Syr-Daria. Their political relations with Khiva, Bokhara and Kokan. Ed. by John and Robert Michell. London, 1865. 584 pp.
1567. Weinerman E. The Polemics between Moscow and Central Asians on the Decline of Central Asia and Tsarist Russian's Role in the History of the Region // Slavonic and East European Review. 1993. Vol. 71. № 3.
1568. Younghusband F. The Heart of continent. London: John Murray, 1897. 409 pp.

Учебная и учебно-методическая литература

1569. Абдакимов А. История Казахстана. Алматы: РИК, 1994. 235 с.
1570. Артыкбаев Ж.О. История Казахстана. Астана: Алтын китап, 1999. 44 с.
1571. Артыкбаев Ж.О., Сабданбекова А.А., Абиль Е.А. Рассказы по истории Казахстана. Алматы: Атамура, 2010. 208 с.
1572. Бакина Н.С. История средневекового Казахстана. Алматы: Атамура, 2012. 224 с.
1573. Васильев Л.С. История религий Востока. М.: КДУ, 2000. 368 с.
1574. Воропаева В., Джунушалиев Д., Плоских В. История Отечества. Бишкек: КРСУ, 2006. 67 с.
1575. Воропаева В.А., Данильченко Г.Д., Озмитель В.М., Харченко Н.А. Культурология. Учебник для вузов. Бишкек: Раритет Инфо, 2009. 360 с.
1576. Дворниченко А.Ю., Тот Ю.В., Ходяков М.В. История России. Учебник для вузов. М.: Проспект, 2007. 469 с.
1577. Заболотный В.М. История, география и культура англоязычных стран. М.: Университетская книга, 2011. 550 с.
1578. Зозуля Т. История Казахстана. Справочник школьника. Алматы, 2006. 424 с.
1579. История кыргызов и Кыргызстана: Учебник для вузов. Бишкек: Илим, 2000. 329 с.
1580. История политических и правовых учений. Учебник для вузов. Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 2001. 944 с.
1581. Козьменко В.М. История России: Учебник для вузов. М: РУДН, 1999. 647 с.
1582. Кохановский В. П. Философия и методология науки: Учебник для высших учебных заведений. Ростов н/Д.: «Феникс», 1999. 576 с.
1583. Кузембайулы Аманжол, Абиль Еркин. История Казахстана. Учебник для вузов. Астана: Фолиант, 1999. 422 с.
1584. Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История России: Учебник для вузов. М.: Норма, 2008. 768 с.
1585. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России: Учебник для вузов. М.: Проспект, 2006. 528 с.
1586. Осколков В.С., Осколкова И.Л. История Казахстана. Алматы, 2004.
1587. Осмонов О. Дж. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней). Учебник для высших учебных заведений. Бишкек: Мезгил, 2008. 364 с.
1588. Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. – начало XVII в. М. АН СССР, 1955. 960 с.
1589. Плоских В.М., Джунушалиев Д.Д. История кыргызов и Кыргызстана. Учебник для вузов. Бишкек, 2009. 287 с.

1590. Фармонов Г., Садыков А. Всемирная история. Новая история XVII–XIX вв. Учебное пособие. Ташкент, 2003.160 с.
1591. Федоров В.А., Моряков В.И., Щетинов Ю.А. История России с древнейших времен до наших дней. Учебник для вузов. М., 2010. 536 с.
1592. Чумаченко Э.Г. История России. 12 веков (IX–XX). Учебное пособие. М., 2002. 510 с.

Приложения

Приложение № 1. О специфике деятельности «туземного» самоуправления в Туркестанском крае

«99. На волостного управителя возлагаются: приведение в исполнение судебных решений и правительственных распоряжений обязанность иметь список числа домов в сельских обществах следить за прибылью и убылью населения наблюдать за своевременным поступлением всех сборов и исполнением повинностей и надзирать за тем, чтобы в обществах не было неразрешенных сборов и неустановленных повинностей.

100. Ведению волостного съезда подлежат: избрание народных судей и назначение, и раскладка общественных сборов и повинностей, относящихся до нескольких сельских обществ.

101. На обязанности сельского старшины лежат: созыв частных сходов в селениях для выбора уполномоченных, которые должны производить раскладку податей в селениях, присутствие на означенных сходах для наблюдения за порядком, но без вмешательство в самое направление выборов, сбор с населения всех податей и повинностей, выдача в получении денег квитанций и представление собранных сумм в казначейство.

102. Жалобы на неправильные действия волостного управителя и сельского старшины по наложению взысканий на подведомственные им лица приносятся уездному начальнику.

103. Волостной управитель, сельский старшина и помощники старшины, в случае неисправного исполнения своих обязанностей или замеченных с их стороны злоупотреблений, удаляются от должности: волостной управитель – военным губернатором, а сельский старшина и его помощники – уездным начальником. По уважительным причинам уездный начальник имеет право временно отстранять от исполнения обязанностей волостного управителя, с донесением о том немедленно военному губернатору.

104. За важные проступки и преступления по должности волостные управители, сельские старшины и помощники старшины предаются суду областным правлением.

105. За маловажные проступки по должности волостные управители, сельские старшины и помощники старшины подвергаются, по распоряжению уездного начальника, замечаниям, выговорам, денежному взысканию не свыше пятнадцати рублей и аресту не свыше семи дней; а по распоряжению участкового пристава – денежному взысканию не свыше пяти рублей и аресту не свыше трех дней. Взысканные на сем основании деньги поступают в особый капитал на усиление средств для устройства мест заключения в крае.

106. За усердную службу должностные лица общественного управления туземцев могут быть награждаемы по усмотрению генерал-губернатора почетными халатами или денежными выдачами из экстраординарной суммы, ассигнуемой в его распоряжение.

107. Заведование главными оросительными каналами (арыками) возлагается на арык-аксакалов, а заведование побочными арыками – на мирабов. Арык-аксакалы назначаются военным губернатором, который определяет им и размер содержания из общественных сумм, не выше содержания волостного управителя, а мирабы – по избранию сельских сходов. Взыскание и выдача содержания арык-аксакалам производится порядком, установленным для должностных лиц местного сельского управления; назначение же и выдача содержания мирабам зависит от усмотрения обществ.

Примечание. Права и обязанности уездных начальников, арык-аксакалов и мирабов по заведыванию ирригацией определяются инструкцией, утверждаемой генерал-губернатором»[1078].

Приложение № 2. Об изъятиях из ведения народных судов Туркестанского края

«141. Лица, принадлежащие к туземному населению, привлекаются к ответственности на общем основании за нижеследующие преступления: 1) против веры христианской; 2) государственные; против порядка управления; 4) по службе государственной и общественной; 5) против постановлений о повинностях государственных и земских; 6) против имущества и доходов казны; 7) против общественного благоустройства и благочиния: а) нарушения Устава Карантинного, б) нарушения постановлений против повальных и прилипчивых болезней и в) нарушения правил, установленных на случай скотских падежей; 8) против общественного спокойствия и порядка: а) составление злонамеренных шаек и притоносодержательство, б) лживые доносы и лжесвидетельство по делам, судимым по законам Империи, в) укрывательство беглых, г) порча телеграфов и дорог; 9) против закона о состояниях; 10) против жизни, здравия, свободы и чести: а) убийство, б) нанесение ран и побоев, последствием которых была смерть, в) изнасилование, г) противозаконное задержание и заключение; 11) против собственности: а) насильственное завладение чужим недвижимым имуществом и истребление граничных меж и знаков, б) поджог и вообще умышленное истребление чужого имущества, в) разбой и грабеж, г) похищение казенного имущества и подлоги русских документов.

142. Дела о преступлениях и проступках, хотя и не принадлежащих к перечисленным в статье 141, но совершенных туземцами относительно русских, а равно в пределах русских поселений, ведаются судебными установлениями на общем основании и не подлежат разбирательству народных судов.

143. Гражданские споры и иски между туземцами и лицами, не принадлежащими к туземному населению, а также дела между туземцами

[1078] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т.6. СПб., 1888. № 3814. С. 327-328.

различных народностей, имеющими отдельные народные суды, а также по искам, основанным на актах, совершенных при участии русских властей, ведаются мировыми судьями и областными судами на общем основании»[1079].

Приложение № 3. П.А. Столыпин о народных судах кочевого населения

«Что касается народного суда, то в виду его полной непригодности, засвидетельствованной лицами, близко знакомыми с бытом киргиз, мог бы возникнуть вопрос о совершенном упразднении этого института и о замене его судом коронным. Однако такое решение в настоящее время представлялось бы невыполнимым, как по недостатку лиц, могущих отправлять функцию мировых судей в среде населения, крайне отличающегося своим бытом и воззрениями от прочего населения империи, так и вследствие того, что введение коронного суда потребовало бы чрезвычайных финансовых жертв со стороны государственного казначейства, едва ли допустимого по условиям настоящего времени. Наконец, совершенное упразднение народного суда было бы крайне болезненно для киргиз, не знающих никаких иных правовых норм, кроме своего обычая, почему крутая ломка правовых воззрений, без соблюдения в этом случае известной постепенности, не только не улучшила бы отправление правосудия в киргизских степях, но, несомненно, создала бы в их умах полную спутанность правовых понятий, столь пагубных для гражданского правосознания народа. Таким образом, временное сохранение народного суда представляется не только неизбежным, но и практически необходимым, однако, при том непременном условии, если из нынешней его конструкции будут устранены все те недостатки, кои делали этот институт лицеприятным и подкупным. В этих видах народный суд должен быть, прежде всего, поставлен совершенно самостоятельно, вне всякой зависимости от волостной администрации, а это может быть достигнуто лишь при условии избрания судей не волостным съездом, а аульным. Затем, суд должен быть коллегиальный, в виде волостного (российского крестьянского суда – И.В.); вторую его инстанцию (апелляционную) должны составлять те же судьи, в виде участкового съезда, под председательством крестьянского начальника и, наконец, последнюю инстанцию – кассационную – должен составлять уездный съезд крестьянских начальников. Подсудность для всех дел должна быть общая, почему нарушающие ныне этот порядок чрезвычайные съезды подлежат упразднению. Все решения суда первой инстанции должны считаться неокончательными, дабы дать возможность каждому искать правосудия в следующей инстанции; что же касается второй инстанции, то во избежание вредной медленности в судопроизводстве решения ее должны почитаться окончательными и могут быть обжалованы лишь в кассационном порядке, однако и здесь в видах лучшей постановки правосудия поводы кассации должны быть расширены. Затем, для уничтожения какой бы то ни было зависимости судей от избирателей и для уничтожения заинтересованности их в

[1079] Там же. С. 330.

материальных выгодах процесса, бийлык надлежит упразднить, а вознаграждение судей сделать вполне определенным и отнести на счет сумм земского сбора. Преобразованный на изъясненных началах суд, несомненно, освободился бы от многих присущих ему в настоящее время недостатков и, войдя в тесное деловое общение с русскими правительственными установлениями, стал бы постепенно заимствовать из них гуманные начала общеимперского законодательства. Разумное руководительство участковыми съездами судей со стороны председательствующих в них русских членов и неослабное наблюдение уездных съездов крестьянских начальников в пределах кассационного рассмотрения, за отправлением народными судьями правосудия заставит их, а с ними и все туземное население уважать и соблюдать обязательные для них предписания русских законов, укоренит в них убеждение, что они не представляют собой замкнутого мусульманского мира, а входят в состав единой Русской державы и обязаны жить одной с ней жизнью и общими с ней интересами»[1080].

Приложение № 4. «Правила для взаимных отношений гражданскихи военных властей»

(Извлечения из «Общего учреждения губернского»)

«Статья 406. Порядок сношений губернаторов с военными властями определяется приложенными при сем Правилами для взаимных отношений гражданских и военных властей.

Приложение к статье 406: «Правила для взаимных отношений гражданских и военных властей»

Статья 1. Генерал-Губернатор как Главный Начальник гражданской части во вверенном ему крае и Командующий войсками как Главный Начальник войск в Округе пользуются равными правами, каждый по своей части.

Статья 2. На всех торжественных и публичных собраниях, церковных и других церемониях, не имеющих исключительно военного характера, первое место и все соответствующие почести принадлежат Генерал-Губернатору; при войсках же, на смотрах, парадах и тому подобных случаях первое место принадлежит командующему войсками и в присутствии сего последнего при фронте, войска Генерал-Губернатору чести не отдают. В отсутствие же Командующего войсками Генерал-Губернатору отдаются воинские почести по чину.

Статья 4. В торжественных собраниях, устраиваемых

[1080] Цит.по: Салиев А.Л. Очерки истории судебной политики в кочевых регионах Туркестана (по архивным, правовым и иным материалам): монография. КРСУ; Отв. Ред. П.П. Литвинов. Бишкек, 2014. С. 384-385.

правительственными учреждениями, где Генерал-Губернатору и высшим чинам гражданской администрации предоставляются особые почетные места, такое же место должно быть предоставлено и Командующему войсками.

Статья 11. В месте пребывания командующего войсками, где не находится Генерал-Губернатор, первое место при всякого рода торжественных собраниях и церемониях принадлежит Командующему войсками».

Приводится по: Свод законов об обязанностях полиции. Извлечения из действующего Свода Законов Российской Империи законоположений, необходимых для чинов полиции, со всеми дополнениями по Продолжениям к Своду и позднейшим узаконениям, а также с разъяснениями по решениям Правительствующего Сената и Министерским циркулярам. СПб., 1909. С. 210-212.

Приложение № 5. Современный таджикский историк о значении присоединения Средней Азии к России

«Несмотря на кровавую и колониальную политику царизма, присоединение Средней Азии к России играло прогрессивную роль, т.к. оно внесло в социально-экономическую жизнь народов ряд изменений прогрессивного характера. Во-первых, ускорился распад (разложение) патриархально- феодальных отношений. Во-вторых, усилились новые формы товарно-денежных отношений в экономике края, ускоренными темпами развиваются элементы капиталистического взаимоотношения. (Так в тексте – И.В.) Все это привело к усилению и углублению классовой дифференциации как в городе, так и на селе, усилению классовой борьбы, к осложнению политической обстановки края. Зарождается новый рабочий человек и класс. С другой стороны, присоединение к России избавило народы края от захватнических притязаний английских колонизаторов, афганских и персидских шахов. Границы были закрыты, стали неприступными и охранялись русской армией. Были ликвидированы междоусобные войны феодалов, грабежи, ликвидировано рабство. В Средней Азии стала распространяться русская культура, наука и техника, а вместе с ними идеи русских социал-демократов, а также марксизм. (выд. Ахмедовым – И.В.) Появились первые революционные кружки, марксистская литература. Созданы предпосылки для союза русских рабочих, крестьянства и передовой интеллигенции»[1081].

Приложение № 6. О праве туркестанских генерал-губернаторов обходить нормы общегосударственного законодательства

«Туркестанскому генерал-губернатору предоставляется право принимать в русское подданство иностранцев из азиатцев…не останавливаясь при этом на соблюдении тех формальностей, установленных общим законом, которые он

[1081] Ахмедов Рустам. Материалы по истории таджикского народа. Душанбе, 2004. С. 91.

считает неприменимыми к местным условиям».

Цит. по: ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1367 – О принятии в русское подданство иностранцев-азиатцев – Из письма Азиатской части Главного штаба туркестанскому генерал-губернатору С.М. Духовскому от 12 января 1899 года. Л. 2.

Приложение № 7. Туркестанский генерал-губернатор К.П.Кауфман о мусульманах среднеазиатских ханств

«Оседлые жители Зеравшана и Ферганы - строгие мусульмане; понятия, верования, обряды, обычаи, словом, вся жизнь оседлого среднеазиатца сложились под всесторонним и сильным влиянием магометанства, так сказать, пропитана духом, началами и идеями поклонников пророка. Это народ подневольный, раболепный, воспитанный затворницами – рабынями и живущий под страхом произвола власти и бдительным всюду проникающим надзором шариата…Кочевники – номинально мусульмане и кроме нескольких наименований, восклицаний, двух-трех молитв, нескольких обрядов ничего общего с мусульманами не имеют; верования, понятия, идеалы, обычаи, обряды языческие, кочевые, вольные, но не магометанские. Это степная вольница, случайно встречающая в степи власть и стесняемая только отсутствием корма и воды».

Цит. по: Архив СПб Ф ИВ РАН. Ф. 33. Оп.1. Д. 264 – Материалы, касающиеся преобразования управления Туркестанским краем. Л. 111.

Приложение № 8. Об административном управлении Туркестанским краем в 1867- 1882 гг.

«Ревизия Гирса застала в Туркестане четыре действовавших Временных Положения , из коих ни одно не было утверждено в законодательном порядке, а именно: 1) Сыр-дарьинская область управлялась на основании Положения 11 июля 1867 года; 2) в Зеравшанском округе действовали Временные Правила, утвержденные генерал-адъютантом Кауфманом 29 июня 1868 года, дополненные последующими распоряжениями; 3) Аму-дарьинский отдел был организован на основании утвержденного генерал-губернатором 21 мая 1874 г. Временного о нем Положения, причем участковым начальникам постановлено в обязанность руководствоваться Правилами для Уездных Начальников, установленными Положением 1867 года; поземельное же устройство Отдела организовано на основании проекта управления краем 1873 года, представленного на рассмотрение Министерств и ими не одобренного; 4) Ферганская область в административном, поземельном и податном отношениях была устроена на основании проекта 1873 года, а судебная часть- на основании Положения Степной Комиссии 1867 года».

Цит. по: РГИА, Ф. 1396, Оп.1, Д. 3 – Дополнения к историческому очерку административного устройства Туркестанского края, составленному Н.И. Денисевичем, Л. 14об).

Приложение № 9. Туркестанский генерал-губернатор о настроениях и положении среди кочевников края в начале XX века

«Наибольшее число участников майских беспорядков в Ферганской области дало именно киргизское население. Киргизы (так называли ранее всех кочевников Туркестана, кроме туркмен – И.В.) довольно сильно реагировали на противоправительственную агитацию при первом и втором созыве Государственной Думы, избрав представителей, примкнувших к оппозиционным группам…Вообще, по законопослушности и надежности киргизы значительно уступают сартам…В среде киргиз – кочевников никаких прочно установившихся юридических обычаев не оказалось и с заменой патриархального суда старейшин вновь учрежденным выборным народным судом, власть которого в гражданском процессе ничем не ограничена, а в уголовном доходит до права заключения в тюрьму на полтора года, киргизы оказались в бесконтрольном подчинении у далеко не лучших, при сильном развитии подкупа во время выборов в общественные должности, но влиятельных лиц из своей среды. Последние захватили в свои руки и землю, отведенную в общественное пользование кочевников и народный суд…Судьи выражают волю тех, кем они были проведены на судейские должности».

Цит. по: ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1196 – Всеподданнейший доклад туркестанского генерал-губернатора Самсонова о положении в Туркестанском крае в 1909 году. Л. 6, 25.

Приложение № 10. Туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов о «старометодной» мусульманской школе в крае

«Школы эти предоставлены самим себе, оставлены без всякого за ними правительственного надзора. В них царит мертвящая рутина, питающая юные умы нелепой религиозной схоластикой. Юношество получает в них превратное представление о мире и его явлениях, но зато ревностно изучает Коран и комментарии к нему- шариат- под руководством фанатичных мулл и в результате являются послушным орудием в их руках, теми «шегидами», которые, не рассуждая идут за проповедниками ислама на смерть…Фанатики-муллы внушают умышленно им ложное представление о наших государственных началах, ненависть к русской власти и русскому народу, вселяя нелепые идеи о будущем великом мусульманском государстве тюрков».

Цит. по: Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917. (По архивным материалам). Елец: ЕГПИ, 1998. С. 115.

Приложение № 11. «Туркестанское положение» 1886 г. о народных судьях

«На каждую должность судьи выбирается два кандидата. Утверждение одного из них в должности судьи, а другого кандидатом к нему зависит от губернатора, который, в случае неутверждения означенных лиц, назначает новые выборы. В случае отсутствия, болезни или смерти судьи, в исправление его должности вступает, с разрешения губернатора, кандидат в судьи».

Цит. по: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета «Положение об управлении Туркестанским краем». 12 июня 1886 года. // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. Статья 225-я. С. 336.

Приложение № 12. Академик В.М. Плоских о присоединенииСредней Азии к России

«Анализ многочисленных архивных источников свидетельствует, что включение в состав Российской империи все новых и новых территорий на Востоке не сопровождалось установкой на ассимиляцию, изменение жизни, религии и языка новых подданных. Царскому правительству было выгодно представлять империю как страну, где мирно уживаются многочисленные племена, сохраняются их вера и языки, населению предоставляется культурная и религиозная самостоятельность, а национальная элита привлекается на государственную службу».

Цит. по: В.Плоских, академик. Предисловие // Кыргызстан-Россия. История взаимоотношений (XVIII – XIX вв.). Сборник документов и материалов. Бишкек, Наука, 1998. С. 26.

Приложение № 13. О режиме в Кокандском ханстве перед его падением

«Худояр-хан приказывал их (подданных – И.В.) резать не сотнями, а тысячами и обратил Коканд в обширную лобную площадь, на которой ежеминутно умерщвляли без всякого суда…Худояр-хан дает полную волю своим деспотическим устремлениям. Он не задумывается в выборе средств для достижения своей цели, не останавливается ни перед насилием и обманом, ни перед убийством и жестоким преследованием, противодействий не терпит и держит своих подданных в постоянном страхе. Вся же цель его заключается в одном- наживе, наполнить свою казну за счет подданных. Обладая при этом чрезвычайно трусливым характером, он верит доносам, покровительствует партии и дает палачам много тысяч (людей) для их деятельности. Алчность, зависть к благосостоянию других, подлая хитрость, безграничная жестокость и страшная подозрительность - суть главные характерные (не самые лестные) черты Худояр-хана, настоящего владетеля Коканда».

Приводится по: Донесение (от 31 июля 1873 г.) заведующего

дипломатической частью Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора Н.П. Стремоухова туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману о восстании в Кокандском ханстве и о положении дел на землях генерал-губернаторства, пограничных с Кокандом // Кыргызстан – Россия. История взаимоотношений (XVIII – XIX вв.). Сборник документов и материалов. Бишкек, Наука, 1998. С. 326, 327.

Приложение № 14. В.П. Наливкин о Русском Туркестане

а) О «туземной администрации»

«В течение первых десяти лет после завоевания Ташкента мы успели своими руками создать многочисленную клику так называемых «влиятельных» или «почетных» туземцев, клику бюрократической (среди туземной администрации) и финансовой (главным образом среди подрядчиков) вновь испеченной аристократии, неудавшей шушеры, включительно до мелких лавочников, арбакешей (извозчиков) и конюхов, одетых в почетные халаты и увешанных медалями. Мы своими руками неустанно утолщали эту живую стену, уже стоявшую между нами и народной жизнью; мы искусственно плодили клику мошенников, нагло обворовывавших народ и столь же нагло обманывавших нашу подслеповатую, глухую, немую и не совсем чистую на руку администрацию, мошенников, ловко отводивших глаза этой администрации от всего того, что ей следовало бы видеть и знать».

Цит. по: Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. С. 73.

б) Об отношении «туземцев» к смене административной модели в Туркестанском крае

«Наименьшее впечатление, по-видимому, произвело на туземцев устройство нашего административно-полицейского (или как раньше называли военного народного) управления, ибо, во-первых, территориальное деление областей на уезды и волости в большинстве случаев совпадало с таким же приблизительно делением ханского времени, а, во-вторых, это новое административное устройство, по крайней мере, на первое время, и по существу имело много общего с прошлым, так как главнейшие функции уездного начальника были очень близки к функциям ханского хакима (или бека), вследствие чего туземцы преемственно стали называть и до сего времени называют уездных начальников хакимами».

Цит. по: Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. С. 78.